

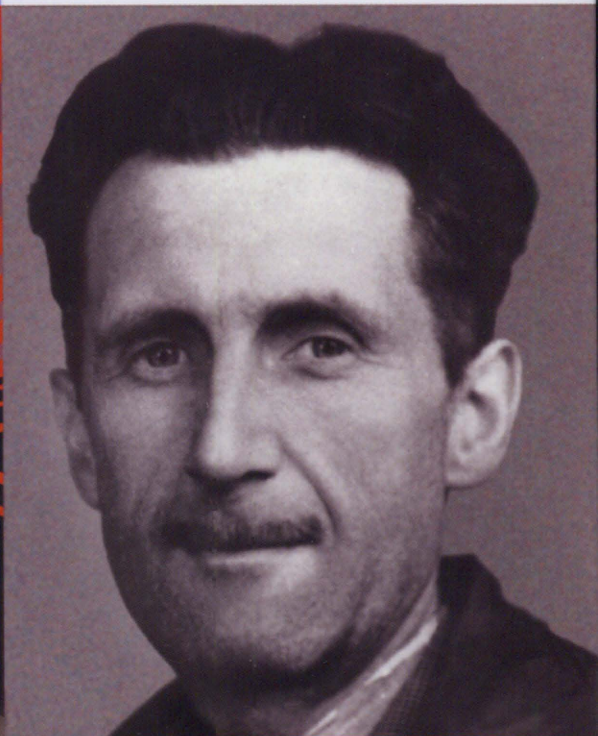
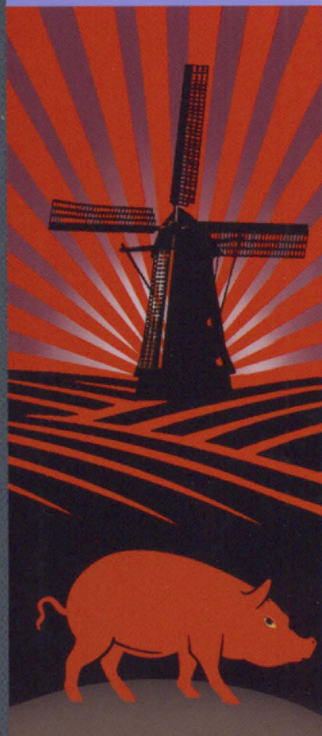
Ю. Фельштинский
Г. Чернябский

ОРУЭЛ

ЖЗЛ

ОРУЭЛ

Юрий
Фельштинский
Георгий
Чернябский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1973

(1773)

Юрий Фельштинский
Георгий Чернябский

ОРУЭЛ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 821.111.0(092)
ББК 83.3(4Вел)
Ф 39

знак информационной продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04244-5

© Фельштинский Ю. Г., 2019
© Чернявский Г. И., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мир управляется гордостью и стремлением к само-реализации», — говорится в очерке Дмитрия Быкова об А. П. Чехове¹. Примерно то же можно было бы сказать об английском писателе и мыслителе, беспощадном критике действительности, горячо любившем и в то же время ненавидевшем окружающий мир, о страстном разоблачителе тоталитарных систем и их властителей Джордже Оруэлле, чье творчество до последних лет его жизни было известно сравнительно немногим. Оруэлл прославился только незадолго до смерти, когда британскому, а затем и иностранному читателю стали широко известны повесть-притча «Скотный двор» («Ферма животных»), а затем роман-утопия (или антиутопия*, как предпочитают формулировать некоторые литературоведы) «1984»**.

Популярность этих произведений была связана с тем, что они вроде бы имели объектом сталинский Советский Союз, но оказалось, что в разной степени и в разнообразных проявлениях свиное рыло тоталитаризма (среди персонажей повести-притчи были свиньи) и «Большой Брат» из романа-утопии вторгались в жизнь людей и в так называемых демократических странах. По крайней мере именно

* Мы никак не можем согласиться с самим понятием «антиутопия», так как введением этого термина его изобретатели превращают утопию в нечто имеющее только позитивный смысл, что явно не соответствует действительности.

** Сам автор называл свой роман исключительно словами — «Nineteen Eighty-Four» («Тысяча девятьсот восемьдесят четыре»); но поскольку и большинство западных, и абсолютно все российские его издания озаглавлены «1984» и то же название употребляется в справочной литературе, мы также вынуждены использовать его везде, за исключением цитат, где встречается иное написание.

так смотрел на свои книги автор, что породило его с читателями во всём мире и сделало его книги вечно злободневными.

Лишь спустя годы после кончины Оруэлла, когда он получил широкую известность, проявился читательский интерес к его более ранним художественным произведениям, публицистике, документам, письмам. Появились биографии писателя и монографии о его политических и художественных взглядах. В небольшой статье 1947 года «Почему я пишу» Оруэлл выделял несколько побудительных мотивов своего творчества, но первым назвал «чистый эгоизм»; остальными тремя являлись эстетический экстаз, исторический импульс, политическая цель. Ни одна книга, полагал Оруэлл, не может быть свободна от политической тенденции; мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, — само по себе политическая позиция².

Пожалуй, не было биографов, которые не утверждали бы, что жизнь героя книги надо показывать такой, какова она была на самом деле. Увы, во многих случаях это пустые декларации. В полной мере это относится и к жизнеописаниям героя нашей книги. Изданий, откровенно враждебных в отношении Оруэлла, мало, но они есть³. В то же время большинство авторов представляли читателю явно идеализированный портрет Оруэлла, подбирая те факты, которые вписывались в их концепцию. Тем не менее среди опубликованных на английском языке четырех с половиной десятков книг об Оруэлле (а с учетом изданий его произведений с подробными комментариями их гораздо больше) имеется некоторое число добротных работ.

Особенно выделяются фундаментальные книги Бернарда Крика и Майкла Шелдена⁴. Заслуга первого состояла в том, что он впервые привлек для изучения жизненного пути Оруэлла материалы его архива, прежде всего объемистую переписку (вдова писателя Соня Блэр предоставила Крику исключительное право на использование архива). В 2008 году один из авторов трудов об Оруэлле, В. Тейлор, в связи с кончиной Крика писал, что его книга «воспринималась всеми последующими биографами Оруэлла как стартовая площадка»⁵. Шелден, в свою очередь, смог получить письменные воспоминания родных, близких, друзей, записать свидетельства тех, кто изъявил готовность рассказать о своих контактах с Оруэллом.

Но даже в этих, на наш взгляд, лучших работах неоправданно мало места уделено собственно творчеству Оруэлла,

вплоть до того, что о принесших писателю всемирную славу притче «Скотный двор» и романе «1084» имеются лишь беглые упоминания.

Любопытно, что авторы, относящиеся к своему герою с оправданной симпатией, в том числе Б. Крик и М. Шелден, предпочитают оставлять белые пятна там, где Оруэлл поступил, по их мнению, не совсем порядочно. Шелден говорит о списке подозрительных, ненадежных и сомнительных в политическом отношении лиц, который составлял Оруэлл в самом конце жизни, находясь в туберкулезном санатории, но недоговаривает, что по крайней мере часть этого списка была им передана британским официальным органам, занимавшимся борьбой с коммунистической пропагандой. Крик же лишь глухо упоминает о списке полуторо строками.

Уже в XXI веке Дэвид Джон Тейлор обобщил новейшие данные, исследовал личный архив Оруэлла и другие документальные фонды и создал третью наиболее значительную биографию, хотя и в ней встречаются пробелы, неясности относительно источников информации, повторения и некоторая идеализация героя⁶. Определенный интерес представляют и работы, посвященные отдельным сторонам деятельности и творчества Оруэлла — его становлению как писателя⁷, его политическим взглядам и деятельности⁸, его пути к созданию романа «1984»⁹.

Немало книг и статей посвящено именно этому роману. В них прежде всего ставится вопрос, являлся ли он предостережением или прогнозом (большинство авторов, по нашему мнению, склоняются ко второй точке зрения)¹⁰, проводится сравнение с другими произведениями, посвященными сходной тематике, в частности с романами О. Хаксли «О дивный новый мир» и А. Кестлера «Слепящая тьма»¹¹, сопоставляется «новояз» романа (специфический язык возможного будущего созревшего тоталитаризма) с его прообразами — политическими лексиконами сталинского СССР и нацистской Германии¹² и даже рассматриваются явления подлинного 1984 года (прежде всего его технологии и пропагандистская машина)¹³.

В то же время многие этапы и стороны жизни, деятельности, творчества Оруэлла, его общественных контактов освещены схематично или односторонне, вне связи с теми историческими коллизиями, в которых он существовал и которые оказывали порой решающее воздействие на его политическую и творческую эволюцию.

Странное впечатление производит небольшая книга французского социолога Алена Безансона, в которой, по словам автора, предпринята попытка провести сравнение между взглядами русского философа В. С. Соловьева и Оруэлла — сравнение искусственное, основанное на том, что оба автора якобы показали «изошренный характер зла в современном мире, пытающегося обольстить людей под маской поддельного добра»¹⁴. Собственно говоря, сравнения как такового нет — взгляды того и другого рассматриваются в отдельных, мало связанных между собой разделах.

Литература об Оруэлле на русском языке крайне скудна. Всё, что было написано о нем в СССР и постсоветской России, — это преимущественно краткие фрагменты, посвященные его творчеству, — вначале «разоблачительные» либо сдержанно-негативные, а в наши дни колеблющиеся в диапазоне от восторженных (в основном предисловий и послесловий к сборникам его сочинений) до проклинающих, каковых, правда, явное меньшинство.

Почти до самого конца советской эпохи имя Оруэлла было под запретом или в крайнем случае упоминалось с резко отрицательными интонациями. «Политика тотального “библиоцида”, неуклонно проводившаяся на протяжении десятилетий, практически исключала появление его книг на отечественном горизонте», — констатирует литературовед А. В. Блюм¹⁵. Оруэлла игнорировали энциклопедии. Даже в девятитомной «Краткой литературной энциклопедии», выходящей в 1960—1970-х годах, не только не было статьи о писателе, но вообще ни разу не было упомянуто его имя, хотя бы в ругательном контексте, даже там, где это просто необходимо (например, в статьях об утопиях и фантастике).

Только в начале 1980-х годов справочные издания стали позволять себе упоминания о писателе, причем с совершенно нелепыми определениями того, что он собой представлял. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» (1982) о нем было сказано: «...англ. писатель и публицист; от мелкобурж. радикализма перешел к бурж.-либер. реформизму и антикоммунизму. Антирев. сатира “Ферма животных” (1945). Роман-антиутопия “1984” (1949) изображает об-во, идущее на смену капитализму как тоталитарный иерархич. строй. Мелкобурж. радикалы считают О. предшественником “новых левых”»¹⁶.

Отметим во имя справедливости, что здесь хотя бы названы два наиболее выдающихся произведения писателя, а

сам он отнесен к «мелкобуржуазным» авторам, что в глазах коммунистических боссов было всё же чуть лучше, чем, скажем, «идеолог империализма». Кроме того, упоминался термин «тоталитаризм», что действительно было главным в характеристике романа Оруэлла.

Лишь изредка имя Оруэлла появлялось в советской прессе. Сенсацией стала публикация в «Литературной газете» статьи Б. Черния, в заголовке которой фигурировала его фамилия: «Почему в моде Оруэлл?»¹⁷. Хотя автор подчеркивал антисоветскую направленность творчества писателя, по крайней мере к нему привлекалось внимание массы образованных и ищущих правды читателей, были названы его произведения, причем без истерического осуждения, хотя и с отрицательными коннотациями.

Центральная советская печать просто не могла не прореагировать на «год Оруэлла» — 1984-й. Статьи были кисло-сладкие, в духе того, что значилось в названном выше энциклопедическом словаре. В «Известиях» выступил весьма плодовитый, хотя и поверхностный М. Стуруа, который, хорошо знал, что можно писать и что нельзя. О том, что собой представляла позиция Стуруа, достаточно четкое представление дает лишь одна цитата об Оруэлле: «Ренегат социализма, превратившийся из попутчика прогресса в лазутчика реакции, замыслил свой роман в жанре социально-политической утопии как карикатуру на наш строй на примере лейбористской Англии, “переродившейся” в “коммунистическую”. Но история сыграла — не могла не сыграть — злую шутку и с автором романа, и с его апологетами. Каждый год от 1949-го до 1984-го всё явственнее, всё убедительнее показывал, что Оруэлл, сам того не желая... нарисовал не карикатуру на социализм и коммунизм, а вполне реалистическую картину современного капитализма-империализма. То, в чем упреждалась изощренная фантазия Оруэлла, стало явью западного мира, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки — подлинного, а не вымышленного “центра зла наших дней”»¹⁸.

В том же духе откликнулась «Литературная газета». С. Воловец изобразил Оруэлла неким отшельником, никогда не знавшим, что такое социализм, «писавшим на заброшенной ферме острова Юра (Джура. — Ю. Ф., Г. Ч.)... питавшим свою фантазию... современной ему английской действительностью. По многим причинам он ошибочно отождествлял ее с социализмом»¹⁹.

Сходные интонации звучали в книге А. Эфирова «По-

кушение на будущее»²⁰. Эфиров совершил, прямо-таки цирковой трюк, попытавшись превратить подлинного антикоммуниста и антисоветчика Оруэлла в «союзника» коммунистической власти «в борьбе с империализмом»²¹.

В 1986 году появился вполне достоверный и, главное, сочувственный обзор западной литературы об Оруэлле, подготовленный В. Чаликовой и Л. Лисюткиной, опубликованный в малотиражном издании максимально идеологически выдержанной серии «Критика буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма»²². Авторы обзора приглашали к объективному взгляду на творчество писателя. За год до этого в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где начинали зарождаться истоки будущего «нового мышления», была защищена кандидатская диссертация В. М. Недошивина, в которой, несмотря на ее сугубо «партийный» заголовок, были высказаны довольно точные суждения о творчестве Оруэлла, лишенные коммунистической предвзятости²³. (Вскоре, когда развернется перестройка, а затем рухнет Советский Союз, Недошивин выступит с несколькими комментариями к творчеству Оруэлла, неглубокими по существу и с фактическими ошибками, но явно сочувственными²⁴.)

Произведения Оруэлла стали широко издаваться на русском языке с конца 1980-х годов, и ныне «Скотный двор» и последний роман многократно опубликованы большими тиражами. Читатель также получил возможность ознакомиться с другими романами, великолепными эссе, литературоведческими статьями и критическими обзорами.

Что же касается изучения жизни и деятельности писателя, то оно в литературе, изданной в России, оставалось в самом зачаточном состоянии. Список изданий о нем ограничен всего лишь двумя небольшими книгами — чисто литературоведческой, принадлежащей перу В. Г. Мосиной, и отчасти литературоведческой, отчасти социологической, написанной А. Н. Алексеевым²⁵; несколькими предисловиями и послесловиями к изданиям его произведений, содержащими минимум биографической информации, и группой статей. Среди них заслуживают высокой оценки работы В. А. Чаликовой, из которых наиболее интересен «Комментарий к “1984”» (она была также переводчиком ряда произведений Оруэлла на русский язык)²⁶. Интересна статья А. В. Блюма, на базе архивных документов раскрывающая страх советских чиновников при одном упоминании имени британского писателя, автора произведений, в содержании которых явно выделялся реальный образ СССР²⁷.

Менее содержательны несколько предисловий А. М. Зверева к сочинениям Оруэлла²⁸. Можно предположить, что их интонации, упреки в адрес писателя вроде того, что он был слаб в обобщениях, продиктованы временем — годами горбачевской «перестройки», когда коммунистическая цензура явно ослабела, но всё еще подавала признаки жизни. В то же время к безусловной заслуге автора следует отнести его участие в появлении в СССР повести-притчи Оруэлла «Скотный двор».

Когда же литературоведы или социологи обращаются к жизненному пути писателя, оказывается, что он известен им только в самых общих чертах. Авторы некоторых публикаций используют творчество Оруэлла в явно политических целях, причем не скрывают этого²⁹.

В 2017 году в Санкт-Петербурге крохотным тиражом была опубликована биография Оруэлла, написанная британской переводчицей и журналистом М. Карп. Автор в целом достоверно излагает жизненные перипетии своего героя, хотя в книге можно встретить немало фактических неточностей и спорных оценок³⁰.

Приходится с сожалением констатировать, что русскоязычный читатель всё еще не знаком со всеми перипетиями жизненного пути великого британского писателя и мыслителя*.

Мы пытаемся восполнить этот пробел, используя обширную базу источников, связанных с жизнью, деятельностью, творчеством нашего героя.

От биографических изданий на английском языке предлагаемая читателю книга отличается стремлением поновому взглянуть на отдельные этапы и эпизоды жизни и творчества Оруэлла, на перипетии его личной жизни, на его место в английской и мировой литературе, в политической жизни Великобритании и других стран. Адресуясь к русскоязычному читателю, мы уделили особое внимание советским акцентам в творчестве Оруэлла и в восприятии его произведений, неизменно окрашенных политикой.

Будучи глубоко убеждены в большой значимости Джорджа Оруэлла как литератора, публициста, общественного деятеля, одного из крупнейших и оригинальнейших бри-

* Когда наша книга уже была сдана в печать, появилось сообщение о предстоящем выходе работы В. Недошивина «Джордж Оруэлл: Непрístupная душа», с которой мы не имели возможности ознакомиться.

танских мастеров слова в XX веке, мы в то же время отдаем себе отчет, что он не возник внезапно, как Минерва из головы Юпитера, а развивался постепенно и стал писателем мирового класса только к самому концу жизни благодаря своим последним произведениям.

Как любой крупный писатель, Джордж Оруэлл находился в крайне сложных, если не сказать конфронтационных, отношениях со временем, в котором он жил, с людьми, которые его окружали. Он, подобно Дон Кихоту, подчас шел на сражение если не с ветряными мельницами, то, во всяком случае, с обветшавшими догмами, привычными представлениями, с особо свойственным британцам консерватизмом, хотя в ряде случаев вступал в борьбу и с тем, что считал псевдоноваторством, демонстративно объявляя себя социалистом-консерватором. Эти стороны жизни и деятельности нашего героя мы попытаемся осветить наиболее основательно.

В нашем распоряжении имелась богатая база источников. Это прежде всего произведения и документы автора. При всей опасности использования художественного творчества в качестве исторических источников (бывает, что оно не столько освещает перипетии жизни их автора, сколько вводит в заблуждение), тщательное изучение романов, публицистики, писем Оруэлла позволяет в сопоставлении с другими документами найти приемлемую грань, дающую возможность воспроизвести многие эпизоды его жизни, взгляды, взаимоотношения с другими людьми и особенности его творческого процесса.

Первая серьезная попытка издания собрания сочинений Оруэлла была предпринята его вдовой Соней Браунелл (Блэр), часто обозначавшей свою фамилию как Оруэлл, совместно с хранителем фонда писателя в Отделе специальных коллекций Научной библиотеки Университетского колледжа Лондонского университета. Это издание в четырех томах «Собрание очерков, статей и писем Джорджа Оруэлла» (в него не были включены художественные произведения), осуществленное в 1968 году³¹, было построено хронологически, причем каждый том получил название, взятое из сочинений автора. За ним последовал двадцатитомник³², подготовленный под руководством профессора Питера Дэвисона. Первые девять томов составляют романы и другие отдельные книги, а остальные тома содержат расположенные в хронологическом порядке сочинения и документы, включая письма, и обширный справочный ап-

парат, намечающий пути к углубленному изучению жизни и творчества Оруэлла³³.

После выхода собрания сочинений удалось обнаружить и опубликовать новые ценные документы³⁴ и дневники писателя³⁵. Читатель имеет ныне возможность познакомиться с перепиской — не только с письмами самого Оруэлла, но также с частью адресованной ему корреспонденции³⁶. Вся эта документация стала доступной в первую очередь благодаря неустанному труду профессора университета Де Монфор (Лестер) Питера Дэвисона.

Ценнейшие архивные материалы Джорджа Оруэлла хранятся в его фонде в Отделе специальных коллекций Научной библиотеки Университетского колледжа Лондонского университета (London University. University College London. Special Collections. Great Britain 0103. George Orwell Archive; далее — George Orwell Archive). Правда, все находящиеся там произведения и подавляющее большинство документов самого Оруэлла опубликованы в собрании его сочинений. Но для исследователя весьма важны рукописи, отражающие процесс работы над произведениями, личные документы писателя, материалы родных и близких, в частности его первой жены Эйлин, адресованные ему письма, первые издания произведений и многочисленные другие материалы, которые значительно расширяют представление о характере деятельности, взглядах, связях нашего героя.

Заместитель главного библиотекаря Университетского колледжа Ян Энгус, который взял на себя миссию обработки Архива Оруэлла в соответствии с пожеланиями его вдовы Сони, записал свидетельства нескольких десятков человек, в памяти которых запечатлелись те или иные эпизоды жизни писателя, черты его характера, манера поведения, привычки и т. д. Дополнением к ним были письма Энгусу людей, которые были знакомы с Оруэллом.

В фонде хранятся обширная коллекция писем не только самого Оруэлла, но и адресованных ему, его первой жене Эйлин и второй жене Соне, переписка других лиц, связанных с писателем.

Важным дополнением к подлинным документам («историческим остаткам», как называют их археографы) являются материалы «исторической традиции» — косвенные свидетельства, процеженные через сознание и память отдельных людей. К ним прежде всего относятся воспоминания, огромное число которых также сохраняется в Отде-

ле специальных коллекций. Обширную группу составляют материалы вещательной компании Би-би-си, по каналам которой на протяжении многих лет транслировались многочисленные передачи с участием людей, близких к Оруэллу, в том числе жены Сони, приемного сына Ричарда, школьных товарищей, соратников по гражданской войне в Испании, писателей А. Кестлера, В. Притчетта, издателя Ф. Варбурга и многих других. Эти исключительно важные источники позволяют воссоздать живой портрет героя нашей книги.

Вероятно, в какой-то степени символично, что архив Оруэлла хранится ныне почти по соседству с больницей Университетского колледжа, где Эрик Блэр окончил земное существование, чтобы продолжить свое бытие в переиздаваемых по всему миру произведениях Джорджа Оруэлла.

Отдельные документы Оруэлла имеются и в других архивах. В частности, в библиотеке Лилли Индианского университета (США) сохранилась коллекция писем Оруэлла, главным образом адресованных его литературному агенту Леонарду Муру, а также несколько писем Эйлин Блэр, позволяющих бросить взгляд на отдельные стороны творчества и деятельности Оруэлла во второй половине 1930-х — начале 1940-х годов. Ценные документы можно встретить также в коллекции семейства Берг в Отделе рукописных фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки (переписка с друзьями, с литературным агентом Л. Муром, с американским издательством «Харпер энд бразерс») и других архивохранилищах.

Эрику Блэру — Джорджу Оруэллу посвящена достаточно большая мемуарная литература. В числе авторов — родные и близкие, в том числе сестра Эврил и вторая жена Соня, сослуживцы Блэра по бирманской полиции, издатели и писатели, женщины, с которыми он был близок. Воспоминания освещают в основном его облик, внешние проявления жизнедеятельности, подчас интересные детали, однако не отличаются глубиной: по сути, нет мемуарных произведений или отрывков, чьи авторы попытались бы проникнуть во внутренний мир, который писатель, будучи человеком крайне сдержанным, стремился не выпускать в мир внешний даже в общении с самыми близкими людьми.

О месте Джорджа Оруэлла в британской и мировой литературе и общественной жизни свидетельствуют многочисленные документальные фильмы о нем и целый ряд художественных кинолент, снятых по его произведениям

(роман экранизировался четыре раза — в 1956, 1970, 1984 и 2009 годах; притча «Скотный двор» — дважды, в 1954 и 1999-м) и пользовавшихся неизменным успехом. С особым интересом зрители встретили фильм, вышедший на экраны в «год Оруэлла», снятый Майклом Редфордом, в главных ролях которого заняты известные британские актеры Джон Хёрт, Ричард Бёртон, Сюзан Гамильтон. Сравнительно недавно, летом 2013 года, британский драматург и режиссер Джеймс МакЭвой представил на фестиваль искусств в Шропшир-Хиллзе спектакль «Последний человек в Европе» (таков был первый вариант названия романа «1984»), в котором освещен жизненный путь Джорджа Оруэлла, в основном на базе его художественных и публицистических произведений. В 1994-м театр им. Ленсовета в Санкт-Петербурге поставил спектакль по пьесе Н. А. Мухиной с тем же названием, представляющий собой сценическое воспроизведение романа. Два главных произведения Оруэлла — притча и роман — входят в обязательную программу большинства курсов истории мировой литературы в средних школах не только Великобритании, но и многих других стран. Изучают их и в ряде учебных заведений России.

Поскольку наш герой существует в двух ипостасях — обычного человека Эрика Блэра и выдающегося писателя Джорджа Оруэлла, мы используем оба имени. Даже в первых главах, когда речь идет о Блэре, еще не помышлявшем, что когда-то станет Оруэллом, иногда употребляется его псевдоним — когда речь идет о воспоминаниях нашего героя или о биографических трудах о нем. С того времени, когда Блэр превратился в писателя Оруэлла, мы употребляем псевдоним при рассказе о его творчестве, но сохраняем настоящую фамилию, излагая его жизненные перипетии.

Авторы сердечно благодарят администрацию и сотрудников архивов и библиотек, оказавших помощь в работе над книгой.

Глава первая

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО
ЭРИКА АРТУРА БЛЭРА**

Семья и ранние годы

До 1934 года британского общественного деятеля, публициста и начинающего писателя Джорджа Оруэлла не существовало. Человека, который в середине тридцатых годов стал известным и к которому дружелюбно, с ненавистью или безразлично относились те, кто сталкивался с ним, звали Эрик Артур Блэр. Двойное имя использовалось только в официальных бумагах. Мы тоже будем употреблять только его первое имя — Эрик.

Эрик родился 25 июня 1903 года в колониальной периферии Британской империи, но в той ее части, которую ревнители «империализма» (не в ленинском понимании этого термина как «последней стадии капитализма», а в смысле необходимости сохранения на вечные века неизбежного господства англичан над слаборазвитыми нациями Азии, Африки, Океании) именовали «жемчужиной короны» — в Индии, где служил чиновник средней руки Ричард Блэр — отец будущего Оруэлла.

Сам Ричард был одним из десяти детей приходского священника в городке Милборн (графство Дорсет). Задолго до этого, в XVIII веке, семейство Блэр было связано с аристократией, прадед Ричарда был женат на дочери графа Вестморленда, имел земельную собственность на Ямайке. Однако со временем доходы семьи упали, и священник Блэр вел скромную жизнь в своем почти деревенском приходе. Он умер, когда Ричарду было всего десять лет, оставив незначительное наследство.

В 1875 году восемнадцатилетний Ричард должен был начать самостоятельную жизнь. Он, видимо, был сильным, выносливым, обладал практической хваткой, умел устанавливать нужные связи. Всё это позволило ему найти престижную работу на колониальной имперской периферии.

После массы проверок умственного развития, физического состояния, здоровья и лояльности трону он был зачислен в Индийскую гражданскую службу, в которой в конце XIX века работало всего лишь немногим более тысячи человек. Ее чиновники были своего рода высшим слоем колониальной администрации, которому подчинялись полиция, служба гражданских инженеров, управление охраны лесов и другие административные подразделения, так что в действительности британцев, трудившихся здесь на благо короны, было во много раз больше.

Ричард работал на средней административной должности в отделении Опиумного департамента в городе Мотихари (провинция Бенгалия) на самой границе с Непалом, более чем в 600 километрах к северо-западу от Калькутты. Начал он с самой низшей чиновничьей ступени, которая именовалась «помощник заместителя опиумного агента третьего ранга», и до выслуги лет и получения пенсии продвинулся ненамного — из третьего ранга перешел в первый, так и оставшись «помощником заместителя».

Много воды утекло с тех пор, унеся с собой представление о торговле опиумом как обычном, даже вполне почтенном занятии. В конце XIX — начале XX века опиум считался прежде всего эффективным болеутоляющим средством, широчайшим образом применялся в медицинской практике. Импорт его из стран Востока в Европу был весьма прибыльным делом. С XVI века опиумом стали торговать португальцы, а через столетие в этот бизнес активно включились британцы.

Основным поставщиком зелья, которое постепенно начинало использоваться не только в медицине, но и в качестве средства, доставлявшего удовольствие, стала индийская Бенгалия. В 1773 году генерал-губернатор Бенгалии установил монополию Ост-Индской компании на торговлю этим товаром. Через 14 лет компания под предлогом вредности для здоровья добилась запрета на употребление опиума в самой Индии, и экспорт его, значительно более прибыльный, стал приобретать всё более широкие масштабы. Теперь опиум вывозился главным образом в Китай. В 1875 году, когда Ричард начал свою опиумную службу, производство наркотика в Бенгалии составляло около четырех тысяч тонн, и почти весь этот объем шел в огромную соседнюю страну, давая прибыль в 6,5 миллиона фунтов стерлингов в год, что составляло примерно шестую часть всех доходов имперской казны, получаемых из Индии. Так

что отец будущего видного публициста, писателя и общественного деятеля не занимался каким-то неподобающим ремеслом, а был членом того круга людей, которые считались своего рода опорной базой британской администрации в Индии. Сам Эрик писал позже, что он происходил из среды низшего слоя среднего класса³⁷.

Работа была нелегкой. Ричард Блэр не менее половины своего рабочего года находился в разъездах по самым отдаленным местам посевов опиумного мака: следил, чтобы соблюдались агротехнические нормы; определял меру необходимости займов земельным собственникам, имевшим контракты на выращивание зелья; подсчитывал объем производства; следил, чтобы весь урожай продавался властям по договорной цене, и т. д. Во время командировок жил он в палатках, иногда в крохотных грязных бунгало, страдал от насекомых, тропических дождей и страшной духоты.

Более двадцати лет служил он, не заводя семьи, удовлетворяясь случайными связями с индийскими девушками, посещая публичные дома, которые можно было найти чуть ли не в каждом квартале крупных городов. Только в 1896-м, когда ему уже шел 39-й год, Ричард познакомился с хорошенькой девушкой и сделал ей предложение. Оно было принято, скорее всего, в силу необходимости: девушка, служившая гувернанткой в богатых семьях колониальных администраторов, была обручена с другим человеком, но тот ее неожиданно бросил, и, чтобы не быть объектом сплетен, она поспешно вышла замуж за Ричарда.

Девушку, дочь англичанки и француза, в течение долгих лет занимавшегося торговлей и корабельным строительством в соседней с Индией Бирме, звали Айда* Мэйбл-Лимузин. Айда была моложе Ричарда на 18 лет. Родилась она в пригороде Лондона, но в раннем возрасте вместе с родителями отправилась за океан.

Поначалу коммерческие дела отца шли удачно. Одна из сестер Айды (всего в семье было девять детей) через много лет не без хвастовства рассказывала, что в Бирме у семейства был «образ жизни, как у принцев», и какое-то время в доме было 30 слуг (этот рассказ позже повторил Оруэлл в одном из очерков)³⁸. Однако отец увлекся спекуляциями и потерял почти всё состояние. Мать Айды Тереза до глубокой старости жила в Бирме, не желая возвращаться на родину. В начале 1920-х годов, когда Эрик появился в

* Так на английский манер звучит имя Ида.

Бирме в качестве британского полицейского, он иногда посещал свою бабушку, правда, без особого интереса, и в своих дневниках и произведениях не оставил сколько-нибудь подробных свидетельств этих встреч.

Эрик был вторым ребенком в семье. Когда он родился, отцу исполнилось 46 лет, матери — 28, а их первой дочери Марджори Френсис было пять лет. 30 октября 1903 года Ричард Блэр, работавший в Опиумном департаменте, и его супруга получили свидетельство, что в этот день состоялось крещение их сына, которому было дано имя Эрик Артур³⁹. Еще через пять лет на свет появилась младшая сестра Эврил.

В тех местах Индии, где побывала семья, иногда менявшая место пребывания в силу характера работы Ричарда, Айда оставила весьма благоприятное впечатление у тех британских подданных, с которыми общалась. Она создавала комфортные домашние условия в становившихся их жилищами непритязательных бунгало, впрочем, мало считаясь со вкусами супруга, на которого смотрела сверху вниз. Первоначальные чувства (если они были) быстро охладели, у супругов появились разные спальни, хотя верность дому, ощущение себя хозяйкой и заботливой матерью у Айды сохранились. «Бедный старый Дик, — сочувствовал кто-то из родственников, — если он и слышал что-нибудь во время карточной игры [от жены], это было: “Дик, а ну-ка кончай свой покер”»⁴⁰.

Предпоследним местом, где обитали Блэры, был городок Мотихари — глухой уголок империи, связанный с центром Индии узкоколейной веткой железной дороги, с миниатюрной станцией, но зато очень активной протестантской миссией. Мотихари был центром обширного района маковых плантаций, так что работы у Ричарда было хоть отбавляй. Именно здесь и родился Эрик.

Через год отец был переведен в несколько более крупный город Монгир на южном берегу Ганга, со старинным фортом и населением 57 тысяч человек, из которых, согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, 322 были христиане. Словарь не упоминал, что город, как и прежнее местопребывание Блэров, был центром выращивания опиумного мака⁴¹.

Особого успеха на колониальной службе Ричард Блэр не добился. Он был человек скромный, не подсиживал сослуживцев, исправно выполнял служебные обязанности, но не пытался особо выделиться. Почти каждый год (кроме последних лет службы) его переводили на новое место, где

надо было заново обустроиваться. Небольшие повышения жалования почти не компенсировали растущих расходов.

У родителей постепенно зрела мысль, что дети должны жить и учиться на родине. Большинство британских чиновников посылали детей к родственникам. Лишь иногда матери отправлялись в метрополию вместе с потомством. Айда избрала второй путь, проявив больше заботы о детях, нежели о супруге. Когда Эрику был всего лишь год, мать с ним и его старшей сестрой возвратилась на родину. Предполагалось, правда, что вскоре за ними последует и глава семьи.

Трудно сказать, каковы были причины, по которым Ричард решил распрощаться с «жемчужиной». Скорее всего, он просто устал от службы в отсталой стране с малочисленной высшей кастой и многомиллионным нищим населением, непривычным для британцев климатом, огромным количеством вредных насекомых — переносчиков тяжелых болезней. Он, видимо, думал дать детям, прежде всего единственному сыну, приличное образование. Прошло, однако, всего несколько месяцев, и глава семьи изменил свое решение. Он остался на субконтиненте дослуживать семь лет, остававшихся ему до пенсии.

Айда с детьми поселилась в городке Хенли-он-Темс в Юго-Восточной Англии, в графстве Оксфордшир. Городок был крохотным, всего с несколькими тысячами жителей (почти через столетие, в 2001 году, здесь обитало 10 646 человек), но история этого одного из старейших английских поселений восходила к XII веку (первое упоминание о нем датируется в хрониках короля Генриха II Плантагенета 1179 годом). В течение следующих семи с лишним сотен лет мало что здесь изменилось, разве что в 1790 году была впервые построена тюрьма.

Летом 1907 года Ричарду был предоставлен трехмесячный отпуск, который он провел с семьей; после этого визита родилась младшая сестра Эрика. Возвратившись в Индию, Ричард был во второй раз за всю службу повышен в чине — стал заместителем опиумного агента первого класса с небольшим повышением оклада — и в названном качестве дослужил до окончания контракта, после чего ему полагалась пенсия.

В начале 1912 года Ричард Блэр завершил свою колониальную службу и, получив пособие в 400 с лишним фунтов стерлингов в год, которое позволяло сравнительно безбедно существовать, но отнюдь не роскошествовать, присо-

единился к семье. По договоренности с ним Айда решила расстаться с восьмилетним Эриком, отправив его, как это часто практиковалось в английских семьях не только высокого, но и среднего общественного статуса, в частную школу с пансионом.

И до расставания с Эриком, и после родители не обращали особого внимания на его воспитание. Отец по возвращении на родину увлекся садоводством, проводил целые дни на своем участке, где даже пытался вырастить диковинные деревья, черенки которых привез из Индии. Он также играл в гольф, а за этим следовал покер. Не только дети, но и супруга оставались на заднем плане. Мать, которая в раннем детстве Эрика была заботливой и внимательной, постепенно также утратила интерес к воспитанию ребенка. Она вела домашнее хозяйство, не имея возможности держать постоянных слуг; наемные помощники привлекались только во время генеральных уборок, приема гостей и т. п.

Но в то же время у Айды оставалось время на светскую жизнь. Она любила подолгу общаться с соседками, обсуждая с ними всемирные и британские сенсации и главным образом местные сплетни. Она увлеклась спортом: играла в гольф, занималась теннисом, даже ездила в лондонский пригород Уимблдон, чтобы увидеть знаменитые соревнования, которые с 1877 года проводились здесь ежегодно в течение двух недель.

В дневнике Айды немало записей о спортивных играх, но почти нет упоминаний о муже и детях⁴². Записи о детях появлялись только в экстренных случаях — когда кто-то из них заболел или падал так, что необходима была медицинская помощь. Тогда Айда прерывала свои развлечения и принимала необходимые меры. В дневнике можно прочитать, например, что Айда великолепно проводила время в Лондоне, посещая теннисные матчи, бывшие тогда модным новшеством, но, получив телеграмму, что у Эрика поднялась температура, немедленно отправилась домой*.

Немало времени Эрик проводил со старшей сестрой. Правда, она вскоре стала встречаться с мальчиками, и присутствие младшего брата становилось обузой. Кавалер Марджори, Хамфри Дейкин, который позже стал ее мужем, считал брата своей подружки слишком чувствительным и

* Дневник Айды Блэр находится у потомков ее старшей дочери, живущих на Ямайке, его фотокопией располагает архивный фонд Оруэлла (George Orwell Archive. L/2).

слабым. Его раздражало, что ребенок часто плакал, потому что, как он жаловался, «никто его не любил»⁴³.

В памяти Эрика Блэра осталась многолетняя семья некоего слесаря, жившая на окраине городка. Дети приняли мальчика в свою компанию, которая развлекалась, взбираясь на деревья, разоряя птичьи гнезда, или занимаясь рыбалкой на близлежащем озере. Дети с окраины смотрели на городского мальчугана свысока, как на маменькиного сынка, на озере ему доставалось самое неудобное место. Но он чувствовал себя счастливым от самого факта общения с детьми, которые, в отличие от Хамфри, им не пренебрегали.

Как вспоминал Блэр, постепенно развлечения стали не столь уж невинными. Находясь совершенно без надзора взрослых, дети стали «играть» в доктора и больного, а затем и в мужа с женой. При этом Эрик впервые вначале на вид, а потом и на ощупь познакомился с физическими отличиями мальчиков и девочек. Старшие дети вразумительно объяснили ему, чем и как занимаются взрослые в постели. Но из попытки семилетнего Эрика и его чуть более старшей подружки перейти от изучения интимных частей тела друг друга к их соединению ничего не получилось — они были еще слишком малы*.

Правда, через какое-то время мать запретила Эрику встречаться с детьми рабочего, объяснив с явным оттенком присущего ей снобизма, что ее сыну не пристало общаться с простолюдинами. Хотя послушный ребенок безоговорочно выполнил материнские указания, «вольная жизнь» детей из рабочей среды осталась в его памяти как некое загадочное и соблазнительное времяпрепровождение, несравненно более привлекательное, чем его собственное детство, в основном одинокое и скучное. Дни, проведенные с этими детьми, остались в памяти на всю взрослую жизнь и отразились в стремлении Эрика Блэра погрузиться в среду простых людей, которые позже сочувственно, хотя не без доли иронии, описывались в его романах и публицистике. Так что рассказу Эврил о детских контактах ее старшего брата, по-видимому, можно доверять.

Между тем общения с родителями, как в детском возрасте, так и по мере взросления, почти не было. Тем не ме-

* Эти подробности Эрик через многие годы рассказал своей младшей сестре Эврил, а она передала их хранителю архивного фонда Оруэлла Яну Энгусу (см.: George Orwell Archive. S/44. I. Angus. Notes on Conversations with A. Dunn. 1964. April 16—19).

нее Ричард Блэр на протяжении всей жизни считал себя вправе вмешиваться в дела сына, решительно осуждал его «писательские занятия», считая их праздным времяпрепровождением. Но особенно отца возмутил тот факт, что сын отказался от данного родителями имени, взял себе псевдоним. И только перед смертью в 1939 году Ричард наконец смирился, что его сын не Блэр, а Оруэлл. Делать было нечего — тот стал довольно известным литератором.

Надо признаться, Айда не тяготилась отсутствием заботы со стороны супруга. Она по-прежнему предпочитала вести независимый образ жизни, а в недолгие часы, которые проводила с мужем, обычно давала ему всякие хозяйственные поручения и следила за тем, чтобы они исправно выполнялись. По этой причине соседи часто выражали сочувствие «старому Дику», особенно когда супруга прерывала его карточную игру — точно так же, как ранее делала это в Индии⁴⁴.

Более того, с годами у Айды выработалось своего рода отвращение к мужчинам вообще. Эрик вспоминал, что его мама, не обращая внимания на ребенка, оживленно обсуждала со своими знакомыми дамами, насколько непривлекательны все мужики, и прежде всего подчеркивала, что они физически неприятны. У ребенка складывалось впечатление, что женщины вообще не любят мужчин, которые напоминают им больших, отвратительных, дурно пахнущих животных; что мужчины очень плохо обращаются со своими женами и стремятся «силой» привлечь к себе внимание незамужних девиц⁴⁵.

Разумеется, вся противоречивость, непоследовательность, нелогичность этих суждений ребенком не осознавалась. Однако он надолго сохранил представление, что мужчины и женщины принадлежат к совершенно различным «видам» существ, между которыми, как правило, существуют враждебные отношения, несмотря на телесные игры, которые показали ему старшие дети слесаря. Поняв, что он принадлежит к «низшему», мужскому «виду», Эрик с ужасом думал о том, что, став взрослым, он также превратится в отвратительное чудовище. Он стал стесняться девочек, даже с сестрами был сдержан и не делился с ними своими мыслями и чувствами.

По мере того как дети росли, Айда обращала на них всё меньше внимания. У Эрика не сохранилось теплых чувств к матери. Он полагал, что его стремление к одиночеству было вызвано именно материнским запретом общения с соседскими детьми, принадлежавшими к «простым семьям».

В значительной степени именно это, как полагал взрослый Эрик, породило тягу к чтению и попытки изложить что-то на бумаге. «Я думаю, с самого начала мои литературные притязания были замешаны на ощущении изолированности и недооцененности. Я знал, что владею словом и что у меня достаточно силы воли, чтобы смотреть в лицо неприятным фактам, и я чувствовал — это создает некий личный мир, в котором я могу вернуть себе то, что теряю в мире повседневности», — вспоминал Оруэлл.

До поступления в школу, да и после Эрик был застенчивым, необщительным ребенком. После расставания с детьми слесаря он иногда играл с соседскими ребятами, но предпочитал бродить в одиночестве. Он даже, по собственным словам, «приобрел некоторое манерничанье, которое все школьные годы отталкивало» от него товарищей.

Эрик с огромным интересом изучал окружающую природу, любил наблюдать за поведением кошек, собак, кроликов⁴⁶. Где бы он ни жил, с ним всегда были какие-то животные. Хотя подчас их заводили с хозяйственной или потребительской целью, наблюдение за их повадками в домашних условиях и изучение живого мира в его естественной среде обитания были характерны для Блэра на протяжении всей жизни.

Эрик рано научился читать. Незадолго до того как ему исполнилось восемь лет, он обнаружил потрепанное, сокращенное и адаптированное для детей издание «Путешествий Гулливера» Свифта. Собственно, книга была предназначена Эрику как подарок на день рождения, причем экономная мать решила не тратить на новое издание.

Открыв книгу, мальчик увлекся ею с первых строк, а когда настала ночь, долго не мог заснуть, строя предположения, что же дальше произойдет с героем. Свифт стал любимейшим писателем ребенка, а затем взрослого Эрика. В 1942 году писатель Оруэлл гордо констатировал в одной из своих передач на радиостанции Би-би-си: Гулливер «всегда жил со мной с того времени, так что, я полагаю, не проходило и года, чтобы я не перечитал хотя бы часть его»⁴⁷. Примерно то же говорилось в целом ряде его статей и критических обзоров, где, в частности, высказывалось сожаление, что так мало людей читали «Путешествия Гулливера»⁴⁸.

Эрик рано полюбил поэзию. Ему нравились рифмы и ритмы, особенно когда они были связаны с возвышенным

содержанием. Особенно запомнились ему стихи английского поэта конца XVIII — начала XIX века Уильяма Блейка из сборника «Песни невинности» (1789). Стихотворение «Весна» из этого сборника стало для Эрика символом грядущей радости, которая, как он надеялся в школьные годы, когда-нибудь придет на смену отнюдь не радостному настоящему. Он не раз повторял слова:

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух — на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело встречаем мы весну!*

В сугубо сатирическом, издевательском контексте первая строка из приведенной строфы была использована через много лет в качестве заголовка воспоминаний, посвященных отнюдь не радостям, а мукам в школе-интернате Святого Киприана, куда Эрика вскоре отдали.

Мальчик не просто увлекся стихами известных поэтов, заслуженно стяжавших славу, любовь и взрослых, и детей. Уже в пятилетнем возрасте он сочинил некие стихотворные опусы, которые даже привели в восторг обычно весьма сдержанную маму. Правда, она не позаботилась о том, чтобы сохранить эти «стихи», явно считая их лишь забавой ребенка. Эрик запомнил тему только одного стихотворения — об огромном тигре с зубами, каждый из которых был величиной со стул. Мама записала стишок под диктовку сына, который еще не умел писать, правда, вскоре затеряла его.

Много лет спустя Оруэлл признавался, что его «Тигр» был явным плагиатом: ранее он прочитал стихотворение всё того же Уильяма Блейка «Тигр, о тигр». Конечно, он был слишком строг к себе. Стихосложение в пятилетнем возрасте не могло быть ничем, кроме подражания. Сама же попытка была показательной. Оруэлл вспоминал: «С самого раннего детства, возможно, лет с пяти-шести, я знал, что, когда вырасту, обязательно стану писателем. Лет с семнадцати и до двадцати четырех я пытался отказаться от этой мысли, хотя всегда сознавал, что изменяю своему подлинному призванию и что рано или поздно мне придется сесть и начать писать книги»⁴⁹.

* Перевод С. Маршака.

Школа Святого Киприана

По совету знакомых по Индии для определения дальнейшего жизненного пути Эрика была избрана школа Святого Киприана в графстве Суссекс, в живописной местности на самом берегу пролива Ла-Манш. Главная причина предпочтения именно этой «приготовительной публичной школы» состояла в том, что она являлась неплохим трамплином для поступления в одну из наиболее престижных «полных» средних школ. Само упоминание, что человек является выпускником Итона или Харроу, если и не открывало перед ним карьерные двери настежь, то во всяком случае способствовало служебному, политическому, общественному продвижению.

Школа Святого Киприана, по мнению многих, была «правильной», надежно обеспечивала подготовку к карьерному развитию, чем были озабочены родители, мечтавшие, чтобы их единственный сын пошел дальше отца, а при возможности, учитывая его природные способности, добился видного места в государственной администрации. Опиумный чиновник, которому вскоре предстояла отставка, и его супруга считали все другие виды деятельности, включая и частный бизнес, занятиями менее достойными.

Проблема состояла в том, что за обучение надо было платить немалые деньги — 180 фунтов стерлингов в год, что составляло более трети отцовской пенсии в 438 фунтов. Плата за обучение действительно была огромной, если учесть, что жалованье чиновника составляло тогда 200—300 фунтов в год. Но одновременно это означало, что в школе учатся дети достойных, богатых родителей и обучение там соответствует высшим стандартам английского истеблишмента. Привлекало и то, что в школе учились всего около сотни мальчиков. Обучение продолжалось пять или шесть лет в зависимости от способностей ребенка и желания родителей. В каждом классе было всего 18—20 учеников, тогда как в других школах классы были более многочисленными.

С огромным трудом (соблюдая, однако, достоинство) Блэры убедили владельцев школы, супругов Уилкес, вдвое понизить плату для их отпрыска. Принимая во внимание низкий доход семьи и колониальные заслуги ее главы, а также предполагаемые способности Эрика, Уилкесы пошли на очень редкое исключение — взяли мальчика на льготных условиях, получив от родителей обещание, что он будет образцовым учеником, постоянно помнящим о совершённом для него благодеянии.

О порядках в школе Святого Киприана судить трудно, хотя им была посвящена вышедшая первым изданием в 1938 году критическая повесть соученика и друга Эрика, писателя и литературного критика Сирила Коннолли «Враги обещаний»⁵⁰, вызвавшая, в свою очередь, не просто критический, а дышавший ненавистью к этому учебному заведению отклик самого Эрика, уже ставшего к тому времени Оруэллом, возмущенного, что его товарищ, с которым он продолжал поддерживать дружеские и деловые отношения, признавал, что школа давала неплохое образование (правда, после обращенного к нему негодующего письма самой Сисели Уилкес он публично признал, что «перегнул палку»).

В эмоциональном порыве Оруэлл написал эссе-воспоминания под саркастическим заголовком «О радостях детства» (точнее: «Вот такая была эта радость» — «Such, such were the joys»), используя первую строку из упоминавшегося стихотворения Блейка. Речь шла здесь отнюдь не о радостях, а о страданиях ребенка. Он датировал свой текст: «1939 — июнь 1948 г.», но совершенно очевидно, что написал его в основном в 1939 году. По здравом размышлении теперешний Джордж Оруэлл решил, что изобразил школьные дни слишком уж безрадостными и даже страшными, а потому не отдал эссе в печать и отложил его в ящик стола, хотя, будучи уже известным писателем и публицистом, легко мог опубликовать его в любом журнале. Впервые эти воспоминания были опубликованы вдовой Оруэлла Соней в Соединенных Штатах через три года после его смерти⁵¹, причем имена руководителей школы, ее название и расположение были изменены. В Великобритании же эта работа была издана только в 1968 году* в Лондоне, в четвертом то-

* Издательство Варбурга предполагало выпустить очерк еще в 1951 году. Однако из предосторожности рукопись была передана в юридическое агентство, которое проанализировало ее с точки зрения возможности возбуждения исков со стороны тех, кто подвергается критике. Специалист по делам подобного рода Освальд Хиксон дал заключение: «...представляется, что будет невозможно предотвратить идентификацию, потому что, среди прочих причин, школа, о которой рассказывает писатель, неизбежно устанавливается как таковая в связи с собственной авторской идентификацией», — и рекомендовал внести изменения в текст. Таковых оказалось около четырех десятков, что фактически вело к переписыванию всей работы. Издательство вынуждено было временно отказаться от публикации (см.: George Orwell Archive. M/4/G).

ме собрания статей и писем писателя⁵². Супругов Уилкес к тому времени уже не было в живых.

Первая, американская, публикация эссе вызвала критические отклики. Соученики, включая и Коннолли, бывшие учителя, а также появившиеся исследователи творчества и взглядов Оруэлла доказывали, что автор несправедливо обошелся со своими преподавателями, что об этом свидетельствуют воспоминания других питомцев школы, письма самого Эрика родителям и тот факт, что после окончания школы Святого Киприана Эрик смог поступить в Итон. Э. Гау, бывший учитель Эрика, ставший профессором Кембриджского университета, даже написал в газету «Санди таймс» письмо, в котором решительно опровергал «ужасы», описанные Оруэллом, и убеждал его вдову ни в коем случае не публиковать эссе в Великобритании⁵³.

Как видим, Эрик Блэр с раннего детства испытывал глубокую неприязнь ко всему, что ему навязывали, что пытались его заставить делать против собственной воли. Особенно ненавистны ему были любые формы физического насилия. Воплощением последнего были телесные наказания — порки детей, которые в британской школе начала XX века считались естественными*.

Эссе-воспоминания ярко свидетельствуют, что если уж Блэру—Оруэллу что-то очень не нравилось, он отнюдь не стремился сдерживать эмоции, а, наоборот, давал максимальный выход своим чувствам, порой делая это в парадоксально преувеличенной форме, хотя иногда сознавал, что излишне заострил свои критические стрелы, и позже даже сожалел об этом. Так было, очевидно, и в данном случае, когда он вначале не торопился передавать в печать уже готовое произведение, а затем вообще отказался от его публикации.

С самых юных лет у Эрика стало складываться отнюдь не оптимистическое восприятие действительности. Там, где другие дети усматривали лишь мелкие, случайные неприятности, он видел несовершенство, даже порочность бытия. Не случайно Сирил Коннолли назвал застенчивого

* Любопытно, что Уинстон Черчилль (он, правда, поступил в начальную школу на 30 лет раньше Эрика, но за эти годы консервативная традиция ничуть не поменялась), несмотря на взрывной и неуживчивый характер, никогда не давал резко негативных отзывов своей школе, несмотря на зубрежку, порки и отрицательные характеристики, направляемые его родителям (см.: *Бедариде Ф.* Черчилль. М., 2012. С. 33).

Эрика «одним из тех мальчиков, которые, казалось, родились стариками»⁵⁴. Возможно, этот пессимистический настрой, проявившийся еще в детстве, значительно сократил земные дни Оруэлла.

Только после этих замечаний можно попытаться на основании воспоминаний представить жизнь Эрика в школе Святого Киприана — точнее, ее восприятие детским сознанием, таким нервным и чувствительным, во много раз умножавшим трудности и беды. О том, что впечатления о школьных годах были резко отрицательными, свидетельствует тот факт, что еще задолго до «Радостей детства» Эрик не раз упоминал о школе, и каждый раз с вполне определенными негативными интонациями. В первом его романе «Дни в Бирме» о персонаже, в какой-то степени автобиографичном, сказано: «Его воспитывали в третьесортном пансионе, убогом и насквозь фальшивом. Копируя стиль дорогих закрытых заведений, там имелись и аристократичный церковный тон, и крикет, и латынь, и школьный гимн “Жизнь — это матч”, где Бог уподоблялся главному рефери, но не имелось важнейшей ценности дорогих школ — подлинной культуры. Мальчики достигали поразительных успехов в невежестве. Никакими порками не удавалось впихнуть в них отчаянно нудный учебный хлам, а нищие, никудышные учителя не годились на роль мудрых и вдохновляющих наставников».

Унижения Эрика в школе начались с того, что изменение обстановки привело к довольно частому у детей ночному энурезу. Современная медицина считает недержание мочи естественным явлением примерно до четырех-пяти лет. Но у Эрика он возник в восьмилетнем возрасте, в детской спальне пансионата (в каждой комнате ночевали четверо детей). Медики полагают, что к энурезу у детей раннего школьного возраста могут привести эмоциональные нагрузки, внешнее давление, любые важные изменения в окружающей среде. Именно это и произошло с ребенком, когда он оказался в пансионате с жесткой дисциплиной, спартанскими нравами, грубостью учителей, постоянными унижениями и физическими наказаниями.

Эрика впервые выпорол кнутом супруг хозяйки и директорши школы как раз за то, что он мочился в постель, причем выпорол дважды — второй раз, услышав, что ребенок сказал своим товарищам, что ему было не очень больно. Вторая порка была намного более жестокой. Но Эрик возненавидел школу не только за физические наказания, хотя

они запомнились наиболее остро, так как особенно унижали его личность. Он крайне болезненно ощущал и то, что кормили невкусно, к тому же давали мало еды (многие выпускники свидетельствовали, что хозяева школы накопили неплохое состояние, экономя на продуктах для детей), и жесткую дисциплину (особенно тот факт, что по утрам детей заставляли мыться в холодном пруду на краю школьного двора), и обязательные занятия тяжелыми видами спорта (особенно Эрику неприятен был футбол с его грязным мячом, непременно попадающим в лицо).

В британских правящих и элитных кругах весьма важным и модным считалось воспитывать детей из самых знатных семей в спартанском духе, учить их «построить свой характер», чтобы уметь достойно преодолевать самые неожиданные трудности и неудачи. Этот принцип воспитания, сам по себе неплохой, будучи возведен в абсолют, часто приводил не к укреплению характера, а к противоположным результатам и даже к тяжелым хроническим болезням, душевным расстройствам, а то и к самоубийствам.

Не исключено, что еще в приготовительной школе у склонного к простудным заболеваниям Эрика началась та легочная болезнь, которая в конце концов свела его в могилу. Именно в первые годы пребывания в школе он стал страдать бронхитами и «желудочным кашлем» (так иногда называют кашель, возникающий из-за заброса содержимого желудка в пищевод). На это, однако, родители и воспитатели не обращали внимания, полагая, что всё пройдет само собой.

В школе Эрик очень скоро ощутил разницу в социальном положении бедных и богатых. Как живший «за счет» школы (на самом деле родители вносили частичную плату за обучение) он подвергался «назидательным» ремаркам учителей и старшеклассников по поводу того, что ему следует демонстрировать образцовое поведение, что учат его из милости и т. п. Эрика попрекали плохой одеждой и почти полным отсутствием «своих» вещей⁵⁵. Принимая во внимание, что в родительском доме Эрику не раз говорили, что у их семьи «благородные» старинные дворянские корни, чувство обиды было у него особенно горьким.

Через много лет в публицистической книге «Дорога на Уиган-Пирс» Оруэлл посвятил фрагменты своему детству. Теперь он уже с открытой иронией писал об этих самых «бывших благородных», которые «теоретически... знают, как стрелять и ездить верхом, но на практике... не имеют

лошадей, на которых можно было бы ездить, и ни одной пяди земли, на которой можно было бы стрелять»⁵⁶.

В романе 1936 года «Да здравствует фикус!» Оруэлл сквозь воспоминания своего героя Комстока фактически воспроизводит свои школьные дни, когда все дети были богаче его и он «страдал от их высокомерного поведения так, как взрослый человек никогда не мог бы себе вообразить»⁵⁷. Действительно, подтверждал Коннолли, вместе с ним и с Эриком училась «целая куча [английской] знати», а также сиамский принц и сыновья южноафриканских миллионеров⁵⁸.

Естественными результатами были одиночество и внутреннее неприятие школьных порядков, с которыми ребенок быстро научился внешне мириться, ибо отлично понял, что иначе только еще сильнее отяготит свое существование. Именно таковыми виделись зрелому Джорджу Оруэллу школьные будни его предшественника Эрика Блэра. И не имеет значения, что другие школьники ощущали свое нахождение в школе Святого Киприана менее драматично. В данном случае важно не объективное положение вещей, а его восприятие нашим героем, ибо именно оно оказало значительное влияние на его деятельность и творчество.

Уже на первом году обучения Эрик понял, что такое цензура, и возненавидел ее на всю жизнь. В школе ученики должны были регулярно писать родителям, при этом каждое письмо просматривалось и исправлялось воспитателем. Дети быстро поняли, что письма надо писать бодрые и, главное, ни на что не жаловаться, иначе без неприятностей не обойтись. Вот первое письмо Эрика матери от 14 сентября 1911 года: «Дорогая мать, я надеюсь, ты в полном порядке, спасибо за то письмо, которое ты послала мне и которое я еще не читал. Я думаю, ты хочешь знать, как тут у нас в школе. Нормально. Развлекаемся по утрам. Когда мы в постели. От Э. Блэра»⁵⁹.

Восьмилетний Эрик с первых дней пребывания в школе учился эзопову языку, ибо знал, что его письмо перед отправкой прочитают взрослые. Из письма следовало, что хорошо в школе только утром, в постели, до начала учебного дня. Тем не менее цензор себя выдал: в одном из слов была исправлена грамматическая ошибка.

Как видим, отнюдь не позитивные эмоции были у ребенка с первых дней пребывания в школе Святого Киприана. Однако в действительности его положение и успехи бы-

ли несравненно лучше, чем он представлял их себе тогда и описывал позже. О том, что годы, проведенные в приготовительной школе, при всем однообразии, тяготах, наказаниях, в том числе физических, не были таким «страшным кошмаром», свидетельствовали и последующие его письма матери, которые проанализировал первый биограф Оруэлла Бернард Крик: «В них нельзя встретить никаких свидетельств о бедах. Ребенок, который находился бы в состоянии постоянного ужаса, писал бы короче и более осторожными словами и фразами, не был бы таким разговорчивым и спонтанным»⁶⁰.

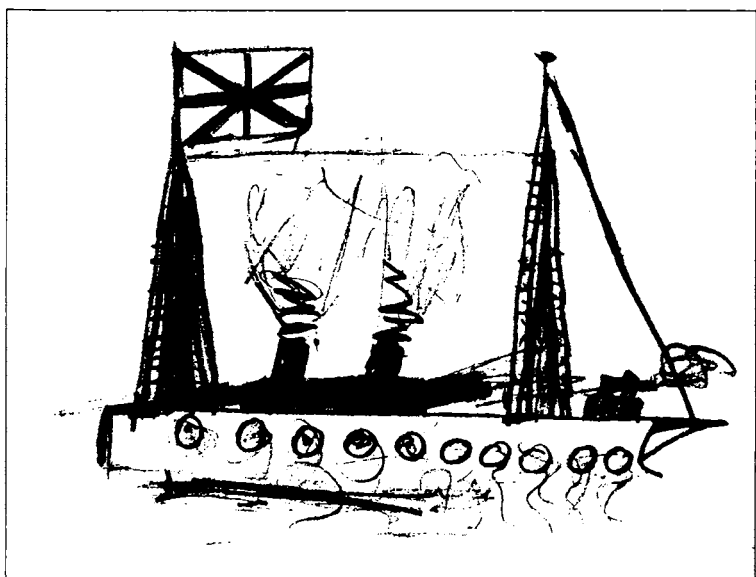
Мы, однако, полагаем, что суждение Крика не вполне справедливо. Письма обычно были краткими и носили самый общий характер. «Свидетельств о бедах» в них нельзя найти, так как эта тема в переписке с родными была запрещена. Некоторые из писем завершались обычными детскими рисунками. Например, в письме от 17 марта 1912 года красовалось нечто вроде военного корабля с британским флагом⁶¹.

Во всяком случае, первые впечатления о невыносимой физической боли, которую причиняет сильный слабому, об испытываемом при этом унижении, о необходимости в некоторых случаях скрывать свои мысли, быть осторожным в высказывании собственных суждений Эрик Блэр получил в приготовительной школе. Другой вопрос, что страх не стал его постоянной привычкой, что он научился его преодолевать, как и сохранять независимость суждений. Так или иначе, но в сознании ребенка откладывались всё новые впечатления, которые потом окажут определенное влияние на творчество писателя Оруэлла.

В школе Эрик сдружился с упоминавшимся уже Сирилом Коннолли, который позже стал известным писателем и издателем журнала «Хорайзен» («Горизонт»), в котором будут со временем публиковаться очерки Оруэлла. Пока же на конкурсе по историческим дисциплинам Эрик завоевал вторую премию, причем его работу высоко оценил привлеченный администрацией внешний «судья». В результате наш герой, так беспощадно и жалостливо описывавший годы в приготовительной школе, заработал стипендию, которая позволяла ему поступить на полное содержание в одну из привилегированных средних школ — Веллингтон, а может быть, даже в Итон.

Сам Эрик не выглядел в глазах окружающих столь несчастным, каким представлял себя позже. Сохранилось несколько фотографий, в частности в публичной библиотеке

Рисунки девятилетнего
Эрика Блэра
в письмах родным
из школы
Святого Киприана.
1912 г.

города Истборна, куда они были переданы бывшими учениками школы Святого Киприана. На одной из них запечатлена большая группа учеников и учителей. И Эрик, стоящий во втором ряду, и его соученики выглядят весьма бодрыми и жизнерадостными. Ничто не свидетельствует о той ужасной атмосфере, которая описана поздним Оруэллом. На другом фото можно увидеть помещения школы, заполненные бойкими детьми, а не теми бледными, страдающими созданиями, какими школьники представлены в воспоминаниях Оруэлла⁶². Так что истина о первых школьных годах Эрика Блэра находилась где-то посередине между его воспоминаниями и свидетельствами других учеников и сохранившихся документов.

У Эрика даже появилась подружка, с которой он охотно общался — правда только на каникулах. Джасинта Баддиком была старше Эрика на два года. Познакомились они летом 1914-го в местечке Шиплейк, графство Беркшир, где Джасинта отдыхала с родителями и двумя братьями, а Эрик — с мамой и сестрами. Знакомство произошло не совсем обычно. Джасинта вышла на задний двор возле своего дома и увидела, что прямо за забором стоит на голове мальчик. «Зачем ты это делаешь?» — «Можно увидеть намного больше, если стоишь на голове!»⁶³ На самом же деле Эрик, увидев девочку, которая привлекла его внимание, придумал трюк, чтобы познакомиться.

Джасинта и Эрик стали встречаться, обсуждать поэзию и даже строить планы на будущее. Через много лет Д. Баддиком, ставшая поэтом и художником, будет вспоминать, что Эрик делился с ней мечтой когда-нибудь написать роман, подобный фантазиям Герберта Уэллса. Он был сдержанным и несколько застенчивым, но не чувствовал себя несчастным мальчиком, образ которого, как позже пытался создать, писала Джасинта⁶⁴. И каникулы, и общение с новой знакомой способствовали более оптимистичному настрою будущего Оруэлла.

Джасинта и Эрик рассказывали друг другу «страшные истории» о духах, добрых и злых. Как-то Эрик сообщил подружке, что, по его подсчетам, не меньше половины населения их городка составляют духи. «Их нельзя отличить от людей, потому что они точно так же передвигаются», — убеждал ее Эрик. Образы, которые формировались в его сознании, были обычно страшными или, по крайней мере, отрицательными. Такой стиль мышления сохранился и позже. Знакомые не раз отмечали у Эрика Блэра нечто са-

дистское или даже мазохистское. Во время игр в прятки по вечерам Эрик дразнил Джасинту: «Ты же не можешь точно знать, что это я. В этом углу совсем темно, и вместо меня может оказаться какая-то тень»⁶⁵.

Безусловно, с самого начала в их взаимоотношениях было что-то романтическое, но в основном дети просто радовались совместным прогулкам и играм. В них участвовал и брат Джасинты Проспер, годом младше Эрика. Отца Эрика, Ричарда, Джасинта вспоминала как жесткого, никогда не улыбавшегося старого джентльмена, который с ней ни разу не разговаривал, мать же считала «живой и одухотворенной»⁶⁶. Имея в виду, что семейство Баддиком на социальной лестнице находилось несколько выше Блэров, родители Эрика не возражали против этой дружбы, продолжавшейся несколько лет, пока Джасинта и Эрик не повзрослели.

В 13 лет Эрик окончил пятый, выпускной класс пригготовительной школы. Незадолго до окончания, в феврале 1916 года, он блестяще сдал экзамены на получение стипендии в школе более высокой ступени. Более того, подростку была предоставлена возможность пройти сложные и утомительные экзамены, продолжавшиеся три дня, на получение одной из значительных по сумме и считавшихся весьма почетными стипендий для обучения в Итоне. Стипендию могли получить всего 13 человек из 70 кандидатов, отобранных на предыдущих турах. Эрик оказался четырнадцатым и выбыл из игры. Оставалась, однако, надежда, что кто-либо из выигравших стипендию по той или иной причине откажется от нее, и тогда она будет предоставлена следующему по очереди.

Между тем стипендия в другой, несколько менее престижной средней школе — в Веллингтоне — была обеспечена. Но еще до окончания пригготовительной школы способности быстро взрослевшего Эрика проявились в полном блеске. Одну за другой он получил премии за отличные знания классических языков — древнегреческого и латыни — и истории (эта премия присуждалась знаменитой школой Харроу и считалась особенно престижной). Правда, впоследствии верный себе Оруэлл высмеял подобные состязания: «Там были такие глупые вопросы, на которые можно было ответить, только зазубрив имя или цитату... Кто был обезглавлен на корабле в открытом море? Кто застал вигов во время купания и убежал с их одеждой?»

Может показаться, что писатель просто издевается. Од-

нако сохранившиеся у Коннолли вопросы этого экзамена по истории полностью подтверждают правоту Оруэлла: «Каковы были обвинения, по которым судили семь епископов?»; «Кто был убит возле Туксбери?» Впрочем, подобные вопросы великолепно тренировали память и в этом смысле были очень полезны, как бы их потом ни проклинал Оруэлл. Хотя, конечно же, они позволяли зазубрить некоторые исторические факты, но не понять исторический процесс во всей его полноте. Но когда и где школьникам удавалось познать исторический процесс?

Во взрослой писательской жизни Оруэлл не раз с возмущением упоминал, как отвратительно поставлено было изучение истории в школах Великобритании. При этом автор ссылался на свой двойной опыт — и школьника во втором десятилетии XX века, и учителя — через 20 лет⁶⁷.

Кроме того, Эрик рано усвоил хитроумные методы, использовавшиеся в школе Святого Киприана, чтобы подготовить выпускников к поступлению в престижное учебное заведение. Совсем нетрудно было узнать от преподавателей или даже от студентов, например, Итонского колледжа, какие вопросы обычно ставятся на вступительных экзаменах. Ведь преподаватели этого пользовавшегося славой заведения были довольно ленивы и если меняли вопросы к следующему году, то в основном путем их перетасовывания. В результате на последнем году обучения в школе Святого Киприана учителя главным образом заставляли своих подопечных зазубривать ответы на возможные вопросы, особо не вдумываясь в их смысл. Результат, как правило, был положительный — в смысле поступления в вожделенный колледж, тогда как уровень знаний оставался близким к нулю. Оруэлл писал в воспоминаниях о школьных «радостях»: «Необходимо было заучить то, что создало бы у экзаменатора впечатление, что ты знаешь больше, чем на самом деле, и не допускать, чтобы твой мозг был загружен чем-то другим»⁶⁸.

Видимо, педагога действительно шли на такого рода уловки, чтобы обеспечить своим питомцам поступление и в то же время повысить рейтинг собственного учебного заведения. Но сводить процесс обучения, тем более в выпускном классе, только к бессмысленной зубрежке было бы неверно. Просто эта сторона обучения, столь распространенная в школах (и не только в Великобритании), особенно раздражала подростка.

В последние полтора года приготовительной школы Эрик серьезно изменился. Он перестал уклоняться от вы-

полнения учебных заданий, стремился не просто выучить уроки, но и поглубже разобраться в изучаемом материале. У него возникло чувство, что, если ему не удастся поступить в престижный колледж, он предаст своих родителей, возлагавших на него столь большие надежды. Так что в целом результаты обучения Эрика в школе Святого Киприана можно назвать положительными.

Особенно отличился Эрик на выпускных испытаниях. Согласно правилам, проводились они экзаменатором из другого учебного заведения. На сей раз им был опытный и строгий педагог, сотрудник Оксфордского университета Грант Робертсон. Экзамены сдавались по четырем предметам: греческому, латинскому, французскому языкам и английскому языку и литературе. Робертсон прокомментировал результаты следующим образом. Греческий язык: «Блэр и Коннолли, проявили хорошие знания, были почти равными при переводе, но Блэр был явно лучше в грамматике»; латинский язык: «Трудно было предпочесть Блэра или Коннолли по грамматике, но по сочинению Блэр был явно лучше»; французский: «Четыре мальчика — Блэр, Киркпатрик, Коннолли и Грегсон — были очень близки друг к другу, но Блэр был лучше всех в переводе и сочинении». Английское сочинение предусматривало освещение темы «Что собой представляет национальный герой?». Робертсон определил для Коннолли второе, а для Блэра третье место. Судя по его комментарию, его не устроило, что некоторые ученики (явно имелся в виду Эрик Блэр) «уделили большее внимание героизму в целом, а не качествам национального героя»⁶⁹.

Это было весьма показательно. Взрослея, Эрик временами отрекался от своего подросткового показного патриотизма. Казалось, для него теперь становились важнее личные качества героя, нежели его национальность. Это не было прямолинейное движение. Патриотические приступы возобновлялись (только опыт работы в колониальной Бирме навсегда отучит его от бездумного почитания чего-то только потому, что оно «наше», «родное», «отечественное»).

На выпускном вечере был поставлен спектакль по произведению Чарлза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» о компании чудаков, путешествующих по Англии и наблюдающих «человеческую природу», что позволяло представить нравы старой Англии и разнообразие людских типов, смешных, трогательных и даже трагических. Эрику досталась второстепенная роль мистера Уорд-

ла — владельца фермы в местечке Дингли-Делл, друга главного героя Сэмюэла Пиквика. Его игрой публики, среди которой было много гостей, осталась очень довольна⁷⁰.

Тем не менее Блэр покидал пригготовительную школу с чувством огромного облегчения, как будто его освободили из заключения. Позже он относил к положительным сторонам своего пребывания в ее стенах только то, что научился там твердо встречать и решительно преодолевать неприятности, приспосабливаться к обстоятельствам, но только в случае острой необходимости, и в то же время уметь видеть людей такими, какие они на самом деле. Что ж, эти качества были действительно исключительно важны, но приобретением их дело не ограничилось. В пригготовительной школе Эрик Блэр получил неплохое базовое образование.

По окончании школы Святого Киприана Эрик приехал на отдых к родителям. Он с удовольствием проводил время с Джасинтой. Через много лет Джасинта в своих воспоминаниях писала, что Эрик был тогда «особенно счастливым ребенком»⁷¹. Естественно, Джасинта рассказывала о своих встречах с Эриком, доставлявших радость обоим. Посмертно опубликованные крайне отрицательные воспоминания Оруэлла о школьных годах явились для нее большой неожиданностью*.

Промежуток между двумя учебными заведениями продолжался только две недели, во время рождественских праздников. В самом начале января 1917 года Эрик поступил в Веллингтонскую школу.

Основанная в 1858 году королевой Викторией, это была весьма престижная школа в графстве Западный Беркшир, ориентировавшая своих учеников на получение широкого гуманитарного образования. Девизом школы было: «Наша миссия вдохновлять учеников развивать свои таланты, двигаться намного дальше среднего уровня и приобрести страстное желание учиться всю жизнь». Звучало превосходно, но критический ум Эрика Блэра не оценил прелестей школы. «Двигаться дальше среднего уровня» под руковод-

* В журнале «Нью стейтсмен» даже появилась заметка, что Джасинта якобы охарактеризовала это произведение как «сплошную ложь». Возмущенная Джасинта послала в журнал опровержение, призывая оценивать эссе Оруэлла о «радости» не как автобиографическое произведение, а как плод художественного вымысла. «Нью стейтсмен» отказался опубликовать письмо, но экземпляр его сохранился и был использован Б. Криком (см.: *Crick B. George Orwell: A Life*. London, 1980. P. 80).

ством «средних» (такими они показались новому ученику) преподавателей, ему очень скоро надоело. Перед ним маячили значительно более привлекательные и светлые горизонты.

Итон

Всего лишь через два с небольшим месяца, в марте 1917 года, Эрик получил извещение, что в связи с образовавшейся вакансией ему может быть предоставлена сравнительно крупная в денежном выражении и весьма престижная Королевская стипендия в Итонском колледже. После оформления соответствующих бумаг в середине апреля он покинул Веллингтонскую школу, две недели провел с родителями и в начале мая, как раз перед тем, как ему исполнилось 14 лет, отправился поездом в старинный королевский город Виндзор на Темзе, на противоположном берегу которой и находился заветный Итон. Здесь он завершил свое полное среднее образование, получив аттестат в 1921 году.

Обстановка в Итоне была, по мнению Эрика, лишь немногим лучше, чем в приготовительной школе. Правда, как престижный «королевский стипендиат» он обладал некоторыми привилегиями. Он жил на территории колледжа, тогда как «обычные» ученики снимали комнаты за его пределами. Поверх бело-черного форменного костюма он по праздничным дням и во время официальных школьных мероприятий надевал торжественную мантию. Каждый раз, когда он писал свое имя, в частности в письменных работах, он добавлял *K. S.* (то есть *King Scholar* — «королевский стипендиат»). Естественно, это накладывало дополнительные обязательства, ибо необходимо было соответствовать высокому званию, причем самыми разными способами — и образцовой учебой, и спортивными подвигами, и общественной деятельностью.

Колледж Итон был основан королем Генрихом VI еще в 1440 году. «Королевские стипендиаты» еженедельно молились за упокой его души. Других конкретных обязательств, проистекавших из «звания», у них не было. Но выглядеть надо было «по-королевски». Правда, традиция всё же требовала, чтобы «королевские стипендиаты» опережали остальных хотя бы на каком-то направлении.

Ко времени поступления Эрика Блэра в Итон Великобритания уже почти три года участвовала в Первой мировой

войне. Многие ученики старших классов были призваны в армию. Из-за военных трудностей тяга подростков и их родителей к престижному образованию поугасла, что облегчило поступление Эрика в Итон. Но главное — он всё же получил в подготовительной школе необходимые знания (сам факт поступления в один из престижнейших колледжей Великобритании свидетельствует, что обучение в школе Святого Киприана не было столь уж отвратительным).

Первый год в Итоне был нелегким. Воспитатели и здесь приучали подростков, почти уже юношей, к жизненным трудностям. Но Эрик стал старше и выносливее, привык, что жизненный путь — это не гладкое, постепенное восхождение к вершинам, а карабканье по кручам, сопровождаемое синяками и шишками.

Новый стипендиат был поселен в здании барачного типа под характерным названием «Камера», в комнате, где ночевали 14 соучников. Каждому полагались деревянная полка-кровать, на день поднимавшаяся к стене, так что лежа отдохнуть было невозможно; крохотный столик, стул и полочка для книг. Туалет был общим, так что иногда приходилось довольно долго ожидать своей очереди. К счастью, ночные недержания Эрика прекратились задолго до поступления в Итон, так что теперь он был в состоянии достойно выдержать и это испытание.

Оказалось, что в Итоне младшеклассники тоже подвергались избиениям, но не учителями, а учащимися выпускного шестого класса, которым официально поручалось поддерживать дисциплину не только в общежитии, но и во время занятий. Как и прочие первоклассники, Эрик, получив громогласно объявляемый «вызов», послушно шел в комнату выпускников, спускал штаны, ложился на стул и подвергался порке, чему предшествовало сообщение, за что именно он наказан. Даже в тех случаях, когда младшие считали наказание совершенно несправедливым, они не имели права протестовать, а тем более сопротивляться.

Такова была традиция, которую никто не осмеливался нарушить. В какой-то степени Эрика мирило с этими наказаниями то, что исполнителями их были не учителя, а старшеклассники: последним скоро предстояло покинуть Итон, а ему самому — оказаться на их месте. Надо признать и то, что экзекуции не были физически особенно жестокими, дело ограничивалось несколькими не очень сильными ударами по ягодицам, после чего наказанный подтягивал

штаны и под возгласы старшекласников «Спокойной ночи!» отправлялся в свою комнату.

Эрик успешно выдержал и «экзамен» на вступление в школьную среду. Ему предстояло в комнате для самостоятельных занятий взобраться на стол и что-нибудь исполнить. Это могли быть песня, стихотворение или даже акробатический трюк, главное — «произвести впечатление». Если представление не нравилось, старшие школьники метали в неудачника всё, что попадалось под руку: книги, яблочные огрызки и т. п. Эрик, не обладавший хорошим слухом, всё же решился спеть модную в то время американскую студенческую песенку «Спускайся с Бангора»:

На Восточном экспрессе,
Бангор покидая,
Отохотившись в Мэне,
В дебрях милого края,
С бородой и усами
(Не узнаешь в момент!) —
Едет поздоровевший
За лето студент*.

Эрик признавался, что в школьные годы эта песня представляла для него целую картину Америки прошлого века. Спел он ее с неподдельным чувством, что оценили слушатели, наградив исполнителя горячими аплодисментами.

Противоречивые чувства продолжали переполнять Эрика. С одной стороны, он проникался сознанием социальной несправедливости, понимаемой как преимущественное право кого-то на те или иные действия в силу своего положения на общественной лестнице. Разумеется, такого рода мысли были очень смутными, но тем не менее порождали ранний скептицизм, а порой и пессимизм. С другой стороны, он мечтал о том времени, когда сможет диктовать свою волю тем, кто стоял на более низкой ступени общественной лестницы.

Порой у подростка возникали просто мстительные чувства. Начитавшись литературы о колдовстве и магии, он как-то решил использовать «черную магию» против чем-то обидевшего его ученика старшего класса: взял кусок мыла, начертил на нем силуэт врага и с силой проткнул его булавкой. На беду, оказалось, что тому мальчику в следующие два дня не везло — он совершил какие-то проступки и был

* Перевод Л. Шустера.

дважды наказан поркой. Тогда Эрик решил больше «черной магией» не заниматься — он растворил этот кусок мыла в горячей воде⁷². Вера в чудеса и «черную магию» этим и исчерпалась (Эрик заподозрил, что произошло банальное совпадение). У подростка рано стал складываться рационалистический образ мышления.

Выдержав трудности первого года в Итоне, Эрик после перевода во второй класс получил отдельную комнатушку. Впервые после того, как он покинул родной дом, он имел то, что англичане называют *privacy* — возможность побыть наедине с собой, которая в Англии ценится как одно из величайших благ. Он мог теперь проводить внеучебное время так, как ему хотелось, без зорких глаз многочисленных соседей по комнате, среди которых обязательно были доносчики, сообщавшие о «нарушениях» старшеклассникам.

Успехи в учебе были куда более скромными, чем в овладении школьными навыками и обычаями. По латыни, которая на первом году считалась главным предметом, Эрик получил всего 301 балл из возможных шестисот⁷³. (Высший балл, наверное, смогли бы получить только Вергилий или Тацит; лучший ученик Роджер Майнорс, впоследствии известный профессор латинского языка в Оксфорде, чьи познания были выше, чем у многих учителей, удостоился только 520 баллов.)

Учебный день был насыщенным. Первый урок начинался в половине восьмого утра, за ним следовал завтрак, затем — еще три урока. Потом студенты проводили некоторое время со своими тьюторами (попечителями из числа младшего преподавательского состава) — беседуя с ними или самостоятельно занимаясь под их наблюдением⁷⁴. Предполагалось, что во второй половине дня они будут не только зубрить школьные предметы, но и участвовать в спортивных состязаниях или тренировках. Блэр не отказывался от спортивных игр, но предпочитал проводить время в своей комнате за чтением.

У каждого ученика Итона был свой тьютор. Эрик попал под попечение Эндрю Гоу, специалиста в области классической филологии, знатока древнегреческой литературы, который временно прервал преподавание в Кембриджском университете, чтобы проверить, как усваивается классика подростками в привилегированной средней школе. Позже Оруэлл консультировался с Гоу по вопросам собственного творчества. О теплом отношении писателя к своему наставнику свидетельствует длинное письмо 1946 года с подроб-

ным рассказом и сделанном, и о творческих планах, и о семейных делах, и даже о состоянии здоровья, о чем Оруэлл вообще-то распространяться не любил⁷⁵.

Еще одним выдающимся человеком в Итоне был преподаватель французского языка Олдос Хаксли, предшественник Оруэлла в создании жанра сатирического разоблачительного романа. Он был старше Эрика Блэра всего на девять лет и происходил из семьи, давшей плеяду естествоиспытателей, писателей и художников. Дедом Олдоса был великий биолог Томас Генри Хаксли. Внук же избрал писательскую стезю, создал ряд романов, повестей, рассказов, но в мировой литературе известен прежде всего романом «О дивный новый мир» (1932).

Действие романа разворачивается в Лондоне в 2541 году. Люди на всей Земле живут теперь в едином государстве. Потребление возведено в культ, символом потребительского бога выступает Генри Форд. Люди не рождаются традиционным путем, а выращиваются на человекофабриках, где уже на стадии развития эмбриона разделяются на пять каст, различающихся умственными и физическими способностями, — от максимально развитых «альф» до наиболее примитивных «эпсилонов». Далее Хаксли развивал сюжеты, связанные с этим отвратительным, с точки зрения нормальной современной человеческой логики, псевдообществом, придав ему худшие и сильно гипертрофированные черты и западных государств, и советской тоталитарной системы.

Весьма соблазнительно найти указания на контакты молодых Хаксли и Блэра, но, к сожалению, таковых не было. Кроме тривиальных встреч на уроках, к которым обычно Эрик не готовился и часто получал самые низкие оценки, они не общались, хотя, судя по воспоминаниям соученика Эрика, Стивена Рэнсимена, Хаксли им нравился, особенно потому, что учил как-то по-особому: рассказывал о редких выражениях и использовал особые мнемонические методы, чтобы школьники запомнили их лучше. При этом он был никудышным педагогом: не мог поддерживать дисциплину, был настолько близоруким («слепым», издевались ученики), что не видел происходившего в классе, и вел себя ужасно нервно. Блэр считал это грубостью⁷⁶, так что добрых чувств между ними не возникло.

Продолжая проводить почти всё свободное время за чтением и одновременно занимаясь стихосложением (эти его произведения не оставили следа в английской литера-

туре), Эрик Блэр постепенно приобщался и к общественной деятельности, к коллективным занятиям. Роджер Майнорс вспоминал, что Блэр производил впечатление парня, многое знавшего, особенно не обращавшего внимания на занятия, всегда настроенного «против авторитетов», любившего (но не «патологически») одиночество. Вместе с Майнорсом и еще одним однокашником, Дэнисом Кинг-Фарлоу, он затеял издание школьного рукописного журнала и выпустил несколько номеров. Журналу было дано название «Элекшн таймс» («Election Times»), трактовать которое можно по-разному: «Время выбирать», «Время выбора» (имея в виду школьников, делающих свой выбор). Подростки заработали незначительную сумму, давая его читать желающим за один пенни⁷⁷.

Вскоре, однако, у Дэниса проснулась предпринимательская хватка, и он договорился с двумя местными фирмами, что в задуманном ими журнале, который теперь предполагалось печатать в типографии, будет за небольшие деньги опубликована их реклама. Так появился на свет журнал «Колледж дейз» («Школьные дни»). Правда, удалось выпустить всего два номера (1920), где были напечатаны очерки Блэра, его одноактная драма «Свободная воля», несколько стихотворений. Во втором номере особое внимание читателей привлек его стихотворный репортаж «Ода полевым учениям», в котором высмеивались бессмысленные строевые занятия, проводившиеся в Офицерском подготительном корпусе⁷⁸.

Преодолев былую ненависть к коллективному спорту, Эрик играл теперь в регби и в его своеобразную, весьма грубую разновидность, рожденную именно в Итоне, под названием «Игра у стены», до сих пор считающуюся привилегированным занятием, в котором могут участвовать только «королевские стипендиаты»: задача состоит в том, чтобы провести мяч по полю шириной всего пять метров вдоль кирпичной стены длиной 110 метров и забросить его на эту стену. Сохранившаяся фотография команды (12 человек) свидетельствует, что Эрик был высоким мускулистым парнем⁷⁹.

Однако критический настрой Блэра вскоре восторжествовал и в отношении спорта. Он считал, что эти игры основаны «на ненависти, зависти, хвастовстве, нарушении каких бы то ни было правил и садистском удовлетворении в насилии»⁸⁰.

Эрик часто спорил, как бы развлекаясь, подчас просто

для того, чтобы отточить свою аргументацию⁸¹. Не очень почитавший древнюю литературу, особенно философскую, он отчасти изменил отношение к ней, когда прочел «Диалоги» Платона. Один из соучеников Эрика рассказывал: «Я вспоминаю, как нас познакомили с... диалогом Платона, в котором Сократ спорит буквально ни о чем с массой людей, бесконечно доказывая, что они неправы, на самом деле только для того, чтобы заставить их *мыслить*. Я подумал, что этот человек похож на Эрика Блэра»⁸².

В целом время, проведенное в Итоне, как и в предыдущих школах, не оставило особо благоприятных впечатлений у подростка, а затем юноши. В автобиографии, написанной в апреле 1940 года для американского справочника «Писатели двадцатого века», он ограничился лишь парой сухих строк: «Мне повезло, что я получил стипендию, но я не занимался и научился очень немногому. Я не думаю, что Итон оказал серьезное влияние на мою жизнь»⁸³.

Можно с уверенностью сказать, что в этом случае, как и во многих других, он был слишком строг и пристрастен и к себе, и к своим воспитателям, и к учебному заведению. Преподаватели Итона были опытные и знающие педагоги, хотя и следовали консервативным традициям, давали добротные, но несколько замшелые знания, подозрительно относясь к новейшим веяниям. Скорее всего, именно это спровоцировало негативную оценку колледжа в целом. Объективно говоря, Блэр не особенно нагружал себя учебными делами, учился средне и окончил Итон семнадцатым из двадцати семи выпускников.

В подростковом возрасте у Эрика стали пробуждаться еще мало осознанные, почти исключительно эмоциональные политические симпатии и антипатии и стремление выразить их в стихотворной форме. Безусловно, первым стимулом к таким эмоциональным порывам стало начало мировой войны. Через много лет он рассказывал, что первым политическим лозунгом, который он более или менее сознательно воспринял, были краткие, вполне ему понятные слова в рифму: «We want eight, and we won't wait» («Мы хотим восьмерку и не хотим ждать». Речь шла о новом поколении военных кораблей класса линкор, появившемся в начале XX века (они стали именоваться дредноутами по названию первого британского линкора («Dreadnought» — «Бесстрашный»), спущенного на воду в 1906 году. В услышанном Эриком лозунге содержался призыв к созданию новых восьми дредноутов, причем в самом близком будущем,

и он горячо поддерживал морское могущество своей страны⁸⁴. Юный Блэр, как и миллионы его сограждан, поддался патриотическому и даже шовинистическому инстинкту. Его первое стихотворение, опубликованное в местной малотиражной газете, когда автор еще учился в школе Святого Киприана, называлось «Проснись, о Англии юность!»⁸⁵. Автор наивно и довольно беспомощно призывал нанести немцам «самый тяжелый удар, какой только возможно», и завершал третью, последнее четверостишие еще одним призывом:

Проснись, о Англии юность!
Стране твоя помощь нужна.
Добровольцам не свойственна трусость.
Воля тысяч — воля одна*.

Было бы несправедливо упрекать юного автора в лицемерии. Но в то же время он должен был отлично понимать, что к моменту, когда ему самому доведется «пойти в добровольцы», война уже завершится. Так что ура-патриотический порыв был явно умозрительным, никак не соотносимым с собственной судьбой. Впрочем, этот порыв снова дал о себе знать менее чем через два года, незадолго до того, как Эрик стал студентом Итона. Узнав о гибели в открытом море британского военного министра Герберта Китченера на корабле, подорвавшемся на немецкой мине, он написал 12 пафосных строк. Стихотворение «Китченер», не заинтересовавшее большую прессу, появилось в той же провинциальной газете⁸⁶. Великодержавные мотивы звучали здесь еще четче, чем в первом стихотворении. Оплакивая фельдмаршала Китченера, юный автор писал:

Он увлекал всех тех, кто рвался в бой,
Кого дела позорные смущали,
Всех лучших вел он за собой,
А недостойные бежали.

Но патриотический порыв оказался кратковременным, постепенно угасая по мере превращения войны в позиционную с редкими и малоуспешными попытками противников развернуть крупное наступление. «На Западном фронте без перемен» — название знаменитого романа Эриха Марии Ремарка (1929) — полностью отражало чувства и

* Это и следующее четверостишие в переводе Л. Шустера.

AWAKE! YOUNG MEN OF ENGLAND.

The following verses were composed and written
by Master Eric Blair, the eleven-year-old son of
Mr. R. W. Blair, of Rose Lawn, Shiplake :—

Oh ! give me the strength of the lion,
The wisdom of Reynard the fox,
And then I'll hurl troops at the Germans,
And give them the hardest of knocks.

Oh ! think of the War lord's mailed fist,
That is striking at England to-day ;
And think of the lives that our soldiers
Are fearlessly throwing away .

Awake ! oh you young men of England,
For if, when your Country's in need
You do not enlist by the thousand,
You truly are cowards indeed.

ERIC BLAIR.

мысли тех, кто находился не только на передовой, но и в глубоком тылу. Эрик Блэр вспоминал, что в школьной библиотеке Итона висела карта Западного фронта, к которой была прикреплена зигзагообразно расположенная тонкая красная нить, обозначающая линию фронта. «Иногда нить чуть-чуть сдвигалась в ту или другую сторону, причем каждое движение означало пирамиду трупов»⁸⁷. Постепенно Эрик, как, видимо, и другие школьники, просто перестал обращать внимание на эту ниточку. Но игнорировать тот факт, что его сограждане гибли на фронте, было невозможно. Среди жертв было непропорционально много выпускников его колледжа. Из 5687 бывших итонцев, служивших в армии в военные годы, 1160 были убиты и 1467 ранены⁸⁸. Традиции Итона требовали не прятаться за чужие спины.

Сохраняя юношеское критическое настроение к разного рода добровольным оборонительным начинаниям, Блэр в то же время не раз одобрительно высказывался о тренировке будущих военных в Офицерском подготовительном корпусе или о школе, в которой обучали военнослужащих Королевского сигнального корпуса — отборных частей, шедших в бой первыми, проводивших разведывательные операции и устанавливавших связь между воинскими подразделениями⁸⁹. Он сам записался в находившуюся в Итоне группу подготовки к службе в Сигнальном корпусе. Правда, скорее всего, это был кратковременный порыв, ибо особого усердия в занятиях у Блэра не наблюдалось.

В ноябре 1917 года Блэр участвовал в полевых учениях. Вместе с полудюжиной товарищей он должен был наблюдать за передвижениями воображаемого противника и немедленно докладывать начальству. Вместо этого он собрал свою группу в укромном месте и стал читать выбранные им наиболее смешные сцены из какой-то юмористической книги. Читал он «скучным, разрушающим всякие иллюзии голосом», что еще усиливало комический эффект. Аудитория заливалась хохотом. О воинской службе все забыли.

Тогдашнее настроение Блэра описывалось свидетелем как «сардоническое», «злорадно-веселое»⁹⁰. Осенью 1940 года, когда уже шла Вторая мировая война, он писал, что в его школьные годы уклонение от участия в парадах и вообще демонстрация отсутствия интереса к войне должны были служить признаком «просвещенного» человека⁹¹. Однокашник Кристофер Вудс подтверждает, что Эрик Блэр очень неохотно подчинялся режиму воинской подготовки. Кристофер «последовал его примеру и поступил в Сигналь-

ную секцию, которая была приютом для ленивых и неспособных». Поскольку здесь было снаряжение, которое надо было охранять, «в дни полевых учений можно было не маршировать»⁹².

Вместе с товарищами Эрик посещал соседний госпиталь, где лечились раненые «томми», как называли рядовых солдат. Подростки приносили им сигареты и скромное угощение, купленное на карманные деньги. Во всём этом администрация колледжа видела проявление патриотизма, что по отношению к Эрику Блэру было верно лишь отчасти. В его личной переписке подчас звучали совершенно иные мотивы. Сирилу Коннолли Блэр писал, что, каким бы ни был результат войны, Англия многое потеряет: империю, Киплинга и... «свой характер»⁹³. (Поскольку поэт Р. Киплинг рассматривался как певец имперской Британии, имелся в виду возможный крах имперского господства.)

К концу войны в сознании юноши уже доминировали самые прозаические моменты. Продовольственные запасы в Британии истощились, по введенным правительством талонам продавалось всё меньше еды. В начале Второй мировой войны Оруэлл вспоминал: «Если вы попросите меня откровенно сказать, что больше всего врезалось в память, я должен ответить просто — маргарин. Это ведь пример постоянного ужасного эгоизма детей, что к 1917 году война почти перестала нас волновать, если не считать наши желудки»⁹⁴.

Автор краткой биографии Оруэлла С. Лукас считает: «Если мы отмечаем различия между мужчиной и мальчиком, это не означает, что мы обвиняем Оруэлла в обмане или даже непоследовательности. Редко встречаются личности, восемнадцатилетний энтузиазм которых сохранится на всю жизнь. В то же время полагают, что Джордж Оруэлл — святой или грешник — возник в результате того, что полностью оторвался от юного Эрика Блэра»⁹⁵. С ним можно согласиться лишь отчасти. Противоречия следует искать не только между юным Блэром и зрелым Оруэллом, но и в душе самого Блэра—Оруэлла на разных этапах жизни.

Хотя при поступлении в знаменитую школу Эрик, бесспорно, проявил знания и способности, смог получить стипендию, которая давала возможность не только оплачивать обучение, но и вести более или менее сносную жизнь, в учебных делах он не выделялся, однако благополучно переходил из класса в класс. Соученики вспоминали, что

он временами проявлял качества лидера в характерных для первых послевоенных лет протестных выступлениях старшеклассников, но каких-либо подтверждений в этих воспоминаниях найти почти невозможно. Единственным случаем какого-то подобия «бунта» было коллективное требование об отставке командира школьного подразделения Офицерского подготовительного корпуса — руководителя военной подготовки школьников. Но, во-первых, Эрик был не руководителем, а просто одним из участников этого выступления, за которое, кстати, никто из псевдобунтовщиков не понес наказания. Во-вторых, ребята не возражали против поведения военного инструктора, пока шла война, а выступили со своим требованием 11 ноября 1918 года, когда было подписано Компьенское перемирие с Германией. Наконец, в-третьих, никакого политического подтекста у требования не было — школьникам просто не нравилось, что с ними грубо обращаются, что их не считают мужчинами (а ведь им уже стукнуло по 15–16 лет!). Сам Эрик позже назвал и поведение своих товарищей, и собственную выходку снобизмом и даже обозвал себя «отвратительным маленьким снобом»⁹⁶. Так что о «повстанческих настроениях» Эрика Блэра в школьные годы говорить не приходится.

Более достоверны сведения о том, что подросток стал поглощать лучшие образцы британской художественной литературы. Он запоем читал Бернарда Шоу. Писатель привлек его особое внимание и острыми, парадоксальными пьесами, высмеивающими чопорную пуританскую мораль, распространенную в зажиточных кругах британского общества, и четко выраженными симпатиями к городским низам, и тяготением к социалистическим идеям.

Через много лет их политические ориентиры и творческие пути решительно разойдутся — престарелый Бернард Шоу станет высоколобым попутчиком Сталина, оправдававшим Большой террор, тогда как его давний почитатель окажется одним из самых ярких разоблачителей сущности и последствий советского тоталитаризма. Пока же Эрик читал и перечитывал многие произведения Шоу. Правда, на сохранившихся экземплярах его книг из личной библиотеки Блэра нередко встречаются критические пометки. В книге Шоу «Пьесы, приятные и неприятные» напротив слов «Мы должны двигаться вместе, лучше и быстрее» Эрик поставил уже мучивший его вопрос: «Куда?»⁹⁷

Другим любимым автором Эрика стал Гилберт Честер-

тон, младший друг Шоу, с которым тот не раз вел дружескую, но довольно острую полемику. Шоу принадлежал к умеренным социалистам, Честертон же считался верным католиком, хотя религия служила ему скорее фоном для философских размышлений. Честертон был мастером притчи. Скорее всего, именно эта особенность его творчества полюбилась Эрику, в какой-то мере предопределив форму двух главных его произведений.

Еще одним высоко ценимым им автором был менее известный, но высоко чтимый в определенных художественных кругах Альфред Эдвард Хаусман, преподававший латынь в Кембридже, ведший уединенный образ жизни и опубликовавший всего два поэтических сборника. Хаусман нравился Блэру, скорее всего, неоднозначностью: с одной стороны, он с горечью взирал на окружающий мир с пессимистической точки зрения простого рабочего парня; с другой стороны, его поэзия явно отдавала духом эдвардизма — ставшего модным в это время течения последователей принца Эдварда, который нарочито на равных общался с простолюдинами, нарушал общественные «приличия» своими экстравагантными костюмами и даже, страшно сказать, выставяемыми напоказ татуировками. Соответствующие черты поэзии Хаусмана внесли вклад в творческий коктейль будущего Оруэлла.

С немалым интересом им проглатывались романы, повести, рассказы американца Джека Лондона. Эрику особенно нравилось яркое воспроизведение неподвластных человеку природных сил в романе «Зов предков», описание бедности и ее отражения на психологии и поведении человека в книге «Люди бездны». Можно полагать, что эта книга особенно запала в душу Эрика Блэра. Когда он станет писателем Оруэллом, он в значительной степени повторит опыт Джека Лондона, который в 1902 году, приехав в британскую столицу, отправился в кварталы нищеты и создал правдивый репортаж о людях «на краю», о тех, кого нынче называют маргиналами⁹⁸.

Эрик запоем читал фантастику Герберта Уэллса. Вслед за «Машиной времени» об увлекательном путешествии в будущее им проглатывались романы о цивилизации муравьев и о войнах будущего с применением ядовитых газов. Уэллс вслед за Шоу ввел Блэра в мир британских умеренных социалистов, познакомил с идеями о необходимости крайне осторожного и неторопливого перехода к обществу будущего, в котором исчезнет эксплуатация.

Наступит время, когда Оруэлл будет стыдиться своего детского увлечения Уэллсом. В 1941 году он напишет эссе «Уэллс, Гитлер и всемирное государство», в котором объявит, что писатель слишком стар, чтобы понять современный мир, что «вся жизненная привычная мысль воспрепятствовала ему понять силу Гитлера». 75-летний писатель ответит гневным письмом, в котором обзовет его «дерьмом», что Оруэлл со знаком плюс отметит в своем дневнике⁹⁹.

С удовольствием поглощал Эрик также произведения романиста и драматурга Яна Хэя, сатирика Уильяма Теккерея (прежде всего его знаменитую «Ярмарку тщеславия»), исполненные восточной романтики произведения Редьярда Киплинга — первого англичанина, получившего в 1907 году Нобелевскую премию по литературе. Всех этих авторов он называл «любимцами детства»¹⁰⁰.

Не отказывался он и от детективной литературы, с увлечением читал книги Артура Конан Дойла и Эдгара По. Диккенса и Шекспира он стал по-настоящему ценить уже в более зрелом возрасте. Вместе с тем у Эрика Блэра росла тяга к собственному художественному творчеству. Ему легко давалось стихосложение, хотя поэтические опусы, которые были сочинены в средние и старшие школьные годы, он позже воспринимал как почти пустое графоманство. В 1947 году он вспоминал, что в Итоне сочинял стихи по всякому поводу. С огромной скоростью слагал он полукомические вирши, в 14 лет всего за неделю написал целую рифмованную пьесу в подражание древнегреческому комедиографу Аристофану. Он вспоминал также, что редактировал школьные журналы, как рукописные, так и печатные¹⁰¹.

Одновременно, как он рассказывал в мемуарном очерке «Почему я пишу», он стал пробовать свои силы в прозе, «хотел писать огромные натуралистические романы с несчастливым концом, полные подробных описаний и запоминающихся сравнений, полные пышных пассажей, где сами слова использовались бы отчасти ради их звучания»¹⁰².

Он решил написать повесть «про самого себя». Обладая великолепной памятью (явно пригодились зубрежка нудных исторических фактов и дат в przygotowательной школе и изучение греческого и латинского языков), он не делал записи; своего рода дневник существовал только в голове. Реальные факты дополнялись вымыслом. Эрик даже вооб-

ражал себя кем-то вроде Робин Гуда, совершавшего разнообразные подвиги. Постепенно, однако, память стала фиксировать всё то, что он делал и видел¹⁰³.

В течение всех лет, проведенных в Итоне, Эрик переписывался с Джасинтой, а на каникулах проводил немало времени с ее семьей, дважды ездил на отдых с Джасинтой и ее родителями. Девушка всё более привлекала Эрика яркой внешностью, независимостью суждений. Она, в частности, сказала, что придерживается пантеистских взглядов, не верит в «человекоподобного» Бога-творца, считает главной святостью природу. Эрик прозвал свою подругу язычницей и посвятил ей стихотворение, по сути любовное:

Мы над землей, под небесами —
Нам свыше так определили;
Природа-мать владеет нами,
А боги души обнажили*.

Почти взрослой Джасинте показалось, что выражение «души обнажили» звучит не совсем прилично, и она попросила заменить эти слова на «незащищенные души». Это звучало не так ярко, но юный поэт безропотно зачеркнул фрагмент текста и сверху написал новый. В таком виде Джасинта и сохранила стихотворение друга юности на всю жизнь.

Их встречи были почти невинными. Они вместе читали, обсуждали прочитанное, посещали книжный магазин и то ли покупали заинтересовавшие их издания, то ли брали на время за незначительную плату (многие британские книжные лавки одновременно были своего рода библиотеками). Джасинта вспоминала, что Эрик не просто любил читать — он рассматривал книги и как школу жизни, и как школу творчества, поскольку собирался стать писателем: «Он говорил, что чтение — это хорошая подготовка для писания: любая книга может чему-то научить, по крайней мере, как писать. Конечно, Эрик всегда собирался писать: не просто как писатель, а как ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, заглавными буквами»¹⁰⁴.

Бывали моменты, когда пара вплотную подходила к физической близости, но Джасинта, верная консервативной традиции, считала добрачный секс недопустимым и в последний момент останавливала Эрика, который, будучи

* Это и следующее четверостишие в переводе Л. Шустера.

в этом плане таким же неопытным, как и его возлюбленная, послушно прекращал «посягательства», ограничиваясь прикосновениями к сокровенным местам тела девушки. Об этом Джасинта рассказывала подругам через много лет, признавая, что «у них что-то было», хотя до «полового акта» дело не доходило¹⁰⁵. Эрик мечтал о том времени, когда они поженятся, и даже посвятил этому вожделенному моменту сонет, в котором сравнивал Джасинту и себя с Джульеттой и Ромео. Вот одно четверостишие из этого сонета:

Где средние века — леса зеленого море?
Где дети обрученные, счастливые недолго?
Увы, все в Лету кануло, кануло без толка.
Мы помним лишь Ромео, Джульетту и их горе.

Позже Джасинта, как бы оправдываясь по поводу своего «строгого» поведения, писала, что Эрик «был великолепным компаньоном» и очень нравился ей — как литературный наставник, философ и друг. «Но у меня не было к нему никаких романтических чувств. Два года разницы между семнадцатилетней девушкой и пятнадцатилетним мальчиком для начала — неправильные два года. В пятнадцать он был слишком юн для женитьбы, а я в семнадцать могла бы выйти замуж за кого-нибудь и постарше»¹⁰⁶.

Пока Эрик учился в Итоне, произошли некоторые изменения в его семье. Отец, воспылавший патриотическими чувствами, несмотря на свои 60 лет, записался в армию. Его взяли на службу как в прошлом опытного и дисциплинированного колониального чиновника, но в боевые порядки он допущен не был и служил в Марселе в трудовом подразделении Индийского полка, отвечая за кормление мулов. Девятнадцатилетняя Марджори вышла замуж за своего старого поклонника и соседа Хамфри Дейкина, а после того как ее муж был призван в армию, сама вступила во вспомогательную воинскую часть, занимавшуюся перевозкой казенной почты. Оставшись в одиночестве, Айда перебралась в Лондон, где устроилась на работу в пенсионном министерстве (оно было образовано в годы войны и просуществовало недолго).

В этих условиях Эрик всё сильнее чувствовал себя не просто одиноким, но обязанным полностью отвечать за собственную судьбу, не прибегая к помощи родных. Временами юноша испытывал физическое недомогание. У него оказались слабые легкие, мучили частые приступы кашля.

К тому же еще в школьные годы, примерно в 15 лет, он стал курить и в этом проявил своего рода «творчество». «У меня возникла мысль купить турецкий табак и делать из него сигареты, и это оказалось чертовски трудной работой», — признавался он в письме Джасинте¹⁰⁷. В конце концов Эрик научился мастерски, буквально за несколько секунд, делать самокрутки, причем продолжал экспериментировать: делал сигареты разной формы, длины, плотности табака. Сам процесс доставлял Эрику удовольствие, стал своего рода хобби. Понятно, что рукотворное произведение надо было опробовать на собственных органах дыхания; курил он всё азартнее, и это пагубно влияло на и без того не очень здоровые легкие. Вначале он делал сигареты-самокрутки из экономии, но затем так привык к ним, что курил их всю жизнь, даже тогда, когда туберкулез оказался уже неизлечим.

Еще в юности ткань одного легкого Блэра была повреждена, что затрудняло дыхание при беге или игре в футбол¹⁰⁸. Одышка создавала у товарищей впечатление, что Эрик не очень крепок физически или же плохо старается. Это порой вызывало насмешки, в результате чего участие Эрика в командных играх становилось всё более редким. Так что стремление к одиночеству имело как физические, так и психологические причины.

Испытывая всё бóльшую тягу к художественному творчеству, тесно переплетенному с социальными отношениями и политикой, Эрик мучительно размышлял, где и как набираться жизненного опыта. В памяти никак не могли всплыть даже самые тусклые воспоминания о раннем детстве в Индии — ведь его увезли оттуда в годовалом возрасте. Но Восток манил неизведанностью, странностью, предполагаемой новизной ощущений, возможностью непосредственно увидеть имперскую колониальную политику. Он много говорил о Востоке, и у сверстников создалось впечатление, что он стремится туда отправиться¹⁰⁹.

Однако молодой человек не представлял себе, какова в действительности жизнь на Востоке. Сдержанный и неразговорчивый отец не рассказывал ему обо всех тяготах службы в отсталой стране; в редких же высказываниях общего характера индийская служба, наоборот, идеализировалась. За абстрактными образами загадочного Востока Эрик не видел и не был в состоянии осознать опасности, подстерегавшие на каждом шагу: грязь, инфекции, ядовитые насекомые и растения, преступность, коррупция пришедшей администрации и местных воротил и многое другое. Он не представлял

себе, что значит выслуга лет в колонии для получения пенсии. А ведь служба обычно продолжалась 25—30 лет с правом раз в пять лет на короткий отпуск на родине.

Конечно, Эрик подумывал получить стипендию на учебу в «Оксбридже» (так иронично называли два самых знаменитых английских университета — Оксфордский и Кембриджский). Однако очень скоро выяснилось, что из-за сравнительно невысоких оценок (Эрик окончил Итон 138-м из 167 выпускников) надежда на получение стипендии в одном из этих престижных университетов оказалась тщетной. В учебные заведения второго ранга поступить было легче, но Эрик полностью исключал для себя такой недостойный вариант. В конце концов он решил, что высшее образование не будет ему полезным и учиться следует, сталкиваясь с невзгодами и заботами самых обездоленных слоев.

Его наставник Эндрю Гоу вспоминал, что незадолго до выпуска в Итон приехал отец Эрика и долго расспрашивал преподавателей о перспективах карьеры сына, о возможности материальной помощи для обучения в Оксфорде. Гоу честно признался, что у Эрика нет ни малейшего шанса получить стипендию в престижном университете. Через годы, прочитав не очень почтительные слова Оруэлла об Итоне, Гоу воспринял это как месть за то, что колледж не помог ему получить высшее образование, что было несправедливо, поскольку, по мнению Гоу, Эрик пробездельничал там все пять лет¹¹⁰. Родители же не могли целиком взять на себя оплату обучения, которая съела бы значительную часть отцовской пенсии. Кроме того, отец, на словах соглашаясь с необходимостью дать сыну высшее образование, втайне считал, что тот должен последовать его примеру и послужить империи на периферии. Так что в определенной мере пожелания отца и намерения сына совпадали, по крайней мере внешне*.

Решение пришло почти внезапно, когда Эрик узнал о наборе волонтеров для британской имперской полиции в Индии. Молодому человеку объяснили, что, несмотря на кажущуюся опасность этой службы, она была одним из наиболее привилегированных видов деятельности. Как

* Джасинта высказывала мнение, что миссис Блэр поддерживала желание сына учиться, но отец был упорен и настоял на своем (см.: *Remembering Orwell* / Ed. by S. Wadhams. Markham, 1984. P. 21). Вряд ли это полностью соответствовало действительности, принимая во внимание ограниченные доходы семьи и то, что командовала в доме мать.

правило, сотрудники имперской полиции не участвовали в погонях за преступниками, засадах, перестрелках и других силовых операциях — этим занималась подчиненная имперской вспомогательная местная полиция; британцы же осуществляли контроль над ней, собирали отчеты и рапортовали в Лондон о состоянии дел в колонии и о своих достижениях. Индийцев стали принимать на службу в имперскую полицию лишь в начале 1920-х годов. Процесс этот шел медленно, индийцы вытеснили британцев, когда Эрик Блэр давно завершил свою колониальную эпопею.

В Итоне к намерению выпускника пойти на службу в полицию отнеслись со сдержанным неодобрением. Либеральная пресса не раз публиковала материалы о творимых в колониях беззакониях, вплоть до расправ с туземцами: безжалостных пороков, публичных казней по произволу судей и т. п. Ни отдельные преподаватели, ни школа не могли рекомендовать своему выпускнику службу в колониальной полиции¹¹¹. Зато намерение отправиться в колонию было полностью одобрено в семье, учитывая индийскую службу и отца, и родственников матери. Кроме того, в бирманском городе Мандалае жила бабушка Эрика по материнской линии. Она была уже стара и реальную помощь внуку оказать не могла, но, по мнению Айды, хотя бы советом, а может быть, и знакомствами была в состоянии поддержать его.

В декабре 1921 года, как раз в то время, когда Эрик завершал обучение в Итоне, родители переехали в городок Саутволд в графстве Саффолк на восточном побережье Англии, на самом берегу моря. Здесь уже сформировалось своеобразное поселение отставных колониальных чиновников; стоимость жизни была невысока, так как местность курортной не считалась. В этом городке Айда и Ричард намеревались встретить старость. Именно сюда приехал Эрик на несколько дней во время последних каникул в январе 1922 года. Это был единственный год, когда администрация Итона позволила уже взрослому Эрику отпраздновать свой день рождения в «публичном месте» — в одном из городских кафе. Все приглашенные соученики (семь человек) поставили свои подписи на меню, которое затем было преподнесено виновнику торжества. Это меню с довольно скромным набором блюд (о напитках, впрочем, ничего не сказано) по сей день хранится в архиве¹¹².

Глава вторая

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Начало службы

Окончив Итон, Блэр в январе 1922 года явился в бюро по найму и был тотчас принят на службу, так как грамотных молодых людей, желавших отправиться работать в колониальной полиции, было мало. Около полугода он учился под Лондоном на специальных курсах по подготовке к заморской службе. В значительной степени это было формальностью. Все окончившие курсы направлялись за океан. Назначение им было гарантировано. По отношению к Блэру было даже нарушено правило, что волонтеры должны успешно пройти несколько проверок. С тестами по физической подготовке, стрельбе и ориентации на местности всё прошло благополучно, но на испытании по верховой езде Эрик провалился и тем не менее был принят на службу — с оговоркой, что должен сдать дополнительно конный тест (о чем все тут же забыли).

Полицейская служба в колонии рассматривалась в британских правительственных кругах как интеллектуальное занятие. Имперская полиция была своего рода надстройкой над местной полицией и почти не занималась реальной оперативной работой. Помимо прохождения действительно необходимых для полицейского испытаний Эрику пришлось сдавать экзамены по математике, истории, английскому, французскому и одному из древних языков по выбору и еще два экзамена из большого набора предметов. Эрик избрал еще один древний язык (в результате экзаменовался по латыни и греческому) и рисование. По истории он, например, письменно отвечал на достаточно нелепые вопросы типа «Кто являлся величайшим премьер-министром Великобритании после Питта?» или «Что произошло бы, если бы Нельсон проиграл битву при Трафальгаре?».

Экзамен по английскому языку являлся проверкой уме-

ния мыслить и излагать мысли на бумаге. Кроме того, нужно было продемонстрировать политическую грамотность: письменно охарактеризовать (по выбору экзаменуемого) отставного полковника или старого фермера, а также трех членов правительства, сочинить письмо родственникам о посещении театра...

Вообще же набор экзаменов явно был придуман каким-то туповатым бюрократом: зачем колониальному полицейскому, например, древние языки?

Все эти экзамены свидетельствовали об укоренившихся консервативных традициях, крепчайшим узлом связанных с бюрократизмом. Лучше или хуже, но все они были сданы (по уровню знаний Блэр оказался седьмым)¹¹³. К будущим полицейским предъявлялись не слишком высокие требования. Принимая во внимание юный возраст кандидата, чиновники потребовали письменного согласия отца на службу сына. Первое форменное обмундирование также должны были оплатить родители контрактника.

Знакомые встретили решение Эрика с недоумением — если уж нести, говоря словами Киплинга, «бремя белых», то, во-первых, в одном из центральных городов Индии, а во-вторых, не в полиции, а на гражданской службе, несравненно более достойной и значительно лучше оплачиваемой. О том, что полицейская служба была на самом деле и безопаснее, и выше оплачиваемой (начинающий офицер получал в год 400 фунтов стерлингов, что для того времени было немалой суммой), знакомые обычно не ведали.

Вначале Эрик Блэр действительно серьезно относился к тому, что считал своим гражданским долгом. Этот долг был одной (правда, не единственной) из причин решения отправиться на колониальную полицейскую службу. Эрик вдохновлялся примером тысяч англичан, которые следовали призыву Киплинга:

Несите бремя белых, —
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей;
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть — чертям*

* Перевод М. Фромана.

Зачисленным в колониальную полицию предоставлялось право высказать пожелание о месте службы, назвав три предпочтительных района. Обычно никто не выбирал Бирму, входившую в сферу деятельности имперской полиции, — и из-за особо неблагоприятного климата, и в связи с тем, что она была присоединена к империи сравнительно недавно, в 1885 году, а потому здесь продолжалось повстанческое движение, по всей стране шныряли то ли партизанские группы, то ли просто разбойничьи шайки.

Блэр поставил на первое место именно Бирму, сильно удивив начальство. Свое решение он обосновал тем, что в Бирме жила его бабушка. Просьба была удовлетворена. Нежелание подавляющего большинства контрактников служить в Бирме было столь велико, что для привлечения на службу в этот регион выдавалась «утешительная премия» в несколько фунтов стерлингов, прибавляемых ежемесячно к жалованью.

Время прибытия в колонию было определено таким образом, чтобы новички оказались на месте назначения в прохладный сезон и привыкали к местному климату постепенно. 26 октября Эрик приехал в Ливерпуль и на следующий день на корабле «Хартфордшир» отправился в трехнедельное путешествие в главный город Бирмы Рангун. Государственным чиновникам предоставлялось право путешествовать в первом классе, и Эрик впервые наслаждался отдыхом, хорошей едой и напитками, а также разнообразными палубными играми. Во время остановки в египетском Порт-Саиде он по совету бывалых спутников купил «топи» — тропический пробковый шлем, который, как его уверяли, он должен носить постоянно, когда находился вне помещения.

Позже Блэр с насмешкой вспоминал рассказы, которыми его потчевали англичане в Бирме: местные жители не нуждаются в «топи», так как у них «плотные черепа», на которые не действует тропическое солнце; европейцы же должны прикрывать голову даже в сумрачные дни, ибо смертельные солнечные лучи, вертикально падающие вблизи экватора, легко проникают через любую облачность, даже во время сильного дождя. «Снимешь свой "топи" хотя бы на один миг, и ты умрешь». «Топи» был настолько прочен, что его хватало на весь срок службы, и согласно обычаю его торжественно, под восторженные крики, выбрасывали в океанские воды перед отбытием на родину¹¹⁴.

Еще на корабле Эрик имел возможность наблюдать расовое, социальное и имущественное расслоение между британцами и обслуживающим персоналом, набранным в основном из индийцев. К его удивлению, к обслуге, на которую смотрели сверху вниз, относились не только рядовые матросы, но и корабельные специалисты, которых держали в черном теле. Он вспоминал, что видел одного из корабельных мастеров, тайком подбирившего объедки с обеденного стола, и заключал: «Сквозь расстояние более чем в 20 лет я всё еще смутно чувствую удивление, случайно обнаружив разрыв между функцией и вознаграждением; открытие, что обладающий высоким опытом мастер, который в буквальном смысле слова держал в своих руках наши жизни, охотно таскал остатки пищи с нашего стола, дало мне больший урок, чем тот, который я мог получить, прочитав полдюжины социалистических брошюр»¹¹⁵.

Первое действительно острое столкновение с колониальной действительностью произошло во время остановки на Цейлоне (нынешняя Шри-Ланка). В отличие от видавших виды спутников Эрик был потрясен увиденным. Один из грузчиков-кули не справился с огромной ношей, закрепленной у него на спине, пошатнулся и замедлил движение остальных. Наблюдавший за работой полицейский сержант так толкнул несчастного, что тот растянулся на палубе, потерял сознание и был буквально выброшен на берег стражей. Особенно ужаснуло Эрика то, что, как ему показалось, никто, кроме него, не был шокирован этой сценой. Он писал позже: «Несколько пассажиров, включая женщин, одобрили происшедшее... Здесь были обычные достойные среднего класса люди... наблюдавшие сцену без каких-либо эмоций, кроме легкого одобрения. Они были белыми, а кули был черным. Иначе говоря, он был недочеловек, своего рода животное»¹¹⁶.

С самого начала симпатии Блэра были в основном на стороне туземцев, к которым другие полицейские офицеры относились в лучшем случае снисходительно, а как правило — безразлично и даже жестоко. Эрик не очень часто, но всё же высказывал свои взгляды равным ему по званию: «Неправильно, оказавшись в чужой стране, вести себя господином, даже если к тебе относятся как к нежелательному лицу»¹¹⁷. При этом сам он тоже мог грубо обойтись с местным жителем и даже ударить его, хотя и ненавидел за это и себя, и систему, породившую такой порядок.

В ноябре 1922 года началась служба Эрика Блэра в ин-

дийской имперской полиции. Прибыв в Рангун, Блэр явился к генеральному инспектору полиции, резиденцией которого было величественное здание в центре города, носившее почему-то название Секретариат. Он сразу же получил назначение и на следующий день погрузил свой небольшой багаж на местный поезд, передвигавшийся чуть ли не со скоростью пешехода. Вначале Блэр служил в городе Мандалае, втором по величине в колонии, бывшей столице Бирманской империи. Название города было хорошо известно благодаря одноименной поэме Р. Киплинга (1892). Город был окружен несколькими буддистскими храмовыми комплексами, которые Эрик с огромным интересом осматривал в свободное время.

Пребывание в Мандалае началось с посещения еще одних курсов для полицейских, на которых изучались не только сборники местных законов и распоряжений, но также бирманский язык. Натренированный в овладении языками, Эрик стал пользоваться разговорным бирманским очень быстро¹¹⁸. Соученик по подготовительным курсам Роджер Бидон, которому язык давался с трудом, с завистью вспоминал, как легко Эрик овладевал совершенно чуждым лексиконом: «Мне рассказывали, что ко времени, когда он покинул Бирму, он мог отправиться в любой монастырь и свободно болтать с монахами». В то же время Бидон отмечал, что Блэр не то чтобы держался особняком, но не любил разговаривать, не посещал клуб и танцы, вообще был не очень общительным, хотя и вел себя с окружающими по-приятельски. На Бидона произвели впечатление высокий рост и худоба его товарища: «Он был длинный и тонкий... Одежда как бы висела на нем»¹¹⁹. Впрочем, на групповой фотографии 1923 года Блэр среди сослуживцев и инструкторов подготовительной школы (третий слева во втором ряду) — самый высокий и стройный, вполне аккуратно одетый — производил вполне «боевое» впечатление¹²⁰. Если он и чувствовал себя не в своей тарелке, то старался никак не показывать этого посторонним, тщательно скрывал свое настроение.

Скитания по Бирме

По окончании курсов Блэр в течение года был стажером, а затем по велению начальства перемещался из одного района Бирмы в другой, находясь на одном месте от не-

скольких месяцев до года. Такова была местная практика: чтобы добиться существенного повышения и получить в свое распоряжение обширный полицейский регион, необходимо было прослужить в разных местах страны, приобрести опыт.

В некоторых биографических работах туманно говорится, что полицейское начальство часто преследовало Блэра в связи с независимостью его взглядов. Тщательно расследовавший эти обвинения М. Шелден пришел к выводу, что они не подтверждаются фактами: Эрик успешно, хотя и не очень быстро продвигался по службе без каких-либо взысканий¹²¹. А служба не была особенно сложной. В отличие от Индии, где в 1919 году было введено двойное управление, а население получило право избираться в местные органы и посылать своих представителей в учреждения исполнительной власти, Бирма по-прежнему управлялась исключительно британской администрацией.

Эрик, как он позже многократно писал, чувствовал себя крохотным винтиком в гигантской машине британского деспотизма. Он исправно исполнял положенные обязанности, наблюдал за теми, кто следил за порядком, при случае задерживал пьяниц, мелких воришек и хулиганов, в то же время стараясь не замечать правонарушений, совершаемых в силу тягчайшей нужды. Блэр готовил документы для предания суду преступников и правонарушителей, вовремя посылал начальству отчеты о происшествиях, по утрам регулярно проводил переключки своих подразделений, своевременно заказывал необходимое снаряжение и оборудование — короче говоря, делал всё, что полагалось делать добросовестному колониальному полицейскому чиновнику средней руки.

В то же время довольно скоро Блэр заработал себе репутацию чужака, так как не шел на сближение с другими выходцами из Европы, не проводил с ними вечера за кружкой пива, стаканом более крепкого спиртного и пустопорожними разговорами; лишь изредка посещал имперский клуб, да и там вел себя сдержанно — во всяком случае, не позволял себе больше одной-двух порций виски.

Во время этих довольно редких и скромных выпивок языки развязывались, и Блэр отчасти с удивлением, но и с некоторым уважением слушал размышления своих сверстников, которые сам отчасти разделял: что они являются «потерянным поколением», что они пропустили «великую войну», где могли бы достойно проявить себя. Те, кто был

старше, смотрели на них свысока. Он писал позже: «Я провёл 1922—27 годы в основном среди людей немного старше меня, которые были на войне. Они говорили о ней постоянно, с ужасом, конечно, но вместе с тем с постоянно росшим чувством ностальгии»¹²².

Официально должность Эрика называлась «помощник суперинтенданта полиции». Но он непосредственно никому не помогал, так как практически был командиром местного полицейского подразделения.

Помощника суперинтенданта Блэра стали переводить из одного крохотного местечка в джунглях в другое, начиная с поселка Мьяунгмья в дельте главной бирманской реки Иравади. Здесь он столкнулся с «прелестями» провинциальной жизни в нищей колонии: комарами, опасными пресмыкающимися, незнакомыми ядовитыми растениями, одно прикосновение к которым могло причинить боль, опухоль, мучительный зуд и даже отравление. Но главное — он увидел произвол местных колониальных властей, которые бесцеремонно вершили суд и расправу, несмотря на официальное требование Лондона о минимальном вмешательстве в местные привычки.

Из Бирмы Эрик писал Джасинте Баддиком нежные письма. Но, видно, он не смог разобраться в характере своей подруги, с которой раньше встречался лишь изредка. Ей явно не нравился тон его «жалобных» посланий. Через много лет Джасинта вспоминала: «Я не думаю, что, когда Эрик отправлялся туда, он понимал, как сильно он будет всё это ненавидеть после того, как там окажется... Он считал, что всё совершенно ужасно»¹²³.

«Ты никогда не смогла бы понять, как здесь ужасно, — в подтверждение сказанного писал Блэр Джасинте, — ведь ты не была здесь». Девушка перестала отвечать на его письма. С прекращением переписки заглохли и их отношения. Через много лет Эрик писал возлюбленной своей юности: «Ты была такой нежной девушкой... Но ты не была нежной, когда оставила меня в Бирме без каких-либо надежд»¹²⁴.

В своих воспоминаниях Д. Баддиком не объясняет причин, по которым ее отношения с Эриком Блэром прекратились: «Это произошло как-то само собой, без всякого сознательного намерения. Прежде чем я собралась написать, письма куда-то подевались, а я не могла вспомнить адрес»¹²⁵. Накануне отъезда в Бирму восемнадцатилетний Эрик пытался вступить с девушкой в интимную связь, но у них ничего не получилось. Может быть, именно это и при-

вело к охлаждению отношений¹²⁶. В любом случае девушке явно не улыбалась перспектива ожидать своего возлюбленного пять лет, пока он получит первый отпуск, а затем, после свадьбы, отправиться с ним в дальнюю, отсталую и заброшенную колонию в качестве жены полицейского офицера.

Джасинта и Эрик расстались навсегда. Джасинта понятия не имела, что ставший известным в 1930-е и знаменитым в 1940-е годы писатель Оруэлл и есть ее бывший возлюбленный. Только случайно в 1949 году, незадолго до его кончины, почти пятидесятилетняя дама, поэтесса средней руки, узнала, кем стал Эрик Блэр, и обменялась с ним несколькими теплыми письмами.

Позже Оруэлл вспоминал, что служба в колониальной полиции буквально заставила его возненавидеть и колониальные порядки, и государственные бюрократические институты. «У меня возникло неопишное презрение ко всей машине так называемой юстиции... Сами бирманцы на самом деле никогда не понимали нашу юриспруденцию. Вор, которого мы сажали в тюрьму, отнюдь не думал о себе как о справедливо наказанном преступнике, а представлял себя жертвой завоевателей-чужеземцев. То, как с ним поступили, было только проявлением произвольной бессмысленной жестокости. Его лицо за плотными деревянными бревнами временного заключения и за железной решеткой тюрьмы ясно свидетельствовало об этом. И, к сожалению, я не был подготовлен к тому, чтобы чувствовать себя безразличным к выражению этого человеческого лица»¹²⁷.

Если Эрик рассчитывал удержаться на службе (а именно таково было его первоначальное намерение), он не мог открыто выражать свои чувства — это привело бы к тому, что его моментально изгнали бы из колониальной администрации как политически ненадежное лицо. Приходилось маскироваться. Вынужденное двоемыслие, навязанное ему еще в пригостительной школе, продолжалось, давая фактический и эмоциональный материал для будущего художественного воплощения. Днем, во время службы, он выполнял рутинные обязанности, к счастью для него никогда не связанные с политическими выступлениями местного населения против колониальной администрации. Случались бытовые убийства и грабежи, по поводу которых он отдавал распоряжения местным служащим, оставаясь в своем кабинете.

Но в основном работа состояла в наблюдении за тем, как соблюдается внешний порядок. Блэр писал массу отчетов о

работе мастерских и магазинов, следил, чтобы их владельцы правильно оформляли массу бумаг, проводил занятия с подчиненными ему полицейскими (обычно около трех десятков человек) по поступавшим новым постановлениям и распоряжениям, организовывал доставку обвиняемых на допросы и судебные заседания, рассылал ночные патрули, которые иногда проверял, сопровождал начальство во время инспекционных поездок по своему району.

Блэр с ужасом вспоминал несчастных заключенных, страдавших всеми возможными недугами, по прихоти тюремного начальства подвергавшихся порке бамбуковыми палками за малейшие проступки; вой женщин и детей при виде того, как отцам семейств при аресте выкручивают руки. В автобиографической части книги Оруэлла о положении рабочих Северной Англии говорилось: «Подобные вещи просто невозможно выдержать, когда вы хоть каким-то образом непосредственно за них отвечаете. Однажды я наблюдал, как вешают человека; это казалось мне хуже тысячи убийств. Я никогда не входил в тюрьму без чувства, что мое место — по ту сторону решетки»¹²⁸.

В начале службы Блэр, узнав, что полицейские принуждают к сожительству, а чаще просто насилуют бирманских девушек, вознаграждая их мелкими подачками, наказывал своих подчиненных. Но местное население почти безропотно признавало право белых распоряжаться им, а девушки подчас считали за честь отдаться полицейскому. Постепенно ему пришлось примириться с происходящим.

Сам он тоже время от времени вступал в связь с бирманскими девушками. Конечно, о духовной близости речи не было, но Эрик не третировал своих любовниц как низших существ¹²⁹. Блэр вообще считался «эксцентриком». Сослуживцы пожимали плечами, узнав, что он стал посещать религиозные собрания принявших христианство каренов — небольшой этнической группы, населявшей южные районы Бирмы, или что он ведет долгие дискуссии с буддистскими монахами, иногда бывая в их храмах. Эрика шуточно, а иногда с чувством презрения спрашивали, не собирается ли он «превратиться в туземца».

Новый круг общения, разумеется, не свидетельствовал о том, что у полицейского офицера проявились какие-то религиозные (христианские или буддистские) воззрения. Он просто интересовался малознакомыми обычаями, стремился проникнуть во внутренний мир окружавших его людей или просто удовлетворял любознательность, присущую

молодому человеку, тем более собирающемуся заняться нелегким писательским ремеслом.

Поняв, однако, что его нестандартное поведение вызывает у сослуживцев по меньшей мере удивление, Эрик постепенно стал более покладистым, приспособившись к окружающей обстановке, хотя у него и возникло чувство вины за то, что он оказался карьеристом и участвует в подавлении волеизъявления людей, видящих в нем и других британцах нежелательных пришельцев. Он «казался странным... но в перспективе он был способен вписаться в наш круг»¹³⁰, сказал о Блэре один из сослуживцев. «Вписаться в круг», до мозга костей пропитанный колониалистскими и расистскими предрассудками, Блэру было нелегко. Спустя годы Оруэлл писал: «В Бирме я слышал расовые теории, которые были явно менее жестокими, чем гитлеровские теории по отношению к евреям, но определенно не менее идиотскими»¹³¹.

Приходилось держать язык за зубами и тщательно выбирать тех, с кем можно общаться. Блэр всё глубже понимал, что существует отвратительное «двоемыслие», до определенной степени неизбежное, и если не ограничить его доступ к собственной душе, оно может дать самые отвратительные всходы. Внутренне сопротивляясь «двоемыслию», Блэр предпочитал вести разговоры с сослуживцами и другими европейцами на отвлеченные темы.

Он вспоминал мудрые, по его мнению, слова лорда Артура Бальфура, являвшегося в свое время премьером, а потом министром иностранных дел, прошедшего на вершине британской политической жизни почти полвека: «Лучше самоуправление, чем хорошее управление». Эрик всё более убеждался, что авторитарное управление колониями разлагает самих правителей, способствует консервации отсталости и нищеты местного населения и укоренению расовых предрассудков, которые дополняют классовые и становятся их составной частью.

Очень показательны откровения писателя, через годы ставшие достоянием публики: «Я вспоминаю ночь, проведенную в поезде с человеком из Службы образования... Было невозможно спать из-за жары, и мы провели ночь в разговоре... Мы проклинали Британскую империю. Проклинали ее как люди умные, знающие ее изнутри. И мы классно себя чувствовали при этом. Мы обсуждали запретные темы. И когда при тусклом утреннем свете поезд вполз в Мандалай, мы расстались, чувствуя себя виноватыми, как какая-то пара, пошедшая на супружескую измену»¹³².

Вопреки первоначальной догме о «бремени белого человека», всё больше терявшей вес в глазах Блэра, колониальная система, по его мнению, не способствовала развитию местной промышленности и торговли, коррумпировала и местное население, и самих колонизаторов. Но подобные мысли в эти годы вслух обычно не высказывались, тем более в пределах самой колонии. Блэр смог научиться держать язык за зубами. Он был переведен из болотистой местности в дельте Иравади в Туанте — более комфортный с точки зрения климатических условий пригород столицы Бирмы, всего в 20 километрах от центра города. К тому же Туанте был значительно более спокойным местом в смысле преступности.

Отчасти перевод был связан с тем, что Эрик подхватил лихорадку денге — тяжелое заразное заболевание, переносимое москитами. Все мучительные признаки денге были налицо: озноб, высокая температура, сильные боли в суставах, резкий упадок сил, волдыри по всему телу, кровотечения при малейшем прикосновении. Иногда лихорадка денге сопровождалась осложнениями, бывали и смертельные случаи. Но у Блэра всё обошлось — через две недели он стал выздоравливать, а встав на ноги, подал рапорт о переводе в более цивилизованное место, который был удовлетворен.

Под Рангуном Блэр продолжал исправно служить и даже стал завсегдаем местного клуба для белых¹³³. Позже в романе о Бирме он писал: «Клуб европейцев — духовная цитадель верховной власти, рай, по которому томится вся чиновная и торговая туземная знать». Что собой представляла эта «цитадель», видно из следующих строк того же романа:

«Обшитый досками, пропахший гнилью клуб вмещал всего четыре комнаты. Одну занимала обреченная чахнуть в безлюдье “читальня” с пятью сотнями заплесневевших романов, другую загромождал ветхий и грязноватый бильярдный стол, довольно редко привлекавший игроков, ибо тучами налетавшая, жужжавшая вокруг ламп мошкара беспрерывно валилась на голову. Имелась еще комната для карточной игры и, наконец — “салон”, с веранды которого открывался вид на реку, хотя сейчас, ввиду палящего солнца, все проемы были завешены циновками. Салон представлял собой неуютный зальчик, устланный кокосовыми половиками, обставленный плетеными стульями и столами с россыпью иллюстрированных журналов, густо украшен-

ный по стенам всякой восточной “китаезой” и вилками рогов здешних оленей. Свисавшее с потолка опахало лениво пошевеливало в жарком воздухе столбы пыли»*.

Эрик посещал клуб, выполняя нелегкую повинность, хотя не подавал вида, что эта процедура ему в тягость.

Пребывание в Туанте почти превратило Эрика Блэра в колониального аристократа. Не исключено, что, если бы служба в этом городишке затянулась, писатель Оруэлл так и не появился бы на свет, а полицейский чиновник Блэр, прослужив несколько десятков лет, благополучно вышел бы на пенсию и возвратился в Англию доживать свои годы в относительном довольстве и удовлетворении собой. Действительно, в его распоряжении находился целый штат сержантов и рядовых, дисциплинированно исполнявших приказания начальника. Согласно штатному расписанию трое слуг занимались его бытом, причем между ними было строгое разделение труда: один распоряжался одеждой и прибирал постель, другой убирал домашнее помещение и выносил мусор, третий готовил пищу¹³⁴. Учитывая неприятельность Блэра, работы у слуг было немного.

Но Эрик старался не поддаваться мешанской тяге к колониальной праздности. Главное, чем привлекала работа поблизости от Рангуна, — возможность поехать в центр города, побывать в неплохой библиотеке и в книжном магазине. Магазин фирмы «Смарт и Мукердум» был крупнейшим в Бирме и имел известность среди той части проживавших здесь европейцев, у которых было желание читать. К Блэру это относилось в особой степени.

Перед будущим писателем с новых сторон открывался мир английской и зарубежной литературы. Он приобрел и прочитал «Войну и мир» Л. Н. Толстого (позже Оруэлл во многих своих статьях проводил сравнения Толстого с Диккенсом). С немалым интересом полицейский офицер познакомился также с произведениями Дэвида Лоуренса, одного из наиболее известных английских писателей начала XX века, автора психологического романа «Влюбленные женщины», в котором содержался призыв открыться «инстинктивным природным силам» и отказаться от рационализма, господствовавшего в литературе минувшего века. Пуританские критики обрушивались на Лоуренса, считая его произведения непристойными, что тем более обостряло интерес к ним молодого человека.

* Перевод В. Домитеевой.

Правда, иногда Блэр приобретал и такие книги, которые оказывались пустышками. Однако уважение к печатному слову не позволяло просто выбросить их или подарить кому-то. Все купленные в Бирме издания он позже перевез в Великобританию, хотя шутил, что некоторым книгам лучше было бы не просуществовать несколько дождливых сезонов¹³⁵.

За текущими событиями следить было трудно. Радио только появлялось, лондонские газеты прибывали в Рангун на попутных кораблях с месячным опозданием. Блэр, правда, подписался на леволиберальный и даже слывшийся умеренно-социалистическим журнал «Адельфи», но первые же полученные номера показались ему невероятно скучными, и он, лишь бегло перелистав следующие выпуски, использовал их в качестве мишеней для стрельбы: журнал прикреплялся к дереву, а затем неудовлетворенный читатель с удовольствием «расстреливал» его из пистолета.

Через некоторое время Блэра вновь отправили в провинцию (как уже говорилось, такая ротация была принята в колониальной полицейской службе) — в город Маулмейн, где было значительно больше белых, в том числе и его бабушка, а также тетя, вышедшая замуж за колониального чиновника высокого ранга. В одном из писем Блэр с удивлением отметил, что, прожив почти всю жизнь в Бирме, бабушка так и не научилась местному языку¹³⁶. Затем его вернули в Рангун, в другой пригород, Инсейн, но позже, теперь уже по его просьбе, перевели еще дальше — в Верхнюю Бирму, в городок Ката. Эрик всё чаще подхватывал простудные заболевания, которые привели к воспалению легких. Считалось, что в Верхней Бирме климат лучше. Но просьба о переводе, скорее всего, была связана еще и с тем, что он становился всё более нелюбимым, стремился как можно меньше сталкиваться и с англичанами, несшими здесь службу, и с местными жителями, которыми ему по должности следовало помыкать. Территория Верхней Бирмы — бассейн верхнего течения Иравади — была наименее населенным районом джунглей. Европейцев здесь почти не было.

Эрик наслаждался буйной местной растительностью, разнообразным животным миром, представители которого почти не боялись людей и не вели себя агрессивно; диковинными водопадами и чистыми речными потоками. В Кате, однако, наступил рецидив лихорадки денге. Надежные лекарства против этого заболевания не созданы до на-

стоящего времени. Не исключено, что именно эта болезнь привела к серьезному ухудшению здоровья Блэра, общему ослаблению организма и участвовавшим легочным недомоганиям.

Лечил Эрика местный врач, индус по фамилии Кришнасаами, с которым у пациента установились дружеские отношения. Оба они ощущали себя не на своем месте — Блэр всё более тяготился полицейской службой; Кришнасаами чувствовал себя не в своей тарелке, так как бирманцы смотрели на него как на привилегированного слугу колонизаторов. Врач и больной обсуждали колониально-имперские проблемы. Индус искренне защищал британские порядки на субконтиненте, а британец их резко критиковал. (Пройдет не очень продолжительное время, и в романе о бирманских днях, написанном Блэром еще до того, как он стал Джорджем Оруэллом, образ этого врача станет одним из основных, причем окажутся представленными их неординарные взгляды — англичанина, выступавшего за самоопределение, и индуса, отстаивавшего преимущества колониального управления.)

В Кате Блэр провел свои последние азиатские месяцы. За время колониальной службы у него не сложились какие-либо четкие политические убеждения. Отвращение к помыканию другими людьми носило чисто эмоциональный характер, однако, безусловно, способствовало формированию в будущем левых, осторожно антикапиталистических, хотя и противоречивых установок.

Личные впечатления полицейского офицера легли в основу многих ярких, порой натуралистических очерков Блэра, написанных в следующие годы. В Инсейне находилась самая большая в Бирме тюрьма — огромное мрачное здание, в котором одновременно в нечеловеческих условиях содержались до двадцати тысяч заключенных. Ежедневно здесь приводились в исполнение смертные приговоры. В обязанности британского полицейского офицера, надзиравшего за тюрьмой, не входило присутствие при казни. Но однажды Блэр, стремившийся приобрести самый разнообразный жизненный опыт, отправился в тюрьму и стал свидетелем страшной сцены. Она настолько запечатлелась в сознании Эрика, что позже он посвятил ей один из ярчайших очерков — «Казнь через повешение». Вероятно, это страшное впечатление повлияло и на внушающее содрогающие описание казни в его антитоталитаристском романе.

Что касается личной жизни, то после расставания с

Джасинтой у Эрика долгое время не возникало привязанностей. Время от времени появлялись бирманские девушки, готовые разделить постель с британским полицейским офицером, о чем Блэр цинично делился впечатлениями с сослуживцами — о том, например, как приятно заниматься сексом на свежем воздухе, в отдаленном уголке городско-го парка¹³⁷. В 1945 году Оруэлл говорил своему хорошему знакомому, писателю и историку позднего Средневековья Гарольду Эктону, о своих бирманских похождениях. «Я, — пишет Эктон, — попросил его вспомнить о жизни в Бирме, и его печальные, честные глаза засветились от удовольствия, когда он стал рассказывать о том, какие сладкие бирманские девушки»¹³⁸.

Такие разовые контакты усиливали презрительное отношение к женскому полу, которое было характерно для героя нашей книги с юношеских лет. Явно под влиянием собственных эмоций возник написанный им «Романс»*, сочетающий пародию на сентиментальную любовную лирику с описанием откровенных низменных эмоций и мужчины, и его партнерши:

Неопытен и юн
В далеком Мандалае,
Я поражен был девушкой —
Ах, прелесть неземная!
Ах, золотая кожа, зубки
И темные волосы —
За ночь я двадцать джаджей**
Бросаю на весы!
Но чистая, печальная,
В глазах тоски печать,
Она по-детски пискнула:
Я стою двадцать пять!***

Правда, в 1950 году, когда биография Оруэлла еще серьезно не изучалась и о его пребывании в этих местах широкой публике не было известно, некая дама по имени Элиза Мария Лэнгфорд-Раэ, написала в индийскую газету, что была близка с Блэром довольно длительное время

* При жизни Оруэлла стихотворение не было опубликовано. Его обнаружил в архиве писателя на бирманском официальном правительственном бланке Б. Крик (см.: George Orwell Archive. A/1/S; *Crick B. Op. cit.* P. 161—162).

** Бирманская мелкая денежная единица того времени.

*** Перевод Л. Шустера.

в период его бирманской службы. М. Шелден считает сведения Лэнгфорд-Раэ достоверными¹³⁹, хотя та и сообщает, что Эрик очень хвалил ей и школу Святого Киприана, и Итонский колледж.

В связи с состоянием здоровья Блэр попросил начальство изменить условия его контракта, исключавшего выезд за пределы Бирмы, и покинул ее летом 1927 года. Правда, вначале он осторожно ходатайствовал только об отпуске, но возвращаться, скорее всего, не собирался и, уже находясь в Британии, договорился о полном прекращении действия служебного соглашения. Вот как сам герой передавал свои мысли того времени:

«Когда я ехал домой в отпуск в 1927 году, я наполовину уже решил покончить со своей работой, и сам глоток английского воздуха укрепил меня в этом желании. Я не собирался возвращаться, чтобы опять стать частью этого жестокого деспотизма. Но я хотел значительно большего, чем только избавиться от прошлой службы. В течение пяти лет я был частью системы угнетения, и это породило во мне осознание вины. Я вспоминал бесчисленные лица — лица обвиняемых на скамье подсудимых, людей, ждущих решения судьбы в камерах, подчиненных, которых я третировал, и пожилых крестьян, на которых я смотрел свысока, слуг и кули, которых я мог двинуть кулаком, когда был в плохом настроении (почти каждый совершает такие вещи на Востоке, по крайней мере изредка. Восток создает массу провокационных поводов), — всё это сурово преследует меня»¹⁴⁰.

Блэр не преувеличивал. Бывали случаи, когда он срывался и применял физическую силу к кому-то из местных жителей, доставившему ему незначительную неприятность. Профессор Рангунского университета Маунг Хтин Аунг вспоминал, что в те далекие дни, когда он был студентом, произошел следующий эпизод. Он с друзьями находился на платформе пригородной железнодорожной станции, когда бирманский подросток-школьник на бегу случайно толкнул некоего белого господина так, что тот чуть не упал. Господин догнал мальчика и изо всех сил ударил его тростью по спине. Молодые люди окружили господина; завязался спор, продолжившийся и в вагоне поезда. Господин отвечал не очень агрессивно, но с сознанием собственного превосходства. Когда студенты вышли из вагона, железнодорожный служащий объяснил им, что они здорово рисковали, так как спорили с высокопоставленным полицейским офицером Блэром. Аунг, правда, подчеркивает,

что Блэр не представился студентам, говорил с ними миролюбиво и не предпринял против них никаких мер¹⁴¹.

Более кратко, но не менее четко Блэр характеризовал причины своего отъезда из Бирмы в автобиографии 1940 года: «Я отказался от этой работы отчасти потому, что климат разрушал мое здоровье, частично в результате того, что у меня уже были неопределенные мысли о создании книг, но главным образом потому, что я не мог более служить империализму, который я стал всё более понимать как систему вымогательства»¹⁴².

Позже Эрик с нескрываемым стыдом рассказывал об одном унижительном эпизоде. Инспектируя подведомственные полицейские участки, он присутствовал на допросе подозреваемого, которого его подчиненные с применением насилия принуждали дать признательные показания. Внезапно к нему приблизился американский религиозный миссионер, который неизвестно каким образом оказался в помещении полиции. В течение нескольких минут он молча наблюдал, как полицейские издеваются над бирманцем, а затем тихо прошептал Блэру: «Я не хотел бы заниматься работой, подобной вашей».

Слова заокеанского миссионера ужалили Блэра в самое сердце, прозвучали острым напоминанием, что он занимается грязной работой, что для американского миссионера и преступники, и полицейские были представителями одной банды¹⁴³.

Глава третья
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дорога домой

В конце июня 1927 года, получив разрешение на отпуск, Эрик Блэр отправился в Рангун, а оттуда 14 июля на пароходе «Шропшир» отплыл на родину с намерением, ставшим все более твердым, стать писателем. В начале августа он сошел с корабля в порту Марселя и планировал некоторое время пробыть во Франции, посмотреть Париж, а уж затем возвратиться в родные пенаты. Чуть ли не на следующий день с ним произошел символический случай.

Эрик зашел в местное отделение какого-то британского банка, чтобы поменять валюту, разговорился с клерком, а затем вышел вместе с ним на улицу. Внезапно они увидели приближающуюся толпу людей в рабочей одежде. Это были демонстранты, несшие знамена и плакаты «Свободу Сакко и Ванцетти!». Кто такие Сакко и Ванцетти, Блэр уже знал из последних номеров газет, которые он теперь, оказавшись на европейской суше, имел возможность просматривать. Это были американские рабочие итальянского происхождения, профсоюзные активисты, анархисты по политическим взглядам, обвиненные в 1920 году в убийстве кассира и двух охранников обувной фабрики в городке Саут-Брейнтри, штат Массачусетс.

На судебном процессе в Плимуте они, несмотря на крайне слабую доказательную базу, были признаны присяжными виновными и приговорены к смертной казни. Дело тянулось еще несколько лет (следующие судебные инстанции то отменяли, то подтверждали приговор). Наконец, в августе 1927 года, то есть как раз тогда, когда Блэр оказался в Марселе, приговор вступил в силу. Сакко и Ванцетти со дня на день ожидали казни на электрическом стуле.

Процесс и последовавшие за ним попытки добиться пересмотра дела вызвали широкий резонанс во всем ми-

ре. Многие были уверены в невиновности приговоренных, и процесс стал для них символом политических репрессий в США. Делом Сакко и Ванцетти воспользовались советские власти и выполнявший их волю Коммунистический интернационал. Во многих странах проходили организованные коммунистами демонстрации с требованием освободить Сакко и Ванцетти. Одну из них и увидел Блэр в Марселе.

Четких политических взглядов у Эрика еще не было, да и судьба американцев его, похоже, не очень волновала. Его, однако, сильно задела реплика банковского клерка: «Этих чертовых анархистов надо было просто повесить!» Холодно взглянув на собеседника, Блэр, пожав плечами, ответил: «Но ведь они могут быть не виноваты в преступлениях, за которые осуждены». Удивленный клерк прекратил разговор и удалился.

Блэр запомнил этот случай, поскольку впервые за несколько лет — с того времени, как он стал служить в колониальной полиции — он почувствовал, что может более не притворяться. Теперь он не обязан быть «белым человеком», произносящим приемлемые фразы, и вправе говорить то, что думает, кому угодно — и случайному собеседнику, и чиновнику любого ранга.

В 1932 году Оруэлл воспользовался публикацией своей рецензии на книгу немецкого культуролога и филолога Е. Р. Куртиуса «Французская цивилизация», чтобы подробно рассказать об этом эпизоде и, главное, о том чувстве духовного освобождения, которое у него тогда возникло. От темы рецензии он явно отвлекся, но это была первая представившаяся ему возможность поделиться с читателем историей, ставшей, как он считал, важным событием в его жизни¹⁴⁴.

Когда Блэр отправлялся в отпуск, он еще не решил окончательно, возвращаться ли ему на полицейскую службу, но европейский воздух укрепил его в желании покончить со службой в колонии. Как мы уже упоминали, еще до отъезда Эрика в Бирму его родители переехали в спокойный приморский городок Саутволд (графство Саффолк), куда он и отправился в конце августа после двухнедельного пребывания во Франции, в основном в Париже. Младшая сестра Эрика, Эврил, жившая с родителями (ей было 19 лет) вспоминала о внезапном появлении брата: «Когда он вернулся из Бирмы... внешне он сильно изменился. Он стал очень похож на отца и к тому же отрастил усы. Волосы

стали гораздо темнее. Похоже, что, привыкнув иметь много слуг в Индии, он стал ужасно — по нашему мнению — неопрятным»¹⁴⁵.

Радость от встречи была очень скоро омрачена реакцией родителей на принятые Эриком принципиальные решения: во-первых, не возвращаться в Бирму, а во-вторых, заняться писательским трудом. И то и другое крайне не понравилось родителям. Они наперебой уговаривали сына отказаться от нерасчетливых планов, последовать примеру отца, который прослужил в Индии больше тридцати пяти лет и заработал пенсию, позволяющую вести достойную спокойную жизнь. Что же касалось «бумагомарания», то намерение заняться им просто взбесило родителей. Отец обозвал сына «дилетантом»¹⁴⁶, долго ругался, но переубедить его не сумел. Эрик поклялся, что будет сам зарабатывать на жизнь и не станет отягощать родителей. Но отношения с отцом стали довольно напряженными. Некоторое время Эрик решал, когда подавать рапорт об отставке. Немедленное прошение привело бы к потере денег (оплачиваемый в размере 55 фунтов в месяц отпуск продолжался до 12 марта 1928 года). Так что рапорт на имя генерального инспектора полиции в Рангуне был послан только в октябре 1927-го. В нем содержалась просьба об увольнении с 1 января. Эрик терял при этом примерно 130 фунтов, но слишком велико было стремление разделаться с опостылевшей службой еще до наступления Нового года.

Письма из Англии в Бирму шли тогда около месяца. Ответ пришел телеграфом в конце ноября. В телеграмме говорилось: «Э. А. Блэр, служащий индийской полиции в Бирме, начавший службу 27 ноября 1922 года и находящийся в отпуске в Англии до 12 марта 1928 года, обратился за разрешением уйти в отставку с 1 января. Правительство Бирмы рекомендовало ее принять. Мы согласны»¹⁴⁷.

В Англии у Эрика стали появляться друзья. Одним из них был Дэнис Коллингс, сын семейного врача Блэров. Когда Эрик пребывал в Бирме, Дэнис проводил антропологические исследования в Мозамбике. Возвратившись в Великобританию в 1927 году, он некоторое время жил в Саутволде, неподалеку от родителей Эрика. У молодых людей оказалось много общего. И хотя Коллингс вскоре устроился преподавателем антропологии в Кембриджский университет, встречи друзей продолжались. Эрик считал Дэниса исключительно одаренным человеком во многих, совершенно неожиданных областях.

Наиболее доверительные отношения в начале 1930-х годов у Эрика сложились с Брендой Солкелд, которая была несколькими годами старше его. Дочь священника из графства Бедфоршир, она переехала в Саутволд, жила недалеко от дома родителей Эрика и работала учительницей в местной школе для девочек. Бренда не имела специального образования, но была начитанной и трезвомыслящей, занималась спортом. В школе она преподавала физкультуру, проводила экскурсии, организовывала концерты, приглашала интересных людей.

Эрик совершал с Брендой долгие пешие прогулки, во время которых делился планами и рассказывал подлинные и вымышленные (чего и не скрывал) истории, создавая некие устные произведения, часть которых позже переносилась на бумагу. Иногда они на целый день нанимали лошадей и удалялись от Саутволда на большие расстояния. Бренда вспоминала, что только к вечеру они останавливались в каком-нибудь прибрежном кабачке, чтобы перекусить и выпить: «Мы всегда уединялись в небольшом зальчике, где можно было поговорить. Мы любили книги и могли проводить часы, беседуя о том, что прочитали. Он вечно шокировал меня какими-то странными фактами или наблюдениями, и видно было удовольствие на его лице, когда ему это удавалось»¹⁴⁸.

Порой приятель шокировал Бренду не только суждениями, но и внешним видом. Иногда он являлся на встречу в какой-то старой и грязной одежде, иногда казался неумытым. Оказывалось, что он просто возвратился из очередного путешествия по нищенским кварталам. Солкелд рассказывала об одном из таких посещений ее родительского дома. Эрик появился после очередной «бродяжнической экспедиции» и немедленно потребовал, чтобы его накормили: «Выглядел он совершенно ужасно, и моя мама не была в восторге, но он вошел внутрь. Я сказала: “Тебе надо сначала принять ванну”. Он так и поступил, а одна из моих сестер, рассмеявшись, заметила: “Я надеюсь, он не воспользовался моей губкой”. Все эти дела с бродяжничеством были абсолютным идиотизмом. У него был свой дом, у него была хорошая семья».

В письмах Эрик подробно делился с Брендой впечатлениями о новинках художественной и политической литературы. Он восторгался романом Джеймса Джойса «Улисс», считая, что он поднимает англоязычную литературу на новую ступень, и низводил с пьедестала своего прежнего ку-

мира Бернарда Шоу, уговаривая Бренду объяснить своим друзьям и ученицам, что старый писатель — всего лишь «смесь Карлайла с водой»¹⁴⁹.

Трудно судить, какие мысли бродили в голове автора письма, когда он проводил такое странное сравнение известного драматурга со знаменитым историком XIX века, автором книг о Великой Французской революции, о героях и героическом. Как пишет один из биографов Оруэлла, «он заполнял свои письма многочисленными случайными ремарками и наблюдениями, на которые Бренда просто не была способна ответить, но она знала, что он и не ожидает этого. Он просто мыслил вслух, а она была его аудиторией»¹⁵⁰.

Эротического или хотя бы романтического налета во взаимоотношениях с Брендой не было. Они были просто хорошими друзьями. Правда, в начале 1930 года Эрик решил было покончить с холостяцкой жизнью и за неимением других подходящих партнерш сделал Бренде предложение. Однако, не испытывая к нему никаких иных чувств, кроме дружеских, да и не желая связывать себя с человеком, не приспособленным, по ее мнению, к семейной жизни, Бренда ответила решительным отказом. Предложения, впрочем, повторялись. В конце концов они прекратились, и Эрик и Бренда остались друзьями. Много лет спустя Бренда вспоминала: «Я слишком любила независимость. Я вообще не хотела выходить замуж, хотя были и другие, кроме Эрика, кто проявлял ко мне интерес. Мы с Эриком стали дружить, затем он влюбился, но брак был не для нас. Я уверена, что с ним невозможно было бы жить»¹⁵¹. Слова Бренды о том, что Эрик влюбился в нее, вызывают большое сомнение.

Потом Эрик сблизился с молодой соседкой своих родителей Элеонорой Жак, канадской француженкой, переехавшей в Англию вместе с родителями в 1921 году. Девушка была тремя годами моложе его. Они понравились друг другу и через какое-то время стали любовниками, хотя встречались не очень часто, так как Эрик приезжал в родительский дом лишь от случая к случаю, да и возможности проводить время наедине у них почти не было. Обычно такие встречи происходили лишь в летнее время на лоне природы, а в дождливую погоду, столь частую в Южной Англии, молодым людям приходилось ограничиваться прогулками и поцелуями. Когда же погода позволяла заняться любовью, Элеонора и Эрик откровенно радовались такой возможности. Осенью, уехав из ро-

дательского дома, он писал возлюбленной: «Прекрасная была погода в С[аут]волде, и я не могу припомнить, когда еще я радовался прогулкам, как тем, которые были у нас с тобой. Особенно этот день в лесу, где были эти глубокие постели из мха. Я всегда буду помнить твое прекрасное белое тело на этом темно-зеленом мхе»*.

Элеонора была девушкой требовательной. Ее не удовлетворяли лишь любовные прогулки, редкие посещения музеев, недорогих ресторанчиков и дешевых дневных театральные спектаклей. К тому же после первой остроты ощущений занятия любовью в лесу стали ее раздражать. Она стремилась к большему комфорту, тем более что в любой момент любовников мог застать на «месте преступления» какой-нибудь случайный прохожий. Снимать номер даже в самой дешевой гостинице Эрику было не по карману. В родительских же домах почти всегда кто-то присутствовал...

Эта крайне затруднительная ситуация запала в душу Эрика на всю жизнь, и он возвращался к ней в нескольких своих произведениях. Более того, в своем величайшем романе «1984» есть сцена, навеянная собственным любовным опытом, но заостренная до предела.

Отношения с Элеонорой продолжались, хотя чувства обоих постепенно увядали. Вдобавок на свою беду Эрик познакомил Элеонору с Дэнисом Коллингсом, и возник любовный треугольник. Элеонора стала реже и суше отвечать на письма Эрика, а затем призналась, что не любит его. В конце концов она вышла замуж за Дэниса. Коллингсу предложили интересную работу заместителя директора местного музея в Сингапуре, дававшую возможность уникальных антропологических исследований. Блэр жаловался Бренде Солкелд, что женитьба Дэниса и Элеоноры и переезд в Сингапур лишили его сразу двух друзей¹⁵².

Коллингс же позже вспоминал: «Когда я женился на Элеоноре, это не привело ни к каким проблемам между Эриком и мною. Я не думаю, что он хотел на ком-нибудь жениться вообще, и особенно на женщине, подобной Элеоноре, так как у нее были свои идеи и она была к ним проч-

* По «моральным соображениям» этот фрагмент был исключен из текста письма, опубликованного в книге: *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters: In 4 vol. London, 1968. Vol. 1. P. 101—102.* Полный текст был предоставлен биографу Оруэлла Дэнисом Коллингсом (см.: *Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. London, 1991. P. 176.*)

но привязана. Если она поняла бы, что ошибается, она признала бы это. Но ее невозможно было уговорить, чтобы она притворялась, что восприняла мысли, которые не одобряла. Эрик же был интеллектуальным упрямым, и это не критика его, просто таким он был. Эрик очень нежно относился к Элеоноре, и у них всё шло хорошо. Просто Элеонора поняла, что Эрик не из тех, кто может жениться»¹⁵³.

В Саутволде Эрик попытался заняться живописью. Он отнюдь не переоценивал свои художественные способности (вполне справедливо), но с удовольствием писал пейзажи, особенно морские просторы. Вскоре, однако, он забросил это занятие, сочтя его бесплодным. Правда, в следующие годы, проводя время с бродягами, он обычно представлялся им художником-неудачником по имени Бертон и даже развлекал спутников своими рисунками.

Во время одной из вылазок Эрика на побережье с кистями и акварельными красками на него обратила внимание супружеская пара. Фрэнсис Фирц был крупным предпринимателем в сталелитейной промышленности, его супруга Мейбл увлекалась литературой, обладала хорошим вкусом, легко заводила знакомства в творческих кругах и среди издателей, покровительствовала начинающим авторам. Эрик ей понравился, она прочитала некоторые его рукописи, порекомендовала перебраться в Лондон и пообещала протекцию в художественном мире¹⁵⁴. Через непродолжительное время она познакомила Блэра с издателем Максом Пламаном и литературным агентом Леонардом Муром, контакты с которыми послужили толчком к превращению его из робкого начинающего автора в активно публикующегося известного писателя.

Эрик решил перебраться в столицу, полагая, что именно там сможет и набраться нового жизненного опыта для литературного творчества, и установить связи с писательскими кругами и с редакциями газет и журналов. Ранней осенью, еще до получения ответа из Индии, он написал Рут Питтер, знакомой своей старшей сестры, которая жила в Лондоне, занималась декоративным оформлением мебели и другой домашней утвари и писала стихи (к этому времени ей удалось выпустить уже два сборника), с просьбой найти ему недорогую комнату. Оказалось, что таковая имеется в доме по соседству с местом работы Рут. После уведомления об отставке Эрик переехал в Лондон и поселился на тихой улице Портобелло в крохотной комнатке без отопления, которую сдавала высокомерная дама по фамилии Крейг.

Рут была старше Эрика на несколько лет, но, похоже, у них почти сразу же начался роман. Эрик признался Рут вскоре после переезда, что, когда он ее увидел, первой мыслью было: «Интересно, легко ли овладеть этой девушкой»¹⁵⁵. В остальном быт оказался нелегким. В комнате было очень холодно. Прежде чем сесть за стол, чтобы писать, Эрик должен был отогревать руки над свечкой. Как-то он признался в этом Рут, и она достала для него какую-то старую газовую печку. Стало намного теплее, сразу же улучшилось настроение и повысилась работоспособность. Роман с Рут оказался недолгим, но друзьями они остались на многие годы.

Намерение писать книги не означало, что это «неопределенное желание» может быть легко реализовано. Ранние опыты Эрика были откровенно слабыми. Он с опаской садился за стол и вначале писал коряво и малоинтересно. Однако постепенно мастерство совершенствовалось, создавались более привлекательные фрагменты, главным образом публицистического характера. Рут Питтер, видимо, всё-таки преувеличивая недостатки ранних произведений Эрика, созданных по возвращении из Бирмы, вспоминала: «Он писал так плохо, что ему надо было учиться писать... Мы часто смеялись и даже плакали над отрывками, которые он нам показывал»¹⁵⁶.

Блэр буквально метался, стремясь найти занятие по душе кроме писательского труда, которым просто не мог не заниматься, но к которому относился крайне скептически, подчас оценивая себя как графомана. Негативные самооценки с годами смягчились, но полностью не исчезли до конца его дней. Передавая очередную новую вещь, прежде всего крупные произведения (романы, обширные очерки), литературному агенту или издателю, Эрик почти всегда впадал в панику, ожидая негативной реакции.

На дне

Наивно стремясь своим творчеством переделать мир, Эрик Блэр всё отчетливее понимал крайнюю недостаточность бирманского опыта и стремился восполнить его новыми жизненными впечатлениями. Через полтора десятилетия в автобиографическом очерке для американского издания Оруэлл признавался: «Когда я возвратился в Европу, я жил около полутора лет в Париже, создавая рома-

ны и рассказы, которые никто не публиковал. Когда у меня кончились деньги, я на несколько лет оказался в состоянии действительно глубокой бедности, во время которой я был, помимо всего другого, мойщиком посуды, частным воспитателем и учителем в дешевых частных школах»¹⁵⁷.

Конспективно это было правильно, но некоторые стороны жизни этих лет упомянуты не были, а об остальных было сказано настолько отвлеченно, что эти строки не могли передать подлинный характер переживаний молодого писателя. Пессимистическое настроение Эрика было связано и с недавним бирманским опытом, и с тем, что, как он полагал, его первые литературные сочинения, прозаические и стихотворные, были крайне неудачными. Личная жизнь тоже не складывалась.

Раздумывая в первые недели жизни в Лондоне о том, где можно пополнить свои впечатления о быте низов, набраться необходимого для творчества жизненного опыта, Эрик вспомнил прочитанную в Бирме книгу Джека Лондона о его путешествиях по Ист-Энду — району бедноты. Блэр решил последовать примеру американского писателя, усовершенствовав «методику» знакомства с обитателями лондонских трущоб. Если Джек Лондон являлся в Ист-Энд, не скрывая, кто он, демонстрируя, что он, выходец из другой среды, стремится познать быт нищеты и помочь ей, Блэр пришел к выводу, что наберется опыта лучше и полнее, если предстанет перед бедняками одним из них.

Купить поношенную одежду особого труда не составляло. Значительные опасения, однако, вызывало то, что он не умеет разговаривать на кокни — языке лондонского простонародья, на котором, как считали в интеллигентских кругах, общались жители Ист-Энда.

Эрик стал практиковаться в употреблении простонародного диалекта, но буквально через несколько дней убедился, что для доведения его до совершенства потребуется немало времени. На собственный страх и риск он отправился в грязные закоулки Ист-Энда, переодевшись в старое и грязное «обмундирование». К его удивлению, всё прошло благополучно. Блэр убедился, что особого, общего для всей бедноты диалекта не существует. Его приняли за своего. Достаточным оказалось употреблять грубые и вульгарные выражения и, главное, быть одетым в обноски¹⁵⁸.

Так началось знакомство нашего героя с лондонскими, а затем и парижскими трущобами. Постепенно накапливался материал для будущих сочинений. Правда, вначале

желание собрать материал для книги было очень неопределенным. Эрик пока не представлял, во что выльется тот багаж разнообразной информации, который оказался в его распоряжении: будет ли это роман, сборник рассказов, книга очерков или своего рода ранняя автобиография. Но дело было даже не в этом. Возникло неукротимое желание узнать лучше, как живет британская беднота, в чем причины нищеты, насколько виновны в ней сами обездоленные и действительно ли существует капиталистическая эксплуатация с ее прибавочной стоимостью, за которой скрывается неоплаченный труд рабочих, что проповедовали коммунисты и другие политические группы, требовавшие ликвидации капитализма и исповедовавшие экономическую доктрину Карла Маркса.

У Эрика Блэра зарождались туманные, зачаточные социалистические настроения. Они сохранятся на протяжении следующих двух десятилетий его жизни, постепенно видоизменяясь в столкновении противоречивых идей и мыслей, в конфликтах с историческими реалиями, но так никогда и не превратившись в какое-либо последовательное мировоззрение. Более того, продолжая называть себя «демократическим социалистом», Блэр, ставший Оруэллом, будет создавать произведения, прямо противоречащие его вроде бы социалистическим установкам. Само же выражение «демократический социализм», как показал последующий опыт, представляло собой оксиморон, поскольку любая практическая попытка создать социализм как особую социальную формацию неизбежно заканчивалась возникновением тирании той или иной формы, ибо «общественной собственностью» неизбежно должен был кто-то управлять, и этим «кем-то» становилось само государство, создававшее для этого мощный административный аппарат.

Пока же Эрик Блэр стремился как можно ближе узнать жизнь бедноты, не только ведя с ее представителями душевспасительные разговоры о жизни, но и питаясь одной с ними едой, ночуя вместе с ними в полуразвалившихся хибарах или ночлежках. Он стремился, отвергая «любую форму господства одного человека над другим, оказаться в самом низу, среди угнетенных, быть одним из них и на их стороне против их тиранов»¹⁵⁹.

В какой-то степени это была азартная игра. Необходимо было замаскироваться так, чтобы казаться своим. Но в то же время он оставался самим собой, хотя искренне пытался по-

мочь людям, находившимся на общественном дне. Конечная цель — постепенная переделка общества — оставалась отдаленной перспективой. На первый план выходило накопление материала и жизненных впечатлений для художественных и публицистических произведений. Первый выход в мир лондонской бедноты был опасной разведкой. Соответствующим образом одевшись, он зимним вечером вошел в некий сарай, в котором имели право ночевать бездомные, скрывавшийся за вполне благопристойным названием «Хорошие постели для одиноких мужчин». Оруэлл рассказывал позже, что всё прошло благополучно. Когда он робко приоткрыл дверь, к нему направился, шатаясь, пьяный надзиратель заведения: «Выпей чашку чая, приятель, выпей чашку чая... Это было нечто вроде крещения»¹⁶⁰.

Вскоре Блэр предпринял целую экспедицию по изучению жизни обитателей городского дна. Важно подчеркнуть, что сделано было это задолго до того, как он сам оказался на грани нищеты в Париже, то есть было акцией добровольной, а не вынужденной. При этом он полностью погружался в жизнь обездоленных людей, вместе с ними перенося беды, страдания, унижения. Разница заключалась лишь в том, что эти люди вынуждены были влачить жалкое существование почти без надежды, а Блэр мог в любой момент прервать свой эксперимент.

После сравнительно недолгих «странствий» Блэр возвращался в нормальную жизнь. Но во время своих вылазок он был отнюдь не наблюдателем, а участником. Это было исключительно важно, поскольку позволяло увидеть такие детали, которые зачастую были недоступны исследователю, стоявшему вне изучаемой среды. Одно из таких наблюдений касалось изменения статуса в зависимости от одежды: «Иначе одетый, я опасался, что полиция может арестовать меня как бродягу, и кроме того, я не осмеливался ни с кем заговорить, полагая, что люди могут заприметить противоречие между моим диалектом и моей одеждой. Моя новая одежда привела меня в новый мир... Мне встретился какой-то бредущий с видом нашкодившего пса субъект, явно бродяга; присмотревшись, я узнал самого себя в витринном зеркале. И лицо уже было покрыто пылью. Пыль чрезвычайно избирательна: пока вы хорошо одеты, она минует вас, но лишь появитесь без галстука, облепит со всех сторон. На улицах я оставался до самой ночи, причем безостановочно ходил, серьезно опасаясь, что из-за одежды полиция примет меня за попрошайку и арестует»¹⁶¹.

Что такое социализм?

Первые годы пребывания на родине и в соседней Франции, где он находился сравнительно долго, были в Европе периодом относительного экономического благополучия. Многие экономисты поговаривали даже о процветании. Сам Блэр особого процветания не заметил, скорее всего в силу своего критического и пессимистического настроения и общения в основном с низшими слоями населения. Внимание Блэра всё более привлекали те, кого он называл рабочими, вкладывая, впрочем, в это понятие далеко не тот смысл, какой имели в виду и умеренные, и крайние последователи марксистской теории. К рабочим Блэр относил не только лиц наемного труда, занятых в промышленности, строительстве и торговле, но вообще всех представителей низшего слоя британского общества (крестьянства как такового в Великобритании не было уже более сотни лет — в сельской местности можно было встретить землевладельцев, арендаторов и тех же наемных рабочих). У него не было четкого понимания, кого следует считать пролетарием, или «пролом»; этот неологизм, появившийся в публицистике Блэра—Оруэлла уже в начале 1930-х годов, был вскоре им позабыт, вновь услышан в Испании в 1937 году и введен в знаменитый роман.

Вернувшись из Бирмы, Блэр понял, что для познания «злобного деспотизма» не было необходимости отправляться за океан. «Здесь, в Англии, под собственными ногами, находился угнетенный рабочий класс, страдающий, правда, иначе, чем на Востоке. Именно так мои мысли обратились к английскому рабочему классу»¹⁶², — писал он несколько позже.

Мировой экономический кризис 1929—1933 годов еще не начался, но положение Великобритании было, по мнению Эрика, прискорбным. Наибольшим злом начинающий социолог и публицист считал безработицу¹⁶³. От хронической безработицы, по его выкладкам, страдали до десяти миллионов человек — безработных и членов их семей¹⁶⁴.

Положение стало неизмеримо хуже, когда начался тяжелейший за всю историю мирового капитализма экономический кризис — Великая депрессия. Правда, кризис затронул Великобританию слабее, чем другие европейские страны и США, да и начался там позднее — не осенью 1929 года, как за океаном, а в начале следующего, поскольку

ку британские товары сбывались в доминионах и колониях. Пик британского хозяйственного спада пришелся на 1932 год: промышленное производство составляло 82 процента от уровня 1929 года. Особенно сильно были поражены традиционные отрасли британской экономики — угольная, металлургическая, судостроительная, где была сосредоточена основная масса рабочих. Кризис привел к беспрецедентному росту числа безработных в Великобритании. По официальным данным, в 1932 году уровень безработицы составлял 25 процентов. В провинции появились «пораженные районы», где хозяйственная жизнь почти замерла. Предприятия прекращали работу. Рост экономических трудностей накалял социальную обстановку.

На парламентских выборах в мае 1929 года большинство голосов получили лейбористы. Премьер-министром стал их лидер Джеймс Рамсей Макдональд. Лейбористское правительство провело в феврале 1930 года новый закон о страховании по безработице — срок получения пособий увеличивался с трех месяцев до года. Было создано министерство по борьбе с безработицей. Эти меры до некоторой степени улучшили положение неимущих слоев. Но только в середине 1930-х годов страна стала медленно выходить из депрессии.

Экономические беды оказали глубокое влияние на настроения интеллигенции, особенно литераторов и публицистов. Появилась плеяда молодых авторов, которые ушли влево. Некоторые левые интеллектуалы увлекались коммунистическими идеями как таковыми, однако осторожно относились к их воплощению в советском варианте.

Эрик Блэр был крайне осторожен в следовании конкретным образцам. В своих первых книгах он пытался в художественно-публицистической форме передать собственные впечатления о жизни тех, кто стоял в самом низу социальной лестницы двух европейских держав, выигравших мировую войну. Начинаящий литератор и публицист стремился показать, что обещание либерала Дэвида Ллойд Джорджа, премьер-министра времен мировой войны: «Страна будет достойна своих героев» — оказалось пустой фразой. Страна встретила своих героев безработицей и нищетой. Разочарование сложившейся на родине ситуацией, усиленное бедами кризиса и неспособностью влиятельных политических партий — консерваторов и лейбористов — облегчить страдания низов, заставляло Блэра искать собственную схему построения социальных отношений.

Вернувшись из Бирмы, Блэр поначалу не проявлял сколько-нибудь значительного интереса к теориям переустройства общества «на справедливых началах». Он писал позже, что тогда его не привлекали «ни социализм, ни другие экономические теории»¹⁶⁵. Время, проведенное в колонии, дало ему некоторые представления об империализме как системе колониальной экспансии, но не способствовало формированию «точной политической ориентации». Приехавший в Великобританию бывший полицейский офицер придерживался неопределенных полуанархистских взглядов. Он считал, что любое государственное правление — неизбежное зло, и разделял всех людей на две резко очерченные, не имевшие переходных ступеней, категории: угнетенных, которые всегда правы, и угнетателей, которые всегда во всем виноваты¹⁶⁶.

Глава четвертая
ПЕРЕЕЗД ВО ФРАНЦИЮ

Париж

Сравнительно недолго прожив в Лондоне, Эрик понял, что для получения адекватного представления о жизни низов общества ему недостаточно британских впечатлений. Поздней весной 1928 года он решил последовать примеру многих литераторов 1920-х годов, которых притягивал Париж, считавшийся всемирной художественной столицей. Вновь появившись в городе, с которым он мельком познакомился по дороге из Бирмы в Англию, он снял крохотную комнату в Латинском квартале, насквозь продуваемую весенним холодным ветром. Вдобавок невозможно было избавиться от насекомых. Но платил он всего 50 франков в неделю — чуть меньше одного фунта стерлингов. Было и еще одно преимущество — близость университета Сорбонны с его библиотекой, куда можно было записаться, не будучи студентом. По другую сторону находилась знаменитая Высшая нормальная школа, в которой на самом высоком для того времени уровне преподавались как естественные, так и гуманитарные науки и велись соответствующие исследования. Как раз в то время, когда Блэр приехал в Париж, здесь учился будущий знаменитый писатель Жан Поль Сартр, а английский язык преподавал не менее знаменитый драматург Сэмюэл Беккет, один из основоположников театра абсурда. Естественно, ни с тем, ни с другим Блэр не встречался. Его интересовали совершенно другие знакомства — в самых низших слоях парижан.

Когда на французском языке выйдет его книга, значительная часть которой будет посвящена парижским впечатлениям, Оруэлл сочтет необходимым предупредить в предисловии, что у читателя не должно создаться впечатление о враждебном отношении автора к Парижу и парижанам: «Я хотел бы особенно подчеркнуть это французским чита-

телям, так как очень расстроился бы, если бы они предположили, что я остался недоволен самим городом, о котором на самом деле я сохранил самые счастливые воспоминания»¹⁶⁷.

Здесь снова проявились две связанные, но в то же время разграниченные стороны восприятия Блэром жизненных реалий: общаясь с «простонародьем», он в то же время находился если не над ним, то, во всяком случае, вне его. Ведь речь шла о работе. Автор собирал материал, полностью погружаясь в ту среду, которую намеревался описывать.

Незадолго до смерти Оруэлл писал своей хорошей знакомой Силии Пейджет, жившей в то время в Париже, как причудливо переплетались в его памяти светлые и страшные воспоминания о пребывании в этом городе: «Как я хотел бы оказаться в Париже вместе с тобой, особенно сейчас, весной. Бываешь ли ты когда-нибудь в Саду растений*? Я когда-то любил его, хотя на самом деле там нет ничего интересного, кроме крыс, которые в какой-то момент захватили его и были такими прирученными, что их можно было кормить с руки... Обычные деревья в Париже прекрасны, потому что кора не темнеет из-за дыма, как это происходит в Лондоне»¹⁶⁸.

Блэр весьма критически оценивал парижскую интеллигенцию, за которой наблюдал в течение полугода пребывания в городе. В годы экономического бума, предшествовавшего мировому экономическому кризису, культурная жизнь французской столицы была крайне поверхностной и напоминала сплошной праздник. Париж, писал Блэр, наполнился «таким количеством художников, писателей, студентов, дилетантов, экскурсантов, дебоширов и просто бездельников, какого мир, наверное, никогда не видел. В некоторых районах города так называемых художников, наверное, больше, чем рабочего населения».

С этой публикой Эрик не общался, и отнюдь не потому, что был снобом, — ему было просто неинтересно. Да и годы, проведенные в школе и на службе в Бирме, приучили его, что труд в одиночестве значительно привлекательнее, чем бесплодная болтовня с людьми, придерживающимися весьма высокого мнения о своих умственных способностях. Спорить с ними Эрик считал неплодотворным и скучным занятием.

* Обширный открытый для публики ботанический сад в Пятом округе французской столицы.

Его близкая родственница, сестра матери Нелли Лимузин, жила в Париже с начала 1920-х годов со своим сожителем Юджином Эдамом (пара официально не оформляла отношения, поскольку считала это предрассудком). Эдам, получивший крупное наследство, дававшее возможность безбедно существовать во Франции, придерживался социалистических взглядов и был известным адептом единого мирового языка эсперанто и руководителем организации эсперантистов, изучавших этот язык и общавшихся на нем (впрочем, организация носила странное название: Всемирная ассоциация ненационалистов).

Юджин сотрудничал также с Рабочей эсперантистской ассоциацией, в которой значительным влиянием обладали коммунисты. Правда, после посещения СССР симпатии Юджина к коммунистам охладели, но увлечение эсперанто осталось. Основным тезисом его выступлений являлось утверждение, что национализм и войны исчезнут, когда всё человечество заговорит на одном языке: тогда, мол, само собой ликвидируется проклятие Вавилонской башни, разделившее людей на враждовавшие между собой нации, и наступит рай земной. В основном из-за нежных чувств к Юджину, который даже в домашней обстановке разговаривал только на эсперанто, Нелли также овладела этим искусственным языком и участвовала в его пропаганде.

Блэр лишь изредка навещал тетку, хотя та испытывала к нему симпатию и всегда была готова помочь деньгами. Этой возможностью племянник не воспользовался ни разу. Кроме того, тетя Нелли была начитанной, независимой, стремилась вовлечь Эрика в дискуссию о новейших литературных явлениях¹⁶⁹, однако он обычно отделивался общими фразами. Тогда он еще не пристрастился к чтению современной литературы — это произошло несколько позже, когда лондонские литературные журналы начали заказывать ему рецензии и обзоры, а художественные произведения стали базой для его рассуждений о пороках современного мира.

Примирившись с тем, что племянник не желает пользоваться ее финансовой поддержкой, Нелли пыталась уговорить его заняться каким-нибудь полезным делом. Она знала о его любви к природе, к растениям и насекомым и уговаривала попробовать силы в садоводстве, делая это не слишком педагогично. «Конечно, семена должны стоить каких-то денег; удобрения и инструменты тоже, — писала она Эрику, — но я надеюсь, что ты сможешь занять их или украсть»¹⁷⁰.

К эсперантистскому движению, которое в то время всячески поддерживалось и отчасти финансировалось компартиями, а следовательно, и к супругу тети Нелли Эрик относился с определенной симпатией и одновременно с осторожностью. Он не исключал, что в отдаленном будущем возникнет единый международный язык, в основу которого положат один из наиболее распространенных современных языков, в результате чего начнутся свары между сторонниками той или иной ориентации¹⁷¹. А Блэр не хотел быть вовлеченным в эти дразги. Здесь Оруэлл оказался неправ: самый распространенный искусственный язык вскоре умер, поскольку Сталин счел его орудием шпионов и диверсантов, после чего компартии перестали поддерживать эсперантистов. Других серьезных попыток создать международный язык предпринято не было.

Дебют в профессиональной публицистике

Эрик был решительно настроен заняться писательским ремеслом. Позже он постарался откровенно назвать четыре мотива, способствовавших этому решению:

«1. Чистый эгоизм... Жажда выглядеть умнее, желание, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти, стремление превзойти тех взрослых, которые унижали тебя в детстве... Огромные массы человеческих существ в общем не самолюбивы... Но среди них всегда есть меньшинство одаренных, упрямых людей, которые полны решимости прожить собственные жизни до конца, и писатели принадлежат именно к этому типу. Я бы сказал, что серьезные писатели в целом более тщеславны и эгоцентричны, чем журналисты. Хотя и менее заинтересованы в деньгах.

2. Эстетический экстаз. Восприятие красоты мира или, с другой стороны, красоты слов, их точной организации. Способность получить удовольствие от воздействия одного звука на другой, радость от крепости хорошей прозы, от ритма великолепного рассказа.

3. Исторический импульс. Желание видеть вещи и события такими, каковы они есть, искать правдивые факты и сохранять их для потомства.

4. Политическая цель... Желание подтолкнуть мир в определенном направлении, изменить мысли людей относительно того общества, к какому они должны стремиться»¹⁷².

Как видим, если отбросить «чистый эгоизм», то есть стремление к самовыражению, к признанию другими людьми, оставшиеся три мотива определяли, к чему стремился начинающий писатель. Он видел себя автором социальной прозы, сочетающей изображение человеческих будней и судеб с определением перспектив развития общества.

Нельзя сказать, что это была скромная задача. Эрик Блэр хотел стать своего рода прорицателем, стремящимся предостеречь людей от опасных социальных путей, и в определенном смысле ему это удалось. Он вел самый скромный образ жизни, тратя деньги, которые отложил во время полицейской службы. В Париже Эрик решил попробовать свои силы в общественно-политической публицистике, попытался привлечь к себе внимание французской левой прессы, что в определенной мере ему удалось, хотя о каком-то значительном успехе говорить не приходится. Редакторы нескольких левых газет и журналов, которые стояли влево от центра, не считавшихся партийными (заинтересовались бойко пишущим молодым человеком, особенно принимая во внимание, что он остро критиковал политическую систему не Франции, а соседней страны, причем излагал факты образно и просто. 6 октября 1928 года в газете «Монд» («Мир») появилась статья Блэра о цензуре в Великобритании¹⁷³.

Газета издавалась популярным в левых кругах писателем Анри Барбюсом. Известность пришла к Барбюсу благодаря антивоенному роману «Огонь» (1916) — о Первой мировой войне, способствовавшему формированию антипатриотического сознания у части низших слоев общества. С 1923 года Барбюс был членом Коммунистической партии. По всей видимости, Блэр был рекомендован Юджином Эдамом, поддерживавшим связь с Барбюсом.

Это была первая профессиональная публикация Эрика Артура Блэра, который подписал ее своим подлинным полным именем. Внешне статья носила чисто информационный характер. Блэр сообщал, что в Великобритании существует предварительная театральная цензура, осуществляемая правительственными чиновниками, обычно не имеющими ни художественного образования, ни способности оценить качества произведения. Многие замечательные произведения, в том числе таких авторов, как Ибсен или Шоу, в течение многих лет остаются неизвестными британской театральной публике по той причине, что кому-то из цензоров они показались «вредными для

общественной морали», в то же время откровенно порнографические скетчи или безвкусные музыкальные комедии претерпевают по требованию цензуры только минимальные изменения. Что же касается художественной литературы, признавал Блэр, то по отношению к ней предварительной цензуры не существует, однако любой роман может оказаться запрещенным после публикации, как произошло с замечательным произведением ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс». Такого рода запреты обычно оказываются результатом «общественного возмущения»: «Священник произносит свое слово с кафедры, кто-то пишет в газету, журналист в воскресном выпуске публикует статью, после этого идет петиция в Министерство внутренних дел — и книга запрещается». Автор, впрочем, оговаривался, что все эти правила относятся только к современной литературе. Со скрытым сарказмом Блэр сообщал о «великом демократическом достижении»: на британской сцене «показывают всего Шекспира», книги Шекспира и Свифта «публикуются и продаются полными, несокращенными изданиями без каких-либо препятствий». Даже Рабле, продолжал он издеваться, «можно купить без всяких хлопот». В течение десятилетий, делал вывод Блэр, переходя от сатирического к серьезному тону, незначительное меньшинство, стоящее у власти, манипулирует цензурой во вред широким слоям читающей публики.

Вслед за статьей о цензуре последовали эссе в той же газете «Монд» и в журнале «Прогресс критик» («Прогрессивная критика») о других социальных бедах Британии: безработице, нищенчестве, бродяжничестве и т. д. Одновременно вновь были предприняты попытки публиковаться в британских изданиях.

В конце концов тексты Блэра заметили в журнале христианского мыслителя, журналиста и писателя Гилберта Кита Честертона «Джи Кейз уикли» («Еженедельник Джи Кей») (G. K. — инициалы Честертона). Здесь 29 декабря 1928 года появилась первая в британской прессе статья за подписью Блэра, содержащая резкий критический анализ правой французской прессы. Название статьи, «Газета за фартинг»¹⁷⁴, было издевательским, ибо в то время фартинг являлся мельчайшей монетой, чуть больше тысячной части фунта стерлингов. В то время за фартинг нельзя было купить ничего (после Второй мировой войны чеканка этой монеты была прекращена).

Статья была написана острым, злым и вместе с тем обы-

денным языком. Ее смысл состоял в том, что во Франции существовали крайне дешевые правые периодические издания, которые отличались произвольным подбором информации, примитивными сенсациями, распространением сплетен, проведением неких бездумных конкурсов... Автор давал саркастические советы: «Есть, таким образом, достойный пример для магнатов нашей английской прессы. Дадим им возможность последовать за “Ами дю Пепл” и продавать свои газеты за фартинг. Даже если в этом не будет никакой другой пользы, бедняги из публики почувствуют, по крайней мере, что за свои деньги они получают должный товар».

Эти статьи были первыми опытами будущего знаменитого писателя в политической журналистике, важным этапом на пути формирования его своеобразного стиля — простого, образного, внешне весьма серьезного и в то же время полного скрытой иронии.

Иногда Блэр посещал пользовавшиеся популярностью в писательской среде крохотные кафе в квартале Сен-Жермен-де-Пре, по соседству с давней ему название огромной церковью, напротив Лувра. Провести здесь несколько часов за бокалом самого дешевого вина или чашкой кофе не считалось праздным занятием. Подобно другим мастерам слова, в том числе самым известным, Эрик писал там некоторые свои статьи. Видимо, он считал, что артистическая атмосфера квартала способствует вдохновению. Но он ни разу не осмелился подсесть к кому-нибудь из литературных знаменитостей. В этом проявились его природная застенчивость, нежелание навязываться и в то же время чувство гордости и самодостаточности.

Так был найден плодотворный подход к взаимоотношениям с редакциями: для французов писалось о Великобритании, для британцев — о проблемах соседней Франции. Гонорары в левых изданиях были незначительными. Поэтому Эрику, по мере истощения его финансового запаса, пришлось начать зарабатывать на жизнь случайно найденными занятиями, продолжавшимися максимум несколько дней. Правда, позже он нашел работу мойщика посуды в одном из модных ресторанов на улице Риволи, одновременно выполняя там мелкие поручения.

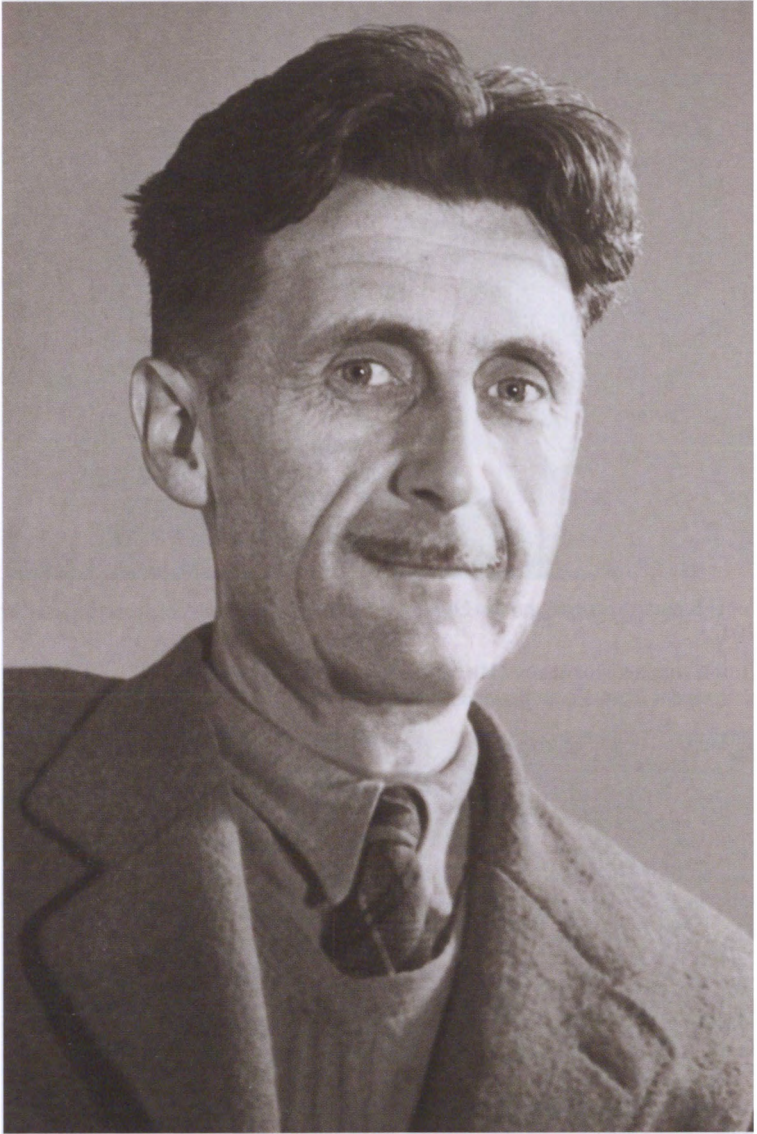
Видимо, условия этого отнюдь не легкого труда — горячий пар, которым он был окутан, в сочетании с постоянными сквозняками — резко усилили подверженность простудным заболеваниям. 7 марта 1929 года Эрика с вос-

палением легких забрали в бесплатную больницу Кошен, где проходили практику студенты-медики. Через много лет, в 1946 году, Оруэлл описал свои больничные мытарства в очерке «Как умирают бедные», на всякий случай назвав больницу «госпиталь Икс»¹⁷⁵.

Он едва выкарабкался, проведя на больничной койке три недели. Ни антибиотиков, ни даже пенициллина тогда не существовало, и пневмония считалась крайне опасным заболеванием. Лечение было варварским: Эрику ставили на грудь некое подобие банок, от которых образовывались громадные болезненные пузыри; их срезали и на кровоточащую ткань вновь ставили банки, оттягивавшие густую смесь крови и лимфы. При помощи не очень квалифицированных врачей и практикантов благотворительной больницы Эрик кое-как справился с пневмонией. Были проведены анализы на присутствие в его организме туберкулезной палочки, давшие отрицательный результат¹⁷⁶. Но легочные заболевания периодически возобновлялись и в конце концов привели к туберкулезу, который и свел Блэра в могилу.

О самой же больнице остались самые безрадостные воспоминания. Главное впечатление состояло в том, что бедняки, которые не в состоянии платить за лечение, являются основным объектом практических занятий начинающих и почти ничего не умеющих студентов, часто просто безграмотных лентяев, для которых человеческая жизнь не стоит ни гроша. Да и сама больница описывалась в самых мрачных красках: «Палата представляла собой длинную, с довольно низким потолком, плохо освещенную комнату, наполненную бормотаньем множества голосов, с тремя рядами коек, стоявших удивительно близко друг к другу. Висел отвратительный запах, словно бы настоящий на испражнениях и в то же время сладковатый»¹⁷⁷. В больнице, которая должна была служить образцом чистоты, грязь была повсюду, даже сестры и санитарки появлялись в нестиранных халатах.

Показательным был финал очерка: больничная обстановка вызвала в памяти давно забытую поэму Альфреда Теннисона «Детская больница», которую Эрику читали, когда он был ребенком. «А потом я вроде бы забыл ее, даже название поэмы не вызвало бы у меня никаких воспоминаний. Но первый же взгляд на... палату неожиданно выискал в мозгу ток воспоминаний, в которых всё это находило место. И в ту свою первую ночь в больнице я обнаружил,

El Vaini

Айда Блэр с шестимесячным Эриком. Эрику три года
1903 г.

Дом в городе Мотихари (Индия),
в котором Эрик Блэр провел первый год жизни

Эрик с матерью Айдой, отцом Ричардом и сестрой Эврил. 1916 г.

В 1911—1916 годах Эрик учится в школе Святого Киприана в Истборне

В 1917 году Эрик Блэр стал «королевским стипендиатом» престижного Итонского колледжа

Эрик (в нижнем ряду в центре) —
член команды колледжа по «игре у стены». 1921 г.

Джасинта Баддиком — юношеское увлечение Блэра. 1918 г.

Студент Эрик Блэр. 1921 г.

Выпускник Итона Блэр среди однокашников. 1921 г.

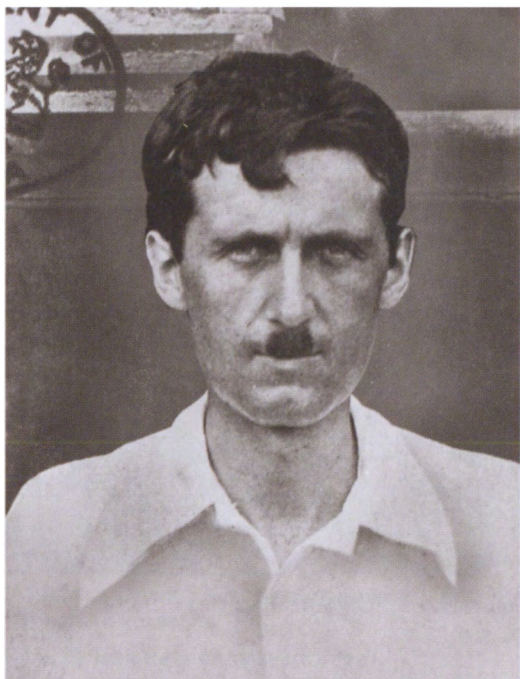

Фото Блэра
на документы
во время пребывания
в Бирме

Эрик
(третий слева
во втором ряду)
в полицейской
школе Мандалая.
1923 г.

Дом в пригороде Рангуна, в котором жил колониальный полицейский Блэр

Британский клуб в Кате (Бирма)

Фунты лиха
в Париже...

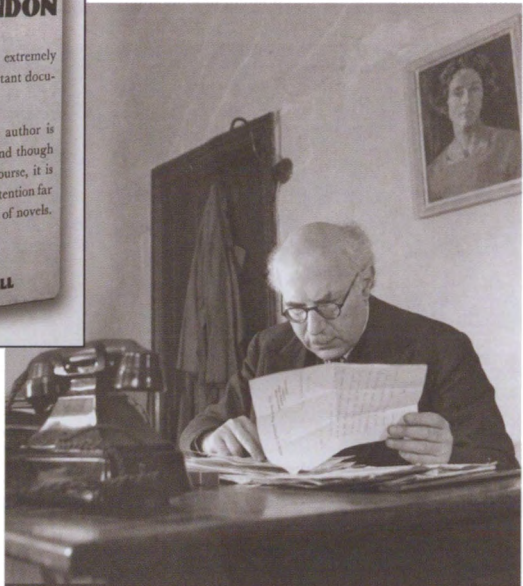
...и в Лондоне

В 1929 году после скитаний по трущобам Блэр попал в парижскую больницу для бедняков Кошен

В 1933 году в издательстве Виктора Голланца Блэр опубликовал книгу «Фунты лиха в Париже и Лондоне» под псевдонимом Джордж Оруэлл

Саутволд, графство Суссекс

Дом родителей в Саутволде

На отдыхе
в Саутволде.
1930 г.

Эрик Блэр,
учитель частной
школы в Хайесе,
со своими
учениками.
1933 г.

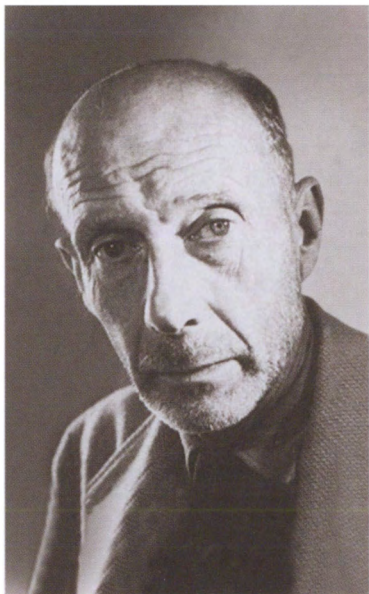
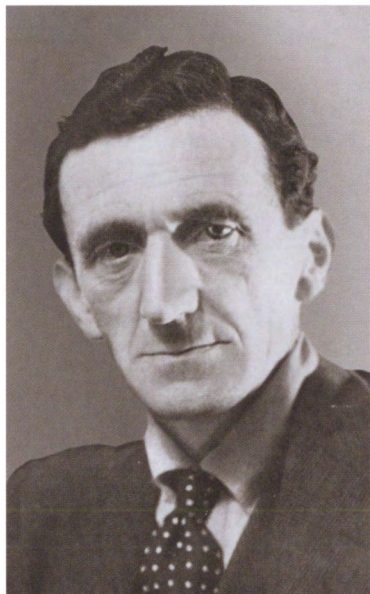

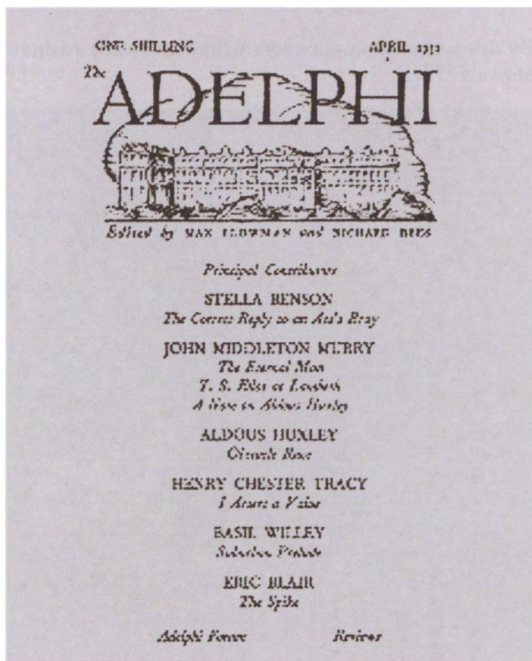
В поездке по Северной Англии в 1936 году Блэр—Оруэлл узнал об ужасающих условиях труда шахтеров

Здание в Уигане, названное именем Оруэлла

Макс Пламан
и Ричард Риз,
редакторы журнала
«Адельфи»

Журнал «Адельфи»
с первой статьей
Блэра «Гвоздь».
Апрель 1931 г.

Отряд ПОУМ в Барселоне во время гражданской войны в Испании

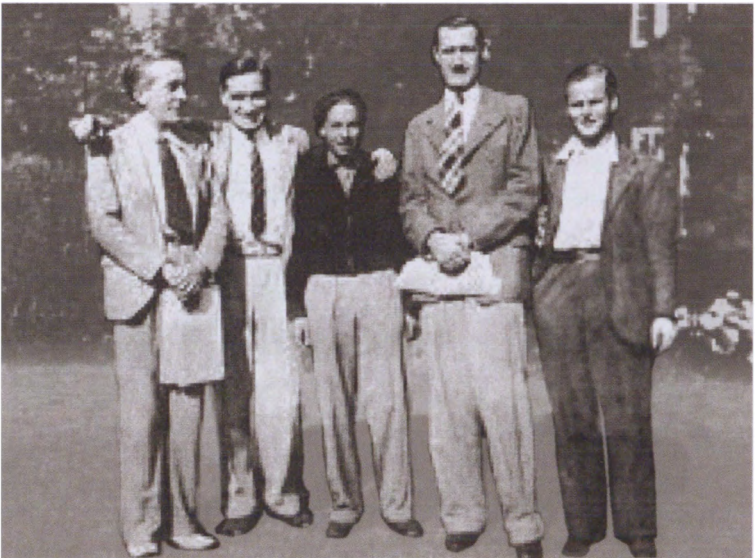
Эйлин Блэр приехала к мужу (самый высокий) на Арагонский фронт.
Март 1937 г.

Эрнест Хемингуэй одновременно с Блэром был в Испании. 1937 г.

Блэр с членами Независимой рабочей партии после возвращения из Испании. Август 1937 г.

Краткий отдых в доме Мейбл Фирц в Хампстеде

что помню и сюжет, и строй поэмы, а некоторые ее строчки знаю наизусть»¹⁷⁸. Так крайне неприглядная действительность сомкнулась с поэзией, хотя и в отнюдь не оптимистическом контексте.

Чуть окрепнув после воспаления легких, Блэр попытался найти постоянную интеллектуальную работу, вел переговоры с редакцией одного из журналов, где были опубликованы его статьи, о зачислении в штат или, по крайней мере, о предоставлении места на страницах издания на регулярной основе. И в том, и в другом Эрику было отказано. Он часто менял места работы, много путешествовал. Были месяцы, когда он жил только на незначительные сэкономленные средства. На некоторое время Эрику удавалось устроиться частным учителем в богатых семьях. Трудно сказать, что привлекало нанимателей, ведь у него не было даже высшего образования. Скорее всего, не столько родителям, сколько их детям нравилась независимость суждений и, главное, тот факт, что Блэр побывал в дальних заморских краях и превосходно владел словом, увлекательно рассказывал забавные и поучительные истории о том, что он пережил. Но он недолго удерживался в богатых домах. То ли ему становилось крайне скучно возиться с непоседливыми недорослями, то ли от его услуг отказывались, почуввав или услышав, что он придерживается «левых» убеждений, сочувствует угнетаемым слоям общества.

Не везет так не везет...

После выписки из больницы прошло совсем немного времени, и Блэр оказался в катастрофическом финансовом положении, так как его обокрала некая девушка вольного поведения, которую он подобрал в одном из дешевых кафе и с которой провел несколько ночей. Любопытно, что позже Эрик говорил знакомым об этом случае добродушно, даже с оттенком сочувствия и симпатии к юной проститутке и воровке. Мейбл Фирц вспоминала: «К вопросу о девушках, он однажды рассказал, что из всех девушек, которых он знал, прежде чем встретил свою жену, ему больше всего понравилась маленькая проститутка, которую он подобрал в кафе в Париже. Она была красивой, у нее была фигура, как у мальчика итонской породы, и она была желанной во всех отношениях. Так или иначе, но в течение какого-то времени у него была связь с этой девушкой, но наступил момент,

когда он возвратился в свою комнату, а эта великолепная особа испарилась со всем его имуществом. Со всем его багажом, и деньгами, и вообще всем»¹⁷⁹.

В полицию Блэр не обратился, то ли считая это бесполезным, то ли пожалев девушку. Помощью тети он снова не воспользовался, потому что потребовалось бы объяснить ей, что именно произошло. Пришлось увеличить время работы (с лета 1929 года он проводил за мытьем посуды до четырнадцати часов в день), заложить в ломбард, а затем продать за гроши почти всю скудную одежду. Он даже вынужден был отдать в залог свой «парадный» костюм, оказавшись, таким образом, в заколдованном круге: не имея работы, он не мог выкупить свои вещи, а в обшарпанной одежде не мог рассчитывать найти приличную работу. Эрик стал настоящим нищим, тем самым, познать жизнь которых он пытался всё это время.

Если раньше он тратил 13 франков в день, и это были очень скудные расходы, то теперь был вынужден сократить сумму до шести франков. Погрузившись в среду парижской нищеты, испытывая все трудности, связанные с безденежьем, Блэр в то же время отделял себя от окружающих. Он ни разу не прибежал к чьей-либо помощи, но чувствовал некую опору за своей спиной — в этом городе жила хорошо относившаяся к нему зажиточная родственница; в крайнем случае он мог возвратиться на родину, где нашел бы какое-то занятие (что позже действительно произошло). Несмотря на крайнюю бедность, Эрик в душе оставался итонским аристократом. Однажды он купил на последний франк литр молока, но когда кипятил его, заметил попавшую туда мошку. Ни секунды не колеблясь, он вылил молоко в раковину. Природная брезгливость оказалась сильнее голода. В книге очерков о парижских и лондонских низах Блэр позже писал, что человек, проведший неделю на хлебе с маргарином, «уже не человек; это только живот с несколькими вспомогательными органами». В «желудок с дополнительными органами» Эрик не превратился¹⁸⁰. Невозможно представить себе, чтобы кто-то из бедняков, рядом с которыми жил Эрик Блэр, расстался бы с кастрюлей молока.

Парижские перипетии сводили Эрика с самыми разными людьми, ставили его в разнообразные ситуации. Однажды он познакомился с русским белоэмигрантом Борисом (для большей важности представлявшимся офицером «второго сибирского полка»), который, будучи, как и он сам, нищим, пытался рассматривать окружающую среду с

высоты своего прошлого командного армейского положения и аристократических манер (до мировой войны он снимал, по его словам, номера-люкс в отелях «Эдуард VII» и «Скриб», где теперь служил ночным сторожем) и не мыслил ни о чем другом, кроме победоносного возвращения в бескрайние русские просторы и жестокой мести большевикам. Это был поистине трагикомический образ.

В другой раз Эрик оказался среди каких-то мошенников, которые пытались представить себя неким «тайным коммунистическим обществом», замаскированным под общественную прачечную. Они собирали одежду для нищих и затем продавали собранное. По этому поводу один из биографов Оруэлла замечает, что писатель с более богатым воображением, например Г. Честертон, превратил бы этот эпизод в целый детективный роман¹⁸¹. Но творческого воображения и у Блэра было достаточно. Он рассказал об этом случае не в романе, а в сборнике автобиографических очерков «Фунты лиха в Париже и Лондоне»*, в котором стремился быть максимально лаконичным и близким к фактической стороне дела.

Несмотря на нишенское существование, Блэр упорно продолжал писать, сидя за обшарпанным столом, хотя бы по два-три часа поздно вечером, измученный тяжким физическим трудом, но полный планов и надежд на успех. Блэр отнюдь не собирался ограничивать свои профессиональные занятия публицистикой. Он совершенствовал писательское мастерство, пробовал силы в рассказах. Однако ни рассказы, ни два написанных им в то время романа его не удовлетворили. Он считал их слабыми, не заслуживавшими публикации. Позже все эти произведения были им уничтожены. Об этом известно с его собственных слов, а также со слов людей, с которыми он сталкивался в Париже¹⁸².

Если публицистические материалы всё же начинали пробивать себе дорогу в газеты и журналы и автор получал крохотные гонорары, которых не хватало даже на самую скромную жизнь, то с художественными произведениями дело обстояло совсем плохо. В феврале 1929 года Эрик

* Это название, используемое в русском переводе и в русскоязычных работах, лишь очень приблизительно передает подлинный заголовок «Down and Out in Paris and London» («down and out» буквально переводится как «вниз и наружу», а как идиома — «без гроша в кармане»).

попытался связаться с литературными агентами газетного синдиката МакКлура в Лондоне, послав им свой роман «Человек в кожаных перчатках» и сборник рассказов. Почти через полгода он, наконец, получил сообщение, что, несмотря на все попытки «продать» эти творения, у агента ничего не вышло¹⁸³. Сегодня об этом романе нам известно только его название. О каких рассказах шла речь в переписке, вообще неизвестно.

В предисловии к украинскому изданию своей знаменитой повести-притчи «Скотный двор»* Оруэлл через много лет напишет: «В 1928—1929 годах я жил в Париже и писал небольшие рассказы и романы, которые никто не желал публиковать (позже все они были мной уничтожены). В следующие годы я жил в основном на случайные заработки, в некоторых случаях впроголодь. И только с 1934 года я смог жить на те средства, которые я зарабатывал своим писанием. В то время я подчас жил в течение месяцев среди бедняков и полупреступных элементов, которые обитали в самых отвратительных уголках бедняцких кварталов или просто слонялись по улицам, прося милостыню и занимаясь воровством. В это время я не многим отличался от них из-за отсутствия денег, но позже их образ жизни очень заинтересовал меня сам по себе. Я провел много месяцев, систематично изучая условия жизни шахтеров на севере Англии. До 1930 года я в целом не рассматривал себя как социалиста. У меня тогда еще не было четко определенных политических взглядов. Я стал выступать за социализм главным образом потому, что мне стало отвратительным угнетение и пренебрежение, с которым относились к бедным слоям промышленных рабочих, а не потому, что с теоретическим восторгом относился к обществу, развиваемому по плану»¹⁸⁴.

* Книга была выпущена на украинском языке под названием «Колгосп тварин» («Колхоз животных») в Ульме (по другим сведениям, в Мюнхене) по инициативе украинцев, ранее находившихся в лагерях для перемещенных лиц. История этого украинского издания описана в нашей публикации: *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Исторический контекст «Скотского хутора» Дж. Оруэлла в его переписке // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 3—23.

Глава пятая
НАЗАД В АНГЛИЮ

Сотрудничество в журнале «Адельфи»

В самом конце 1929 года из-за безденежья и отсутствия перспектив Эрик вынужден был вернуться в Англию. На какие деньги он смог добраться до Саутволда, не выяснено. Позже он рассказывал не очень правдоподобную историю, что семейство с недоразвитым ребенком пригласило его в качестве воспитателя и выслало аванс. Почему надо было выписывать учителя из Франции? На этот вопрос ответа Эрик не дал и не смог вразумительно объяснить, почему так и не приступил к работе, за которую уже получил деньги.

Парижский жизненный опыт и зревшее мастерство всё-таки привели к тому, что Блэра стали печатать. Он представлял издателям документальные очерки, рецензии и литературные обзоры и очень редко поэтические опусы. Обращался он в основном во второстепенные, малопрестижные издания. В октябре 1931 года Эрик писал Дэнису Коллингу: «Я довольно сильно занят, придумывая рассказы и прочее для новой газеты “Современная юность” (отвратительное имя для отвратительной газеты — и вещи, которые я для них пишу, также отвратительны, но надо на что-то жить)»¹⁸⁵. Но газета, просуществовав непродолжительное время, закрылась, не успев опубликовать «отвратительные» рассказы Эрика и не выплатив ему гонорара.

Состояние его здоровья оставалось неудовлетворительным, но на это он почти не обращал внимания. Рут Питтер вспоминала: «Одним особенно ужасным зимним днем с тающим снегом на земле и ледяным ветром Оруэлл пришел без нормального пальто, без шапки, перчаток и шарфа. Я была почти уверена, что он находится в предтуберкулезном состоянии, как он сам это называл. И вот он появился в такую погоду в совершенно негодной одежде. Я набросилась

на него с упреками, пытаюсь убедить прислушаться к разумным советам и обратить внимание на свое здоровье. Всё было тщетно. Он не смотрел в лицо фактам. Был случай, его проверяли на туберкулез, но результат вроде бы оказался отрицательным, по крайней мере так он говорил. Он никогда по-настоящему не лечился — до тех пор, когда это было уже поздно»¹⁸⁶.

Через некоторое время судьба, наконец, улыбнулась Блэру — он привлек внимание редакции «Адельфи», одного из наиболее популярных леволиберальных журналов с социалистическим оттенком, основанного в 1923 году литературным критиком Джоном Марри. (Название, по-гречески означавшее «родные братья», всего лишь повторяло наименование несохранившегося лондонского жилого квартала XVIII века и должно было, скорее всего, возбуждать интерес к чему-то ценному, но потерянному.)

Блэр был хорошо знаком с этим журналом и как читатель, который выписывал его в Бирме, и как стрелок, использовавший его в качестве мишени¹⁸⁷. Позже, рассорившись с редакцией, Оруэлл мстительно поведал миру о первых проявлениях своего пренебрежения к журналу.

В начале 1930-х годов соредакторами «Адельфи» стали поэт Макс Плауман и Ричард Риз. Практическими издательскими делами ведал Риз, баронет, занимавший ранее дипломатические посты, но уволенный из внешнеполитического ведомства за явное тяготение к левым. Период увлечение взглядами Троцкого у Риза было недолгим, но «Адельфи» оставался на левом фланге британской литературной жизни, в то же время печатая высокохудожественную прозу, поэзию и публицистику, вплоть до начала Второй мировой войны.

Риз и Плауман обратили внимание на материалы, присылаемые Блэром, и уже в 1930 году в журнале появился его небольшой библиографический обзор. Однако подлинным автором «Адельфи» Эрик стал в апреле 1931-го, когда был опубликован его очерк «Гвоздь», в котором автор описал свое суточное пребывание в одноименном рабочем доме под Лондоном, куда был насильственно отправлен в связи с бродяжничеством. Блэр послал свой очерк в журнал еще в августе 1929 года, находясь в Париже. В сентябре, не получив ответа, автор осторожно напомнил о себе: «Дорогой сэр, в августе я послал Вам статью, описывающую день в обычном приюте. Так как прошел месяц, я был бы рад узнать о ее судьбе. У меня не осталось ни одного эк-

земляра статьи, а я хотел бы представить ее в другое место, если она вам не подходит»¹⁸⁸.

После доработки материал был наконец напечатан, став первой публикацией Блэра в одном из ведущих английских журналов. Автор подробно и образно рассказывал о своем общении с бродягами и нищими, получавшими «счастливую возможность» провести ночь в крохотных камерах рабочего дома, помыться (не дольше пяти минут) и постирать свои грязные и изорванные обноски в еле текущей холодной воде, а затем получить по куску того самого хлеба с маргарином, который «превращал человека в желудок», чтобы на следующий день расплатиться тяжелой физической работой. Но главный смысл очерка был в описании тех, кто имел в «Гвозде» реальную власть или по крайней мере претендовал на нее, считая себя выше остальных.

Об одном из таких индивидуумов Блэр пишет: «Интересно наблюдать, как тонко он пытается отделить себя от своих собратьев-бродяг. Он движется по этому пути уже шесть месяцев, но даже перед Богом он всячески пытается подчеркнуть, что никак не может считаться бродягой»¹⁸⁹. В глазах реальных носителей власти такой человек ничем от остальных не отличался. В центре очерка оказался тот, кого обитатели рабочего дома называли «главным над бродягами». Вот как он описан в самом начале очерка: «...встретил нас у дверей и погнал в уборную, где мы разделись и подверглись обыску. Это был грубо скроенный человек солдатского вида, который обращался с бродягами не лучше, чем со стадом овец на водопое, демонстрируя им себя и непрерывно ругаясь им в лицо»¹⁹⁰. Блэр стремился доказать, что власть — неискоренимое зло, которому безоговорочно подчиняются те, кто хотя бы в какой-то степени зависит от ее носителей. Так в его произведениях всё более весомой становилась характеристика любой власти как имманентного, существующего само по себе зла — независимо от того, что она собой представляет (власть государства или капитала, авторитета или силы воли, пропаганды или моды).

Зная направление, в котором в дальнейшем развивалось творчество Оруэлла, можно полагать, что «Гвоздь» явился одним из первых камней, из которых будет сложено основание сатирической характеристики тоталитарных систем. Вслед за этим очерком Блэр опубликовал в «Адельфи» и других журналах и газетах ряд публицистических работ, в которых выражал далеко не всегда последовательные и яс-

ные взгляды на социализм, представлявшие для некоторых левых немалый интерес, тем более что автор всячески стремился не догматизировать их, прислушиваясь к критике, особенно когда она высказывалась представителями низов.

С точки зрения последующего опыта, очевидного краха попыток построения социализма — как тоталитарного в СССР, так и «демократического» в Великобритании и Франции, убеждения Блэра представляются наивными и утопическими. Однако не следует забывать, что рождались и видоизменялись они в 1930-е годы, когда багаж социологического знания был куда более скуден, чем ныне, а левая общественная мысль напряженно искала альтернативные большевистской модели варианты. В числе многих других неглупых людей Оруэлл не считал тогда социалистическую систему утопией, чреватой тяжкими бедами для ее подданных. Для осознания этого необходимы были десятилетия.

Блэр—Оруэлл, как и прочие сторонники теорий социального равенства, исходил из необходимости не уничтожения, а ограничения рыночной экономики как основы хозяйственного и общественного развития, ликвидации только крупной частной собственности. Это не был социализм в полном смысле слова. Речь шла о некоем смешанном социальном организме, воплощавшем лучшие черты и уже проявившего себя капитализма, и предполагаемого, не существовавшего социализма. В сознании писателя возникли некие зыбкие модели того, что через полвека получит название «конвергенция».

Элементарной основой рассуждений являлось утверждение, что «мир — это корабль, плывущий в пространстве, обладая в потенции избытком всего, необходимого для каждого, и мы должны все скооперироваться, чтобы обеспечить справедливую долю каждого в работе и получение справедливой доли каждым всего производимого». Таковая предпосылка социализма была для писателя настолько очевидной, что никто не был бы в состоянии отвергать ее, если у него не было корыстных мотивов для сохранения нынешнего положения вещей. Тот факт, что социалистический идеал не привлекал симпатий значительной части тех самых масс, которые, как предполагалось, должны были к нему тяготеть, объяснялся Оруэллом в основном пропагандистскими усилиями сильных мира сего, идеологическими мотивами, непониманием того, что социализм представляет собой в повседневной жизни¹⁹¹.

Социализм, по его мнению, базировался на четырех ос-

нованиях: частично национализированной промышленно-сти, сведенной к минимуму прибыли, внеклассовом образовании детей и юношества и политической демократии. Он отмечал, что никто не должен жить, не работая. Отдавая должное собственникам и менеджерам предприятий, автор полагал, что опыт и знания этих людей ценны для общества, поэтому лишённые собственности бывшие представители эксплуататорского меньшинства должны быть сохранены как государственные служащие.

Автор оставлял без ответа вопрос, как следует поступить с собственниками средней руки. Он полагал, что должны быть сохранены мелкие земельные собственники (владельцы участков не более 15 акров, то есть семи гектаров) и мелкие торговцы.

Однако в несравненно большей степени его интересовали конкретные сюжеты повседневности, материальные и моральные ужасы современной жизни, свидетелем которых ему довелось быть. Он не раз возвращался мыслями ко времени, проведенном в Бирме, подчас фиксируя весьма неудобные для издателей стороны колониальной жизни. Тем не менее в «Адельфи» после колебаний издателей всё же был опубликован его весьма натуралистический очерк «Казнь через повешение», где проступают отвращение и презрение к британским колониальным властям и местным исполнителям их воли.

В основу очерка легли воспоминания Блэра, присутствовавшего при казни заключенного в тюрьме городка Инсейн. Англичанин, от имени которого идет повествование, спокойно наблюдает за процедурой казни и благодушно слушает рассказ одного из палачей, судьи по имени Фрэнс, о том, какую нелегкую работу проделал он с коллегами. Подробно описывалась «обычная» процедура: «Одного из осужденных уже вывели из камеры. Это был маленький тщедушный индус с бритой головой и неопределённого цвета водянистыми глазами. На лице, как у комического актера из фильмов, топорщились густые усы. Все обязанности, связанные с его охраной и подготовкой казни, были возложены на шестерых высоких стражников-индусов. Двое из них, держа в руках винтовки с примкнутыми штыками, наблюдали, как остальные надевали на осужденного наручники, пропускали через них цепь, которую затем прикрепляли к своим поясам, и туго прикручивали ему руки вдоль бедер»¹⁹². Буквально по минутам Блэр описывал, как группа людей двигалась по направлению к виселице, как

приговоренный сделал шаг в сторону, чтобы обойти лужу, а затем, вдруг окончательно осознав, что сейчас произойдет, отказался идти. Тогда к месту казни его потащили за ноги. «Мы снова расхохотались. В этот миг рассказ... показался невероятно смешным... От мертвеца нас отделяла сотня ярдов»¹⁹³ — так заканчивался очерк.

Пафос очерка состоял в том, как просто и обыденно решалась человеческая судьба, отнималась жизнь. «Помню, бывало и такое, что доктору приходилось лезть под виселицу и дергать повешенного за ноги, чтобы уж наверняка скончался. В высшей степени неприятно!» — писал автор.

Очерки Блэра всё чаще появлялись в популярных журналах. И всё же печататься было трудно. Блэра продолжали считать начинающим автором, сочинения которого заслуживают определенного внимания, но не представляют собой чего-то особенного. Издатели давали понять, что каждая публикация — большая честь для автора, и старались заплатить как можно меньше. Даже у Риза при самом благосклонном отношении к Блэру сохранялись некоторые вполне обоснованные сомнения касательно нового автора. Он считал того умным и способным, но недостаточно оригинальным, замечал у него такие черты, как завистливость, склонность к интригам, заикливость на собственной персоне, полагая, впрочем, что все эти качества присущи и другим «молодым амбициозным литераторам»¹⁹⁴.

Постепенно между Ричардом Ризом и Эриком Блэром установились подлинно дружеские отношения. Редактор «Адельфи» продолжал публиковать очерки писателя, рекомендовал его другим издателям и, что было весьма важно, давал в долг деньги, когда карманы Эрика оказывались пустыми.

С апреля 1930 года Блэр возобновил свои авантюры: скитания по нищим кварталам, общение с бродягами, погружение в быт Ист-Энда, а затем и центра столицы, где, как оказалось, также ночуют бездомные и голодные. Он договаривался с друзьями, что сможет в их квартирах (среди них была не только крохотная «студия» его недолгой возлюбленной Рут Питтер, но и роскошные апартаменты Ричарда Риза в одном из самых дорогих лондонских районов Челси) оставлять свою приличную одежду, и переодевался в тряпье.

Две ночи Эрик вновь провел в одной из самых грязных окраинных ночлежек, а на третью просто явился на Трафальгарскую площадь, расположенную всего лишь в паре

кварталов от здания парламента, Вестминстерского аббатства и резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, в самом сердце британской столицы. Было холодно, и Эрик по совету бывалых бродяг использовал старые газеты и рекламные объявления, обернув их вокруг тела. Наутро он умылся в фонтане и уселся вместе с другими нищими, положив перед собой шапку для сбора подаяния. Неугомонному Блэру стало скучно, и он решил развлечься чтением прихваченного с собой какого-то романа Бальзака на языке оригинала. Вначале он опасался, что это может выдать в нем чужака в компании, в которой он оказался. Но тревога опять оказалась напрасной.

Через полтора десятилетия, вспоминая этот эпизод, Оруэлл писал, что ничто не является более убедительной маскировкой, чем старая и грязная одежда. «Даже епископ может оказаться своим среди бродяг, если он наденет правильную одежду, и даже если они знают, что он епископ, ничего не изменится, так как они знали бы или, по крайней мере, верили бы, что он в самом деле крайне нуждается. Если уж вы находитесь в этом мире и вроде бы принадлежите ему, не имеет никакого значения, кем вы были в прошлом».

Вместе с несколькими другими бродягами Блэр отправился в графство Кент, славившееся плантациями хмеля. Был как раз сезон сбора урожая, и требовались многочисленные рабочие руки. Собственно говоря, в дополнительном заработке он уже не нуждался. Ему было интересно повседневное общение с группой людей из низшего социального слоя. Особенно заинтересовал Эрика Джинджер (Огонек) — молодой воришка, который в дороге снабжал всю компанию всем необходимым: то он стянет где-то вилки и ножи, чтобы вся группа могла поесть «по-людски», то ловко обведет вокруг пальца продавца продовольственного магазина и вернется с несколькими пачками сигарет и яблоками. Блэр сознавал, что с таким членом команды легко может оказаться за решеткой, но, похоже, и это было допустимым, хотя и не очень желательным вариантом, дававшим возможность познакомиться с жизнью с еще одной стороны.

Он писал Дэнису Коллингу: «Если от меня не будет известий в течение пары недель, это, возможно, будет означать, что меня схватили за попрошайничество, так как приятели, с которыми я двигаюсь, — закоренелые нищие и один из них не более чем мелкий воришка»¹⁹⁵. Отчитываясь тому же Коллингу о двух с половиной неделях, проведен-

ных на плантации хмеля на ферме возле города Мереворт, он то ли с подлинной горечью, то ли с иронией информировал, что заработал всего 16 шиллингов (правда, рабочих кормили, вычитая стоимость еды из оплаты), зато руки стали совершенно черными от сока растений. Видно, и на этот раз помог опыт Джинджера — в письме говорилось, что, хотя тот и вор, но «очень приятный парень»¹⁹⁶.

Работа на плантации была не из легких. Страшно болели руки, образовались волдыри. Несмотря на это, Эрик находил силы, чтобы побродить по территории расположенного неподалеку замка начала XVIII века. Полуразрушенные стены давали ему успокоение и, видимо, стимулировали мысль.

Уборке хмеля Эрик посвятил очерк, который появился в журнале «Нью стейтсмен» в середине октября 1931 года¹⁹⁷. Это был колоритный рассказ об условиях жизни сборщиков хмеля. В нем представляли неведомые лондонскому читателю из среднего класса подробности, в частности о составлявших основную часть сборщиков хмеля цыганах, их нравах и обычаях, соблюдаемых в течение столетий, о присущих этому племени представлениях о чести, справедливости, верности. Попутно объяснялось, что привившийся в Великобритании термин для обозначения этой народности — *gipsy*, связывавший их с Древним Египтом, — неверен, так как их прародиной являлась Индия.

Приличия не дали возможности описать все впечатления, в частности рассказать о половых извращениях среди сезонных рабочих. Зато Блэр исправно записывал все любопытные, в том числе и не очень приличные, факты в свой дневник. Например, он сделал заметку о каком-то глухом нищем из Ист-Энда, имени которого никто не знал, а потому его называли просто Глухой, который забавлялся тем, что при случае демонстрировал отшатывающимся дамам свой детородный орган...¹⁹⁸

Такого рода записи могли послужить разветвлением сюжета в одном из будущих романов, над тематикой которых постоянно работало сознание писателя.

Возникла еще одна экспериментальная идея — побывать (по возможности недолго, всего лишь несколько дней) в лондонской тюрьме, разумеется, в качестве заключенного, чтобы на собственной шкуре испытать, как живет людям в подлинной неволе, как обращаются с ними, как их кормят... Накануне Рождества 1931 года Эрик предпринял попытку нарушить порядок, чтобы его задержала по-

лиция и отправила в тюрьму как «мелкого преступника» на незначительный срок (желательно без штрафа, заплатить который было бы нелегко). Выпив на пустой желудок несколько кружек пива, а затем четверть бутылки виски, он «опьянел, но не слишком», после чего двинулся по одной из центральных улиц, громко распевая. Он действительно был задержан констеблем, но не отправлен в тюрьму и даже не отведен к судье, а просто просидел в камере полицейского участка пару дней, после чего, получив устное внушение, выпущен на волю.

Правда, Эрик должен был выплатить штраф в шесть шиллингов, которых у него не было. В результате полицейские махнули рукой и отпустили его «безвозмездно», простив долг государству. В целом острых ощущений не получилось, за исключением того, что в крохотной камере, где он находился вместе с пятью другими задержанными, была вонючая параша, из-за чего невозможно было дышать¹⁹⁹.

На следующий день он опять притворился пьяным, но сделал это у входа в приют для бездомных, где, как считалось, особенно строго соблюдались правила поведения в публичном месте. К своему полному разочарованию, он был просто отогнан подальше. То ли вид у него был слишком жалкий, то ли полицейские оказались великодушными накануне Рождества, но нарушения Эдварда Бертона (так он представился служителям порядка) показались им недостаточными для задержания.

Очерк, посвященный попыткам попасть в тюрьму, опубликованный в августе 1932 года, Блэр завершал так: «В течение следующих нескольких дней я предпринял еще несколько попыток попасть в беду, выпрашивая милостыню под носом полиции, но, наверное, мне просто везло в жизни — никто не обратил на меня ни малейшего внимания. А так как я не хотел делать что-нибудь серьезное, что могло привести к расследованию касательно моей личности и т. д., я всё это забросил. Дело в большей или меньшей мере завершилось провалом, но для меня это был довольно интересный опыт»²⁰⁰.

Блэр становится Оруэллом

Тем временем Блэр завершил первую большую книгу очерков, которую назвал «Исповедь мойщика посуды». В основном она была посвящена впечатлениям о нищем

и голодном Париже. Работа над книгой заняла чуть больше полутора лет, с января 1930-го по август 1931 года. По рекомендации Риза рукопись — «французские главы», написанные в форме дневника, — была представлена осенью 1930 года известному издателю Джонатану Кейпу, публиковавшему художественную и публицистическую литературу, в основном книги известных авторов. Среди любимых его писателей были Эрнест Хемингуэй, Артур Рэнсом, Сидней и Беатриса Вебб, Сэмюэл Батлер.

Кейп с ходу отверг «Исповедь», полагая, что она не найдет читателя, что рукопись фрагментарна и малоинтересна. Риз, которому очерки Блэра понравились, представил рукопись еще в два издательства. По его рекомендации Эрик заменил дневниковую форму изложением по главам, существенно дополнил книгу впечатлениями о нищете в Великобритании, однако и в таком виде рукопись была отвергнута.

Расстроенный и разочарованный, Эрик отдал рукопись Мейбл Фирц, с которой виделся иногда в редакции «Адельфи» или по вечерам. В апреле 1932 года та передала книгу (без ведома автора, который посоветовал ее выбросить) своему знакомому, литературному агенту Леонарду Муру. В литературных кругах Лондона Мур считался высококвалифицированным экспертом по вопросам читательского спроса и прибыльности издательств. У него был респектабельный офис на Стрэнд — одной из деловых лондонских улиц, соединяющей район Вестминстера (центра политической жизни) с Сити (центром бизнеса). Уже через несколько дней Мур позвонил Блэру, сказал, что рукопись ему понравилась, предложил свои услуги как постоянного литературного агента (тот, разумеется, согласился) и начал продвигать его произведение²⁰¹. Леонард Мур остался литературным агентом писателя до самой его смерти.

Любопытно, что на протяжении почти двадцати последующих лет между ними не случилось личного сближения. Отношения оставались формальными. Блэр—Оруэлл начинал каждое письмо Муру словами «Дорогой господин Мур», иногда «Дорогой сэръ», а заканчивал «Искренне Ваш». Единственное изменение, произошедшее после Второй мировой войны: в обращении стало опускаться слово «господин», и письма открывались словами «Дорогой Мур».

Познакомившись с очерками, Мур счел, что и по тематике, и по литературным качествам они подходят из-

дательскому дому Виктора Голланца, созданному совсем недавно, в 1928 году, и придерживавшемуся социалистической ориентации. В августе 1932-го рукопись была передана Голланцу, который счел ее «исключительно сильным и социально важным документом»²⁰² и выразил готовность опубликовать при условии устранения языковых вульгарностей и замены нескольких имен, которые легко было идентифицировать, что могло привести к юридическим проблемам и для издателя, и для автора. Блэр согласился внести поправки и даже получил аванс в 40 фунтов — немало по тем временам сумму.

Голланц считал, что название книги надо изменить — выбросить упоминание о мойшике посуды, поскольку этот персонаж встречается в тексте очень редко. В результате остановились на «Down and Out in Paris and London»²⁰³ (в русском варианте — «Фунты лиха в Париже и Лондоне»*).

Эрик Блэр не хотел выпускать книгу под своим именем, будучи уверен, что откровенные описания и собственной нищеты (подчас несколько преувеличенные), и тех отвергнутых обществом людей, с которыми он общался, шокируют и родителей, и родственников, да и некоторых читателей, знавших его как журналиста. Обсуждались несколько вариантов псевдонима. Эрик склонялся к имени П. С. Бертон, которое он уже использовал, когда бродяжничал. Издатель, несколько раз выигрывавший в суде дела по обвинению в клевете, склонялся к совершенно нейтральному псевдониму Х, однако не смог уговорить Блэра, справедливо считавшего, что литературную карьеру с таким именем сделать невозможно. В конце концов остановились на имени Джордж Оруэлл. Никакого сколько-нибудь серьезного смысла в этот псевдоним заложено не было. Эрик избрал себе имя Джордж, потому что это было одно из самых распространенных английских имен. Что же касается фамилии, то Оруэлл — это название реки в графстве Саффолк в Восточной Англии, неподалеку от Саутволда, где жили его родители. Он любил в одиночестве побродить по берегу этой реки, а иногда с удовольствием ловил там рыбу.

Псевдоним, однако, закрепился, оставшись с Эриком Блэром на всю жизнь. По словам британских биографов Оруэлла, это действительно было «новое начало», «воображаемая идентификация» личности, по существу начинающей существование²⁰⁴.

* Перевод В. Домитеевой.

Когда Блэр, ставший Оруэллом, на Рождество 1932 года приехал в Саутволд, его ожидал подарок — посылка с авторскими экземплярами еще не поступившей в продажу книги. Он немедленно раздарил их родным и знакомым, поставив подпись: «Эрик Блэр». Позже на презентациях своих книг и в личной переписке он всегда использовал имя Блэр. На это, однако, обращали мало внимания. С выходом книги о «фунтах лиха» эпоха Эрика Блэра закончилась, появился новый автор — Джордж Оруэлл. Датой рождения нового писателя было 8 января 1933 года. В этот день его первая книга вышла в свет.

Книга состояла из двух частей, посвященных соответственно парижским и лондонским мытарствам. Написана она была просто, без какого-либо теоретизирования. Читатель с первых строк погружался в быт парижской нищеты. После сцены перебранки на улице дю Кокдор, которой открывался текст, следовало краткое обобщение: «Не то чтобы ничего другого тут не случилось, но утро редко проходило без таких взрывов. Атмосфера вечных скандалов, заунывного речитатива лоточников, визга детей, гоняющих ошметок апельсиновой корки по булыжнику, ночного шумного пения и едкой вони мусорных баков».

Книга была проникнута сочувствием к беднякам, но в то же время чувствовался едва уловимый оттенок ехидства. Автор умело сочетал изображение страданий обитателей городского дна и умение взирать на собственные (точнее, своего лирического героя) беды, ибо это был не чистый репортаж, а художественная публицистика с элементами вымысла и английского черного юмора.

Среди соседей главного героя были не только парижские бедняки. Рассказывалось, например, о молодом англичанине, по полгода жившем с родителями в спокойном лондонском районе Патни и во Франции. «Французский свой сезон он проводил, каждодневно выпивая четыре литра вина, по субботам — шесть литров... Существо нежное и кроткое, Р. никогда не буянил, не ворчал и ни на миг не трезвел. До середины дня лежал в постели, а затем до полуночи сидел в любимом уголке бистро, тихо и методично набираясь. Накачавшись, тоненьким деликатным голосом вел беседы об антикварной мебели».

Оруэлл видел в персонажах самые различные качества: и стремление выбиться в люди, и гордость в сочетании с сугубо критическим взглядом на весь окружающий мир, и за-

висть, и желание доставить неприятности ближнему; в общем, перед читателем предстал целый микрокосмос.

Эпиграфом стали слова поэта XIV века Джеффри Чосера, которого считают отцом английской поэзии: «О злейший яд, докучливая бедность!» В первой части рассказывалось о жизни автора в Париже, причем вымышленные эпизоды допускались лишь в редких случаях. Например, повествуя, как его обокрали, Оруэлл приписывает преступление некоему итальянскому музыканту, а не проститутке, которую сам привел в дом.

Оруэлл описал трагикомические ситуации поиска работы, в основном завершавшиеся провалами. Спутником главного героя в этих поисках был упоминавшийся выше белоэмигрант Борис. Сдержанно, но образно говорится о рутинной жизни парижской бедноты, изнурительной физической работе, бездумном отдыхе, обильном поглощении крепких напитков, позволявшем хотя бы на время отвлечься от жизненной прозы.

Важный мотив — превращение большей части трудовых низов в людей бесчувственных, слабо реагирующих на трагедии, если они не касались лично их. Так, несколькими предложениями описано убийство, произошедшее ночью под самыми окнами комнаты, где жил автор. «Но что меня теперь, оглядываясь назад, поражает, это то, что спустя три минуты я лег и заснул, так же как остальные с нашей улицы, которые выглянули, убедились, что человека прикончили, и сразу обратно в постель. Могли ли мы, люди рабочие, из-за убийства позабыть тревогу о драгоценных, даром уходящих минутах, когда можно спать?»

Много внимания уделялось психологии нищенства. Величайшим спасительным свойством бедности автор называет исчезновение будущего: «В определенном смысле, действительно, чем меньше денег, тем меньше тревог. Единственная сотня франков повергает в отчаянное малодушие; единственные три франка не нарушают общей апатии: сегодня три франка тебя прокормят, а завтра — это слишком далеко».

«Французские» главы завершаются рассказом о том, что, изведав все стороны парижской бедняцкой жизни, автор обратился к своему другу в Лондоне с просьбой найти ему такую работу, чтобы можно было спать хотя бы пять часов в сутки. И работа была найдена — уход за ребенком-инвалидом. Далее следуют «лондонские» главы: описание разочарования по поводу того, что обещанную работу он так

и не получил, бродяжничества, ночевок в приютах; выразительные портреты людей, с которыми судьба сводила автора во время его скитаний.

Следует признать — и в этом единодушны почти все авторы критических работ, — что «английская» часть выглядит однообразнее, читается не столь интересно, как «парижская». Объясняется это просто: во французской столице автор сталкивался с самыми разнообразными персонажами и смог описать широкий диапазон характеров; в Лондоне же он наблюдал (причем в сравнительно кратких «экспедициях») в основном городских нищих, главным образом в приютах и на улицах, а не в местах их постоянного обитания.

Но и здесь были особо яркие фрагменты. Критики сочли авторской удачей образ уличного художника по прозвищу Чумарь, с которым главный герой, ведущий повествование, познакомился на набережной Темзы, недалеко от лондонского моста Ватерлоо. Вот лишь крохотная зарисовка: «...стоя на коленях, перерисовывал с эскиза из грошового блокнотика портрет Уинстона Черчилля. Сходство угадывалось неплохо. Сам же Чумарь оказался маленьким, смугловатым, нос крючком и низко надвинутая шапка курчавых волос. Правая нога у него была страшно искалечена, ступня ужасающим образом вывернута пяткой вперед. Выглядел он типичным евреем, хотя всегда это решительно отрицал, называя свой крючковатый нос “римским”, гордясь его подобием носу некоего императора (я полагаю, Веспасиана)».

Оруэлл отвергал весьма распространенное в британском обществе мнение, что бродяги сами виноваты в том, что с ними произошло, стремился показать, что они — жертвы общества, что в их среде можно встретить самых разных людей, в том числе очень талантливых, у которых просто не сложилась судьба. Образ уличного художника — яркое тому свидетельство.

Весьма пессимистично звучал заключительный аккорд книги:

«Здесь я закончу свою историю. Историю довольно тривиальную, могу лишь надеяться, что она будет неким образом интересна как вариант этнографического дневника. Я просто рассказал — есть мир, он совсем рядом и он ждет вас, если вы вдруг окажетесь совсем без денег. Этот мир мне еще непременно надо будет изучить глубже и точнее. Я очень бы хотел узнать таких людей, как Марио, или Падди, или скулежник Билл, не по случайным встречам, а близко, по-настоящему; я очень бы хотел понять, что же

действительно творится в душах плонжеров*, бродяг, постоянных жильцов набережной. Пока, конечно, мне открылся лишь краешек нищеты. Но всё же кое-что, слегка хвадив бедняцкого лиха, я усвоил. Я никогда уже не буду думать о бродягах, что все они пьяницы и мерзавцы, не буду ждать благодарности от нищего, которому я кинул пенни, не буду удивляться слабоволию тех, кого выгнали с работы, не буду опускать монеты в кружку Армии спасения, отказываться на улице от рекламных листовок и наслаждаться угощением в шикарных ресторанах. Начало есть».

Оруэлл не декларировал, что его книга не имеет определенной политической направленности. Но это было ясно любому непредвзятому читателю хотя бы потому, что ни одна партия не упоминалась. Автор сознательно пошел на этот шаг, чтобы подчеркнуть абстрагирование от политики. Единственная названная им организация — некое Коммунистическое тайное общество — оказывается группой мошенников, отбирающих в Париже гроши у каких-то обнищавших русских эмигрантов.

Точно так же Оруэлл низводил с пьедестала религиозно-церковные организации, прибегая к явно выдуманной ситуации, вмещавшим, однако, его суммированный опыт. Для этого ему понадобилась, например, Армия спасения с ее «полувоенной дисциплиной», от которой просто «воняло благотворительностью». Армия спасения помогала нищим, но смотрела на них как на заблудшие, грешные души, считая бедность пороком, независимо от того, по какой причине человек оказался в тяжелой ситуации.

Оруэлл описал характерную сцену: дама в очень дорогом шелковом платье распределяла чашки чая среди бродяг при условии, что они будут усердно молиться, и пристально следила, чтобы те, чьи души она «спасала», не отлынивали от молитвы.

Глубоко сочувствуя своим персонажам, Оруэлл вовсе не идеализировал их, изображал со всеми присущими им пороками, ничуть не меньшими, чем у представителей других слоев общества. Никакого «классового сознания» у бродяг, по мнению автора, не было, а присутствовали обыкновенные, в значительной мере негативные человеческие эмоции: необоснованные амбиции, жадность, зависть, стремление обойти ближнего, высокомерие по отношению к

* Plonger — ныряльщик, водолаз (фр.). На парижском сленге — мойщик посуды.

тем, кто находился хотя бы на одну ступеньку ниже. Этот вывод не декларировался, но постоянно проступал сквозь ткань повествования.

Книга носила автобиографический характер. Но ведь даже в тех случаях, когда авторы честно и искренне стремятся представить читателю свое полное жизнеописание или рассказать об отдельных этапах своей судьбы, у них не всегда получается. Память избирательна, человеку свойственно четко помнить одни и напрочь забывать другие эпизоды, невольно искажать факты и имена, придавать особое значение чему-то малосущественному и, наоборот, пренебрегать более важным. Оруэлл же создавал некое сложное переплетение воспоминаний, наблюдений, фантазий и размышлений. Подчас он просто забывал имя человека, о котором хотел рассказать; иногда для полноты картины слегка (или изрядно) преувеличивал. Бывало и так, что отдельные образы или ситуации конструировались Оруэллом из подлинных эпизодов с элементами выдумки.

Посылая авторский экземпляр книги одному из знакомых, Оруэлл писал: «Эти главы не могут считаться подлинной автобиографией. Но они написаны на основе того, что я действительно видел»²⁰⁵. Сочетание автобиографического рассказа с наблюдением со стороны, безусловно, существенно обогатило книгу. Один из биографов Оруэлла, Линетт Хантер, справедливо отмечает, что эпизоды, описанные человеком, хоть что-то зарабатывающим, выглядят более «отстраненными», исследовательскими, чем те, которые представлены человеком голодным, не имеющим ни единого франка в кармане²⁰⁶. Это вполне понятно и естественно. Но оба подхода дополняют друг друга, позволяют представить картину жизни бедноты панорамно.

Впоследствии, как иронизировал С. Лукас²⁰⁷, некоторые биографы, прилагая немалые усилия, «строили из себя детективов», чтобы проверить, что в книге полностью соответствовало действительности, а что являлось вымыслом; какая именно гостиница была обозначена буквой X; каковы были подлинные имена людей, с которыми встречался Оруэлл в Париже и Лондоне. Лишь в отдельных случаях удавалось получить достоверные сведения. Вероятно, предвидя именно такие почти бесплодные розыски, политический и литературный еженедельник «Тайм энд Тайд» («Время и Волна»), анонсируя книгу, писал: «Интересен не только опыт Джорджа Оруэлла, Джордж Оруэлл интересен сам по себе»²⁰⁸.

Первые отзывы и выход на американский рынок

Автор с волнением ожидал откликов на книгу. Они последовали уже через неделю. Очерки приняли в основном благосклонно. В числе первых рецензентов были известный критик и автор популярных исторических трудов Комптон Маккензи и близкий к социалистам драматург, романист и эссеист Джон Бойнтон Пристли. Последний писал в газете «Ивнинг стандарт» через два дня после появления тома, что Оруэлл создал «великолепную книгу и ценный социальный документ»: «Это самая лучшая книга такого рода, которую я читал за многие годы»²⁰⁹.

Положительной была и оценка авторитетного литературного приложения газеты «Таймс», в котором проводилось сравнение некоторых героев книги с «эксцентрическими типами романов Диккенса», глубоко почитаемого Блэром²¹⁰. В ряде рецензий провозглашалось, что появился новый талантливый автор со своеобразным стилем, собственной манерой подачи материала, перспективный публицист, обладающий важным жизненным опытом. Влиятельная еженедельная газета включила книгу в число бестселлеров, хотя сам Оруэлл считал, что «пройдет несколько недель, прежде чем можно будет сказать, продается книга или нет»²¹¹.

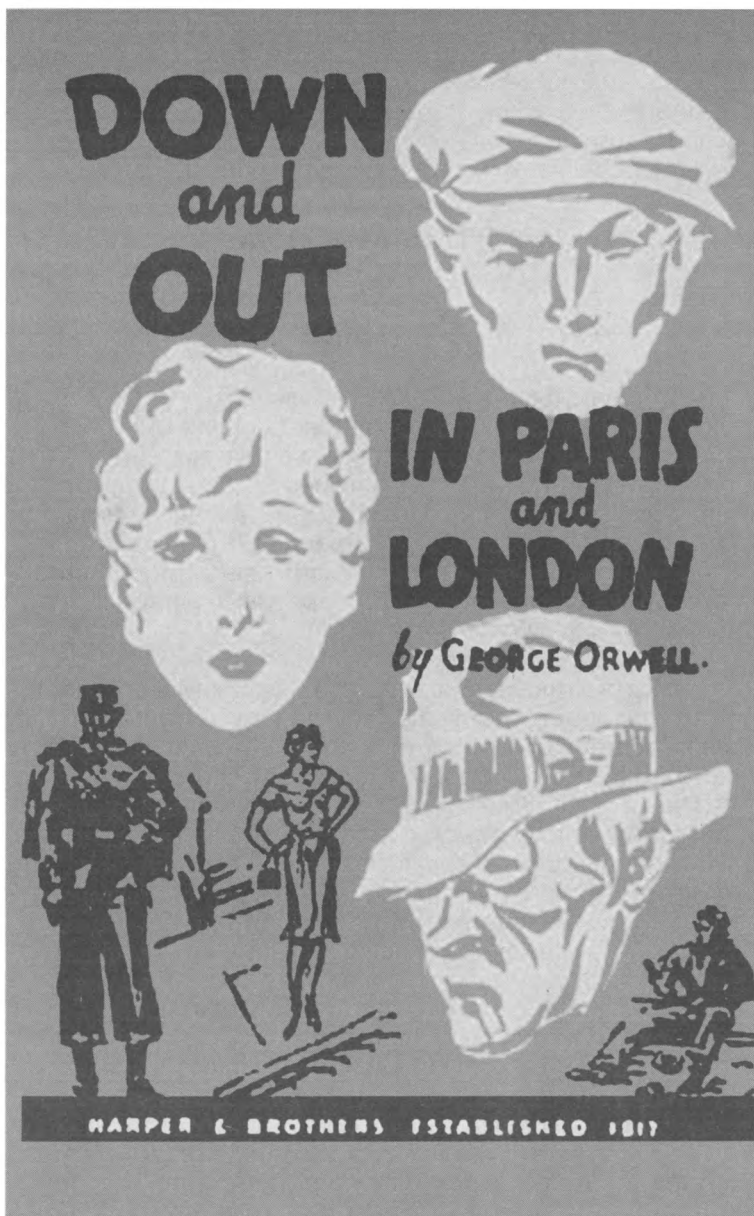
Лишь изредка появлялись отрицательные отклики, не касавшиеся, впрочем, литературных достоинств книги. Некий Гумберт Поссенти написал в «Таймс», что автор оклеветал парижские рестораны, заявив, что в них грязные кухни, и что его суждения могут бросить тень и на рестораны британской столицы²¹². Удивительно, но Блэр принял это курьезное письмо близко к сердцу и даже счел нужным написать в «Таймс» ответ, который был опубликован. Он доказывал, что ни один посетитель ресторана не знает, что творится на кухне: «Господин Поссенти, похоже, считает, что я проявляю какую-то патриотическую враждебность по отношению к французским ресторанам, противопоставляя их английским. Я далек от этого. Я писал о парижском отеле и ресторане, так как знал об этом из личного опыта и ни в коем случае не имел в виду предполагать, что в смысле грязных кухонь французы хуже, чем любая другая нация»²¹³.

Благожелательное отношение критики и читателей побудило английского агента Оруэлла попробовать издать книгу в американском издательстве «Харпер энд бразерс». Положительный ответ пришел уже в конце февраля 1933 го-

да: рукопись произвела хорошее впечатление на известный книжный дом, основанный еще в 1833 году. Но возникло одно затруднение: издательство попросило прислать краткую биографию и фото автора, но сделать это означало расшифровать себя. Растерянный Эрик писал Муру: «Я не уверен, что моя фотография окажется хорошей рекламой»²¹⁴. В результате в издательство была прислана вымышленная «автобиография» Джорджа Оруэлла, а в фотографии отказано; поскольку в издательстве догадались, что Оруэлл — это псевдоним, книга вышла без биографической справки.

Долго держать в тайне настоящее имя Оруэлла было невозможно. Пронырливые американские журналисты обратили внимание на то, что на титульном листе книги в качестве собственника издательских прав был указан Эрик Блэр. К тому же в «Нэшн» анонимный рецензент поспешил сообщить, что автором книги является «старый итонский парень и бывший государственный служащий, который сначала был мойщиком посуды в Париже, а затем бродягой в собственной стране»²¹⁵.

Сам Оруэлл сдержанно воспринимал доброжелательные отзывы. Он соглашался с часто встречавшимся критическим замечанием, что его книга, создавая яркую картину положения низших слоев общества в двух странах, не намечает путей его улучшения. Некоторые критики даже требовали «рецептов» социальной инженерии. На такого рода суждения автор отвечал (обычно только в частных письмах), что его задача в другом, что он не политик, формулирующий некую программу, а своего рода «регистратор» событий, что он пытался лишь дать общее представление о проблеме, чтобы будущие усилия по ее устранению имели больше шансов на успех. С явной гордостью он писал Бренде Солкелд: «Я не знаю, каким образом, но я смог написать некоторые достойные куски», — и тут же обрывал себя: «Но я не могу собрать их вместе»²¹⁶.

Первое американское издание «Фунтов лиха в Париже и Лондоне». 1933 г.

Глава шестая
**ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА
И ПИСАТЕЛЬСКИЕ БУДНИ**

Учительство

Хотя Эрик Блэр (он сохранял свое подлинное имя во всех остальных делах, кроме авторства, а иногда, всё реже, продолжал публиковать статьи под настоящим именем или инициалами Э. Б.) стал теперь получать гонорары (не очень щедрые), материальная сторона жизни не была надежно обеспечена. Поэтому в апреле 1932 года он устроился на работу преподавателем гуманитарных дисциплин в крохотную частную школу в городке Хайес в двух десятках километров к западу от Лондона.

Это было скучное провинциальное место. Даже современные туристические агентства считают главной достопримечательностью городка маленький военный музей, расположенной по соседству с ним. Жизнь в школе была такой же скучной и сонной, как во всём Хайесе.

Школа принадлежала некому Дереку Юнсону, рассматривавшему ее как средство получить небольшую прибыль в дополнение к той, которую давала ему расположенная по соседству фабрика граммофонных пластинок. Мелкие лавочники и ремесленники предпочитали платить за воспитание своих отпрысков хорошему знакомому, а не отправлять их в ненадежные муниципальные школы, до которых надо было добираться. В этой среде школа пользовалась хорошей репутацией, и свидетельства о ее окончании было достаточно, чтобы получить место младшего клерка в какой-нибудь крохотной фирме по соседству.

Школа находилась на первом этаже двухэтажного дома, второй этаж занимал ее собственник с семьей, и здесь же была выделена небольшая комната для нового учителя. Школа, как оказалось, была довольно странная: в ней не преподавались учебные предметы как таковые. Учитель, в данном случае Эрик Блэр, не должен был «увлекать-

ся» всякими «непрактичными» делами вроде художественной литературы, истории и особенно политики. Родители учеников и владелец школы требовали, чтобы детям давали «практические» знания, то есть необходимые в работе по хозяйству. Поощрялись (в том порядке, в каком перечисляются) арифметика, чтение, аккуратное письмо, важнейшие грамматические правила. По снобистским соображениям ученики должны были получить элементарные знания французского языка — это считалось модным. Хозяин и родители откровенно говорили, что задача состоит не в том, чтобы подготовить детей к получению дальнейшего образования, всесторонне развивать их, а в том, чтобы они заняли место в семейном бизнесе — скорее всего, на всю жизнь.

Стремясь хоть как-то вырваться из привычной рутины, Эрик, подчас к недовольству родителей, водил детей по соседним болотистым местам, показывал им, как из влажной почвы вырывается наружу природный газ. Учитель попытался внести некое новшество в преподавание языка — на его уроках французского не разрешалось произносить ни слова на английском²¹⁷.

Блэр организовал постановку одноактной пьесы (которую, видимо, сам и сочинил) «Король Чарлз II», посвященной событиям Английской революции XVII века²¹⁸, с довольно примитивным текстом, рассчитанным именно на подростков, с массой движений по сцене, шумными возгласами и суматохой. При этом автор симпатизировал роялистам и отнюдь не сочувствовал мятежникам, группировавшимся вокруг Оливера Кромвеля.

Работа над спектаклем разнообразила школьные будни²¹⁹. Оруэлл писал своему литагенту Муру: «Эта несчастная школьная постановка, на которую я убил столько времени, в конце концов прошла не так уж плохо»²²⁰. Что же касается оценочной стороны истории, то «тористские» взгляды Блэра, скорее всего, были связаны с его тоской по старой, традиционной Англии, свободной от «денежного мешка», который несли с собой революционеры, способствовавшие бурному капиталистическому развитию.

Ученикам особенно нравилось, что учитель дает им много свободного времени, ведет себя с ними запросто, считает, что они — его друзья, совершает неординарные поступки. Например, он назначил премию в шесть пенсов каждому, кто обратит внимание на неграмотные рекламные объявления в окнах соседних лавок²²¹.

Хотя Блэр не очень любил эту работу, она давала пусть небольшой, но стабильный заработок, а главное — немало свободного времени, чтобы писать и при желании ездить в столицу.

Летом 1933 года Эрик перешел в другую школу, находившуюся также в районе Хайеса, — более уважаемое учебное заведение Фрейз-колледж, где училось около двухсот мальчиков и девочек (смешанная школа — редкий случай в то время, что особенно привлекло Блэра), часть которых жила в пансионе при школе. Здесь же предоставили комнату и новому учителю. Учительские комнаты были крохотными, и в разговорах их именовали «лошадиными стойлами».

Здесь у Эрика также установились хорошие отношения с детьми. С учителями особой дружбы не было, но контакты, видимо, всё же простирались за пределы школьной рутины, так как местные преподаватели хорошо запомнили молодого человека, непрерывно курившего, в том числе в учительской комнате (к курению в общественных местах относились в то время вполне терпимо, но Эрику стоило немалого труда приучить коллег к запаху крепчайших самокруток, которые он продолжал изготавливать сам, используя самые насыщенные сорта турецкого табака).

По вечерам Блэр не спускался в общую комнату, а проводил время в своем «стойле», откуда доносился стук пишущей машинки. На рассвете он усаживался с удочками на берегу речушки, которая протекала через школьный двор, и часто возвращался с неплохим уловом. Кроме того, Эрик купил подержанный мотоцикл и часто совершал на нем довольно долгие прогулки, причем в легкой одежде даже зимой²²².

В то время еще сохранялся треугольник Блэр—Коллингс—Элеонора. Редкие приезды Элеоноры Жак в Хайес на два-три дня в какой-то мере скрашивали будни. Эрик писал Элеоноре 25 мая 1933 года, уговаривая посетить его в очередной раз: «Сейчас держится такая приятная погода, и было бы чудесно отправиться на долгую прогулку куда-нибудь за город. Если тебе не удастся организовать субботу или воскресенье, я всегда смогу найти предлог, чтобы удрать. Или, в крайнем случае, мы могли бы встретиться днем в городе»²²³.

Встречи происходили всё реже. Эрик жаловался подружке, что Хайес — «одно из самых забытых Богом мест, с которыми я когда-либо сталкивался»²²⁴, и просил приезжать

почаще. Но планов жениться у него не было, и Элеонора вскоре его оставила.

В отличие от лондонского Ист-Энда, где Блэр столкнулся с нищетой и отчаянием, Хайес угнетал его невероятным однообразием: десятками совершенно одинаковых домов, стоявших на абсолютно одинаковых улицах, одинаковыми по характеру и привычкам жителями, которых вполне удовлетворяло и даже доставляло некое подобие счастья их времяпрепровождение, дни и годы, ничем не отличавшиеся один от другого, подступавшая старость, почти ничем не отличавшаяся от молодости.

Эрик писал Элеоноре, что единственное удовольствие, которое он получает в ее отсутствие, — посещение старинной церкви Святой Марии, построенной частично еще в XIII веке. Он проводил свободное время в церковном дворе под высокими деревьями, читая газеты и книги или просто размышляя. Его заметил местный священник, с которым установилось некое подобие дружбы. Во всяком случае, они не раз вели разговоры, в основном на местные бытовые темы, причем священник не пытался превратить Блэра в образцового прихожанина.

Однако Эрик был не в состоянии удержаться от сарказма. Он сообщил Элеоноре, что во время церковной процессии возглавлявший ее священник выглядел подобно быку, которого собираются принести в жертву. Эрик сообщил своей корреспондентке, что в качестве вклада в содержание церкви согласился обновить небольшую статую Девы Марии на церковном дворе — аккуратно обмыл ее луковой водой, но затем слегка похулиганил: попытался придать ей внешний облик дамы фривольного поведения из французского журнала «Ла ви паризьен» («Парижская жизнь»), не пояснив, однако, какие именно косметические или другие средства использовал²²⁵.

В обеих школах Эрик работал добросовестно, выполнял всё, что положено, но не отдавался этой деятельности с той страстью, которая была ему присуща, когда он проводил время за пишущей машинкой в своей комнатке. Он чувствовал себя писателем и был убежден, что школьные занятия только отвлекают его от действительно важных дел, еще более раздражаясь от того, что нельзя было позволить своему настроению вылиться наружу. Так что и самому Блэру в определенном смысле было свойственно то «двоемыслие», о котором он напишет в своем антитоталитаристском романе.

Роман «Дни в Бирме»

Оруэллу было приятно, когда его называли писателем, хотя свое писательское призвание он видел не в публицистике, а в создании крупных художественных полотен. Он страстно стремился стать романистом. Успех книги очерков побудил Оруэлла возвратиться к роману о Бирме, отдельные наброски которого он делал еще во время службы в колонии, затем на родине и в Париже. Эти пожелтевшие фрагменты хранились в папках долгие годы, и только теперь Оруэлл по-настоящему взялся за превращение этих мало связанных между собой текстов в единое произведение. С немалым опасением 1 февраля 1933 года он послал начало рукописи Муру с сопроводительным письмом: «Я знаю, что в нынешнем состоянии всё это ужасно с литературной точки зрения, но я хотел бы знать, если хорошенько отполировать, что-то исключить в связи с многословием и вообще всё несколько сжать, получится ли что-то вроде вещи, которую люди захотят прочитать»²²⁶.

Как видно, Мур, при всей занятости (он пристраивал рукописи нескольких своих подопечных), очень быстро прочел полученную часть книги, так как уже 18 февраля Оруэлл писал своей подруге Элеоноре Жак: «Агенту очень понравились сто страниц моего романа, которые я послал ему, и он торопит меня с его продолжением»²²⁷.

Позже Оруэлл рассказывал: «Я хотел писать огромные натуралистические романы с несчастливым концом, полные подробных описаний и запоминающихся сравнений, полные пышных пассажей, где сами слова использовались бы отчасти ради их звучания. И в общем-то мой первый завершенный роман “Дни в Бирме”, который я написал в тридцать лет, но задумал гораздо раньше, во многом такого рода книга»²²⁸.

Книга действительно изобилует яркими описаниями природы Верхней Бирмы. Здесь можно встретить и пышные пассажи, и элегантно-скромные пейзажи, для которых иногда достаточно было трех-четырёх слов — например, что цвет луны напоминает раскаленную белую монету или что ночь здесь светлее, чем английский день.

В середине декабря 1933 года Оруэлл поставил точку в работе над «Днями в Бирме» и послал всю рукопись Муру. Работал он в последние месяцы очень интенсивно, установив для себя самое жесткое расписание и стараясь не отвлекаться на внеурочные школьные дела. Часто приходилось проводить за

пишущей машинкой целые ночи. В результате возникла часто встречающаяся в таких случаях неприязнь к собственному творению. «Меня тошнит от одного ее вида. Будем надеяться, что следующий окажется лучше»²²⁹, — писал он своему лит-агенту. Он жаловался, что роман явно требует сокращения, но он не может заставить себя снова сесть за него.

Интенсивная работа над романом вкупе с преподаванием и, скорее всего, быстрая езда на стареньком мотоцикле, купленном по дешевке (мотоциклетные вылазки были в это время единственным видом отвлечения от изнуряющей умственной работы, многократных возвращений к написанному, вставок, сокращений, переделок, поисков нужного слова) не только истощили силы, но и привели к очередному тяжелому легочному заболеванию. Буквально через несколько дней после завершения романа Эрик Блэр подхватил сильнейшую простуду, когда во время долгой мотоциклетной поездки, легко одетый, попал под ливень.

Перед самым Рождеством 1933 года Эрик поступил в университетскую клинику в Аксбридже — пригороде Лондона, неподалеку от района, где находилась его школа. Врачи диагностировали очередную пневмонию, причем запущенную. Пациент в бреду произносил невразумительные фразы, повторял слово «деньги». Эрику казалось, что он находится в приюте для бездомных, где он обычно прятал деньги под подушку. Теперь же, шаря рукой, он ничего не находил и боялся, что его обокрали²³⁰. Действительно, в книге о «фунтах лиха» он вспоминал подлинный случай, когда посреди ночи он проснулся от едва слышного шороха, производимого чьей-то рукой, забравшейся под его подушку в надежде поживиться. Видимо, теперь этот эпизод всплыл в его сумеречном сознании.

Были моменты, когда персонал опасался за его жизнь. Однажды даже вызвали мать, сообщив ей, что сын находится в почти безнадежном состоянии. Айда и Эврил немедленно отправились в Аксбридж, но, к счастью, появились в больнице, когда кризис уже миновал.

Медики предупредили, что необходимо тщательно остерегаться простуд, ибо легкие Эрика податливы к воспалительным процессам, тем более что два уже перенесенных зарегистрированных воспаления (вполне возможно, были и другие) привели к частичному перерождению легочных тканей, грозящему роковыми последствиями. Но Эрик, считая себя в принципе вполне здоровым человеком, не обратил внимания на эти предостережения.

Пациент покинул больницу 8 января 1934 года. Мать настаивала, чтобы он отказался от работы в школе и отправился в Саутволд на сравнительно длительный срок для полного выздоровления. Эрик решил подчиниться, поскольку школьная работа ему уже изрядно надоела. Но думал он не столько о восстановлении сил, сколько о новых творческих планах. Надо, однако, сказать, что выглядел он после болезни ужасно, да и не очень следил за своей внешностью. В результате соседки, приятельницы Айды, понятия не имевшие, что ее сын уже стал известным писателем, выражали ей сочувствие по поводу неудавшегося отпрыска, который, «выглядит так, как будто никогда не умывается»²³¹.

Завершенный перед самой болезнью роман Блэр рассчитывал издать у Виктора Голланца, довольного отзывами на его первую публицистическую книгу. Но вопреки ожиданиям британский издатель отказался ее печатать. Собственно, рукопись Голланцу понравилась. Он признал, что роман привлечет интерес читателей, особенно левых кругов, к которым принадлежал и он сам. Опасения были связаны с тем, что представители колониальной администрации узнают себя в персонажах романа (Блэр и не думал скрывать, что образы писались им с натуры) и против издательства могут быть выдвинуты судебные иски с обвинениями в клевете. Особенно предостерегал Голланца от издания книги с широко распространенными английскими и бирманскими фамилиями адвокат издательства Гарольд Рубинштейн, с полным основанием полагавший, что непременно найдутся и британские колониальные чиновники, и бирманские деятели, которые сочтут себя оскорбленными.

В итоге Голланц при всём (по крайней мере внешнем) расположении к автору издавать его книгу не спешил. Оруэлл писал знаменитому американскому писателю Генри Миллеру: «Мой издатель боялся, что британское министерство, занимающееся делами Индии, предпримет меры, чтобы не допустить издания»²³². При этом Голланц дал понять, что издаст книгу после того, как она выйдет в каком-нибудь другом издательстве, лучше всего иностранном, например в США. Именно поэтому литературный агент Блэра Мур решил обратиться к американскому издательскому дому «Харпер энд бразерс», которому автор уже был знаком. Воспользовавшись тем, что главный редактор этого издательства Юджин Сэкстон находился в Лондоне (он

приехал в Европу специально для поиска достойных рукописей), Мур вызвал Оруэлла в столицу для неофициальной встречи с американцем. Сэкстон, опытный издательский маклер, за день просмотрел роман и заявил, что будет рекомендовать его к публикации.

Американские издатели вначале тоже колебались, правда, совсем по другой причине. У них сложилось представление об Оруэлле как о чистом публицисте. Они полагали, что и новое его творение является романом лишь по форме, но на самом деле представляет собой разоблачение с подлинными именами и коллизиями. Оруэлл, таким образом, стал жертвой собственной репутации. Однако Муру удалось убедить сотрудников издательского дома, что на этот раз представлено в полном смысле слова художественное произведение. И американцы приняли книгу к публикации, полагая, что она встретит у читателей хороший прием из-за новизны сюжета, знания автором бирманских реалий, живости изложения и яркости образов.

В мае 1934 года был подписан договор. Затем юристы издательства внимательно изучили текст, потребовали внести некоторые изменения в имена персонажей, чтобы невозможно было придраться с юридической точки зрения, и, главное, превратить британских государственных служащих в бизнесменов, чтобы, как позже писал автор, «книга показала меньшую атакой на британский империализм».

Все эти опасения виделись Оруэлли настолько значимыми, способными не только воспрепятствовать выходу книги, но и вызвать судебные тяжбы с непредсказуемыми последствиями, что он предложил издательству написать тривиальное авторское предисловие, указав, что имена вымышленные, а всякие совпадения с реальностью случайны. Возможно, это было связано с тем, что персонаж романа, продажный судья, плетуший интриги на протяжении всего сюжета, носил имя У По Кин, а именно так звали некоего бирманца, учившегося вместе с Блэром на колониальных подготовительных курсах.

Тем не менее в октябре 1934 года роман вышел без специального предисловия. При этом, как и в следующих произведениях Оруэлла, через всю книгу проходил своеобразно преломленный образ самого автора с его жизненными впечатлениями, чувствами и мыслями.

Роман привлек внимание широкой аудитории. Критика хвалила «Дни в Бирме» за яркую публицистичность, превосходное знание колониальных реалий — по крайней мере

свободное, местами даже лихое обращение автора с этнографическим материалом создавало такое впечатление, что тут же почуяли литературные обозреватели. Оруэлла, правда, ругали, за излишнее критиканство, чрезмерное обличение колониальных пороков. В какой-то мере эти суждения были справедливы, ибо британский колониализм способствовал постепенному проникновению в среду крайне отсталого (с европейской точки зрения) местного населения образования, бытовой опрятности, внешних культурных навыков. Но ведь автором создавалось не научное, всесторонне взвешенное произведение, а тот образ Бирмы, который сложился в его сознании, обремененном чувством «вины колонизатора». Биографы Оруэлла пишут: «Основная сила “Дней в Бирме” проистекала из их автобиографических деталей. Известно было, что Оруэлл писал на основании непосредственных наблюдений той среды, которую он крайне невзлюбил. Но это не была автобиография под видом художественного произведения, и книга не должна читаться как таковая. И хотя повсеместно заметна кисть Оруэлла, “я” присутствует довольно редко, и не только потому, что повествование ведется от третьего лица. На самом деле значительная часть его личного бирманского опыта не описана»²³³.

Последний город, в котором Блэр служил, Ката, был использован в качестве прообраза вымышленного города Кьяктада, где в основном развивается действие. В книге две перемежающиеся сюжетные линии — «бирманская» и «колониально-британская». Главным представителем первой линии является старший судья У По Кин: «Самое раннее воспоминание хранило чувства голопузого малыша 1880-х, видевшего победный марш британцев в Мандалае. Помнился ужас от колонн красных мундиров краснолицых гигантов, пожирателей коров, помнились длинные винтовки за их спинами и мерный грохот их башмаков. Заставивший ударить подальше детский страх вмиг почуял безнадежность состязания между своим народом и племенем жутких великанов. Уже ребенком У По Кин поставил целью примкнуть, пристроиться к могучим чужакам»²³⁴. Став судьей, он прилагает все силы, хитрость, опыт с одной целью — сохранить свое положение, расширить свои полномочия, укрепить свою власть над соплеменниками. Полунищий побирущка унижениями, доношением, а затем взятками и лестью достиг высокого поста. Он брал мзду у обеих спорящих сторон и судил «строго по закону», поскольку в таком

startling and dramatic story of white rule in India.

BURMESE DAYS

EVERYBODY KNOWS that behind the glamorous front of the white man's rule in the East there are things so evil, so shocking, so dangerous that all officialdom strives to cover them up. They are not good sights for visitors' eyes; they are not comfortable news for those back home.

THIS NOVEL, in a vivid, dramatic story, presents a picture of Burma, of the native life and of the *pukka sahib* that is startlingly frank. It is written by a man who knows it at first hand.

IF THE PROPHET is unsung in his own country, the truth-teller also is rarely welcome in his home town. That perhaps accounts for the fact that this book could not find a publisher in England. Having been accepted, practically, by two famous London publishers, it was declined—*maxima cum laude*, so to speak. The reader will not be puzzled long to understand why.

GEORGE ORWELL

Первое издание романа «Дни в Бирме». 1934 г.

случае его нелегко было обвинить во взяточничестве. Существенной частью его дохода был процент от стоимости награбленного во всём округе. Обо всём этом знало местное население, но не знало «тупо уверенное в подчиненных британское начальство».

Судья Кин занимался еще и интригами против практикующего неподалеку индийского доктора, главным пороком которого было то, что он не брал взятки. Справиться с ним было бы нетрудно, но доктор водил дружбу с неким англичанином Джоном Флори. Чтобы скомпрометировать этого человека, чье мироощущение отражало чувства автора, необходимо было приложить всё мастерство интригана. (Любопытно, что в ранних черновиках романа, когда Блэр еще не знал, что станет писать под псевдонимом, фамилия персонажа была Оруэлл²³⁵.)

Собственно говоря, этот Флори, мелкий чиновник, проверявший лесные хозяйства, не сильно отличался от других белых обитателей провинциального городка; но сам по себе факт, что он поддерживал связь с индусом да еще и колебался, когда в клубе обсуждалось «возмутительное распоряжение» властей о допуске туда местного населения, был достаточным основанием считать его «печально известным склонностью к большевизму». Конечно, никакой симпатии не только к большевизму, но вообще к левым у Флори не было, однако он питал подобие сочувствия к «усмиренным аборигенам», которых считал «прелестными резвыми существами и всегда с болью воспринимал беспричинные выпады в их адрес».

То, что чувствовал и о чем думал Флори (следовательно, и Оруэлл), но о чем он никогда не говорил и не осмелился бы сказать во время службы в Бирме, следует из текста: «Нельзя, немыслимо — нет, просто невозможно! Срочно уйти, иначе под черепом что-то взорвется, и он начнет крушить мебель, швырять бутылки. Безмозглые, тупо балдеющие над стаканом идиоты!.. Что за место, что за люди! Что за культура — дикая, стоящая на виски, кислом шипении и стенках с “китаезой”! Господи, пощади нас, ибо все мы в этом замешаны!»

Флори был замешан во всяких неблагоприятных, с его точки зрения, делах. Достаточно сказать, что он подписал декларацию с протестом против принятия в клуб аборигенов, тем самым предав своего индийского друга. Когда же на индуса полились потоки клеветы, Флори устранился, вторично приняв сторону не благодушного индийского

доктора, а его злобных врагов, за которыми стоял старший судья. Сам Флори был о своем поведении невысокого мнения: «Сподличал по той самой причине, по которой подличал многократно, — не хватило искорки мужества. Он мог, конечно, возразить, но протест означал бы разлад с компанией. Ох, только не разлад! Вражда, издевки!.. При одной мысли пятно на щеке стало пульсировать и горло сжало какой-то виноватой робостью. Доктор хороший парень, но подняться ради него против дружно взъярившихся сахибов*? Нет! Нет. Что проку человеку, душу спасающему, но теряющему целый мир».

Именно это чувство вины за недосказанность, лицемерие, а иногда и соучастие в колониальной жестокости стремился выразить начинающий беллетрист Оруэлл. Лишь в спорах с индийским доктором, выступавшим в качестве защитника британской цивилизаторской миссии и восхвалявшим — скорее всего лицемерно — сахибов, Флори находил какое-то удовлетворение (вспомним реальную историю из жизни британского полицейского Блэра в Бирме).

О том, что Флори (сам Блэр) почти не отличался от других европейцев, обитавших в Бирме (точнее, отличался в сокровенных мыслях, но не в поведении), свидетельствует его личная жизнь. Девушку, которая делит с ним постель, когда он вызывает ее из отведенного ей помещения, он называет своей возлюбленной, но на самом деле это его рабыня, ибо он, «сторговавшись с родителями девушки, купил ее за триста рупий». Он и ведет себя с Ма Хла Мэй, как с рабыней, хотя и преподносит ей подарки. Ведь в любой момент он может перепродать ее другому англичанину, и никто — ни сами бирманцы, ни белые подданные британской короны — не только не осудят его, а воспримут такое поведение как нечто совершенно естественное. Флори, однако, поступил «благородно»: когда на его пути встретилась белая девушка, он просто выгнал свою бирманскую возлюбленную, которая, будучи неприспособленной к самостоятельной жизни, опустилась на самое дно.

Все эти неблагоприятные и даже мерзкие действия странно уживались с внутренним осознанием того, что собой представляет тот самый империализм (понимаемый как имперское господство), к которому главный герой испытывал ненависть, благоразумно скрываемую, что в полной

* Сахиб, сагиб — букв. господин, владелец (*араб.*) — вежливое название европейцев в колониальной Индии.

мере отражало ощущения самого Эрика Блэра к концу его пребывания в Бирме:

«Мозг работал и работал (мозгам ведь не прикажешь “стоп” — известная драма недоучек, созревающих поздно, когда обидную судьбу не переделать), и Флори ухватил сущность родимой матушки Империи. Британская Индия являлась тиранией несомненно благожелательной, однако всё же тиранией, созданной ради грабежа. И ко всем белым на Востоке, всем этим *сахибам*, среди которых ему выпало существовать, Флори начал испытывать злобное отвращение — вряд ли, надо сказать, справедливое. В конце концов, публика не хуже прочей. Да и судьба их незавидна: отдать тридцать лет жизни службе на чужбине, чтобы, приобретя скромный доход, больную печень и шишковатую от тростниковых стульев задницу, вернуться в Англию и прилепиться к какому-нибудь захудалому клубу — явно убыточная сделка. Впрочем, воспеть *сахибов* тоже нет повода. Бытует мнение, что англичан “на передовых постах” Империи отличают активность и деловитость. Заблуждение. Помимо специалистов Лесного департамента и нескольких других ведомств, для грамотного ведения дел британские служащие, в общем-то, не нужны. Мало кто из них трудится с инициативой и напряжением провинциальных английских почтмейстеров. Почти всю административную работу исполняет младший, туземный персонал, а управляет всем в действительности армия. Подле армии чиновник или бизнесмен может копошиться вполне благополучно, даже будучи полным болваном. И большинство действительно болваны. Скопище чванных тупиц, холящих свою тупость за оградой из четверти миллиона штыков».

Надо сказать, что аборигены виделись Оруэллу созданиями не лучшими, чем их белые господа. Представленные в романе персонажи, все как один, не только вели себя как люди второсортные, почти животные, но и ощущали себя таковыми. Беседуя с двумя полукровками, потомками белых и бирманцев, обращенными в христианство, Флори думал, что эти «тщедушные, в солдатских обносках и огромных тропических шлемах... смотрелись парочкой хрупких поганок. Говорить с белым да еще и рассказывать о себе было для них великим, величайшим счастьем». Не только просьбу, но и любую реплику, обращенную к белым, даже самого скромного положения, местные жители предваряли словом «наисвятейший» и им же завершали ответ.

Роман описывает пагубное влияние британского го-

сподства в Бирме не только на управляемых, но и на управляющих. Буквально каждый аспект жизни в колонии, каждый элемент быта проникнут абсурдом. Заезжий офицер Веррэлл в клубе для привилегированных толкнул бирманского слугу одного из белых чиновников (Эллиса), чем вызвал гнев хозяина слуги:

«Эллис побелел. Его разрывало от ярости. Никому не позволено пинать чужих слуг, у которых свои *сахобы* есть. Особенно злило, что этот Веррэлл наверняка сейчас подозревает его, Эллиса, в слюнявом сочувствии черномазым.

— Чертово рабское отродье пусть служит! Вы-то что? Ваше-то какое право колотить наших негритосов?

— Не таракхи, приятель. Нужно было пнуть. Вы распустили слуг, я поучил.

— Какого черта! Всякая тля наглая еще будет пинки тут раздавать? Учить? Давай, полегче в чужом клубе!»

Подобных эпизодов в книге немало. Автор находится в центре повествования, являясь не просто персонажем, от имени которого ведется рассказ, но и частью описываемой им среды, и в то же время смотрит на представляемый им мир как внешний наблюдатель, занимающий вполне определенную позицию. Такой подход дает стереоскопический эффект, придавая произведениям Оруэлла (в частности «Бирманским дням») особую силу. Здесь явно чувствовалось влияние романа Джойса «Улисс», отрывки из которого были прочитаны как раз тогда, когда завершалась работа над «Днями в Бирме». Сходство писательского подхода — одновременно внутренний и внешний охват сюжетно-аналитической ткани — безусловно.

Кульминацией и фактическим финалом романа является самоубийство Флори, формально из-за неразделенной любви к юной британской мешаночке, почти случайно оказавшейся в Бирме, но по сути явившееся результатом всего комплекса внешних и внутренних противоречий как между колонизаторами и бирманцами, так и в среде самих белых господ. Можно представить себе, что Блэр в минуты депрессии действительно подумывал свести счеты с жизнью, но находил в себе силы справляться с отчаянием.

Особый колорит придает книге то, что Оруэлл назвал «фольклорным гостеприимством»: описанные с мельчайшими этнографическими подробностями особенности быта, нравов, пищи, украшений, религиозных ритуалов и даже охоты на леопарда. Видно, что при всём неприятии колониальных порядков и собственного в них участия, весьма

пессимистическом отношении к возможности в обозримом будущем добиться «окультуривания» бирманцев с точки зрения европейской цивилизации, Эрик Блэр полюбил эту страну и вспоминал свои «дни в Бирме» с оттенком ностальгии.

Роман «Дни в Бирме» был историей без подлинных героев, книгой о посредственностях, о предательстве и лицемерии, о расовой и социальной ненависти. Интерес к этническим особенностям народов Оруэлл сохранит на всю жизнь, причем главное внимание обратит на этнографию англичан, возвращаясь к этой теме и попутно, и в специальных работах. Тем не менее первое серьезное художественное произведение Оруэлла следует рассматривать в качестве сравнительно объективного отчета о том, с какими мыслями и чувствами по поводу своей бирманской службы автор возвратился на родину.

В июне 1935 года роман был — так опубликован в Британии Голланцем, воспользовавшимся тем, что книга уже издана в США. Роман был одобрительно встречен критикой, хотя, надо сказать, отзывы были более сдержанные, чем в отношении публицистической книги. И это неудивительно: публицистические очерки о жизни низов в европейских столицах были темой новой, весьма острой и злободневной, тогда как «Дни в Бирме» воспринимались как «еще один роман» в ряду многочисленных прозаических томов, которые, как из рога изобилия, появлялись на свет в 1930-е годы (критики жаловались, что не могут угнаться за авторами). Даже то, что действие развивалось на отдаленной колониальной периферии, положения не меняло. Впрочем, в рецензиях встречались эпитеты вроде «великолепный» и «восхитительный». Однажды, открыв журнал «Нью стейтсмен» за июль 1935 года, Оруэлл обнаружил там весьма благосклонную рецензию на «Дни в Бирме»: критик возторгался художественными достоинствами и общественным звучанием романа, а завершал текст ироническим замечанием, что экземпляр романа непременно дойдет до тех самых британских бизнесменов и чиновников из «клуба в Кьяктаде», чьи образы запечатлены автором²³⁶. Оруэлл с удивлением и удовольствием отметил, что рецензия принадлежала перу его старого знакомого Сирилу Коннолли.

Оказалось, Коннолли, ставший довольно известным автором и литературным критиком, узнал, что Джордж Оруэлл — его старый школьный товарищ Эрик Блэр, и попросил редакцию журнала дать ему на рецензию «Дни в

Бирме». Через несколько дней после появления рецензии Сирил получил от Блэра письмо с благодарностью и приглашение посетить его в лондонском районе Хампстед, где Оруэлл жил в то время. Они не виделись 14 лет, и Коннолли был потрясен тем, как изменился его приятель. Особенно его впечатлили вертикальные морщины, которые проходили по лицу от глаз до подбородка подобно шрамам²³⁷.

Оруэллу было всего 32 года, но выглядел он намного старше. Нелегкие условия жизни в Бирме, скитания по трущобам в Париже и Лондоне, напряженная литературная работа, частые болезни наложили отпечаток на его внешность, но не оказали сколько-нибудь заметного влияния на характер. Блэр стал опытнее, более восприимчив к впечатлениям, которые откладывались в его сознании как материал для будущих образов, но в то же время не приобрел «мудрости» в житейском смысле слова. С внешним давлением, рыночными нравами, издательскими требованиями Оруэлл в какой-то степени вынужден был считаться, но лишь пока они не затрагивали его внутренних убеждений и моральных принципов, того, что он называл порядочностью и честностью.

С Коннолли восстановились дружеские отношения, что было немаловажно и с профессиональной точки зрения, поскольку он поддерживал контакты с лондонской интеллектуальной элитой, в которую теперь постепенно входил новый писатель Оруэлл. Коннолли познакомил старого приятеля с целым рядом литераторов, издателей, редакторов журналов и критиков. А когда в 1940 году Сирил создал свой журнал «Горизонт: Обзор литературы и искусства», Оруэлл стал регулярно в нем сотрудничать²³⁸.

Авторы некоторых отзывов на роман о Бирме принимали попытки определить мировоззрение писателя. Сделать это было нелегко, так как Оруэлл придавал образу главного героя весьма противоречивые черты. Известный журналист Малколм Маггеридж, незадолго перед этим возвратившийся из СССР, где он был британским корреспондентом «Манчестер гардиан» и по дипломатической почте отсылал в свою газету данные о голоде на Украине и в других районах СССР, называл Оруэлла «скорее последователем Киплинга, чем марксистом»²³⁹. Но Оруэлл не был ни защитником цивилизаторской миссии европейцев, подобно Киплингу, ни тем более сторонником марксистских догм. В этот период, как, впрочем, и позже, у него вообще не было приверженности к какой-либо конкретной поли-

тической концепции или социальной теории. Он стремился быть объективным критиком реальности, не связывая себя цепями определенных партийно-политических или философских теорий. Однако тот факт, что по поводу его книги высказался «сам» Маггеридж, противопоставивший свои репортажи о Советском Союзе льстивым по отношению к политике Сталина публикациям американского корреспондента Уолтера Дюранти, повышал авторитет Оруэлла как писателя.

Американские критики особо не вдавались в сложные проблемы мировоззрения автора, определяя его позицию предельно просто, подобно автору отзыва, опубликованного в приложении к газете «Нью-Йорк таймс»: романисту «не нравилось, когда людей сажали в тюрьму за то, что он и сам бы сделал, если бы оказался в аналогичной ситуации»²⁴⁰.

Вскоре появились и издания на других языках. Оруэллу льстило, что предисловие к книге на французском языке написал весьма модный в то время в левых антибольшевистских кругах писатель-румын Панаит Истрати²⁴¹, автор очерков «Исповедь проигравшего» (1929), написанных после посещения СССР, в которых разоблачалась советская бюрократия и выражалось сочувствие Троцкому и другим оппозиционерам.

«Как я стрелял в слона» и другие очерки

Не столько описанные в романе «Дни в Бирме», сколько подлинные бирманские дни продолжали оказывать влияние на мысли Оруэлла, на тематику, образность, основные логические линии его произведений. Наиболее острым материалом писателя об имперской политике стал очерк «Как я стрелял в слона» («Убийство слона»)²⁴², помещенный осенью 1936 года в журнале «Нью райтинг» («Новые публикации»), печатавшем начинающих авторов. Острота сюжета была такова, что другие издания напечатать его не решились, хотя Оруэлл лишь стремился быть максимально честным, прежде всего перед самим собой.

В очерке несравнимо более прямо, чем в «Днях в Бирме», говорилось о неоднозначных чувствах, переполнявших душу автора: «Британское владычество в Индии представлялось мне незыблемой тиранией... подчинившей себе сломленные народы; и тем не менее я бы с величай-

шей радостью пырнул штыком какого-нибудь буддистского проповедника. Такие чувства естественно возникают как побочный продукт империализма; спросите любого английского чиновника в Индии, если сможете поймать его в неслужебное время»²⁴³.

Не страшась обвинений в оправдании колониализма и империализма, которые подчас обрушивались на Оруэлла из левых интеллектуальных кругов, писатель разъяснял, что бирманцы остаются людьми невежественными, они пока неспособны к подлинному самоуправлению, податливы к манипулированию не только со стороны колонизаторов, но и поставленных колонизаторами у власти немногочисленных местных управленцев. Предоставление бирманцам автономии в таких условиях было бы катастрофой, считал Оруэлл. Более того, в очерке «Как я стрелял в слона» у Оруэлла проскальзывает парадоксальная мысль, что сами бирманцы манипулируют своими хозяевами. Эти достаточно отвлеченные мысли Оруэлл переводил в совершенно конкретную плоскость подробным описанием отношения местной толпы к его охоте:

«Они следили за мной, как следили бы за иллюзионистом, готовившимся показать фокус. Они не любили меня, но сейчас, с магической винтовкой в руках, я был объектом, достойным наблюдения. Внезапно я осознал, что рано или поздно слона придется прикончить. От меня этого ждали, и я обязан был это сделать: я почти физически ощущал, как две тысячи волей неудержимо подталкивали меня вперед. Именно тогда, когда я стоял там с винтовкой в руках, мне впервые открылась вся обреченность и бессмысленность владычества белого человека на Востоке. Вот я, европеец, стою с винтовкой перед безоружной толпой туземцев, как будто бы главное действующее лицо спектакля, фактически же — смехотворная марионетка, дергающаяся по воле смуглолицых людей. Мне открылось тогда, что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар по своей собственной свободе, превращается в претенциозную, насквозь фальшивую куклу, в некоего безликого сагиба — европейского господина. Ибо условие его владычества состоит в том, чтобы непрерывно производить впечатление на туземцев и своими действиями в любой критической ситуации оправдывать их ожидания. Постоянно скрытое маской лицо со временем неотвратимо срастается с нею. Я неизбежно должен был застрелить слона. Послав за винтовкой, я приговорил себя к этому. Сагиб

обязан вести себя так, как подобает сагибу: он должен быть решительным, точно знать, чего хочет, действовать в соответствии со своей ролью. Прodelать такой путь с винтовкой в руках во главе двухтысячной толпы и, ничего не предприняв, беспомощно заковывать прочь — нет, об этом не может быть и речи. Они станут смеяться. А вся моя жизнь, как и жизнь любого европейца на Востоке, — это борьба за то, чтобы не стать посмешищем... Среди европейцев мнения разделились. Люди в возрасте сочли мое поведение правильным, молодые говорили, что чертовски глупо стрелять в слона только потому, что тот убил кули — ведь слон куда ценнее любого черного кули. Сам я был несказанно рад свершившемуся убийству кули — это означало с юридической точки зрения, что я действовал в рамках закона и имел все основания застрелить животное. Я часто задаюсь вопросом, понял ли кто-нибудь, что мною руководило единственное желание — не оказаться посмешищем»²⁴⁴.

На первый взгляд попутной, а по существу одной из основных в очерке была проблема толпы, которой легко манипулировать и которая в то же время манипулирует своими манипуляторами. Жажда зрелищ, как можно более кровавых — это один из признаков человеческой толпы, преимущественно малообразованной, но подчас включающей в себя высокоинтеллектуальных образованцев; толпы, которую можно склонить к любым деструктивным действиям. Эта проблема тщательно обдумывалась Оруэллом и получила ярчайшее выражение в его поздних анти тоталитаристских произведениях.

В том же году Оруэлл выступил со статьей-некрологом «На смерть Киплинга», в которой продемонстрировал не столь непримиримую позицию по отношению к колониальным порядкам (именно порядкам, а не к самому факту существования колониализма). Скорее всего, смягченная оценка проистекала из любви и уважения к скончавшемуся великому мастеру слова, ибо в статье говорилось: «Империализм восьмидесятых и девяностых годов был сентиментальным, невежественным и опасным, но он не всегда заслуживал только ненависти... Можно было оставаться одновременно империалистом и джентльменом, и личное достоинство Киплинга находилось вне всякого сомнения»²⁴⁵.

Впрочем, колебания в оценке такого действительно глубоко противоречивого явления, как британский колониализм, продолжались и в следующие годы. От частностей Оруэлл переходил к общей весьма острой оценке:

«Когда вы видите, как люди живут, и более того, как легко они умирают, всегда трудно поверить, что вы находитесь среди человеческих существ. Все колониальные империи в действительности основаны на этом факте»²⁴⁶. Оруэлл завершал свой вывод выражением слабой надежды, что белые колонисты когда-нибудь задумаются о том, смогут ли они долго обманывать этих людей.

Возвращаясь к сложнейшему клубку проблем сохранения или ликвидации колониализма в статье «Не считая негров», написанной за два месяца до начала Второй мировой войны, Оруэлл обращал стрелы своей критики не столько против консервативных защитников имперских порядков, сколько против лейбористских деятелей, выступавших за безоговорочное предоставление независимости народам Азии и Африки. Он обвинял их в лицемерии: «Большинство политиков и публицистов левого крыла — это люди, которые зарабатывают себе на жизнь, требуя того, к чему они в действительности не стремятся. Они — отчаянные революционеры, пока всё идет хорошо, но любая подлинная чрезвычайная ситуация сразу же показывает, что они мошенничают»²⁴⁷.

Самую жесткую критику он направлял в центр, на себя, а затем уже она расходилась волнами, охватывая остальных обитателей земного шара. И чем ближе к центру, тем жестче была эта критика, причем распространялась она и на общественные группы, и на конкретных людей.

Он попробовал свои силы в документально-биографическом жанре, предложив американскому издательству «Харпер энд бразерс» написать книгу о Марке Твене. Издательство холодно отнеслось к этому предложению, сочтя, по-видимому, что заказывать книгу о Твене следует американцу²⁴⁸. Через несколько лет Оруэлл компенсировал так и не осуществленный проект великолепным эссе о Диккенсе, сочетавшим биографию с критическим анализом произведений²⁴⁹.

Редакция журнала «Адельфи» предложила Оруэллу написать рецензию на труд известного американского историка и социолога Луиса Мамфорда о писателе XIX века Германе Мелвилле, прожившем яркую жизнь, полную приключений: служба юнгой на пакетботе, странствия, пребывание в плену у туземцев в районе Маркизских островов, освобождение американскими военными моряками... Мелвилл создал массу приключенческих романов и романов-раздумий с уходом в экзотику и мистику, которыми зачитывалась публика.

Всемирную славу в самом конце жизни ему принес роман «Моби Дик, или Белый кит» (1851), провозглашавший иррационализм основой всего сущего: в мрачной действительности господствует белый кит, которого никто никогда не видел, но который постоянно чем-то обнаруживает свое присутствие, властвует над всем и всеми и поистине вездесущ; неизвестно, кто он — бог или дьявол.

Отталкиваясь от книги Мамфорда, Оруэлл создал очерк о самом Мелвилле. Его эссе было проникнуто симпатией к американскому писателю, сочувствием к его судьбе и в то же время содержало объективную оценку его творческой эволюции, неразрывно связанной с особенностями жизненного пути: «Перед нами гениальный, непрерывно работающий человек, живший среди людей, для которых он был не кем иным, как утомительным, непонятым неудачником. Мы видим, как бедность, которая ему угрожала, даже когда он писал “Моби Дика”, оказывала на него в течение почти сорока лет ужасное воздействие, приведя к крайнему одиночеству и ожесточению, почти полностью искалечив его талант».

Оруэлл, однако, вспоминал, что о художественном творчестве невозможно судить упрощенно, непосредственно связывая его с материальным положением автора. Такая критика «очень хороша, когда направлена на человека, но это — опасный метод оценки произведения искусства. Если его применять последовательно, может исчезнуть само искусство»²⁵⁰.

Первая же рецензия Оруэлла, опубликованная в мартовско-майском номере «Адельфи» 1930 года, показала литературной общественности, что молодой автор обладает недюжинными способностями не только социального публициста, но и трезвого, требовательного и в то же время тонкого аналитика художественного творчества. Вслед за этим его рецензии и критические обзоры стали публиковаться регулярно. Большой интерес вызвала рецензия Оруэлла на роман Джона Пристли «Улица Ангела», появившаяся в октябрьском номере «Адельфи». Автор не просто на равных вел диалог с маститым романистом, чье новое произведение сразу же стало популярным, но и довольно остро его критиковал. Рецензия была подписана «Эрик Блэр», и Пристли понятия не имел, что Блэр и Оруэлл — одно и то же лицо.

В «Улице Ангела» автор стремился проанализировать психологию успеха, которой в условиях экономического

процветания 1920-х годов была одержима британская молодежь. Идеалы и любовь исчезали, господствовала погоня за наживой, от дружбы было легко отказаться как от наивной фантазии. Лишь к финалу романа его герои начинали постепенно понимать, что им пришлось заплатить за успех слишком высокую цену.

Оруэлл не разделил всеобщих восторгов по поводу нового романа Пристли и в слегка прикрытой форме высмеял сравнения его с произведениями Диккенса: «Работа господина Пристли написана слишком легко и недостаточно проработана для того, чтобы стать хорошим художественным произведением»²⁵¹. Короче, своей рецензией Оруэлл напал на писателя, ставшего уже столпом британской литературы.

Пристли, надо сказать, не пытался ответить на критику, скорее всего не обратив внимания на рецензию Эрика Блэра или сочтя ее неким раздражителем в хоре похвал. Что касается Оруэлла, то он на протяжении следующих лет относился к Пристли если не враждебно, то во всяком случае весьма сдержанно, считая его приспособленцем, коммунистическим попутчиком и даже советским агентом²⁵².

Роман «Дочь священника»

Работа в захолустных частных школах, да и посещения местной церкви дали определенный дополнительный жизненный опыт. В новом романе «Дочь священника», написанном в 1935 году, были яркие сатирические страницы, посвященные «образовательному бизнесу» и быту провинциального священнослужителя. Художественная ткань романа теснейшим образом переплеталась с публицистической, основанной в значительной степени на собственном жизненном опыте английского учителя: «В Англии, кстати, невероятное количество разнообразных частных школ. Второго сорта, третьего, четвертого... по дюжине, по паре дюжин в каждом лондонском пригороде, в каждом провинциальном городке. Общее число всегда приблизительно тысяч десять, из них под официальным контролем менее тысячи. Некоторые школы получше, есть и такие, которые успешно конкурируют с вечным соперником, школой муниципальной, но в основании всех общее зло: цель их — получить деньги. За исключением легальности школьного заведения, организуют его зачастую с тем же самым фи-

нансовым расчетом, который стимулирует создание нового публичного дома или подпольной букмекерской конторы. Какой-нибудь мелкий делец (владеют школами обычно люди, от педагогики крайне далекие) однажды утром говорит жене: “Слышь, Эмма, у меня идея! Что скажешь, если школу завести? Денег она полно дает, а потеть, как при лавке или пабе, там не с чего. И потом, дерготни ведь никакой, законно, и всех дел: плати аренду, наставь скамеек да к стене черную доску. Шику подпустим, найдем по дешевке безработного парня с этого Оксфорда-Кембриджа, нацепим ему мантию, колпак ихний квадратный с кисточкой. Не клонут, что ль, родители-то, а? Место б нам только подобрать, где бы поменьше умников, что тоже на этих школьных играх греются”.

И вот делец, найдя местечко в квартале жителей среднего, весьма среднего класса (слишком бедных, [чтобы] оплачивать школу приличную, и слишком чванных согласиться на школу муниципальную), свое учебно-доходное дело “заводит”. Постепенно, ухватками расторопного лавочника набирает клиентуру и, если ловок и обходителен, а конкурентов по соседству сравнительно немного, делает свои несколько сотен в год»*.

Довольно смелым шагом было сделать главным персонажем романа женщину, поскольку в женском обществе автор бывал нечасто и серьезных отношений с подругами у него всё еще не было, хотя имелись определенные впечатления, главным образом от общения с собственной матерью и ее знакомыми дамами. Во всяком случае, если Эрик и делился со знакомыми женщинами своими планами, их реакция, вкусы и размышления его особенно не волновали.

Дочь приходского священника крохотного местечка Дороти Хэйр первоначально предстает перед читателем послушной, заботливой, но в то же время ни о чем серьезно не задумывающейся носительницей выработанной десятилетиями, если не веками, традиции. Она строжайше исполняет заветы скончавшейся матери и все указания отца, которого совершенно не интересуют внутренний мир дочери и ее жизненные устремления: является и экономкой, и бухгалтером, и посыльной, и еще кем угодно. Отец и все окружающие считают это естественным, необходимым, данным навечно. Так и тянется ее безрадостная, однообразная жизнь. В заостренной типизации образов первой ча-

* Перевод В. Домитеевой.

сти книги писатель Оруэлл опирался на наблюдения Эрика Блэра, главным образом из того времени, когда он жил в доме родителей в Саутволде: он встречал подобных людей и среди гостей своих родных, и в чайном магазине, которым владела его сестра Эврил, и на улицах.

Внезапно повседневная скучная жизнь Дороти изменяется самым решительным образом: вызванный грубыми приставаниями неприятного мужчины нервный срыв приводит к полной потере памяти. Она оказывается вначале в группе сборщиков хмеля (здесь пригодился собственный опыт Блэра), а затем в самом центре Лондона, где переживает всевозможные приключения.

Память в какой-то момент возвращается, но отец, с которым она встречается и желает восстановить отношения, не очень этому рад — ходили слухи, что дочь укатила с любовником. Все лондонские перипетии завершаются если не катастрофически, то во всяком случае безрадостно. Героиня начинает осознавать пошлость и пустоту былой религиозной рутины, но и светская жизнь оказывается не менее лицемерной, пошлой и отвратительной. Луч надежды появляется, когда Дороти доверяют заменить бездарную и ленивую учительницу в школе для девочек, и она пытается внести в преподавание новый дух, завоевывает доверие учениц. Но однажды, рассказывая о пьесе Шекспира «Макбет», Дороти осмеливается объяснить, что упоминаемое в тексте «чрево матери» (Макдуф был «из чрева матери ножом исторгнут») обозначает женский орган, связанный с рождением детей. Когда об этом становится известно родителям учениц, сыплются жалобы на безнравственную учительницу. Школе велено возвратиться к подготовке будущих хозяек и благопристойных дам, а не заниматься всякими «глупыми делами». (Эрик явно вспоминал здесь свой педагогический опыт.) Дороти покидает школу, бродяжничает и возвращается в жизнь, лишенную смысла. «Подумай о жизни, как она есть, об отвратительных подробностях жизни, подумай потом, что в ней нет смысла, нет значения, нет цели, кроме могилы», — говорит себе Дороти Хэйр, снова ставшая одинокой и беспомощной. Одна за другой следуют сцены из жизни лондонского дна, обличительные и вместе с тем карикатурные. В результате Дороти Хэйр возвращается к жизни бездумной, наполненной только повседневной, нудной, нескончаемой, бессмысленной работой.

Нет сомнения, что на создание романа Оруэлла вдох-

новила Бренда Солкелд, с которой так и не сложились любовные отношения, но сохранилась дружба. Правда, за исключением внешнего сходства Бренды и художественного персонажа, а также происхождения обеих из семьи церковнослужителя и работы в школе, у них не было ничего общего. Во всяком случае, Бренда позже решительно отрицала, что Эрик воспроизвел ее черты в романе, вспоминая, правда, что подчас он окликал ее так, как позже назвал свой роман²⁵³. Такое обращение засвидетельствовала и их переписка: Эрик шутя просил Бренду помолиться, чтобы тираж его «Дней в Бирме» составил не менее четырех тысяч экземпляров, высказывая надежду, что на молитвы дочери священника будет обращено особое внимание на небесах, по крайней мере в их протестантской секции²⁵⁴.

Можно полагать, что художественное вдохновение, которое породила у писателя Бренда Солкелд, связано было с тем, что она большую часть 1934 года провела в Саутволде (после перерыва она снова работала учительницей гимнастики в тамошней женской школе) и встречи с ней стали частыми. Эрик стремился, чтобы их отношения стали интимными; Бренда же, по ее словам, продолжала уклоняться от сближения. Эрик не был особенно настойчив (похоже, именно его сдержанность отталкивала женщин от вступления с ним в плотскую связь), но тон его писем, адресованных Бренде, был нежным*. Эрик не скрывал, что ему было тоскливо без пышущей здоровьем и энергией гимнастки. Он жаловался ей на родителей, особенно отца, который в старости становился всё более нудным. Эрика раздражали любые мелочи. Однажды он собрался в кино на только что вышедший фильм «Джек Эхой» со знаменитым британским комическим актером Джеком Халбертом в главной роли. К сожалению, Эрик рассказал о намерении пойти в кинематограф отцу, а тот, на беду сына уже посмотревший фильм, подробно пересказал сюжет, особенно «батальные сцены» храброго морского волка с пиратами. Удовольствие от фильма, действительно хорошего, было потеряно.

Однажды Блэр отправился на прогулку по морскому берегу. Он не собирался купаться и не захватил с собой купального костюма (это было время, когда не только женщины, но и мужчины, раздеваясь на берегу, оставляли на

* Когда Бренда отправилась в очередной отпуск в Ирландию, Эрик писал ей: «Скорее возвращайся, дорогая моя. Может быть, ты можешь вернуться до начала занятий?»

себе избыточную одежду — до плавок и бикини было еще далеко). Погода и волны, однако, соблазнили его. Недолго думая Эрик воспользовался тем, что на берегу никого не было, разделся догола и бросился в воду. Но только он отплыл от берега, как появилась целая компания, которая расположилась у самой воды. Эрик вынужден был плавать чуть ли не час, пока, наконец, группа ни удалилась. Естественно, всеми этими неудачами (незначительными и банальными) Блэр поделился с Брендой^{255*}, которая часто посещала дом Блэров, играла в бридж с его матерью, встречалась с его отцом в гольф-клубе, делилась секретами с его сестрой Эврил. Не раз она упрекала своего друга, что у него слишком мрачное настроение.

Оруэлл завершил работу над «Дочерью священника» в начале октября 1934 года и тотчас отправил рукопись Муру. Правда, будучи вполне искренним и перед своим литагентом, и перед самим собой, он выразил недовольство новым произведением: «Идея была хорошая, но боюсь, что получилось дерьмо, но это то, на что я сейчас способен»²⁵⁶. Еще жестче Оруэлл высказывался в письме Бренде: «Мой роман вместо того, чтобы двигаться вперед, движется назад с очень опасной скоростью»²⁵⁷.

Опасения, однако, оказались напрасными. Виктор Голландц охотно принял к публикации новое произведение, соответствующее его представлениям о задачах литературы; к тому же на этот раз не было опасности подвергнуться юридическим преследованиям — образы были вымышленными, а в художественных достоинствах романа он не сомневался. Книга вышла в свет в 1935 году.

Отклики в прессе были сдержанными. «Дочь священника» обычно считают если не самым слабым, то во всяком случае не лучшим романом Оруэлла. Один из критиков, Виктор Притчетт, признавая сатирическое мастерство Оруэлла, в то же время упрекал автора, что его характерный стиль часто переходит в «беззастенчивую грубость». Другие, отмечая «блестящие диалоги», указывали в то же время на недостатки сюжета, который «нельзя считать ни новым, ни убедительным»²⁵⁸. Однако отрицательные отзывы были связаны скорее не с действительными недостатками книги, а с сугубо критическим отношением самого писателя к соб-

* Любопытно, что эти эпизоды по «моральным соображениям» были удалены при публикации первого тома сборника статей и писем Оруэлла (см.: *Shelden M. Op. cit. P. 205*).

ственному творчеству. Когда Оруэлл завершал работу над книгой, он прочитал привезенный в Великобританию контрабандой роман великого ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс», с которым ранее познакомился лишь в отрывках*. Многие считали это произведение лучшим романом XX века на английском языке.

«Улисс» потряс Эрика. Он прочитал роман второй раз. Возникшее вначале ощущение собственной бездарности теперь только усилилось. Эрик писал Бренде в сентябре 1934 года: «Когда я читаю такую книгу и затем возвращаюсь к моей собственной работе, у меня возникает чувство евнуха, который прошел специальный курс вокала и смог подделаться под бас или баритон, но, когда вы прислушиваетесь, вы улавливаете только прежний писк, такой же, как был всегда»²⁵⁹.

Нотки отчаяния звучали во многих его письмах. И нельзя не отдать должное искренности и самокритичности писателя. Но его оценки были несправедливы. Джойс — гениальный писатель, «Улисса» по праву считают вершиной его творчества. Но Оруэлл писал в совершенно иной манере. Можно было восторгаться Джойсом и его «Улиссом», но сравнивать его с собственными произведениями было бессмысленно, а пытаться подражать ирландцу значило напрасно тратить время, и Оруэлл довольно скоро это понял.

В «Дочери священника» порой ощущаются следы джойсовской манеры одновременной оценки героя и «изнутри», и «извне» — со стороны самого персонажа и с позиции автора. Но это не могло быть результатом влияния творчества Джойса, так как во время работы над романом Оруэлл еще не был детально знаком с «Улиссом». Речь может идти о совпадении отдельных элементов творческой манеры, что и отмечалось некоторыми критиками. Более того, сам Оруэлл вспоминал позже, что в женский образ романа он попытался вложить немало своих переживаний, мыслей и жизненного опыта. Особенно в главах, посвященных учительским дням Дороти Хэйр, немало рассуждений, навеянных собственными педагогическими переживаниями.

Иногда автор настолько увлекался изложением мыслей по поводу школьных дел, что создавалось впечатление,

* «Улисс» был опубликован во Франции в 1922 году, но его распространение в Великобритании было запрещено, так как роман сочли аморальным и вредным для молодого поколения в связи с откровенными сценами секса, проституции и натуралистическими подробностями. На родине писателя книга вышла только в 1939-м.

будто он пытался инкорпорировать в роман своего рода педагогический трактат. Уже после Второй мировой войны он признавался, что так и не смог преодолеть одну трудность: имея большой педагогический опыт и стремясь написать о нем, он не имел другого способа осуществить это желание иначе, как под видом романа. Принимая во внимание стремление Блэра к абсолютной честности и искренности, нежелание приукрашивать факты, его острый, часто весьма язвительный стиль, подчас было просто невозможно опубликовать его достоверные публицистические очерки. Они, по признанию самого автора, казались «слишком неправдивыми для печати»²⁶⁰ даже Голланцу, который «монополизировал» публикацию художественных произведений Оруэлла.

Лондонский книжный магазин

Это было время, когда, несмотря на сдержанную оценку критикой его последнего романа, дела Блэра—Оруэлла пошли лучше. Он получил сначала аванс, а затем и приличный гонорар за американское издание «Дней в Бирме». Книга вышла в США в октябре 1934 года, но еще до ее появления автор получил приличные по тем временам деньги — 50 фунтов стерлингов. Голланц, похоже, тоже выплатил своему теперь уже постоянному автору некую сумму авансом²⁶¹. Полученных средств должно было хватить по крайней мере на несколько месяцев.

Саутволд изрядно надоел нашему герою. Его крайне тяготили скука провинциальной жизни, общение с родителями, которые замкнулись в собственном крохотном мирке с его мелочными заботами. Чувство одиночества, оторванности от полноценной жизни, от того, что могло дать новую пищу для размышлений и творчества, усилилось с отъездом из городка Брендя Солкелд. И Эрик Блэр решил переехать в столицу, как он полагал, на постоянное жительство. Он собирался жить в Лондоне скромно, но уже не скитаться по трущобам, о чем проинформировал Бренду: «Когда я сказал, что собираюсь жить в заброшенной части Лондона, я не имел в виду, что буду жить в простом ночлежном доме или где-то вроде этого. Я только имел в виду, что не хотел бы жить в престижном квартале, потому что от них меня тошнит и, кроме того, они дороже»²⁶².

Однако оказалось, что его гонораров недостаточно даже

для скромного существования. После непродолжительных мытарств в октябре 1934 года Блэру удалось по протекции его парижской тети Нелли Лимузин устроиться кем-то вроде управляющего и продавца книжного магазина «Уголок любителя книги», в Хампстеде, на улице Понд, почти на границе Кэмден-тауна — более аристократического лондонского района.

Двадцатого октября 1934 года Эрик перебрался на новое место жительства: вдалеке книжного магазина супруги Уэстроп выделили ему в том же здании, на втором этаже, небольшую комнату, вполне достаточную для сносного существования и творчества. По утрам он открывал магазин, но работал обычно только во второй половине дня, имея возможность с утра сидеть за письменным столом.

Несмотря на обычно свойственный ему пессимизм, Блэр считал, что ему очень повезло. Миссис Уэстроп, которая фактически распоряжалась хозяйственными и финансовыми делами «Уголка любителя книги», оказалась женщиной приветливой и доброй. Показав Эрику комнату, она спросила, нуждается ли ее постоялец в чем-то дополнительном. Он ответил: «Более всего мне необходима свобода». По-своему проинтерпретировав его слова, миссис Уэстроп задала новый вопрос: «Вы хотите, чтобы женщины находились здесь всю ночь?» Эрик ответил энергичным отрицанием, на что последовала реплика: «Я только хотела сказать, что мне всё равно, будете вы этим заниматься или нет»²⁶³.

Действительно, супруги Уэстроп на протяжении всего времени работы Блэра в их магазине вели себя с ним не как хозяйка с наемным работником, а как старшие, умудренные члены семьи: слегка покровительственно, но вполне по-дружески. Эрик был доволен и своим напарником — 25-летним выходцем из Швеции Йоном Кимче, начинающим журналистом и историком, связанным с социалистическими организациями. (Позже он стал известным автором, опубликовал многочисленные книги по истории создания государства Израиль, о взаимоотношениях между Израилем и арабскими странами.). Впоследствии оба не раз вспоминали свое плодотворное общение. Кимче писал через много лет, что Блэр, «слегка неуклюжей фигурой», напомилавший генерала Шарля де Голля²⁶⁴, никогда не сидел, а стоял посреди магазина и что ему была неприятна сама идея продажи чего-либо.

К тому времени, когда Кимче познакомился с Блэром,

тот уже несколько привык к своему новому имени. Он даже представился «Джордж Оруэлл», хотя вскоре Кимче с удивлением услышал, что люди называют его напарника совсем иначе. На Кимче произвело впечатление, что всякий раз, когда в разговорах затрагивались вопросы религии, Эрик занимал непримиримую позицию по отношению к католической церкви, считая ее чуть ли не источником всех зол²⁶⁵.

«Уголок любителя книги» продавал в основном букинистическую литературу, хотя были в нем небольшие отделы новейших изданий и различных предметов, в той или иной степени связанных с книжным делом (календарей, филателистической продукции, пишущих машинок и пр.). Кроме того, при магазине была небольшая библиотека, в которой читатели могли на определенный срок брать книги за незначительную плату. Литература в магазине была на любой вкус: от серьезнейших философских произведений до дешевых любовных романов и детективов.

У самого Блэра с его скептическим складом ума работа продавцом очень скоро перестала вызывать позитивные эмоции. В ноябре 1936 года он опубликовал очерк «Воспоминания о книжном магазине»²⁶⁶, в котором утверждал, что, продавая книги, можно потерять любовь к ним. Продавец должен лгать, чтобы сбыть хотя бы часть книжного товара. Более того, тома надо было постоянно очищать от пыли и таскать туда-сюда... Но магазин располагался в таком месте, что его посещали люди самого различного общественного и материального положения, «от баронетов до автобусных кондукторов». Район являлся местом обитания многих знаменитостей, левых литераторов и интеллектуалов, иммигрантов из большевистской России и нацистской Германии. Здесь жили Томас Элиот, Олдос Хаксли, Джон Бойнтон Пристли, Герберт Уэллс, лейбористские политики Джеймс Рамсей Макдональд, Эньюрин Бивен, супруги Беатриса и Сидней Вебб, а также видный лейбористский журналист Генри Брэйлсфорд, интересовавшийся Индией. Так что у Хампстеда был какой-то особый дух, способствовавший творческой атмосфере.

Тем не менее Блэра поражало, как мало было настоящих любителей книги: «В нашем магазине были очень интересные фонды, но едва ли десять процентов наших покупателей отличали хорошую книгу от плохой. Снобы, гоняющиеся за давними первыми изданиями, попадались гораздо чаще, чем подлинные любители литературы; много было восточных студентов, приценивавшихся к дешевым

хрестоматиям, но больше всего — растерянных женщин, ищущих подарок ко дню рождения племянников»²⁶⁷. Еще большее недоумение вызывали дамы средних лет и старше, которые очень хорошо помнили цвет обложки книги, которую они намеревались купить, но понятия не имели ни об авторе, ни о названии.

Прежде он наивно полагал, что покупателями книжного магазина должны быть люди образованные или по крайней мере стремящиеся к приобретению знаний. На самом деле таковые попадались крайне редко. Его раздражали даже филателисты: «Собиратели марок — это странное, молчаливое племя всех возрастов, но только мужского пола; очевидно, женщины не видят особой прелести в заполнении альбомов клейкими кусочками разноцветной бумаги»²⁶⁸. Но так или иначе, эта работа позволила писателю лучше изучить человеческие типы, возненавидеть мешанские вкусы и привычки, инстинкт толпы, легко могушей стать питательным бульоном тоталитарной идеологии и практики, сущность которых всё больше его интересовала.

В то же время писатель Оруэлл, работая в книжном магазине, на практике знакомился с особенностями книжного рынка. Другой вопрос, приятны ли ему были вкусы читателей; но он вынужден был постоянно помнить, что книжное дело — это коммерческое предприятие, которому, как и другим направлениям бизнеса, свойственны рыночные основы, конкуренция, взаимозависимость производителя, продавца и покупателя. В творчестве Оруэлл оставался верным собственным принципам, не становился на путь создания литературы, угодной массовому читателю. Но по крайней мере он всё лучше понимал, что его ожидает после завершения очередного произведения.

Оруэлл фиксировал в памяти многочисленные типы книжных потребителей, и это явно обогащало его копилку образов. В «Воспоминаниях книготорговца» он с оттенком удивления писал, что наибольшее число посетителей библиотеки при магазине составляли любители детективов, поглощавшие их, как «массу сосисок». Особенно ему запомнился некий джентльмен, видимо, пенсионер, который еженедельно читал по меньшей мере четыре или пять детективных романов, причем никогда не брал одну и ту же книгу повторно. «Очевидно, весь этот огромный поток мусора (страницы, прочитанные за год, могли бы, по моим подсчетам, покрыть почти три четверти акра) навсегда сохранился в его памяти. Он не обращал внимания ни

на названия, ни на имена авторов, но достаточно было ему взглянуть на книгу, чтобы он мог сказать, что «она уже была у него»²⁶⁹.

Сам же Блэр, по его словам, перестал покупать книги. Впрочем, это было не совсем так. «Теперь я покупаю их по одной, — поправлялся он, — от случая к случаю, и это всегда книга, которую я хочу прочитать и не могу ни у кого занять. И я никогда не покупаю мусор*. Сладостный запах ветхой бумаги потерял для меня свое очарование. В моем сознании он слишком близко связан с параноидальными посетителями и мертвыми мухами»²⁷⁰

Он научился отличать букинистическую макулатуру от подлинных свидетельств эпохи, обладающих высокими художественными достоинствами. Через годы он признавался, что ему доставляло огромное удовольствие копаться в толстых переплетенных томах солидного «Мэнс мэгэзин» («Man's Magazine» — «Мужской журнал»), основанного еще в 1731 году и первым использовавшего в своем названии французское слово «magazine», то есть откровенно признавшего, что на его страницах продаются новости, предметы эстетического наслаждения, развлечения и т. п. Блэр с особым интересом читал часто публиковавшиеся в этом журнале произведения великого поэта XVIII века, автора первого толкового словаря английского языка Сэмюэла Джонсона, Слова Джонсона «Патриотизм — последнее прибежище негодяя» были Оруэллу, непримиримому к любому лицемерию, весьма близки.

С меньшим увлечением просматривал писатель журнал «Корнхилл мэгэзин» (Корнхилл — улица в Лондоне, где находилось издательство), выходивший в XIX веке под редакцией знаменитого писателя Уильяма Теккерея.

Вначале с некоторой опаской, а затем с всё большим увлечением происходило знакомство с журналом «Странд», тоже названном по улице, где размещалась редакция. Издатели, начав выпускать журнал в 1891 году, объявили, что он задуман как чисто развлекательный. Но оказалось, что публиковавшиеся в нем романы Агаты Кристи, Джорджа Сименона, Редьярда Киплинга, не говоря уже об Артуре Конан Дойле, были подлинными шедеврами мировой литературы. «Величайшее очарование этих старых журна-

* В публикации на русском языке слово junk (мусор) ошибочно переведено как «статьи» (см.: *Оруэлл Д. Сочинения: В 2 т. Пермь, 1992. Т. 2. Эссе, статьи, рецензии. С. 32).*

лов — в их полном соответствии своему времени, — писал Оруэлл. — Вовлеченные в события дня, они рассказывают о политических модах и тенденциях, которые вряд ли будут упомянуты в исторических книгах»²⁷¹.

Совершенно случайно Эрик обратил внимание на тома журнала («Гёрлз оун пейпер» («Girl's Own Paper»; название можно приблизительно перевести как «Журнал только для девушек»), издававшегося с 1880 года, полного удивительной смеси искренности и невежества. Там публиковались не только художественные произведения самого разного уровня, но и нравоучительные статьи, особенно на религиозные темы. Более того, одним из первых журнал ввел рубрики вопросов читателей и переписки с читателями, что очень забавляло писателя, поражающегося тому, как невинные вопросы и реплики юных читательниц порой опровергали самые основы христианского мировоззрения и какими беспомощными выглядели редакторы, пытавшиеся найти вразумительный ответ, например, на вопрос, можно ли отнести к первородному греху происхождение человечества, поскольку изначально в кровосмесительную связь вступали ближайшие родственники — непосредственные потомки Адама и Евы. На этом фоне вопрос, был ли у Адама пупок, можно было считать невинным.

В общем, контакты Блэра, связанные с работой в книжном магазине, давали ему обильную пищу для размышлений, материал для создания образов, построения сюжетных линий. Однако по-настоящему близких людей у него почти не было. Правда, именно в это время Эрик познакомился с молодой поэтессой Кэй Уэлтон, к тому же хозяйкой агентства, предоставлявшего секретарей для выполнения поручений.

Живя неподалеку от книжного магазина, Кэй частенько туда заходила. Она обратила на себя внимание Эрика тем, что, обладая хорошим художественным вкусом, покупала, в отличие от других посетителей, произведения высокого класса. Они разговорились, потом стали встречаться. Первое впечатление от нового знакомого было чисто прикладным: «Я увидела этого нового продавца и подумала, что он — большое приобретение для магазина, потому что такой высокий, что может добраться до всех полок, чего не мог сделать никто другой без помощи лестницы!»²⁷²

Они вели долгие разговоры о писателях, художественных новинках. Кэй удивило и обрадовало, что ее новый знакомый любит птиц и хорошо в них разбирается. На ночь

Кэй часто оставалась в комнатке Эрика. Но и на этот раз разговоров о женитьбе не было. Девушка понимала, что Эрику нужна жена другого типа — самоотверженная, готовая отказаться от собственных планов, согласная быть верной помощницей, оставаясь в тени.

Чувства Кэй и Эрика друг к другу основывались в первую очередь не на интимной близости, а на совпадении художественных вкусов. Влюбленные договорились, что сохраняют полную свободу и, если кто-то из них встретит более подходящего партнера, расстанутся без осложнений. Кэй была уверенной в себе, открытой и откровенной. Она сразу же рассказала, что у нее было немало романов, но замуж она не вышла, так как боялась утратить независимость. Эрика она просила, чтобы тот сразу же предупредил ее, если встретит другую женщину. И действительно, когда на горизонте появилась «более подходящая» ему спутница, Кэй сдала свои позиции без малейшего сопротивления.

Пока же Эрик Блэр стремился как-то организовать свою повседневную жизнь, отказавшись от бродяжничества прежних лет, следя за пошатнувшимся здоровьем, выделяя достаточно времени для писательского труда. Он даже составил строгое расписание, которого, по-видимому, в течение какого-то времени придерживался. Это расписание он сообщил в письме Бренде Солкелд от 16 февраля 1935 года: «В 7 утра — поднимаюсь, одеваюсь и т. д., готовлю и ем завтрак. В 8.45 — спускаюсь вниз. Открываю магазин, примерно час нахожусь там, примерно до 9.45. Затем возвращаюсь домой, навожу порядок в комнате, зажигаю камин и пр. С 10.30 — до часу дня занимаюсь писательскими делами, в час дня готовлю и ем ланч, с 2.00 до 6.30 — я в магазине. Затем возвращаюсь домой, обедаю, мою посуду, потом иногда работаю примерно час»²⁷³.

Как видим, писательством Оруэлл занимался не очень долго — часа три в день. Но писал он быстро, вносил в черновик минимальные изменения. Правда, иногда он забрасывал начатые рукописи и затем использовал лишь отдельные фрагменты в других произведениях. Так было, например, с проектом создания поэтической истории английского народа. С азартом взявшись за эту работу, он очень скоро решил, что получается тривиально, что его знания недостаточны, да и сама тема находилась в стороне от основного направления устремлений автора. Он вновь и вновь убеждался, что сила его писательского дара не в по-

эзии и не в воспроизведении старины, а в романистике и публицистике на злобу дня.

Правда, некоторые стихи Оруэлла появлялись в журналах, в частности в «Адельфи», а одно даже вошло в антологию «Лучшие поэтические произведения 1934 года», которую опубликовало издательство Джонатана Кейпа. Впрочем, биограф Оруэлла М. Шелден оценил произведение «На разрушенной ферме вблизи граммофонной фабрики», написанное в стиле традиционной поэтики, незаслуженно строго, считая его «болезненно слабым»²⁷⁴. Тем не менее сам факт, что стихи Оруэлла публиковались в столь солидном журнале, свидетельствовал о серьезном к ним отношении редакции «Адельфи».

Произведение содержало мучительные размышления по поводу того, что лучше — индустриальный прогресс или пасторальная сельская тишь, и завершалось неутешительным, хотя и банальным выводом, что и то и другое плохо:

Меж двух полярностей застрял,
И что я понимаю?
Как буридановский осел,
С чего начать, не знаю*²⁷⁵.

Художественные размышления вокруг фикуса

Впечатления книготорговца отразились не только в воспоминаниях Оруэлла, но и в его романах. В иронической сцене романа «Да здравствует фикус!» первая глава посвящена череде типов покупателей, один за другим появляющихся в книжном магазине со своими причудами или требованиями, как правило, не имеющими никакого отношения к литературе. В результате возник некий собирательный образ читателя, к которому волей-неволей пришлось приспособляться книготорговцу. Малообразованная, но мечтательная конторская девица робко просит «хорошую, горячительную любовную историю». «Ну, — протянула она, теребя ворот халата, блестя доверчивыми, странно черневшими за линзами глазами. — Мне-то вообще нравится про безумную любовь. Такую, знаете, посовременней».

Поняв, с кем имеет дело, герой романа Гордон Комсток, подобно своему создателю работавший продавцом,

* Перевод Л. Шустера.

ведет с покупательницей разговор, который, наверное, был подобен массе других внешне уважительных, а на самом деле издевательских диалогов самого автора в книжном магазине:

«— Посовременнее? Может быть, например, Барбару Бедворти? Читали вы ее “Почти невинна”?»

— Ой нет, она всё “рассуждает”. Я это ну никак. Мне бы такое, знаете, чтоб современно: сексуальные проблемы, развод и всё такое.

— Современно, без “рассуждений”? — кивнул Гордон, как человек простецкий простому человеку.

Прикидывая, он скользил глазами по книжной кладке; романов о пылких грешных страстях насчитывалось сотни три, не меньше».

В основу сюжета отчасти биографического романа «Да здравствует фикус!», написанного в 1936 году, должны были лечь душевные переживания и раздумья молодого, не очень талантливого, но амбициозного поэта, вынужденного работать в книжном магазине. Тут и пригодились Оруэллу поэтические наброски, которые он время от времени включал в ткань повествования в качестве стихов главного героя.

На английском произведение называется «Keep the Aspidistra Flying» (*букв.* «Пусть аспидистра продолжает летать»). Когда через много лет роман переводился на русский язык, возникли трудности. Название должно было символизировать торжество мещанских привычек, отождествляемых Оруэллом с комнатными растениями, за которыми хозяева всячески ухаживают. Таким в представлении автора была аспидистра — требующее заботливого ухода растение семейства лилейных с прикорневыми вечнозелеными кожистыми листьями и мелкими цветочками на коротких цветоножках. Но в России аспидистру знали плохо, и переводчик В. Домитеева, не мудрствуя лукаво, заменила ее другим растением, в результате чего возникли варианты названий; сначала — «Да будет фикус!», а затем — «Да здравствует фикус!». (В разных культурах представление о фикусе различно. Китайцы, например, считают его весьма благородным растением, символом просветления, ибо, по легенде, сидя именно возле фикуса, Шакьямуни превратился в Будду. В российской же образованной среде фикус часто представляется символом мещанства.)

Гордон Комсток стремится пробиться через заслон литературной клики, которая, заслуженно или нет, вся-

чески препятствует признанию его таланта. Подобно самому Оруэллу, его герой возмущается отсутствием у лондонских жителей самого разного социального положения и уровня образования подлинного интереса к духовной жизни, их сосредоточенностью на «материальном». Он негодует по поводу продажности, коррумпированности общества и находит утешение в мире духовной радости, где высшим наслаждением является высокое искусство. Его возлюбленная Розмари мечтает выйти за него замуж. Комстоку, однако, чужды мысли о браке, многолетней совместной жизни, потомстве, устройстве семейного гнезда.

Автор почти беспощаден к своему герою, происходящему из семьи, для которой характерны вялость, обшарпанность, невзрачность: «Все Комстоки, казалось, были обречены запуганно таиться по своим норкам. Абсолютное неумение как-либо действовать, ни грана храбрости куда-либо пробиться, хотя бы в автобус. Все, разумеется, безнадежные дурни насчет денег». Приглушенный сатирический характер (ибо автор не лишен чувства сострадания к главному персонажу) носят описания неадекватности оценки собственных способностей, нерешительности, которую не в состоянии скрыть искусственная поза, а временами грубость, боязни всех, от кого он находится или даже может оказаться в зависимости, включая хозяйку квартиры.

Последняя внезапно оказывается неким символом всего того, что ненавидит и чего боится Гордон. Он тщательно скрывает от нее, что осмеливается пить чай в своей комнате (согласно договору аренды это строжайше запрещено), и прчет «улики» с повадками заправского мошенника.

Нерешительность, если не сказать ничтожность, Гордона проявляется и в том, что он оказывается неспособным присоединиться к какому-либо левому политическому движению. Впрочем, в этом вопросе автор явно оправдывает раздражение героя по поводу всех социалистических течений, его отречение от «греха юности», когда он участвовал в выпуске подпольной газеты «Большевик», восхвалявшей социализм и свободную любовь.

Некоторые рецензенты воспринимали книгу как исповедь писателя. На самом деле лишь общая направленность изложения напоминала коллизии автора, в основном внешние, связанные с работой в книжном магазине. В то же время высказывания Гордона были эффективным инструментом полемики Оруэлла²⁷⁶. Писатель занимал двойственную позицию по отношению к обществу «материального благо-

получия»: в принципе осуждал «несправедливое» распределение благ, но в то же время дал своему герою возможность пользоваться покровительством миллионера Рейвелстона. Негодующие ремарки Комстока по поводу «лондонского материализма» направлены не против существующей социально-экономической системы, а против ее порождения — примитивной массовой культуры. Более того, в его суждениях проскальзывают нотки зависти. Именно в таком духе он говорит о «старых отелях, которые торчат на всех дорогах и заполнены брокерами, вывозящими своих проституток на воздух в воскресные дни». В то же время Гордон теперь решительно отвергает социализм, представляя его себе явно гротескно, в духе сатирического романа Хаксли «О дивный новый мир»: «Четыре часа в день на образцовом производстве, затягивая болт номер 6003. Брикетки полуфабрикатов на коммунальной кухне и коллективные экскурсии от дома, где проживал Маркс, до дома, где проживал Ленин, или обратно. Клиники абортот на всех углах. И всё отлично по всем пунктам! Но не хочется».

Такого рода противоречивые мысли характерны для всей книги. В ней передано острое чувство неблагополучия, временами даже отчаяния, которое переполняет жизнь лондонца из образованного, но нищего круга. Деньги волей-неволей овладевают мыслями Гордона всякий раз, когда наступает поворотный жизненный момент. Даже когда его любимая девушка была готова впервые отдаться ему, всё сорвалось, потому что герой романа не позаботился о противозачаточных средствах. В отчаянии у Гордона рождается стихотворение:

Все мы Бога Денег блудные дети,
От него ожидаем тепла и крова.
Согревая нас, он смиряет ветер.
Подает, а затем отнимает снова.
Он следит, не смыкает тяжелые вежды,
Наши тайны видит, надежды, мысли.
Подбирает слова нам, кроит одежду,
И наш путь земной он легко расчислит*.

Финал романа счастливый, но только с точки зрения мешанской этики, столь ненавистной и автору, и его герою. На протяжении всей книги последний вел безнадежную борьбу против комнатного цветка — символа мешан-

* Перевод В. Домитеевой.

ского уюта: «Удивительно хилый уродец в глазурированном горшке топырил всего семь листиков, явно бессильный вытолкнуть еще хоть один. У Гордона давно шла с ним тайная беспощадная война. Он всячески пытался извести его, лишая полива, гася у ствола окурки и даже подсыпая в землю соль. Тщетно! Пакость фактически бессмертна. Что ни делай, вроде хиреет, вянет, но живет... Фигус — это самая суть!» В результате Гордон Комсток отказывается от прежних духовных ценностей.

Автор отнюдь не осуждает героя. Он логически подводит его к нелегкой дилемме: согласиться на аборт любимой женщины либо смириться с ненавистными ему чертами мещанского быта, пойдя на разрушение собственной личности. В итоге «торжествует фикус», мещанский выбор оказывается во всех отношениях более приемлемым, чем гордые абстракции, стабильность и респектабельность среднего класса.

Чуть в стороне от главной сюжетной линии, но часто переплетаясь с нею, иногда выходя на первый план, оказывается образ симпатизирующего социализму миллионера Рейвелстона, над которым автор, оставаясь внешне сдержанным, по существу издевается. Не случайно он называет журнал, издаваемый Рейвелстоном, «Антихрист»: воинствующее безбожие наследника огромного состояния мирно соседствует с его роскошным, хотя и тщательно маскируемым образом жизни, снобистским презрением к окружающим. Вот что чувствует Комсток, попадая в «скромную» четырехкомнатную квартиру, в которой тот обитал в гордом одиночестве:

«Что-то в атмосфере этой квартиры заставляло почувствовать себя неопрятным мелким клерком — без видимых признаков, но всеми порами ощущался высший социальный разряд; относительно уравнивали лишь мостовые или пабы. Самого Рейвелстона подобный эффект его скромной четырехкомнатной квартирки крайне бы удивил. Полагая житье на задворках Риджент-парка вариацией обитания в трущобах, он выбрал свой пролетарский приют именно так, как сноб ради адреса на почтовой бумаге предпочитает каморку в престижном Мэйфере. Очередная попытка сбежать от своего класса и сделаться почетным членом рабочего клуба. Попытка, естественно, провальная, ибо богачу никогда не притвориться бедняком; деньги, как труп, обязательно всплывают».

Так что в антиномии «деньги и социализм», по мнению

Оруэлл и к его сожалению, первые пока еще неизбежно побеждали. Деньги победили и самого героя романа. Пока же Рейвелстон всерьез уговаривает Гордона почитать Маркса: «Вы бы увидели тогда наше грустное время как стадию. Ситуация непременно изменится». Собеседнику, однако, не до социализма: «Деньги поганые, обязательно завоняют! Нельзя о них, когда говоришь с человеком более состоятельным. Если уж только как о некой отвлеченной категории, но о таких, которых много в чужом кармане и нет в твоём, — нельзя! И всё-таки сюжет этот магнитом притягивал Гордона».

Каковы действительные представления людей круга Рейвелстона о социализме, можно представить себе по реплике его любовницы: «Я знаю, ты, конечно, социалист. И я, мы все теперь социалисты, но я не понимаю, для чего раздавать даром деньги и дружить с низшими классами. На мой взгляд, можно быть социалистом, но время проводить в приятном обществе».

Образ социалиста-миллионера обидел приятеля Оруэлла, богатого редактора журнала «Адельфи» Ричарда Риза, решившего, что стал прототипом Рейвелстона. Через много лет, в 1963 году, знакомый Риза в адресованном ему письме вспоминал: «Как больно кольнул Вас написанный им Ваш “портрет”»²⁷⁷. Вряд ли Оруэлл действительно видел в своем персонаже кого-то похожего на Риза. Скорее всего, некоторые его черты были невольно запечатлены в книге. Сам же Риз обиду долго не хранил, и их дружба продолжалась до последних дней жизни писателя.

Книга «Да здравствует фикус!» не очень популярна в постсоветской России, однако высказывания читателей оказались столь же характерными, как и мнения относительно знаменитых произведений «Скотный двор» и «1984». В обществе, еще не выбравшемся из пут первоначального капиталистического накопления, тем более повторного, начавшегося после крутой ликвидации обанкротившегося социалистического эксперимента, зрела тяга не к возвращению социализма, а к «капитализму с человеческим лицом». Вот два читательских мнения:

«Как вы понимаете, от протеста нашего героя мир не перевернулся. Он вообще этого не заметил. И в конце концов, наш герой сдался: устроился на работу, снял квартиру, въехал туда с любимой женщиной. И даже захотел занять фикус на подоконнике. Его место здесь, у окна гостиной, чтобы все люди из дома напротив любовались, уверенно го-

ворит Гордон вяло сопротивляющейся этому Розмари. Ликуй, Фикус, ты победил!»

«Крестовый поход против общества, где властвуют деньги, закончился с полным удовлетворением от проигрыша. Ненавязчивая пародия на высокие идеалы. Гордон, кажется, был куда больше закабален мещанским благополучием и деньгами, чем все мы. Он так яростно отрицал всё это, что не мог думать ни о чем другом. По сути, случилось именно то, против чего он боролся, — рутинная и деньги (так как он ни о чем другом не думал) сгубили все его творческие начинания».

Но столь ли ужасен мир, в котором господствует спокойная рутина, люди живут зажиточно и ведут счет деньгам? У Оруэлла нет определенного ответа. Всё зависит от времени, от конкретных ситуаций. В статье «Почему я пишу» он признавал, что в мирный век, скорее всего, был бы далек от политики, а в стихотворении 1935 года выразил свои чувства так:

Когда бы жил назад лет двести,
В попы б подался честь по чести
И воспевал бы жизнь в раю,
Растил каштан, любовь мою.
Но, к сожаленью, в наше время
Не суждено мне в рай попасть.
На мне грехи висят, как бремя:
Свои усы попу не в масть*²⁷⁸.

Ко времени, когда Оруэлл завершал работу над «Фикусом», его репутация в издательском мире, по крайней мере в издательстве Голланца, была очень прочной. В начале октября 1935 года Оруэлл писал Муру: «Я получил письмо от Голланца, который торопит меня с романом. Он говорит, что должен получить его до конца года, чтобы он вышел до конца февраля»²⁷⁹. Издатель был настолько уверен в качестве нового произведения, что собирался выпустить его в рекордный срок — провести всю редакционную, типографскую и корректорскую работу за два месяца.

Желание издателя соответствовало намерениям автора — он завершил роман к указанному сроку. Однако публикация двух романов, привлечших внимание читателей и критики (особенно это касалось книги о Бирме), не обогатила Оруэлла. Тиражи не были значительными, гонора-

* Перевод Л. Шустера.

ры оставались умеренными. Но имя писателя стало известным. Появлялись новые знакомые в литературных кругах, и совершенно неожиданно восстанавливались старые связи. Среди тех, с кем возобновились контакты, а затем и дружеские отношения, был уже упоминавшийся нами Сирил Коннолли.

Сирил, ставший известным литературным критиком, всячески содействовал популяризации творчества своего школьного товарища. При его содействии было организовано публичное выступление Оруэлла в литературном обществе графства Эссекс. Лекция называлась «Признания того, кто был на дне» и по существу повторяла название его книги о скитаниях в парижских и лондонских трущобах. Оруэлл считал, что едет на встречу с небольшой группой пожилых людей, интересующихся проблемами нищеты, или местных левых политиканов. Но слушать его собрались почти 500 человек. Это было первое публичное выступление Оруэлла перед массовой аудиторией, и он проявил себя с самой лучшей стороны. В отчете местной прессы говорилось: «Господин Оруэлл... заявил, что многие люди склонны рассматривать обездоленного человека как жулика, которого необходимо как можно энергичнее разоблачать. Он не считает, что может быть сделано что-либо существенное, чтобы улучшить положение, до тех пор, пока люди не поймут, что обездоленные, вынужденные силой обстоятельств вести такую отвратительную жизнь, являются такими же людьми, как и все остальные»²⁸⁰.

Сам Оруэлл был очень доволен этим опытом: читать лекции оказалось легче, чем писать книги. Он намеревался и в будущем обращаться к публике с живым словом.

Глава седьмая

**ЭЙЛИН И ПОЕЗДКА
В РАБОЧИЕ РАЙОНЫ**

Знакомство

В 1936 году произошли события, оказавшие глубочайшее влияние как на жизнь Эрика Блэра, так и на творчество писателя Джорджа Оруэлла. Первым была женитьба. Весной 1935 года на вечеринке у своей квартирной хозяйки Розалинды Обермейер на улице Парламент-хилл, дом 77, Эрик встретился с шатенкой Эйлин О'Шонесси, аспиранткой университетского отделения психологии.

Этому предшествовали изменения, следовавшие одно за другим. Сначала Эрик покинул свою комнату над книжным магазином и снял небольшое отдельное жилье. Затем он оставил работу в магазине, надеясь, что сможет существовать на литературные заработки. Новые квартирные хозяева оказались, однако, не очень гостеприимными, выражали недовольство тем, что до поздней ночи в комнате Оруэлла стучала пишущая машинка, а на ночь иногда оставались дамы.

Эрик снова сменил квартиру. С новой хозяйкой, Розалиндой Обермейер, было договорено, что на стук пишущей машинки она не будет обращать внимания, тем более что сама она работала в университете и понимала, что такое творчество. Муж Розалинды, с которым она разошлась, оставил ей довольно большое жилье, часть которого она сдавала, чтобы не чувствовать себя в одиночестве.

В числе нескольких знакомых Обермейер пригласила в гости коллегу, Эйлин О'Шонесси. Присутствовавшему на вечеринке Эрику девушка понравилась с первого взгляда. Почти весь вечер они провели за разговором, а после он проводил ее до остановки автобуса, а вернувшись, зашел в комнату Розалинды и сказал, что Эйлин как раз такая девушка, на которой он хотел бы жениться²⁸¹. После второй встречи (или во время ее) Эрик сделал предложение. Эй-

лин поделилась новостью со своей приятельницей русского происхождения, сокурсницей по университету Лидией Джонсон, позже ставшей известной переводчицей с русского языка (она публиковалась под псевдонимом Елизавета Фен):

«— Что? Уже? Что он сказал?

— Он сказал, что он на самом деле не заслуживает, но...

— И что ты ответила?

— Ничего... Я ждала, пока он выговорится.

— И как ты собираешься поступить?

— Я не знаю... Видишь ли, я сказала себе, что, когда мне исполнится тридцать, я приму первое предложение мужчины, который захочет на мне жениться.

— Ну...

— Мне будет тридцать в следующем году»²⁸².

Эйлин была младше Эрика на два года. Она родилась 25 сентября 1905-го в шотландской семье сборщика налогов Лоуренса О'Шонесси. Осенью 1924 года она поступила в женский Хью-колледж Оксфордского университета (в то время консервативные традиции в Оксфорде соблюдались свято, женщины и мужчины учились раздельно). В качестве будущей профессии Эйлин избрала филологию.

Успешно окончив университет в 1927 году (она получила диплом с общей оценкой «очень хорошо», что не считалось высшим баллом, но свидетельствовало об успешной сдаче всех экзаменов и выполнении всех промежуточных работ), Эйлин не проявила особой тяги к работе по специальности ни в качестве учителя, ни в качестве редактора. Она часто меняла места работы. Вне какой-либо логики одно за другим следовали служба в девичьей школе-пансионате в городке Таплоу в долине Темзы, обслуживание некоей пожилой богатой дамы в качестве секретаря и чтицы, хозяйственное управление офисом средней руки в Лондоне. Эйлин пробовала свои силы и в журналистике, опубликовав несколько очерков в популярной газете «Ивнинг ньюс».

В начале 1930-х годов Эйлин стала печатать на машинке и редактировать статьи своего старшего брата Лоуренса, успешного хирурга и автора многих исследовательских работ в области отоларингологии, сердечно-сосудистых и легочных заболеваний. Отношения с братом, однако, не были особенно близкими, ибо, как откровенно признавалась Эйлин, ей были совершенно чужды его «профашистские взгляды»²⁸³. На самом деле Лоуренс просто считал, что

в Германии пора покончить со следовавшими один за другим правительственными кризисами, ставившими страну на грань анархии. Позже, по мере разворачивания нацистской экспансии в центре Европы и установления в Германии гитлеровской диктатуры, Лоуренс кардинально изменил свои воззрения на последовательно антифашистские, и между ним и сестрой произошло сближение.

Став в молодые годы известным хирургом, пользовавшимся авторитетом среди коллег, Лоуренс уделял особое внимание оперативному и терапевтическому лечению грудной клетки, использовал новейшие методы борьбы с туберкулезом. В 1936 году он основал клинику сердечно-сосудистых заболеваний в известном госпитале Ламбет и стал консультантом туберкулезного санатория Престон-Холл, одного из наиболее авторитетных в своей области лечебных учреждений. А это было очень важно для будущего мужа его сестры, страдавшего от малейшей простуды.

Между тем осенью 1934 года Эйлин вновь поступила в Лондонский университет на двухлетнюю программу для лиц с высшим образованием, желавших получить квалификацию специалиста в области образовательной психологии. Лидия Джонсон вспоминала, что ее подруга особенно интересовалась проблемами проверки интеллекта у детей — делом сравнительно новым, перспективным, важным и с чисто научной, и с практической стороны, так как такого рода тестирование позволяло определять перспективы обучения и выбор профессии. Эйлин начала работу над диссертацией.

«Ей было двадцать восемь лет, но выглядела она на несколько лет моложе. Она была высокой и стройной, плечи ее были довольно широкими и казались высоко поднятыми. У нее были голубые глаза и темно-коричневые, естественно вьющиеся волосы», — вспоминала Лидия. Эрик как-то сказал, что лицо Эйлин напоминает кошачью мордочку — «и это было верно в самом привлекательном смысле»²⁸⁴.

Но для Блэра было важно другое. Эйлин имела широкие взгляды. Она не принадлежала к какой-либо партии, не очень интересовалась конкретными политическими делами, но в целом тяготела к социалистическим идеям в их демократической интерпретации, то есть по складу общественных предпочтений была близка к Эрику. Это, естественно, скрепляло их союз.

Год с лишним продолжались их встречи, а затем и совместная жизнь. Эйлин стремилась до вступления в брак

завершить образование, однако осуществить это не смогла. Сначала она попросила университетское начальство дать ей дополнительное время для завершения диссертации, а затем и вовсе оставила намерение защитить ее. Судя по всему, Эрик не настаивал, чтобы она получила ученую степень. Образованная жена, всячески помогающая ему и в то же время не имеющая собственных карьерных амбиций, вполне ему подходила. Отказ от защиты диссертации не был трагедией и для Эйлин. Это был ее выбор.

В конце лета 1935 года Эрик покинул гостеприимную квартиру Розалинды Обермейер и переселился в дом по улице Лофорд, договорившись разделить новую квартиру с недавним знакомым Рейнером Хеппенстолом и почти случайным знакомым Хеппенстола юным поэтом и драматургом Майклом Сейерсом. Переезд, возможно, был связан с тем, что между Эриком и Эйлин начались близкие отношения, а Розалинда, коллега Эйлин по университету, оказывалась не очень желанным свидетелем их встреч²⁸⁵.

Хеппенстол, позже ставший плодовитым романистом, был совсем еще молодым человеком. Окончив университет в Лидсе, он переехал в столицу, познакомился с литераторами, группировавшимися вокруг «Адельфи», и даже некоторое время обслуживал их в качестве повара. С Оруэллом его свел редактор «Адельфи» Ричард Риз. Несмотря на разницу в возрасте, напористый юноша понравился Оруэллу, и тот предложил, понятно, что из экономии, вместе снимать жилье.

Что касается Майкла Сейерса, то он оказался в этой компании почти случайно, через каких-то общих знакомых. Сейерс только что побывал со студенческой драматической труппой в СССР и восхищался грандиозными советскими планами. К тому же он был влюблен в некую юную москвичку (скорее всего, сотрудницу спецслужб). И вообще Сейерс был любителем прекрасного пола. У него было уже какое-то жилье в другом месте, и дополнительная комната потребовалась ему для того, чтобы приводить туда подружек. Однако с обоими соседями Блэр не ужился. Они считали своего старшего товарища старомодным, так как тот в качестве образцов художественного творчества называл Диккенса и Киплинга, а не современных авторов, популярность которых улетучивалась так же мгновенно, как и возникала. Общее жилье почти сразу превратилось в коммунальную квартиру, между жильцами которой то и дело возникали мелкие дрызги.

Напряженность в отношениях усилилась, когда Хеппенстол перестал вносить арендную плату, и Блэру пришлось рассчитываться с хозяевами из своего кармана. Кроме того, однажды Хеппенстол явился домой среди ночи совершенно пьяный и устроил такой шум, что Эрик вынужден был его утихомиривать, пару раз стукнув и заперев в комнате. На шум сбежались соседи, и лишь с большим трудом, правда без помощи полиции, удалось прекратить безобразия²⁸⁶. После этой истории Хеппенстол был выдворен из дома. Вслед за этим произошло расставание с Сейерсом. Через несколько лет, впрочем, с Хеппенстолом, который с возрастом несколько остепенился, отношения восстановились. Оруэлл сотрудничал с ним на Би-би-си во время Второй мировой войны.

В результате всех этих не очень приятных перипетий Эрик Блэр стал единственным съемщиком довольно большой квартиры, куда теперь спокойно, без предварительной договоренности о том, чтобы соседи покинули жилье, могла приходиться Эйлин. Это была хоть какая-то компенсация за высокую арендную плату. Но долго платить немалые деньги за лондонскую квартиру Блэр не был в состоянии, тем более что он собирался жениться и ему необходимо было содержать семью. Последовал очередной переезд — из душного и грязного, заполненного людскими толпами Лондона в сельскую местность, о которой Блэр только мечтал: в поселок Воллингтон в графстве Хартфордшир, рекомендованный знакомыми. Удалось найти жилье за баснословно низкую цену — всего два фунта в месяц. Раньше в доме находился магазин бытовых товаров — единственный в поселке, где жили всего 34 семьи, имелись две пивные и церковь, но уже больше года магазин был закрыт. Низкая арендная плата была установлена собственником дома мистером Дирманом с условием, что постояльцы хотя бы на несколько часов в день будут открывать магазин, о чем умоляли местные жители.

Переезд состоялся 2 апреля 1936 года. У новых жильцов появился простой адрес: «Магазин, Воллингтон». Именно так теперь Оруэлл во всех письмах обозначал свое местожительство. Было введено расписание, подобное тому, которого он придерживался, когда работал в книжном магазине. С утра, на свежую голову, он сидел за письменным столом, а во второй половине дня занимался торговыми и другими хозяйственными делами при самом активном участии Эйлин, проявившей недюжинную коммерческую

хватку. Оба наслаждались жизнью на природе, рядом с небольшим прудом и неподалеку от холмистого леса.

В Воллингтоне Оруэллу особенно хорошо писалось. Здесь были созданы его известные произведения, в том числе воспоминания об испанской гражданской войне и «Скотный двор»²⁸⁷. Правда, привыкшим к благам цивилизации людям жить в Воллингтоне было нелегко: в доме не было электричества и уборной; колонка с водой находилась неподалеку, дом отапливали при помощи газовых баллонов, для освещения пользовались газовыми лампами. Товары в магазин привозили поставщики, но чуть ли не каждый день Эрику приходилось на велосипеде отправляться в городок Болдок, примерно в пяти километрах от Воллингтона, закупать необходимое.

Чуть позже, когда Эрик и Эйлин обустроили, как они полагали, свою жизнь в сельской Англии, они стали приглашать знакомых. Впечатления лондонцев были ужасными, особенно учитывая, что возвратиться в тот же день было невозможно и приходилось оставаться ночевать в единственной в доме комнате для гостей. Лидия Джонсон через много лет с содроганием рассказывала: «Несмотря на то, что я очень любила компанию Эйлин и Эрика, выходные дни в коттедже были в определенном смысле тестом на выживание... Я не выношу, когда в комнате холодно, а в большой спальне наверху было холодно, как в ящике со льдом, даже в июньскую ночь. Между потолком и крышей птицы свили гнезда, и хотя их пение было прекрасным по утрам, ночью они иногда топтались и дрались, как армия демонов. “Люди думают, что это крысы”, — говорил мне Эрик с характерной усмешкой, которая появлялась у него, когда ему нравилось чувствовать себя чуть-чуть садистом, и он ожидал, что вы испугаетесь и будете шокированы»²⁸⁸.

Гости были шокированы; хозяйева же, судя по всем имеющимся свидетельствам, чувствовали себя в своей тарелке.

Через месяц после переселения, 11 мая 1936 года, пара открыла магазин. На прилавке стояли весы и лежал нож для нарезки бекона, а позади находились несколько полок с самым ходовым товаром и контейнеры для сахара и муки. Главными покупателями были дети, приходившие за сладостями. К концу второго месяца работы магазина Эйлин и Эрик подсчитали, что получаемой ими прибылью как раз хватало, чтобы покрыть крохотную арендную плату, но не более того. Тем не менее Блэр был вначале доволен. Он даже сравнивал новый магазин с предыдущим, книжным, с

явным предпочтением теперешнего. Антропологу Джеффри Гореру, с которым у Эрика установилась длительная переписка после его отклика на книгу «Дни в Бирме», он писал: «Здесь не хлопотно, и не надо слоняться без дела, как это было в книжном магазине. В бакалейный магазин люди приходят, чтобы что-нибудь купить, в книжный магазин они приходят слоняться»²⁸⁹.

Женитьба

Девятого июня 1936 года Эйлин и Эрик поженились. При всей нелюбви к церковным церемониям они оказались не в состоянии нарушить обычай и просто зарегистрировать свой брак у клерка — это вызвало бы отторжение у родственников с обеих сторон. Молодых обвенчал священник англиканской церкви Святой Марии. Один из биографов видит в этом противоречие между «публичным и частным отношением Оруэлла к религии»²⁹⁰. На самом деле Эрик и Эйлин просто отдавали дань английским предрассудкам и традиции из уважения к родным и близким.

Бракосочетание было скромным. Приехали мать и сестра Эрика (отец плохо себя чувствовал и на путешествие не решился), мать Эйлин и ее брат с супругой. Блэры подарили новому семейству часть семейного серебра, вывезенного из Индии. После свадьбы состоялся совместный обед, перед которым, как позже рассказывала Эйлин, мать и сестра Эрика попросили ее подняться с ними на второй этаж и так, чтобы не слышали остальные, «сказали ей, что им ее очень жаль»²⁹¹...

И к самому акту бракосочетания, и к дальнейшей совместной жизни оба супруга относились с известной долей иронии. Уже в день свадьбы Эрик писал своей старой знакомой: «Как раз сегодня утром я женюсь — в самом деле я смотрю одним глазом на часы, а другим на книжку с молитвами, которые я изучаю уже несколько дней в надежде отвлечь себя от мерзости свадебной службы»²⁹². Супружеские отношения были довольно сложными. Эйлин и Эрика тянуло друг к другу, временами они были нежны, и казалось, что это действительно счастливый брак. Во всяком случае, об интимной стороне своих отношений они вспоминали с удовольствием. Но оба стремились сохранить собственные привычки, самостоятельность, приверженность всему тому, что у каждого выработалось годами. Оба были упря-

мы в отстаивании своего мнения. Буквально на следующий день после свадьбы начались ссоры, примирения, взаимные обиды, которые, впрочем, очень быстро забывались.

Эйлин вскоре иронично писала подруге: «После замужества у меня исчезла привычка к пунктуальной корреспонденции на несколько недель, потому что мы ругались постоянно и ожесточенно, и я думала, что сэкономлю кучу времени, если напишу всем всего лишь по одному письму, когда я убью его или разойдусь с ним». Эрик тоже откровенничал: «Иногда я изменял Эйлин и плохо обращался с нею, да и она временами плохо со мной обращалась, но это был подлинный брак в том смысле, что мы боролись вместе. Она понимала всё, что касалось моей работы и т. д.»²⁹³.

Джеффри Горер, который часто встречался с ними в это время, писал: «...единственным годом, когда... он был действительно счастлив, был первый год с Эйлин. Они только поженились, и он продолжал работать над “Дорогой на Уиган-Пирс” в их новом доме... — старом, маленьком и в своем роде спартанском коттедже в Воллингтоне»²⁹⁴. Как оказалось, кто-то из супругов — то ли Эйлин, то ли Эрик — не был способен к деторождению, и это доставило им немалые огорчения. Эрик как-то сказал одному из приятелей, что именно он страдал бесплодием²⁹⁵. Было ли это только предположением или Блэр действительно консультировался с врачами, осталось неизвестным.

Незадолго до бракосочетания объявился старый школьный товарищ Эрика Дэнис Кинг-Фарлоу, который прочитал рецензии на книги Оруэлла (в одной из них была указана подлинная фамилия автора) и захотел встретиться с давним знакомым, становившимся весьма известным. Приехав в Воллингтон, Дэнис был поражен внешним видом Блэра: вместо пухленького неуклюжего паренька его встретил высокий и страшно худой человек средних лет с явными следами нелегкой жизни. Дэнис был очарован Эйлин, причем не только ее внешностью, но и заботливостью. Когда после обеда отправились на прогулку, Эрик поделился со старым приятелем творческими планами, в частности намерением написать очерк о быте заключенных²⁹⁶.

Несмотря на все сложности во взаимоотношениях, Эйлин старалась, чтобы супруг смотрел на жизнь более оптимистично. Она не пыталась заставить его найти постоянную работу, изменить свой несколько богемный стиль. В меру сил Эйлин помогала Эрику, печатала на машинке завершённые фрагменты. Но основное ее время занимали

работа в магазине и приведение в порядок дома, долго находившегося в запустении.

У Эрика никогда не затухал интерес к природе, обитателям морей и рек, диким и домашним животным, цветам, в которых он великолепно разбирался. Но это увлечение превратилось буквально в страсть, когда он поселился в сельском доме. Эту стасть разделила с ним жена. Они занялись озеленением своего участка. Были посажены кусты крыжовника, роз и других цветов, а затем появился и небольшой фруктовый сад, в основном яблоневый. Когда Оруэлл после долгого отсутствия посетил свой сад, он увидел, что там цветут великолепные белые розы с желтыми тычинками. Его радость была такой, что он не сдержался и поделился ею с читателями журнала «Трибюн», где в это время вел авторскую колонку.

Более того, Эрик и Эйлин завели животных — несколько кур и даже пару коз, за которыми заботливо ухаживали, исправно консультируясь с соседями. Эрик узнал от местных жителей, что козье молоко приятнее на вкус, если доить животных при первых лучах солнца. Приняв сказанное на веру, он исправно поднимался на рассвете, чтобы получить парное молоко, и потчевал им супругу.

Командировка на север Англии

Вторым важным событием этого времени, глубоко повлиявшим на мировоззрение и творчество Оруэлла, была поездка в шахтерский район на севере Англии, в которую он отправился по предложению Виктора Голланца от имени руководимого им Клуба левой книги. (Организация, основанная Голланцем в мае 1936 года, должна была объединить силы интеллектуалов в борьбе за сохранение мира, против фашизма, за достижение лучшего социально-экономического порядка. Через полгода Клуб насчитывал уже 44 тысячи членов, объединив значительную часть левой интеллигенции.)

Предполагалось, что, изучив условия труда, обиденную жизнь горняков, как работающих, так и безработных, Оруэлл напишет серию репортажей. На текущие расходы он получил немалый аванс — 500 фунтов стерлингов, — которого могло хватить на два года приличной жизни. Выбор Оруэлла для выполнения поставленной Голланцем задачи был почти идеальным: тот являлся опытным журналистом,

прекрасно владел пером, имел опыт яркого воспроизведения жизни и быта низших социальных слоев, был готов внедриться в их среду и умел это делать, искренне сочувствовал тем, кто должен был стать объектом исследования.

Голланц не учел только одного — нежелания и неумения Оруэлла подстраивать свои выводы под различные догмы, считаться с авторитетами, даже самыми весомыми. Именно это привело к известной напряженности во взаимоотношениях автора и издателя несколько позже, когда книга была написана. Пока же Оруэлл без колебаний принял предложение, тем более что оно в значительной степени решало его финансовые проблемы.

По рекомендации Ричарда Риза Оруэлл установил контакт с деятелями Независимой рабочей партии. Хотя в то время он не вполне разделял установки этой организации (впоследствии он на недолгое время станет ее членом), но считал, что с ней можно иметь дело. Лидеры НРП дали ему рекомендательные письма своим представителям в Манчестере.

Оруэлл провел среди шахтеров два с лишним месяца — с января по март 1936 года. Верный своему принципу погружения в изучаемую среду, он жил в шахтерских семьях, полностью согласуя свой быт с выработанными у них привычками, вместе с ними питался, развлекался, ухаживал за местными девушками. В то же время он посещал местные библиотеки, где тщательно изучал статистические отчеты, официальную документацию и прессу. Он становился заведомо профсоюзных и политических собраний, прения на которых также существенно дополняли фактическую основу его будущих публикаций.

Несколько дней Эрик жил в доме профсоюзного активиста Фрэнка Мида в Манчестере, подружился с электриком Джо Кеннаном, который познакомил его с другими рабочими. Затем писатель отправился в маленький городок Уиган неподалеку от Манчестера, где поселился в самом заброшенном квартале. «Он хотел видеть вещи... в самом плохом обличье», — комментировал Д. Кеннан, сокрушавшийся, что заезжий писатель, которому он мог найти вполне приличное жилье, пожелал поселиться в самой бедной рабочей квартире²⁹⁷.

Дневник самого Оруэлла, начатый 31 января и законченный 25 марта 1936 года²⁹⁸, полностью подтверждает сказанное. У автора, хорошо знавшего жизнь лондонских трущоб, способного сравнивать, создалось впечатление,

что нищета Уигана поистине ужасна. Было непохоже, чтобы кто-то убирал и чистил здешние домишки. На чердаках можно было обнаружить объедки, покрытые полчищами тараканов. Через несколько дней он почувствовал, что не в силах там находиться, и буквально сбежал после того, как обнаружил под обеденным столом наполненный нечистотами ночной горшок. «Грязь этого места начинает действовать мне на нервы»²⁹⁹, — записал он в дневнике, но работу не прекратил, лишь переселился в несколько более чистое место.

Вместе с Джо Кеннаном он, несмотря на слабое здоровье, спустился в угольную шахту неподалеку от Уигана. Он писал Р. Ризу: «Это было для меня весьма разрушительное мероприятие, и страшно подумать, что изнурительного подползания к углю (примерно миля в данном случае, но целых три мили в некоторых шахтах) было достаточно, чтобы вывести мои ноги из строя на четыре дня. А ведь это только начало и конец рабочего дня шахтера. Собственно его работа происходит в интервале между этим началом и концом»³⁰⁰. Правда, писатель несколько преувеличил — конечно, он не полз; но действительно, карабкаться в тоннеле высотой в четыре фута (примерно 120 сантиметров) человеку его роста — задача не из легких. В дневник он записал иначе: «Было очень мало мест, где можно было встать в полный рост»³⁰¹. В любом случае он получил достаточно яркое представление об условиях труда шахтеров. Но этого ему показалось мало. Оруэлл побывал еще в двух шахтах и к концу своей поездки отлично сознавал крайнюю тяжесть работы шахтеров и опасности, подстерегавшие их на каждом шагу.

О взрывах, обвалах, отравлениях угольщиков ядовитыми газами пресса писала постоянно. Но Оруэлл обратил внимание на еще одну страшную опасность: многократные катастрофы, происходившие в шахтах во время спуска под землю и подъема наружу. Устаревшие, плохо закрепленные, переполненные рабочими клеты не выдерживали нагрузки. Шахтерская вдова рассказала ему, как погиб ее муж: клеть, в которой он находился, упала с почти полукилометровой высоты. «Они никогда не смогли бы собрать и куски тела, если бы он не надел новую клеенчатую робу»³⁰².

Сохранились заметки и выписки, которые делал Оруэлл в местных библиотеках из публикаций, посвященных угольной промышленности. На основании этих источников за 1927—1934 годы он подсчитал, что ежегодно каждый

восьмисотый шахтер погибал, а каждый шестой получал увечье³⁰³. В связи с этим он замечал, что на севере Англии идет настоящая война, но несет потери в ней только одна сторона.

Уже в самом начале путешествия по рабочим районам Оруэлл решил не ограничиваться серией репортажей, а написать хорошо документированный единый текст о жизни британских промышленных рабочих, прежде всего горняков. Позже, в статье «Почему я пишу», он подчеркивал, имея в виду прежде всего свою работу о шахтерах Северной Англии: «Каждая всерьез написанная мною с 1936 года строка прямо или косвенно была *против* тоталитаризма и *за* демократический социализм, как я его понимал». При этом, сознавая, что речь идет о работе публицистической, а не художественной, он стремился превратить политическую литературу в искусство: «Исходный рубеж для меня всегда — ощущение причастности, чувство несправедливости... До тех пор, пока я жив и здоров, я не перестану серьезно думать о стиле прозы, любить землю, получать радость от материальных вещей и от осколков того, что принято называть бесполезной информацией»³⁰⁴.

Оруэлл завершил свою командировку пребыванием в Южном Йоркшире, где изучил условия труда корабельных грузчиков и других портовых рабочих. Он, правда, позволил себе небольшой отпуск, проведя в начале марта неделю в доме своей старшей сестры Марджори и ее мужа Хамфри Дейкина в Лидсе. Но и здесь, по существу, продолжалась работа. Племянница Джейн вспоминала, как однажды семья (у Дейкинов было трое детей) вместе с Эриком отправилась на крохотной машине на загородную прогулку. Эрик расположился на заднем сиденье и, скрючившись, потому что места было очень мало, неотрывно читал какую-то книгу³⁰⁵.

По поводу этой поездки писатель отметил в своем дневнике, что, с интересом осмотрев находившийся неподалеку дом-музей писательницы Шарлотты Бронте и отдыхая душой в сравнительно изолированной от цивилизации местности, он и там обнаружил следы промышленного загрязнения. «Может быть, это зависит от времени года, но даже здесь, за много миль от любого промышленного города, задымленность является особенностью этой части страны, и дым висит надо всем. Трава блеклая, ручьи замутненные, все дома как будто затемнены дымом»³⁰⁶.

Глава восьмая
**ОБ УИГАН-ПИРСЕ
И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ**

О нищете и отчаянии

Текст книги был подготовлен исключительно быстро — менее чем за два месяца. Уже к концу мая 1936 года Оруэлл в основном завершил рукопись «Дорога на Уиган-Пирс». С названием произошло недоразумение. Когда Оруэлл находился в Уигане, кто-то рассказал ему, что на заброшенном теперь участке канала, ведущего к морю, раньше был оживленный торговый пирс. Не проверив сказанное, автор дал своей книге хлесткий заголовок, который должен был символизировать путь к хозяйственному запустению, безработице, нищете. Оказалось, что никакого пирса в Уигане никогда не было и торговые корабли оттуда никуда не отправлялись. Название повисло в воздухе, но ни один из критиков не обратил на это внимания.

Новая работа была важна в нескольких отношениях. Прежде всего, она содержала гневную критику того порядка вещей, который укоренился в рабочих кварталах малых промышленных городов: тяжкую нищету, унылую и токсичную повседневную жизнь рабочих, отсутствие у подавляющего большинства из них интереса к политике, более того, подозрительность к тем, кто призывает их к политическим выступлениям и даже к поддержке акций местных подразделений тред-юнионов, поскольку многие рабочие считали лейбористов, социалистов и профсоюзных деятелей продажными политиками, стремившимися за счет низов приобрести власть, влияние и просто обогатиться. Не всегда, но во многих случаях это соответствовало действительности.

Оруэлл писал, что, впервые побывав в северной части Англии, был потрясен тем, насколько отличается она от «цивилизованного» Лондона и его окрестностей. Его глазам открылась поистине экзотическая картина, когда по

ходу поезда красоты почти нетронутой природы каждые 20—30 минут сменялись трущобами, вонючими свалками или заводскими трубами, из которых валил ядовитый дым.

Необходимо учитывать, что Оруэлл побывал в Северной Англии в то время, когда эта часть страны, как и вся Великобритания, только начала выходить из затяжного экономического кризиса, который катастрофически отразился на угольной промышленности. Символом нищеты и безработицы, отчаянного настроения людей труда автор назвал «верфи» Уигана, дальнего пригорода Манчестера. На этих «верфях» (которых на самом деле не было, поскольку речь шла об узком канале) действительно скопилось несметное количество нищих, живших в некоем подобии домиков, кое-как слепленных из подручного материала — кусков картона и коробок, деревянных балок, обрезков железа и т. п.

И сам Уиган, и условия труда и быта, и настроения работающих и безработных сочетались в книге с анализом статистического и документального материала. Отметим, что угольная промышленность в районе Уигана так и не возродилась (в настоящее время в ней занят всего один процент жителей города, работающих на шахтах соседних районов, а не в самом Уигане). Что же касается берега канала, где якобы когда-то находилась исчезнувшая верфь, и складов, действительно когда-то расположенных здесь, то они превращены ныне в Центр исторического наследия, причем произведение Оруэлла занимает среди экспонатов одно из главных мест.

Но в середине 1930-х годов нищета и отчаяние в индустриальной Северной Англии действительно были ужасны. Суммируя свои впечатления и изученные документы, Оруэлл писал: «Здесь много людей, которые трудоустроены, но которые с финансовой точки зрения могут в равной мере считаться безработными, потому что они не получают даже минимальной оплаты, достаточной, чтобы как-то жить». По его расчетам, число жителей Англии, которые голодают или по крайней мере недоедают, составляло не менее десяти миллионов человек³⁰⁷.

Биографы писателя отмечают то впечатление, которое производит его книга даже на современного читателя, живущего в постиндустриальном капиталистическом обществе, не преодолевшем безработицу, но обеспечивающем как работающих, так и безработных тем минимумом жизненных благ, который позволяет вести скромный, но отнюдь не нищенский образ жизни³⁰⁸.

Действительно, симпатии публициста целиком на стороне рабочих. Более того, он почти преклоняется перед физическим трудом, считая, что утрата возможности делать что-то собственными руками лишает человека «значительной части его сознания»³⁰⁹. Впоследствии писатель не раз утверждал, что именно поэтому любил возиться в саду и заниматься домашними животными, работать на земле, выращивать деревья... Тот факт, что он занимался садоводством лишь от случая к случаю, в качестве своего рода хобби, отдыха от напряженного интеллектуального труда, а не для прокорма семьи, во внимание не принимался.

Особенно подробно Оруэлл описывал условия труда шахтеров, уделяя внимание мельчайшим деталям, ярко и своеобразно подчеркивавшим огромный риск, которому они подвергались. При этом в случае гибели шахтера в забое из зарплаты каждого рабочего смены вычитался один шиллинг как компенсация осиротевшей семье. Рабочие настолько привыкли к этому своеобразному «налогу на смерть», что воспринимали его как нечто естественное и даже как проявление солидарности. Писатель рассказывал также о других последствиях тяжелого шахтного труда — слепоте, поврежденных легких; о борьбе, которую владельцы шахт вели против выплаты горнякам-инвалидам минимальных пенсий.

Однако, реалистично и ярко описывая страдания британского рабочего класса, чувство безысходности, присущее большинству из тех его представителей, с кем ему пришлось встретиться, Оруэлл был настроен крайне пессимистично относительно возможности преодоления этих ужасов в обозримом будущем.

Странный социализм

В отличие от своей первой публицистической книги, в основном представлявшей собой взгляд «изнутри» описанного в ней общества, «Дорога на Уиган-Пирс» разворачивала перед читателем две вполне равнозначные перспективы — и «изнутри», и «снаружи». Оруэлл подчеркивал, что не скрывал от хозяев лачуг, где ночевал, от шахтеров, с которыми разговаривал под землей, от безработных, случайно встреченных на улице, кто он на самом деле. Но он вел себя настолько естественно, принимал тяготы людей настолько близко к сердцу, что, как он с гордостью отмечал

в книге, официальное «сэр» очень скоро сменялось на «товариш», хотя по имени его не называли, еще и потому, что имя Эрик звучало «не по-пролетарски».

К явному неудовольствию своего богатого «социалистического» работодателя Голландца и его Клуба левой книги, Оруэлл впервые в своей публицистической практике остро критиковал не только правящие круги, но и британские социалистические течения, которые считал умозрительным порождением интеллектуалов, начиная с крайне левых, идущих за Троцким, и завершая правым крылом лейбористов, близким к либералам (в 1931 году из Лейбористской партии выделилась группа независимых во главе с Д. Р. Макдональдом, который возглавил коалиционное национальное правительство с участием отколовшихся от своих партий национал-либералов и национал-консерваторов).

К этому времени Оруэлл познакомился с «Капиталом» и некоторыми другими работами Маркса. Экономический детерминизм основоположника социализма, который тот пытался превратить в науку, отнюдь не впечатлил Оруэлла. Отдавая должное логике выкладок Маркса, особенно в области абстрактного экономического анализа, он считал, что эти воззрения узки, оторваны от реальной жизни, не учитывают в должной мере психологические, моральные и семейные факторы, национальные традиции — всё то, что не находится в прямой зависимости от уровня экономики.

Оруэлл не пренебрегал экономической стороной развития общества, особенно когда речь шла о материальном положении его низших слоев, однако стремился не просто увидеть обратное воздействие «надстройки» на «базис», но рассматривать сознание, настроения, взгляды людей как самостоятельное явление. Оруэлловский социализм с самого его зарождения в первой половине 1930-х годов до конца жизни писателя оставался весьма неопределенным, этическим, включаявшим в сферу будущего справедливого общества — временами казавшегося ему близким, временами отодвигавшегося на неизвестный срок — не только рабочий класс и другие низшие группы населения, но и средние слои. Иначе говоря, сам термин «социализм» был для Оруэлла лишь словесной маской, своего рода вывеской, в которую вкладывалось столь же расплывчатое содержание.

Скорее же всего, оруэлловский социализм, впервые более или менее четко проявившийся во второй части «Дороги на Уиган-Пирс», являлся смесью материальных и этических

факторов, из которых главными были честь и достоинство. Без достаточного количества пищи и приличного жилья достоинство невозможно, полагал он. Но приемлемые материальные условия сами по себе не обеспечивают это неуловимое состояние души, а иногда даже мешают его формированию. Оруэлловский этический социализм, таким образом, оказывался в тупике. Социализм, утверждал Оруэлл, в очередной раз подставляясь критике с самых разных сторон, — «это такая элементарная житейская вещь, что я иногда удивляюсь, каким образом он до сих пор не возник сам по себе»³¹⁰. Вспоминая время после возвращения из Бирмы, он писал: «Мне тогда казалось и иногда кажется теперь, что любая экономическая несправедливость прекратится в тот момент, когда мы захотим, чтобы она остановилась, но не ранее этого, и если мы действительно захотим этого, неважно, какие методы будут использованы»³¹¹.

Вряд ли эти высказывания полностью отражали мысли Оруэлла о таком неоднозначном явлении, как социализм. Критики, однако, ухватившись за хлесткие фразы, пытались расправиться со всей книгой. Действительно, ни обобществления средств производства, ни плановой экономики, управляемой директивными органами, а не законами рынка, то есть того, что в первую очередь ассоциируется с социализмом, Оруэлл пока не признавал. Об общественной собственности он позже упомянет, но эта тема очень быстро и незаметно исчезнет из его публикаций.

Продолжая придерживаться весьма смутных взглядов, которые он считал социалистическими, Оруэлл пока не связывал себя ни с одним из политических течений и не присоединялся к какой-либо партии или группе, более того, как бы делал вид, что таковых вообще не существует. В книге о рабочих Северной Англии утверждалось, что улучшить условия труда и быта рабочего класса в существующих политических условиях невозможно (о возникновении социализма как бы стихийно, откуда-то изнутри он как-то сразу позабыл). Он полагал, что необходимо прежде всего создать «эффективную социалистическую партию», но заняться этим некому. Сам автор отнюдь не выражал желания вступать на опасную политическую тропу.

Итак, корни социальной несправедливости Оруэлл видел в человеческом эгоизме, в недостаточной просвещенности населения, но не в неких объективных закономерностях функционирования частной собственности и рыночных отношений. Можно ли преодолеть такие чело-

веческие свойства? На этот вопрос он ответа не давал, но в целом оставался по этой части пессимистом. Неудивительно, что такая социально-экономическая и политическая «безграмотность» писателя вызывала нарекания и либералов, и социалистов, тем более что он посвятил часть книги критике различных социалистических партий и движений: «Всемирно известно, что социализм как полноценно осуществляемая мировая система находится в стороне от того пути, по которому идет развитие». За этим следовала весьма своеобразная классификация борцов за социальную справедливость, с которыми приходилось сталкиваться Оруэллу: те, кто считают себя социалистами, либо легковверны и глупы, либо принимают за социализм нечто совершенно другое; наконец, есть откровенные обманщики и мошенники, паразитирующие на людских бедах. Далее следовали образы «добросердечных, но неспособных мыслить» борцов за социализм из рабочей среды»; рекрутированных из среднего класса «интеллектуалов, начетчиков, совершенно не связанных с обычной человечностью», но обожающих цитировать Маркса; всевозможных приверженцев групп по необычным интересам, вроде «любителей фруктового сока, нудистов, носителей сандалий» и даже сексуальных маньяков, пацифистов и феминисток³¹².

Естественно, эти и подобные им портреты были карикатурными, имевшими лишь отдаленное сходство с реальностью. Они, однако, весьма четко фиксировали крайне отрицательное, если не сказать злобное, отношение Оруэлла к тем псевдоборцам за интересы рабочего класса, которые то ли были неспособны, то ли не желали выйти за рамки тривиальных, привычных действий, не имевших, по мнению автора, никакого отношения к действительным нуждам тех, о чьем быте, труде и заботах он рассказывал читателю. Вывод Оруэлла был определенным: «Социализм, по крайней мере на этом острове, не пахнет больше революцией и свержением тиранов; он пахнет прихотью, воспеванием машин и глупым культом России»³¹³.

Такая неутешительная картина порождала у Оруэлла опасение, что люди, способные мыслить, отворачиваются от социализма, а это, в свою очередь, ведет к укреплению крайне консервативных сил, включая те, которые тяготеют к фашизму. В результате, считал Оруэлл, в Великобритании фашисты вполне могут прийти к власти³¹⁴.

Именно ко времени, когда Оруэлл писал книгу о рабочих Северной Англии, относится наибольшая попу-

лярность Британского союза фашистов, основанного в 1932 году бывшим консерватором, а затем лейбористом Освальдом Мосли. Поклонник Муссолини и Гитлера предлагал ограничить власть парламента и установить в стране диктатуру, проча в диктаторы самого себя. Британские фашисты активно использовали социальную демагогию, пропагандировали национализм, антикоммунизм, враждебное отношение к либералам и социалистам. Они создали свои штурмовые отряды, члены которых избивали политических оппонентов, проводили антисемитские кампании.

Оруэлл рассказывал, что во время пребывания в Северной Англии он как-то отправился на организованный Мосли митинг, где выступал и сам британский «фюрер»: «Меня потрясло, как легко можно одурачить необразованную публику». Хотя Мосли ничего не угрожало, охраняли его не менее сотни чернорубашечников, внимательно следивших за поведением присутствовавших и выдергивавших из толпы тех, кто пытался протестовать. В итоге в конце полуторачасового выступления Мосли симпатии присутствовавших, к глубочайшему разочарованию Оруэлла, оказались целиком на стороне оратора, хотя он вновь и вновь повторял недоказуемую бессмыслицу, «осуждал предательство сменявших друг друга правительств по отношению к рабочим. Вину за всё он возлагал на мистические международные еврейские банды, которые, по его словам, финансировали, помимо прочего, Британскую лейбористскую партию и Советы»³¹⁵.

Оруэлл приходил к мнению, что Мосли и его последователи — не просто «глупая шутка», как считали многие. Мосли мог повторить судьбу Гитлера. «Для того, кто взбирается по политической лестнице, иногда является преимуществом то, что в начале пути окружающие не воспринимают его слишком серьезно».

Можно полагать, что именно поездка в рабочие районы, наблюдения за фашистскими сборищами (упомянутый митинг был первым, но не последним, который посетил автор), привлекли его внимание к нараставшей угрозе крайней политической реакции и опасности войны. Тень войны уже маячила в романе «Да здравствует фикус!» в виде мерещившихся герою «вражеских самолетов над Лондоном, грозно ревушего гула пропеллеров, громовых разрывов бомб... эскадра за эскадрой, тучами черной саранчи». Оруэлл считал, что массой британских рабочих, слабо образованных, получавших крайне низкую зарплату, покорно следовавших за продажными профсоюзными боссами и в то же вре-

мя тайно ненавидевших их, в момент кризиса сможет манипулировать любая экстремистская политическая сила, в том числе и фашисты, и коммунисты.

Подвергая критике существующие организации социалистического движения в Великобритании, их неспособность противостоять силам крайней реакции, Оруэлл в то же время, как ни парадоксально, становился всё большим приверженцем социалистических идей. Давалось это немалым трудом. Как-то в мае 1935 года, зайдя домой к Ричарду Ризу и узнав, что тот отправился на проходивший неподалеку социалистический митинг, Эрик последовал по его стопам и оказался участником дискуссии. Через несколько дней он рассказывал: «Я провел три или четыре часа с семьёю или восьмью социалистами, которые нападали на меня, включая шахтера из Южного Уэльса, заявившего, впрочем, вполне дружелюбно, что если бы он стал диктатором, он немедленно пристрелил бы меня»³¹⁶.

Непримиримость, свойственная многим левым, особенно из малообразованной среды, естественно, отталкивала писателя, но всё-таки он считал, что при всех разногласиях можно договориться перед лицом общего врага. (О том, что немалое число тех, кто провозглашал социалистические цели, имеют много общего с нацизмом и что Гитлер не случайно назвал свою партию Национал-социалистической, Оруэлл в это время не задумывался.) «Едиственной действительной силой, могущей противостоять фашизму, является социализм»³¹⁷, — писал он в 1936 году.

Оруэлл решительно осуждал политику умиротворения, которую с середины 1930-х годов проводили консервативные власти Великобритании по отношению к Гитлеру и Муссолини. Он писал, что «капиталистическо-империалистические правительства» в конце концов вынуждены будут дорого заплатить за такую политику, но в данный момент ничто не способно заставить британские правящие круги от нее отказаться. При этом Оруэлл пытался объяснить политику умиротворения не ошибочно понимаемыми национально-государственными интересами, не стремлением столкнуть две тоталитарные системы — нацистскую и большевистскую, а общим социальным происхождением буржуазной демократии и фашизма. Он писал в 1937 году антропологу Джеффри Гореру: «Фашизм в конце концов — это только развитие капитализма, и самая мягкая демократия, можно сказать, способна превратиться в фашизм, когда наступит крайняя нужда. Мы предпочитаем думать об

Англии как о демократической стране, но наше правление в Индии, например, столь же отвратительно, как германский фашизм, хотя внешне оно, возможно, менее раздражает... Однако каждый, у кого есть хоть какое-то воображение, может предвидеть, что фашизм... будет нам навязан, как только разразится война»³¹⁸.

При этом сам термин «фашизм» понимался чрезвычайно расширительно, на что Оруэлл ориентировало само существование, наряду с фашистской диктатурой в Италии, Британского союза фашистов. Писатель считал фашистской и Национал-социалистическую партию Германии, и разного рода правые властные структуры в некоторых европейских странах. Фашизм в представлении Оруэлла, как и самых широких социалистических и либеральных кругов, отождествлялся с крайне правыми силами.

Именно в связи с общей и политической малограмотностью рабочих у Оруэлла во время поездки в северные районы возник особый интерес к такому важному социальному явлению, как произведения массовой культуры, предназначенные для удовлетворения непритязательного вкуса простого народа. Пройдет несколько лет, и эти впечатления выльются в цикл статей о безвкусной, хотя и весьма популярной литературе и о сходных явлениях в живописи.

Более детально он рассуждал о произведениях массового спроса в очерках «Искусство Дональда Макгилла» и «Еженедельники для мальчиков». В этих блестящих эссе, написанных отнюдь не с целью разоблачения, а для анализа причин популярности и социальных функций произведений массовой культуры, речь шла о дешевых комиксах, примитивных почтовых открытках и тому подобных произведениях.

Оруэлл пояснял, почему избрал объектом своего рассмотрения Дональда Макгилла: «...он не только самый плодовитый современный художник-открыточник, на голову превосходящий всех своих коллег, он еще и наиболее совершенен в выражении жанра, последовательно верен его традициям. Кто такой Дональд Макгилл, я не знаю. Очевидно, его имя — своеобразная торговая марка... в то же время уверен, что это и имя реального человека*, стиль рисунков которого узнаваем с первого взгляда»³¹⁹.

* *Дональд Макгилл* (1875–1962) — художник-график, создавший своеобразный жанр дешевых открыток, продававшихся на окраинах городов и в киосках возле морского побережья и изображавших стилизованных очаровательных сексапильных девушек.

Далее анализировались сходные по стилистике творения массовой культуры, удовлетворявшие потребность малообразованных низших слоев населения в дешевом развлечении. Оруэлл видел в произведениях массовой культуры, в частности в открытках, социальное явление, ставшее частью британского рынка. Очерк завершался словами: «Уголок человеческого сердца, из которого этот юмор исходит и для которого он предназначен, легко мог бы выразить себя и в худших формах. Уже из-за этого одного я буду сожалеть, когда увижу, что комиксы-открытки исчезли, и мне было бы жаль, если бы они исчезли»³²⁰. Впервые очерк был опубликован в лондонском журнале «Хорайзен» в сентябре 1941 года.

Что же касается очерка «Еженедельники для мальчиков», также опубликованного в «Хорайзене», то это было намного более острое произведение, направленное против дешевых журнальчиков с примитивными однообразными историями, как правило, с драматическим сюжетом и неизменно благополучной развязкой. Вот об их исчезновении Оруэлл точно не сожалел бы.

И всё же массовую культуру писатель рассматривал как неизбежное порождение нивелировки общества, обязательно происходящей при любой форме социализма. Как к массовой культуре, так и к тому, что Оруэлл называл социализмом, он относился далеко не однозначно, желая его и в то же время опасаясь. Это нашло отражение и в «Дороге на Уиган-Пирс».

В ходе доработки «Дороги на Уиган-Пирс» представление о так называемом социализме еще более расширилось. Своеобразный оруэлловский социализм состоял теперь преимущественно в решительном отвержении узкоклассового подхода к явлениям человеческого общежития. Оруэлл неоднократно подчеркивал, что все люди с небольшим доходом находятся в одной лодке и должны всячески поддерживать друг друга в совместной борьбе против общего неприятеля, причем следует меньше говорить о «капиталистах» и «пролетариях» и больше о «грабителях» и «ограбленных». База взаимной поддержки должна быть максимально широкой. Между шахтером и лондонской машинисткой крохотного офиса на первый взгляд мало общего, но у них, безусловно, можно обнаружить схожие интересы, заботы, врагов, и чем скорее они осознают это, тем быстрее между ними могут быть установлены отношения взаимной поддержки. «Люди, которым следует действовать вместе, —

это все те, кто сгибается перед боссами, все те, кто содрогается, когда думает о квартплате. Это значит, что мелкий собственник должен объединиться с фабричным рабочим, машинистка с шахтером, школьный учитель с механиком из гаража. Существует некоторая надежда, что этого можно достичь, если они смогут понять, в чем состоят их интересы».

Это был предел «практических соображений», которые смог себе позволить Оруэлл касательно объединения усилий низших и средних слоев общества. Его подход к социализму был в конечном счете индивидуалистическим. Отсюда проистекала уже достаточно ярко выраженная в «Дороге на Уиган-Пирс» и позже проявившаяся еще четче противоречивость в его представлениях о том, как должно выглядеть это общество, если оно, паче чаяния, всё же будет создано, во что писатель не очень-то верил. С одной стороны, это будет общество «бесклассовое» (что уже противоречило его прежним мыслям по поводу «капиталистов» и «пролетариев»). С другой стороны, в будущем обществе «равных» каждый должен иметь право свободно высказывать то, что думает, свободно передвигаться, читать то, что хочет, без внешнего навязывания, спорить и т. п. Будучи сам представителем среднего класса, Оруэлл—Блэр стремился сохранить именно эту свою идентичность (разумеется, предусматривая равные возможности для всех остальных). Он пока не задумывался над тем, что общественной собственностью тоже необходимо будет управлять и что поэтому неизбежно должны появиться бюрократы, которые будут прилагать все силы, чтобы превратиться из руководящего слоя в господствующий класс.

Иначе говоря, существенно отличаясь от других социалистов, Оруэлл оставался таким же утопистом, как и остальные приверженцы этой коварной общественной теории, несмотря на то, что он чуть ли не с презрением отвергал любой идеологический багаж социализма, да и к самим его носителям относился не лучше. Он полагал, что «у социалистического движения нет времени, чтобы быть лигой диалектических материалистов; оно должно быть лигой угнетенных против угнетателей». Писатель продолжал высмеивать «социалистических мошенников» — «отвратительное племя высоколобых дам и носящих сандалии бородастых любителей фруктового сока, которые толпой несутся на запах “прогресса”, подобно трупным мухам, устремляющимся к мертвой кошке». Столкнувшись с тоталитар-

ными общественными формациями и тенденциями, прикрываемыми всё теми же социалистическими лозунгами, Оруэлл, формально не отказываясь от своего социалистического кредо, фактически покажет несовместимость прекрасных лозунгов и отвратительной человеконенавистнической практики.

Дискуссии об оруэлловской социальной модели

Голланц и его единомышленники по Клубу левой книги были недовольны отрицательным и снобистско-пренебрежительным, с их точки зрения, отношением Оруэлла к социалистическому движению, однако сочли его книгу весьма полезной. Когда Оруэлл предоставил рукопись, единственная просьба, высказанная Голланцем, состояла в том, чтобы в книгу были включены документальные приложения, которые сделают ее еще более ценной. Голланц писал Оруэллу, что документированная работа станет важным вкладом в борьбу за изменение социального и экономического порядка, в борьбу против фашизма³²¹.

Оруэлл буквально за несколько дней проделал необходимую работу. С практической точки зрения было важно также, будет ли книга выпущена как обычная публикация или как серийное издание Клуба левой книги (члены Клуба ежемесячно получали новую книгу издательства Голланца за символическую плату, и если обычное издание выпускалось несколькими тысячами экземпляров, серийная книга Клуба имело тираж в несколько десятков тысяч).

Вопрос о публикации под эгидой Клуба решался его издательским комитетом, в который наряду с Голланцем входили авторитетные лейбористские деятели и теоретики Гарольд Ласки и Джон Стрейчи. По предложению Голланца в марте 1937 года комитет принял решение об издании части работы, непосредственно освещающей положение трудящихся: «Мы полагаем, что первая часть окажется отличным оружием в возбуждении общественного сознания в связи с отвратительными условиями существования массы людей в современной Англии»³²². Книга была выпущена в том же марте невиданным для Оруэлла 44-тысячным тиражом, соответствующим числу членов Клуба. Кроме того, Голланц издал дополнительные две тысячи экземпляров для розничной продажи и опубликовал небольшую брошюру ти-

ражом в 500 экземпляров с наиболее яркими фрагментами книги. Затем работа Оруэлла дважды переиздавалась.

Голланц написал к книге весьма сдержанное предисловие (датированное 11 января 1937 года), не оставлявшее сомнений в том, что он расходится с автором по принципиальным вопросам, чтобы читатели не сочли издание выражением мнения издательского комитета Клуба: «Честно говоря, я отметил более чем сотню мест, по поводу которых счел бы необходимым поспорить с господином Оруэллом; но в этом случае отведенный для предисловия объем был бы быстро использован, а терпение читателей иссякло бы»³²³. Кратко были упомянуты основные расхождения: «Оруэлл ни разу не упомянул, что он имеет в виду под социализмом; не объяснил, как угнетатели угнетают, не разъяснил даже то, что он понимает под “свободой” и “справедливостью”»³²⁴. Голланц писал далее о «нелюбви» Оруэлла к России (естественно, имелся в виду Советский Союз), защищал советские пятилетние планы и большевистскую пропаганду, которую Оруэлл весьма неуважительно именовал продуктом «полу-грамофонов, полу-гангстеров». «Достижения Советского Союза отчетливо видны всем»³²⁵, — провозглашал Голланц в 1937 году, ставшем символом сталинского Большого террора.

Оруэлл не стал с ним спорить, пожертвовав своими принципами ради выхода книги. Да и времени дискутировать с издателем у него теперь не было: когда Голланц упрекал писателя, что он якобы не ведет борьбу против мирового фашизма, тот уже сражлся в Испании со сторонниками Франко, которых левые деятели называли испанскими фашистами. Но отношения между автором и издателем с тех пор стали прохладными.

Критика встретила работу Оруэлла по-разному. В правых и либеральных кругах ее просто проигнорировали. Среди непартийных исследователей-гуманитариев книга вызвала неподдельный интерес. На нее откликнулся сын знаменитого историка Арнольда Тойнби, директора Королевского института международных отношений, Филип Тойнби, крупный писатель и журналист: «“Уиган-Пирс” читается подобно докладу, представленному неким гуманным антропологом, который только возвратился после изучения условий жизни угнетенных племен на Борнео».

Социалисты различных направлений, а также коммунисты признавали яркость критики, но настаивали, что работа «поверхностна», поскольку автор не дал рецептов

THE
ROAD TO WIGAN PIER
by
GEORGE ORWELL

LEFT BOOK CLUB EDITION
NOT FOR SALE TO THE PUBLIC

Первое издание книги «Дорога на Уиган-Пирс». 1937 г.

борьбы с нищетой, безработицей и отчаянием обездоленных трудовых масс. Вдобавок каждая политическая группа упрекала писателя, что он не разделяет ее идеологии. При этом различные левые политические силы критиковали Оруэлла за то, что он допускал слишком обширные комментарии и обобщения, не позволяя фактам говорить за себя. Отчасти эти упреки были обоснованны, однако в основном они были вызваны именно расхождением критиков с автором в общей оценке ситуации.

Об интересе к книге свидетельствовало то, что в ее критическом анализе были задействованы мощные силы. С рецензией в коммунистической газете «Дейли уоркер» выступил сам «вождь» британских коммунистов Гарри Поллит, который, впрочем, не столько рассматривал достоинства и недостатки работы, сколько пренебрежительно и высокомерно оценивал личность автора, названного им «маленьким мальчиком из среднего класса» и «бывшим империалистическим полицейским», пишущим о «предмете, в котором не смыслит»³²⁶. Оруэлл счел, что, несмотря на отрицательную оценку, отзыв генсека британской компартии весьма полезен. «Рецензия Поллита довольно плохая, хотя, конечно, хороша в смысле рекламы»³²⁷, — писал он жене.

Осторожнее других был лейбористский теоретик Гарольд Ласки, руководитель и профессор авторитетной Лондонской экономической школы. Он писал, что социалистическая пропаганда Оруэлла «игнорирует всё, что подразумевается необходимым в повседневной реальности классовых антагонизмов», «отказывается от рассмотрения сложных проблем государства», «не понимает исторического развития экономического процесса»: «В конечном итоге эта работа фактически представляет собой эмоциональный призыв к социализму, обращенный к людям, пребывающим в благополучии»³²⁸. На самом же деле невнимание к экономической теории было не оплошностью, а сознательно и последовательно проводимой писателем линией. Оруэлл не уставал подчеркивать, что его задача — «просто отчитываться о положении низших классов». В то же время Ласки полагал, что книга Оруэлла является «великолепной пропагандой наших (то есть лейбористских. — Ю. Ф., Г. Ч.) идей», тем самым оправдывая свое согласие на издание работы под грифом Клуба левой книги³²⁹.

Развитие социально-политической ситуации после создания книги, казалось бы, подтверждало пессимистические выводы ее автора, что ни один из существующих

общественных инструментов не годится для изменения положения низших слоев населения к лучшему. Он почти не обращал внимания на забастовки и другие выступления, организуемые тред-юнионами. В октябре—ноябре 1936 года газеты были полны информацией о марше Джерроу — шествии представителей безработных судостроителей из городка Джерроу в Северо-Восточной Англии на Лондон. Рабочие прошли пешком 480 километров. 31 октября после почти месячного похода они явились к парадному входу Вестминстерского дворца и вручили парламентариям петицию с многочисленными подписями под требованием возобновить работу закрытой верфи в Джерроу. 5 ноября по требованию лейбористов петиция была обсуждена палатой общин, но никакого решения принято не было. Единственное, что было сделано для участников марша, — выдано по одному фунту стерлингов, чтобы они уехали домой поездом. Верфь в Джерроу в то время так и не была открыта³³⁰.

Однако позиция Оруэлла, заявлявшего о бесплодности подобных инициатив, подвергалась критике со стороны тех рабочих деятелей, кто настаивал на продолжении массовых выступлений, уверяя, что в случае согласованных и энергичных акций предприниматели под давлением парламента, правительства, общественного мнения будут вынуждены пойти на улучшение условий труда и создание новых рабочих мест.

В середине 1930-х годов Оруэлл обратил внимание на созданное еще в 1921 году левыми социалистами и коммунистами Национальное движение рабочих, лишившихся работы (National Unemployed Workers' Movement — NUWM) — именно эта организация была инициатором проведения многочисленных голодных маршей на Лондон, часто сопровождавшихся жесткими столкновениями с полицией. В своем дневнике Оруэлл записал, что именно NUWM проводит «самую лучшую работу в пользу безработных». Однако отношение к организации безработных вскоре претерпело изменения. Писатель увидел в ней черты бюрократической структуры, стремящейся подчинить людей, превратив их в послушную толпу. Об одном из собраний этой организации Оруэлл написал в дневнике: «Стадо овец — девицы с широко раскрытыми ртами и бесформенные женщины средних лет, склонившиеся над своим вязанием — везде одно и то же»³³¹. Других записей о конкретных политических и экономических выступлениях, которые произвели бы на Оруэлла хоть какое-то впечат-

ление, в дневнике нет, хотя в середине 1930-х годов писатель вел его достаточно аккуратно.

В то же время Оруэлл замечал, что, к его полному разочарованию, многие рабочие, участвующие в экономических выступлениях, проявляют тяготение к Консервативной партии и даже к организации Мосли. «За пределами определенного уровня социализм и капитализм почти не различаются между собой, а государство и капитализм имеют тенденцию слиться в единое целое»³³², — заключал он.

Глава девятая

ИСПАНИЯ

Путь в Барселону

В 1936—1937 годах огромному числу западноевропейских и американских интеллектуалов и левонастроенных рабочих казалось, что именно на полях сражений в Испании решается судьба континента — воцарится ли на нем крайняя реакция, придут ли к власти фашистские режимы или же Европа двинется по пути новой демократии, способной преодолеть острые классовые антагонизмы и обеспечить справедливое распределение национального достояния. Испания, которая до того времени находилась на периферии мировой истории, внезапно оказалась в самом центре внимания общественности демократической Европы и Америки.

Вечный революционер Троцкий страстно надеялся, что в Испании начинается поворот мировой истории, что тамошняя гражданская война, подобно революции 1917 года в России, окажется стимулом к революционному подъему в международном масштабе. «Советы повсюду!» — таков был лозунг Троцкого и его сторонников во время войны в Испании. Троцкий даже собирался тайно переправиться в Испанию, чтобы лично возглавить революционные силы и превратить гражданскую войну в общеевропейскую «перманентную революцию», но этот план после размышлений был оставлен³³³.

Еще в 1931 году в Испании была свергнута монархия и провозглашена республика. Непривычные к демократическим процедурам темпераментные испанцы легко склонялись к тем или иным политическим силам, особенно часто — к крайне радикальным, на фоне которых Коммунистическая партия Испании представлялась умеренной социалистической группировкой.

В феврале 1936 года на выборах в кортесы (испанский

парламент) победы добилась коалиция партий и организаций — Народный фронт, в состав которого входили разнородные политические силы — центристские республиканцы, умеренные и левые социалисты, верные Москве коммунисты, анархисты и различные мелкие леворадикальные или социалистические группы. В наиболее развитой в экономическом отношении части страны, Каталонии, где особенно активны были боевые рабочие объединения, стала функционировать Объединенная рабочая марксистская партия (Partido Obrero de Unificación Marxista — POUM, русская аббревиатура — ПОУМ), с которой оказалась связанной судьба героя этой книги.

Чтобы «вписать» Эрика Блэра в испанские реалии гражданской войны 1936—1939 годов, необходимо сделать некоторые оговорки. Дело в том, что корнями эта организация была связана с той частью коммунистического движения, которая именовала себя сторонниками Троцкого, хотя позже между ПОУМ и Троцким произошел решительный разрыв.

Ко времени начала испанской революции Троцкий, в середине 1920-х годов возглавивший антисталинскую оппозицию в ВКП(б), был изгнан из СССР и проживал в Турции, стремясь сплотить своих сторонников из различных стран, чтобы противопоставить их руководимому Москвой Коммунистическому интернационалу. В 1930-м группы сторонников Троцкого возникли в Испании, но были очень слабыми до тех пор, пока во главе движения не встал опытный коммунистический деятель Андрес (Андреу) Нин, ранее находившийся в эмиграции в СССР и являвшийся членом Исполнительного бюро Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна), а в 1928 году, после его открытого выступления в поддержку Троцкого, исключенный из партии и спустя два года высланный из СССР.

Вернувшись в родную Каталонию, Нин установил связь с местной Коммунистической федерацией, которая как раз перед этим была изгнана из Коммунистической партии Испании за отказ осудить Троцкого. Однако на позиции Троцкого эта организация и Андрес Нин, фактически ее возглавивший, не встали, поскольку между ними возникли серьезные разногласия в оценке международной и внутрииспанской ситуации.

Каталонская коммунистическая федерация (переименованная в Коммунистическую левую партию), объединившись с несколькими мелкими левыми группами, ста-

ла основой ПОУМ, образованной на съезде в Барселоне 29 сентября 1935 года под лозунгом немедленного установления диктатуры пролетариата. ПОУМ вошла в Народный фронт, составив вместе с анархистами его крайне левое крыло. Насчитывавшая всего несколько тысяч человек, ПОУМ в то же время оказывала значительное влияние на настроения революционных масс, особенно в Каталонии, где у нее была наиболее разветвленная структура и где она поддерживала наиболее прочные связи с Федерацией анархистов Иберии.

Преобладавшие же в Народном фронте умеренные революционные силы терялись на общем экстремистском фоне. Летом 1936 года генералы Хосе Санхурхо (вскоре погиб в авиационной катастрофе) и Франсиско Франко подняли военный мятеж против республиканского правительства и были активно поддержаны фашистской Италией и нацистской Германией. В противовес этому во многих странах западного мира развернулась кампания поддержки испанских республиканских властей, вылившаяся в массовый отъезд в Испанию добровольцев для борьбы на стороне республики.

Сложившейся ситуацией пытался воспользоваться Сталин. Под вымышленными (обычно испанскими) именами с осени 1936 года в Испанию стали прибывать советские военные советники, летчики и танкисты, что способствовало некоторому улучшению военного положения республиканцев, которое перед этим было настолько отчаянным, что возникла угроза захвата мятежниками Мадрида, из-за чего правительство было вынуждено перебраться в Валенсию. Для пропагандистской работы в Испанию были отправлены известные советские писатели, например Илья Эренбург и Михаил Кольцов.

Считая социальную революцию неотделимой составной частью гражданской войны, левые силы — прежде всего ПОУМ и анархисты — оказались при этом чуть ли не главными врагами коммунистов и либеральных республиканцев. В результате одновременно с гражданской войной против сил Франко развернулась вторая гражданская война, состоявшая в основном в жестоком подавлении крайне левых сил испанскими коммунистами и советской агентурой.

Особое негодование советского руководства вызвало то, что издаваемая поумовцами газета «Баталья» («Борьба») резко критиковала политику СССР, разоблачала на-

чавшийся Большой террор и презрительно отзывалась о Сталине. Начальник иностранного отдела Народного комиссариата внутренних дел А. А. Слуцкий заявил министру республиканского правительства коммунисту Мигелю Эрнандесу о необходимости разгромить ПОУМ. Французский коммунист Андре Марти, генеральный комиссар Интернациональных бригад и фактически главный представитель Коминтерна в Испании, сообщал, имея в виду ПОУМ, о «предательской деятельности контрреволюционных троцкистских элементов, препятствующих созданию сильной, объединенной армии Народного фронта», и призывал Москву «ликвидировать» этих предателей. Возмущение вызывало еще и намерение ПОУМ созвать в Барселоне международный рабочий конгресс, вырвав инициативу из рук сталинского Коминтерна. В итоге Сталин поставил перед резидентом НКВД А. Орловым задачу полной дискредитации и последующего разгрома анархистов и «троцкистов» (под которыми подразумевалась ПОУМ) с физическим уничтожением руководителей этих организаций.

В начале мая 1937 года советская агентура и местные коммунисты спровоцировали в Барселоне уличные столкновения между ПОУМ и Федерацией анархистов Иберии, с одной стороны, и частями правительственной республиканской армии — с другой. ПОУМ была объявлена распущенной, а ее руководитель А. Нин был арестован, затем похищен из тюрьмы советской «мобильной группой» и убит.

Такова была обстановка в Испании к тому времени, когда Эрик Блэр решил, что его долгом писателя, журналиста и просто левого общественного деятеля является непосредственное участие в гражданской войне на стороне республиканских сил. «Каждый антифашист испытывал просто всплеск надежды», — писал позже Оруэлл в книге «Памяти Каталонии».

Эрик Блэр не мог отправиться в Испанию сразу после начала мятежа. Ему необходимо было завершить работу над рукописью книги о рабочих Северной Англии, которую он давно написал, но никак не решался передать в издательство, находя всё новые недостатки, переписывая отдельные фрагменты. Испанская война, однако, заставила его ускорить работу. 15 декабря он отправил «Дорогу на Уиган-Пирс» своему литагенту и сообщил знакомым, что собирается выехать в страну, охваченную войной, в ближайшие дни, по возможности до Рождества. 11 декабря 1936 года, перед отъездом в Испанию, Эрик сообщил своему литагенту

ту, что во время его длительного отсутствия в Лондоне его интересы будет представлять жена³³⁴.

Эйлин полностью разделяла чувства и стремления мужа. После некоторых колебаний она решила разделить его судьбу. Но у Блэров не было денег, чтобы совершить дорогое путешествие вместе. Правда, можно было отправиться в Испанию, записавшись в Интернациональную бригаду и получив от тех, кто проводил набор, средства для организованной групповой поездки. Однако организаторами Интернациональных бригад были компартии, формировавшие отряды преимущественно на советские деньги. Став членом Интернбригады, Блэр лишился бы политической самостоятельности. Чтобы купить билеты, супругам пришлось заложить фамильное серебро.

Въехать в Испанию «индивидуалу» было непросто. Пограничники республиканской Испании стремились предотвратить проникновение диверсантов, лазутчиков, шпионов, работавших на Франко, и просто людей, враждебно настроенных к республиканским властям. О том, что на границе и внутри страны царит полная неразбериха, вызванная политической подозрительностью, Эрик Блэр слышал, но не слишком верил. Он решился попросить рекомендательное письмо у генерального секретаря компартии Великобритании Гарри Поллита. Тот принял писателя, побеседовал с ним, но в рекомендации отказал, посчитав его «политически неблагонадежным»³³⁵. (Главный британский коммунист, скорее всего, вспомнил недавнюю книгу Оруэлла и свой отрицательный отзыв о ней.)

Тогда Блэр проконсультировался с членами британской Независимой рабочей партии, которые дали ему совет отправиться в Каталонию и вступить в милицию ПОУМ. В 1936 году организационным секретарем партии и ее представителем за рубежом был избран пятидесятилетний Джон Макнейр. В этом качестве он и отправился в Испанию, формально — для изучения роли католической церкви в гражданской войне. В каталонской столице Барселоне он занимался главным образом приемом тех британских добровольцев, которые не разделяли взглядов официальной Коммунистической партии, и направлением их в основном в отряды милиции, организованной ПОУМ, с которой у представителя НРП установился тесный контакт (его резиденция разместилась на парадной улице Рамблас как раз в здании правления ПОУМ)³³⁶. В начале 1937 года в

частях милиции ПОУМ в Каталонии числилось около четырех тысяч человек³³⁷.

Формально Блэр отправился в Испанию в качестве военного корреспондента. Он получил от НРП рекомендательное письмо для Макнейра и документы, дававшие право на въезд в страну. Позже в публицистическо-мемуарной книге об испанской войне Оруэлл писал, что «приехал в Испанию с неопределенными планами писать газетные корреспонденции, но почти сразу же записался в ополчение, ибо в атмосфере того времени такой шаг казался единственно правильным»³³⁸. В «Заметках об испанской милиции» акценты были расставлены несколько иначе: «Я собирался отправиться в Испанию, чтобы собирать материал для газетных статей и прочего. У меня были также неопределенные мысли об участии в войне, если это будет целесообразно, но я сомневался в этом из-за своего плохого здоровья и сравнительно небольшого военного опыта»³³⁹.

На самом деле никакого «военного опыта» у Блэра не было — разве что во время службы в бирманской полиции он научился прилично стрелять. В предисловии к украинскому изданию «Скотного двора» «боевая» сторона экспедиции уже выдвигалась на первый план: «В 1936 году я женился. Почти в ту же самую неделю в Испании вспыхнула гражданская война. Оба мы — жена и я — решили отправиться в Испанию и воевать на стороне испанского правительства»³⁴⁰.

По дороге в Испанию Блэр на несколько дней остановился в Париже. Он стремился дать собственную оценку тому непостижимому для него факту, что находящееся у власти во Франции правительство Народного фронта проводит в отношении Испанской республики двойственную политику: то открывало, то закрывало границу и вместе с консервативным правительством Великобритании объявило о невмешательстве в испанские дела. Толком понять причины такого поведения за те дни, что Блэр находился в Париже, он, конечно же, не смог, но стал подозревать, что события в Испании носят намного более сложный характер, чем просто война между «демократией» и «фашизмом». Эрик надеялся, что разобраться в проблеме ему поможет писатель Генри Миллер, чье творчество он высоко ценил. В 1929—1940 годах Миллер жил в Париже, в 1934-м опубликовал там свой знаменитый роман «Тропик Рака» — новаторское и скандальное для своего времени интеллектуально-эротическое произведение о людях и их взаимоотно-

ношениях после мировой войны. Оруэлл написал на него восторженный отзыв, а затем прорецензировал еще один роман Миллера — «Черная весна», который, как и «Тропик Рака», был запрещен тогда в Великобритании «за безнравственность»³⁴¹.

Однако встреча, на которую так надеялся Эрик, разочаровала его. Узнав, куда направляется собеседник, американец назвал его план «сущей глупостью», бессмысленным вторжением в драку посторонних людей. Беседа с Миллером глубоко запала в душу его коллеги — еще и потому, что Миллер, конечно же, оказался прав. Но правоту Миллера Оруэлл если и сумел осознать, то значительно позже. Пока же Миллер стал героем его разоблачительного очерка «Во чреве кита» (1940), где автор проводил сравнение некоторых современных ему деятелей с библейским пророком Ионей, проглоченным китом. Оруэлл бичевал тех, что, подобно Миллеру, в ожидании лучших времен отсиживался в спокойном убежище, в то время как сама свобода мысли была поставлена под угрозу: «Здесь вы пребываете, в темном удобном месте, которое в точности подходит вам, с плотной жировой прокладкой между вами и реальностью, способные сохранять позицию полного безразличия независимо от того, что именно происходит»³⁴².

Впрочем, внешне Оруэлл расстался с Миллером не просто вежливо, а по-приятельски. Американец даже подарил ему теплую куртку, которая очень пригодилась в испанских горах зимой.

Из Парижа, получив визу, писатель отправился к испанской границе поездом, большинство пассажиров которого составляли добровольцы, стремившиеся внести вклад в борьбу против мятежников и их германо-итальянских покровителей. Испанские пограничники, к удивлению Эрика, едва взглянули на его документы. Странное впечатление произвели и вооруженные отряды республиканцев в глубине территории страны. Это были, как правило, неорганизованные группы людей преимущественно с очень слабой военной подготовкой. Позже, вспоминая свою встречу с Испанией, Оруэлл писал: «Лишь взглянув на испанскую армию, я понял, что сравнительно хорошо подготовлен как солдат, и решил вступить в милицию»³⁴³.

Оруэлл симпатизировал анархо-синдикалистам, считая, что они выражают стремление рабочих к самоуправлению. Он писал позже в книге «Памяти Каталонии» о своих первых впечатлениях после приезда в Барселону:

«Я впервые находился в городе, власть в котором перешла в руки рабочих. Почти все крупные здания были реквизированы рабочими и украшены красными знаменами либо красно-черными флагами анархистов, на всех стенах были намалеваны серп и молот и названия революционных партий; все церкви были разорены, а изображения святых брошены в огонь. То и дело встречались рабочие бригады, занимавшиеся систематическим сносом церквей. На всех магазинах и кафе были вывешены надписи, извещавшие, что предприятие обобществлено; даже чистильщики сапог покрасили свои ящики, ставшие общественной собственностью, в красно-черный цвет. Официанты и продавцы глядели клиентам прямо в лицо и обращались с ними как с равными, подобострастные и даже почтительные формы обращения временно исчезли из обихода. Никто не говорил больше “сеньор” или “дон”, не говорили даже “вы”, — все обращались друг к другу “товарищ” либо “ты”».

Блэр получил выговор от администратора гостиницы, в которой остановился, за попытку дать чаевые лифтеру. Оказывается, чаевые были запрещены законом. Бросались в глаза революционные плакаты, из громкоговорителей гремели революционные песни. «Но удивительнее всего был облик самой толпы. Глядя на одежду, можно было подумать, что в городе не осталось состоятельных людей. К “прилично” одетым можно было причислить лишь немногих женщин и иностранцев, — почти все без исключения ходили в рабочем платье, в синих комбинезонах или в одном из вариантов формы народного ополчения. Это было непривычно и волновало. Многое из того, что я видел, было мне непонятно и кое в чем даже не нравилось, но я сразу же понял, что за это стоит бороться. Я верил также в соответствие между внешним видом и внутренней сутью вещей, верил, что нахожусь в рабочем государстве, из которого бежали все буржуа, а оставшиеся были уничтожены или перешли на сторону рабочих. Я не подозревал тогда, что многие буржуа просто притаились и до поры до времени прикидывались пролетариями».

Милиция ПОУМ

Двадцать шестого декабря 1936 года Эрик отправился в штаб-квартиру милиции ПОУМ (там же, как мы помним, находилось и представительство НРП, которая дала ему

рекомендательное письмо) и, естественно, был встречен с распростертыми объятиями. Для ПОУМ это была редкая удача — довольно известный английский писатель изъявил желание стать рядовым бойцом в рядах ее милиции. В момент, когда прибыл Блэр, из Великобритании поступил ценный груз — самолет с медицинским оборудованием для милиции. Джон Макнейр, отвечавший за прием добровольцев из Англии в милицию ПОУМ, уехал встречать самолет. В офисе находился его помощник журналист Чарлз Орт, редактор двухнедельного бюллетеня на английском языке «Испанская революция». Блэр несколько часов беседовал с ним в ожидании Макнейра.

Орт впоследствии считал, что именно он перетянул писателя на сторону ПОУМ: «К счастью, я думаю, мы смогли овладеть им, прежде чем он оказался в руках коммунистов»³⁴⁴. Макнейр же, услышав о желании прибывшего вступить в милицию, спросил только, не сталист ли он, а получив отрицательный ответ, предложил Блэру поработать в его штаб-квартире, затем побывать на разных фронтах и после этого написать книгу об испанских событиях. Блэр отказался, сказав, что журналистика — «дело вторичное и основная причина, по которой он приехал, состоит в том, чтобы воевать против фашизма». Тогда Макнейр отвел его к командиру милиции Хосе Ровире, который сообщил новичку, что воевать тот будет на Арагонском фронте³⁴⁵.

После записи в милицию Эрик был отправлен в Ленинские казармы, находившиеся на окраине Барселоны в бывшей конюшне. Вначале ему пообещали, что он отправится на боевые позиции уже на следующий день. Но проходили дни, а на фронт его не отправляли. Военной подготовки с новобранцами пока что не проводили, лишь заставляли их ходить строем и чистить оружие. А еще с новобранцами проводились «политические занятия», на которых разъясняли догмы классовой борьбы в полуанархистской трактовке ПОУМ и знакомили со структурой милиции, причем подчеркивая ее преимущества по сравнению с регулярной армией.

Блэр, хотя никогда не был в полном смысле слова военным, отлично понимал, что милиция представляет собой простое ополчение, участники которого поверили, что на голом энтузиазме ногами растопчут хорошо вооруженные, обученные и дисциплинированные регулярные формирования генерала Франко. Позже в очерках «Памяти Каталонии» писатель вспоминал: «Рабочее ополчение,

спешно сформированное профсоюзами в начале войны, по своей структуре еще сильно отличалось от армии. Главными подразделениями в ополчении были “секция” (примерно тридцать человек), “центурия” (около ста человек) и “колонна”, которая практически могла насчитывать любое количество бойцов. Моя центурия спала в одной из конюшен под каменными кормушками, на которых еще виднелись имена лошадей. Все лошади были реквизированы и отправлены на фронт, но помещение еще воняло конской мочой и прелым овсом».

О своих товарищах по оружию Эрик сохранил теплые воспоминания, хотя и отлично понимал, насколько небоеспособна милиция. Со смесью ужаса и снобистской насмешки он писал о «страшных сценах хаоса», происходивших на «военных занятиях», когда инструктор «сражался» с малограмотными рабочими-добровольцами, жаждавшими устроить великую революцию, но не умевшими почистить ствол винтовки тряпкой. «Прошло несколько дней, и новобранцы научились ходить в строю и неплохо вытягиваться по команде “смирно”. Кроме того, они знали, из какого конца винтовки вылетает пуля, но на том и кончались все их военные познания».

Неудивительно, что Блэр, всё же имевший некоторый полувоенный опыт, уже на следующее утро стал своего рода инструктором. Когда через пару дней Макнейр и Ровира прибыли в Ленинские казармы для инспекции, они с немалым удивлением увидели, что новобранец, одетый в брюки цвета хаки и вполне гражданский свитер, бодро занимается строевыми занятиями с группой испанцев, которые послушно исполняют его команды. «Если бы у нас была сотня таких людей, как он, мы выиграла бы войну»³⁴⁶, — заметил Ровира.

Блэр никак не мог привыкнуть к грязи, несмотря на то, что в предыдущие годы выполнял самую черную работу, обитал в ночлежках и просто бродяжничал. «В казарме царили грязь и беспорядок. Впрочем, таков был удел каждого здания, которое занимали ополченцы. Казалось, что грязь и хаос — побочные продукты революции. Во всех углах валялась разбитая мебель, поломанные седла, медные кавалерийские каски, пустые ножны и гниющие отбросы», — писал он в книге «Памяти Каталонии». Еще более возмутительной казалась ему безответственность бойцов, явно свидетельствующая о низком уровне их «классового сознания»: «Ополченцы без нужды переводили огромное

количество еды, в особенности хлеба. Например, из моего барака ежедневно после еды выбрасывалась полная корзина хлеба — вещь позорная, если вспомнить, что гражданское население в этом хлебе нуждалось».

Блэр видел, что в милицию нередко шли бесполезные люди, рассматривавшие ее как своего рода кормушку и часто готовые покинуть ее при первой опасности. Родители записывали пятнадцатилетних мальчиков, не скрывая, что делают это ради десяти песет в день, которые получали добровольцы, а также ради хлеба, который подростки могли передавать родителям. Сами же подростки, однако, довольно быстро забывали о крайней нужде, в которой жили родители, и выдаваемое им драгоценное продовольствие гнило или высыхало в отбросах.

После бессмысленного обучения боевому искусству (чему можно было научиться за неделю?) укомплектованная центурия отправилась на боевые позиции. На огромном центральном железнодорожном вокзале Барселоны всё происходило примерно так, как в эпизодах Гражданской войны в России в советских фильмах: красные знамена, плакаты с лозунгами, заверявшими в скорой победе, громогласные речи политических комиссаров... Эрик Блэр, не терпевший мишуры, начинал видеть изнанку революционного фасада.

На фронте в районе горной гряды Алькубьерре и одноименного села недалеко от города Сарагосы в провинции Арагон (примерно в 200 километрах на запад от Барселоны), куда была направлена центурия, в это время активные боевые действия не происходили. Противники почти всё время сидели в окопах, лишь изредка перестреливаясь. Иногда начинались артиллерийские обстрелы то с одной, то с другой стороны, но это были главным образом всего случайные инциденты, не связанные с оперативными планами. Столь скучное времяпрепровождение на войне не нравилось Блэру. Он просил командира почаще давать ему боевые задания и проявил храбрость во время разведывательных вылазок. Однажды он даже побывал в окопах франкистов.

Блэр был самым известным иностранцем, воевавшим в рядах милиции ПОУМ, а потому поумовцы использовали его имя в пропагандистских целях³⁴⁷. В бюллетене ПОУМ «Испанская революция», издававшемся на английском языке и распространявшемся в Великобритании, США и других странах, а также среди англоязычных добро-

вольцев в самой Испании. рьяный сторонник радикального коммунизма Чарлз Орт опубликовал статью «Британский писатель в рядах милиции». Об Оруэлле говорилось как о «хорошо известном британском авторе, работа которого высоко ценится во всех говорящих на английском языке левых интеллектуальных кругах». Автор отмечал, что наиболее целесообразным было бы привлечение знаменитого соотечественника к пропагандистской работе, но тот заявил, что принесет наибольшую пользу в качестве рядового бойца на фронте³⁴⁸.

Однако хаос царил не только в тылу, но и на фронте. Блэр убедился, что милиция не имела самых элементарных предметов, необходимых в армии: биноклей, карт, фонарей, ножниц для разрезания колючей проволоки и т. п. Надо, правда, отметить, что, по мнению некоторых других добровольцев, положение было не столь ужасным, и постепенно ПОУМ удалось наладить более или менее удовлетворительное снабжение своих частей³⁴⁹. Но командовали частями люди, вообще не имевшие боевого опыта. Во главе того участка фронта, где находился Блэр, был поставлен инженер Георгий Копп, командир 3-го полка Ленинской дивизии, выходец из Петербурга, с детских лет живший с родителями в Бельгии. Блэр сблизился с Коппом, помогал ему овладеть искусством командования подразделением³⁵⁰.

Впоследствии Копп служил в главном штабе Интернациональных бригад, был арестован республиканскими властями как член ПОУМ. Блэр безуспешно пытался добиться его освобождения. После полутора лет заключения Копп был освобожден и эмигрировал в Великобританию, где вновь встретился с Эриком Блэром, подружился с его шурином, хирургом О'Шонесси и женился на его свояченице. В оккупированной нацистами Франции Копп нелегально работал на англичан, бежал от ареста, а после Второй мировой войны служил во французском Иностранном легионе³⁵¹. Копп был храбрым солдатом, и его образ вдохновлял Оруэлла при описании гражданской войны в Испании.

Другой иностранец, который произвел впечатление на Блэра и с которым тот на время сблизился, — совсем молодой, двадцатилетний командир подразделения, занимавшего позицию на склоне холма, польский еврей Бениамин Левинский, обладавший поразительной способностью к языкам, что было особенно важно, когда плечом к плечу воевали испанцы, каталонцы, французы, итальянцы, немцы, англичане. Ни одним из иностранных языков Бен

не владел в совершенстве, а на некоторых говорил просто ужасно, однако его все понимали.

Сам Эрик тоже не был лишен лингвистических способностей. Уже через пару месяцев после появления на Пиренеях он был в состоянии вести разговор по-каталонски, правда, сильно запинаясь и иногда страшно коверкая слова. Что же касается иностранных бойцов, то Блэр в наибольшей степени ценил эмигрантов из Германии — активных противников гитлеризма. Он писал позже: «...в рядах ополчения ПОУМ служило несколько сот немцев, бежавших из гитлеровской Германии. Их свели в специальный батальон, названный ударным. С военной точки зрения они резко отличались от других отрядов ополчения, больше походя на солдат, чем какая-либо другая часть в Испании, если не считать жандармерии и некоторых соединений Интернациональной бригады».

Понятия «дисциплина» в испанских добровольческих частях (за исключением тех, что были подчинены коммунистам) не существовало. Получив приказ, бойцы принимались обсуждать его и выяснять, не исходит ли он от тайных врагов революции, либералов или советских агентов. Республиканцы были одеты кто во что горазд, франкисты же носили испанскую военную форму, но во всём остальном, с удивлением отметил Блэр, увидев первых дезертиров и пленных, «они были неотличимы от нас самих... они ничем не отличались от наших, если не считать комбинезонов цвета хаки».

Беспорядок, неустроенность, грязь, которые поразили Эрика в Барселоне, на фронте были намного сильнее. Оружия почти не было. Ему досталась — и это была большая удача — старая немецкая винтовка фирмы «Маузер» с расколотым прикладом и проржавевшим стволом. Похоже, что из этого «оружия» он так и не произвел ни единого выстрела. Получил ли он позже новую винтовку, неизвестно. Позиция центурии представляла собой баррикаду из мешков с песком, над которой развевался красный флаг; подойдя ближе, можно было почувствовать тошнотворную вонь. Все отбросы сваливались прямо у позиции — гнилые хлебные корки, ржавые банки и даже экскременты.

Всё более очевидной для Блэра становилась небоеспособность если не всей испанской республиканской армии, то по крайней мере тех ее частей, которые формировались из добровольцев поумовцами и анархистами (о качествах других соединений он судить не мог). С безусловным преу-

величием, но весьма образно он вспоминал: «Бывали ночи, когда мне казалось, что двадцать бойскаутов с духовыми ружьями или двадцать девчонок со скакалками легко могут захватить нашу позицию». Тем не менее Эрик продолжал успокаивать себя, что при всех недостатках, некомпетентности и явной нехватке порядка милиция, в рядах которой он состоял, представляла собой общность людей, способную послужить неким примером для будущего. Позже он писал: «В лице ополчения стремились создать нечто вроде временно действующей модели бесклассового общества. Конечно, идеального равенства не было, но ничего подобного я раньше не видел и не предполагал, что такое приближение к равенству вообще мыслимо в условиях войны».

Можно было восхищаться анархическим отсутствием порядка и дисциплины, которые прикрывались «сознательным исполнением долга»; можно было пренебрегать казавшимися второстепенными злоупотреблениями (ленью, грязью, почти откровенным обманом и т. п.); но приходилось признавать, что такая армия фактически не была в состоянии воевать и что перенесение подобных порядков в гражданскую жизнь в случае, если бы анархисты вместе с поумовцами пришли к власти и попытались построить «свое» общество, завершилось бы катастрофой. Эрик не только не пытался строить прогнозы относительно того, к чему могла привести победа испанских революционеров, но даже не задумывался о возможности такой перспективы. Восхищавшие Блэра равенство, братство, самоотверженность тех, кого он наблюдал на фронте и в Барселоне, были лишь поверхностным, временным явлением, скрывавшим глубокие социальные расхождения, взаимную неприязнь, лицемерно скрытое раздражение отстраненных от власти, искусственное подавление хозяйственных отношений, основанных на частной собственности. Обладая значительным политическим и житейским опытом, он не мог не понимать, что такая ситуация неизбежно завершится взрывом. А этот взрыв должен был стать тем более разрушительным, что противостояли друг другу не только социально враждебные, но и социально близкие силы, отягощенные собственными догмами, политическими симпатиями и антипатиями к СССР, ненавидевшие друг друга сильнее, чем мятежников Франко. А на эту взрывоопасную смесь накладывались действия советской агентуры, стремившейся уничтожить ПОУМ.

Несмотря на опыт скитаний, Эрик Блэр, как оказалось,

не был приспособлен к тяжелой окопной жизни. В дневнике, который он вел в эти месяцы, всё чаще упоминалась нехватка дров, особенно в первые, зимние недели пребывания на фронте. В качестве топлива можно было использовать только тростник, заросли которого находились как раз между позициями республиканцев и франкистов, так что собирать его приходилось под огнем, обычно ленивым, но иногда ураганным.

Боевые порядки находились на высоте до тысячи метров, и, несмотря на то что температура редко опускалась ниже нуля, бойцы мерзли под пронизывающим ветром и проливным дождем. «Достаточно было пятнадцатиминутного дождя, чтобы превратить нашу жизнь в муку. Тонкий слой земли, покрывавший известняк, превращался в слизистую жижу, по которой неудержимо скользили ноги, тем более что ходить приходилось по склонам холма. Темной ночью я, случалось, падал пять-шесть раз на протяжении двадцати метров, а это было опасно, ибо затвор заедало из-за набившейся в него грязи. На протяжении многих дней грязь покрывала одежду, башмаки, одеяла, винтовки. Я захватил с собой столько теплой одежды, сколько мог унести, но многие из бойцов были одеты из рук вон плохо».

В одной из дневниковых записей Эрика перечислена его одежда: толстая нательная рубашка и кальсоны, фланелевая верхняя рубашка, два свитера, шерстяной пиджак, кожаная куртка, вельветовые бриджи (единственная обязательная часть «военной» формы, принятая в милиции), обмотки, толстые носки, ботинки, тяжелый дождевик, шарф, кожаные перчатки с подбивкой и шерстяная шапка. Просто чудо, что наш герой, в мирных условиях неоднократно переносивший легочные заболевания, в боевых условиях ни разу не простудился. Позже Оруэлл писал, что согревал себя на фронте, читая любимые стихи³⁵². Конечно, поэзия согревала душу, но не тело. Скорее всего, проявлялся известный многим фронтовикам нервный синдром, когда в условиях крайних трудностей воля напрягается настолько, что человек забывает о болезнях.

Эйлин, увидевшая мужа после двух с половиной месяцев его пребывания на передовой, нашла его усталым, но во вполне приличном физическом состоянии. Она письмом сообщила своей матери, что сравнительно недалеко от линии фронта находился полевой госпиталь, где врач, связанный с ПОУМ, недавно осмотрел Эрика и признал его вполне годным к строевой службе, хотя и крайне пере-

утомленным. Впрочем, Эйлин была потрясена невероятной грязью в этом госпитале и тем, что «доктор явно никогда не мыл руки»³⁵³. Тем не менее в конце марта Эрик Блэр оказался в этом грязном госпитале, в невымытых руках того самого врача, поскольку случайно сильно порезал руку, рана нагноилась и возникла опасность заражения крови.

В госпитале у Блэра украли все сколько-нибудь ценные вещи, включая, что было особенно досадно, фотоаппарат. Сохранилась его переписка с Эйлин. Эрик послал жене те несколько фотографий, которыми пренебрегли воры, а она вознаградила мужа продуктовой посылкой и коробкой сигар (в госпитале он предпочитал их самокруткам). «Ты действительно замечательная жена, — написал он. — Когда я увидел сигары, мое сердце размягчилось. Они решат все табачные проблемы на долгое время... Не беспокойся обо мне, мне гораздо лучше, и я собираюсь возвратиться на фронт завтра или послезавтра. К счастью, заражение руки не распространяется дальше и уже почти зажило, хотя, конечно, рана еще открыта. Я могу пользоваться рукой почти без проблем, собираюсь сегодня побриться впервые за пять дней»³⁵⁴.

Тем не менее еще несколько дней Блэру пришлось провести в госпитале. В книге «Памяти Каталонии» он писал: «В конце марта у меня выскочил нарыв на руке, нарыв пришлось вскрыть, а руку подвесить на перевязь. Не было, однако, смысла из-за такого пустяка везти меня в госпиталь в Сиетамо, и я остался в так называемом госпитале в Монфлорите, который был, по существу, перевязочным пунктом. Я провел там десять дней, часть времени пролежав в постели. Практиканты (так называли фельдшеров. — Ю. Ф., Г. Ч.) украли у меня практически все ценные вещи, в том числе фотоаппарат... На фронте все воруют, это неизбежный результат плохого снабжения, но особенно отличаются госпитальные работники. Позднее, в барселонском госпитале, я встретил американца, прибывшего в Интернациональную бригаду на судне, торпедированном итальянской подводной лодкой. Американец рассказывал, что когда его, раненого, несли на берег, то санитары, вталкивая носилки в машину, успели снять с него наручные часы».

Если от холода страдали все бойцы и командиры, то подлинной мукой для англичанина и горстки других иностранцев на первых порах были невозможность умыться, вынужденное пренебрежение элементарной гигиеной. Писатель откровенно рассказывал в книге «Памяти Катало-

нии»: «Позиция немилосердно воняла, за нашей небольшой баррикадой всюду валялись кучи кала. Некоторые из ополченцев испражнялись в окопе, вещь омерзительная, особенно когда ходишь в темноте. Но грязь меня никогда не беспокоила. О грязи слишком много говорят. С удивительной быстротой привыкаешь обходиться без носового платка и есть из той же миски, из которой умываешься. Через день-два перестает мешать то, что спишь в одежде. Ночью нельзя было, конечно, ни раздеться, ни снять башмаков; следовало постоянно быть готовым к отражению атаки. За восемьдесят дней я снимал одежду три раза, правда, несколько раз мне удавалось раздеваться днем. Вшей у нас не было из-за холода, но крысы и мыши расплодились в большом количестве. Часто говорят, что крысы и мыши вместе не живут. Оказывается, они вполне уживаются — когда есть достаточно пищи».

Барселона, май 1937-го

Эйлин приехала в Барселону в середине февраля 1937 года (15 февраля в газете «Нью лидер» появилось сообщение об отъезде «миссис Блэр, жены Эрика Блэра» в Испанию³⁵⁵). Первоначально она собиралась служить в каком-нибудь санитарном подразделении, но получила от НРП предложение работать в качестве секретаря Макнейра в Барселоне (безусловно, партийные функционеры учитывали, что ее муж служит в милиции ПОУМ, связанной с НРП). К самому Макнейру Эйлин относилась со свойственной ей иронией³⁵⁶, но к работе подошла со всей ответственностью. Чарлз Орт с полным основанием считал Эйлин великолепным секретарем³⁵⁷, что неудивительно — она окончила в Лондоне соответствующие курсы, владела французским языком, быстро печатала на машинке и умела стенографировать.

Эрику дали короткий отпуск, чтобы он мог повидаться с женой. Это был, наверное, единственный крохотный этап их совместной жизни, когда супруги не выясняли отношений. Несмотря на кажущееся затишье, над их головами нависла смертельная опасность, а Эрик и Эйлин, при обычном стремлении каждого из них настоять на своем, относились друг к другу с подлинной теплотой.

Барселона, в которой Блэр не был примерно два месяца, произвела на него тягостное впечатление. Город, в кото-

ром только недавно произошла «социальная революция», опять стал «буржуазным»: «Я, помнится, вошел с женой в галантерейный магазин на Рамблас, чтобы купить пару носков. Продавцы гнулись в три погибели перед покупателями, они кланялись и потирали руки, как этого не делают теперь даже в Англии, где это было так принято двадцать или тридцать лет назад. Незаметно, украдкой вернулся старый обычай давать на чай. Рабочие патрули были распущены, а на улицах снова появилась довоенная полиция. За этим сразу же последовало открытие кабаре и шикарных публичных домов, многие из которых были в свое время закрыты рабочими патрулями».

Блэр не мог понять, что город просто возвращался к нормальной жизни вопреки потугам анархистов и ПОУМ. У революционных организаций не хватило сил сохранить диктатуру, установленную в первые месяцы гражданской войны. Режим страха и покорности революционерам, навязанный среднему классу Каталонии, имущественной и интеллектуальной элите, отступал перед свойственным человеку естественным стремлением жить.

Революционеры, однако, не складывали оружия. Андрес Нин продолжал быть министром юстиции в правительстве Каталонии, разрушая его изнутри и саботируя наведение хоть какого-то порядка в регионе. Назревало вооруженное столкновение между революционерами и республиканцами. К этому времени Блэр отчетливо понимал, что схватка произойдет между Социалистической рабочей и Коммунистической партиями, с одной стороны, и ПОУМ и анархистами — с другой, а победителем окажется Франко. Идеологически и эмоционально Эрику были намного ближе поумовцы и анархисты с их близостью к народным низам, стремлением сочетать войну против Франко с тем, что они называли революцией и социалистическими преобразованиями, с решительным осуждением сталинской диктатуры в СССР. При этом сам он искренне пытался оставаться независимым. Он считал, что быть аполитичным аморально, но, занимая определенную политическую позицию, нельзя связывать себя с конкретной группой или партией, ибо воля любой партии сужает кругозор, лишает творца возможности трезво судить о происходящем. Таковы были те нравственные, политические, даже эстетические уроки, которые постепенно усваивал писатель Оруэлл, наблюдая происходившее в Испании.

После пары дней, проведенных с женой, Эрик возвра-

тился в свою часть. В середине марта Эйлин, в свою очередь, посетила мужа на передовой³⁵⁸. Как раз во время их встречи позиции были обстреляны франкистами. Эйлин писала потом, что «никогда не получала большего удовольствия»³⁵⁹. Судя по всему, потребность в острых ощущениях оставалась для нее главным побудительным мотивом пребывания в Испании.

В конце апреля в Барселоне произошли стычки между поумовцами и коммунистами. В результате переговоров Нина с руководителями испанских коммунистов Хосе Диасом и Долорес Ибаррури было ненадолго заключено перемирие. Через несколько дней, 3 мая, стычки возобновились и вскоре приобрели кровопролитный характер. В связи с этим небольшой отряд милиции, в котором числился Блэр, был отозван в Барселону, и Эрик вновь увиделся с женой. Эйлин писала брату о противоречивом, но в целом вполне удовлетворительном впечатлении от этой встречи: «Он приехал совершенно оборванный, почти босоногий, немного завшивший, темно-коричневый и выглядящий очень хорошо»³⁶⁰.

Отряд Блэра получил задание охранять здание, в котором располагалось руководство ПОУМ и где все эти дни находилась Эйлин. В течение четырех суток Эрик с несколькими своими товарищами, также англичанами, отсиживался на крыше соседнего кинотеатра «Полиорама», наблюдая за столкновениями анархистов и поумовцев с отрядами республиканского правительства и коммунистическими группами, однако в бой не вступая, предоставив самим испанцам возможность разобраться в клубке противоречий.

По сведениям Блэра, события в Барселоне развивались следующим образом³⁶¹. 25 апреля власти закрыли барселонскую анархистскую газету, обвинившую коммунистов в создании тайной тюрьмы для своих противников. В тот же день было найдено тело коммунистического деятеля Роллана Кортада, в убийстве которого, естественно, были обвинены анархисты. Похороны Кортада 26 апреля завершились первой вооруженной стычкой коммунистов с анархистами и поумовцами, и республиканские власти начали аресты членов обеих организаций. 2 мая операторы центральной телефонной станции Барселоны отказались соединить президента республики Мануэля Асанья с главой каталонского правительства Луисом Компанисом, заявив, что все линии перегружены. Теперь уже против анархистов и ПОУМ было настроено и руководство страны³⁶².

На следующий день отряд полиции под командованием члена Объединенной социалистической партии Каталонии* коммуниста Родригеса Саласа захватил взбунтовавшуюся телефонную станцию, находившуюся под «рабочим самоуправлением», а фактически под контролем профобъединений — анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда и примыкавшего к Социалистической рабочей партии Всеобщего союза трудящихся. Оба профсоюза, несмотря на принадлежность к конкурирующим революционным партиям, на основании пакта о единстве действий до инцидента 2 мая работали бесконфликтно. Теперь, когда на профсоюзное управление предприятием было «совершено покушение», в Барселоне началась всеобщая стачка, за которой последовали бои между милицией ПОУМ и анархистскими отрядами, с одной стороны, и республиканской полицией, вооруженными коммунистами и каталонскими националистами — с другой. Стали возникать квартальные комитеты обороны, которые овладели большей частью города.

Пятого мая из Валенсии, где размещалось центральное правительство страны, прибыли официальные представители для переговоров, сопровождаемые хорошо вооруженной воинской частью. 6 мая ПОУМ и оба профцентра призвали к прекращению огня. Оруэлл свидетельствовал, что этот призыв был выполнен не сразу. Бойцы покидали баррикады, «бешено проклиная предательство». По официальным данным, в ходе трехдневных боев в Барселоне погибли не менее пятисот человек, свыше тысячи были ранены. Но это еще не был конец кровопролития. После завершения боев центральное правительство направило в Барселону пять тысяч солдат «для наведения порядка». Начались обыски в частных домах и на улицах, конфисковывалось оружие, и те, у кого оно обнаруживалось, подвергались аресту, а в некоторых случаях даже расстреливались на месте.

В коммунистической пропаганде вооруженное столкновение было представлено как заранее спланированный заговор ПОУМ и анархистов с целью захвата власти по за-

* Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК) была образована в июле 1936 года в результате объединения Коммунистической партии Каталонии, Каталонской федерации Испанской социалистической рабочей партии и нескольких мелких организаций. В Коминтерне интересы ОСПК представляла Коммунистическая партия Испании.

данию франкистов и их германских покровителей. Республиканские власти решили пожертвовать ПОУМ, чтобы сохранить хорошие отношения с СССР и продолжать получение советской военной помощи. Одновременно республиканское правительство Испании стремилось остановить социальную революцию.

В архиве Коммунистического интернационала отложилось дело с весьма характерным заголовком «Доклад о деятельности английской секции ПОУМ и ее членов. Сообщения о лицах, являвшихся шпионами в Испании по заданиям английской и американской разведки или заподозренных в этом»³⁶³. Блэра в списках не было. В Испании он не проявлял общественно-политической активности, оставаясь только фронтовиком. О майских событиях он написал без политических оценок: «В городе кошмарная атмосфера. Мы живем, как в сумасшедшем доме».

Куда более впечатляющую картину нарисовал 19 мая одному из руководителей Коммунистической лиги США Мартину Аберну фронтовой товарищ Блэра американец Гарри Милтон: «ПОУМ разгромлена. Ее газеты и типография, все учреждения и здания захвачены. Все находившиеся там арестованы. Большинство руководителей, включая Нина, находятся в тюрьме. Каждый иностранец, не являющийся сталинистом, на подозрении, и очень многие арестованы. Произведены сотни арестов. Улицы переполнены вооруженными боевиками, и возобладал просто гитлеровский террор. Никакой связи с заключенными нет, готовится гигантский показательный процесс. Обвинение: преступный политический заговор с германскими и итальянскими фашистами. Я скрываюсь, как крыса, за которой гонятся. В моей гостинице появились детективы. К счастью, клерк, говорящий по-английски, предупредил меня»³⁶⁴.

Двадцать восьмого мая правительство формально закрыло газету ПОУМ «Баталья», а 16 июня объявило эту организацию вне закона по обвинению в «троцкистско-фашистском заговоре» и отдало приказ об аресте Нина и других активистов. Аресты и убийства в случае сопротивления становились обыденным явлением. Расстреливали в тюрьмах. В Каталонии была введена цензура, созданы концентрационные лагеря с жестким режимом.

Операцией по истреблению поумовцев руководил советский резидент А. Орлов. Его «мобильной группой» 16 июня был похищен из тюрьмы и убит Нин. В операции участвовал советский боевик И. Григулевич, известный в

Испании как Макс и Фелипе (впоследствии он будет организатором первого покушения на Троцкого в Мексике в мае 1940 года и несостоявшегося покушения на югославского лидера И. Броз Тито). В личном деле Григулевича в архиве ФСБ РФ содержится высокая оценка его «руководящей роли в ликвидации троцкистов во время гражданской войны в Испании». Похищение Нина было представлено как его «освобождение» самими поумовцами; советские агенты и испанские коммунисты обвинили в этом испанские республиканские власти. Предположения последних, что акция была совершена советскими агентами, были с гневом отвергнуты коммунистическими членами кабинета министров как выпады против «единственного друга» Испанской республики. По указанию из Москвы испанскую контрразведку — Службу военных расследований — вывели из подчинения военному министру, поставив во главе ее доверенных членов Компартии Испании, действовавших под контролем представителя НКВД.

Советская агентура занималась не только террором, но и дезинформацией с целью настроить против ПОУМ и власти, и население; в частности, распространялись слухи о «проникновении германских агентов в троцкистские круги Барселоны», подготовке поумовцами покушений на деятелей Компартии Испании, связях между ПОУМ и мятежниками и т. п.

Эрик Блэр наивно полагал, что между двумя революционными силами, решающими общие задачи, произошло случайное недоразумение, приведшее к большому кровопролитию.

Восприняв перемирие после майских боев как естественное завершение бессмысленной свары соратников, Блэр в соответствии с приказом руководства милиции ПОУМ вновь отправился на боевые позиции Арагонского фронта и 10 мая прибыл в окрестности города Уэски. Эйлин возобновила работу в офисе представительства НРП в Барселоне. Перед отъездом из Барселоны Блэр познакомился с 24-летним немецким левым социал-демократом Вилли Брандтом, членом Социалистической рабочей партии, родственной британской НРП и испанской ПОУМ. Эмигрант в Норвегии Брандт отправился в Испанию в качестве корреспондента норвежских газет. Их сблизили схожие политические симпатии и понимание, что Компартия Испании служит не столько делу республики, сколько государственным интересам СССР³⁶⁵. Можно полагать, что

оценки более опытного в испанских делах Блэра в тот момент оказались очень полезны Брандту — будущему руководителю германской Социал-демократической партии и канцлеру ФРГ.

Возвращение на фронт и ранение

Между тем пятнадцатитысячная группировка республиканской армии под командованием генерала Себастьяна Посаса готовилась к штурму Уэски. Боевой энтузиазм преобладавших в войсках поумовцев и анархистов вынуждены были признавать даже советские и коминтерновские представители, относившиеся к ним крайне враждебно. «Солдаты хотят сражаться», — отмечал один из них в рапорте за подписью «Сид», и он же отмечал, что в то время как поумовцы и анархисты находятся на фронте, коммунистическая дивизия им. К. Маркса пребывает в тылу «в силу обстоятельств» — для поддержания порядка и подавления инакомыслия в Каталонии³⁶⁶.

Силы республиканцев преобладали, но потерпели под Уэской поражение и отступили, потеряв около 40 процентов бойцов. Испанские военные власти, подстрекаемые советскими представителями, в том числе генеральным консулом СССР в Барселоне В. А. Антоновым-Овсеенко, не оказали им должной поддержки.

Эрик Блэр не был непосредственным свидетелем этого поражения — еще до поездки в Барселону он сменил подразделение, поскольку был повышен в звании (стал из капрала младшим лейтенантом) и в должности: назначен сначала политическим делегатом (то есть комиссаром), затем помощником командира и, наконец, командиром отряда из тридцати британских и американских добровольцев. Его отряд считался частью Интернациональной милиции (в отличие от Интернациональных бригад не находившейся под контролем коммунистов), провозгласившей себя «чисто антифашистским», политически нейтральным подразделением, пытаясь таким образом избежать участия в межпартийных столкновениях испанских революционеров. Здесь были интеллектуалы, сражавшиеся во имя идеалов (к ним относился Блэр); фундаменталисты, для которых главным было разгромить мятежников, и «пролы» — пролетарии, послушно выполнявшие (или не выполнявшие) приказы³⁶⁷.

«Пролы» — звучало как снисходительно-презрительное прозвище не очень грамотной и в политическом отношении, и в смысле общего образования части бойцов. Может быть, его придумал сам Оруэлл (этот термин встречался в его публицистике) — или кто-то другой; но во всяком случае писатель хорошо его запомнил и через десяток лет использовал в своем самом известном романе для обозначения основной массы населения, легко поддающейся внушению.

До Блэра отрядом командовал Роберт Эдвардс, член Национального совета НРП, руководитель партийной ячейки в графстве Ланкашир, которого обычно называли просто Боб. С Эриком, его заместителем, у него установились дружеские отношения, тем более что Боб не был чужд журналистской деятельности — регулярно выступал в партийной газете «Нью лидер». Назначение Эдвардса командиром было несколько анекдотично. Прежде чем разочароваться в «отечестве трудящихся», в советской системе, он посетил Москву и там был провозглашен почетным командиром полка Красной армии. В Испании это звание сочли подлинным и назначили Боба командиром в чине полковника. Впрочем, будучи абсолютно штатским человеком, Эдвардс старался вести себя «по-военному» и проявил на фронте немалое мужество.

Блэр тоже был бесстрашным. Эдвардс вспоминает: «Примерно в 700 ярдах от наших линий и очень близко к пулеметному посту фашистов находилось большое картофельное поле. Война вторглась в сбор урожая, а там оставался чудесный картофель. Оруэлл решил, что человека, если он будет ползти по-пластунски, на таком расстоянии не смогут достать пулеметчики. Взяв мешок (примерно три раза в неделю), он заявлял: “Я иду за картошкой”... Он говорил: “Они не смогут в меня попасть. Я это уже доказал”»³⁶⁸. Действительно, все опасные экспедиции за провизией завершились благополучно.

Еще одним британцем, с которым Блэр сблизился на Арагонском фронте, был Джон Донован по прозвищу Пэдди — Яростный. Он украсил траншею красным флагом с серпом и молотом и не вполне осмысленной надписью «НРП, английская секция, ПОУМ»³⁶⁹. Джон также вспоминал, что Блэр «всегда стремился к действиям, не хотел отлеживаться и пережидать, всегда брал на себя инициативу». Донована удивляло, что его товарищ в любую свободную минуту что-то писал, даже глубокой ночью, при свече,

и непрерывно курил, причем не покупные сигареты, а самокрутки. «Чуть не убил меня своим черным табаком»³⁷⁰, — ворчливо жаловался Donovan, не подозревавший, что курильщик серьезно болен. Блэр на фронте никогда не жаловался на здоровье.

Еще один его соратник, американец Гарри Милтон, фанатичный последователь Троцкого и активный член Коммунистической лиги Америки, пытался убедить Эрика в правоте своего вождя. Как раз в это время создавался IV Интернационал, и Милтон разоблачал сталинизм, подкрепляя свои эмоциональные рассказы многочисленными фактами. Однако Блэр не собирался превращаться в троцкиста, хотя Милтон считал, что почти перетянул его на свою сторону. Через десятки лет он уверенно говорил в беседах с американскими журналистами, что оказал существенное влияние на мировоззрение Эрика Блэра и это влияние было особенно важным для создания антитоталитарного романа Оруэлла³⁷¹. Тем не менее Блэр не примкнул к троцкистам ни тогда, ни позже, когда стал открытым врагом сталинизма.

Хотя Блэр считал себя в первую очередь солдатом республиканской армии, он не расставался с мыслью о необходимости собственными глазами увидеть, как идут военные действия на других фронтах и как сражаются отряды, связанные с другими партиями. Коммунистические и республиканские пропагандистские источники постоянно сообщали о подвигах Интернациональных бригад, которые комплектовались главным образом компартиями и находились под руководством представителей Коминтерна. После пребывания в Барселоне он решил, по крайней мере на время, оставить милицию ПОУМ и записаться в Интернациональную бригаду, чтобы принять участие в военных действиях на Мадридском фронте — главной арене гражданской войны.

Товарищи встретили намерение Блэра в штыки. Боб Эдвардс пытался убедить его, что он совершает серьезную ошибку, и даже назвал его «кровавым бумагомарателем», приехавшим в Испанию, чтобы собрать материал для новой книги. Это было несправедливо, ибо писатель Оруэлл был неотделим от младшего офицера Блэра. Первый стремился как можно более объективно описать войну, второй — как можно лучше воевать. Одно от другого оторвать было невозможно. Он объяснял друзьям, что много слышал не только о героизме и дисциплине в Интернациональных

бригадах, но и о жестоких репрессиях, проводимых в основном советской агентурой. Всё это Блэр стремился проверить лично. Ни он, ни его товарищи, разумеется, не имели понятия о том, что Интернациональные бригады были буквально наводнены агентами НКВД, о чем стало известно лишь через многие годы³⁷².

На протяжении всего времени пребывания в Испании Оруэлл делал дневниковые записи. В письме Л. Муру Эйлин свидетельствовала, что Эрик «ведет довольно хороший дневник, и я очень надеюсь на книгу»³⁷³. Эйлин помогала мужу, печатая его записи; дневниковая тетрадь была конфискована у нее, когда начались преследования ПОУМ. По слухам, дневник был передан советским агентам и хранился в архиве НКВД в Москве. П. Дэвисон, сравнительно недавно опубликовавший дневники Оруэлла отдельным изданием³⁷⁴ (ранее они частично включались в собрания сочинений), считает, что одна или две тетради испанского дневника находятся, по-видимому, в архиве ФСБ, вместе с досье писателя. В начале 2013 года мы запросили Центральный архив ФСБ России. Ответ, датированный 1 марта, гласит: «Личных дневников Джорджа Оруэлла на хранении не имеется».

В конце концов, отчасти в результате уговоров однополчан, отчасти в результате собственных размышлений Блэр отказался от перехода в Интернациональную бригаду, поняв, что это может поставить под сомнение его репутацию человека независимого. Отряды ПОУМ, хотя они также были связаны с определенной партийно-политической позицией, в его представлении были более самостоятельными — по крайней мере не находились в зависимости от такой мощной внешней силы, как СССР. Можно полагать, что одной из причин, по которым отношение Блэра к испанским коммунистам и Интернациональным бригадам, вначале сдержанное, стало откровенно враждебным, стал «Большой террор», развернувшийся в СССР в 1937 году в полную силу. Почти вся испанская республиканская печать, доступная в Барселоне и на фронте, скрывала факты «чисток» в Советском Союзе, а два судебных процесса в Москве над бывшими партийными вождями (в августе 1936 года и в начале 1937-го) представляла как успешную операцию по ликвидации троцкистско-фашистской «пятой колонны». Была, однако, газета «Баталья», разоблачавшая фальсификации процессов и характеризовавшая их как расправу Сталина с ленинской

«старой гвардией». По мнению испанского историка Виктора Альбы (бывшего редактора «Батальи»), это был первый в мире печатный орган, представивший в истинном свете сущность московских процессов³⁷⁵. Только из нее в Испании интернационалисты, в их числе и Блэр, могли узнать правду о происходящем в «стране победившего социализма».

Наконец, убедительным аргументом в пользу отказа от перевода в Интербригаду было преследование анархистов и поумовцев в Барселоне после майских событий. Интербригадовцы не принимали участия в этой расправе, но Блэру было ясно, кто контролировал отряды, занимавшиеся террором, и был главным инициатором возникновения «внутреннего фронта» в Каталонии: «Я не могу присоединиться ни к какому подразделению, контролируемому коммунистами».

Биограф М. Шелден передает чувства, которые владели Эриком Блэром в эти дни: «Он был готов умереть в борьбе против фашизма, но не в бессмысленной стычке между сторонниками различных левых течений. Он быстро осознал, что коммунистическая пуля может попасть в него раньше фашистской. Коммунисты искали способы укрепить свою власть в республике, и уличные столкновения дали им предлог для интенсификации кампании ненависти против ПОУМ»³⁷⁶.

Отказавшись от идеи вступления в Интернациональную бригаду, Блэр не предполагал, что перемирие в Барселоне будет грубо нарушено Компартией, центральным и местным республиканскими правительствами, что начнется преследование анархистов и поумовцев, что их станут обзывать фашистами и троцкистами, призывать «сорвать с них маски», расправиться с ними и перебить. Когда один знакомый коммунист спросил, почему он до сих пор не ушел в Интернациональную бригаду, Эрик ответил с горькой иронией: «Ваши газеты говорят, что я фашист. Конечно, с политической точки зрения я буду под подозрением, раз я пришел из ПОУМ»³⁷⁷. Он с ужасом читал в британской коммунистической газете «Дейли уоркер», распространяемой в Испании, что в Барселоне, дескать, имел место заговор «троцкистов», которые, скооперировавшись с разведкой фашистских государств, готовили морской десант, и только бдительность славной компартии предотвратила захват города интервентами. Он поймал себя на том, что впервые встретился с таким наглым искажением истины.

Этот случай твердо осел в его сознании, став одним из важных источников будущего романа о тоталитаризме*.

Блэр собственными глазами видел, как стремившиеся угодить своим хозяевам хорошо оплачиваемые пропагандисты, ничуть не смущаясь, извращают только что происшедшие события, как истина подменяется фикцией, которой верит немалое число одураченных людей, а другие, отлично понимая лживость информации, цинично способствуют ее распространению по политическим причинам, часто маскируемым благородными «антифашистскими» целями. Это был очень важный урок для писателя Оруэлла.

Всего лишь через полторы недели после возвращения на фронт, 20 мая, Блэр был тяжело ранен в шею франкистским снайпером. Он проснулся в этот день очень рано, чтобы сменить на наблюдательном посту Гарри Милтона. Заступив на дежурство в пять часов утра, Эрик поднялся над бруствером, чтобы осмотреть местность. Милтон не успел отойти, как услышал выстрел и, оглянувшись, увидел, что Блэр падает на землю. Снайпер стрелял со 150 метров³⁷⁸.

Эрик был в полубессознательном состоянии. Он не мог говорить, но дышал, глаза его двигались, он пытался подавать какие-то знаки. Милтон смог остановить кровь, хлеставшую из раны, и этим спас жизнь товарищу, который мог умереть от кровопотери³⁷⁹. На носилках по скользкой дороге Блэра доставили на перевязочный пункт, затем в тот самый полевой госпиталь в Монфлорите, в двух с лишним километрах от передовой, где он уже побывал раньше. Пуля прошла в миллиметре от сонной артерии. Эрик считал, что умирает. Но его разочарование происходившим в Испании было к тому времени столь велико, что в первые секунды мысль о смерти он воспринял почти с облегчением. Чуть позже им овладели другие чувства: «Я прежде всего поду-

* Страница из этого номера «Дейли уоркер» вместе с многими другими аналогичными вырезками из публикаций 1937 года сохранилась в архивном фонде Оруэлла, который накапливал материал для ведения аргументированной полемики (см.: George Orwell Archive. C/3). Вот заголовки лишь некоторых из сохранных писателем статей лондонской коммунистической газеты, часть которых была подписана высшими руководителями партии: «Пятая колонна в Барселоне поднимается» (7 мая), «Анархистские беспорядки в Каталонии» (8 мая), «Фашистский заговор с целью высадки войск. Выступление троцкистов как сигнал» (11 мая), «За что выступает НРП: за победу в войне или помощь Франко?» (22 мая), «Испанские троцкисты сговариваются с Франко» (21 июня).

мал... о своей жене. Затем возникло жгучее нежелание покинуть этот мир, который... так хорошо мне подходит»³⁸⁰.

Своевременно оказанная медицинская помощь спасла Блэру жизнь. Через двое суток состояние раненого заметно улучшилось, и он был переведен в тыловой госпиталь в городе Лериде, куда навесить мужа приехала Эйлин. Несмотря на большую кровопотерю, рана оказалась не очень опасной. Правда, на короткое время Эрик потерял голос, но постепенно начал говорить, вначале лишь шевеля губами, затем шепотом. За несколько недель голос почти восстановился, хотя до конца жизни в речи Блэра часто прорывались высокие свистящие звуки.

После трехнедельного пребывания в госпитале он был отправлен в санаторий ПОУМ им. Маурина (одного из основателей ПОУМ, взятого в плен франкистами и находившегося в заключении до 1946 года). Санаторий, расположенный на склоне горы Тибидабо, недалеко от Барселоны, был открыт на базе двух горных вилл, принадлежавших сторонникам Франко и захваченных ПОУМ летом 1936 года. К нему присоединили также несколько небольших домиков, конфискованных у католического монастыря. Всё шло своим чередом: собственность «классового врага» экспроприировалась, чтобы обеспечить своим активистам отдых и выздоровление. Далек ли было до формирования нового господствующего слоя?..

То, что в условиях террора против анархистов и ПОУМ рядом с Барселоной существовал санаторий этой организации, свидетельствовало о крайней неразберихе не только в Каталонии, но и во всей стране. В санатории, естественно, знали, что Эрик Блэр сражался в милиции ПОУМ; однако этот «компрометирующий факт», который только повышал его авторитет в глазах пациентов, не был сообщен республиканским властям, хотя, безусловно, среди обслуживавшего персонала были разного рода агенты.

Эйлин, навещая мужа, не рассказывала ему, что в Барселоне крайне беспокойно, что идет охота на анархистов и поумовцев, что ее саму могут в любой момент арестовать. Оруэлл пребывал в тяжелой депрессии, понимая, что из-за ранения ему скоро придется покинуть Испанию. Одновременно он вынужден был признать, что теперь всё происходящее безумно его раздражало. «Я очень ослаб, лишился, казалось, навсегда, голоса, доктора говорили, что я буду годен к фронтовой службе не раньше, чем через несколько месяцев, — вспоминал Оруэлл в книге «Память Катало-

нии». — Рано или поздно мне нужно было подумать о заработке; кроме того, не было особого смысла оставаться в Испании и есть местный хлеб, в котором так нуждались другие. Но основные поводы моего желания уехать были всё же эгоистического порядка. Мне надоела страшная атмосфера политических подозрений и ненависти, осточертели улицы, переполненные вооруженными людьми, воздушные налеты, окопы, пулеметы, скрежет трамваев, чай без молока, пища, пропитанная оливковым маслом, табачный голод — одним словом, почти всё, что неразрывно связалось для меня с Испанией».

Именно в санатории Оруэлл стал задумываться над тем, что ПОУМ придерживается ошибочных социально-политических установок, что его прежний восторг по поводу всеобщего равенства в Барселоне был результатом поверхностных наблюдений, что антикапиталистические мероприятия поумовцев и анархистов попросту разрушают налаженную жизнь и заводят общество в тупик³⁸¹. Живший с Эриком в одной палате в санатории говорливый и экспансивный активист ПОУМ Фернандес Хурадо, невзлюбивший соседа за слишком краткие ответы на его вопросы и отсутствие реакции на политические тирады, сумел оценить его неразговорчивость только после прочтения книги Оруэлла «Памяти Каталонии»: иностранец молчал, потому что смог детально разобраться во всех проблемах испанской революции и войны³⁸².

Уроки испанских событий

Когда Эрик возвратился из санатория в Барселону, оказалось, что ему и Эйлин надо убраться из Испании не по «эгоистическим соображениям», а просто для того, чтобы остаться в живых. Введенная правительством цензура была к тому времени уже настолько эффективна, что Блэр даже не догадывался о барселонском терроре и о том, что ПОУМ подвергается суровым репрессиям, а его самого в любой момент могут схватить как «троцкиста» и «контрреволюционера». Впрочем, и в это время, и после отъезда из Испании он по-прежнему полагал, что в стране наряду с гражданской войной происходит революция. Он писал в «Памяти Каталонии»: «Если не считать маленьких революционных групп, существующих во всех странах, мир был полон решимости предотвратить революцию в Испании. В частно-

сти, Коммунистическая партия, при поддержке Советской России, делала всё, чтобы предотвратить революцию. Коммунисты утверждали, что на этом этапе революция окажется губительной и что стремиться следует не к переходу власти в руки рабочих, а к буржуазной демократии. Нет необходимости уточнять, почему “либералы” в капиталистических странах заняли схожую позицию. Иностранное капиталовложение играли в испанской экономике очень важную роль».

Оруэлл при всём желании был не в состоянии дать объективный анализ происходивших в Испании событий. Он руководствовался только своими наблюдениями, находясь при этом не в столице, а в каталонской Барселоне либо на передовой. Он имел предвзятое мнение, которое со временем смягчил, но от которого полностью не избавился. Его симпатии были на стороне радикальных сил — анархистов и поумовцев. Ему чужды были позиции либеральных республиканцев и Социалистической рабочей партии. Что же касается Компартии, то писатель с полным основанием рассматривал ее как исполнительницу воли Москвы. В испанской гражданской войне всё смешалось: коммунисты, обычно считавшиеся левыми, волею судеб оказались на правом фланге республиканцев.

Лишь весьма постепенно складывалась своеобразная концепция Оруэлла, существенно отличавшаяся от оценок как большинства испанских политиков и журналистов, так и зарубежных западных историков и политологов. Писатель считал, что силами, препятствовавшими развитию революционного процесса, являлись не только буржуазные партии и социалисты, но также коммунисты, действовавшие по указанию Сталина. По мнению Оруэлла, общий сдвиг вправо наметился в октябре—ноябре 1936 года, когда СССР начал поставлять правительству Испании оружие, а власть стала переходить от анархистов к коммунистам. В этом было очевидное упрощение и преувеличение, но факт, что в результате появления в Испании советских военных и политических советников, а также многочисленных агентов НКВД влияние испанской Коммунистической партии резко усилилось, неоспорим. «В результате, — писал Оруэлл, — русские имели возможность диктовать свои условия. Нет никакого сомнения, что смысл этих условий был таков: “Предотвратите революцию, или не получите оружия”. Не приходится сомневаться и в том, что первый шаг, направ-

ленный против революционных элементов, — изгнание ПОУМ из каталонского правительства — был сделан по приказу СССР».

Советский Союз, полагал Оруэлл, не оказывал прямого нажима, но косвенное воздействие осуществлялось через Компартию, считавшую ПОУМ и анархистов своими заклятыми врагами. Благодаря советской помощи авторитет коммунистов чрезвычайно повысился. В какой-то момент казалось, что именно их партия способна выиграть войну. Через нее распределялось советское оружие. Коммунисты следили, чтобы как можно меньше этого оружия попало в руки их политических противников. Наконец, провозгласив «неревOLUTIONную программу», коммунисты смогли привлечь на свою сторону тех, кто был напуган экстремистами. Число членов партии значительно выросло, прежде всего за счет выходцев из средних слоев. Война велась теперь, по существу, на два фронта. Одновременно с борьбой против Франко центральное республиканское правительство стремилось вырвать у профсоюзов захваченную ими власть. «Достигалась эта цель с помощью малозаметных маневров (кто-то назвал эту политику политикой булавочных уколов), — и в целом очень хитро. Явно контрреволюционные мероприятия не проводились, и до мая 1937 года почти не было необходимости прибегать к силе. Рабочих очень легко было принудить к послушанию с помощью, пожалуй, даже слишком очевидного аргумента: “Если вы не сделаете того-то и того-то, мы проиграем войну”. Само собой разумеется, что от рабочих неизменно во имя высших военных соображений требовали отказаться от того, что они завоевали в 1936 году», — писал Оруэлл. В результате анархисты были вынуждены уступать: обобществление было приостановлено, местные ревкомы распущены, рабочие патрули расформированы (их место заняла довоенная полиция, значительно усиленная и хорошо вооруженная). Промышленные предприятия, находившиеся под контролем профсоюзов, перешли в непосредственное ведение республиканского правительства и его местных органов, отряды рабочего ополчения расформировывались и вливались в регулярную армию с привилегированной офицерской кастой. «Происходило всеобщее “обуржуазивание”, умышленное уничтожение духа всеобщего равенства, царившего в первые месяцы революции».

Народный фронт в Испании Оруэлл называл союзом

врагов. В том, что коммунисты оказались на его правом фланге, по мнению писателя, ничего удивительного не было, ибо тактика коммунистических партий в других странах показала, что «официальный коммунизм следует рассматривать, во всяком случае в данный момент, как антиреволюционную силу». Политика Коминтерна, с полным основанием полагал он, полностью подчинена интересам обороны СССР, зависящей от системы военных союзов, в частности с Францией. Позиция Великобритании была неясна, и поэтому ее компартия выступала против перевооружения; если же Великобритания вступит в союз с СССР, тамошние коммунисты превратятся в патриотов.

Политическую позицию ПОУМ Оруэлл излагал следующим образом. Так как буржуазная демократия и фашизм — это «названия капитализма», бессмысленно бороться с одной капиталистической формой (фашизмом) во имя другой. Альтернатива фашизму — рабочий контроль. Позитивная задача ПОУМ в трактовке Оруэлла (видимо, считавшего себя в этот момент теоретиком революционного движения) была такова: «В настоящее время рабочие должны зубами держаться за всё, что им удалось вырвать силой; если они пойдут на малейшие уступки полубуржуазному правительству, их наверняка обманут. Необходимо сохранить в нынешней форме рабочее ополчение и милицию, всеми силами препятствуя их “обуржуазиванию”. Если рабочие не возьмут под свой контроль вооруженные силы, вооруженные силы установят контроль над рабочими. Война и революция неотделимы».

В 1989 году британской исследовательницей Карен Хазерли в Национальном историческом архиве в Мадриде были обнаружены документы, свидетельствовавшие о том, какой непосредственной угрозе подвергались в Испании писатель и его жена. Оказалось, в июне 1937-го республиканская полиция безопасности направила в находившийся в Валенсии трибунал по делам о шпионаже и предательстве обширный доклад о деятельности «Энрико» Блэра и его жены Эйлин, «известных троцкистов» и «агентов связи между НРП и ПОУМ»³⁸³. В докладе подробно рассказывалось о прибытии Блэра в Испанию, его службе в милиции ПОУМ и о ранении. К счастью, полиции не было известно, что из госпиталя Эрик был переведен в санаторий; на какое-то время его след был потерян.

Трудный путь на родину

В ночь на 19 июня в номере Эйлин в гостинице «Континенталь» полицейскими в штатском был произведен обыск, во время которого изъяли всю найденную «литературную продукцию» — книги, газеты, газетные вырезки, письма, не говоря уже о дневнике. Однако саму Эйлин, заявившую, что она не знает местонахождение мужа, пока не тронули. Возможно, агенты рассчитывали использовать ее как «подсадную утку» для поимки не только Блэра, но также Макнейра и Орра. В книге «Памяти Каталонии» Оруэлл саркастически описывал обыск: «Позднее я узнал, что полиция забрала также мои вещи, находившиеся в санатории им. Маурина, в том числе и грязное белье. Они, должно быть, полагали, что найдут на нем послания, написанные симпатическими чернилами. Полицейские конфисковали все бумаги, в том числе и содержимое мусорной корзины, а также все наши книги. Обнаружив экземпляр гитлеровского “Майн кампф” на французском языке, они пришли в дикий восторг. Найди они только эту книгу, нас ничто бы уже не спасло; но немедленно за “Майн кампф” полицейские вытащили брошюру Сталина “Методы борьбы с троцкистами и другими двурушниками”*, которая их несколько успокоила. В одном из ящиков сыщики обнаружили несколько пачек папиросной бумаги. Они разорвали все пакеты и обследовали каждый листок отдельно в поисках тайных записей. В общей сложности сыщики работали два часа. Но ни разу за всё это время они не дотронулись до постели: в постели лежала моя жена. Под матрасом могло оказаться с полдюжины автоматов, а под подушкой — целый архив троцкистских документов. Полицейские даже не заглянули под кровать. Не думаю, чтобы ОГПУ** вело себя подобным образом. Полиция почти безраздельно контролировалась коммунистами, и эти люди были, вероятнее всего, членами Компартии. Но помимо этого, они были испанцы, а следовательно, не могли себе позволить поднять

* Имелся в виду доклад Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года «О недостатках партийной работы и методах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

** Объединенное государственное политическое управление при Совнаркоме СССР (ОГПУ) в 1934 году было преобразовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) Наркомата внутренних дел СССР. Но в левой литературе продолжал использоваться термин ОГПУ (ГПУ).

женщину с постели. Сыщики молчаливо обошли кровать стороной, что сделало весь их обыск бессмысленным».

Эйлин показала себя в Испании стойкой и храброй, достойной своего мужа. Она отлично понимала опасность работы в здании штаб-квартиры ПОУМ и несла эту ношу не жалуясь. Как-то, еще до запрета ПОУМ, ее навестил старый знакомый Ричард Риз, редактор журнала «Адельфи», приехавший в Испанию в качестве водителя машины скорой помощи, направленной НРП. На приглашение Риза пообедать с ним в ресторане Эйлин ответила, что обедать с ней опасно, чем привела его в недоумение. «У Эйлин Блэр я впервые увидел симптомы человека, живущего в обстановке политического террора»³⁸⁴, — вспоминал Риз.

Вернувшись в Барселону 20 июня с документами, освобождавшими его от несения военной службы, и узнав, что штаб-квартира ПОУМ закрыта властями, Эрик Блэр отправился в гостиницу, где проживала его жена. Она встретила его на пороге и, не дав сказать ни слова, прошептала ему на ухо: «Немедленно выходи из гостиницы так, чтобы тебя по возможности никто не видел». Присоединившись к мужу через несколько минут, Эйлин рассказала, что правительство Каталонии и эмиссары из Мадрида устроили охоту на поумовцев и анархистов, что в городе настоящий террор и жизнь Эрика в опасности. В кармане Эрика лежали удостоверение милиции ПОУМ и фотография товарищей на фоне поумовского знамени. Эти доказательства принадлежности к преступной организации были немедленно уничтожены. Осталось лишь свидетельство об увольнении со службы в связи с ранением, без которого Блэра могли арестовать как дезертира.

В тяжелые минуты даже самые левые интеллектуалы вспоминают о своем правительстве и просят у него защиты. Блэры не составили исключение. Они решили на следующий день встретиться в британском консульстве и через него получить разрешение на выезд из Испании. Конечно, ждать утра было рискованно, но, считал Эрик, «Испания — не Германия, испанская неразбериха и *mañana** давали надежду на благополучный исход. Испанская тайная полиция кое в чем напоминает гестапо, но ей не хватает гестаповской оперативности».

В середине июня с необходимыми документами и день-

* Завтра (*исп.*). Имеется в виду привычка испанских чиновников оставлять все дела на потом.

гами для спасения соотечественников в Барселону приехал Джон Макнейр, покинувший Испанию после майских событий. Он был тут же арестован как «агент ПОУМ», но почти сразу же освобожден — как только предъявил британский паспорт. Однако, находясь под угрозой повторного ареста, Макнейр теперь был не в состоянии обеспечить организованную эвакуацию.

Ночь перед походом в консульство Эрик провел в какой-то полуразрушенной церкви. В его памяти запечатлелись произошедшие в городе изменения. Особенно запомнился рекламный щит на улице Рамблас, который «украшала антипоумовская карикатура — маска, а под ней фашистская рожа». В консульстве Эрик встретился с Эйлин и Макнейром. Консул посоветовал не обращаться к испанским властям за разрешением на выезд и выдал фиктивную справку, что они являются простыми туристами, путешествующими поездом. Это был совершенно смехотворный документ, но при общей неразберихе он сработал. Гражданская война не смогла вытравить доверие официального лица к документу на бланке британского консульства.

По рекомендации консула (проявившего куда больше смекалки, чем фронтовик Блэр) отъезжавшие добирались до вокзала поодиночке и встретились на перроне, откуда должен был отходить поезд к французской границе. Проблема оказалась в том, что поезда не было — он ушел раньше времени, предусмотренного расписанием. Испанские нравы, вновь и вновь убеждался Блэр, были непредсказуемы. Пришлось провести в городе еще одни опасные сутки. 23 июня, теперь уже международным поездом, группа пересекла французскую границу, сидя в вагоне-ресторане и делая вид, что они беззаботные туристы. На пограничной станции путешественники купили свежую газету, где прочли новость, что в Испании за шпионаж только что арестован некий Макнейр. Поскольку Макнейр в это время сидел рядом с Блэрами, Эрик прокомментировал со свойственным ему сарказмом: «Испанские власти несколько поспешили с этим сообщением».

Проведя несколько дней на средиземноморском побережье Франции, но не получив никакого удовольствия от отдыха (и из-за холодной погоды, и из-за воспоминаний о пережитом), Эйлин и Эрик поспешили возвратиться на родину.

Так закончилась полугодовая испанская эпопея Блэра—Оруэлла, которая дала ему неоценимый жизненный и

политический опыт, пригодившийся в дальнейшем творчестве. Что же касается остальных британских добровольцев, связанных с НРП и ПОУМ, то в течение нескольких следующих месяцев они возвратились на родину, кроме тех, кто навсегда остался лежать в испанской земле. Эрик и Эйлин в течение долгого времени разыскивали своих бывших товарищей, в частности через НРП. Но поиски не дали ощутимых результатов, удалось восстановить связь только с некоторыми из тех, кто находился в Великобритании³⁸⁵.

В защиту правды об Испании

Дома Эрика ждало письмо, датированное 31 мая 1937 года и написанное С. С. Динамовым, главным редактором московского журнала «Интернациональная литература»³⁸⁶. Динамов прочел рецензию на книгу Оруэлла о рабочих Северной Англии и просил автора прислать книгу, чтобы «представить ее нашим читателям, по крайней мере, отозвавшись о ней в нашем журнале». 2 июля Блэр ответил обширным теплым письмом — это было единственное письмо, отправленное им в СССР, из которого следовало, что, даже несмотря на испанский опыт, он верил в возможность стать известным в Советском Союзе не как шпион, а как автор. Пытаясь сделать свой ответ максимально дружеским, Оруэлл обращался к советскому редактору: «Дорогой товарищ...»

Он рассказал «дорогому товарищу» Динамову, что только что вернулся из Испании, где был ранен, послал экземпляр книги «Дорога на Уиган-Пирс», но предупредил: «Я хотел бы быть с Вами откровенным и поэтому должен сообщить Вам, что в Испании я служил в ПОУМ, которая, как Вы, несомненно, знаете, подверглась яростным нападкам со стороны Коммунистической партии и была недавно запрещена правительством; помимо этого, скажу, что после того, что я видел, я более согласен с политикой ПОУМ, нежели с политикой Коммунистической партии. Я говорю Вам об этом, поскольку может оказаться так, что Ваше издание не захочет помещать публикации члена ПОУМ, а я не хочу представлять себя в ложном свете».

Можно представить себе, как был бы ошарашен Динамов, который, как выяснилось, проявил интерес к производству «троцкиста»-поумовца. Однако, похоже, ответ писателя ему не суждено было прочесть (а если и суждено, то

не в качестве главного редактора, а в качестве арестованного*, в кабинете следователя). Во всяком случае, запрос в иностранный отдел НКВД подписал уже другой человек — исполняющий обязанности редактора Тимофей Рокотов: «Редакция журнала “Интернациональная литература” получила письмо из Англии от писателя Джорджа Оруэлла, которое в переводе направляю к сведению, в связи с тем, что из ответа этого писателя выявилась его принадлежность к троцкистской организации ПОУМ. Прошу вашего указания о том, нужно ли вообще что-либо отвечать ему и если да, то в каком духе».

В результате письмо Оруэлла и запрос в иностранный отдел НКВД оказались в специальной папке с характерным названием: «Письмо Оруэлла Джорджа Динамову Сергею на англ[ийском] яз[ыке] с приложением копии письма редакции журнала “Интернациональная литература” в Иностранный отдел НКВД о принадлежности Джор[д]жа Оруэлла к троцкистской организации и прекращении с ним отношений. 2—28 июля 1937 г.». Но, несмотря на «прекращение с ним отношений», 25 августа писателю был отправлен ответ, который он своевременно получил, причем английский оригинал письма сохранился в архиве Оруэлла³⁸⁷, а русский черновик — в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве: «Характерно, что Вы откровенно поставили нас в известность о своих связях с ПОУМ. Вы этим правильно предполагали, [что] наш журнал не может иметь никаких отношений с членами ПОУМ, этой организацией, как это подтверждено всем опытом борьбы испанского народа против интервентов, одним из отрядов “Пятой колонны” Франко, действующей в тылу Республиканской Испании»³⁸⁸.

Этой перепиской завершилась очень краткая, трагикомичная попытка общения писателя с «родиной социализма».

В Англии его ожидало еще одно письмо, датированное июнем 1937 года и представлявшее собой призыв писателей — коммунистов и близких к ним (в числе подписантов были Луи Арагон, Жан Ришар Блок, Генрих Манн, Айвор Монтегю, Пабло Неруда) выступить в защиту республиканской Испании³⁸⁹. На это обращение коллег по писательскому цеху Оруэлл не ответил.

* В 1939 году он был расстрелян по обвинению в участии в троцкистской организации.

Тем временем в самой Великобритании началась инициированная компартией кампания против НРП и ПОУМ, во время которой неоднократно клеймили Эрика Блэра, обычно указывая, что это и есть Джордж Оруэлл. По утверждению коммунистической прессы, и ПОУМ, и НРП были «фашистскими агентами»; Оруэлл якобы получал от франкистов директивы, а ПОУМ — оружие³⁹⁰. Британские коммунисты руководствовались указаниями Коминтерна, в частности генерального секретаря его Исполнительного комитета Георгия Димитрова, который, в свою очередь, получал многочисленные донесения из Испании от советских агентов, клеймивших «троцкистов» из ПОУМ как заговорщиков и агентов Франко³⁹¹. В книге «Памяти Каталонии» Оруэлл писал: «Травля ПОУМ изобиловала личными оскорблениями, ее инициаторы совершенно не считались с тем, как она может отразиться на ходе войны. Многие коммунистические журналисты считали вполне допустимым разглашение военной тайны, если это позволяло лишний раз облить грязью ПОУМ».

Оруэлл всё еще считал, что левые интеллектуалы являются частью общего фронта борьбы с всемирным капиталом и обязаны объединиться ради этой священной битвы. Но в реальности не существовало ни всемирного капитала, ни общего фронта: капиталисты не были едины, так как конкурировали за рынок; революционеры не были едины, так как бились за идеологическое первенство. На собственном опыте Оруэлл убеждался, что в этой битве все средства оказывались хороши, что информация, сообщаемая в газетах, могла быть не просто выборочной, но и лживой. Особенно поражало Оруэлла, что лондонские газеты не были заинтересованы в правдивых репортажах. Из Испании Оруэлл привез подборку тенденциозных публикаций, собранных, чтобы затем в Англии заниматься опровержением лжи, и массу газетных вырезок, по его мнению, правдиво отражающих события в Испании. Он разослал эти вырезки в центральные газеты, в частности в лейбористскую «Дейли геральд», но этот материал был проигнорирован³⁹².

Редактор «Нью стейтсмен» Кингсли Мартин, в целом положительно относившийся к творчеству Оруэлла, заказал ему очерки о пребывании в Барселоне. Первую предназначенную для журнала статью, посвященную событиям в Каталонии в мае—июне 1937 года, писатель назвал «Барселонский свидетель». Он попытался объяснить сложное

переплетение событий, приведшее к запрещению ПОУМ и возникновению «межреволюционного конфликта»; писал, что республиканское правительство «имеет с фашизмом больше сходства, чем отличий», что для достижения социалистических целей республиканцы используют «фашистские методы». Фашизм вторгается в демократические страны через задние двери — таков был лейтмотив статьи. И о том же 1 августа 1937 года он писал своей читательнице, отвечая на вопрос, что на самом деле происходит в Испании: «Если фашизм означает подавление политической свободы и свободного слова, аресты без суда и т. п., современный [республиканский] режим Испании — это фашизм... Я не имею в виду, что власть нынешнего правительства не лучше, чем Франко, если бы он победил, но разница только в степени, не в существе»³⁹³.

Естественно, посланный Мартину очерк был отвергнут. По мнению редактора, он мог причинить только неприятности, причем и журналу, и автору. Вслед за этим «Нью-стейтсмен» отказался публиковать написанный Оруэллом обзор литературы об испанской гражданской войне, в котором была показана тенденциозность и лживость большинства изданий, а заодно подвергнут критике развернутый в СССР Большой террор. Мартин указал автору на недопустимость какой бы то ни было критики СССР: «Является фактом, достойным сожаления, — писал он Оруэллу 29 июля 1937 года, — что любая враждебная критика современного российского режима неизбежно будет принята как пропаганда *против социализма*»³⁹⁴.

Понимая политическую целесообразность, исходя из которой был отвергнут его очерк, Оруэлл тем не менее был не в состоянии отойти от своей позиции. Он был целиком поглощен своим испанским опытом. Эйлин с долей тревоги писала в конце 1937 года, что испанская война «доминирует в нашей жизни самым непредсказуемым образом», что ее муж продолжает думать и писать о ее ужасах³⁹⁵. Примерно о том же шла речь в письме Оруэлла одному из знакомых: «Я просто ни о чем не могу писать, кроме Испании, и сражаюсь с чертовой книгой о ней... Эти испанские дела до такой степени привели к моему расстройству, что я действительно не могу писать ни о чем другом, и, к сожалению, писать надо не о живописных вещах, а о сложной разрушительной истории политических интриг между массой космополитичных коммунистов, анархистов и т. д. Помимо книги я не делаю ничего, кроме подготовки второсте-

пенных рецензий, которые вообще не могут считаться писательством».

Оруэлл даже жалел, что ввязался в войну на стороне милиции ПОУМ, что ему пришлось участвовать в уличных столкновениях в Барселоне, а затем бежать из страны. Если бы он отправился в Испанию без политических рекомендаций, как обычный доброволец, то скорее всего вступил бы в Интернациональную бригаду. Но в этом случае он скорее понял бы истинный характер испанской войны и «безусловно получил бы пулю в спину как “политически ненадежный” или, по крайней мере, находился бы в тюрьме». А теперь коммунисты называли его фашистом, газета «Дейли уоркер» многократно пыталась скомпрометировать его в глазах всей левой общественности³⁹⁶, Голланц отказывался иметь с ним дело как с троцкистом³⁹⁷. «Ну и спектакль! — восклицал Оруэлл в одном из писем. — Подумать только, что мы всего лишь через шесть месяцев превратились из героических защитников демократии в троцкистов-фашистов, пробиравшихся через границу и по пятам преследуемых полицией»³⁹⁸.

Неофициально Оруэлл вынужден был сообщить Голланцу: если Компартия не уймется, он возбудит против нее судебное дело о клевете. Возможно, Голланц поговорил на эту тему с генеральным секретарем Гарри Поллитом. Кампания против Оруэлла была временно прекращена, чтобы вспыхнуть вновь сразу же после появления его книги «Памяти Каталонии».

«Памяти Каталонии»

В середине июля 1937 года Оруэлл приступил к работе над публицистической книгой об Испании, которая должна была сочетать непосредственные воспоминания и впечатления с попыткой политического анализа. Работа открывалась весьма показательным эпиграфом из «Книги Притчей Соломоновых»: «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему; но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих» (Притч. 26:4—5). В выборе такого эпиграфа проявилось глубокое разочарование происходившим в Испании. Оруэлл осознавал, что его позиция в те месяцы, когда он находился в стране и в меру сил пытался внести вклад в защиту республиканского режима, была в лучшем случае наивной.

В самой Испанской республике социалистическая революция, которой ранее так восторгался писатель, на деле вела к расколу Народного фронта, облегчая победу Франко. В Испании скрестились противоборствующие интересы европейских держав и СССР, а Сталин, быстро поняв, что при любом исходе гражданской войны ему вряд ли будет обеспечен плацдарм для советского наступления в Европе, удовлетворился присвоением испанского золотого запаса, расправой с помощью «мобильных групп» с рядом европейских «троцкистов» и вербовкой новых агентов для советской разведки.

Разумеется, ни о чем об этом Оруэлл в тот момент не знал. Он описывал лишь то, что видел своими глазами, и надеялся на интерес левой британской публики к событиям в Испании. Но возникала проблема с изданием. Мартин как издатель отпал. Еще раньше публиковать книгу отказался Голланц, написав автору, что она может «причинить вред борьбе против фашизма»³⁹⁹, за что был назван им частью коммунистического рэкета⁴⁰⁰.

Негодование Оруэлла не было предела. Несколько книг, присланных журналом «Нью стейтсмен» на рецензию, он возвратил без какого-либо ответа; когда журнал «Лефт ревью» («Левое обозрение») обратился к нему в числе других деятелей культуры с вопросом, кого он поддерживает в испанской войне — республиканцев или националистов, он ответил грубо: «Перестаньте, пожалуйста, посылать мне свой бред... Даже если бы я уместил в шесть строк всё то, что я знаю и думаю об испанской войне, вы не опубликовали бы их»⁴⁰¹.

Писатель и журналист Оруэлл был уже хорошо известен и мог себе позволить пойти на фактический разрыв с Голланцем и другими левыми деятелями, не хотевшими знакомить британскую общественность со взглядами на испанскую войну и СССР, если они противоречили общепринятым социалистическим и коммунистическим догмам. Оруэлл вовсе не отказался от социализма, по-прежнему являлся его сторонником, но в силу обстоятельств вынужден был теперь идти на сотрудничество с умеренными «буржуазными» изданиями.

Еще в 1932 году он начал изредка публиковаться, в основном в формате рецензий и книжных обзоров, в еженедельнике «Нью инглиш уикли» («Новый английский еженедельник») — популярном издании, освещавшем, как говорилось в его подзаголовке, «общественные дела, лите-

ратуру и искусство». Теперь с его редактором — писателем и переводчиком Филипом Мейретом, сторонником «христианского социализма» (выражавшегося прежде всего в поддержке мелкого фермерского сельскохозяйственного производства и пропаганде необходимости потребления только органической пищи) у писателя установились более тесные связи. Мейрет стал регулярно помещать сначала книжные обзоры, а затем и статьи Оруэлла. В его журнале появилась первая оруэлловская публикация об испанской войне — замечательный очерк «Сор из испанской избы». Название говорило само за себя. Это был, пожалуй, самый резкий очерк Оруэлла о войне в Испании и, несомненно, важный рубеж в осознании автором сущности тоталитаризма.

В очерке говорилось: «Когда я покидал Барселону в конце июня, тюрьмы были переполнены... Но вот что следует отметить: люди, сидящие сейчас в тюрьме, — это не фашисты, а революционеры; они там не потому, что взгляды их слишком правые, а потому, что они слишком левые. А посадили их туда эти ужасные революционеры — коммунисты... Настоящая борьба идет между революцией и контрреволюцией, между рабочими, которые тщетно пытаются удержать хотя бы немного из того, что было завоевано в 1936-м, и блоком либералов и коммунистов, которые с успехом всё это у них отбирают. Печально, что лишь немногие в Англии уже осознали, что коммунизм сегодня стал контрреволюционной силой, что коммунисты повсюду сотрудничают с буржуазными реформистами и используют всю мощь своей машины для того, чтобы подавить любую партию, подающую признаки революционных тенденций»⁴⁰².

Неудивительно, что этот очерк вызвал бурю критики, направленной против автора, не только в коммунистической прессе, но и в изданиях, связанных с Лейбористской партией. Оруэлла бичевали как пособника испанского и международного фашизма, как врага демократической Испании. Одновременно «фашистскими провокаторами» и «троцкистами» в левой британской прессе продолжали считать анархистов и поумовцев, которых Оруэлл пытался не столько защитить, вполне сознавая их пороки, сколько очистить от навешанных на них ярлыков. Некоторые публикации бывших членов Интернациональных бригад, в которых они противопоставляли собственную доблесть «трусости» и «предательствам» анархистов, он оценивал

как мусор, как полную бессмыслицу, и в то же время обратил внимание на действительно ценные книги Мэри Лоу и Хуана Бреа «Красная испанская записная книжка» и Р. Тиммелмана «Герои Алькасара»⁴⁰³, где предпринимались попытки объективно оценить вклад различных политических сил республиканского лагеря в борьбу против мятежников⁴⁰⁴.

И всё же в многоликой британской прессе положение Оруэлла не было таким уж отчаянным. Возобновилось сотрудничество с журналом «Тайм энд тайд», в котором он публиковал не просто критические статьи, а своего рода литературные и политические портреты авторов, привлёкших его внимание неординарностью своих работ или жизненных коллизий.

В основном благодаря вниманию Оруэлла в Великобритании стало сравнительно широко известно имя бывшего германского коммуниста Франца Боркенау, ведущего историка международного коммунистического движения, автора вышедшей в 1938 году книги «Коммунистический интернационал». Боркенау, участвовавший в войне в Испании, опубликовал книгу о том, что видел в этой стране, под заголовком «В кабине испанского самолета»⁴⁰⁵. Оруэлл познакомился с этой работой по возвращении в Англию, когда отношения с редакцией «Нью стейтсмен» ещё оставались терпимыми. К. Мартин попросил его написать рецензию, полагая, что она будет сугубо критической. Когда Оруэлл предоставил текст, Мартин пришел в ужас и решительно отказался его печатать, заявив, что он противоречит политической линии редакции. Он писал Оруэллу 29 июля 1937 года: «Мне жаль, что мы не можем опубликовать Вашу рецензию... Причина состоит в том, что она слишком сильно противоречит политической линии журнала. В ней всё сказано совершенно бескомпромиссно и подразумевается, что все наши испанские корреспонденты ошибаются»⁴⁰⁶.

Верный себе Оруэлл написал в ответ, что Мартин продемонстрировал «ментальность шлюхи» и что он «абсолютный дурак»⁴⁰⁷, поскольку даже не попытался выяснить степень правоты как автора книги, так и автора рецензии. В конце концов рецензия увидела свет в журнале «Тайм энд тайд», причем Оруэлл подчеркнул объективность книги Боркенау, поскольку автор описывал как негативные, так и позитивные стороны борьбы компартии против Франко, несмотря на то, что в Испании подвергся преследованиям и даже был арестован по наводке коммунистов.

Оруэлл с возмущением отмечал, что в левых британских кругах малейший налет критического отношения к деятельности испанской Компартии ставит любую книгу вне закона. Все только и молятся на политику республиканского правительства и на коммунистических вождей Хосе Диаса и Долорес Ибаррури. «Соккрытие основных политических фактов от публики и сохранение этого обмана путем цензурирования и террора влекут за собой далекоидущие вредные последствия, которые в будущем будут чувствоваться еще в большей степени, чем ныне», — цитировал он Боркенау. Такое сознательное замалчивание левой прессой книги Боркенау и других изданий, раскрывающих правду об испанских событиях, ведет к усилению влияния коммунистов на республиканское правительство, которые тянут республику вправо, а не влево, заключал Оруэлл⁴⁰⁸.

После отказа Голландца опубликовать книгу «Памяти Каталонии» писатель обратился в издательство Зеккера и Варбурга, открывшееся в 1936 году, выпускавшее преимущественно политическую и социологическую литературу левого толка, но в отличие от других издательств, связанных с Лейбористской партией и прочими левыми группами, открыто занимавшее антинацистскую и антисталинскую позицию. В кругах коммунистов и лейбористов Фредрика Варбурга даже считали троцкистом, поскольку издательство опубликовало и некоторые работы Троцкого. Книги об испанской войне, рецензируемые Оруэллом осенью 1937 года, тоже были опубликованы именно этим издательством.

Собственно говоря, контакт с Варбургом на предмет подготовки книги об Испании возник у Оруэлла сразу же после возвращения на родину. Инициативу проявил Варбург. «Нам стало известно, — писал он Оруэллу, — что Вы возвратились из Испании и что рана Вашего горла заживает. Из последнего номера “Нью лидер” видно, что Ваше бегство было потрясающим приключением, и это свидетельствует, что отчет обо всей этой истории представил бы интерес для читающей публики. Вероятно, мы могли бы договориться о встрече в любое устраивающее Вас время»⁴⁰⁹.

На встрече, состоявшейся 8 июля 1937 года, был согласован примерный план будущей книги. О соглашении Варбурга и Оруэлла вскоре стало известно. Руководство британской компартии пыталось оказать на издательство давление. Впрочем, вспоминал Варбург, «кулак был изящно скрыт вельветовой перчаткой», «использовались вся-

ческие соблазны, мягкая лесть»; подчеркивалось, что «все приличные люди должны оказывать помощь партии» и в этом случае издательство может стать «вполне успешным». Когда же издатель отказался сотрудничать с компартией, его в очередной раз объявили «троцкистским выродком» и «скрытым фашистом»⁴¹⁰.

«Памяти Каталонии» Оруэлл писал в Воллингтоне, в деревенской тишине, в которую они с Эйлин с наслаждением окунулись после бурных испанских событий. Свой магазин они не открыли, сочтя его обузой, зато расширили животноводческое хозяйство: купили несколько куриц, уток, петуха-производителя, еще одну козу, приобрели лохматого пуделя. Эрик развлекался, давая животным «политические» имена. Гордого и заносчивого петуха он назвал Генри Фордом, а невзлюбившего петуха пса окрестил Марксом.

Естественно, крохотное население Воллингтона передавало из уст в уста всевозможные слухи о том, где провел последние полгода их сосед и владелец магазина. Чтобы как-то прояснить ситуацию, Блэров посетил викарий местной церкви. Об этой встрече Эрик в свойственной ему манере слегка прикрытой иронии писал своему однополчанину: «Сегодня днем к нам пришел викарий, который абсолютно не одобряет то, что мы были на стороне [республиканского] правительства. Разумеется, пришлось признать, что сожжение церквей имело место, но он сильно возрадовался, услышав, что это были римско-католические церкви»⁴¹¹.

Очень полезной для Оруэлла оказалась встреча бывших участников войны в Испании, организованная летней школой НРП в начале августа 1937 года поблизости от места, где жили Блэры — в городке Лечфорте, известном своими зелеными насаждениями и прозванном «городом-садом». Оруэлл, выступивший с рассказом о военных впечатлениях, внимательно слушал соратников, лишний раз убеждаясь, что в Испании шли две гражданские войны — против франкистских мятежников и внутри республиканского лагеря. Печатный орган НРП сообщил об этой встрече: «Здесь был Эрик Блэр, интеллектуал, чей голос был еще слабым из-за пулевой раны в горло, и поэтому говорил он недолго»⁴¹². Впрочем, присутствовавшие отмечали его меткие замечания по ходу дискуссии.

Черновой вариант книги «Памяти Каталонии» был подготовлен к концу декабря 1937 года, а к середине следующего месяца работа была завершена. В 1938 году книга вышла. Однако изначально публика не проявила к ней за-

метного интереса. За первые месяцы раскуплена была только половина тиража в 1500 экземпляров. Книжный рынок был насыщен литературой об испанской войне, однообразно клеймившей мятежников-националистов, прославлявшей героизм республиканцев и не пытавшейся вникнуть в суть событий, происходивших на Пиренеях.

На книгу обратили внимание только политические обозреватели. Первой откликнулась серьезная воскресная либеральная газета «Обсервер» («Наблюдатель»): «Господин Оруэлл проявил себя большим писателем в прозе, носящей объективный характер и являющейся примером прочной, неторопливой ясности, не допускающей преувеличений»⁴¹³. Были среди откликов и откровенно враждебные, но большинство носило сочувственный характер. В независимых левых изданиях, в частности тех, где продолжал печататься Оруэлл, появлялись лестные отзывы, оценившие анализ драматических испанских событий, живой репортаж очевидца, бесспорные литературные достоинства. Джеффри Горер, ранее восхищавшийся романом «Дни в Бирме», писал, что новая книга Оруэлла «представляет собой произведение первоклассной литературы и в то же время является политическим документом величайшей важности»⁴¹⁴. Джон Макнейр, с которым Оруэлл бежал из Испании, заверил читателей: «Автор ни в коем случае не является пропагандистом. Насколько мне известно, он вообще не является членом никакой политической партии»⁴¹⁵.

Книга получила высокую оценку участников британского анархистского движения и тех, кто был близок к ним. Ветеран анархизма Эмма Голдман писала: «Впервые после того как в 1936 году началась война, человек, стоящий вне наших рядов, осмелился описать испанских анархистов такими, какими они были в действительности»*. Она даже пригласила автора на собрание анархистской организации «Международная антифашистская солидарность». Однако Эйлин от имени мужа ответила, что тот не сможет принять участие во встрече по состоянию здоровья⁴¹⁶.

Писатель получил немало писем, причем не только от единомышленников, но и от тех, кто был вне политики. Герберт Рид, известный поэт, критик и философ, один из ранних сторонников экзистенциализма, писал, что книга Оруэлла глубоко его тронула⁴¹⁷. Особенно теплым был от-

* Оруэлл был настолько польщен этим отзывом, что процитировал его в письме С. Спендеру (см.: *Orwell G. Op. cit. Vol. 1. P. 313*).

клик германского социолога и историка Франца Боркенау, чьи книги рецензировал Оруэлл: «Для меня Ваша книга является новым подтверждением того, что независимо от политических убеждений можно абсолютно честно обращаться с фактами»⁴¹⁸.

Некоторые авторы, например Раймонд Вильямс, считают книгу «Памяти Каталонии», сочетавшую наблюдения с полемикой и анализом, наиболее важной работой Джорджа Оруэлла⁴¹⁹. С этим трудно согласиться, имея в виду будущие творения писателя. Но если рассматривать только оруэлловскую публицистику, то позиция Вильямса имеет под собой основание. В любом случае «Памяти Каталонии», безусловно, является выдающимся произведением своеобразного жанра, сочетающим яркие, живые наблюдения очевидца, блестящие образы отдельных людей и целых групп, воспоминания о недавно происшедших событиях, острую критику взглядов, которые автор считал не просто ошибочными, но и глубоко порочными и опасными, тонкий анализ расстановки сил в республиканском лагере на фоне внешнеполитической ситуации — действий правительств европейских стран и СССР, пытавшихся использовать испанское кровопролитие в собственных геополитических интересах.

В наши дни книга «Памяти Каталонии» рассматривается подавляющим большинством литературоведов и историков как произведение, написанное прежде всего автором честным, не скрывавшим своих политических предпочтений и в то же время прилагавшим все силы, чтобы описать подлинную картину развертывавшейся трагедии. В период, когда именно левые либералы и антифашистски настроенные деятели, включая всемирно известных мастеров культуры, руководствовались политическими соображениями, Оруэлл шел против течения, ставил свои принципы выше политики. В противовес Бернарду Шоу или Лиону Фейхтвангеру он считал, что для Сталина, Диаса и Ибаррури гражданская война и Народный фронт в Испании являлись лишь средствами в общеевропейской политической игре.

Конечно, в книге было немало субъективных оценок. Пожалуй, главной из них можно считать резкое противопоставление испанской гражданской войны и революции: «То, что произошло в Испании, было не просто вспышкой гражданской войны, а началом революции. Именно этот факт антифашистская печать за пределами Испании старалась затушевать любой ценой. Положение в Испании

изображалось как борьба “фашизма против демократии”, революционный характер испанских событий тщательно скрывался. В Англии, где пресса более централизована, а общественное мнение обмануть легче, чем где бы то ни было, в ходу были лишь две версии испанской войны: распространяемая правыми — о борьбе христианских патриотов с кровавыми большевиками, и левая версия — о джентльменах-республиканцах, подавляющих военный мятеж. Суть событий удалось скрыть».

Не всегда справедливыми были упреки в адрес центрального испанского правительства, у которого, очевидно, имелись основания тормозить «социалистические» преобразования, в частности попытки коллективизации на селе. Сам Оруэлл не так уж энергично поддерживал утопические попытки левых радикалов, но его симпатии были на их стороне, тогда как возглавлявшего правительство Ларго Кабальеро, левого лидера Социалистической рабочей партии, и тем более сменившего его на посту премьера социалиста-центриста Хуана Негрина он называл врагами революции. При этом Оруэлл не вполне обоснованно считал Коммунистическую партию главной политической силой, стоявшей за спиной Кабальеро или Негрина.

Писатель не всегда справедливо противопоставлял «буржуазные» политические силы и стоявший за ними «капитал» пролетариату, явно симпатизируя последнему, хотя и не идеализируя его (в книге немало страниц, показывающих эгоистические настроения, необразованность, неопрятность и другие отталкивающие черты многих рабочих). Вот небольшой фрагмент в самом начале книги: «Многое из того, что я видел, было мне непонятно и кое в чем даже не нравилось, но я сразу же понял, что за это стоит бороться. Я верил также в соответствие между внешним видом и внутренней сутью вещей, верил, что нахожусь в рабочем государстве, из которого бежали все буржуа, а оставшиеся были уничтожены или перешли на сторону рабочих».

В тесной связи с оруэлловской оценкой классов находились и его несколько трансформировавшиеся, но не претерпевшие существенных изменений представления о социализме. Писатель видел в нем общество всеобщего равенства, пренебрегая тем, что люди по своей природе не могут быть равны. Вот как виделась писателю социалистическая идея, в данном случае неразрывно связанная с его испанским опытом:

«Идея равенства — вот что привлекает рядовых людей

в социализме, именно за нее они готовы рисковать своей шкурой. Вот в чем “мистика” социализма. Для подавляющего большинства людей социализм означает бесклассовое общество. Без него нет социализма. Вот почему так ценны были для меня те несколько месяцев, что я прослужил в рядах ополчения. Испанское ополчение, пока оно существовало, было ячейкой бесклассового общества. В этом коллективе, где никто не стремился занять место получше, где всего всегда не хватало, но не было ни привилегированных, ни лизоблюдов, возможно, было предвкушение того, чем могли бы стать первые этапы социалистического общества. И в результате, вместо того чтобы разочаровать, социализм по-настоящему привлек меня. Теперь гораздо сильнее, чем раньше, мне хочется увидеть торжество социализма. Возможно, это частично объясняется тем, что я имел счастье оказаться среди испанцев, чья врожденная честность и никогда не исчезающий налет анархизма могут сделать приемлемыми даже начальные стадии социализма».

Оруэлл освобождался от абстрактных мечтаний крайне медленно и мучительно и никогда полностью не преодолел это утопическое мышление. Ведь именно утопиями, хотя и с негативными оценками, являлись произведения, ставшие вершиной его писательского труда.

В «Памяти Каталонии» он всё же не был до конца откровенен, считая, что обязан подчеркнуть светлые стороны пережитого опыта. Само название книги диктовало определенные условия. Это была книга памяти того, что не воплотилось в действительность.

Писатель не раз признавал, что в своей книге допускал преувеличения. 20 декабря 1938 года в письме публицисту и историку Фрэнку Джеллинеку он откровенно признался, что на деле не столь уж симпатизировал ПОУМ: «Я всегда говорил им, что они неправы, и отказывался вступить в партию... Вне всякого сомнения, их способ изъясняться... был утомительным и до крайности провокационным»⁴²⁰.

Другому своему корреспонденту, поэту Стивену Спендеру, воевавшему в Испании в составе Интернациональной бригады, он сообщил, что не занимается «троцкистской пропагандой», как может показаться по некоторым главам «Памяти Каталонии»⁴²¹, что не сочувствует ни Троцкому, ни идеям ПОУМ. «Подлинная история этой войны никогда не будет и не может быть написана», — утверждал Оруэлл значительно позже⁴²², проявляя неоправданный скептицизм в оценке возможностей исторической науки. Но опыт

испанской войны не способствовал улучшению его социального самочувствия. Он не видел перспектив завершения войны в пользу республиканского правительства, принимая во внимание и значительно лучшую организованность сил Франко, и интенсивную германскую и итальянскую помощь ему, и фактический отказ от поддержки республиканцев Советским Союзом и европейскими коммунистическими партиями, и вывод Интернациональных бригад из Испании в 1938 году, и позицию невмешательства Франции и Великобритании. Но даже будучи уверен, что война проиграна, он полностью оставался на стороне республиканских сил, исходя из необходимости сделать выбор между смертью бесславной и смертью достойной.

В какой-то мере книгу «Памяти Каталонии» и другие публикации Оруэлла об испанской войне можно сравнить с романом Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» об «американском Байроне, немногословном, гордом, много пережившем и уехавшем гибнуть за свою Грецию», по оценке Дмитрия Быкова⁴²³. Своего рода «британским Байроном» XX века был сам Оруэлл. Он, правда, не погиб в Испании, но война похоронила многие его иллюзии.

Испанский опыт и его детальное непредвзятое освещение в публицистике являлись одним из важнейших этапов в творческом и политическом развитии писателя. Получив поддержку со стороны Независимой рабочей партии как во время пребывания в Испании, так и после возвращения, особенно в связи с благожелательной оценкой книги «Памяти Каталонии», Оруэлл объявил о своем вступлении в НРП, хотя ранее не раз высказывался о ней критически, считая, что у нее, как и у лейбористов, отсутствуют четко выраженные социалистические принципы, да и вообще подчеркивал необходимость для творческой личности оставаться вне политических организаций. Письмо с просьбой о приеме в НРП датировано 13 июня 1938 года. Эта же дата стоит в выданном ему членском билете, ныне хранящемся в архивном фонде Оруэлла. Как видно по записи в билете, он уплатил свой годовой членский взнос только один раз⁴²⁴.

Двадцать четвертого июня была опубликована статья Оруэлла «Почему я вступаю в НРП»⁴²⁵. На вынесенный в заголовок вопрос давался ответ: «Потому что НРП является единственной британской партией — во всяком случае, единственной довольно крупной... целью которой является социализм. Я не считаю, что полностью потерял веру в Лейбористскую партию. Я искренне надеюсь, что Лей-

бористская партия завоюет абсолютное большинство на следующих всеобщих выборах. Но мы знаем, какова была история Лейбористской партии, и мы знаем ужасный соблазн нынешнего момента — соблазн выбросить за борт любой принцип с целью подготовки к империалистической войне».

Так что основным мотивом присоединения к НРП являлась не столько ее социалистическая ориентация, сколько отсутствие другой значительной политической силы, стоящей на антивоенных позициях. Журнал «Нью стейтсмен» довольно ехидно прокомментировал эту аргументацию устами писателя и критика Виктора Притчетта: «Существует немало аргументов в пользу того, чтобы писатели держались вне политики, и пример господина Оруэлла свидетельствует как раз об этом»⁴²⁶.

Одновременно Оруэлл присоединился к связанному с НРП Союзу верности миру, стоявшему на пацифистских позициях, и написал для него памфлет, который, впрочем, не был опубликован и не сохранился⁴²⁷. Можно, однако, полагать, что этот документ не вполне соответствовал помпезным утопическим программным тезисам НРП 1935 года: «Политика партии имеет в виду *всеобщую стачку*, чтобы остановить войну, и *социальную революцию* на случай, если война произойдет». Пацифизм Оруэлла не имел ничего общего ни с идеей всеобщей политической стачки, совершенно нереальной в тогдашних британских условиях, ни тем более с революцией. Неудивительно, что пребывание писателя в рядах НРП оказалось недолгим. Оруэлл покинул ее в самом начале Второй мировой войны из-за того, что в условиях нацистской агрессии эта партия сохранила свои пацифистские позиции.

Но была еще одна, не менее важная причина. Оруэлл продолжал считать себя деятелем левого направления, «свободным от партийных ярлыков». Он не стал заниматься разглагольствованиями о том, почему именно расстается с НРП, а просто не внес очередной годовой членский взнос и автоматически выбыл из партии.

Глава десятая

**ПАЦИФИСТ СТАНОВИТСЯ
ПАТРИОТОМ**

Подходы к критике тоталитаризма

Испанский опыт был некоей отправной точкой для анализа главных проблем современной действительности, а создавали эти проблемы главным образом политические системы — нацистская в Германии и большевистская в СССР. Летом 1938 года Оруэлл рецензировал книгу американского журналиста Юджина Лайонса, пробывшего в СССР шесть лет, с 1928 года по 1934-й, одного из немногих западных корреспондентов, которому удалось собрать объективные данные о ситуации в стране. Вначале он писал о Советском Союзе сочувственно и 22 ноября 1930 года был удостоен чести взять у Сталина интервью для разоблачения слухов о его уходе в отставку (это было первое интервью советского диктатора западному журналисту). Постепенно Лайонс изменил свое отношение к происходившему в СССР, что отразилось в его книге «Назначение в Утопию»⁴²⁸.

Оруэлл заметил в рецензии: «Печальным фактом является то, что любая неблагоприятная критика современного российского режима неизбежно воспринимается как пропаганда *против социализма*». Он делал вывод, что советская система, описанная Лайонсом, не очень сильно отличается от фашистской, имея такие общие признаки, как воспевание героев, тотальный контроль, внушаемую сверху массовую ненависть к «врагам» и показательные постановочные судебные процессы⁴²⁹.

Особое внимание Оруэлла привлекли строки в книге Лайонса: «Был выдвинут лозунг “Пятилетку в четыре года”, и магические символы “5 за 4” и “2+2=5” были видны и слышны по всей стране. Формула 2+2=5 немедленно привлекла мое внимание. Она оказалась мне... парадоксом и трагическим абсурдом на советской сцене своей мистической простотой, своим противоречием логике». Пройдет

не так уж много времени, и Оруэлл использует эту формулу как одну из главных символов тоталитарного абсурда.

Пока же писатель в своей публицистике всё чаще обращался к теме тоталитаризма. Рецензируя книгу Ф. Боркенау о Коммунистическом интернационале и философско-социологический труд Б. Рассела «Власть»⁴³⁰, он приходил к выводу, что строго централизованные государства в своем стремлении к самоутверждению путем подавления оппонентов имеют значительно больше общего, нежели можно предположить на основании их идеологических различий, которые служат в основном средством привлечения и подчинения населения.

Одно время Оруэлл подумывал вновь заняться проблемами Востока, не раз говорил знакомым, что не прочь написать книгу об Индии, не уточняя, правда, что это могло бы быть — сборник очерков, публицистический труд или роман. Поначалу казалось, что для этого складываются благоприятные условия. В самом конце 1937 года, то есть как раз по завершении работы над книгой «Памяти Каталонии», Оруэлл получил письмо от южноафриканского издателя Десмонда Янга, незадолго до этого начавшего в крупном индийском городе Лакнау выпуск либеральной газеты «Пайонир» («Пионер»). Янг, поклонник творчества Оруэлла, предложил ему стать заместителем редактора и ведущим автором издания, близкого к умеренному крылу Индийского национального конгресса — партии, выступавшей за автономию, а в перспективе и за независимость Индии. Янг сообщал, что не может предложить высокую зарплату, но обеспечит дешевое и приличное жилье и позаботится, чтобы у Оруэлла оставалось достаточно времени для писательского труда⁴³¹.

Забыв и про общее переутомление, и про ухудшение состояния здоровья (как раз в это время он в очередной раз заболел бронхитом), не говоря уже о последствиях ранения, писатель ответил немедленным согласием подписать годовой контракт. Он, правда, сомневался, что получит от британского Департамента по делам Индии разрешение на въезд: хотя Индия в 1929 году получила статус доминиона, контроль со стороны британских властей оставался весьма жестким.

По просьбе Янга с Оруэллом встретился директор информационного отдела департамента Э. Джойс, предварительно попросивший прислать ему свою краткую биографическую справку. Содержание ее, видимо, вызвало у

чиновника весьма негативную реакцию: там вполне откровенно говорилось о политических взглядах Оруэлла и целях его поездки в Индию: «Я симпатизирую социализму, в определенной мере связан с НРП и, находясь в Испании, служил в контингенте НРП. Цель моей поездки в Индию состоит, помимо работы в “Пайонире”, в том, чтобы попытаться получить более ясное представление о политических и социальных условиях в Индии, чем то, которое у меня ныне»⁴³².

Оруэлл, похоже, не рассчитывал на положительный ответ. Скорее он проводил своеобразный эксперимент: каким способом — прямым или косвенным — колониальное ведомство откажет ему. Однако Джойс поступил хитрее: не желая отказывать ни Оруэллу, ни издателю, он сослался на то, что писатель выглядит переутомленным и бледным, сильно кашляет (всё это соответствовало действительности). Через несколько месяцев Джойс известил Янга, что «не советует» ему привлекать Оруэлла к работе на территории Индии»⁴³³. Британские власти явно опасались, что результатом поездки станет новая разоблачительная книга, возможно, еще более острая, чем те, которые были посвящены рабочим Северной Англии и событиям в Испании.

Но даже если бы наш герой получил разрешение, не смог бы отправиться в Индию по состоянию здоровья. Едва прошел зимний бронхит, как в начале марта Эрик вновь заболел. У него начался такой кашель, каким он еще никогда не страдал, на этот раз со сгустками крови. Эйлин была в большой тревоге. «Кровотечение, похоже, никогда не кончится», — писала она знакомому⁴³⁴. Ее брат Лоуренс, известный хирург, счел, что состояние больного не внушает серьезных опасений, но требует стационарного лечения. На машине скорой помощи Блэр 15 марта 1938 года был отправлен в санаторий Престон-Холл в графстве Кент. Там его сравнительно быстро привели в удовлетворительное состояние, хотя врачи констатировали чрезвычайную худобу и затемнение в легких. Туберкулезный процесс и на этот раз обнаружен не был, но симптомы очень напоминали эту тяжкую болезнь; не исключалась какая-то форма туберкулеза, которую трудно было выявить, и специалисты решили, что Блэру нужны длительное лечение в стационаре, строгий режим и отказ от напряженной работы.

Такое медицинское заключение было воспринято Эриком, рассчитывавшим через несколько дней покинуть больницу, чуть ли не как смертный приговор. Это — «уч-

реждение, предназначенное для убийства», — жаловался он Эйлин. В санатории он оставался пять с половиной месяцев, до начала сентября. Со временем он смирился с мыслью о длительном лечении. С братом Эйлин, навещавшим его почти ежедневно, установились теплые отношения, и Эрик стал более тщательно выполнять медицинские наставления⁴³⁵.

Это был особый санаторий. Он был основан еще в 1849 году, а в 1925-м приобретен ветеранской организацией — Британским легионом, и с тех пор здесь лечились солдаты и офицеры, состоявшие на действительной службе, и отставники. По соседству, в городке Айлесфорд, была основана «колония Престон-Холл» (позже ее стали называть «деревней Королевского Британского легиона») — поселение для солдат, выписанных из санатория, которые, пользуясь субсидиями, занимались неутомительными сельскохозяйственными делами. Штатских пациентов в санатории почти не было. Эрик Блэр был принят как родственник маститого консультанта, поэтому отношение персонала к «особому пациенту» было очень внимательное.

Первое время Эрик в основном находился в постели, читая книги и решая кроссворды. Лишь когда он несколько окреп и набрал вес, ему разрешили прогулки, доставлявшие немалое удовольствие. Прогулки по территории санатория с его великолепным розарием, кедровой аллеей, а затем и посещения соседнего ветеранского поселения примирили Эрика с необходимостью длительного лечения. Уже через пару недель после поступления в санаторий он писал своему ровеснику, романисту и очеркисту Джеку Коммону, что санаторий оказался «очень приятным местом»⁴³⁶. Именно здесь Оруэлл приступил к новому роману, в котором переплелись его современные представления о смысле жизни с реминисценциями из детских лет.

Мысли о романе появились еще до поступления в санаторий. В декабре 1937 года Оруэлл писал Муру: «У меня пока по этому поводу только неопределенная идея, как вы можете себе представить. Всё, что я задумал, состоит в следующем: это будет роман, он не будет связан с политикой, он будет о человеке, который, находясь в отпуске, пытается избежать ответственности, общественной и личной. Я придумал название “Глотнуть воздуха”»⁴³⁷.

Разумеется, став профессиональным писателем и получив известность, он не мог не задумываться над новым крупным художественным произведением. Однако тягостные

мысли о международном положении отодвигали художественные образы на второй план. Творческому настроению отнюдь не способствовало и то, что при внешнем улучшении самочувствия болезненный процесс в легких продолжался. Временами Эрик чувствовал приступы слабости и подозревал, что всё-таки болен туберкулезом. Он продолжал писать очерки, рецензии, литературные обзоры. Однако за новый крупный труд браться не решался. В мае он писал из санатория Джеку Коммону, что очень хотел бы начать новый роман, но не в состоянии это сделать: «Я думаю, что при Гитлере, Сталине и иже с ними дело со всякими романами идет к концу. Осмелюсь сказать, что если я начну его, скажем, в августе, я должен буду завершать его в концентрационном лагере»⁴³⁸. Неясно, чей концлагерь имелся в виду — германский, в случае поражения Великобритании в войне; английский, для неугодных элементов, в случае введения в стране военного положения; сталинский, в случае коммунистического переворота и советской оккупации. Так или иначе, перспектива оказывалась безрадостной.

«Плотнуть воздуха»

После выписки из санатория продолжалось амбулаторное лечение. Летом 1938 года Оруэлл занялся новым романом, фрагменты которого набрасывал в предыдущие месяцы. Иногда он почти полностью отвлекался от романа, занимаясь важной для него публицистикой, иногда полностью отдавался поворотам сюжета, целыми днями работая над книгой.

Роман был написан сравнительно быстро. Чувствовалось, что не только основные идеи и сюжетные ходы, но и текстовые подробности выношены автором. Но избежать политики всё же не удалось.

Сюжетная канва романа проста. 45-летний рано постаревший обрюзгший страховой агент Джордж Боулинг ведет скучную мешанскую жизнь в столичном пригороде, находясь в состоянии постоянной дремоты. Туповатая супруга относится к нему презрительно-снисходительно, как к существу низшей породы, не понимает его остроумия, либо воспринимает его буквально и вдобавок внимательнейшим образом следит за семейными расходами, не допуская, чтобы деньги тратились на «баловство». Герой романа сообщает о своей жене: «В голове ее крепко засело, что кончим мы

в работном доме. Между прочим, если мы впрямь докатимся, ей будет там раз в сто легче, чем мне, — наверное, даже испытает удовольствие от полной безопасности*.

Джорджу, к счастью, удастся утаить от жены выигранные на скачках 17 фунтов — по тем временам значительная сумма. Возникает «роковая» проблема, на что ее потратить: на хорошие сигары, приличную выпивку с закуской в недешевом ресторане, а может быть, хватит и на молодую женщину — не очень дорогую. Правда, в качестве рефрена сквозь все эти размышления проходит зловещая серая тень бомбардировщика, заставляющая задуматься о реалиях 1938 года, о том, что в любой момент может вспыхнуть война... Тень военного самолета уже возникала в романе «Да здравствует фикус!», но как бы случайно, здесь же появляется вновь и вновь.

Боулинг случайно видит рекламный плакат, непонятным образом напомнивший ему о давних годах, о беззаботном детстве: вот он стремительно катит на велосипеде с пригорка, вот наслаждается прохладной речной водой или просто вдыхает запахи лета и зелени. Но от тени бомбардировщика никуда не деться...

Важной темой книги стали ситуация в британском левом движении: все перипетии Народного фронта, грызня между фракциями, фанатизм одних и равнодушие других. Ядовитыми сатирическими мазками рисует Оруэлл собрание некоего книжного клуба. На сцене оратор, произносящий гневные и вместе с тем пустые слова о фашизме; в зале несколько коммунистов, причем к ним отнесен и «троцкист», который считает себя умнее всех и задает оратору какие-то вопросы, лишь прибавляя ему страсти, с которой произносится очередная белиберда. Коммунисты же, физически хорошо развитые ребята, только и ждут момента, чтобы ввязаться в драку с кем угодно, и останавливает их только одно — они не знают, как посмотрит на это их партийное руководство.

В этих явно гротескных характеристиках явно проступают будущие герои притчи «Скотный двор» и романа «1984». Сцена в книжном клубе, написанная, кстати, чуть ли не последней, будет позже развита и значительно усилена в «минутах ненависти», которые станут одной из основных, ярчайших сцен великого романа.

* Здесь и далее цитаты из романа приводятся в переводе В. Домитеевой.

Однако главной темой, пронизывающей весь текст, является ужас от неизбежности надвигающейся войны. Тень бомбардировщика заполняет мысли и чувства главного персонажа.

Сразу после собрания книжного клуба Боулинг встречает своего школьного учителя, который почему-то заводит с ним разговор не на острые темы современности, а о богах и тиранах Древней Греции. В ответ на недоуменное напоминание о Гитлере старый учитель небрежно бросает: «Я не думаю о нем». Тем самым писатель подчеркивает, что есть нечто вечное и оно важнее козней современных злодеев.

Не покидая своего неопределенного «социализма», Оруэлл разворачивался в сторону вечных ценностей — в его творчестве они всё больше выходили на первый план, несмотря на приближение войны.

Однако возвышенные гуманистические ноты, которые прорываются в романе, как правило, сквозь канву грез и воспоминаний героя и лишь иногда прямо и открыто, отесняются жизненными реалиями. Повествование вновь и вновь возвращается к дремотной, спокойной британской провинциальной жизни, которая, казалось бы, самой красотой своих пейзажей защищена от внешнего вторжения.

В памяти Боулинга постоянно всплывают золотые дни, которых уже не вернуть — им на смену пришло современное зло, воплощенное в промышленном прогрессе, в отвратительных фабриках и шахтах. Герой одержимо ищет, но не находит следов «райского прошлого» — оно сохранилось только в его памяти, способной упорно удерживать радостные, волнующие душу воспоминания и невольно изгоняющей всё отвратительное. «А может быть, уничтожение нового, отвратительного мира бомбами того самого самолета — наилучший выход?» — на какой-то миг задумывается Боулинг, хотя тотчас отбрасывает кощунственную мысль.

В конце концов Джордж Боулинг возвращается к обычной монотонной жизни в пригороде, к жене, читающей ему нравоучения, к раздражающим его детям. Глоток свежего воздуха он получил, но лишь один глоток...

Оруэлл легко переходит от размышлений и чувств персонажа — привыкшего к пригородной повседневности продавца страховых полисов, вдруг возрадовавшегося «свежему воздуху», — к собственным реминисценциям по поводу судьбы героя, его окружения, судеб современной цивилизации, которой непосредственно угрожает совершенно неоправданная война. Те пацифистские интона-

ции, которые созрели в сознании писателя, теперь перекочевали в роман.

Почти дописав «Глотнуть воздуха», Оруэлл покинул санаторий с настойчивой рекомендацией врачей провести следующие несколько месяцев в теплом климате. Но осуществить такой план было нелегко — гонораров за статьи едва хватало на то, чтобы относительно безбедно существовать. Средств же на дальнюю длительную поездку не было.

Помощь пришла неожиданно. Редактор «Адельфи» Макс Плауман познакомил Оруэлла с романистом средней руки Леопольдом Майерсом, у которого оказались два важных качества: он был восторженным почитателем творчества Оруэлла и обладал приличным унаследованным состоянием, из которого готов был выделить любимому автору 300 фунтов стерлингов — сумму, по тем временам вполне достаточную для длительного отдыха⁴³⁹. Щепетильный Оруэлл согласился принять деньги только как займы. Он действительно возвратил долг, но не скоро, а лишь после того как вышел «Скотный двор», принесший ему и славу, и гонорары. Он писал вдове Плаумана, скончавшегося в июне 1941 года: «Давно уже было пора начать отдавать долги, но до этого года я действительно был не в состоянии сделать это». Он смог отдать деньги в два приема. Сумма первого чека составила 250 фунтов стерлингов⁴⁴⁰.

О своих планах писатель рассказал в письме Джеку Коммону: «Конечно, эта поездка... на занятые деньги, очень дорогая, и я не думаю, что у меня найдутся финансы на три-четыре месяца. Роман должен выйти в начале апреля [1939 года]*. Там действительно всё смешалось, но некоторые части его мне нравятся, и он внезапно открыл мне большую тему, которой я на самом деле раньше никогда не касался, да и сейчас у меня нет времени должным образом справиться с нею. Я хотел бы остаться в живых, не попасть в тюрьму и не иметь финансовых проблем в ближайшие несколько лет. Я надеюсь после этой книги написать нечто злободневное, но у меня есть очень смутная мысль об огромном многотомном романе, и мне нужны несколько лет, чтобы спланировать его в спокойной обстановке. Конечно, когда я говорю о спокойной обстановке, я не имею в виду отсутствие войны, потому что на самом деле воюя можно быть в мире с собой, но я не думаю, что то, что я имею в виду

* Работа над романом затянулась, и он вышел немного позже, в июне 1939 года.

под спокойствием, совместимо с современной тоталитарной войной»⁴⁴¹.

В качестве наилучшего места для продолжительного отдыха врачи порекомендовали Марокко. Главным достоинством этой страны был сухой теплый климат, особенно на склонах Атласских гор. Стоимость жизни там была невысока, и основную статью расходов составляло морское путешествие до Гибралтара, откуда можно было сравнительно легко добраться до места. Намного дешевле было бы отправиться в Гибралтар сухопутным путем, через Францию и Испанию, но, принимая во внимание недавние испанские перипетии Оруэлла, этот вариант был исключен — он был слишком опасным, почти самоубийственным. К тому же гражданская война в Испании шла к концу — приближался разгром республики силами Франко.

Договорившись с Джеком Коммоном, что он возьмет на себя уход за животными и растениями Блэров в Воллингтоне, Эрик и Эйлин в начале сентября 1938 года отправились в Марокко. Продолжавшееся несколько дней плавание из порта Тилбери в Юго-Восточной Англии до Гибралтара было не из легких. Воды Атлантики были бурными, пассажиров мучила морская болезнь. Однако Блэры предусмотрительно запаслись новым немецким препаратом от укачивания, и по свидетельству Эйлин, ее муж «разгуливал по кораблю с ангельской улыбкой, наблюдая других людей, страдающих от морской болезни»⁴⁴².

Блэры решили остановиться в городе Марракеш в юго-западной части Марокко, у подножия Атласских гор. Здесь был ровный теплый климат, годовая температура колебалась между 12 и 28 градусами. Марракеш славился парками, среди которых выделялись оливковая роща Менара и обнесенные оградой, но почти дикие сады Агдал. За городом простиралась обширная пальмовая роща. Правда, дешевый отель, номер в котором они заказали заранее, оказался отвратительным. Эйлин написала свекрови со смесью отвращения и иронии: «Я с борделями напрямую никогда не сталкивалась, но когда они предоставляют особые услуги, то, наверняка, именно в такой грязи и без удобств»⁴⁴³.

Пробыв в отеле первую ночь, Блэры на следующий день перебрались в удобное жилье на окраине Марракеша. Здесь они провели месяц, а затем переселились на виллу в нескольких километрах от города, в центре апельсиновой рощи. Новое место обитания было просторным, а главное — в

чердачном помещении находилась комната со столом, которую Эрик мог использовать в качестве кабинета.

Однако существенного улучшения здоровья не произошло. Время от времени возобновлялись кашель и приступы слабости. Вдобавок питьевая вода была загрязнена, и это привело к желудочному расстройству, которым Эрик страдал в октябре—ноябре. К тому же супруги очень скоро обнаружили, что за приятными курортными видами скрывались нищета и отсталость местного населения, что крайне негативно воздействовало и на настроение, и даже на самочувствие писателя.

Эрик возобновил ведение дневника, прерванное после конфискации испанской тетради. Он записывал свои отнюдь не радостные впечатления, фиксировал, что местные арабы ухитряются жить на один шиллинг в день, обрабатывая крохотные сухие участки земли орудиями, которые «были устаревшими еще во времена Моисея». Его потрясли высокая смертность среди арабов и то, что хоронили их в крохотных могилах, напоминавших дыры⁴⁴⁴. Как-то во время обеда мимо ресторана, где было полно мух, прошла похоронная процессия, и мухи внезапно улетели, чтобы «попробовать вкус тела усопшего»⁴⁴⁵.

Диккенс

В Марокко Блэры продолжали привычные занятия — садоводство и уход за мелким скотом. Они даже купили дюжину кур-несушек, и Эрик исправно записывал, сколько яиц они получали ежедневно. Но главное — он возобновил интенсивную работу над темой, которую давно вынашивал. Он стал сводить воедино мысли и заметки о своем великом соотечественнике Диккенсе. В обширном эссе, написанном с глубокой любовью в основном в последние месяцы пребывания в Марракеше⁴⁴⁶, констатировалось, что самые различные политические и социальные силы пытались присвоить наследие писателя: марксисты считают Диккенса почти марксистом, объявляя его борцом за дело пролетариата, католики — почти католиком. Недаром оно начиналось словами: «Диккенс принадлежит к тем достойным писателям, которых стоит (и многие пытаются) прикарманить. Если вдуматься, даже его погребение в Вестминстерском аббатстве было своеобразной кражей... В отношении к Диккенсу английская публика всегда походила на слона,

который удары палкой принимает за прелестное щекотанье»⁴⁴⁷. Оруэлл вспоминал, что как-то ему удалось познакомиться с книгой Крупской о Ленине, в которой она среди прочего рассказывала, что Владимир Ильич ушел с середины спектакля по Диккенсу из-за его «мещанской сентиментальности». Оруэлл же считал Диккенса ниспровергателем, радикалом, бунтарем, который обрушивался на социальные институты Великобритании «со свирепостью, на какую с тех пор не отваживался никто»; в то же время «Диккенсу удалось подвергнуть критике всех и никого не восстановить против себя». При всем радикализме Диккенса он не был революционным, а тем более пролетарским писателем, несмотря на фокусировку его художественного внимания на определенном социальном слое.

К десяти годам школьники уже напичканы Диккенсом по горло, отмечал Оруэлл. Это, однако, не означает, что знакомство с его произведениями следует как-то ограничить. Просто надо дать возможность детям без каких-либо дополнительных нравочений искать и находить у Диккенса то, что им ближе всего. «Мне было, если не ошибаюсь, лет девять, когда я впервые прочел “Дэвида Копперфильда”». Душевный настрой первых же глав оказался для меня таким доступным, что по наивности я предположил, что они написаны *ребенком*»⁴⁴⁸. Оруэллу были весьма близки места в произведениях Диккенса, где речь шла об издевательствах над детьми. «Духовная жестокость по отношению к ребенку возмущает писателя не меньше жестокости физической... школьные учителя у него, как правило, негодяи»⁴⁴⁹, — подмечал бывший учитель.

Оруэлл отмечал сходство некоторых моментов в романах Диккенса с его биографией: юный Дэвид Копперфильд мыл бутылки на складе, а сам Диккенс с десяти лет работал на гуталиновой фабрике, что, однако, не делало писателя носителем классового сознания рабочих. Его герои принадлежали в основном к лондонской коммерческой буржуазии и связанным с ней слоям, а к рабочим можно весьма условно причислить лишь трех персонажей. Но и это скорее ирония, так как на поверку оказывается, что это грабитель, лакей и пьяница-повитуха, то есть «не очень-то представительный срез английского рабочего класса»⁴⁵⁰.

Диккенсовская критика общества, считал Оруэлл, обращена почти исключительно к морали, отсюда и полное отсутствие в его произведениях каких бы то ни было конструктивных идей (Оруэлл имел в виду, что его любимый

писатель, критикуя законы, парламентское правление, систему образования, не рассматривал возможные пути трансформации политического и общественного устройства). «Конечно, — писал Оруэлл, — созидательные программы вовсе не обязательны для писателя или сатирика, тем более что мишень Диккенса — человеческая натура. <...> Всякая критика общества у Диккенса скорее нацелена на то, чтобы изменить его дух, а не на то, чтобы изменить его структуру. Бесплезно связывать его с каким-либо определенным средством социального исцеления, тем более — с какой бы то ни было политической доктриной»⁴⁵¹.

В то же время в статье обращается внимание на резко отрицательное отношение классического писателя к тому, что условно можно назвать революцией (сам он не использовал этот термин). К подобным сюжетам, как показал Оруэлл, Диккенс обращался в нескольких романах. В принципе его даже можно было бы назвать контрреволюционером, причем Оруэлл не осуждает его за это, во всяком случае не вкладывает в этот термин негативный смысл. Так, Диккенс пишет о «бесцельных вспышках грабежа», «демонстрирует глубину ужаса безумствующей толпы»⁴⁵². Да, низкая зарплата, рост населения и его миграция породили массу опасного трушобного пролетариата. «Когда в воздухе начинали летать камни и обломки кирпичей, защищаться можно было только двумя средствами: закрыть ставни на окнах или приказать войскам открыть огонь»⁴⁵³. «Невольно в голову приходит мысль, будто читаешь описание “красной” Испании, сделанное сторонником генерала Франко»⁴⁵⁴, — констатирует Оруэлл.

Не случайно особое внимание в статье уделено посвященной времени французской революции конца XVIII века диккенсовской «Повести о двух городах» (1859)*, ставшей, по некоторым оценкам, самым популярным произведением писателя. Оруэлл не приводит вступительных слов повести Диккенса: «Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен; это был век мудрости, это был век глупости; это была эпоха веры, это была эпоха безверия; это были годы Света, это были годы Мрака; это была весна надежд, это была зима отчаяния; у нас было всё впереди, у нас не было ничего впереди...», — но его анализ исходит из этого контрастного, противоречивого сопоставления верхов и низов, аристократии и социального дна, людей любящих

* Иногда переводится как «Сказка двух городов».

и людей ненавидящих, тех, кто глубоко мыслил, и глупцов. При этом у Оруэлла доминирует именно ненависть: гильотина, «окровавленные ножи, головы, отскакивающие в корзину, зловещие старухи, наблюдающие за всем этим, не отрываясь от вязальных спиц... Революция произошла потому, что века угнетения превратили французских крестьян в полулюдей».

Оруэлл пишет с оттенком черного юмора, что в понимании Диккенса революция — это «чудовище, которое порождается тиранией и которое всегда кончается пожиранием собственных органов»⁴⁵⁵. Вдохновители террора неизбежно должны были сами погибнуть под тем же самым ножом. «Апологеты всякой революции стремятся преуменьшить ее ужасы, у Диккенса очевиден порыв преувеличить их. С точки зрения исторической он, несомненно, преувеличивал. Даже царство террора было куда меньше, чем он тшится его представить». Но в то же время подчеркивается неизменное диккенсовское кредо: «Если вам ненавистно насилие, а веры в политику у вас нет, то единственным средством избавления от бед остается просвещение».

Автор отмечал отсутствие у Диккенса «вульгарного национализма», при этом констатировал важное социопсихологическое явление: «Все народы, достигшие стадии становления как нации, склонны презирать иностранцев, но мало кто усомнится, что племена англоговорящих здесь являются наихудшие образцы. Судить об этом можно хотя бы по такому факту: стоит лишь им узнать о существовании иной нации, как тут же придумывается для нее оскорбительная кличка... До совсем недавнего времени все английские дети воспитывались в презрении к южноевропейским народам, а история, которой учили в школе, ограничивалась перечислением одержанных Англией побед». Считалось, что «один англичанин равноценен трем иностранцам». Всем остальным нациям противопоставлялся Джон Буль** — «сильный молчаливый англичанин»⁴⁵⁶. У Диккенса же не было комических образов ирландца или валлийца,

* Оруэлл перефразирует известные слова «Революция пожирает своих детей», якобы произнесенные якобинцем Жоржем Дантоном перед казнью; впрочем, среди возможных авторов этого крылатого выражения фигурируют и другие деятели французской революции конца XVIII века, в частности лидер партии жирондистов Пьер Верньо.

** Джон Буль — юмористический образ типичного англичанина, возникший в начале XVII века.

он не выказывал предубеждения против евреев. «Во многом он — англичанин, но вряд ли сам сие осознает, и уж, разумеется, мысль о принадлежности к англичанам не вгоняет его в священный трепет. Не было у него империалистических чувств, не было основательных взглядов на внешнюю политику, его не затронула военная традиция»⁴⁵⁷. Однако, отмечал Оруэлл, его острый ум легко схватывал лицемерие. Если бы Диккенс жил в наше время и смог совершить поездку в Советскую Россию, по возвращении он написал бы книгу, которая походила бы на отчет Андре Жида. (Французский писатель одно время энергично поддерживал Советский Союз, но, побывав там в 1936 году, издал книгу «Возвращение из СССР», в которой подверг советский режим резкой критике за отсутствие свободы мысли, жесткий контроль за общественной жизнью, пугающие советские стереотипы. В левых интеллектуальных кругах книга Жида произвела эффект разорвавшейся бомбы.)

Большое внимание у Оруэлла уделено Диккенсу-карикатуристу, в произведениях которого «приличное общество» представляет собой сборище сельских идиотов. Перечисляя диккенсовских героев, он констатировал, что это «журнал регистрации слабоумия», пустых старых снобов, твердолобых грубиянов, порочных старцев.

От внимательного взгляда Оруэлла не укрылось, что Диккенс не имел ни малейшего понятия об охоте, а почти любой вид спорта годится в объект сатиры. В молодости не лишенный интереса к этим «мужским увлечениям», Оруэлл ко второй половине 1930-х годов утратил его, возможно, по состоянию здоровья, и в какой-то мере стал связывать эти занятия с негативными человеческими качествами. Отсюда его ремарки: «В его (Диккенса. — Ю. Ф., Г. Ч.) романах крайне мало физической жестокости или грубости»; «В Англии в основном по причинам географического спорта, прежде всего игровой на открытом воздухе, и снобизм слиты неподражаемо. Английские социалисты часто напрочь отвергали рассказы о том, что Ленин любил охоту: в их глазах охота, травля и т. п. просто снобистские ритуалы земельного дворянства, — они забывали, что в такой огромной девственной стране, как Россия, к подобным занятиям могут относиться совсем по-иному»⁴⁵⁸.

Оруэлл проводил сравнение между Диккенсом и Львом Толстым и давал ответ на им же самим поставленный вопрос, почему способность понимания Толстым человеческих характеров и связанных с ними обстоятельств кажет-

ся ему большей, чем способность Диккенса «поведать нам о нас самих»: дело не в большей одаренности и даже не в большем уме. Толстой писал о людях, которые развиваются, обретают свои души в борьбе, в то время как образы, созданные Диккенсом, раз и навсегда отшлифованы и совершенны. По мнению Оруэлла, диккенсовские типы встречаются гораздо чаще и выглядят ярче, чем толстовские, но они всегда однозначны, неизменны, как картины или предметы мебели. С диккенсовским героем невозможно вести воображаемый диалог, как, допустим, с Пьером Безуховым. И дело тут отнюдь не в большей серьезности Толстого, а в том, что у героев Диккенса нет духовной жизни: «Они говорят именно то, что им следует говорить, их нельзя представить беседующими о чем-то ином. Они никогда не учатся, никогда не размышляют... Доведись мне сравнивать Толстого с Диккенсом, я бы сказал: притягательность Толстого во времени будет расти и шириться, Диккенс же за пределами англоязычной литературы едва доступен»⁴⁵⁹.

Оруэлл оговаривался, что он почти не касался художественных качеств произведений Диккенса, а рассматривал их содержательную сторону: «У любого писателя, тем более романиста, признаёт он это или нет, есть свое “содержание”, под воздействием которого оказываются самые незначительные детали его творчества. Всякое искусство — пропаганда. Отрицать это не подумали бы ни сам Диккенс, ни большинство романистов-викторианцев. С другой стороны, не всякая пропаганда — искусство»⁴⁶⁰. И по этому высказыванию, и по ряду других оценочных суждений чувствуется, что Оруэлл во многом видел в Диккенсе объект для подражания и, более того, выделял в его характере, в тематике и содержании его произведений то, что было ему ближе всего, смотрелся в образ Диккенса, как в зеркало.

Завершается очерк своего рода портретом Диккенса: «Лицо человека лет сорока. Небольшая бородка. Стоячий воротничок. Человек смеется. В смехе различима нотка гнева, но никакого торжества, никакого злорадства. Передо мной лицо человека, который вечно с чем-то сражается, сражается открыто, и его не запугать, лицо человека, который *щедро гневен*, — иными словами, лицо либерала девятнадцатого столетия, свободного интеллектуала — тип, равной степенью ненавидимый всеми вонючими ортодоксами, что ныне соревнуются за обладание нашими душами»⁴⁶¹.

Очерк о Диккенсе стал свидетельством неразрывности разных ипостасей Оруэлла: литературоведа, критика, политического писателя, социального аналитика. Возможно, он явился вершиной его публицистики; во всяком случае, по глубине и творческой силе стоял на уровне его лучших художественных произведений, хотя и выражал иную сторону его духовного багажа.

К «социологии» великих писателей прошлого Оруэлл обращался и позже. В 1941 году он написал небольшую статью «Толстой и Шекспир»⁴⁶², предназначенную для чтения на радио, в которой попытался ответить на вопрос, почему великий русский писатель неодобрительно отзывался о великом англичанине. Коллизия была элементарно проста: Шекспир, автор «художественно совершенных и психологически утонченных пьес», не был великим мыслителем и моралистом. «У романистов, так же как у поэтов, умственная мощь и творческая сила вовсе не обязательно предполагают друг друга». Но почитатели Шекспира превозносят его за всё, в том числе за то, чего у него нет. Апологетика приписывает объекту восторженного поклонения любые достоинства, чтобы уберечь его от конкуренции. «Толстой критикует Шекспира не как поэта, но как мыслителя и учителя, и эта задача не так уж сложна. Однако он бьет мимо цели: Шекспир от этого нимало не пострадал. Его репутация и удовольствие, которое нам доставляет его творчество, остаются неизменными. Очевидно, поэт — это нечто большее, чем мыслитель и учитель», — заключал Оруэлл.

Анализ текущих событий

Марокканский отдых Оруэлл использовал для размышлений, записи возникавших идей и параллелей, создания выдающегося произведения об английском романисте. Но размышления были связаны не только с художественными материями прошлого. Пребывание в Марокко совпало с тяжелейшим международным политическим кризисом, непосредственно предшествовавшим началу Второй мировой войны. Через две недели после приезда Блэров в Северную Африку, в самом конце сентября, было подписано Мюнхенское соглашение, на основании которого нацистская Германия с санкции Великобритании и Франции получила право на захват Судетской области Чехословакии, населенной в основном этническими немцами. И хотя большой вой-

ны тогда удалось избежать, рассчитывать на прочный мир не приходилось. 29 сентября Эрик написал Джеку Коммону, что убежден в скором начале войны: «Французское население здесь совершенно не интересуется ситуацией и, очевидно, не верит, что приближается война. Конечно, им здесь не угрожает опасность, кроме молодежи, которая будет мобилизована»⁴⁶³. 3 октября Коммон, еще не получивший этого письма, проинформировал Блэра: «Как Вы знаете, здесь постоянно распространяются слухи о войне, и все думают, что на этот раз она действительно начнется»⁴⁶⁴, — и сообщил, что жителям Англии раздадут противогазы, на которые мало надежды.

Писатель продолжал внимательно следить и за событиями в Испании, где армии мятежников одерживали решающие победы. Тем не менее в Мадриде, который еще удерживало республиканское правительство, власти были заняты не столько организацией обороны, сколько выполнением поступающих из СССР распоряжений о расправе с «троцкистами». Когда в октябре 1938 года начался суд над руководителями ПОУМ, Оруэлл обратился к ряду британских редакторов и издателей с предложением выступить с протестом: «Обвинения против ПОУМ в Испании являются побочным продуктом российских судебных процессов против троцкистов, и это от начала до конца представляет собой набор лжи, включая отвратительные, абсурдные обвинения, сочиненные коммунистической прессой»⁴⁶⁵.

Оруэлл отлично понимал, что протесты авторитетных представителей интеллигенции против суда в Мадриде вряд ли последуют и в любом случае ничего не изменят. И действительно, в самом конце существования Испанской республики лидеры ПОУМ Хулиан Горкин, Хуан Андраде, Пере Бонет и другие были приговорены к длительным тюремным срокам, а еще несколько руководителей ПОУМ убиты без суда. Часть осужденных окончили свои дни в заточении. В то же время некоторым, в том числе секретарю ПОУМ Хулиану Горкину, получившему 15 лет тюрьмы, удалось в суматохе, последовавшей за сменой власти, бежать из заключения и эмигрировать в Мексику. Оруэлл отслеживал все эти новости по газетам, в которых выискивал любую информацию об Испании. Его инициатива в испанском вопросе не осталась полностью без ответа: в Лондоне был образован комитет защиты ПОУМ, который провел несколько публичных акций. И хотя сам Оруэлл был в

Марокко, в его архивном фонде сохранилась афиша о проведении митинга поддержки ПОУМ в Лондоне 20 ноября 1938 года⁴⁶⁶.

Издание романа и смерть отца

Проведя в Марокко около шести месяцев, Эрик Блэр счел, что экзотическую поездку, во время которой он ощущал себя оторванным от судьбоносных мировых событий, следует завершить. В марте 1939 года на японском судне, отправившемся из Касабланки, Блэры отплыли в Великобританию. Решение вернуться было вызвано еще и тем, что в те недели от скоротечного рака кишечника умирал Ричард Блэр. Прямо с корабля Эрик отправился к родителям. По возвращении в Англию он подхватил сильную простуду, тем не менее провел несколько дней у отцовской постели, что-то читая вслух, рассказывая какие-то случайные эпизоды из африканских впечатлений.

Помочь отцу было невозможно, и через неделю Эрик отправился в Воллингтон, откуда, взяв последнюю правку, отправил рукопись «Глотнуть воздуха» В. Голланцу в соответствии со старым контрактом, распространявшимся на три новых романа и требовавшим предоставить этому издателю право первым принять решение о публикации рукописи или же отвергнуть ее.

В глубине души писатель надеялся, что Голланц откажется печатать роман. Чтобы это произошло, в последний момент Оруэлл вписал в сатирическую сцену заседания Клуба левой книги образ докладчика, который должен был если не оскорбить издателя, то по крайней мере вызвать у него негативную реакцию. Скорее всего, эта дополнительная сцена пришла в голову автору случайно, но он сохранил этот образ и затем использовал его (разумеется, в усовершенствованном и отточенном виде) в описании «двухминуток ненависти», ставших важным элементом тоталитарного бытия в романе «1984». Некоторые авторы полагают, что Оруэлл создал карикатуру на самого Голланца, но согласиться с ними трудно. Голланц выступал сдержаннее, стремился аргументировать свои высказывания, да и внешне никоим образом не походил на персонаж и, будучи человеком неглупым, вряд ли мог углядеть в нем собственный карикатурный портрет. Но хлесткое высмеивание писателем того, что руководителю Клуба ле-

вой книги было идеологически близко и дорого, не могло последнего не задеть.

Один из персонажей романа Оруэлла, лектор, низенький человек средних лет, казался безобидным — но только до той поры, пока не стал скрипучим голосом произносить речь, состоявшую из лозунгов, связанных между собой случайными фразами, но проникнутую бешеной ненавистью к тем, кто был с ним хоть в чем-то не согласен. Правда, объектом ненависти были абстрактные «фашисты», но существа дела это не меняло. Вот как воспринимал это выступление попавший на собрание главный герой романа Джордж Боулинг: «Это действительно мрачная сцена — у человека был орган, подобный бочке, из которой на вас низвергалась в течение часа пропаганда... Ненависть, ненависть, ненависть. Давайте все мы соберемся вместе и будем хорошенько ненавидеть... Я видел стоящую перед ним картину... Он видел себя самого, бьющего человеческие лица гаечным ключом. Разумеется, это были лица фашистов».

Отсылая рукопись своему литературному агенту, Оруэлл писал ему 25 апреля 1939 года: «Конечно, книга — это всего лишь роман, и более или менее аполитичный... Но у него общая пацифистская тенденция, и есть одна глава... которая описывает собрание Клуба левой книги и против которой Голланц бесспорно будет возражать. Я думаю также, что, вполне возможно, какие-то коммунистические друзья Голланца давят на него, чтобы он устранил меня и других политически ненадежных писателей из списка своих авторов»⁴⁶⁷. Однако прогноз Оруэлла не оправдался — Голланц принял рукопись, попросив внести лишь незначительные изменения. Его коммерческие интересы победили политические амбиции. Голланц четко знал различие между политической публицистикой и художественным произведением. Он отказался печатать «Памяти Каталонии», но принял новый роман, который имел высокие художественные достоинства и мог принести приличную прибыль. В середине июня 1939 года роман «Глотнуть воздуха» был напечатан. Это было последнее произведение Оруэлла, опубликованное в издательстве Голланца.

Успех романа был безоговорочным. Он вышел двумя изданиями, одно за другим. В прессе появились весьма позитивные отклики. Были, разумеется, и недоброжелательные рецензии, но они публиковались в неавторитетных изданиях и проходили мимо читающей публики. Популярность Оруэлла, несколько снизившаяся после злобных атак

на него со стороны коммунистов и их союзников в связи с «поддержкой ПОУМ», вновь стала расти. Однако радость была омрачена смертью отца. Эрик был вызван в Саутволд, где 82-летний Ричард Блэр доживал последние часы. 28 июня Эрик совершил традиционный обряд, положив две монеты на закрытые глаза скончавшегося, а после похорон выбросил монеты в море, что символизировало для него уход в вечность всего того, что связывало отца с этим миром.

Антивоенная позиция

Накануне Второй мировой войны Эрик Блэр избрал позицию пацифиста, которая косвенно отразилась и в его творчестве, в частности в романе «Глотнуть воздуха». В марте 1939 года, еще из Марокко, он писал близкому к нему по взглядам Герберту Риду, считавшему себя анархистом: «Мы... находимся либо в стадии подступающей войны, которая начнется в ближайшие два года, либо в стадии длительных военных приготовлений, либо, возможно, фиктивных военных приготовлений, предназначенных для того, чтобы скрыть от нас нечто другое, но во всех этих случаях в явном процессе фашизации, ведущем к авторитарному режиму типа австро-фашизма. Поскольку целью, действительной или мнимой, является война против Германии, основная часть левых отождествляет себя с процессом фашизации, который в конце концов означает сокращение заработной платы, подавление свободы слова, жестокость в колониях и т. д.»⁴⁶⁸.

Иначе говоря, в отношении некоммунистических левых сил в демократических странах Оруэлл солидаризовался с коммунистами, обзывавшими социал-демократов социал-фашистами и считавшими их наибольшей опасностью для рабочего движения. В этот короткий предвоенный период писатель фактически не видел различий между политикой тоталитарных режимов и демократических государств, считая, что последние находятся на стадии «фашизации». Герберт Рид прислал ему манифест «К свободному революционному искусству», подписанный французским писателем-сюрреалистом Андре Бретоном и мексиканским художником-монументалистом Диего Риверой, но сочиненный Троцким, которому правительство Мексики разрешило пребывание в стране при условии, что он не бу-

дет вмешиваться в политическую жизнь. В документе со-держался призыв к созданию независимых ассоциаций ре-волюционных писателей, художников и других деятелей искусства, которые объединились бы затем в междуна-родную федерацию. Оруэлл подписал документ, предложив внести в него небольшие уточнения, но желания заняться организационной деятельностью, которая потребовалась бы для создания соответствующей организации в Велико-британии, не выразил⁴⁶⁹.

Судя по некоторым документам, пацифистская пози-ция Оруэлла стала созревать еще во время пребывания в са-натории Престон-Холл. Там он написал небольшую бро-шюру «Социализм и война» и послал текст Л. Муру, прося найти издателя⁴⁷⁰. Но пристроить рукопись не удалось, и по требованию автора Мур ее уничтожил. Со слов самого Ору-элла известно лишь то, что она касалась «в большей или меньшей степени темы пацифизма»⁴⁷¹.

Пацифистские взгляды в публицистике Оруэлла пред-военных лет проявились довольно четко. Он сформулиро-вал их, в частности, в статье, помещенной в «Нью инглиш уикли» в виде письма издателю⁴⁷². Автор пренебрегал тем, что гитлеровская Германия проводит агрессивный курс и готовится к захватнической войне в Европе, тогда как за-падные демократии находятся в состоянии пассивной обо-роны. Оруэлл полагал, что британские власти ожидают от народа поддержки «капиталистическо-империалистиче-ской» войны, а громкие слова о защите демократии и борьбе против фашизма произносятся в либеральных кругах толь-ко для того, чтобы скрыть главное — ее подготовку. «Вы не можете сейчас ожидать повышения зарплаты, потому что мы должны готовиться к войне. Пушки важнее масла», — писал Оруэлл, перефразируя популярный лозунг нацист-ской пропаганды, впервые озвученный Рудольфом Гессом, тогдашним заместителем Гитлера в нацистской партии, в речи 11 октября 1936 года и многократно повторенный и германскими руководителями, и их пропагандистскими слугами. Самым известным вариантом стало высказывание Германа Геринга: «Пушки лучше масла. От пушек стано-вятся сильнее. От масла жиреют». Теперь британским ле-вым писателем Джорджем Оруэллом этот лозунг был пере-несен на британскую почву.

Оруэлл крайне подозрительно относился к прекрас-но-душной антифашистской фразеологии. Испанская война научила его не верить демократическим фразам, не под-

крепленным конкретными делами, а то и противоречащим проводимой политике. Мог ли он доверять аналогичным заявлениям, звучавшим в Великобритании, где правительство Чемберлена буквально лебезило перед Гитлером? В статье в «Нью инглиш уикли» и других своих публикациях он ставил вопрос, к какой войне готовятся политические лидеры Великобритании — против Гитлера или за сохранение капиталистической системы? Возмущаясь отношением британских консерваторов к нацистам, он в то же время резко критиковал их не за политику умиротворения Гитлера, а за подготовку страны к войне с Германией, потому что для Оруэлла эта война была «империалистической».

Война и ненаписанная сага

Начало Второй мировой войны поставило Эрика Блэра в затруднительное положение. В новых условиях, когда его страна вступила в войну с человеконенавистническим нацистским режимом (правда, сначала это была «странная война» — без активных военных действий), его пацифистская позиция приравнивалась к пораженьству. Пока бывший борец против реакции в Испании философствовал о том, как применить пацифизм к сложившейся ситуации, немцы захватили большую часть Франции. В самой Великобритании вместо «умиротворителя» Чемберлена правительство возглавил Уинстон Черчилль, осуждавший пассивную британскую внешнюю политику и полный решимости вести войну с Германией до победного конца. В то же время «битва за Англию» (как назвал Черчилль) или «блицы» (как называло население) — массированные налеты германской авиации на Лондон и другие города — свидетельствовали о намерении Гитлера заставить Англию запросить мира.

После начала войны Эйлин вернулась в Лондон, пошла работать в отделе цензуры Министерства информации и поселилась в районе Гринвич вместе с семьей своего брата Лоуренса, добровольно поступившего в вооруженные силы и в звании майора медицинской службы отправившегося во Францию в составе британского экспедиционного корпуса. Ему говорили, что он напрасно подвергает себя столь серьезной опасности, что он был бы гораздо полезнее в военных госпиталях на родине. Лоуренс обычно отвечал, что стремится приобрести незаменимый опыт полевой хирур-

гии. По выходным Эйлин возвращалась в Воллингтон, хотя в условиях военного времени поездки занимали много времени, были очень утомительны, и с Эриком она проводила считанные часы.

В конце мая 1940 года Лоуренс был в британских частях, осажденных немцами в районе Дюнкерка. Британское командование организовало грандиозную по тем временам операцию «Динамо» по спасению своих войск. Для эвакуации было использовано около тысячи судов самого разного водоизмещения вплоть до рыбацких моторных лодок. С 27 мая по 4 июня было вывезено около 340 тысяч военнослужащих⁴⁷³. Лоуренс, на протяжении всех этих дней оказывавший помощь раненым, был убит шальным снарядом в конце эвакуации.

Необходимость быть рядом с женой, впавшей в жестокую депрессию, стала для Эрика еще одним поводом вернуться в столицу, несмотря на то, что в деревенской обстановке можно было сосредоточиться на творчестве. Он пытался смотреть на происходящее с оптимизмом. В автобиографической заметке для американского справочника «Авторы двадцатого века» он писал: «Помимо моей работы я больше всего люблю заниматься огородом, особенно выращивать овощи. Я люблю английскую кухню и английское пиво, французское красное вино и испанское белое вино, индийский чай, крепкий табак, горящий уголь, свет свечи и удобные кресла. Я не люблю большие города, шум, автомобили, радио, консервированную пищу, центральное отопление и “современную” мебель»⁴⁷⁴.

Не особенно частые посещения Эйлин, теперь сократившиеся до двух раз в месяц, трудно было назвать совместной жизнью. Оказалось, что, несмотря на случившиеся ранее споры и ссоры, Эрику без жены тяжело. Спустя восемь месяцев он тоже решил перебраться в Лондон, предварительно собрав на своем земельном участке неплохой урожай картофеля. Навестивший его перед отъездом старый знакомый, писатель Джек Коммон, живший неподалеку, оставил зарисовку: «Он стоял с мотыгой, выглядел очень хрупким, лицо с глубокими морщинами и до жалости хлипкая грудь. Его прочные брюки из рубчатого плиса придавали его ногам массивность, странно контрастировавшую с изможденным туловищем. После чая мы долго разговаривали. Он говорил характерным глухим до смерти голосом, совершенно не смеясь, только иногда тоскливо хмыкал; во всём, что он говорил, звучала усталость»⁴⁷⁵.

Эрик пребывал в дурном настроении из-за отъезда Эйлин. В самом конце мая 1940 года Блэры сняли крохотную двухкомнатную квартиру на верхнем, четвертом этаже дома на Чагфорд-стрит в районе Риджент-парка, неподалеку от знаменитой Бейкер-стрит. В доме даже не было лифта, а окна квартиры выходили на гаражи и мусорную свалку. Жизнь в столице стремительно дорожала, и приходилось максимально экономить.

С 7 сентября 1940 года 57 ночей подряд германская авиация бомбила Лондон. Одним из самых разрушительных был первый налет. Блэр в этот вечер был в гостях у Коннолли, жившего в районе Пиккадилли. Они поднялись на крышу и наблюдали, как один за другим вспыхивали пожары в доках Ист-Энда. С некоторым цинизмом он записал в дневник, что был потрясен «размерами и великолепием пламени»⁴⁷⁶. Они вынуждены были укрыться, так как рядом с ними упал осколок бомбы. По свидетельству Коннолли, Эрик «чувствовал себя как дома во время блица — в этой обстановке падающих бомб, мужества, разрушений, нехватки всего, бездомности, признаков революционного настроения»⁴⁷⁷. В другой раз бомба разорвалась недалеко от дома Блэров. Услышав страшный грохот, Эрик невозмутимо спросил жену: «Случилось что-нибудь?» — и услышал столь же спокойный ответ: «Только окна вышибло».

Во время ночных налетов Блэры никогда не спускались в бомбоубежище. Часто они подходили к окну и наблюдали, сколь разрушителен налет, а затем выходили на улицу, чтобы помочь пострадавшим соседям⁴⁷⁸. Позже Эрик признавался, что испытывал гордость за сограждан, которые по сигналу воздушной тревоги с почти невозмутимым видом, не спеша, не обгоняя друг друга, направлялись в бомбоубежища и покидали их, как только завершался налет, чтобы проверить, цел ли их дом, и начать разгребать завалы. Иногда даже под бомбами они не бросали привычные дела. 17 сентября 1940 года Эрик сделал восторгенную, но с оттенком черного юмора запись в дневнике о своем парикмахере, как ни в чем не бывало продолжавшего свое занятие во время бомбардировок: «Когда-нибудь бомба упадет так близко, что заставит его вскочить, и он срежет кому-нибудь половину лица»⁴⁷⁹.

Самому ему не раз предлагали переждать эти страшные месяцы в Воллингтоне. Обычно он отделялся общими фразами, но как-то в сердцах ответил: «Пока идет война, надо оставаться здесь. Нельзя уезжать, когда людей бомбят, как в аду»⁴⁸⁰.

Однажды Эйлин заговорила об отъезде в Канаду на случай оккупации Британских островов немцами, добавив, что и оттуда можно вести пропаганду против нацизма. «Лучше умереть, если необходимо», — ответил Эрик, а в дневнике, записав этот разговор, добавил с грустью: «...и, может быть, в смысле пропаганды смерть окажется полезнее, чем жизнь за границей без существенной пользы и за счет благодеяний других людей. Не то чтобы я хотел умереть; у меня есть так много всего, для чего следует жить, несмотря на плохое здоровье и на то, что нет детей»⁴⁸¹.

И всё же после начала войны Блэр на публике вел себя так, будто ничего сверхъестественного не произошло. Он явно колебался, оставаться ли ему пацифистом-пораженцем или же изменить свои политические предпочтения. В журналах продолжали появляться его рецензии и обзоры, в которых автор, как правило, отказывался от каких-либо, даже самых общих, оценок ситуации. И только по некоторым высказанным вскользь мыслям можно понять, какая трудная трансформация происходила в его сознании.

Эйлин длительное время не могла справиться с депрессией. Эрик также глубоко переживал смерть шурина и в то же время пытался скрыть состояние жены от окружающих. В ряде писем, в разговорах со знакомыми он утверждал, что Эйлин просто слишком много времени и сил отдает работе в цензурном ведомстве, куда поступила в начале войны, и что ей надо оставить эту истощающую нервы бюрократическую должность. Лишь изредка Эрику удавалось с большим трудом уговорить жену пойти к друзьям или на какие-то мероприятия. Журналист Тоско Файвел, со своей женой Мэри участвовавший вместе с Блэрами в одной из дискуссионных групп, организованной издателем Варбургом, встретился с ними на одном из заседаний после долгого перерыва: «Мы все заметили, какие глубокие изменения произошли с ней. Пока мы разговаривали, она сидела в саду, погруженная в молчание... Мэри сказала, что она показала ей полностью отрешенной. Так как Оруэлл и Эйлин были до определенной степени скрытными, только после второго или третьего ее визита мы узнали, что ее брат... был убит»⁴⁸².

В августе 1940 года Оруэлл опубликовал эссе, посвященное творчеству английского романиста и драматурга второй половины XIX века Чарлза Рида, которого считали последователем Диккенса, назвав его «просто джентльменом из среднего класса с несколько большей сознатель-

ностью, чем большинство, столь же оторванное от жизни, как шахматная игра или даже задача по складыванию кубиков»⁴⁸³. Писатель не может быть оторван от того, что происходит вокруг, — так читались эти строки применительно к современности. Осенью 1940 года на свет появился очерк Оруэлла под названием «Моя страна, справа или слева» («My Country, Right or Left»), созвучным широко распространенному лозунгу патриотов «Это моя страна, права она или неправа» («Our Country, Right or Wrong»), впервые произнесенному американским общественным деятелем Стивеном Дектюрором в 1816 году. Оруэлл подчеркивал поляризацию и одновременно определенную степень единения британского народа в военных условиях. Он признал, что «в глубине сердца оставался патриотом, никогда бы не занялся актами саботажа или другими действиями, направленными против собственной стороны» (слово «родина» он предпочитал не произносить, считая его официозным и высокопарным). Оруэлл писал, что поддерживает войну и «будет сражаться», поскольку Англия находится на странном этапе истории, когда революционер должен стать патриотом, а патриот революционером⁴⁸⁴.

Пацифист Оруэлл перестал существовать. Теперь он подчеркивал необходимость лояльности своей стране, находящейся в опасности, и готовности сражаться за нее: «Верность одновременно Англии Чемберлена и завтрашней Англии может показаться невозможной, если не знать, что это повседневное явление».

Вслед за этим последовали рассуждения по поводу особенностей британского менталитета, которому свойственны патриотические чувства, имеющие некую абстрактную составляющую, но конкретно определяемые цели: сохранение своей страны, ее обычаев, языка, культуры. Более того, — выкручивался Оруэлл, пытаясь связать свой патриотизм с социализмом, — британцы разного социального положения, в том числе люди не очень бедные, распространят свой патриотизм и на социалистическое общество, если оно возникнет в их стране. В «Письме из Лондона», опубликованном в мартовско-апрельском номере 1941 года американского левого журнала «Партизан ревю» («Пристрастное обозрение»), он декларировал: «Люди, которые встают по стойке смирно при звуках [гимна] “Боже, храни короля”, с готовностью распространят свою лояльность на социалистический режим, если с ними обращаться с минимальным тактом. Однако в летние месяцы никто не

увидел такой возможности, лейбористские лидеры... позволили превратить себя в ручных котов правительства, и когда вторжение не удалось и воздушные налеты стали менее ужасными, чем все ожидали, квазиреволюционное настроение пошло на убыль. В настоящее время правые ведут контрнаступление... Возможно, что одна-две левые газеты будут вскоре закрыты. Как говорят, вопрос о закрытии "Дейли уоркер" уже обсуждается кабинетом. Но такое движение маятника не является жизненно важным, если не верить, а я не верю, и сомневаюсь, верят ли в это люди моложе пятидесяти лет, что Англия сможет выиграть войну, не пройдя через революцию, и просто возвратится к "нормальности" до 1939 года с тремя миллионами безработных»⁴⁸⁵.

Важнейшим фактором, побудившим Оруэлла отказаться от пацифистских установок и перейти на патриотические позиции, было подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года, за неделю до начала Второй мировой войны⁴⁸⁶. Оруэлл признался в этом в статье «Моя страна, справа или слева»: «Несколько лет я относился к войне как к кошмару и иногда выступал против войны с речами и писал против войны памфлеты. Но в ночь перед сообщением о подписании русско-германского пакта мне приснилось, что война началась. Это был один из тех снов, которые... открывают нам наши истинные чувства. Этот сон открыл мне две вещи. Во-первых, что я вздохну с облегчением, когда эта война, которую мы давно боимся, наконец начнется; и во-вторых, что в душе я патриот, что я не буду саботировать ее и не выступлю против своих, что я буду поддерживать войну и буду воевать, если это окажется возможным. Когда я спустился вниз по лестнице, я увидел газету, сообщающую о прилете Риббентропа в Москву»⁴⁸⁷.

После подписания пакта Молотова—Риббентропа, а уж тем более после вступления Великобритании в войну Оруэллу требовалось пересмотреть и собственную гражданскую позицию, и свои творческие планы. Еще в 1939 году он задумал роман-трилогию. Он писал Муру 19 июля о «своего рода саге»⁴⁸⁸ и даже придумал название первой книги: «Быстрый или мертвый». В записной книжке появлялись отдельные заметки для нового романа, но они становились всё более редкими, а затем и вовсе прекратились. Оруэлл быстро охладел к задуманному произведению. Позже он объяснял, что не рассчитал сил. Не исключено, что он счел

значительно более важным в условиях войны сосредоточиться на политической публицистике. Только в победном 1945 году появилось на свет его новое художественное произведение, принесшее автору всемирную славу, — повесть «Скотный двор», где были использованы некоторые наброски, предназначенные для трилогии, в частности образ лошади по кличке Боксер, которую беспощадно избивает кнутом армейский офицер.

«Лев и единорог»

После возвращения в Лондон Оруэлл стал участвовать в издании серии политических памфлетов. Идея принадлежала его хорошему знакомому журналисту Тоско Файвелу. Серия должна была разъяснить перспективы участия Великобритании во Второй мировой войне в союзе с Соединенными Штатами⁴⁸⁹. Выпускать памфлеты согласилось издательство Зеккера и Варбурга. Из семнадцати работ, запланированных в серии, получившей название «Прожектор», в 1941—1942 годах были изданы десять. (Выпуск был прекращен после попадания немецкой бомбы в здание, где находились типография и склад издательства.)

Первой, в середине февраля 1941 года в рамках серии была опубликована работа Оруэлла «Лев и единорог»⁴⁹⁰. Книга открывалась эмоциональным и логическим обоснованием чувств автора по отношению к собственной стране — чувств, подобных тем, которые испытывает любой нормальный человек, ощущающий свою страну как особый «свой» мир, может быть, отнюдь не идеальный, даже отсталый и провинциальный, но именно тот, к которому он крепко привязан происхождением, привычками, всеми элементами культуры. «Когда возвращаешься в Англию из чужой страны, — писал Оруэлл, — сразу возникает ощущение, что дышишь другим воздухом. Об этом тебе дают знать тысячи мелочей... Есть что-то особенное и своеобразное в английской цивилизации... Почему-то она ассоциируется с плотными завтраками и хмурыми воскресеньями, дымными городами и извилистыми дорогами, зелеными полями и красными почтовыми ящиками. У нее собственный аромат. Кроме того, она непрерывна, она простирается в будущее и в прошлое, что-то в ней не умирает, она сохраняется, как живое существо. Что общего у Англии 1940 года и Англии 1840-го? А что общего у вас с пятилетним ребен-

ком, чью фотографию ваша мать держит на камине? Ничего, кроме того, что вы один и тот же человек. И главное, это *ваша* цивилизация, это *вы*. Вы можете проклинать ее или смеяться над ней, но вдали от нее никогда не будете счастливы. Пудинги на сале и красные почтовые ящики запали вам в душу. Хорошее или плохое — это ваше, вы часть этого и до гроба будете носить отметины, которые оно оставило на вас»⁴⁹¹.

Широкими, подчас грубыми мазками Оруэлл стремился охарактеризовать особенности английской ментальности, выявить и четко прослеживаемые, и едва уловимые черты, при столь же явно различимых индивидуальных и групповых различиях. Он считал, что одной из наиболее заметных черт английской цивилизации является ее «мягкость»: кондукторы автобусов здесь не раздражаются и не вступают в пререкания с пассажирами, а полицейские не носят револьверов. Но что Оруэлл считал еще более важным, так это отвращение англичан к войне и милитаризму.

Впрочем, здесь автор сам себя ловил на противоречии, признавая сочетание этой «мягкости» с сохранением за океанской империи, в которой владычество поддерживается силой, телесными наказаниями и смертной казнью через повешение. «Наше уголовное право устарело, как мушкетеры в Тауэре», — резюмировал Оруэлл. Отсюда протягивалась прямая логическая цепочка к уважению закона, стоящего выше и государства, и отдельной личности, далеко не всегда справедливого, но неподкупного, свойственному всем британцам — даже тем, кто его грубо нарушает: «У отъявленных врагов общества это чувство так же сильно, как у всех остальных». Последнее утверждение иллюстрировалось не только воспоминаниями преступников и тюремными дневниками, но и иронической, если не сказать издевательской, ссылкой на письма, посылаемые в газеты профессорами-марксистами, отвергающими «буржуазное право» и тут же, нимало не смущаясь, указывающими на «нарушения британского правосудия».

Развивая логическую линию британского менталитета, Оруэлл занялся анализом британского патриотизма, его особенностей у англичан, шотландцев, уэльсцев и у различных имущественных групп. Он пришел к выводу, что «огромное большинство людей ощущают себя единой нацией и сознают, что друг на друга похожи больше, чем на иностранцев. Патриотизм обычно сильнее классовой ненависти и всегда сильнее какого угодно интернационализ-

ма». Он подметил, что патриотические чувства проявляются у средних слоев сильнее, чем у высших, что патриотизм рабочего класса — глубокий, но бессознательный: «Во всех странах бедные — большие националисты, чем богатые; но английские рабочие выделяются своим отвращением к иностранным обычаям. Даже когда им приходится жить за границей годами, они не желают привыкать к иностранной пище и учиться иностранному языку».

Подводя итог своеобразной, порой парадоксальной характеристике британского общества с его патриотизмом, перемешанным с национализмом, Оруэлл, жертвуя близким ему ранее «классовым подходом», заключал, что «Англия — не “царственный остров” из заезженной фразы Шекспира*, но и не ад, изображаемый доктором Геббельсом. Гораздо больше она напоминает семью, довольно консервативную викторианскую семью, где вырождков мало, но очень много разнообразных скелетов в чуланах. У нее есть богатые родственники, перед которыми надо лебезить, и бедные родственники, которых можно травить, и есть круговая порука молчания касательно источника семейных доходов. Эта семья, где молодых придерживают, а распоряжаются, по большей части, безответственные дядья и прикованные к постели тетки. И всё же это — семья. У нее свой язык и общие воспоминания, и при появлении врага она смыкает ряды. Семья, во главе которой не те люди — и точнее, наверное, Англию одной фразой не опишешь».

От сравнительно подробной характеристики особенностей британского менталитета Оруэлл переходит к объяснению того, что он понимал под социализмом и в чем расходился фактически со всеми, кто считал себя приверженцами социалистической доктрины. Согласившись, наконец, что социализм немыслим без общественной собственности на средства производства, он дополнял этот критерий другими, по его мнению, не менее важными: «достаточно приблизительное» равенство доходов, политическая демократия, ликвидация наследственных привилегий. При этом особое внимание уделялось демократическим институтам, ибо без контроля над правительством государство превратится в «самокооптирующуюся политическую

* «Подумать лишь, что царственный сей остров, / Страна величия, обитель Марса, / Трон королевский, сей второй Эдем, / Противу зол и ужасов войны / Самой природой сложенная крепость...» (Шекспир У. Ричард II / Пер. М. Донского).

партию», а в результате в полной мере возвратятся как привилегии, так и олигархия.

Перед Оруэллом вставала задача противопоставить свой умозрительный демократический социализм тому феномену, который именовал себя национал-социализмом германского образца. Понятие «тоталитаризм» уже фигурировало в социологии и в политологии, но пока не получило широкого распространения. Оруэлл изредка пользовался этим термином, но без попыток объяснить его смысл. Он полагал, что фашизм — форма капитализма, заимствовавшая некоторые черты социализма, причем только те, которые обеспечивают военную эффективность. Экономикой и социальными отношениями, при сохранении частной собственности и эксплуатации рабочих капиталистами, руководит государство, на которое трудятся и предприниматели, и рабочие. «Эффективность этой системы, не страдающей от расточительства и различных помех, очевидна. За семь лет она построила военную машину, мощнее которой не видел мир».

В то же время Оруэлл решительно отвергал мысль, что нацизм носит социалистический характер, причем главным водоразделом считал даже не сохранение частной собственности, а убежденность в превосходстве немцев над остальными народами: «Хотя своего рода военный социализм и существует в германском государстве, отношение последнего к завоеванным нациям — отношение эксплуататора. Чехи, поляки, французы и пр. существуют для того, чтобы производить нужную Германии продукцию, а взамен получать тот минимум, который удержит их от открытого бунта. Если завоюют нас, нашей работой будет, вероятно, производство оружия для будущей войны Германии с Россией и Америкой». Именно с этой точки зрения он оценивал военно-экономические преимущества нацистской системы над западной, в частности британской: «Либо пушки, либо масло, как заметил маршал Геринг. Но в чемберленовской Англии такая перестройка была невозможна. Богатые не потерпели бы возросших налогов, а куда богатые нескрываемо богаты, нельзя чересчур обременять налогами и бедных. Кроме того, пока главной целью производителя является прибыль, ему нет смысла переключаться с потребительских товаров на оружие».

Оруэлл утверждал, что имущие слои Великобритании упорно не желали понять природу фашизма и характер современной войны. А из этой среды фальшиво-оптимисти-

ческие настроения распространялись и на средние, и на низшие слои населения. В результате, «когда пришла беда», оказалось, что Британия испытывает нехватку буквально во всех военных материалах, но «не в патефонах, губной помаде и шоколаде». Одновременно он отмечал определенный перелом в общественном мнении: всё больше мыслящих людей стало задумываться об определенных преимуществах плановой экономики. Отсюда вытекала робкая надежда на то, что приход к власти новых деятелей, не обремененных традиционным консервативным мышлением и корыстными интересами, может повернуть магистраль развития британского общества в социалистическом направлении.

Конечно, рассуждения Оруэлла носили утопический характер. Он не понимал, что «общественная собственность» неизбежно превращается в государственно-монополистическую, что «плановая экономика», если она выходит за пределы самого общего регулирования экономической жизни, обрекает хозяйство на застой, что «демократический социализм», рассматриваемый как социально-экономическая система, а не в качестве комплекса мер по социальной защите населения, в итоге ведет к тоталитаризму. Социализм Оруэлла продолжал оставаться весьма своеобразным. «Революция — не значит красные флаги и уличные бои», — писал он, прекрасно понимая, что революция в общепринятом смысле слова — это именно красные флаги и уличные бои. Оруэлл не предусматривал и диктатуру одного класса, да и вообще считал, что в новом обществе сохранится частная собственность, и только доходы людей должны быть несколько сближены. При этом он писал и о необходимости национализации, не называя, однако, какого размера предприятия должны быть национализированы, в какие сроки, в каких формах. Он сформулировал шесть пунктов, выполнение которых, по его мнению, должно было способствовать превращению Великобритании в социалистическую страну: «Национализация земли, шахт, железных дорог, банков и важнейших отраслей промышленности. Ограничение доходов таким образом, чтобы максимальный не облагаемый налогом доход в Британии не превышал минимального больше чем в десять раз. Реформа системы образования в демократическом духе. Немедленно предоставить Индии статус доминиона, с правом отделения после войны. Сформировать Генеральный совет империи, где будут представлены цветные народы. Заклю-

чить формальный союз с Китаем, Абиссинией и другими жертвами фашистских держав. Общее направление этой программы очевидно. Она открыто нацелена на то, чтобы превратить эту войну в революционную войну и Англию — в социалистическую демократию».

Только первый пункт этого перечня имел формальное отношение к социализму, да и то в самом ограниченном его понимании, ибо национализация банков и «важнейших отраслей промышленности» не означала ликвидации фундаментальных основ капиталистического общества — частной собственности и рыночных отношений. Речь, по существу, шла только об известном ограничении крупного капитала. Именно этот комплекс мер провело после Второй мировой войны лейбористское правительство К. Эттли, что отнюдь не превратило Великобританию в социалистическую страну, но в то же время весьма негативно повлияло на ее социально-экономическое развитие в следующие десятилетия.

Все остальные пункты носили чисто демократический характер. В мировоззрении Оруэлла социализм оставался неким моральным символом, данью «чему-то прекрасному», хотя и вряд ли реализуемому. Более того, Оруэлл не говорил о скорейшем введении «демократического социализма», полагая, что это длительный, очень сложный и противоречивый процесс: «Некоторые пункты, предложенные здесь, можно выполнить немедленно, другие потребуют годов или десятилетий и даже тогда не будут выполнены полностью. Полностью не осуществляется ни одна политическая программа. Важно, чтобы нечто подобное было объявлено нашей политикой. Главное всегда — *направление*».

Интересно, каким видел Оруэлл пришедшего к власти революционного вождя новой Англии: «Он отменит палату лордов, но, вполне вероятно, не отменит монархию. Он оставит недоделки и анахронизмы повсюду — судью в его нелепом парике и льва и единорога на пуговицах солдатской фуражки. Он не установит явной диктатуры одного класса. Он сгруппируется вокруг прежней Лейбористской партии и массовую поддержку будет иметь в профсоюзах, но вберет в себя и большую часть среднего класса, и многих молодых людей из буржуазного сословия. Его руководящая группа будет набираться по большей части из нового неопределенного слоя квалифицированных рабочих, технических специалистов, авиаторов, ученых, архитекто-

ров и журналистов — людей, которые чувствуют себя своими в век радио и железобетона. Но он никогда не расстанется с традициями компромисса и верой в то, что закон выше государства. Он будет расстреливать предателей, но перед этим справедливо судить, а иногда и будет оправдывать. Всякий открытый бунт он подавит быстро и жестоко, но будет очень мало мешать свободе устного и письменного слова. Политические партии с разными названиями будут существовать по-прежнему, революционные секты — по-прежнему публиковать свои газеты и так же мало привлекать внимание. Он отделит церковь от государства, но не будет преследовать религию. Он сохранит смутное уважение к христианскому моральному кодексу и время от времени будет говорить об Англии как о “христианской стране”. Католическая церковь поведет с ним войну, но неконформистские секты и большая часть англиканской церкви смогут найти с ним общий язык. Он настолько сохранит связи с прошлым, что иностранные наблюдатели будут поражены, а иной раз и усомнятся, была ли вообще революция».

Именно в связи с таким необычным пониманием социализма и социалистического лидера в работе появились «лев и единорог»* — символы традиционной Англии, в которую оруэлловский социализм должен был вписаться. При этом Оруэлл был уверен, что если бы такое социалистическое движение возникло, то другие социалисты встретили бы его в штыки и объявили «фашизмом». Так что оруэлловский социализм по существу противопоставлялся всем социалистическим течениям, включая и Независимую рабочую партию, в которой автор перед этим недолгое время состоял.

Как это ни парадоксально, война придала Оруэллу оптимизма. Он не верил в возможность преобразования британского общества на «справедливых» началах в мирное время. После войны, полагал он, социализм должен восторжествовать. Но для этого нужна была победа: «Нам не удастся построить общество, которое в западной стране может считаться социалистическим, не победив Гитлера; с другой стороны, нам не удастся победить Гитлера, экономически и социально оставаясь в девятнадцатом веке. Прошлое борется с будущим, и у нас есть два года, год, может быть, всего несколько месяцев, чтобы обеспечить победу будущему». Так,

* Лев и единорог изображены на государственном гербе Великобритании.

с некоторым усилием, Оруэлл свел воедино борьбу с фашизмом, революцию и торжество социализма.

Патриотические выступления представителей различных социальных групп, от крупных собственников и земельной аристократии до рабочих и бедных сельских арендаторов, Оруэлл объявлял тяготением к социализму, которое отождествлял с прогрессивным развитием своей страны, никакого отношения к социализму как системе не имеющим. Он завершил публикацию словами: «Ничто и никогда не остается на месте. Мы должны приумножить наше наследие или потеряем его; мы должны стать больше, или станем меньше; мы должны идти вперед, или вернемся вспять. Я верю в Англию и верю, что мы пойдем вперед».

Победителей не судят. В данном случае победителем, бесспорно, оказался Оруэлл: его небольшая книжка, написанная буквально в один присест осенью 1940 года, была буквально сметена с прилавков, за первым изданием последовало второе. Общий тираж — 12 тысяч экземпляров — был невиданно большим для публицистического произведения того времени. Патриотический настрой книги, содержащей фактический призыв к единству нации в условиях войны, к сплочению сил для достижения победы, побудил центристские и консервативные издания отнестись к публикации сочувственно. В рассуждениях о социалистическом переустройстве общества увидели необходимое, пусть и небезопасное средство привлечения к общему делу борьбы против агрессора левой интеллигенции и социалистически настроенных рабочих. Литературное приложение близкой к консерваторам газеты «Таймс» отмечало, что «блестящее эссе Оруэлла воплощает собой искреннее желание навести мосты между слишком долго молчавшим, хотя и сильным британским патриотизмом и неискоренимыми интернационалистскими идеями левого крыла, доминировавшего в британском мышлении между войнами»⁴⁹². И только левые лейбористы и коммунисты новую книгу Оруэлла проигнорировали.

Прошло сравнительно немного времени, и Оруэлл вынужден был признать, что его надежды на продвижение Великобритании к социализму в связи с войной тщетны. В журнале «Партизан ревю» он писал, что попал в ловушку, поверив в придуманный им же лозунг «Война и революция неразделимы». «В конечном итоге мы не проиграли войну и не ввели социализм»⁴⁹³, — резюмировал он.

Своеобразным и весьма существенным дополнением

к «Льву и единорогу» стала статья 1940 года, которую автор осторожно назвал «Мысли в пути»⁴⁹⁴. Эти мысли касались в основном морально-этических проблем, связанных с религией. Соглашаясь с тем, что религиозную ложь необходимо выкорчевывать без остатка, автор тут же останавливал себя, ссылаясь на крайнюю сложность этой проблемы. Ведь именно из-за лжи, в том числе религиозной, думающий человек становится бунтарем «и часто безрассудным бунтарем». В то же время полное исключение Бога из человеческого сознания неизбежно ведет к его подмене псевдобожествами, связанными с псевдосоциалистическими режимами наподобие нацистского и советского: «Видимо, нельзя жить, полагаясь исключительно на могущество машин и на обобществленную экономику. Сами по себе они только помогают воцариться кошмару, в котором мы принуждены существовать, — этим бесконечным войнам и бесконечным лишениям из-за войн, и колючей проволоке, за которой оказались народы, обреченные на рабский труд, и лагерным баракам, куда гонят толпы исходящих криком женщин, и подвалам, где палачи расстреливают выстрелами в затылок, неслышными через обитые пробкой стены. Ампутация души — это, надо полагать, *не просто* хирургическая операция вроде удаления аппендикса. Такие раны имеют свойство гноиться».

Именно «ампутация души» постепенно становилась ключевой темой публицистических, а затем и художественных произведений Оруэлла антитоталитаристской направленности. Вновь и вновь писатель напоминал о слепой приверженности человеческих толп к разного рода догмам, которые им внушены при помощи истерической пропаганды и которым они бездумно, подчас страстно, следуют. Становясь элементами (позже их назовут «винтиками») толпы в любой ее форме — нации, единоверцев, класса, — люди перестают быть личностями. «Чувствуй они хоть немного глубже, и эта преданность сообществу стала бы преданностью самому человечеству, которое вовсе не абстрактно». Так Оруэлл совершал новые шаги по направлению к своим главным, антитоталитаристским произведениям.

Как внести личный вклад?

Блэр глубоко сожалел, что по состоянию здоровья скорее всего не будет зачислен в британские вооруженные силы и не сможет воевать. Тем не менее 9 сентября 1939 года,

то есть сразу же после вступления Великобритании в войну, он направил прошение о включении его в список граждан, готовых служить нации в военное время. Впрочем, его стремление не встретило отклика властей.

Блэр напряженно искал возможности поддержать оборонявшуюся страну не только в качестве писателя и журналиста. Он даже подумывал о том, чтобы как-нибудь обмануть медицинскую комиссию и попасть на фронт. По медицинским справочникам он подготовил себя к медосмотру и заучил правильные ответы на вопросы докторов, но когда предстал перед комиссией, стало ясно, что это не спасает: он со своими большими легкими непригоден к действительной воинской службе. В раздражении он заметил довольно грубо: «Я уверен, что половина мужчин в этой стране отдала бы свои яйца [ради освобождения от службы в армии], «но я этого делать не собираюсь»⁴⁹⁵.

Шестого июля 1940 года Эрик писал приятелю и коллеге, писателю и издателю Рудольфу Джону Леману: «Сложилась такая ужасная ситуация, что я не способен ничего делать. Правительство не желает использовать меня ни в каком качестве, даже клерком, и я не могу поступить в армию из-за своих легких. Просто ужасно чувствовать себя бесполезным и в то же самое время видеть, как полоумные и профашисты заполняют важные посты. Правда, дело чуть сдвинулось. Меня проинформировали в военном министерстве, что они больше не имеют ничего против тех, кто участвовал в испанской гражданской войне»⁴⁹⁶. (Британская бюрократия не сразу отказалась от подозрительного отношения к добровольцам, воевавшим в Испании, но со временем в этом вопросе действительно наметились позитивные сдвиги.)

В том же письме Эрик информировал адресата, что довольно активно занят делами организации «Местные добровольцы обороны», которая вскоре была преобразована во Внутреннюю гвардию, куда входили гражданские лица, образовывавшие полувоенные формирования для использования на поле боя, но только в случае вторжения врага на Британские острова. Досада Блэра была тем большей, что как раз в мае 1940 года продолжавшаяся восемь месяцев «странная война» сменилась стремительным наступлением германских войск. В течение нескольких дней ими были заняты Бельгия, Голландия и Люксембург, немцы вторглись на территорию Франции и устремились к ее столице. Париж был оккупирован 14 июня, а спустя восемь дней фран-

цузское правительство подписало позорное соглашение о капитуляции. Не исключалось, что вскоре Гитлер осуществит вторжение на Британские острова. В этом случае, надеялся Блэр, он уже точно примет участие в защите страны, как и все британцы, способные носить оружие. Таков был парадокс — в сознании Эрика самые жуткие опасения окрашивались в тона надежды.

Эрик вступил во Внутреннюю гвардию, участвовал в боевой подготовке и крайне сожалел, что власти весьма осторожно подходят к вопросу о вооружении ее бойцов. 22 июня 1940 года в журнале «Тайм энд тайд» было опубликовано его открытое письмо под заголовком «Вооружить народ». Требование, чтобы всем подразделениям Внутренней гвардии выдали винтовки и ручные гранаты, аргументировалось тем, что в случае германского вторжения эти отряды станут реальной «народной партизанской силой»⁴⁹⁷. Поскольку политические предпочтения автора были хорошо известны, один из биографов Оруэлла, приводя выдержку из этой статьи, с иронией добавляет: «Удивительно, но правительство не пожелало распределять ручные гранаты и винтовки среди потенциальных революционеров»⁴⁹⁸.

Он действительно размышлял о том, что превращение Внутренней гвардии в эффективную вооруженную силу продемонстрировало бы возможности «демократической народной армии», которая могла бы не только воевать с внешним врагом, но и стать своего рода гарантом невозможности правительственной тирании в собственной стране. Проблемам Внутренней гвардии он посвятил статью в еженедельнике «Трибюн», в которой писал о винтовке, висящей на стене квартиры рабочего, как о символе подлинной демократизации армии⁴⁹⁹.

Во Внутренней гвардии Эрик Блэр сблизился с Фредриком Варбургом — тем самым издателем, который выпустил его книгу об испанской войне. Так как Блэр имел некоторый военный опыт, ему присвоили звание сержанта ополчения и поставили командовать небольшой группой людей, в которой как раз оказался Варбург, через много лет вспоминая: «Его очень любили подчиненные, он вел себя как офицер регулярной армии по отношению к людям, которые казались ему избалованными детьми, которых надо было приструнить и заставить делать то, что необходимо»⁵⁰⁰. «Треугольная шапочка со знаком Королевского стрелкового корпуса, к которому технически относилось

наше подразделение, так небрежно сидела на самом краю его головы, что я боялся, как бы она не свалилась. У Оруэлла было подлинно кромвелевское выражение лица, настолько оно было значительным»⁵⁰¹.

С отрядом самообороны Эрик Блэр участвовал в нескольких военных сборах, восстанавливал умение владеть оружием. Обнаружив недостатки, он писал в журнале «Тайм энд тайд» о необходимости совершенствования подготовки англичан, не призванных в армию, но способных участвовать в обороне страны, к тактике военных действий на городских улицах. Некоторые его рекомендации явно были наивными, навеянными воспоминаниями об уличных столкновениях в Барселоне в мае 1937 года. Оруэлл, кажется, отбрасывал мысль, что, если уж немцы высадятся на территории Великобритании и гражданскому населению придется защищать свою страну, то нужно будет использовать совершенно иную тактику — партизанские методы сопротивления, а не баррикадные бои. Призывы открыть склады с винтовками, вооружить жителей Лондона ручными гранатами, безусловно наивные, отражали эмоции автора, его искреннее стремление продемонстрировать свою готовность сражаться с врагом⁵⁰².

Блэр даже подготовил тезисы специальной лекции об уличных боях, с которой он выступил вначале в своей добровольческой части, а затем в нескольких других аналогичных подразделениях⁵⁰³. В них можно встретить практические советы вроде того, что «бомбы легче бросать сверху вниз, чем вверх», или что при стрельбе в узких улочках пуля может срикошетить и попасть в стреляющего. Всё это выглядело совершенно тривиально.

Блэр исправно посещал занятия и боевые тренировки своего отряда Внутренней гвардии до глубокой осени 1943 года. К этому времени опасность вторжения нацистов на Британские острова миновала, новые массированные налеты с воздуха — на этот раз при помощи ракет Фау-1 и Фау-2 — были еще впереди, и какое-то время страна жила относительно спокойно, насколько это вообще возможно для воюющего государства. Надежды на превращение Внутренней гвардии в квазисоциалистическую армию испарились. В конце года Блэр обратился к начальству с просьбой об увольнении из ополчения по состоянию здоровья, которая была сразу же удовлетворена.

Военная антитоталитаристская журналистика

С самого начала войны Оруэллу пришлось сражаться прежде всего печатным словом. Одна за другой появлялись его публикации в левых журналах — эссе, обзоры литературы, критические статьи. Время от времени его приглашали выступить с лекцией, и тематика выступлений четко отражала, какие проблемы и образы доминировали в его сознании. В январе 1940 года Оруэлл информировал Л. Мура, что его пригласила группа «Современные женщины», но он еще не определил тему выступления. Два возможных сюжета, казалось бы, совершенно несовместимых, бродили в его сознании: творчество Диккенса и гитлеровская книга «Майн кампф». При всей непохожести этих тем у них было нечто общее — они отражали главное, что в тот момент волновало писателя⁵⁰⁴. Диккенс олицетворял общество, основанное на «всеобщем приличии», Гитлер — кошмар бесконечного раздора⁵⁰⁵. Понятно, что в силу обстоятельств Оруэлл остановился на втором.

Лондонская жизнь в те месяцы не способствовала творчеству, которое ограничивалось в основном еженедельными, начиная с 25 мая 1940 года, критическими обзорами театральных постановок и рецензиями на появлявшиеся фильмы, публиковавшимися в «Тайм энд тайд», где Оруэллу была предоставлена специальная колонка. Сам автор был не вполне удовлетворен этими публикациями, называл их «написанными торопливо, тяжеловесными и банальными»⁵⁰⁶. Возможно, недовольство было вызвано не столько собственным текстом, сколько качеством продукции, которую приходилось рецензировать, особенно американских фильмов, преобладавших на британском экране: Оруэллу не нравился царивший в них «культ насилия», нечетко вылепленные характеры и тривиальные образы, хотя в то же время он признавал высокий уровень кинотехники и подчас остроумные и хлесткие диалоги⁵⁰⁷.

В череде проходных кинолент резко выделялся «Великий диктатор» Чарли Чаплина, появившийся в британском прокате в декабре 1940 года. Это было страстное разоблачение нацизма, яркая сатира на Гитлера. Фильм не был типичным для американского кинематографа того времени, ибо США всё еще придерживались политики нейтралитета и показного невмешательства в европейские дела. В Соединенных Штатах картина имела большой успех, хотя ее политическое содержание вызвало отчаянные нападки изоля-

сионистов и прогермански настроенной части населения. В Великобритании же фильм был воспринят с восторгом. Зрители презрительно хохотали над диктатором Аденоидом Гинкелем, в котором все видели Гитлера, и его оруженосцами Гарбичем (по-английски означает «Мусор») и Херингом (по-английски — «Селедка»), в которых легко угадывались Геббельс и Геринг. Газеты с полным основанием писали, что демонстрация «Великого диктатора» способствовала поднятию боевого духа британцев.

Оруэлл был полностью согласен, что фильм Чаплина — выдающееся не только художественное, но и политическое событие, и резко критиковал «сомнительных интеллектуалов и сладкозвучных профессоров», полагавших, что образы Чаплина слишком карикатурны, что он незаслуженно высмеивает «рядовых людей» (надо понимать, рядовых штурмовиков)⁵⁰⁸.

Оруэлл полагал, что самым мощным пропагандистским моментом фильма был его финал, когда парикмахер-еврей, принятый за диктатора из-за внешнего сходства, мужественно обращается к согражданам с «боевой речью в защиту демократии, терпимости и всеобщего человеческого достоинства».

Правда, рецензент счел киноленту сравнительно слабой в техническом отношении, а отдельные ее эпизоды — связанными между собой лишь «обрывками веревки». Тем не менее он отмечал и особый художественный дар Чаплина, и «его готовность выступить в защиту концентрированной сущности обычного человека». В фильме, по мнению Оруэлла, проявлялась «неискоренимая вера в человеческое достоинство, которое сохраняется в сердцах обычных людей». Значение «Великого диктатора» виделось Оруэллу в противопоставлении человеческого судебному мрачному периоду мировой истории, «когда демократия почти везде отступает, господствует супермен, контролирующий три четверти мира, свобода отбрасывается сладкоголосыми профессорами, а охота на евреев поощряется пацифистами».

Оруэлл завершал свою боевую рецензию суждением: «...если бы наше правительство имело хоть сколько-то воображения, оно масштабно субсидировало бы показ “Великого диктатора” и приложило бы максимум усилий к тому, чтобы забросить несколько копий в Германию».

Одновременно с работой в «Тайм энд тайд» Оруэлл стал регулярно сотрудничать в новом ежемесячном журнале «Хорайзен», созданном в начале войны его старым прия-

телем Сирилом Коннолли при содействии видного романиста и поэта Стивена Спендера. «Обозрение литературы и искусства» (так звучал подзаголовок) охотно предоставляло свои страницы не только известным авторам, но и начинающим, только пробовавшим свои силы в художественной литературе и публицистике. Оруэллу нравилась творческая атмосфера, существовавшая в журнале с момента его открытия. Он часто посещал редакцию, просто «заходил на огонек». Особенно сблизился он со Спендером. Тот через много лет вспоминал: «Слушать монологи Оруэлла со всеми их запутанными рассуждениями было в каком-то смысле очень по-английски. Это было похоже на хождение по улице под моросящим дождем — слушать его монотонный голос»⁵⁰⁹.

Новая общественно-политическая трибуна значительно расширила возможности Оруэлла-публициста. Журнал Коннолли наряду с несколькими статьями Оруэлла по вопросам культуры и искусства опубликовал его важные политико-аналитические произведения, в том числе «Британский правящий класс» (декабрь 1940 года) и «Уэллс, Гитлер и всемирное государство» (август 1941-го).

В первом эссе автор пытался разобраться в изменениях, произошедших в управленческих слоях Великобритании за последнее столетие: земельная аристократия постепенно утратила политическую власть, уступив ее купцам, промышленникам и финансистам. При этом новая верхушка стремилась подражать тем, кого она вытеснила, например, посылая своих детей в престижные школы, потому что в них учились потомки крупных землевладельцев. Однако «денежный класс» был заинтересован почти исключительно в прибыли, а между тем империя сохранила отсталое состояние (в первую очередь это относилось к «жемчужине британской короны» — Индии) и не избавилась от нищеты и лачуг. Система, обреченная на постепенное загнивание, напоминала Оруэллу «псевдофеодализм». В качестве примеров Оруэлл приводил платные элитные школы и армию, где сохранялись давно устаревшие порядки, и сравнивал их с винтовочным штыком, входящим в комплект винтовки, но годящимся ныне только для открывания консервных банок.

Когда империя пребывала в мире, эта «систематизированная отсталость» не вела к хаосу, но теперь настали иные времена. Возникновение фашизма с его крайним национализмом, жестким послушанием, подчиненностью и пре-

данностью лидеру не привело британский правящий класс к пониманию необходимости вести с ним последовательную борьбу, и это политическое невежество, свойственное как гражданским руководителям, так и военным, было весьма опасно для страны. Однако в адрес правящего класса в статье раздавались не только инвективы. Отмечая, что немало герцогов, графов и других носителей благородных титулов отдали свои жизни на полях сражений во Франции в мае—июне 1940 года, Оруэлл заключал, что трагедия правящего класса не в том, что он физически слаб или труслив, а в непонимании наступивших времен, несущих трагедии и опасности. Только когда новое поколение начнет терять материальное благополучие и власть, его сознание претерпит изменения.

Не менее актуально звучала и вторая статья⁵¹⁰. Оруэлл буквально обрушился на ранее чтимого им Герберта Уэллса, который недооценивал мощь нацистской армии и утверждал, что ни один прогноз по поводу решающих побед Гитлера не подтверждается. Среди прочих оруэлловской критике подверглось утверждение Уэллса, что война — дело долгое и немецкий блицкриг провалится. Но не это было главным в статье Оруэлла. Не вдаваясь в рассуждения о перспективах создания всемирного государства, о котором мечтал Уэллс, он рассматривал конкретные проблемы, демонстрируя способность военно-политического анализа: «Те, кто называет Гитлера Антихристом или, наоборот, святым, ближе к истине, нежели интеллектуалы, десять кошмарных лет утверждавшие, что это просто паяц из комической оперы, о котором нечего всерьез говорить... Гитлер — сумасшедший и преступник, однако же у Гитлера армия в миллионы солдат, у него тысячи самолетов и десятки тысяч танков*. Ради его целей великий народ охотно пошел на то, чтобы пять лет работать с превышением сил, а вслед за этим еще два года воевать... Надо покончить с Гитлером, а для этого потребуется пробуждение энергии, которая не обязательно будет столь же слепой, как у нацистов, однако не исключено, что она окажется столь же неприемлемой для “просвещенных” гедонистов**».

Оруэлл высказывал глубокое, обоснованное убеждение,

* В первой половине 1941 года Германия имела около пяти с половиной тысяч танков и больше десяти тысяч самолетов, о чем Оруэлл, разумеется, знать не мог.

** Перевод А. Зверева.

что важнейшим инструментом борьбы против нацизма является осознанный или неосознанный, разумный или подсознательный патриотизм, не имеющий ничего общего с шапкозакидательскими лозунгами коммунистов и близких к ним левых сил. Именно «атавистическое чувство патриотизма, врожденное у тех, чей родной язык английский», позволило Англии устоять в 1940 году. Говоря же об ожесточенном сопротивлении, оказываемом немцам русскими (статья была опубликована через два месяца после нападения Германии на СССР), он не исключал, что их вдохновляет не идеал социалистической утопии, а необходимость защитить Святую Русь, о которой неожиданно вспомнил Сталин.

Интересно, что в статье упомянуты Артур Кёстлер, автор нашумевшего романа «Слепящая тьма» (1940) о сталинском терроре перед войной, и Герман Раушнинг, бывший член нацистской партии и президент сената города Данцига, перебравшийся в США и ставший плодовитым политологом, критиковавшим нацистский режим, в том числе в своей книге «Беседы с Гитлером».

В 1941 году Оруэлл (на этот раз в качестве Блэра) выступил с небольшим очерком «Литература и тоталитаризм» — это было единственное его произведение, где термин «тоталитаризм» фигурировал в заголовке, что придавало работе особый вес. Автор прочитал свой очерк на радио Би-би-си 19 июня 1941 года, вскоре после того как стал штатным сотрудником вещательной корпорации. Вслед за этим материал был опубликован в журнале Би-би-си «Листнер» и позже неоднократно перепечатывался⁵¹¹.

Статья начиналась с оценки специфики взаимосвязи литературы и политики в условиях войны: «В литературу хлынула политика в самом широком смысле этого слова, она захватила литературу так, как при нормальных условиях не бывает, — вот отчего мы теперь столь обостренно чувствуем разлад между индивидуальным и общим, хотя он и наблюдался всегда. Стоит только задуматься, до чего сложно сегодняшнему критику сохранить честную беспристрастность, и станет понятно, какие именно опасности ожидают литературу в самом близком будущем».

Отмечая общую угрозу, нависшую над художественной литературой в связи с ростом ее политизированности, писатель указывал, что наибольшая опасность для свободы слова и вообще для творческого самовыражения возникает из-за неуклонного расширения сферы господства

диктаторских режимов. «Мы живем в эпоху тоталитарных государств, которые не предоставляют, а возможно, и неспособны предоставить личности никакой свободы». К странам с тоталитарными системами в статье были отнесены Германия, Россия и Италия, но выражалось опасение, что это явление может стать всемирным.

Автор был пессимистичен в отношении мировых перспектив, считая очевидным, что времена свободного капитализма идут к концу, в разных странах рыночная экономика сменяется централизованной, которую «можно характеризовать как социализм или как государственный капитализм — выбор за вами». Иссякает и экономическая свобода личности, а вслед за ней в большой степени подрывается ее свобода поступать так, как ей хочется, выбирать себе профессию, передвигаться в любом направлении по всей планете. «До недавней поры мы еще не предвидели последствий подобных перемен. Никто не понимал, что исчезновение экономической свободы скажется на свободе интеллектуальной».

Способна ли литература выжить в такой атмосфере, ставил вопрос Оруэлл. Ответ был кратким и определенным: нет. Если тоталитаризм станет явлением всемирным, литература в том смысле, каковой ее знало человечество на протяжении тысячелетий, перестанет существовать. Оруэлл был убежден, что те труды, которые будут создаваться в тоталитарной системе, лишь по форме будут напоминать литературу, в действительности ею не являясь, ибо независимость художественного творчества — залог самого его существования.

Оруэлл перемежал свою статью общими рассуждениями о тоталитаризме — явлении, еще почти не изученном, обозначенном термином, употребляемым пока не в качестве научной категории, а как хлесткое слово с ругательным оттенком. К чести писателя, который не ставил перед собой задачи серьезного научного анализа, он по некоторым вопросам проявил удивительную прозорливость в сравнительно-историческом анализе, более чем на полвека обогнав многих социологов. Он полагал, что существует несколько коренных различий между тоталитаризмом и всеми общественными системами прошлого. Главное состояло в том, что старые системы менялись медленно, формирование же тоталитаризма происходило чрезвычайно быстро. Действительно, Германии потребовалось примерно полтора года (с начала 1933-го до середины 1934-го),

чтобы сформировалась развитая тоталитарная система. В СССР этот период занял намного более продолжительный срок (до конца двадцатых годов), но и он в историческом масштабе был очень малым промежутком.

Особенно интересной была мысль Оруэлла, что тоталитаризм, контролируя мышление, не фиксирует его на чем-то одном: «Выдвигаются догмы, не подлежащие обсуждению, однако изменяемые со дня на день. Догмы нужны, поскольку нужно абсолютное повиновение подданных, однако невозможно обойтись без коррективов, диктуемых потребностями политики властей предрержащих. Объявив себя непогрешимым, тоталитарное государство вместе с тем отбрасывает само понятие объективной истины». Любовь и ненависть при необходимости должны были моментально обращаться в свою противоположность. Так, до 23 августа 1939 года каждому немцу вменялось в обязанность испытывать к советскому большевизму отвращение и ужас, а после этой даты — восторг и сочувствие; но если между этими странами начнется война, что весьма вероятно, вновь произойдет крутая перемена в оценке действительности. (Эта крутая перемена вскоре произошла: через три дня после выступления Оруэлла на Би-би-си Германия напала на Советский Союз.)

Оруэлл показывает катастрофические последствия таких метаморфоз для художественной литературы: «Весь накопленный опыт свидетельствует, что резкие эмоциональные переоценки, каких тоталитаризм требует от своих приверженцев, психологически невозможны, и вот прежде всего по этой причине я полагаю, что конец литературы, какой мы ее знали, неизбежен, если тоталитаризм установится повсюду в мире». В Италии, констатировал он, литература изуродована, в Германии ее почти нет, основное литературное занятие нацистов состоит в сжигании книг. Почти столь же определенно и резко отзывался автор о состоянии литературы в СССР: в ней, по его мнению, не только не произошло одно время ожидавшееся возрождение, но и наблюдается нечто прямо противоположное, видные писатели кончают жизнь самоубийством или исчезают в тюрьмах.

И всё же статья завершалась если не на оптимистической ноте, то по крайней мере с интонацией надежды, что всемирный тоталитарный ад не воцарится. В этом и состояла цель автора — еще раз предостеречь общественность относительно всеобщей опасности тоталитарного наступления.

George Orwell

SIGNALEMENT

Taille **1.82**
Front **moy.**
Nez **rect.**
Bouche **moy;**
Menton **rond**
Visage **ovale**
Cheveux **cht.**
Barbe **rasée**
Corpulence **moy.**
Yeux **cht.**
Teint **clair**

Удостоверения личности Блэров с указанием особых примет

SIGNALEMENT

Taille **1.65**
Front **bombé**
Nez **rect.**
Bouche **moy.**
Menton **rond**
Visage **ovale**
Cheveux **chat.**
Barbe
Corpulence **moy.**
Yeux **ch.**
Teint **clair**

В Марокко. 1938—1939 гг.

Дом Блэров в Воллингтоне

В Воллингтоне Эрик сам ухаживал за домашними животными.
Лето 1939 г.

Во время войны станции лондонского метро служили бомбоубежищами. 1940 г.

Блэр (первый справа во втором ряду) в лондонском отряде самообороны. 1940 г.

Выступление на радио Би-би-си. 1941 г.

С коллегами по Восточной службе Би-би-си. 1941 г.

Совещание в радиоредакции

Брат Эйлин,
врач Лоуренс О'Шоннесси

Гвен О'Шоннесси
помогла Блэрам усыновить ребенка

Эйлин с приемным сыном Ричардом. 1944 г.

Эрик с Ричардом. 1946 г.

NATIONAL UNION OF JOURNALISTS

7 John Street, Bedford Row, London, W.C.1

'Phone :
HOLborn 2258

Telegrams :
Natujay Holb, London

This is to certify that

Mr. GEORGE ORWELL
of The Tribune

is a member of the T. & P.
Branch of the National Union of Journalists.

{ Leslie R. Aldous Branch Sec.
(Address) 66, Priory Lane, N.6.

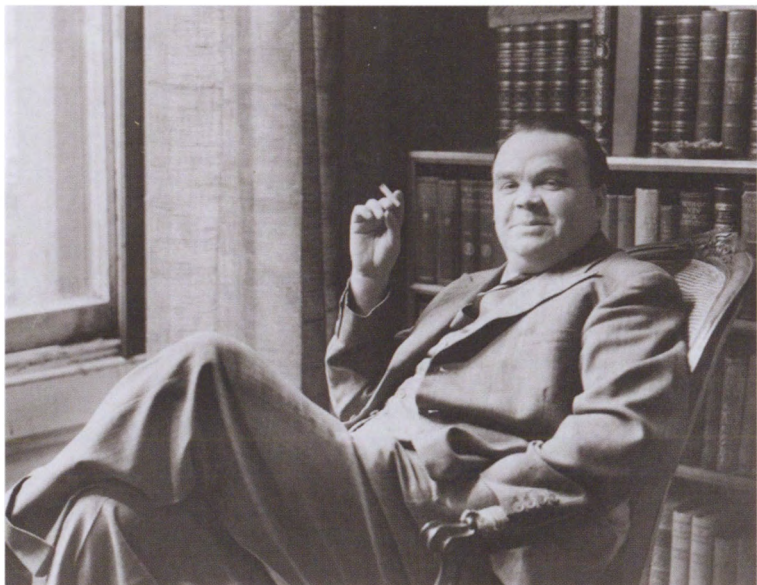
..... Member's Sig.

Журналистское удостоверение Оруэлла, выданное 23 декабря 1943 года

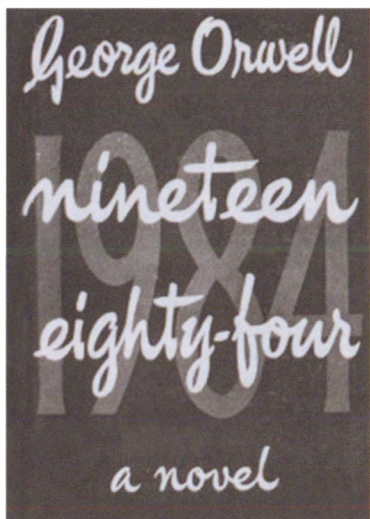
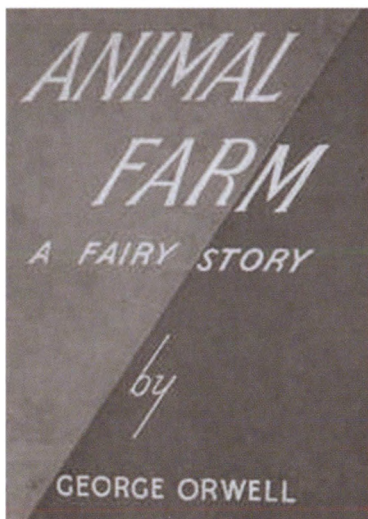
Евгений Замятин и Артур Кёстлер,
предшественники Оруэлла в жанре анти тоталитарной утопии

Сирил Коннолли, итонский приятель Эрика Блэра и редактор журнала «Хорайзен», печатавшего статьи Джорджа Оруэлла. 1942 г.

Первые издания самых известных произведений Оруэлла — притчи «Скотный двор» (1945) и романа-утопии «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» (1949)

Барнхилл, усадьба Оруэлла на острове Джура

Соня Браунелл
вскоре стала
второй женой Блэра.
1949 г.

Клиника
Университетского
колледжа в Лондоне.
Здесь
21 января 1950 года
скончался
Эрик Блэр —
Джордж Оруэлл

Кладбище церкви Всех Святых
в поселке Саттон-Кортеней

Оруэлл — романтик и педант, социалист и консерватор,
критик империализма и тоталитаризма — живет в своих книгах

Памятник Оруэллу работы М. Дженнингса
установлен у штаб-квартиры Би-би-си в 2017 году

пленения, в том числе в собственной стране, в том числе в области культуры. Оруэлл всё еще сохранял зыбкую надежду на появление социализма в нетоталитарной форме, «позволяющей личности и с исчезновением экономической свободы сохранить свободу мысли»: «Как ни поворачивай, это единственная надежда, оставшаяся тем, кому дороги судьбы литературы. Каждый, кто понимает ее значение, каждый, кто ясно видит главенствующую роль, которая принадлежит ей в истории человечества, должны сознавать и жизненную необходимость противодействия тоталитаризму, навязывают ли нам его извне или изнутри».

К названным статьям теснейшим образом примыкала рецензия на книгу Гитлера «Майн кампф» — «Моя борьба»⁵¹², выпущенную на английском языке в марте 1939 года издательством «Хёрст и Блакетт», занимавшим в то время пронацистскую позицию⁵¹³. Проникнутая сарказмом и едва сдерживаемым негодованием в адрес тех, кто воспринимал гитлеровские писания как одну из форм «здорового консерватизма», рецензия была образцом журналистского аналитического искусства. Главное, что ее отличало, — отсутствие пафоса, проклятий в адрес того, кто уже стал символом человеконенавистничества и агрессии. Без громких слов, в отдельных местах даже со следами симпатии (правда, она относилась лишь к тем годам, когда Гитлер писал ее, сидел в тюрьме после неудачного «пивного путча» в Баварии в ноябре 1923-го), Оруэлл стремился разобраться главным образом в социально-психологической стороне нацистской диктатуры, причинах ее поддержки широкими слоями населения Германии и значительной частью влиятельных кругов развитых стран до начала открытой германской агрессии. В ту пору, отмечал Оруэлл, изданная в Великобритании книга Гитлера, преподнесенная «с весьма убогой мыслью», что национал-социализм — всего лишь разновидность консерватизма, была по душе тем, кто готов был простить фюреру очень многое за разгром германского рабочего движения. Это было тем более верно, что предисловие издательства и комментарии к книге представляли Гитлера в наиболее благоприятном свете, всячески приглушая «яростный тон» его воспоминаний.

Анализируя содержание «Майн кампф», Оруэлл пришел к выводу о косности интеллекта нацистского лидера, поразительной статике его взглядов на мир, ничуть не изменившихся за 15 лет от времени написания книги до ее издания в Великобритании: «Это — застывшая мысль ма-

ньяка, почти не реагирующая на те или иные изменения в расстановке политических сил». Отсюда Оруэлл делал вывод, что советско-германский пакт о ненападении — только отсрочка военного столкновения двух государств, что по сравнению со схемой своих предыдущих планов Гитлер всего лишь поменял последовательность: «...когда с Англией будет покончено, придет черед России». Как известно, «черед России» наступил раньше; но сам по себе прогноз о неизбежном нападении Германии на СССР свидетельствует о серьезных аналитических способностях рецензента.

Исходя из неизменных планов Гитлера, Оруэлл представлял читателю образ его будущего «нерушимого государства», простирающегося до Афганистана, — «чудовищной безмозглой империи, роль которой, в сущности, сведется лишь к подготовке молодых парней к войне и бесперебойной поставке свежего пушечного мяса». При этом решительно отвергались коммунистическо-социалистические утверждения о решающей роли крупных промышленников и финансистов в приходе нацистов к власти и в подготовке войны. По мнению Оруэлла, Гитлер заразил своими идеями очень многих, вызвав к жизни массовое движение. Он обладает магнетизмом, который «явно ошеломляет, когда слушаешь его речи». Он использовал патриотическую демагогию, показал лживость гедонистического отношения к жизни. Стремление жить спокойно, не знать боли — вещь весьма соблазнительная, но и чрезвычайно опасная. «Людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъявлениях преданности... Коль скоро мы вступили в борьбу с человеком, провозгласившим подобное, нам нельзя недооценивать эмоциональную силу такого призыва» — этими словами завершалась компактная, но весьма емкая рецензия Оруэлла.

Германский историк М. Радемахер убедительно показал, что Оруэлл весьма тщательно изучил книгу Гитлера и она стала одним из источников его будущего романа о тоталитаризме⁵¹⁴. Гитлер стал одним из прототипов «Большого Брата». Ни у нацистского вождя, ни у оруэлловского «Большого Брата» никакой подлинной идеологии не существовало, но некий свод догм был им жизненно необходим в сугубо прикладных целях.

Существенным дополнением к названным работам бы-

ла рецензия на книгу Ф. Боркенау «Тоталитарный враг»⁵¹⁵, опубликованная в «Тайм энд тайд» 4 мая 1940 года. Боркенау показал глубокое сходство между советским и нацистским режимами, которое ранее по сугубо политическим причинам не замечали ни правые, ни левые. «Имущие классы, совершенно естественно, желали верить, что Гитлер защитит их от большевизма, а социалистам, также естественно, невыносимо было признать, что человек, истребивший их товарищей, сам социалист», — писал Оруэлл.

Оруэлл обратил внимание на еще одно сходство — кампании ненависти, которые использовались как нацистами, так и большевиками: «Что касается кампаний ненависти, беспрестанно разжигаемых тоталитарными режимами, они вполне реальны, пока длятся, но каждый раз продиктованы лишь потребностями момента. Евреи, поляки, троцкисты, англичане, французы, чехи, демократы, фашисты, марксисты — кто угодно может оказаться Врагом Общества Номер Один. Ненависть можно обратить в любом направлении по первому знаку, как огонь паяльной лампы».

В значительной степени этой же теме была посвящена написанная чуть позже статья «Вспоминая войну в Испании»⁵¹⁶. В отличие от книги «Памяти Каталонии» это были не мемуары, а рассуждения о жестокости войны, навеянные собственным опытом. Оруэлл приходил к неутешительному выводу, что о жестокости рассуждают тенденциозно, исходя из политических пристрастий: «Недавно я набросал перечень жестокостей, совершённых с 1918 года до сегодняшнего дня; оказалось, каждый год без исключения где-то совершают жестокости, и трудно припомнить, чтобы хотя бы раз и левые, и правые приняли на веру свидетельства об одних и тех же бесчинствах. Еще удивительнее, что в любой момент ситуация может круто перемениться, и то, что вчера еще считалось бесспорно доказанным бесчинством, превращается в нелепую клевету — лишь оттого, что иным стал политический ландшафт»⁵¹⁷. Автор приво-дил примеры того, как по чисто политическим соображениям «ложь приобретает статус правды». Так сама история становилась небесспорной, что могло быть свойственно и демократическим обществам, но оказывалось совершенно неизбежным для тоталитарных: «Если Вождь заявляет, что такого-то события “никогда не было”, значит, его не было. Если он думает, что дважды два пять, значит, так и есть. Реальность этой перспективы страшит меня больше, чем бомбы»⁵¹⁸. Отталкиваясь от испанских событий пятилетней

давности, Оруэлл считал, что искажение или даже полное отрицание исторических фактов калечит человеческие души и превращает общество в сборище душевных инвалидов, преступников, служащих диктатору.

Писатель интенсивно работал: сотрудничал в ряде лондонских периодических изданий, читал массу книг — публицистику, воспоминания, прозу, поэзию — и стремился по возможности объективно оценить эти произведения в рецензиях и обзорах, продолжал выступать со статьями и эссе по принципиальным вопросам политики и культуры.

В это время Оруэлл заметил изменения в собственном стиле работы. Он перестал писать первые варианты своих произведений пером и многократно их исправлять, а то и полностью переписывать, иногда по несколько раз. 14 июня 1940 года он записал в дневнике: «В последнее время, когда я пишу обзор, я сажусь за пишущую машинку и сразу его печатаю. До недавнего времени, шесть месяцев тому назад, я никогда этого не делал и сказал бы, что я не умею этого делать. В самом деле, всё, что я писал, писалось по крайней мере дважды, а мои книги обычно три раза — некоторые места даже пять или десять раз»⁵¹⁹. Постепенное накопление писательских впечатлений и опыта, совершенствование таланта привело к переходу через какую-то качественную грань — он стал писать намного легче и свободнее, хотя по-прежнему отделял текст, пусть и напечатанный на машинке.

Впрочем, писатель, верный своей самокритичной манере, неоправданно приписывал переход от пера к машинке тому, что он, стремясь побольше заработать, стал меньше заботиться о качестве написанного. Конечно, стоимость жизни в Великобритании в военные годы резко возросла, снабжение по карточкам было скудным, свободный рынок продолжал функционировать, но по заоблачным ценам. Однако материальные заботы всё-таки не были главным в его жизни, и публикации 1940—1941 годов наглядно демонстрировали растущую мощь оруэлловской политической журналистики.

С «Партизан ревью» и Голланцем против диктаторских режимов

Можно не сомневаться, что рост популярности Оруэлла и улучшение качества его текстов не остались незамеченными издателями и в Англии, и за рубежом. Именно с

этим было связано приглашение американского журнала «Партизан ревью» стать его постоянным сотрудником. Журнал начал издаваться в 1934 году группой интеллектуалов, стоявших на социалистических или близких к ним позициях, но в то же время решительно осуждавших установление единоличной диктатуры Сталина в СССР. Изначально журнал выходил как издание Клуба Джона Рида*, стоявшего на коммунистической платформе, но вскоре по политическим и идеологическим соображениям порвал с ним связь

Под руководством талантливого редактора Уильяма Филлипса и его сотрудников, среди которых выделялись Клемент Гринберг и Филип Рав — решительные сторонники модернистских тенденций в современной литературе и искусстве — «Партизан ревью» стал влиятельным изданием на левом фланге американской публицистики. Он издавался ежеквартально Бостонским университетом и вначале сочувственно относился к марксистским идеям, а затем перешел на леволиберальные позиции, в результате чего резко усилил свое влияние в интеллигентских кругах.

Оруэлл получил предложение редакции о сотрудничестве, причем по избираемой им самим проблематике, в самом конце 1940 года. «Можете сплетничать, о чем хотите и о ком хотите, чем больше, тем лучше»⁵²⁰, — расслабленно писал ему Гринберг. Предложение было весьма многообещающим и лестным, тем более что это было первое предложение такого рода от влиятельного зарубежного издания. Оно свидетельствовало, что Оруэлла считали значимым писателем уже не только в Великобритании, но и в США. Так началось его систематическое сотрудничество с «Партизан ревью», продолжавшееся пять с половиной лет. Всего в этом журнале им были опубликованы 15 «Писем из Лондона» и несколько материалов, посвященных самым различным аспектам мировой войны и внутреннему положению в Великобритании. Некоторые материалы были настолько острыми (например, обвинение пацифистов в профашистских настроениях), что вызывали гневные отклики, на которые Оруэлл отвечал не менее жестко. Во всяком случае,

* *Джон Рид* (1887—1920) — американский журналист, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир» (1919), прославлявшей большевистский переворот; один из основателей американского коммунистического движения. Умер в Москве от сыпного тифа и стал единственным иностранцем, похороненным у Кремлевской стены.

сотрудничество в американском журнале было ярким свидетельством постепенного, но всё более решительного отхода писателя Оруэлла от пацифизма.

Во время войны все материалы, предназначавшиеся для публикации за рубежом, подлежали военной цензуре. Оруэлл обычно писал достаточно осторожно, стремясь не нарываться на конфликты с чиновниками из соответствующего управления (где работала его супруга). Но несколько случаев, когда из его текстов были произведены изъятия, всё же имели место. Так, в апреле 1941 года второе «Письмо из Лондона» было строго проверено цензурным ведомством, которое сообщило автору, что из текста было исключено упоминание о расправах с германскими летчиками, сбитыми над Британией и приземлившимися на парашютах. В достоверности этих фактов не было уверенности и у самого Оруэлла, и он легко смирился бы с таким изъятием. Однако, когда статья появилась в американском журнале, он увидел, что цензор перестарался: вместо того чтобы вычеркнуть нежелательные места, страницу перепечатали, не очень удачно связав оставшиеся куски⁵²¹. Сам по себе факт вмешательства в текст отнюдь не ставил под сомнение основы британской демократии, тем более в условиях войны. Но Оруэлл был до предела чуток к малейшим проявлениям того, что могло потенциально угрожать демократическим основам.

Это было не первое его столкновение с цензурой. Перед самым началом войны Эрик Блэр отозвался на стук в дверь своего деревенского дома и с удивлением увидел двух полицейских офицеров, которые вежливо, но сухо сообщили, что явились проверить сведения о получении им из-за границы запрещенных в Великобритании книг. Оказалось, что власти перехватили письмо Блэра в парижское издательство «Обелиск», публиковавшее, в частности, произведения Генри Миллера, с просьбой присылать новые романы. Скорее всего, речь шла о миллеровском романе «Тропик Козерога» — продолжении хорошо известного Блэру «Тропика Рака». Во избежание обыска Эрику предложили «выдать» все книги этого издательства, что законопослушный британец безропотно сделал. Вслед за полицейским «рейдом» он получил официальное прокурорское уведомление, что подвергнется уголовному преследованию, если подобные действия будут продолжаться. Правда, вскоре власти Хартфордшира возвратили часть книг, а прокурор графства сменил тон, прислав новое официальное письмо, в кото-

ром выражал сожаление по поводу произошедшего недо-
разумения, ибо не учел, что писатель, «возможно, нуждал-
ся в книгах, обладание которыми было незаконным»⁵²².

Перлюстрация личной переписки, использование по-
лицией частной информации, полученной из писем, на-
мерение произвести насильственное изъятие принадле-
жавших Оруэллу книг на том основании, что они были
выпущены зарубежным издательством, находившимся под
подозрением, угроза уголовного преследования за облада-
ние запрещенной литературой (список которой предъяв-
лен не был), стали для писателя свидетельством того, что
в Британии не всё благополучно. Может быть, именно тог-
да зловещая тень тоталитаризма перестала быть для него
абстракцией, относящейся к враждебной Германии и не
очень дружественному СССР. Оруэлл осмелился предпо-
ложить почти невероятное: даже его страна не имеет им-
мунитета против зловещей угрозы. Он боялся, что и здесь,
как в Германии, могут начать сжигать книги. Не случайно
местом действия антитоталитарного романа он выбрал не
Германию или Советский Союз, а родную Англию.

Факт перлюстрации личной переписки Оруэлла, сам по
себе мелкий, учитывая военное время, для него имел прин-
ципиальное значение, поскольку демонстрировал, что ад-
министративные органы с легкостью вмешиваются в лич-
ную жизнь гражданина, если для этого есть формальные
основания. Эта тема была использована Оруэллом в ро-
мане «1984», главный герой которого Уинстон Смит рабо-
тал в Министерстве правды. Даже сокращенное название
британского Министерства информации — Мининформ —
было использовано в романе: Министерство правды сокра-
щенно называлось Минправ.

События, предшествовавшие началу Второй мировой
войны, заставили многих левых интеллектуалов пересмо-
треть свои позиции. Рассорившийся с Оруэллом прокомму-
нистически настроенный издатель Голланц, отказавшийся
по политическим причинам публиковать книги Оруэлла,
после заключения в августе 1939 года пакта Молотова—
Риббентропа вновь протянул писателю руку дружбы⁵²³. По-
сле трехлетнего перерыва он отправил Оруэллу письмо, в
котором каялся в том, что в 1936 году «связался с коммуни-
стами», и пытался оправдаться незнанием, что они когда-
либо проводили политику, отличную от Народного фронта.
Неизвестно, чем Оруэлл был потрясен больше — наивно-
стью или неинформированностью своего издателя: «Это

ужасно, что столь невежественные люди могут обладать таким большим влиянием»⁵²⁴.

Своего рода признанием прошлых ошибок стал выпуск Голланцем весной 1941 года сборника «Предательство левых: Проверка и отвержение коммунистической политики» с предисловием Гарольда Ласки. В сборник, наряду с публикациями самого Голланца, вошли статьи Оруэлла «Фашизм и демократия» и «Фашизм и революционеры». Основной огонь критики автор сосредоточил на коммунистическом движении и советско-сталинской системе: «Коммунизм с самого начала был делом проигранным в Западной Европе, а коммунистические партии различных стран еще раньше дегенерировали в простых агентов влияния российского режима. Вместо того чтобы указывать, что Россия — страна отсталая, у которой мы могли бы чему-то научиться, но которой не следует подражать, коммунистов обязали представлять дело так, что чистки, “ликвидации” и т. п. являлись здоровыми симптомами, которые правильно мыслящие личности хотели бы видеть и в Англии». Британскую компартию, поддержавшую советско-германский пакт и до 22 июня 1941 года занимавшую пораженческую позицию в войне, Оруэлл разве что прямо не обвинял в национальном предательстве.

Благодаря ярким публицистическим статьям и критическим обзорам за Оруэллом прочно закрепилась репутация одного из наиболее серьезных политических авторов Великобритании. Его всё чаще приглашали выступить перед аудиторией. Особенно важным было предложение прочесть лекцию в Английском клубе Оксфордского университета на тему, избранную им самим, что для любого общественного деятеля считалось большой честью.

Лекция «Литература и тоталитаризм» была прочитана Оруэллом 23 мая 1941 года. Вслед за этим в распространяемой по всей стране оксфордской газете «Черуэлл» (так назывался один из самых авторитетных колледжей Оксфордского университета) появился восторженный, хотя и несколько бесшабашный отзыв: «Некоторые знаменитости, которые пишут хорошо, довольно сильно разочаровывают при встрече. Джордж Оруэлл оказался исключением — он выглядел как раз так, как всегда на это надеялись и ожидали. Правда, говорил он неопределенными обобщениями, которые расстроили, вероятно, студентов, изучающих логику; но, отвечая на вопросы — весьма разнообразные, от социалистических еженедельников для мальчиков

до марксистских мелодий для масс, — он показал, что его репутация ведущего критика левого крыла вполне оправданна»⁵²⁵.

Работа на Би-би-си

В 1941 году Блэр впервые после службы в бирманской полиции согласился поступить на работу в учреждение, выполнявшее информационные и пропагандистские функции британских властей. Британская радиовещательная корпорация (British Broadcasting Corporation) — Би-би-си, основанная в 1922 году, формально считалась общественной организацией, руководимой контрольным советом во главе с двенадцатью попечителями, назначаемыми королем. Летом 1941 года администрация Би-би-си предложила Блэру работу в своем Имперском департаменте, занимавшемся вещанием на колонии, в основном на Индию. Руководители радио не понимали, что голос Оруэлла из-за ранения крайне необычен для эфира. К тому же у него почти не было опыта радиожурналистики — до этого он лишь дважды выходил в эфир: в первый раз участвовал в диспуте, существует ли пролетарская литература, во второй — в обсуждении темы «Каковы недостатки современного короткого рассказа». Продюсером обеих передач был индус по происхождению Зульфикар Али Бохари, вскоре ставший руководителем Имперского департамента Би-би-си, на которого выступления Блэра, по всей видимости, произвели впечатление, ибо одной из первых его административных инициатив стало приглашение писателя на постоянную работу.

В августе 1941 года после ознакомительного учебного курса продюсеров радиопрограмм Оруэлл был принят на работу фактически в качестве редактора и ведущего передач, транслировавшихся на Индию и страны Юго-Восточной Азии. Ему была определена довольно высокая по тому времени заработная плата — 640 фунтов стерлингов в год. Индия вместе с метрополией участвовала в войне против Японии и Германии, имела двухмиллионную армию. Британские власти прилагали все усилия, чтобы колония не только не причиняла забот Лондону, но и вносила максимально возможный вклад в войну в Азии и Океании. Германская разведка и пропагандисты всячески стремились ослабить боеспособность Индии, из Берлина велись подрывные передачи, британской колонии сулили всевоз-

можные преференции, включая предоставление полной независимости. (Японская пропаганда, надо сказать, от подобных обещаний воздерживалась, ограничиваясь декларациями самого общего характера о «великой азиатской сфере совместного процветания».)

Основные задачи, которые были поставлены перед Оруэллом руководством Би-би-си, — способствовать укреплению взаимопонимания между метрополией и колонией, подчеркивать связи между ними и противостоять пропагандистским усилиям противника. Индийскому народу необходимо дать понять, назидательно внушало новому сотруднику начальство, что военные усилия Индии высоко оцениваются в Великобритании.

Передачи посвящались в основном не индийским проблемам (хотя в числе приглашаемых на эфиры были индийские деятели, но не те, кто выступал за независимость страны или хотя бы за повышение ее статуса до доминиона). Абсолютное большинство тем было связано с британской внутренней и внешней политикой, культурой, наукой. Оруэлл как продюсер и ведущий представил слушателям выдающегося поэта, драматурга и критика Томаса Элиота, поэта и историка современной литературы Стивена Спендера, валлийского поэта Дилана Томаса, автора популярных романов об Индии Эдварда Форстера и других деятелей культуры, которые читали отрывки из своих произведений и делились мыслями о задачах Британии в войне. Кроме этого, Оруэлл (он проработал на Би-би-си немногим более двух лет) был автором ряда инсценировок и даже варианта детской сказки о Красной Шапочке, сценарии которых сохранились в его архивном фонде⁵²⁶.

Вначале вещание велось из небольшой радиостудии, расположенной на Портленд-плейс. Однако вскоре Оруэлл переехал в специально перестроенное здание бывшего универмага. У него появился крохотный хорошо обставленный кабинет, рядом находились студии звукозаписи, а на первом этаже — столовая, что в условиях войны и карточной системы было немаловажно. Правда, еда там была не лучшего качества, поэтому иногда в обеденный перерыв наш герой отправлялся в соседний трактир. Но обычно он всё же обедал в столовой, высмеивая приготавливаемые там блюда. Однажды он сказал стоявшему перед ним в очереди коллеге, вместе с которым рассматривал меню: «Через год вы увидите на этой доске “Крысиный суп”, а в 1943 году это будет “Суп из искусственной крысы”»⁵²⁷.

Оруэллу по должности полагался секретарь. Внешне он стал заправским государственным чиновником, проводившим в кабинете значительную часть восьмичасового рабочего дня, составляя и совершенствуя сценарии, рассматривая и утверждая программы, согласовывая их с начальством, диктуя письма, ответы на предложения, приглашения участникам передач и т. д. Из радиостудий, расположенных в центре Лондона на Оксфорд-стрит, дом 200, на страны Востока передавались новости дня, многочисленные новостные комментарии и обзоры Оруэлла, посвященные не только текущим военным и политическим событиям, но и историческим фактам, научным открытиям и даже британским обычаям. Немалое внимание уделялось художественным программам. По единодушной оценке тех, кто знакомился с текстами Оруэлла, основной их задачей была пропаганда «британских ценностей». Иначе говоря, вещание на отдаленные территории должно было способствовать сплочению колоний и доминионов вокруг метрополии в условиях войны.

Означало ли это, что Оруэлл покончил со своими социалистическими и антиколониальными установками, которые энергично проповедовал в предыдущие годы? Ни в коем случае. Речь шла о разумном компромиссе: ради победы над злейшим врагом не только британцев, но и всех тех, кто стремился к достойной жизни, можно было отодвинуть другие задачи на второй план.

Оруэлл весьма скептически относился к возможности реально повлиять на восточные народы при помощи радиопередач из Лондона, и этот скепсис со временем усиливался. Журналист Малколм Маггеридж, служивший в годы войны в британской разведке и участвовавший в контроле за передачами Би-би-си, вспоминал: «Когда я осторожно высказал мнение, что его стрелы могут пролететь мимо цели, он заговорил об абсурдности сложившейся ситуации и захохотал своим характерным глубоким смехом по поводу всего этого предприятия»⁵²⁸. Уже через год после начала работы на Би-би-си Блэр стал открыто говорить, что его передачи не дают эффекта, что это «выстрелы в стратосферу»⁵²⁹. Теперь он считал, что «пустые» радиопередачи отвлекают его от значительно более важных дел.

Но больше всего его тревожило другое, о чем он открыто не говорил: став «патриотическим сотрудником» фактически государственной радиокорпорации, для правых кругов он оставался политически чуждым, да и сам не стре-

мился к сближению с ними, а многие левые теперь считали его ренегатом. Характерной была реплика активного пацифиста Джорджа Вудкока (позже он станет другом Оруэлла и пропагандистом его произведений) в журнале «Партизан ревью»: «Если нам надо было бы представить себе серьезные изменения в чьей-то жизни, Оруэлл окажется как раз кстати. Товарищ Оруэлл — бывший полицейский офицер британского империализма (у которого фашисты научились всему тому, что они знают), в тех регионах, где солнце, наконец, навсегда закатилось* на разорванном Юнион Джеке**! Товарищ Оруэлл — бывший попутчик пацифистов и регулярный автор пацифистского “Адельфи”, который он теперь атакует! Товарищ Оруэлл — бывший крайне левый, член НРП и защитник анархистов (смотри “Памяти Каталонии”)! И теперь товарищ Оруэлл возвращается к своим прошлым империалистическим привязанностям и работает на Би-би-си, занимаясь британской пропагандой, чтобы ввести в заблуждение индийские массы!»⁵³⁰

На этот выпад Оруэлл ответил письмом, опубликованным в том же журнале, содержащим не менее резкие выражения, что свидетельствовало о жгучей обиде, при которой не выбирают слов: «Пацифизм объективно является профашистским. Это общеизвестно... Меня не интересует пацифизм как моральный феномен». Писатель набрасывался на «банду католиков», «банду сталинистов» и на «нынешних пацифистов, как их иногда называют», также причисляя их к банде, причем уже не профашистской, а просто фашистской: «Меня интересует психологический процесс, при котором пацифисты, начав с псевдоужаса перед насилием, приходят теперь в восторг по поводу успехов и власти нацизма»⁵³¹. (О собственных пацифистских выступлениях в предвоенные годы автор предпочел промолчать, зато, как мы видим, использовал слово «фашизм» в качестве политического ругательства.)

Энергично огрызаясь на нападки на его работу на Би-би-си, Оруэлл всё более разочаровывался в ней; она стала его раздражать, а порой вызывала чуть ли не ненависть. Снова стали давать о себе знать больные легкие. Болезнь

* Автор имел в виду оккупацию ряда восточноазиатских колоний Великобритании Японией, вступившей в войну в декабре 1941 года.

** Ю н и о н Д ж е к (Union Jack) — Союзный гюйс (англ.) — государственный флаг Великобритании, представляет собой синее прямоугольное полотнище с красным прямым крестом в белой окантовке, наложенным на белый и красный косые кресты.

неизбежно оказывала влияние на его поведение. Современная медицинская литература отмечает частые случаи нервно-психических расстройств, сопровождавших туберкулез. Психического расстройства в полном смысле слова у Оруэлла не было, но нервная система постепенно рыхлялась, подчас возникали депрессии, усугублявшиеся тревогой и за собственную жизнь, и за здоровье жены.

Помимо крупных проблем, всё больше действовали на нервы мелкие стычки, столкновения с цензорами, неоправданные, по его мнению, требования начальства на радио. Почти четверть века перед этим Блэр вел относительно свободный образ жизни, не должен был являться на службу к определенному времени и досиживать до звонка, работать в большом коллективе, в котором он чувствовал себя крохотным винтиком. Он надеялся приспособиться к новым условиям, но у него это не очень получалось. Постепенно его стала беспокоить любая мелочь, вплоть до громкого разговора в соседнем кабинете. Раздражала и необходимость вести нудную ежедневную корреспонденцию: приглашать ораторов, переносить встречи на другое время в связи с изменением графика передач, соглашаться с темой передачи или возражать, просить у авторов разрешение использовать их произведения и получать иногда грубые отказы. Так, Бернард Шоу на просьбу разрешить использовать в одной из передач отрывок из его пьесы «Врач перед дилеммой» без объяснения причин ответил: «Я категорически это запрещаю»⁵³².

Действительно, составление однообразных писем (многие сотни их, не просто подписанных, а написанных или, по крайней мере, продиктованных им, сохранились в архиве Би-би-си) могли свести с ума такого человека, как Эрик Блэр — не просто не привыкший к канцелярской работе, а не терпевший ее, тем более что учащались вынужденные цензурные согласования и вмешательства в его передачи, шедшие под патронажем Министерства информации Великобритании.

Образование этого министерства через три дня после начала Второй мировой войны мотивировалось необходимостью активно противостоять нацистской пропаганде. Министерство отвечало за пропагандистские акции в самой Великобритании, в союзных и нейтральных странах. Сам факт его появления угрожал свободе слова, а потому пресса крайне негативно реагировала на создание этого учреждения, которое к тому же никак не могло найти необ-

ходимые пропорции контроля за информацией. За два года там сменились три министра. В 1946-м Министерство информации было распущено лейбористским правительством, посчитавшим, что после войны необходимость в государственном вмешательстве в умонастроения британцев отпала. Опыт деятельности этого органа позже был весьма язвительно и с полным знанием дела использован Оруэллом при описании Министерства правды, распространявшего ложь.

Вопреки формальным указаниям министерских и цензурных бюрократов, Блэр пытался как-то разнообразить свои передачи, сделать их более живыми и интересными. Он выступил новатором, предложив создать радиожурнал «Войс» («Голос»), в котором существовали бы разнообразные, но объединенные общей тематической направленностью рубрики, подобно тому, как это устроено в печатных «толстых» журналах. С неохотой приняв эту идею, руководство и особенно цензура поставили условием создания радиожурнала, что он будет трактовать только вопросы культуры, не вмешиваясь в политику.

Первый выпуск радиожурнала 11 августа 1942 года был посвящен современной поэзии и включал как выступления авторов, так и дискуссию об их стихах, в которой принял участие и Блэр. В следующих выпусках, которые удавалось выводить в эфир очень редко, редактор всё же пытался протасовать определенную политическую тематику. Один из таких опытов состоял в представлении слушателям романов итальянского политического деятеля и писателя Иньяцио Силоне, в частности его яркого, социально насыщенного произведения «Хлеб и вино» (1937). С точки зрения британских цензоров, ничего опасного в этом произведении не было; они пропустили передачу в эфир и лишь потом разобрались, что Силоне — один из основателей и руководителей Итальянской коммунистической партии, исключенный из нее в 1927 году после ожесточенной критики сталинского режима. Более того, выяснилось, что в 1939 году, незадолго до начала войны, в Лондоне была выпущена публицистическая книга Силоне «Школа диктаторов», в которой даже употреблялся термин «красный фашизм» для характеристики сталинской диктатуры.

Разумеется, индийским слушателям Блэра были не очень интересны взгляды какого-то итальянского эмигранта. Цель состояла в другом — во-первых, «реабилитироваться» в глазах тех, кто считал, что Эрик «пошел на службу

к империалистическим властям»; во-вторых, обратить внимание на Силоне и в целом на антитоталитарную художественную литературу.

После этого цензурное наблюдение за Блэром резко усилилось: запреты на его передачи накладывались один за другим, причем и из-за предлагаемой тематики, и в связи с политической ориентацией деятелей, которых он приглашал. Он, как мог, пытался отстаивать свою позицию, но почти во всех случаях оказывался бессильным перед бюрократами. Максимум, чего ему удавалось добиться, — выплаты гонораров экспертам, приглашенным им, но отвергнутым цензурой и начальством. Самого Блэра на радио не раз обвиняли в отсутствии должного уважения к руководству и пренебрежении «дисциплиной, соответствующей такой организации»⁵³³.

Его же больше всего раздражала не предварительная цензура — так или иначе можно было договориться. Много хуже была ситуация на записи передачи: присутствовавший на ней чиновник мог в любой момент отключить микрофон, если считал, что выступающий произносит что-то недозволенное. В этих случаях дискуссии оказывались бессмысленными, тем более что изменить ничего было нельзя — микрофон уже был выключен. Обо всём этом стало известно лишь позже, когда был опубликован сборник документов и материалов, посвященных работе Оруэлла на Би-би-си⁵³⁴.

Непосредственным начальником Эрика на радио был Зульфикар Бохари, с которым у него были в общем-то неплохие отношения, но на котором писатель обычно вымещал свое раздражение, считая, что тот должным образом не препятствует цензурным рогаткам. Когда с посвящением Бохари вышла книга Лайонела Филдена, одного из британских администраторов, работавших в Индии, называвшаяся «Разорение моего соседа» (1942)⁵³⁵, в которой, несмотря на это, идеализировалось британское управление в колонии, Оруэлл в рецензии раскритиковал ее, тем самым уязвив своего к тому времени уже бывшего босса⁵³⁶.

Смысла в этой выходке было немного, поскольку уже в 1942 году непосредственным руководителем Блэра вместо Бохари стал Норман Коллинз, в прошлом один из ближайших помощников Голланца. Поначалу Блэр воспринял это назначение как хорошее предзнаменование — он надеялся, что Коллинз станет его союзником. Но случилось противоположное: стремясь выслужиться, новый начальник начал

ставить ему палки в колеса, писать рапорты, которые иначе как доносами назвать трудно. В одном из них сообщалось, что подчиненный держит себя «слишком независимо для данной организации» и что он должен изменить манеру поведения⁵³⁷.

Блэр обладал большей свободой, чем другие сотрудники Би-би-си⁵³⁸. Но это была не та свобода, на которую рассчитывал писатель, стремившийся внести свой вклад в военные усилия страны, но непрерывно натывавшийся на бюрократические препятствия. Он старался держать себя в руках, не срывать свое раздражение на единственном человеке, который от него зависел, — своем секретаре. Занявшая эту должность в последние месяцы работы Блэра на Би-би-си Элизабет Найт рассказывала, что он вел себя спокойно, был очень организованным, никогда не оказывал на нее давления, не давал заданий, которые надо было «сделать вчера»; что они выработали определенный ритм диктовки и печатания на машинке, так что работа шла быстро, но не изнурительно. Особенно важно было, что Блэру не было нужды указывать знаки препинания: он диктовал так выразительно, что пунктуация слышалась сама собой⁵³⁹.

Другие сотрудники сохранили несколько более критические, хотя в целом позитивные воспоминания о радиожурналисте Блэре и писателе Оруэлле. Его коллега Джон Моррис, впрочем, противопоставлял одного другому: «Он хорошо писал, но был плохим и скованным оратором; даже в частном разговоре плохо выражал себя и часто подыскивал правильное слово. Его еженедельные передачи были написаны блестяще, но он произносил их скучным и монотонным голосом. Я часто бывал с ним в студии, и мне было больно слушать, как такой хороший материал расходуется напрасно; подобно многим другим блестящим писателям, он в действительности никогда не понимал тонкого отличия между словом написанным и сказанным... да и не беспокоил себя этим»⁵⁴⁰.

На Би-би-си писатель выступал под собственным именем. Иногда это приводило к недоразумениям. Элизабет Найт вспоминала, что обычно она откликнулась на телефонные звонки словами: «Офис мистера Блэра», — на что звонивший просил прощения, говоря, что ошибся номером, так как хотел поговорить с Джорджем Оруэллом. Приходилось объяснять, что это один и тот же человек. Несколько раз руководство предлагало Блэру выступать

14.3.42. I refer to his being after an interval of about 3 months, to have being me again in a new phase.

The actual date of Cripps' departure for India was not given out, but presumably he has gone by this time. During public opinion here seems glowing about his departure. A frequent comment - "They've decided to get him out of the way" (which is also one of the reasons alleged by the former wireless). This is very silly & reflects the provincialism of English people who would just not India is of any importance. Both in general people are provincial because the non-publication of the government's terms to India indicates almost certainly that they are not good terms. Impossible to discover what figures Cripps has got. Some who may know something with discretion may give some candid hints out of their way by indirect means. Eg. I propose in my newsletter, having been interested to give Cripps a build-up, to build him up as a political expert. This draws the warning, "don't go too far in that direction", which raises the presumption that the high-ups haven't much hope of full independence being offered to India.

Reasons of all descriptions flying round. Many people

под известным уже всем слушателям псевдонимом, полагая, что это увеличит аудиторию, но он отказывался, заявляя, что не желает торговать своим литературным именем⁵⁴¹. Правда, несколько раз тексты всё же пошли в эфир от имени Джорджа Оруэлла, но это бывало только в тех случаях, когда автор был твердо убежден, что ни на какие компромиссы ни с руководством, ни с собственным мироощущением не идет, а это случалось редко. Депрессивное состояние усугублялось с каждым месяцем работы на Би-би-си. 23 июля 1942 года он записал в дневнике: «Всё, что я делаю, — это тщетные усилия, которые всё меньше и меньше сопоставимы с напрасно затраченным временем. Похоже, что то же самое происходит со всеми. Самое страшное чувство — это разочарование или просто чувство того, что ведешь себя по-дурацки, делая вещи слабоумные, слабоумные не потому, что они являются частью войны, а война глупа сама по себе; но вещи, которые в действительности никоим образом не помогают военным усилиям, но считаются необходимыми огромной бюрократической машиной, в плену которой все мы находимся»⁵⁴².

Полупрезрительно-полуснисходительно Блэр называл место своей службы чем-то средним между школой для девиц и сумасшедшим домом⁵⁴³. 24 сентября 1943 года он написал заявление о прекращении работы на Би-би-си и в соответствии с существовавшими правилами уволился в ноябре. Он назвал три причины своего ухода.

Первая: у него почти не оставалось времени для творчества. Между тем возможности публиковаться теперь стали значительно более широкими — и в Великобритании, и в США. Как раз осенью 1943 года он начал работать над «Скотным двором».

Вторая: его передачи слышало только незначительное число людей (он был потрясен, узнав, что в Индии с ее трехсотмиллионным населением было не более 150 тысяч радиоприемников), и он всё более убеждался, что затрачиваемые время, умственные и душевные усилия не дают должного результата.

Третья: ему претила необходимость считаться с военной цензурой. Он старался как можно реже упоминать об СССР и Сталине, но полностью отказаться от похвальных слов было невозможно, а критические произносить запрещала цензура⁵⁴⁴. К примеру, в феврале 1942 года Блэр дал хвалебный комментарий на «приказ советского Верховного

главнокомандующего»*: «Учитывая жестокости, творимые немцами во время их вторжения в Россию, текст отличался отсутствием мстительности, мудростью и дальновидностью в противопоставлении германского народа его правителям». Сталин сказал именно то, что хотела услышать от него британская общественность, и писателю пришлось его похвалить.

Заявление об уходе с Би-би-си по форме было вежливым и сдержанным. Блэр благодарил руководство Восточной службы корпорации за благожелательное отношение (это соответствовало действительности: несмотря на некоторые выходы, он ни разу не получал формального взыскания, не говоря уже об угрозе увольнения). Но он не считал нужным скрывать, что считает свою работу на Би-би-си бесполезной: «Стоит ли продолжать эти передачи — судить другим. Я лично предпочитаю не тратить на них свое время, когда могу заниматься журналистикой, эффект которой очевиден»⁵⁴⁵. Так Блэр—Оруэлл во второй и последний раз добровольно расстался с неплохо оплачиваемой государственной службой ради свободы, без которой не мог жить.

«Обсервер» и «Трибюн»

К этому времени литературное имя позволяло Оруэллу зарабатывать на довольно скромную жизнь (а к иной они с Эйлин не привыкли). Он значительно расширил сотрудничество в старейшей в Великобритании воскресной газете «Обсервер». Фактическим владельцем, а с 1942 года еще и редактором газеты был Дэвид Астор, остававшийся на этом посту 27 лет. У них сложились хорошие отношения, и Дэвиду даже льстило, что «социалист» Оруэлл, прекрасно зная, что тот является потомком одной из самых богатых и известных фамилий (его отец Уолдорф Астор, американский предприниматель, был основателем Нью-Йоркской публичной библиотеки), общается с ним свободно. Вот как Астор описывал их первую встречу: «Я... когда вошел в ресторан, заметил его высокую фигуру, стоявшую в стороне и

* Имеется в виду приказ Сталина от 23 февраля 1942 года, в котором, в частности, были слова: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается» (*Сталин И. В. Сочинения: В 16 т. Т. 15. М., 1997. С. 97*).

выглядевшую несколько отстраненно, и когда я направился к нему, он дружески подошел ко мне и спросил: “Вы Дэвид Астор?” У нас сразу всё пошло очень хорошо, как будто мы знали друг друга до этого. Он принадлежал как будто к какому-то знакомому мне типу. На нем были серые фланелевые брюки, и он выглядел подобно учителю приготовительной школы — на нем была скромная удобная одежда учителя или же библиотекаря. Он не был аккуратным, как солдат, но что-то военное ему всё же было присуще»⁵⁴⁶.

Регулярное сотрудничество Оруэлла в еженедельнике началось еще в то время, когда он работал на Би-би-си. 8 марта 1942 года в «Обсервере» появилась его первая статья «Настроение момента», в которой автор говорил о низком состоянии духа британцев из-за отсутствия внутренних реформ и перспектив в войне. Затем Оруэлл публиковал статьи, в основном посвященные морально-политическим вопросам, связанным с войной. У редакции даже возник план использовать его в качестве военного корреспондента в Северной Африке и Италии, где в то время шли важные сражения. Этот план неплохо вписывался в намерение Оруэлла увидеть войну собственными глазами. Правда, на этот раз, в отличие от Испании, он собирался быть именно корреспондентом, не принимая непосредственного участия в военных действиях. Однако для получения аккредитации военного командования необходимо было пройти медицинскую комиссию. Эрика Блэра снова подвели легкие — в аккредитации ему было отказано. Пришлось ограничиться публикацией в еженедельнике «Обсервер» статей и литературных обзоров.

После ухода из Би-би-си значительно большее его внимание заняло сотрудничество с другим изданием, в котором он публиковался и ранее. Это был «Трибюн» — тоже еженедельник, но значительно более левой ориентации. Как раз тогда, когда Оруэлл расставался с радиостанцией, редакция «Трибюн» предложила ему постоянную работу в качестве литературного редактора. Платили здесь существенно меньше, но в редакции следовало находиться всего лишь три рабочих дня в неделю, что было исключительно важно с точки зрения творческой работы.

Еженедельник «Трибюн» был основан в начале 1937 года Стаффордом Криппсом и Джорджем Строссом, членами парламента, левыми лейбористами. Основной целью издания была провозглашена борьба за единый фронт рабочих и социалистических организаций, включая компартию.

В состав редколлегии вошли и другие известные левые социалистические деятели: Эньюрин Бивен, Эллен Уилкинсон, Гарольд Ласки, Генри Брейлсфорд, а также издатель и руководитель Клуба левой книги Виктор Голланц. В первые годы существования «Трибюн» был откровенно просоветским. Дело дошло до того, что сразу же после начала Второй мировой войны еженедельник поддержал линию Коминтерна, объявившего мировую войну несправедливой и империалистической с обеих сторон. Однако в феврале 1940 года существенно поменялся состав редколлегии, и новый редактор Раймон Постгейт стал превращать «Трибюн» в рупор провоенных левых групп Лейбористской партии. Еженедельник выдвинул лозунг борьбы за социализм как составной части борьбы против Гитлера. В 1941 году Бивен, сместив Постгейта, стал фактически главным редактором издания, но, будучи видным лейбористским политиком, он поручил каждодневную практическую работу Йону Кимче — тому самому, который вместе с Эриком Блэром работал в книжном магазине. Теперь «Трибюн» стал одним из наиболее значительных периодических изданий, выступавших за более активное участие Великобритании в войне, скорейшее открытие второго фронта в Европе и послевоенную перестройку страны на началах демократического социализма (последний понимался не как новая социально-экономическая система, а как курс на постепенное преодоление нищеты в рамках гражданского равноправия и рыночных отношений, что было очень близко тогдашним взглядам Оруэлла).

В качестве литературного редактора еженедельника Оруэлл писал рецензии и обзоры, заказывал необходимые материалы, но главное, начал выступать с регулярными политико-культурными комментариями, которые публиковались под общим заголовком «Как мне хочется». Биограф Оруэлла Б. Крик насчитал 237 тем, затронутых Оруэллом в этом цикле⁵⁴⁷. Можно сомневаться в таком тематическом разнообразии, ибо многие выделенные Криком темы по существу дублировали друг друга; но несомненно, что Оруэллом затрагивалась самая разнообразная тематика.

В еженедельнике не было четкого подразделения материалов на политические и литературные. Майкл Фут, редактор «Трибюн», сменивший Бивена в 1945 году, затруднялся ответить на вопрос, к какой рубрике можно причислить цикл «Как мне хочется»: «Оруэлл действительно делал многое, что полагал необходимым делать, но его не-

желание различать политику и литературу постоянно раздражало одних и радовало других»⁵⁴⁸.

В начале 1945 года Оруэлл оставил штат «Трибюн», передав свои функции коллеге и другу Тоско Файвелу, но продолжал публиковать там статьи-обзоры под тем же заголовком до апреля 1947-го. Вечно недовольный собой, он считал, что не был хорошим литературным редактором, что вообще редакторская работа не относилась к его сильным сторонам, что он запаздывал с принятием решений и часто принимал «ошибочные решения» о публикации материалов, не заслуживавших внимания читателей, объясняя последнее тем, что сам много лет получал унижительные отказы от солидных изданий, а потому жалел авторов. «Сомнительно, следует ли тому, кто долгое время являлся свободным журналистом, становиться редактором. Это подобно тому, как если бы осужденный был прямо из своей камеры отправлен на должность начальника тюрьмы», — писал он под конец своего сотрудничества в «Трибюн», уже не являясь штатным редактором⁵⁴⁹.

Писатель ни в малейшей мере не приукрашивал (но и не обличал) свое поведение. В архиве сохранилось его деликатное письмо некоему Р. С. Р. Фиттеру, приславшему никуда не годную рецензию: «Я извиняюсь за то, что доставляю Вам дополнительные хлопоты, но не могли ли бы Вы только добавить к этой рецензии пару строк о самой книге?»⁵⁵⁰ Он разъярял рецензенту, как ребенка, что надо хотя бы сказать, хорошо или плохо выполнил автор книги поставленную перед собой задачу. Невозможно отделаться от мысли, что Оруэлл издевался над незадачливым графоманом. Но если и так, письмо было написано с невозмутимой внешней серьезностью и показным уважением.

Идея печатать серию статей «Как мне хочется» была подсказана Оруэллу Ионом Кимче, позаимствовавшим ее у бывшего редактора «Трибюн» Р. Постгейта (тот, в свою очередь, перейдя работать в газету «Контроверси», публиковал в ней цикл статей с почти таким же названием: «Я пишу, как мне хочется»). Под таким заголовком можно было, по словам Кимче, писать о чем угодно — «о ботинках и кораблях, о сургуче, о капусте и королях*»⁵⁵¹. Такая свободная форма была особенно подходящей писателю после того, как он в течение двух лет подчинялся полувоенной дис-

* «Короли и капуста» — название сборника рассказов и одноименной сатирической повести О. Генри (1904).

циплине Би-би-си. Это был для Оруэлла свежий воздух, который он вдыхал с наслаждением: за первый месяц работы в еженедельнике он напечатал четыре таких обзора — в каждом номере. Позже публикации стали несколько реже, но их настрой, интонации, способ подачи материала оставались прежними: доверительный разговор с читателями.

Предельно общий характер заголовка давал возможность ставить те вопросы, которые автор считал в данный момент наиболее важными, причем он умело завязывал самые разные темы в единый узел, так что создавалось впечатление единства и целостности материала. При этом при переходе от одной темы к другой не было формальной связи. Просто сам доверительный тон, свойственный статьям этого цикла, создавал плавный переход. Важнейшие проблемы дня автор преподносил в окружении других тем, которые были любопытны или же приятны для чтения сами по себе, без политической важности. Как правило, такие «разгрузочные» материалы написаны были настолько живо, что с удовольствием поглощались всеми читателями.

В тематику статей входили последние политические, экономические и культурные события за рубежом и в Великобритании, природные наблюдения, впечатления от книжных новинок, собственные воспоминания и впечатления и даже кулинарные предпочтения и рассуждения об особенностях разных сортов кофе или чая. Поразительно, но в одной из статей Оруэлл рассуждал о ценах на чай в воюющей Англии для того, чтобы перейти к вопросу о необходимости международного суда над Гитлером и другими военными преступниками по окончании войны.

Литературные критики, историки культуры, биографы писателя почти единодушны в мнении, что статьи этой серии относились к наиболее значительным и ярким примерам жанра газетной публицистики⁵⁵², а «дни, проведенные в “Трибюн”, были в числе самых счастливых и наиболее плодотворных дней Оруэлла»⁵⁵³. Ряд оруэлловских статей этого цикла позже был включен в различные антологии и хрестоматии в качестве образцов подачи газетного материала, сочетания свободной формы с правильным подбором тематики, блестящим обоснованием своей позиции и великолепным владением языком. Именно в связи с этим циклом Оруэлла впервые стали относить к классикам публицистического жанра.

Первая статья серии была посвящена американским военнослужащим, сосредотачиваемым на британском по-

бережье Ла-Манша и Па-де-Кале для высадки в континентальной Европе. Это были достаточно острые и нелюбимые рассуждения по поводу усиливающихся в среде благопристойных британских обывателей антиамериканских настроений и высокомерного отношения американцев к англичанам. Статья открывалась описанием сцены дебоша, устроенного двумя подвыпившими американскими солдатами возле какого-то киоска. Автор, вроде бы пытавшийся их успокоить, услышал в ответ, что ему вышибут мозги; впрочем, после этого все мирно разошлись. От этой полупародийной сценки Оруэлл перешел к неизбежности столкновений солдат союзной армии с британскими гражданами. И те и другие смотрели друг на друга сверху вниз, власти же пытались заглушить эти противоречия, понимая, что сведения о них могут воспрепятствовать объединению военных усилий. Впрочем, получив от читателей ожидаемые и в каком-то смысле спровоцированные им самим обвинения в антиамериканизме, Оруэлл с готовностью отступил: «Я в гораздо меньшей степени антиамериканист, чем большинство англичан в настоящее время»⁵⁵⁴.

Масса материала посвящалась чувствам, настроениям, предрассудкам и предпочтениям рядовых британцев. Оруэлл не переоценивал интеллектуальность и образованность соотечественников, но в то же время не относился к ним по-барски снисходительно, а воспринимал их такими, каковы они были, не приукрашивая и не высмеивая. Рядовым британцам, по мнению Оруэлла, был присущ образ жизни, который вел Санчо Панса, верный оруженосец Дон Кихота, великолепно описанный Сервантесом. К образу «британского Пансы» писатель довольно подробно обратился в статье, опубликованной в конце 1943 года: «Одна его часть желает стать героем или святым; другая часть — это маленький толстый человек, который совершенно ясно видит, что преимущество заключается в том, чтобы остаться в живых и сохранить собственную шкуру. Это его неофициальный образ. Его вкусы направлены на то, чтобы жить в безопасности, иметь мягкую постель, поменьше работать, обладать кувшином пива и женщинами с соблазнительными фигурами»⁵⁵⁵.

Порой у Оруэлла возникали разногласия с редакционным советом «Трибюн», в том числе с Бивеном, определявшим политический курс газеты. Писатель считал, что Бивен настроен просоветски и это препятствует объективному освещению хода войны. Тем не менее самому Оруэллу была

предоставлена почти полная свобода в определении тематики, подборе авторов и, главное, в содержании его статей, что он в полной мере ценил: «Это единственный независимый голос в социалистическом движении. Это единственная еженедельная газета, которая действительно предпринимает усилия, чтобы быть одновременно прогрессивной и человечной»⁵⁵⁶.

Публикация популярной серии статей имела следствием еще и то, что ее автор превратился в медийную фигуру, о нем стали писать не только серьезные издания, рецензировавшие его книги, но и журналы, рассчитанные на самую широкую публику. Так, в 1946 году в популярном журнале «Вог» («Мода») была помещена фотография писателя, выглядевшего старше своих лет, с заметными морщинами на лице, в темном пиджаке и немодном темном галстуке, и дано описание его квартиры: «Оруэлл живет в Лондоне, в квартире на верхнем этаже... Вещи в его комнатах — бирманский меч, испанская крестьянская лампа, стаффордширские фигурки — могут кое-что рассказать о жизни за рубежом и о его английской солидности. Получивший образование в Итоне, Оруэлл вел после этого довольно авантюрную жизнь, а это прекрасный материал для английской автобиографии... Будучи очень левым, Джордж Оруэлл является защитником свободы и основное время тратит на жесткое противостояние людям, с которыми борется»⁵⁵⁷.

Отчасти польщенный, что на него обратил внимание журнал, считающийся преимущественно дамским, отчасти относясь презрительно-иронически к тому, как его облик был преподнесен, Оруэлл ответил статьей в серии «Как мне хочется», указав на разительное противоречие между миром высокой моды и теми условиями, в которых после войны жило абсолютное большинство населения. Оруэлл не упоминал названия журнала, чтобы не попасть в какую-нибудь неприятную историю вроде судебного иска по обвинению в клевете. Он провел анализ содержания лишь одного номера журнала, 325 страниц которого были заполнены смесью анекдотической рекламы и бесчисленными картинками с бальными платьями, норковыми шубами, роскошными чулками, бюстгальтерами, тубиками дорогой губной помады и флаконами духов в окружении восхитительных женщин, которые всем этим пользуются. Оруэлл признавал, что в журнале иногда упоминается что-то о среднем возрасте или о полных дамах (чтобы рекомендовать определенную одежду или косметику), но о смерти, бедах, не-

счастьях не встречается ни слова. Всё это — великолепный, но совершенно нереальный мир, заключал писатель⁵⁵⁸.

Публицистические, литературно-критические и прочие выступления Оруэлла были для него важны и для оттачивания писательского мастерства, и для формирования определенных взглядов аудитории, и для укрепления своих позиций в писательском сообществе, и, наконец, для обеспечения своей семье более или менее нормальных условий жизни и избавления себя от ежедневной заботы о поисках средств к существованию. Но на протяжении ряда лет в закоулках его сознания зарождался, а затем постепенно приобретал всё более четкие черты замысел крупных полотен, в которых нашло бы выражение его неприятие диктаторских режимов, создающих мощную тоталитарную сферу, охватывающую все области человеческой жизнедеятельности, разрушающую сознание и личность.

Глава одиннадцатая
ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Военные и семейные заботы

Казалось, Оруэлл должен был быть удовлетворен работой в «Трибюн», освободившей его от оков государственной службы. Однако со временем его неугомная душа начала требовать большего. Он думал о новом художественном произведении, которое затрагивало бы самые потайные нити, сшивавшие крайне противоречивую военную современность, когда союзником Великобритании оказался СССР во главе с диктатором Сталиным, жертвами которого не на поле боя, а в расстрельных камерах стали сотни тысяч людей. Термин «Большой террор», который был однажды употреблен писателем, стал широко применяться значительно позже, но именно так по существу оценивались им и многими другими западными общественными деятелями кровавые «чистки», которые проводились в СССР в 1936—1938 годах.

Оруэлл напряженно искал форму, в которой смог бы наиболее эффективно, язвительно, доходчиво для читателей и в то же время в совершенной художественной форме выставить на позор сталинскую систему. Важно было разоблачить тоталитаризм именно советского образца, ибо правототалитарные системы в Германии и Италии терпели военное поражение и неуклонно приближались к своему концу, в то время как левототалитарная модель СССР, входившего в антигитлеровскую коалицию, становилась всё более мощной и казалась всё более приемлемой, ибо вносила весомый вклад в разгром общего врага — гитлеризма.

При этом писатель отчетливо видел, что некоторые черты, свойственные тоталитаризму, в условиях войны проникают и в британское общество. Главное опасение состояло в том, что властям могли понравиться ограничительные меры и они могли попробовать сохранить их после вой-

ны. Англичане, к его возмущению, легко поддавались самой примитивной пропагандистской обработке: буквально в считанные часы Советский Союз, до 22 июня 1941 года бывший врагом британцев, стал их другом и союзником после нападения на него Германии. Заявление Черчилля, что его страна окажет русскому народу любую помощь, сопровождалось показательным дополнением: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я благожелательно отозвался бы в палате общин о Сатане»⁵⁵⁹. (Впрочем, эти последние слова цензура предусмотрительно выбросила — даже премьер-министр в годы войны был лишен привилегии говорить свободно.)

В одном из «Писем из Лондона» в «Партизан ревью» Оруэлл снисходительно писал о тех англичанках, которые еще совсем недавно вязали теплые носки для финнов, подвергшихся нападению Красной армии, а теперь делали то же самое для русских⁵⁶⁰. Нужны ли были лучшие доказательства того, как быстро меняет взгляды общественность огромной страны, будь то Великобритания или СССР, Министерство информации, Министерство правды или Министерство лжи?

Писатель вынужден был мириться с тем, что его жена работала в цензурном ведомстве. От нее он имел возможность получать информацию и о буднях самого ведомства, и о тенденциях пропаганды и цензуры. Но всё же ему стало намного легче дышать, когда весной 1942 года жена перешла в Министерство продовольствия, где ей было поручено руководить радиопрограммой «Кухонный фронт» — ее основным содержанием были советы, как приготовить сытную и вкусную пищу из тех скудных продуктов, которые население получало по карточкам. Разумеется, Эйлин и ее сотрудники, убеждавшие слушателей, что еда, приготовленная по этим рецептам, будет не хуже ресторанной, сами в это не верили, но к своей работе относились серьезно. Нормирование пищевых продуктов в Великобритании не было чрезмерно строгим; например, картофель карточному распределению не подлежал, поэтому команда Эйлин создала около сотни рецептов картофельных блюд. Поскольку в Великобритании традиционно любили подавать на обед индейку, кухонные мудрецы рекламировали изобретенное ими блюдо, вкус которого почти полностью соответствовал вкусу индейки; правда, индейки там не было и в помине — ее заменял всё тот же картофель с добавкой других овощей.

Еще в ту пору, когда Блэр работал на Би-би-си, он организовал выступление своей супруги под названием «Пе-

редача с кухонного фронта», так что нельзя сказать, что он полностью отвергал необходимость передач такого рода. В архиве сохранились заметки его сотрудников о выступлении Эйлин, которые отмечали ее остроумие и общительность⁵⁶¹. У коллег по Министерству продовольствия Эйлин оставила о себе добрую память. Одна из ее сотрудниц, Летис Купер, через много лет писала: «Застенчивая и непретенциозная в манерах, она отличалась честностью, которую, как мне казалось, никогда нельзя было поколебать»⁵⁶². Она же рассказывала, что «Передача с кухонного фронта» пользовалась большой популярностью, редакция получала много писем с бытовыми вопросами и использовала их при подготовке очередных выпусков⁵⁶³.

В первые годы войны Блэры жили в прочном современном доме в районе Эбби-роуд, который обычно не бомбили германские самолеты. Когда же незадолго до нападения Германии на СССР налеты люфтваффе прекратились, Блэры перебрались в район Килберн на северо-западе Лондона, где арендовали квартиру на улице Мортимер-кресент, дом 10а, в старом, довольно изношенном доме Викторианской эпохи. Стоимость аренды была невысока, и Блэры могли позволить себе снять довольно большую площадь: несколько комнат на этаже, считавшемся, согласно британским обычаям, первым, но фактически вторым, и подвал, в котором Эрик оборудовал столярную мастерскую и даже завел небольшой курятник. Работа с инструментами и забота о животных символизировали для него уют — эта обстановка напоминала прошлое деревенское времяпрепровождение, хотя война вносила свои коррективы: цыплята выращивались не для забавы, а ради еды. Возникла этическая проблема, которую Эрик сформулировал в письме Д. Астору: «Нехорошо давать цыплятам имена, потому что в этом случае их нельзя будет съесть»⁵⁶⁴.

В 1942 году, чтобы быть поближе к Эрику, в Лондон перебрались его мать и младшая сестра Эврил. Эйлин и Эрик немного помогали им материально. Тем не менее обе родственницы сочли, что в условиях войны им необходимо устроиться на работу. Эврил трудилась на низкооплачиваемой канцелярской должности на заводе металлоизделий, Айда — продавщицей в крупном универмаге Селфридж. Проработала она там недолго: в начале марта 1943 года машина «скорой помощи» отвезла мать Блэра с сердечным приступом в больницу. 10 марта она скончалась. Как оказалось, Айда страдала хроническим бронхитом, но относи-

лась к своему здоровью пренебрежительно, занималась самолечением. Можно предполагать, что слабые легкие Эрик унаследовал от матери.

После кончины Айды Блэры испытывали всё более сильную тоску по семейной атмосфере, усугублявшуюся тем, что у них не было детей. Летом 1943 года Эрику исполнилось 40 лет. Он несколько раз говорил друзьям, что именно он страдал бесплодием. Эйлин же на вопрос одной из подруг ответила что-то вроде «Ко мне это не имеет никакого отношения»⁵⁶⁵. Знакомый обоих супругов, поэт Пол Поттс как-то предложил Эрику, чтобы Эйлин забеременела от кого-то другого, добавив, что по крайней мере это будет ее ребенок. Блэр был шокирован таким предложением и отказался продолжать разговор на эту тему⁵⁶⁶.

Постепенно у Эрика созрело решение усыновить ребенка. Супруга вначале отнеслась к этой идее сдержанно: она понимала, что основные заботы по воспитанию лягут на ее плечи, а существенно сокращать свою общественную активность она не планировала. Однако Эрик в этом вопросе проявил обычно несвойственное ему упрямство, и Эйлин отправилась за советом к вдове своего покойного брата Гвен О'Шонесси, по профессии акушеру-гинекологу, которая после гибели мужа взяла на воспитание девочку. В мае 1944 года Гвен подыскала подходящего ребенка и для Блэров — новорожденного здорового мальчика. В течение месяца были выполнены необходимые формальности, получены требуемые документы, и в июне супруги стали приемными родителями ребенка, которому дали имя Ричард Горацио.

Крохотный Ричард сразу же оживил жизнь Эйлин и Эрика, до того казавшуюся им монотонной. Оба с радостью возились с ребенком. А друзья и знакомые порой с удивлением отмечали, что мальчик внес в семью успокоение и близость. Блэры будто вновь переживали медовый месяц. Как сказал Дэвид Астор, пара «возобновила свой брак в связи с появлением ребенка»⁵⁶⁷.

Вначале Эйлин считала, что сможет продолжить работу, наняв подходящую няню. Однако в условиях военного времени большинство работоспособных женщин были заняты в военном производстве, где получали сравнительно высокие зарплаты и удовлетворительное продовольственное снабжение по карточкам. Брать в няни малоприспособленную к нелегкому труду старуху супруги не пожелали, и Эйлин пришлось расстаться с работой. Эрик этому явно

обрадовался, и не только потому, что за ребенком лучше ухаживать матери. Он с трудом мирился с характером работы Эйлин и нередко испытывал раздражение по поводу содержания ее «кухонных» передач. Сама же Эйлин признавалась, что теперь для нее не было большей радости, чем растить мальчика⁵⁶⁸.

Притча обретает форму и содержание

Через несколько дней после того как в доме появился Ричард, Оруэлл начал писать новое произведение, которое обдумывал последние годы. Название возникло легко: «Animal Farm» (буквально — «Ферма животных»). На русском языке эта повесть-притча называется «Скотный двор». Но, пожалуй, самый точный перевод дало украинское эмигрантское издательство «Прометей», выпустившее книгу в Западной Германии в 1947 году: «Колгосп тварин»*.

Повесть-притча «Скотный двор» стала одной из вершин литературного творчества Оруэлла. На протяжении лет, прошедших после его счастливого бегства из Испании, и особенно в годы Второй мировой войны, автор с изумлением наблюдал, как в Великобритании усиливалось влияние Советского Союза. Сталин в его глазах был подлинным врагом человечества, не только погубившим свой народ, но и создавшим общественную модель, которая легко могла быть применена в Англии. Оруэлл называл ее «граммофонным сознанием»: люди перестают мыслить и бездумно повторяют то, что, как на граммофонной пластинке, записывают в их мозгу⁵⁶⁹.

Так появилась на свет книга, в которой происходит революция домашних животных против людей-«эксплуататоров», ставившая перед зверьми благородные освободительные цели, но в конечном итоге приведшая к неограниченной власти даже не одного вида животных — свиней, а наиболее ловкого, хитрого и безжалостного их лидера, в результате внутренних интриг захватившего власть на ферме.

Неизвестно, был ли Оруэлл знаком с русской литературой XIX века, в частности с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина, использовавшего образ свиньи в цикле

* «Колхоз животных» (укр.).

очерков «За рубежом», впервые опубликованном в журнале «Отечественные записки» в 1880 году. В заключительной главе произведения «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою» это животное предстает обывателем, ценящим прежде всего земные блага хлеба. Так что у Оруэлла был предшественник в той стране, которая стала объектом его художественного анализа более чем полвека спустя.

«Скотный двор» был произведением нового для Оруэлла жанра — утопии. Утопия — это проекция на будущее нынешних радостей и огорчений, надежд и разочарований, восхищения и ненависти, но всегда в концентрированном и часто в преувеличенном, даже карикатурном виде; антиутопия же — это ее противоположность, то есть реальность. То, что произведения Оруэлла и других авторов иногда называют «антиутопией», — результат недоразумения. Традиционно утопическими считались описания счастливого будущего, антиутопией же называли книги о будущем темном и жутком. Но будущая реальность, которая оказывается не только нереализованной, но и нереализуемой — не важно, имеет она положительный или отрицательный знак, — на самом деле всё равно утопия.

Отметим также, что «Скотный двор» — это притча, поучительное произведение, предостережение, облеченное в художественную, иносказательную форму, но всегда имеющее жизненную основу. Выписать образы притчи сочно и густо, сказочно и вместе с тем реально — задача не из легких, но Оруэлл справился с ней, потому что идея произведения подспудно созревала у него очень долго, вероятно, еще со времени службы в Бирме. При этом сам автор считал свое детище скорее сказкой и обозначил его жанр именно так: «A Fairy Story» — «Сказочная история».

Когда Оруэлл дал главному герою своей книги, самодержавному диктатору-борову, имя Наполеон, он не просто стремился вызвать ассоциацию с французским узурпатором, ставившим целью захват мира. Современным Бонапартом, то есть Наполеоном, неоднократно называл Сталина Троцкий, используя термин «бонапартизм» еще и для описания происходивших в СССР «контрреволюционных» событий, явившихся результатом сталинской политики. Боров Наполеон, конечно же, ассоциировался у читателя именно со Сталиным.

Несмотря на сказочный сюжет, новая книга Оруэлла воспринималась почти всеми читателями как остроумная пародия на российскую революцию 1917 года и произо-

шедшие вслед за ней события. По внешней канве это рассказ о том, как животные восстали против своего хозяина, фермера мистера Джонса, пьяницы и лентяя, обращавшегося с ними, по мнению вдохновителя восстания, пожилого и умудренного борова, крайне жестоко и несправедливо. Все персонажи, от утят и коз до лошадей и, главное, свиней, — это своеобразные социально-политические типы, которые встречаются в повседневной жизни в любой стране, хотя книга воспринимается как пародия именно на советские послереволюционные реалии.

«Скотный двор» — это иносказание о том, как революция неизбежно изменяет своей природе, как коллективная воля осуществляет насилие над личностью, а затем сама неизбежно перерождается в волю одного лица, обеспечивающего себе власть при помощи сочетания насилия и демагогии.

Однажды поздно вечером, когда хозяин, по обыкновению пьяный, улегся в постель, старый почтенный боров Майор созвал всех животных на совещание. «Майор... пользовался на ферме таким уважением, что все безоговорочно согласились»*. Разумеется, свою речь он начал обращением «товарищи». Далее шла обычная «классовая» демагогия, только на этот раз в качестве эксплуататоров выступали все люди, а эксплуатируемыми были все животные. «Дни нашей жизни, — вещал Майор, — проходят в унижении и тяжком труде. С той минуты, как мы появляемся на свет, нам дают есть ровно столько, чтобы в нас не угасла жизнь, и те, кто обладает достаточной силой, вынуждены работать до последнего вздоха; и, как обычно, когда мы становимся никому не нужны, нас с чудовищной жестокостью отправляют на бойню». Причина столь жалкого существования — в том, что почти всё, что производится животными, «уворовывается людьми». Оказывается, что человек — единственное существо, которое потребляет, ничего не производя; «уберите со сцены человека, и навсегда исчезнет причина голода и непосильного труда».

Призвав животных восстать против человеческого гнета, Майор вновь и вновь убеждал свою аудиторию не слу-

* Во время перестройки в СССР, а затем в постсоветской России «Скотный двор» неоднократно издавался в разных переводах. Мы не беремся судить, какой перевод лучший, но из-за множества переводов приводимые нами цитаты могут несколько расходиться с другими изданиями произведения Оруэлла.

шать лживых доводов тех, кто говорит об общности интересов с людьми: «Все это ложь! Людей не интересуют ничьи интересы, кроме их собственных. А среди нас, животных, пусть восторжествует нерушимое единство, крепкая дружба в борьбе. Все люди — враги. Все животные — друзья».

Так появляется первый лозунг, одурманивающий толпу. Затем лозунги будут всё изощреннее. А цементирует всю конструкцию некая теория, которую последователи Майора назвали анимализмом. Наверное, у Оруэлла был соблазн обозвать ее «майоризмом», по аналогии с марксизмом или ленинизмом, но он удержался от этого, чтобы пародия не выглядела слишком уж грубой.

В результате животные изгоняют с фермы несчастного мистера Джонса и создают «Скотный двор», где поначалу действительно «все животные равны» (модернизированный старый лозунг Майора).

В главном вдохновителе восстания некоторые читатели узнают Маркса, хотя скорее его прототипом является Ленин. Затем на сцене появляются его последователи: «Наполеон был большим и даже несколько свирепым с виду беркширским боровом, единственным беркширцем на ферме. Он не был многословен, но пользовался репутацией личности себе на уме. Снежок отличался большей живостью характера, быстрой речью и изобретательностью, но относительно меньшей серьезностью». Если вождь «революции на скотном дворе» Майор вроде бы действительно верит в ее идеалы, то между его преемниками Снежком и Наполеоном (явно между Троцким и Сталиным) вспыхивает борьба за власть.

Первый представлен не без доли симпатии, хотя с явной иронией, а подчас даже с издевательскими интонациями. «Снежок... занимался созданием организаций, которые он называл комитеты животных. Этим он занимался с неутомимой энергией. Он организовывал комитет по производству яиц для кур, лигу чистых хвостов для коров, комитет по вторичному образованию диких товарищей (его целью было приручить крыс и кроликов), движение за белую шерсть среди овец и множество других, не говоря уже о курсах чтения и письма. Обычно все эти проекты постигала неудача».

(Чувствуется, что Оруэлл достаточно хорошо знал политическую биографию Троцкого и изображал своего Снежка интеллектуалом не только с ораторскими, но и с военными способностями. Более того, один эпизод свиде-

тельствует, что писатель был знаком с работами Троцкого, в частности с его описанием конфликта со Сталиным из-за строительства Днепрогэса. Именно Троцким была выдвинута идея построения крупной гидроэлектростанции на Днепровских порогах, высмеянная Сталиным, заявившим, что этот проект сравним с покупкой мужиком граммофона⁵⁷⁰. Только после высылки Троцкого из СССР Сталин решительно высказался за строительство Днепрогэса, выдав эту идею за свою.)

В «Скотном дворе» происходит почти то же самое. План Снежка касательно построения ветряной мельницы первоначально высмеян и изгажен Наполеоном: рассмотрев план мельницы, последний «пару раз хрюкнул и остановился поодаль, искоса глядя на схему; затем он неожиданно приподнял ногу, помочился на чертеж и вышел, не проронив ни слова». Но в итоге проект реализуется самим диктатором.

Еще один момент, который сближает Снежка с Троцким, а Наполеона со Сталиным, — отношение к другим «скотным дворам», где об «анимализме» и не слышали. Снежок, чтобы и их поднять на восстание, отправляет своих вестников — голубей, которые должны распространить сведения о том, что происходит в «царстве свободы животных». Наполеон тем временем раздумывает, как укрепить собственное положение в этом самом царстве. Как не увидеть здесь прямого столкновения идеи Троцкого о перманентной мировой революции со сталинским планом «построения социализма в одной, отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения»?

В виде еженедельных дискуссий на скотном дворе, в которых Снежок всегда спорил с Наполеоном по текущим хозяйственным вопросам, придавая им характер высоких принципов, Оруэлл изобразил выступления сталинских оппонентов в 1926—1927 годах, предшествовавшие ссылке, а затем высылке Троцкого, разгрому оппозиции и покайнным заявлениям ее руководителей: «Они спорили по любому поводу, едва только к этому предоставлялась возможность. Если один предлагал засеивать поля ячменем, то другой безапелляционно утверждал, что большая часть их должна быть отведена под овес; если один говорил, что такие-то поля могут отойти под свеклу, другой доказывал, что там может расти всё что угодно, кроме корнеплодов. У каждого были свои последователи, и между ними разгорались горячие споры. И если на ассамблеях Снежок часто одерживал верх благодаря своему великолепному оратор-

скому мастерству, то Наполеон успешнее действовал в кулуарах. Особенным авторитетом он пользовался у овец».

В конце концов Снежок в результате закулисных действий Наполеона изгоняется со скотного двора, происходит переход от безграничной свободы к жесточайшей диктатуре борова Наполеона. Неизбежность такой эволюции имеет корни в утопичности идеи всеобщего равенства, в природе социального устройства. Оруэлл показывает пере рождение революционных принципов и программ в свою противоположность как закономерный, неизбежный итог любой попытки воплотить утопию в жизнь. Единственное, что симпатизирующий революции и социализму Оруэлл сильно переоценивает, — «безграничная свобода» в первое послереволюционное время. На самом деле таковой быть не могло, ибо под лозунгом диктатуры пролетариата в России уже в первые недели после Октябрьского переворота 1917 года установилась жесточайшая диктатура коммунистов, творивших насилие над всеми, кто хоть в чем-то не был с ними согласен.

Ярко и остроумно высмеивает писатель пропаганду и символику как составные части воспевания «революционного» общества, которыми продолжает нагло и беззащитно пользоваться диктатор Наполеон. Чего стоят, например, символы на гербе скотного двора — копыто и рог, в которых без труда можно распознать серп и молот, или гимн «Скоты Англии», являющийся пародийным перепевом всем известного «Интернационала».

Текст оруэлловского гимна, до предела примитивный и утопический, агрессивный и лирический, нарочито поэтически бездарный, говорил сам за себя лучше, чем любая попытка его анализировать. В то же время он обладал мощной силой, мобилизующей толпу: «Даже самые тупые из присутствующих уже уловили мотив и несколько слов, а что же касается самых умных, таких, как свиньи и собаки, то уже через пару минут песня как бы рвалась из глубин их сердец. Несколько попыток приладиться один к другому — и вся ферма в потрясающем единстве взревела “Скоты Англии”».

Вот полный текст этого «гимна» — великолепной пародии на всевозможные тоталитарные ура-патриотические словоизлияния:

Звери Англии и мира,
Всех загонов и полей,

Созывает моя лира
Вас для счастья новых дней.
Он настанет, он настанет,
Мир великой чистоты,
И людей совсем не станет —
Будут только лишь скоты.
Кнут над нами не взовется,
И ярмо не нужно нам,
Пусть повозка расшибется,
Не возить ее коням!
Наше завтра изобильно,
Клевер, сено и бобы,
И запасы так обильны,
Что прекрасней нет судьбы.
Небо Англии сияет,
И чиста ее вода,
Ветер песни напевает —
Мы свободны навсегда!
Мы дадим друг другу слово —
Отстоим судьбу свою!
Свиньи, куры и коровы,
Будем стойкими в бою!
Звери Англии и мира,
Всех загонов и полей,
Созывает моя лира
Вас для счастья новых дней.

Сам образ Наполеона, формирование его культа, награждение его всеми возможными премиями и орденами, присвоение ему всех почетных званий вплоть до «Друга Всех Утят», да еще в условиях, когда его прототип как раз в тот период встречался с лидерами США и Великобритании Рузвельтом и Черчиллем, был свидетельством исключительного личного мужества Оруэлла. Он никогда не боялся идти против авторитетов, не нуждался в кумирах.

Разумеется, в центре повести находятся своего рода опоры демагогической пропаганды тоталитаризма, его главные лозунги — Семь Заповедей, которые постепенно то ли забываются, то ли ставятся под подозрение и в этом случае существенно модифицируются:

Тот, кто ходит на двух ногах, — враг.

Тот, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, — друг.

Животное не носит одежду.

Животное не спит в кровати (позднее добавлено: с простынями).

Животное не пьет спиртного (позднее добавлено: сверх меры).

Животное не убьет другое животное (позднее добавлено: без причины).

Все животные равны (позднее добавлено: но некоторые более равны, чем другие).

Основополагающей являлась последняя заповедь. В модифицированном виде она обуславливала всю социальную сущность тоталитаризма: и факт наличия высшего существа — вождя, и разделение общности формально равных существ на страты, пользующиеся различными привилегиями или лишенные их. Оруэлл таким образом вводил понятие именно привилегированной прослойки, а не господствующего класса, поскольку считал, что новый господствующий класс в СССР всё-таки создан не был, а существует только привилегированная социальная прослойка, всецело находящаяся под пятой диктатора, весьма нестабильная по составу. В этом смысле Оруэлл, не подверженный влиянию марксистских классовых догм, был значительно ближе к пониманию истины о социальной структуре СССР, чем послевоенные коммунистические диссиденты, утверждавшие, что сформирован новый господствующий класс — коммунистическая партийная номенклатура (на таких позициях стояли, например, бывший югославский партийный руководитель Милован Джилас, выступивший с критикой тоталитаризма в книге «Новый класс», или бывший советский номенклатурный работник М. Восленский, бежавший на Запад и опубликовавший монументальный труд «Номенклатура»).

Вновь и вновь автор обращается к идеологической обработке животных диктатором Наполеоном и его беспринципными подручными, не имеющими в душе ничего святого, но выдающими себя за верных и самоотверженных последователей и бывшего вождя — Майора, и нового — Наполеона.

Очень точно в повести описано, как создавался и во что вылился культ покойного старого борова, инициатора революции, подобно тому как в СССР ленинский культ стал подсобным инструментом для формирования культа Сталина*. В повести фигурирует даже свой «мавзолей»: череп

* В личном фонде И. В. Сталина в Российском государственном архиве социально-политической истории хранится верстка «Краткой биографии» Сталина (1947). Она завершалась словами: «Ста-

Майора водружен на возвышении, и каждое утро все обитатели скотного двора в обязательном порядке проходят мимо этого «святого места», отдавая честь (на деле — выражая верность Наполеону).

В книге немало других конкретных образов, напоминающих советские. Из большевистской действительности заимствован портрет борова Визгуна, несшего ответственность за все выступления Наполеона — некоего собирательного образа, смеси Г. Е. Зиновьева и К. Б. Радека — бывших оппозиционеров, которые не просто покаялись, а ради самосохранения и продолжения карьеры оказались в числе наиболее крикливых, циничных и бессовестных проводников сталинского культа (что их не спасло). Добавим, что лицемерие и беспринципность подобного рода деятелей Оруэлл демонстрирует многочисленными, буквально кричащими противоречиями, пронизывающими все выступления Визгуна, действительно напоминающие поросычий визг. Попытка исправления истории в угоду диктатору (эта тема станет одной из главных в романе «1984», а в «Скотном дворе» она только намечена) обнаруживается — животные застигают Визгуна в момент внесения им изменений в текст Семи Заповедей.

Какие-то герои повести представляют собирательный образ. Среди них выделяется упряжной конь Боксер — трудолюбивый и безропотно несший на себе всю тяжесть физической эксплуатации при любых режимах: при мистере Джонсе, при всеобщем равенстве и при диктатуре Наполеона. Боксер не понимает, что его угнетают, готов работать столько, сколько ему прикажут, а на возникающие вопросы отвечает: «Наполеон всегда прав». Один из важных поворотов сюжета — обещание Наполеона отправить Боксера на поправку после окончания строительства мельницы, истощившего его силы. Вместо этого коня посылают на живодерню, а на вырученные деньги Наполеон покупает себе виски и выступает с «задушевным» словом на собрании, организованном, чтобы почтить память бедолаги. Как не увидеть воплощение в этом животном (оттеняемом еще более послушными туповатыми овцами) воплощение рабоче-крестьянской массы, бездумно и жертвенно поддающей-

лин — достойный продолжатель дела Ленина». Рукой Сталина точка после этого предложения была исправлена на запятую, а на полях добавлено: «...или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня».

ся пропагандистским лозунгам и приносимой диктатором в жертву ради выполнения намеченных им планов?

Слабее выписаны Оруэллом взращенные Наполеоном псы — стражи революции и диктатуры, подчиненные только ему. Насильственная, кровавая сторона единовластия в повести присутствует лишь на втором плане. Вскользь упоминаются показательные судебные процессы, где жертвы всегда признаются в преступлениях, которых физически не могли совершить (разумеется, главным организатором злодейств на процессах объявляется неуловимый и вездесущий Снежок). Автор не сравнивает насилие, которое применял фермер Джонс, и террор, установленный Наполеоном с его свинским окружением и злобными псами в качестве исполнителей расправы, и только у особо вдумчивого читателя могло возникнуть сопоставление: Джонс не следил за тем, чтобы животные жили в нормальных условиях, и подчас бывал жесток с ними; свиньи же установили террор для постоянного поддержания социального контроля и обеспечения единовластия Наполеона и собственного привилегированного положения.

Окончание повести пессимистично — счастливый конец невозможен: животные оказываются неспособны свергнуть диктатора. К тому же те из них, кто «более равны, чем другие», то есть свиньи, постепенно начинают походить на людей и даже передвигаются теперь на задних лапах — так заповедь «Ходить на четырех ногах хорошо, а на двух плохо» превращается в новую: «Ходить на четырех ногах хорошо, а на двух еще лучше». В конце концов отличить свиней от людей становится невозможно. Восстанавливается старое название «Усадьба», воссоздаются «дореволюционные» нормы.

Что же до примирения свиней с людьми, то в контексте того периода, когда была создана притча, в нем содержится намек на союзнические отношения СССР и западных держав в военные годы: Заключительный тост Наполеона на дружеской встрече с людьми был «кратким и по существу... Единственное, чего желает и всегда желал лично он и его коллеги, — это жить в мире и иметь хорошие деловые отношения с соседями».

Однако пессимизм финала конструктивен. «Скотный двор» звучит страстным предупреждением против тоталитаризма: он не устанавливается за день или неделю, а подкрадывается тихо, почти незаметно, овладевает обществом, превращается в систему постепенно, но затем его уже не-

вероятно трудно одолеть, а потому необходимо бдительно следить за появлением его симптомов в Великобритании, которая пока продолжала оставаться демократической, несмотря на войну и вызванные ею ограничения.

«Скотный двор» пробивается в мир

Обычно критически настроенный по отношению к собственным произведениям, на этот раз Оруэлл был вполне доволен результатом. Он считал, что впервые смог соединить политическую и художественную цели⁵⁷¹. Однако повесть была написана явно не ко времени. К 1944 году, когда она была завершена, Сталин не просто превратился в союзника Великобритании и США во Второй мировой войне, но стал для англичан (прежде всего для тех, кто придерживался левых взглядов) чуть ли не культовой фигурой, вождем миллионов «русских», которые своей кровью защитили Туманный Альбион от гитлеровского вторжения. Даже отъявленный консерватор и антикоммунист, премьер-министр Черчилль, теперь встречался со Сталиным и уважительно, по-товарищески называл его «дядя Джо». Так что не было более неудачного времени, чтобы предлагать издателям произведение, в котором под видом злобного борова был представлен сам Сталин, а руководимое им общество высмеивалось как «скотный двор».

Проще всего было сделать первый шаг. По договору Оруэлл обязан был предложить «Скотный двор» Виктору Голланцу. Он был убежден, что издатель, после июня 1941 года смотревший на Сталина как на союзника и друга своей страны, не согласится печатать новое произведение. Терять время на ожидание прогнозируемого отказа писателю не хотелось. Он пытался обойти договор с Голланцем, найдя в нем лазейку. Договор касался романов «стандартного размера», тогда как «Скотный двор» был небольшим и по жанру не мог считаться романом. Оруэлл попросил совета у своего литагента Мура: можно ли утверждать, что новое произведение не подпадает под общий договор?⁵⁷² Мур мог только улыбнуться находчивости Эрика, но посоветовал всё же запросить Голланца. Тот потребовал предоставления ему рукописи, быстро прочел и немедленно возвратил с возмущенной запиской: такого рода книги его издательство публиковать не намерено: «Эти люди воюют за нас и только совсем недавно спасли наши шеи под Ста-

линградом»⁵⁷³. Оруэлл прекрасно понимал, что издатель во многом прав, хотя и отождествлял народ с диктаторским режимом.

Тем не менее с легкой руки Голланца (или Мура) слухи, что Оруэлл написал «антисоветское» произведение, разнеслись по Лондону и не способствовали росту популярности автора. Дошло до того, что редакторы газет и журналов (за исключением тех, где он являлся постоянным сотрудником) снова стали отказывать ему в публикациях. Влиятельная «Манчестер ивнинг ньюс» отклонила его рецензию на книгу Гарольда Ласки «Вера, разум и цивилизация», поскольку левый лейборист Ласки был в это время помощником лидера своей партии Клемента Эттли, заместителя премьер-министра страны Черчилля. Таким образом, «антисоветчик» Оруэлл мог бросить тень даже на правительство, тем более что в рецензии он, в целом будучи сдержанным, всё-таки упрекнул Ласки в просоветских симпатиях.

Отвыкший от отказов Оруэлл переслал рецензию Дуайту Макдональду, издателю нью-йоркского журнала «Политикс», одно время поддерживавшему Троцкого, сопроводив письмом: «Я зашел слишком далеко, будучи последовательным в обычной честности, не сказав даже, каким губительным вздором является эта книга, и всё же мои соображения оказались слишком сильными для “Манчестер ивнинг ньюс”. Это даст Вам представление о характере вещей, которые невозможно публиковать в Англии в наши дни»⁵⁷⁴.

Однако последствия оказались куда более серьезными, чем отказ в публикации рецензии. С просьбой издать «Скотный двор» он обращался к авторитетным, считавшимся независимыми издателям, — и везде получал отказ, причем ему откровенно говорили, что отказы вызваны не художественными недостатками произведения, а политическими соображениями. В какой-то момент антисталинскую книгу обещал издать один из наиболее известных лондонских издателей Джонатан Кейп; но и он, обсудив ситуацию с Голланцем, стал тянуть с договором.

Одновременно с Кейпом связался заведующий русским отделом Министерства информации Великобритании Питер Смоллет, чтобы предостеречь от издания антисоветской притчи, вокруг которой в интеллектуальных кругах Лондона распространялись всевозможные слухи. Лишь через годы стало известно, что Питер Смоллет был советским агентом⁵⁷⁵ и предотвращение публикации в Англии

«Скотного двора» было одним из его заданий. Вскоре после встречи Кейпа со Смоллетом Оруэлл получил формальное письмо издателя: «Я уже говорил Вам о реакции высокопоставленного чиновника Министерства информации по поводу “Скотного двора”. Должен признаться, что его мнение заставило меня серьезно задуматься... Я согласен, что публикация книги в данный момент может быть признана неправильной. Если бы притча касалась диктаторов и диктатур вообще, тогда опубликовать ее было бы вполне уместно, но в ней — и я сам теперь это вижу — так подробно описывается развитие событий в Советской России вместе с двумя ее диктаторами, что ни к каким другим диктатурам, кроме России, книга относиться не может. И еще одно: притча, пожалуй, была бы менее оскорбительна, если бы господствующей кастой в ней не были свиньи. Я думаю, что изображение правящего слоя в виде свиней наверняка оскорбит многих, особенно людей мнительных, каковыми, несомненно, являются русские»⁵⁷⁶.

Оруэлл относился к происходившему с долей черного юмора. Чем больше отказов он получал, тем яснее ему становилось, что он написал хорошую книгу, что он стоит на правильном пути, что его опасения вовсе не являются порождением большого воображения параноика: Англия действительно перестала быть свободной страной, в ней реально существует цензура. По поводу цензуры и самоцензуры он едко написал в «Трибюн»: «Собаки в цирке прыгают, когда дрессировщик взмахивает хлыстом; но хорошо дрессированный пес — тот, который кувыркается, даже когда хлыста нет»⁵⁷⁷. Оруэлл не был «хорошо дрессированным псом».

Из весьма авторитетного издательства «Фабер и Фабер» поступило остроумное (или издевательское) письмо, написанное фактическим руководителем издательства, видным поэтом Томасом Элиотом и рассчитанное на то, чтобы уязвить автора: «Ваши свиньи умнее других животных, и поэтому они более подготовлены к тому, чтобы руководить фермой. Что действительно необходимо (можно предположить) — не больше коммунизма, а больше свиней, думающих о службе обществу»⁵⁷⁸. Впрочем, издательство признавало, что «Скотный двор» — одно из лучших произведений такого рода со времен свифтовского «Гулливера», чем, безусловно, польстило Оруэллу, поскольку «Гулливер» был его любимой книгой. Но легче от этого не стало.

В июне 1944 года единственный экземпляр рукописи,

находившийся у автора, чуть не погиб во время бомбардировки. Это было время, когда немцы возобновили воздушные удары по Британии, используя ракеты Фау-1. Каждую ночь, а иногда и днем в Лондоне и его окрестностях происходили разрушительные взрывы. 28 июня один из снарядов угодил в здание по соседству с домом Блэров, который был частично разрушен взрывной волной, среди жильцов были убитые и раненые. В квартире Эйлин и Эрика рухнули потолки. Произошло это днем, когда их не было дома. Вернувшись, Блэры нашли в обломках тот самый экземпляр «Скотного двора» — «скомканный», как бы изжеванный, но текст сохранился. Так что хотя бы в этом отношении писателю повезло.

В течение следующих двух месяцев Блэры жили у знакомых; затем сняли квартиру на верхнем этаже дома на площади Кэнонбери в районе Айлингтон, в северо-восточной части столицы, сравнительно недалеко от Сити. Здесь обитали представители среднего класса, чиновники, политики и интеллектуалы, главным образом связанные с Лейбористской партией и другими левыми организациями. (Через много лет именно здесь жил до своего назначения премьер-министром однофамилец Оруэлла, лейбористский лидер Тони Блэр.)

С публикацией «Скотного двора» ничего не получалось. Оруэлл подумывал даже об издании книги за свой счет и обсуждал с Дэвидом Астором возможность получения денег в долг. В самом конце июля рукопись отправилась к очередному издателю — на этот раз к Варбургу. Удивительно, что Варбург не был в числе первых адресатов — ведь именно он напечатал книгу «Памяти Каталонии», от которой отказывались другие издательства, а затем еще и «Льва и единорога» и знал о существовании новой рукописи: еще в начале 1944 года Оруэлл пришел к нему и предложил издать произведение, над которым завершал работу, правда, уже тогда усомнившись: «Книга о животных, которые восстают против фермера, и она носит очень антироссийский характер. Я не думаю, что она вам понравится»⁵⁷⁹.

В конце 1944 года Варбург, получив рукопись и ознакомившись с ней, согласился принять ее к публикации, предупредив автора, что какое-то время придется подождать в связи с крайней нехваткой бумаги. Дефицит бумаги в стране действительно существовал, она распределялась в централизованном порядке, причем самые мелкие издательства и малотиражные газеты и журналы в список получателей не

включались и в результате были вынуждены закрыться. Черед книги Оруэлла подошел как раз вовремя — летом 1945-го: закончилась война, СССР перестал быть союзником, а Сталин — лидером, от которого зависел ход войны. Росла взаимная подозрительность, приближалась холодная война. Пришло время оруэлловской сказки.

Она была опубликована через несколько дней после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Для своей книги Оруэлл написал предисловие «Свобода печати», предварительно договорившись с издателем, чтобы в гранках для него было оставлено соответствующее количество страниц. Но когда Варбург прочел предисловие, он пришел в ужас: это был подлинный обвинительный акт по поводу отсутствия в Великобритании реальной свободы печати: «Самое чудовищное в литературной цензуре в Англии заключается в том, что она по большей части носит добровольный характер. Непопулярные идеи заглушаются, неудобные факты замалчиваются, так что в официальном запрете просто нет никакой нужды».

Не желая «дразнить гусей», издатель решил этот текст в книгу не включать. Только в 1972 году предисловие было опубликовано в литературном приложении газеты «Таймс»⁵⁸⁰. Во введении к публикации биограф Оруэлла Крик писал: «“Свобода печати” — это нечто большее, чем неизлившаяся и устаревшая полемика. В этой статье сводятся воедино размышления Оруэлла на постоянную тему его публицистики — публицистики, безусловно, содержащей образцы самых оригинальных и ярких политических раздумий, когда-либо написанных на английском языке, — о том, что трусость является меньшей угрозой, чем официальная цензура».

Первое издание многострадальной книги вышло в Великобритании в середине августа 1945 года. Успех был ошеломляющий. Тираж разошелся мгновенно. В конце сентября Оруэлл писал Муру: «У меня больше не осталось ни одного экземпляра “Скотного двора”. Даже мой собственный последний экземпляр куда-то подевался. Варбург готовит второе издание, но по рекламе видно, что оно не появится до Рождества»⁵⁸¹.

За вторую половину 1940-х годов общий тираж книги составил 25 тысяч экземпляров, примерно в десять раз превышая обычные тиражи книг Оруэлла. Появившееся вслед за британским американское издание разошлось тиражом почти в 600 тысяч. Это был подлинный триумф, тем более

что американская критика, обычно не очень щедрая на похвалы, на этот раз просто захлебывалась лестными оценками. Рецензент журнала «Нью-Йоркер» даже сравнивал Оруэлла с Вольтером и его любимым Свифтом. Надо сказать, что такие сравнения современного автора с классиками были не слишком распространенным явлением в литературной критике.

В других странах ситуация с публикацией «Скотного двора» складывалась по-разному. Там, где в первые послевоенные годы были сильны позиции коммунистов, «Скотный двор» пробивался с большим трудом. В конце 1945 года был подписан договор с одним французским издателем, но уже к январю 1946-го, по признанию Оруэлла, тот «испугался и говорит, что это невозможно по политическим причинам»⁵⁸². В 1946 году Оруэлл не успевал подписывать контракты на иностранные издания книги⁵⁸³, но выход их в европейских странах затягивался по «французскому варианту».

В результате первым изданием на иностранном языке оказалось украинское, осуществленное перемещенными лицами из СССР, проживавшими на территории Западной Германии.

«Колгосп тварин»⁵⁸⁴

Перевод книги Оруэлла на украинский язык осуществил Иван Чернятинский⁵⁸⁵ — это был псевдоним 25-летнего Игоря Ивановича Шевченко, происходившего из семьи украинских эмигрантов, получившего прекрасное гуманитарное образование в Варшаве и Праге, а после вступления Красной армии в Польшу в ходе войны ушедшего на Запад и оказавшегося в американской зоне оккупации.

В 1946 году Шевченко связался с Оруэллом за разрешением на безгонорарную публикацию повести на украинском языке, а кроме того, попросил его написать предисловие к украинскому изданию⁵⁸⁶. Авторское предисловие стало единственным в своем роде — он больше никогда не писал предисловий для переводов своих книг. Более того, Оруэлл по своей инициативе частично оплатил стоимость издания⁵⁸⁷. На обложке книги изображалась свинья с кнутом, погонявшая усталую лошадь, волокущую огромный груженный воз.

Трудности с «Колгоспом тварин» вписывались в общую

Первое издание притчи «Скотный двор» на иностранном языке. 1947 г.

судьбу книги Оруэлла. Узнав о ее содержании через свою агентуру, советские оккупационные власти в Германии обратились к американским союзникам с требованием конфискации тиража и передачи его представителям СССР. Американская администрация в Мюнхене, в свою очередь, потребовала у издательства «Прометей» выдачи тиража книги. Украинским эмигрантам удалось договориться, чтобы советским представителями было отдано полторы тысячи экземпляров — якобы весь тираж. На самом деле точное количество отпечатанных книг известно не было, и оставшиеся продолжали ходить по рукам* в лагерях перемещенных лиц и среди украинцев, которым удалось оттуда вырваться⁵⁸⁸.

К настоящему времени сохранились несколько раритетных экземпляров этого издания. Один из них хранится в коллекции редких книг Библиотеки конгресса США, другой был в начале марта 2012 года преподнесен Вашингтонскому пресс-клубу американской журналисткой украинского происхождения А. Халупой, получившей книгу от своего дяди, который вывез ее из лагеря для перемещенных лиц в Соединенные Штаты⁵⁸⁹. На книжных аукционах цена этого издания составляет ныне 5—6 тысяч долларов.

Предисловие к украинской публикации Оруэлл, будучи убежден, что повесть была логически и исторически связана со всем его предыдущим жизненным опытом, начал с автобиографических заметок — рассказом о происхождении, о службе в Бирме, о мытарствах в Париже и Лондоне, о начале творчества. Он особо подчеркивал, что идеи, позже воплотившиеся в «Скотном дворе», стали вызревать во время участия в гражданской войне в Испании. Писатель рассказал о своей службе в милиции ПОУМ, о том, как он с товарищами стал жертвой испанских коммунистов, оказывавших мощное воздействие на политику республиканского правительства и обзывавших «троцкистами» всех, кого считали «врагами народа», как были расстреляны, заточе-

* В некрологе Игоря Шевченко, скончавшегося в декабре 2009 года в США, его коллега писал (безусловно, на основании бесед с покойным), что переданные советским офицерам полторы тысячи экземпляров были немедленно уничтожены, однако среди перемещенных лиц, владевших украинским языком, удалось распространить уцелевшие две тысячи экземпляров (см.: *Grimes W. Igor Sevchenko, Byzantine and Slavic Scholar // The New York Times*. 2010. Jan. 5). Аналогичная информация содержалась в одном из писем Оруэлла Артуру Кёстлеру (см.: *Orwell G. Op. cit. Vol. 4. P. 379—380*).

ны или бесследно исчезли многие его испанские друзья⁵⁹⁰. Он показал связь между кровавой чисткой «троцкистов» (к такому числу причислялась масса людей, осмеливавшихся выступить против политики Компартии, диктуемой из Москвы) в Испании и «Большим террором» в Советском Союзе.

Важно отметить, что сам термин «Большой террор» был впервые использован не американским историком Робертом Конквестом, назвавшим так свою книгу о массовых сталинских репрессиях*, а именно Оруэллом — двадцатью с лишним годами ранее, в предисловии к украинскому изданию «Скотного двора».

Оруэлл рассматривал коммунистический террор в Испании как явление одного порядка с «Большим террором» в СССР. Природа обвинений была аналогична: все, кто критиковал сталинизм и его зарубежные проявления, объявлялись «троцкистами», а следовательно, «фашистами» (в Испании — «франкистами»). «Весь этот опыт, — писал Оруэлл, — был важным объективным уроком. Он показывал, как легко тоталитарная пропаганда может контролировать мнение просвещенных людей в демократических странах». Этих людей было немало и среди его знакомых и коллег в Великобритании, о чем он с горечью упоминал.

Оруэлл делился с украинскими читателями-иммигрантами, что вынашивал идею повести в течение шести лет, но ему никак не давались ее конкретные детали, пока он не стал свидетелем необычной сцены:

«После моего возвращения из Испании я думал о разоблачении советского мифа в произведении, которое могло быть легко понято почти всеми и которое было бы просто перевести на другие языки. Однако я долго не мог ничего придумать (я тогда жил в крохотной деревеньке), пока не увидел мальчика, наверное, десятилетнего, на огромной телеге, хлеставшего кнутом на узкой дороге лошадей всякий раз, когда она пыталась повернуть в сторону. Я подумал, что, если бы все животные осознали свою силу, мы были бы не в состоянии им противостоять и что люди эксплуатируют животных примерно так же, как богатые эксплуатируют пролетариат.

* Книга Конквеста впервые вышла в 1968 году, а в 1990-м появилось значительно дополненное издание (см.: *Conquest R. The Great Terror: A Reassessment*. New York, 1990). Издание на русском языке см.: *Конквест Р. Большой террор*. Рига, 1991.

Я попытался проанализировать теорию Маркса с точки зрения животных. Им было бы ясно, что концепция классовой борьбы между людьми являлась чистой иллюзией, так как во всех случаях, когда им необходимо эксплуатировать животных, все люди объединяются против них; подлинная борьба происходит между животными и людьми. Отталкиваясь от этого, стало нетрудно определить сюжет».

При помощи художественных образов Оруэлл показал систему, в которой существуют концентрационные лагеря, массовые депортации, произвольные аресты, исчезновение людей среди бела дня, цензура и тотальный обман, прикрываемый крикливыми лозунгами об обществе всеобщего равенства.

Оруэлл отмечал в предисловии, что не желает комментировать само произведение: «...если оно не говорит само за себя, это означает провал». Тем не менее он обращал внимание читателей на два обстоятельства: «Во-первых, хотя те или иные эпизоды взяты из подлинной истории русской революции, они служат только схемой; их хронологический порядок изменен. Это было необходимо для того, чтобы рассказ был гладким. Второй момент прошел незамеченным для большинства критиков, возможно, потому, что я в достаточной степени не подчеркнул его. Ряд читателей, может быть, завершили чтение книги и остались под впечатлением, что она заканчивается полным примирением свиней и людей. У меня не было такого намерения. Наоборот, я стремился завершить книгу на громкой ноте несогласия, потому что я писал ее сразу же после Тегеранской конференции, о которой все думали, что она установила наилучшие возможные тогда отношения между СССР и Западом. Лично я не верил, что такие хорошие отношения могут продолжиться долгое время; и, как показывают события, я ошибался не очень сильно»⁵⁹¹.

Всемирная известность

После 1948 года началось триумфальное шествие «Скотного двора» по миру. Успех книги в Великобритании и США был оглушительный. Когда в начале 1952 года курьер Вестминстерского дворца появился в магазине издательства Варбурга, чтобы приобрести повесть «Скотный двор» для только что вступившей на престол королевы Елизаветы II, ему сообщили, что книга, к сожалению, рас-

продана. С большим трудом для королевы удалось найти один экземпляр в книжном магазине, который содержала группа анархистов⁵⁹². Не случайно Варбург через много лет, в 1978 году, на праздновании своего восьмидесятилетия с гордостью говорил, что именно «Скотный двор» превратил его в издателя⁵⁹³. Это не было сказано для красного словца, ибо именно после «Скотного двора» издательство Варбурга превратилось в один из самых авторитетных лондонских издательских домов.

Дух холодной войны, безусловно, оказал влияние на отношение критики к «Скотному двору». Теперь книгу восхваляли как тонкое, остроумное, всестороннее разоблачение сталинского тоталитаризма. Британское Министерство иностранных дел спонсировало перевод книги на несколько языков. В пропагандистском отделе американской военной администрации в Западной Германии на основе повести был записан радиоспектакль, который транслировался на немецком языке в течение почти двух месяцев — в августе—сентябре 1949 года⁵⁹⁴.

Оруэлл почувствовал себя настолько уверенно, что считал необходимым обратить внимание на не замеченное критикой обстоятельство: в его произведении не только свиньи, но и имущие люди представлены в негативном свете, у них значительно больше общего с этими свиньями, чем с людьми из низших общественных слоев, а в конце повести между свиньями и соседскими богачами возникает если не братский союз, то во всяком случае взаимовыгодный альянс. Оруэлл намекал, что объектом критики в повести был не только советский тоталитаризм, но и политический режим в западноевропейских странах. Более того, автор разъярялся, что не является врагом ни Советского Союза, ни русской революции как таковой: «Я думаю, что, если бы СССР был побежден какой-нибудь зарубежной державой, рабочий класс повсюду был бы просто в отчаянии, по крайней мере на какое-то время, а обыкновенные глупые капиталисты, которые всегда относились к России подозрительно, были бы довольны. Я не хотел бы, чтобы СССР был уничтожен, и думаю, что в случае необходимости его следует защищать. Но я хотел бы, чтобы люди освободились от иллюзий по этому поводу и поняли, что они должны строить свое собственное социалистическое движение без российского вмешательства, и я хотел бы, чтобы существующий демократический социализм на Западе оказал плодотворное влияние на Россию»⁵⁹⁵.

Писатель Оруэлл по-прежнему в политическом смысле оставался наивным леваком. Из вышеприведенной цитаты отчетливо видно его двойственное отношение и к большевистскому эксперименту: при решительном осуждении тоталитарной системы и сталинского единовластия он сохранял социалистические иллюзии и сильно преувеличивал одобрительное отношение к СССР низших слоев населения стран Запада. Чтобы не быть причисленным к ненавистникам революции, писатель подчеркивал, что его персонажи, животные, чувствовали себя счастливыми до тех пор, пока свиньи не предали их интересы. По существу, он не соглашался сам с собой.

Оруэлл привык быть в оппозиции. Оруэлл всегда был против — так ему было привычнее, комфортнее и надежнее. Он всегда оставался левым, даже тогда, когда его книги нравились правым и центристам. «Всегда наступает момент, когда партия, захватившая власть, сокрушает свое собственное левое крыло и этим приводит к крушению всех тех надежд, с которых начиналась революция»⁵⁹⁶, — писал он в сентябре 1944 года. Более того, Оруэлл теперь понимал, каким наивным он был, когда думал, что война приведет к подъему народных движений, подлинной демократизации общества и социальному обновлению.

Позиции лейбористов укрепились — в военные годы они стали второй правительственной партией. По мере того как война шла к завершению, из их рядов всё громче раздавались требования национализации ключевых отраслей британской экономики. Однако Оруэлл лейбористам по-прежнему не доверял, полагая, что их партия обюрократилась, что она не выражает истинных чаяний народных низов и среднего класса. Другие же левые силы оставались маргинальными. В декабре 1944 года в очередном «Письме из Лондона», опубликованном в «Партизан ревю», он сокрушался: «Я надеялся, что классовые различия и империалистическая эксплуатация, которые я считал позором, не возвратятся. Я чрезмерно подчеркивал антифашистский характер войны, преувеличивал социальные изменения, которые действительно происходили, и недооценивал огромную мощь сил реакции»⁵⁹⁷. Письмо было проникнуто разочарованием, являлось своего рода покаянной исповедью. Впрочем, необоснованные надежды были характерны не только для него: «Умиротворители, народнофронтовцы, коммунисты, троцкисты, анархисты, пацифисты — все они твердят, и почти тем же самым тоном, что их предсказания

и ничьи другие были порождены действительным ходом событий. И на левом фланге политическая мысль в особой мере представляет собой своего рода онанистическую фантазию, к которой мир фактов вряд ли имеет какое-то отношение»⁵⁹⁸.

Разумеется, причиной тому была не мощь реакционных сил: в Консервативной партии крайне правые были в явном меньшинстве, пронацистские силы вроде партии Мосли находились на обочине политической жизни. Дело было в другом: социалистические тенденции, как их понимал Оруэлл, в рабочем классе и других слоях населения за годы войны не усилились. Здравый смысл британцев вел их по пути сохранения контролируемого государством и частично находящегося в государственной собственности рыночного хозяйства. Последующий многолетний опыт показал, что частичная национализация средств производства, которую провело лейбористское правительство в первые послевоенные годы, крайне негативно сказалась на экономическом развитии страны, и в результате потребовалась реприватизация некоторых отраслей.

Оруэлл был далек от признания той горькой истины, что он не смог предвидеть разрушительные последствия квази-социалистических реформ. Тем не менее его разочарование в происходившем в стране на заключительном этапе войны было очевидным. М. Шелден, комментируя признания в «Письме из Лондона» по поводу сил реакции, образно пишет: «Он настолько жесток по отношению к самому себе в этом заявлении, что оно звучит почти как вынужденное признание на показательном судебном процессе. Однако Великим Инквизитором в данном случае являлось его собственное сознание, которое не позволяло ему отбросить в сторону неприятные факты»⁵⁹⁹.

Между тем в первые годы после появления «Скотного двора», когда холодная война развернулась со всей силой и не исключено было ее перерастание в открытое военное столкновение между двумя военными блоками, это произведение воспринималось почти исключительно как политическая сатира на сталинский режим. Однако «Скотный двор» был не социально-политическим трактатом, а художественным произведением с разнообразными оттенками, симпатиями и антипатиями автора к героям, типично британской внешней серьезностью, за которой скрывалась не только злая сатира, но подчас и добродушный юмор.

Лишь по прошествии многих лет «Скотный двор» был

признан читающей публикой, критиками, историками литературы не только политической сатирой, но и полноценным художественным произведением, одним из наиболее внушительных явлений британской прозы XX века. Простой и в то же время вечный девиз свиней, обуздавших революцию во имя собственной власти, — «Все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие», — стал одним из известнейших афоризмов современности. Знают его даже те люди, которые понятия не имеют ни о «Скотном дворе», ни о писателе Оруэлле. Именно это и следует считать славой.

Можно утверждать, что, словесно отстаивая свою приверженность социалистическим взглядам, Оруэлл «Скотным двором» отверг реальность социализма как общественной системы, признал его утопичность, осознал, что сама идея социализма образует порочный логический круг: без политической сознательности масс невозможно успешное социалистическое преобразование общества, без социалистического преобразования невозможно достижение политической сознательности; подлинный социализм невозможно осуществить с использованием насилия над массами, но без насилия ни о каком социалистическом преобразовании нельзя и подумать. Так под пером писателя его собственные социалистические идеи превратились в утопию.

«Скотный двор» продолжал победный марш по всему миру. Книга появилась на португальском, голландском и немецком языках. Писатель отнесся к этим изданиям с долей раздражения, так как осуществлены они были правыми силами и, как он подозревал, западными спецслужбами. Политически наивный Оруэлл не хотел понимать, что в разворачивавшейся холодной войне невозможно остаться нейтральным.

Основная масса переводов была сделана уже после кончины писателя. Издание «Скотного двора» на иностранных языках в тот период в определенной мере спонсировали Министерство иностранных дел Великобритании и Госдепартамент США — благо объем книги был небольшим и расходы оказались умеренными. Всего «Скотный двор» был опубликован более чем на тридцати языках, включая фарси, арабский, вьетнамский. В газетах и журналах многих стран — естественно, за исключением входивших в советскую сферу влияния — публиковались отрывки из повести, карикатуры и комиксы по ее тематике.

Первое издание на русском языке было осуществлено в 1950 году известным эмигрантским издательством «Посев» в Западной Германии (позже русский перевод переиздавался в ФРГ еще два раза) под несколько неуклюжим заголовком «Скотский хутор»⁶⁰⁰. Слово «хутор» в дореволюционной деревенской России ассоциировалось со Столыпинской земельной реформой, имевшей целью появление «справного мужика» — сильного, независимого и богатого крестьянства, — то есть с чем-то противоположным тому, чем был оруэлловский «Скотный двор». Безусловная заслуга переводчиков Глеба Струве и его супруги Марии Кригер состояла в том, что они донесли притчу до русскоязычного читателя, правда, почти исключительно западноевропейского. В то же время позднейший переводчик книги московский журналист Владимир Прибыловский с полным основанием отмечал, что это издание имело серьезные недостатки: произвольные, порой значительные неоговоренные купюры концептуально-идеологического характера (в основном были выпущены сатирические высказывания Оруэлла по поводу Церкви и религии); большие погрешности в языке и стиле.

Новый перевод, осуществленный Прибыловским, был выпущен в США в 1986 году⁶⁰¹. Любопытно, что нью-йоркские издатели не включили в книгу специально написанное переводчиком предисловие с критикой текста, изданного в Западной Германии. Позже этот перевод выходил под названиями «Ферма животных» и «Зверская ферма». Уже в начале нынешнего века Прибыловский написал своеобразное продолжение (точнее, окончание)* повести — пародию на российскую действительность с героями, весьма напоминающими Бориса Ельцина, Юрия Лужкова и Владимира Путина⁶⁰². Вполне возможно, что именно перевод В. Прибыловского получил бы распространение в СССР в условиях гласности, а затем и в постсоветской России, но конкуренцию ему составил еще один, осуществленный рижским писателем и журналистом Иланом Полоцком.

В краткой статье, вспоминая антиоружелловскую кампанию, развернутую в советской печати в 1984 году, И. Полоцк заключал: «Естественно, что таких книг на русском

* Продолжения произведения Оруэлла создали также писатель Дмитрий Быков и политик Сергей Юшенков, хронологически доведя изложение до конца XX века.

языке не могло быть в природе — разве что ограниченный тираж для членов Политбюро. И столь же естественно — по крайней мере, для меня, — что их запретность вызывала жгучее желание достать эти клеветнические сочинения. Не помню уже, как у меня в руках оказалась тоненькая книжка “Скотного двора”. “Animal Farm” называли и “Фермой животных”, и “Скотским хутором”, но я продолжал держаться своего названия. Когда грянула его шумная публикация в знаменитом рижском “Роднике”, меня как-то нашел Главлит* из Москвы с грозным и совершенно идиотским вопросом: “Откуда вы взяли эту книгу? Она же в спецхране, под грифом “Совершенно секретно”. Боюсь, что ответ мой был достоин вопроса: “Шел по парку. Вижу, на скамейке книжка лежит. Я и взял. А что, нельзя было?” — “Дошутитесь”, — буркнула Москва».

К счастью, это было уже время, когда кризис тоталитарной системы стал перерастать в ее полное разложение, и писателя-переводчика оставили в покое. Напечатав несколько экземпляров своего перевода на машинке, Полоцк стал распространять их среди знакомых. Когда же горбачевское «ускорение» уступило место «перестройке», Полоцк предложил перевод ежемесячному рижскому русскоязычному журналу «Родник» открывавшему читателю запрещенную в СССР прозу, поэзию, публицистику, философию. Главный редактор журнала А. В. Левкин согласился его опубликовать, но попросил, чтобы кем-то из авторитетных литературоведов было написано предисловие. Полоцк вспоминает: «“Скотный двор” настолько точно бил в цель, что соприкосновение с ним вызывало ужас даже тогда, когда, казалось бы, уже всё “было можно”... я обратился к нескольким весьма известным публицистам и литераторам с просьбой написать несколько слов предисловия. Отказались все, и у кое-кого в голосе звучал откровенный страх. Согласился лишь известный американист Алексей Матвеевич Зверев. Услышав имя Оруэлла, он решительно заявил: “Ругать я его не буду!”, а когда я закричал в трубку, что вовсе наоборот, тут же согласился — и прислал несколько умных и теплых страничек»⁶⁰³. Добавим, что по меркам 1988 года сло-

* Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств Наркомата просвещения СССР (1922—1933), осуществлявшее предварительную цензуру; впоследствии прошло несколько реорганизаций и в период, о котором пишет И. Полоцк, именовалось Главным управлением по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР.

ва А. М. Зверева звучали по-иному, чем обычные советские антиоруэлловские заклинания, хотя это был очень осторожно написанный текст в коммунистическом (проленинском, но антисталинском) духе.

Так «Скотный двор» появился в четырех номерах журнала «Родник» за март—июнь 1988 года, а впоследствии был выпущен в ряде сборников произведений Оруэлла, с огромным опозданием найдя путь к массовому советскому читателю.

Англичане, и Оруэлл — один из них

Еще в сентябре 1943 года Оруэлл принял предложение издательства «Коллинз» написать брошюру для серии «Британия в иллюстрациях». Работа, названная «Англичане: Англия с первого взгляда»⁶⁰⁴, была написана в мае 1944-го, но опубликована только в 1947-м. Заголовок должен был продемонстрировать читателям, что это эссе — не результат кропотливого исследования, а всего лишь перенесенные на бумагу впечатления человека, как бы изнутри наблюдающего за сообществом своих соотечественников, точнее, его частью — англичанами в узком смысле слова, не рассматривая, например, шотландцев.

Это была попытка этнографического очерка с социальными оттенками, о чем говорило начало книжки: «Иностранцам, посещающим нашу страну в мирное время, редко когда случается заметить существование в ней англичан... Карикатуры в газетах континентальной Европы изображают англичанина аристократом с моноклем, зловещего вида капиталистом в цилиндре либо старой девой из Бёрберри*. Все обобщенные суждения об англичанах, как доброжелательные, так и неприязненные, строятся на характерах и привычках представителей имущих классов, игнорируя остальные сорок пять миллионов населения».

Но настоящая Англия, считал автор, вовсе не похожа на страну из туристического справочника. Даже долговязые фигуры, традиционно считающиеся английскими, редко встречаются за пределами имущего класса. Трудящиеся в основном мелковаты, короткоруки и коротконоги, их движениям присуща порывистость, а женщинам на пороге

* Бёрберри — британская компания, производящая люксовые одежды, аксессуары и парфюмерию.

среднего возраста свойственно раздаваться телом. Англичане из низших и средних слоев не отличаются изяществом манер, но исключительно предупредительны. Приезшему всегда покажут дорогу, слепцы могут ездить по Лондону в полной уверенности, что им помогут в любом автобусе и на каждом пешеходном переходе. Англия почти не знает преступности и насилия. Уровень честности в больших городах ниже, чем в сельской местности, но даже и в Лондоне разнощик прессы смело может оставить пачку газет на тротуаре, чтобы заскочить в трактир. «Революционные традиции не прижились в Англии, и даже в рядах экстремистских политических партий революционного образа мышления придерживаются лишь выходцы из средних классов. Массы по сей день в той или иной степени склонны считать, что “противозаконно” есть синоним “плохо”. Известно, что уголовное законодательство сурово и полно нелепостей, а судебные тяжбы столь дороги, что богатый всегда получает в них преимущество над бедным; однако существует общее мнение, что закон, какой он ни есть, будет скрупулезно соблюдаться, судьи неподкупны, и никто не будет наказан иначе, нежели по приговору суда». Автор считал, что к англичанам в особой степени относится известное латинское изречение «*Dura lex, sed lex*» («Закон суров, но это закон»).

Автор приводил примеры, как англичане находят мирный выход из заслонов бюрократизма. Так, во время бомбежек власти попытались помешать горожанам превратить станции метро в бомбоубежища. Лондонцы не стали брать их штурмом — они просто покупали самые дешевые билеты, по полтора пенни, «и никому не приходило в голову попросить их обратно на улицу».

Оруэлл отнюдь не идеализировал своих малообеспеченных сограждан, считая, что традиционная английская ксенофобия куда более распространена среди трудящихся, нежели в среднем классе. Так, принятию накануне войны большого числа беженцев из фашистских стран воспрепятствовали профсоюзы, а против высылки из Британии в 1940 году беженцев-немцев протестовал отнюдь не рабочий класс.

Английским рабочим очень трудно найти общий язык с иностранцами из-за различий в привычках, особенно в еде и языке. Английская кухня резко отличается от кухни любой другой европейской страны, и англичане сохраняют здесь стойкий консерватизм. Как правило, к заморскому блюду англичанин даже не прикоснется, чеснок и оливко-

вое масло вызывают у него отвращение, а без чая с пудингом и жизнь не мила. Особенности же английского языка делают невозможным чуть ли не для каждого, кто оставил школу в 14 лет, в зрелые годы выучить иностранный язык. Английским рабочим свойственно считать бабьим умение правильно выговаривать иностранные слова, тогда как естественной частью образования высших классов является изучение иностранных языков. «Лицемерие столь широко вошло в английский характер, что заезжий наблюдатель будет готов столкнуться с ним на каждом шагу, но найдет особенно выразительные примеры в законах». Англичане считают порочным иметь большую армию, но не видят греха в содержании большого флота, что связано с наличием колоний.

В то же время, полагал автор, война показала, что в Британии чувство национальной солидарности сильнее классовых антагонизмов, а потому в 1940 году классовые чувства ушли на задний план и возродились вновь, лишь когда непосредственная военная угроза миновала. Он пытался объяснить традиционную флегматичность жителей английских городов, проявлявшуюся, в частности, в их бесстрастном поведении под бомбежками, «отчасти наличием национальной модели личности, то есть предвзятым представлением этих людей о самих себе».

Оруэлл отмечал традиционную склонность англичан принимать сторону слабейшего. Наглядное тому доказательство — их отношение к советско-финской войне 1939—1940 годов: «На протяжении довольно продолжительного предшествующего периода в массах росли симпатии к СССР, но Финляндия оказалась маленькой страной, на которую напала большая, — именно это и определило позицию большинства».

Автор подробно останавливался на таком большом для него вопросе, как патриотические чувства. Он считал, что патриотизм англичан во многом неосознанный, они не испытывают любви к воинской славе и не склонны восхищаться великими людьми. Политическим теориям XX века они противопоставляли такую моральную категорию, как порядочность. Оруэлл вспоминал, что в тот день 1936 года, когда нацисты вопреки условиям Версальского мирного договора ввели войска в Рейнскую область, он заскочил в трактир шахтерского городка, чтобы поделиться этой новостью. Вечером в этом заведении звучала песенка:

Нет, здесь это не пройдет,
Не пройдет и не пройдет.
Где угодно, но не здесь,
Не пройдет никак.

Таков был английский ответ нацизму. «Ведь он и вправду здесь не прошел, несмотря на весьма благоприятные обстоятельства».

Трезво оценивая сограждан, писатель считал, что они отличаются политическим невежеством. На вопросы, что такое социализм, коммунизм, троцкизм, анархизм, можно получить весьма туманные ответы. Многие англичане не утруждают себя участием в выборах, зачастую даже не знают имени своего депутата парламента. Интерес вызывают не столько партии, сколько выдающиеся личности (Чемберлен, Черчилль, Бевин). Лейбористы, вечные соперники консерваторов в парламенте, всё более походят на них: «Ни одно социалистическое правительство не подвергнет бойне имущие классы и даже не экспроприирует их [собственность] без компенсации».

Особое место в работе было уделено Коммунистической партии, которая, несмотря на малочисленность и слабое влияние, оставалась для Оруэлла воплощением «антианглицизма»: «На протяжении многих лет членство в Коммунистической партии росло или падало в зависимости от перемен во внешней политике России. Пока СССР в хороших отношениях с Британией, британские коммунисты придерживаются “умеренной линии”, мало отличающейся от курса Лейбористской партии, и ее ряды увеличиваются на десятки тысяч членов. Когда между Россией и Британией возникают политические разногласия, коммунисты переходят к “революционной линии”, и ряды партии редеют. На деле они способны повлечь за собой широкие массы, только отказавшись от основных своих целей». На этом основании автор делал вывод, что англичане не воспринимают теорий, в которых доминируют ненависть и беззаконие.

Сравнительно подробно рассматривалась британская социальная структура. В пределах существующих основных классов автор выделял отдельные страты. Англия, считал он, одна из последних стран, цепляющихся за внешние формы феодализма; отсюда бросающиеся в глаза титулы, парламентская палата лордов. И в то же время нет ни настоящей аристократии, ни настоящего буржуазного правящего класса: «Каждая новая волна

парвеню, вместо того чтобы просто вытеснить существующий правящий класс, перенимала его обычаи, заключала с ним брачные союзы и спустя одно-два поколения полностью с ним сливалась». В то же время Оруэлл не отрицал, что английским трудящимся свойствен как снобизм, так и раболепие.

Наконец, писатель рассматривал особенности английского языка, причем не с научной, лингвистической точки зрения, а с позиции внимательного наблюдателя и участника языкотворческого процесса. Две его особенности (по словам автора — странности) — обширнейший словарь и простота грамматического строя. Англичане прибегают к заимствованиям до неоправданной степени. «Английский охотно перенимает любое иностранное слово, если оно кажется подходящим к использованию, часто переиначивая при этом его значение. Недавним примером служит слово “блиц”. В качестве глагола это слово появилось в печати лишь в конце 1940 года, но уже прочно вошло в язык». В этих двух особенностях языка таятся большие опасности: «Именно потому, что им легко пользоваться, им легко пользоваться плохо... Писать и даже говорить по-английски не наука, но искусство. Никаких надежных правил не существует, есть лишь общий принцип, согласно которому конкретные слова лучше абстрактных, а лучший способ что-нибудь сказать — сказать кратко».

Работа была проникнута доверием к своему народу, надеждой на более полную реализацию присущего ему стремления к свободомыслию. «Традиционно дом англичанина — его крепость. В эпоху воинской повинности и удостоверений личности это уже не может быть правдой. Но ненависть к любого рода регламентации, убеждение, что человек сам хозяин своему свободному времени и никто не может преследоваться за свои взгляды, глубоко укоренились, и даже процессы централизации, неизбежные в военное время, не смогли их уничтожить». Оруэлл призывал англичан стать хозяевами собственных судеб: «Последние тридцать лет мы год за годом растрачивали кредит, полученный в счет запасов доброй воли английского народа. Но запас этот не беспределен».

На такой неопределенной ноте завершалось это оригинальное эссе, свидетельствовавшее о том, что сам автор оставался до мозга костей англичанином, чувствующим разнообразные настроения, желания, предрассудки своего

народа и в то же время мечтавшим, чтобы его соотечественники, сохраняя всю свою «особость», преодолевали черты феодального наслоения и неуклонно совершенствовались.

Военный корреспондент

Под конец войны Эрик Блэр, ставший теперь знаменитым писателем Джорджем Оруэллом, вновь предпринял усилия, чтобы взглянуть на военный театр собственными глазами. Ему наконец удалось это сделать в качестве военного корреспондента журнала «Обсервер». В феврале 1945 года он покинул «Трибюн» и добился разрешения отправиться в Европу, невзирая на состояние здоровья. Война на континенте шла к концу, и армейские медики сочли, что здоровье журналиста в военной командировке уже не будет подвергаться серьезным испытаниям. Оруэлл же полагал, что для будущей публицистики и художественного творчества ему необходимо собственными глазами увидеть предсмертные конвульсии нацистского режима и торжество союзников.

В последних числах февраля 1945 года военный корреспондент появился в Париже, полугодом ранее освобожденном союзными войсками. Впечатление было тягостное: французская столица сильно пострадала от войны, население бедствовало. Корреспондентов стремились устроить в максимально комфортных условиях, селили, как правило, в фешенебельном отеле «Скриб» (в свое время этот отель упоминался Оруэллом в «Фунтах лиха» — там служил ночным сторожем один из его персонажей). Расположенный в самом центре города, между знаменитым театром Гранд-опера и Вандомской площадью, отель теперь выделялся среди других гостиниц города тем, что в нем сохранилось паровое отопление.

В Париже Оруэлл последний раз побывал в 1937 году, возвращаясь из Испании, и теперь нашел его «в ужасно депрессивном состоянии по сравнению с тем, каким он был когда-то»⁶⁰⁵.

Не очень умевший быстро завязывать знакомства, Оруэлл приложил все силы, чтобы, преодолев обычные замкнутость и стеснительность, обеспечить себе новые полезные контакты, без которых его журналистский труд оказался бы просто невозможным. Почти сразу же возник непреодолимый соблазн, скорее всего никак не связанный

с характером предстоявшей работы: Оруэлл случайно увидел в списке постояльцев гостиницы фамилию Хемингуэй. Роман «По ком звонит колокол», вышедший в 1940 году, он оценил как правдивое и яркое художественное описание гражданской войны в Испании со всеми ее противоречиями и жестокостями. Хемингуэй, в свою очередь, читал публицистику Оруэлла об этой войне, отдавая должное и личной храбрости автора, и честности, с которой он описывал острейшие внутренние конфликты.

Оруэлл решил познакомиться с американским коллегой, хотя и не знал, как будет им встречен, принимая во внимание непредсказуемость, подчас резкость и грубость Хемингуэя, особенно когда тот был нетрезв. Постучав в дверь и войдя в номер, он произнес: «Я Эрик Блэр» — «Ну, и какого х... вам надо?» «Я Джордж Оруэлл», — поправился посетитель. «Какого же х... вы сразу это не сказали?» Затем они стали пить виски...⁶⁰⁶

Сам Хемингуэй дважды упоминал об этой встрече с Оруэллом. В первый раз он написал об этом через три года С. Коннолли, передавая через него привет Оруэллу: «Если Вы как-нибудь встретитесь с Оруэллом, напомните, пожалуйста, ему обо мне. Он мне очень нравится, но мы встретились в тот момент, когда у меня совершенно не было времени»⁶⁰⁷ (писатель собирался уезжать и паковал вещи). Во второй раз Хемингуэй чуть более подробно, с оттенком определенной бравады, описал встречу в полуромане-полумемуарах «Правда на первый взгляд». Американский писатель изобразил Оруэлла несколько параноидальной личностью: тот якобы боялся покушений коммунистов и всё время повторял, что они его преследуют. В итоге Хемингуэй будто бы дал коллеге пистолет и, более того, даже поставил к нему для охраны двоих своих помощников⁶⁰⁸. Эта история выглядит малодостоверной и больше походит на фарс.

Кончина Эйлин

Впервые оторвавшись от семьи на сравнительно длительное время, Эрик регулярно переписывался с женой, особенно интересуясь здоровьем и развитием приемного сына. «Ребенку девять месяцев и, по мнению его нового отца, он очень одаренный — “очень глубокомысленный маленький мальчик”, к тому же очень хорошенький. Он дей-

ствительно очень приятный ребенок»⁶⁰⁹, — писала Эйлин Л. Муру.

За несколько месяцев до отъезда Эрика в Европу Эйлин почувствовала недомогание, которое усиливалось с каждым днем. Она быстро уставала, не могла отдышаться, часто страдала приступами тошноты. Эйлин бодрилась, стараясь не стать преградой поездке мужа на фронт, к чему он так долго стремился. После отъезда Эрика она с ребенком отправилась в свое «сельское имение», надеясь, что на свежем воздухе ее самочувствие улучшится. Но в деревне ей стало еще хуже.

В первой декаде марта 1945 года Эйлин вынуждена была обратиться к врачам, которые сообщили, что у нее обнаружена опухоль матки и требуется срочная операция, поскольку речь идет о жизни и смерти. Ничего пока не сообщая мужу, Эйлин проконсультировалась по поводу происшедшего с невесткой. Гвен О'Шонесси подтвердила, что положение серьезное. Однако Эйлин отложила операцию, поскольку ей необходимо было пристроить ребенка. Кроме того, ее задержало еще одно обстоятельство.

Перед самым отъездом Эрика в Европу, а Эйлин в провинцию они договорились с соседом, что он будет забирать всю поступавшую в их адрес корреспонденцию и немедленно переправлять ее во Францию. Но когда Эйлин перед отбытием в деревню зашла в свой дом на площади Кэнон-бери, почта валялась у двери в квартиру. Эйлин пришлось потратить немало времени, чтобы разобрать ее и ответить на наиболее важные письма⁶¹⁰.

Вечером 21 марта она начала письмо мужу и на следующий день закончила его. Большое письмо (восемь машинописных листов), несмотря на невеселое содержание, было бодрым. Эйлин старалась показать мужу, что сохраняет хорошее настроение. Она сообщила о необходимости операции и о том, что решила делать ее не в Лондоне, а в Ньюкасле, так как это значительно дешевле. Медицинские расходы в общей сложности составляли примерно 50 фунтов стерлингов — сумму немалую, но вполне доступную для Блэров. Правда, «Скотный двор», еще не вышел, но супруги и без того не были теперь бедняками. С иронией Эйлин писала: «Меня беспокоит мысль, что я действительно не стою таких денег. С другой стороны, конечно, если оставить всё как есть, то это будет стоить еще дороже, так как процесс убийства меня этой штукой займет долгий период и всё это время будет стоить таких денег»⁶¹¹.

Эйлин просила мужа не торопиться с возвращением из-за ее болезни, мотивируя это вполне практическими соображениями: «Ко времени, когда ты вернешься домой, я уже наконец поправлюсь, и ты не будешь свидетелем больничных кошмаров, которые ты так не любишь».

Эрик, обманутый подчеркнуто бодрым тоном письма, не придавал особого значения сообщению Эйлин о предстоящей операции. К тому же последнее письмо Эйлин, уже из больницы, накануне операции, пришло, когда он сам только что выписался из армейского госпиталя в Кёльне, куда попал на неделю в связи с болями в груди. Письмо Эйлин было датировано 29 марта, и тон его был столь же ироничный и полный надежд: «Сейчас у меня будет операция, мне уже очистили желудок, сделали инъекцию (морфий в правую руку, что мне мешает), помыли и упаковали, как драгоценный образ, в шерстяной кокон и бинты».

Морфий действовал медленно, и Эйлин успела добавить, уже засыпая (последние слова письма читаются с трудом): «У меня приятная комната — первый этаж, так что можно увидеть сад. Там не очень много всего, только нарциссы и, кажется, сурепка, и маленькая приятная полянка. Моя кровать не возле окна, но повернута в правильную сторону. Еще видно камин, часы...»⁶¹² На этом письмо оборвалось — Эйлин уснула.

Больше она не проснулась. Как оказалось, у нее была аллергия на смесь эфира и хлороформа, которая была дополнительно применена уже в операционной. То ли врачи оказались недостаточно внимательными, то ли ее случай был особым, но вскоре после начала операции у пациентки произошел тяжелейший сердечный приступ. В медицинском заключении указывалось на «остановку сердца в момент, когда для проведения операции по удалению матки в соответствии с установленными нормами была сделана анестезия эфиром и хлороформом»⁶¹³. Эйлин Блэр было 39 лет.

Вызванный телеграммой Эрик уже на следующий день на военном самолете добрался до Лондона, а оттуда поездом отправился в Ньюкасл. «Он рассказывал о смерти Эйлин и не пытался скрыть свое горе... был невероятно печален»⁶¹⁴, — вспоминала его знакомая, писательница Айнез Холден, оказавшаяся единственным человеком, запечатлевшим Блэра в трагический момент. Эрик не привык выставлять свои чувства напоказ, и знакомые, встречавшие-

ся с ним в первые дни после смерти Эйлин, удивлялись его спокойствию, делая неправильные выводы.

Разбирая вещи жены в больнице, он нашел последнее, неотправленное письмо. «Единственное утешение — в том, что я не думаю, что она страдала, потому что пошла на операцию, безусловно не ожидая ничего плохого, и так и не пришла в сознание», — сообщил он в те дни подруге Эйлин и своей хорошей знакомой Лидии Джонсон. Он написал также, что Эйлин была «очень привязана к Ричарду» и ушла из жизни, когда ребенок становился «очень очаровательным...»⁶¹⁵ Эрик старался быть заботливым отцом, хотя временами отсутствовал, и тогда (правда, не очень часто) Ричард кочевал по семьям родственников.

Одиночество наводило Эрика на размышления и воспоминания, которые при жизни Эйлин он вряд ли мог себе позволить, а тем более записать: «У меня было очень слабое чувство физической ревности. Я особенно не заботился о том, кто с кем спит, мне казалось, что имеет значение верность в эмоциональном и интеллектуальном смысле. Порой я изменял Эйлин, да и обращался я с ней очень плохо. Наверное, и она со мной иногда плохо обходилась. Но это был подлинный брак в том смысле, что мы вместе прошли через жуткие битвы, и в том, что касалось моей работы, она меня понимала»⁶¹⁶. Особенно Эрик сожалел, что его жена не дождалась публикации и триумфа «Скотного двора». Он писал об этом одному из своих корреспондентов: «Какая страшная жалость, что Эйлин не дожидая момента, когда был опубликован “Скотный двор”, который она особенно любила и даже участвовала в планировании... Ужасно жестоко и глупо, что всё так случилось...»⁶¹⁷

Вновь на континенте

В конце первой апрельской недели Оруэлл возвратился на континент. Он писал Дуайту Макдональду, что надеется быстрее прийти в себя, сочиня репортажи и трясясь в джипах по разрушенным европейским дорогам⁶¹⁸. Вместе со своими коллегами — британскими и американскими журналистами — он следовал за стремительно продвигавшимися по западной части Германии и Австрии войсками союзников, наблюдая страшные разрушения, неубранные тела немецких солдат и офицеров, а также мирных жителей, погибших во время бомбежек или боев. Однажды он

видел труп немецкого солдата, к которому кто-то из местных жителей положил букетик цветов.

Его переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, он не имел права осуждать молодого американского солдата из еврейской семьи, до войны жившей в Вене, давшего в морду взятому в плен эсэсовскому офицеру. «Только Господь знает, какие счеты надо было свести этому человеку; может быть, вся его семья была уничтожена», — писал Оруэлл. С другой стороны, он жалел поверженного врага-эсэсовца, оказавшегося теперь беспомощным. Оруэлл оставался верным себе — он не желал оказаться в толпе тех, кто мыслит и чувствует единообразно, тем более когда это единообразие ведет к жестокости, опасался поддаться инстинкту толпы, хором орущей одни и те же, почти всегда исполненные злобы лозунги. «Существовавший в нашем представлении нацистский убийца, отвратительное создание, против которого мы вели борьбу так много лет, выродился теперь в несчастного, достойного жалости человека, которого надо не наказывать, а лечить в психбольнице»⁶¹⁹, — писал Оруэлл.

В Великобритании эти соображения разделяло в тот период незначительное меньшинство людей. Поэтому Оруэлл не предложил свою статью в «Обсервер», чьим корреспондентом был в Европе, а опубликовал в левом еженедельнике «Трибюн», да еще ровно через полгода после капитуляции Германии. Капитулировала Германия в мае два раза: сначала в ночь на 7 мая в Реймсе, занятом западными союзниками, а затем, по требованию Сталина, в ночь на 9 мая в пригороде Берлина, занятого советскими войсками. В связи с повторной капитуляцией Оруэлл предположил, что расхождения между союзниками будут углубляться.

Показательной была его статья «Препятствия к совместному управлению Германией», опубликованная через две с половиной недели после капитуляции Германии⁶²⁰. Автор высказывал опасение, что разделение Германии на «водонепроницаемые зоны» не будет способствовать совместному управлению разгромленной страной как единым государством, как было решено на Ялтинской конференции глав трех держав в феврале 1945 года; что «Советы» попытаются вытолкнуть Великобританию и США из Германии и что предотвратить такое развитие событий можно только энергичными мерами противодействия.

Может показаться удивительным, что Оруэлл придерживался такой жесткой позиции и при этом сохранял левые

взгляды, которые именовал социалистическими. На самом деле противоречия здесь не было. Он был убежден, что советская тоталитарная система никакого отношения к социализму не имеет, что те элементы социализма, которые возникли в СССР, полностью устранены сталинской диктатурой.

О том, что Оруэлл продолжал пользоваться понятиями «социализм» и «революция», придавая им самый широкий неопределенный смысл, свидетельствовало его очередное «Письмо из Лондона», появившееся в нью-йоркском «Партизан ревью»⁶²¹. Основная мысль статьи состояла в том, что после разгрома Германии континентальная Европа претерпевала глубочайшие демократические изменения, в то время как в Великобритании ничего не менялось. Гитлеровские бомбы не разбудили его страну от дремоты; ни социальной, ни политической революции не произошло. «Никогда я не смог бы предвидеть, — писал Оруэлл, — что мы сможем пройти почти шесть лет войны, не подойдя либо к социализму, либо к фашизму и почти полностью сохранив наши гражданские свободы. Я не знаю, то ли эта какая-то анестезия, в которой британский народ ухитряется жить, являющаяся признаком загнивания, как полагают многие наблюдатели, либо, с другой стороны, это своего рода инстинктивная мудрость».

В этих словах явно слышалось не только разочарование, но и немалая доля уважения к британской консервативной традиции, при этом вначале было неясно, какое чувство преобладает. Но в конце концов все встало на свои места: победил тот самый британский патриотизм, который он теперь склонен был считать «инстинктивной мудростью» народа.

По окончании войны Эрик Блэр был освобожден от армейской службы, которая в полном смысле слова таковой и не была, ибо понятие «воинская дисциплина» было применимо к журналистам весьма условно. Он счел, что ему больше нет смысла оставаться на континенте, и летом 1945 года возвратился в Лондон. Он решил, что должен жить вместе с сыном, и забрал его у родных. Конечно, сочетать писательский труд с воспитанием ребенка в одиночку было невозможно. Для него был однозначно исключен вариант отдать мальчика в какие-нибудь дневные ясли или подобное заведение. Видимо, в какой-то мере это было проявление его индивидуалистской позиции, нежелания следовать «воле коллектива». Он явно боялся, что детское учреждение мо-

жет привить его ребенку отнюдь не те нормы и привычки, которые хотел бы отец. Даже когда приходилось отдавать ребенка родственникам, на душе отца было беспокойно. Эрик решил найти для Ричарда няню-воспитательницу.

В доме на площади Кэнонбери появилась 28-летняя Сюзан Уотсон. Она была замужем за преподавателем математики Кембриджского университета, но жила отдельно, а ее дочь училась в школе-интернате и проводила с матерью только выходные. В содержательных воспоминаниях (1989) Сюзан рассказала, что хозяин относился к ней, как старший брат, был человеком огромного трудолюбия, садился за работу в восемь утра и не поднимался до ланча, после которого лишь шел на деловые встречи, а чаще всего опять был за рабочим столом и второй раз прерывал свои занятия, только чтобы выпить чашку крепкого чая, соблюдая давний ритуал англичан, для которых дневное чаепитие — дело чрезвычайной важности, несмотря ни на какие привходящие обстоятельства. Блэр пил чай без сахара, причем насыпал не менее десятка ложек заварки, чтобы получить напиток нужной консистенции.

Сюзан попыталась создать в доме Блэра атмосферу домашнего покоя, хотя это и не входило в ее обязанности. Эрик рассказал ей, что в Бирме слуга будил его по утрам, слегка щекоча ногу. Она научила Ричарда делать то же самое, и это доставляло отцу огромное удовольствие. Сюзан припомнила также, что поначалу в квартире витал дух Эйлин: ее большая фотография висела над камином, в платяном шкафу оставались ее вещи. Когда по выходным Сюзан приводила в дом свою дочь, ей разрешалось поиграть с коробкой украшений, оставшихся от покойной хозяйки. Постепенно воспоминания перестали жечь душу Эрика; жизнь, как бывает почти всегда, брала свое⁶²².

Вершина публицистики

Оруэлл превратился во всемирную знаменитость. Его «Скотный двор» стал не просто бестселлером, а своего рода знаменем для всех, кто по различным причинам относился к Сталину и сталинизму с ненавистью или хотя бы с недоверием. Правда, писатель не рассчитывал, что его книга превратится в идеологическое оружие: «Скотный двор» взяли в свой арсенал сторонники холодной войны. Бывали и курьезные случаи: однажды Оруэлл увидел свою по-

весть в книжном магазине на полке детских книг: владелец магазина решил, что это в самом деле сказка. В другой раз достаточно известное американское издательство «Дайал-пресс» отвергло предложение выпустить книгу, поскольку литература о животных его не интересует.

С осени 1946 года банковский счет писателя стал регулярно пополняться гонорарами. Богатым человеком он не стал, но мог позволить себе безбедное существование. Оруэлл теперь наперебой приглашали сотрудничать самые авторитетные британские периодические издания. Ему, однако, было вполне достаточно тех газет и журналов, к которым он привык, в которых чувствовал близкую ему атмосферу и понимание. Писал он в основном для «Ивнинг стандарт», «Манчестер ивнинг», «Обсервер» и «Трибюн».

Вторая половина 1945-го и 1946 год были временем небывалого расцвета оруэлловской публицистики. Тексты, по словам М. Шелдена, «лились из-под его пишущей машинки, и многие произведения, написанные очень быстро и с легкостью, стали классическими»⁶²³. Особенно интересными для нас являются те из них, которые в той или иной степени раскрывают его творческую кухню. В этом смысле выделяется статья «Признания книжного обозревателя»⁶²⁴. Безусловно искренне Оруэлл признавал, что не раз тратил время попусту, рецензируя посредственные книги, будучи всеядным ремесленником, думающим только о заработке.

Если обозреватель честен, утверждал Оруэлл, он должен девять из десяти своих рецензий начать словами: «Эта книга не интересует меня ни в коей мере, и я бы не писал о ней, если бы мне за это не платили». Но рецензирование книг — всё же не столь отвратительное занятие, как оценка фильмов: «Положение рецензентов намного лучше, чем критиков фильмов, которые не могут работать дома, а должны посещать показы в 11 утра и за немногими приятными исключениями вынуждены продавать свой юмор за бокал низкокачественного хереса».

Совершенно по-иному звучали статьи и эссе, обычно публиковавшиеся в «Ивнинг стандарт», посвященные бытовым или этнографическим аспектам жизни рядового англичанина. Правда, «простым англичанином» автор подчас представлял самого себя, стремясь приписать или даже навязать читателю собственные вкусы. Но разобраться в этом могли только те, кто хорошо знал привычки Эрика Блэра. Вот, например, эссе «Приятная чашка чая», в которой автор убеждает читателей, что чай нужно пить без сахара:

«Как вы можете называть себя любителем чая, если вы разрушаете его аромат, кладя туда сахар?»⁶²⁵ Далее следовал целый набор правил приготовления чая, без соблюдения которых этот напиток можно было бы вылить в раковину.

Но текстов с такими интонациями было мало. Как правило, статьи были проникнуты чувством глубокого уважения к английской вежливости, порядочности, заботливому отношению к слабым и больным, природному чувству аристократической скромности. Конечно, всегда можно было привести массу примеров противоположного свойства. Но названные Оруэллом типичные черты англичан действительно бросались в глаза многим иностранцам, приезжавшим и в Лондон, и в английскую провинцию. «Действительно ли мы грубы? Нет!» — провозглашал заголовок одной из статей, в которой говорилось: «Я не думаю, что был в стране, где слепой человек или иностранец пользуется большим вниманием, чем в Англии, или где кварталы больших городов более безопасны по ночам, или где люди менее склонны спихнуть вас с тротуара или занять ваше место в автобусе или поезде»⁶²⁶.

Наряду со сравнительно краткими очерками и эссе Оруэлл в это время опубликовал несколько объемных публицистических произведений, в частности статью «Политика против литературы. Анализ “Путешествий Гулливера”», стоявшую на грани литературоведческого анализа и рассуждений о писательской миссии⁶²⁷. У Свифта, констатировал Оруэлл, человечество подвергается нападению или критике с трех сторон, причем при этом с необходимостью изменяется и образ самого Гулливера: в первой части он типичный путешественник XVIII века, смелый, практичный, без налета романтизма; во второй части временами, когда требует сюжет, обнаруживается склонность обращаться в глупца, способного похваляться «нашей благородной страной» и в то же время смакующего любую сплетню о ней; в третьей части создается впечатление, что герой поднялся по социальной лестнице; в четвертой он приходит в ужас от рода человеческого, превращается в отшельника, чья единственная цель — «посвятить себя размышлениям о добродетельных гуигнгнмах».

Гулливер по большей части играет роль козла отпущения. Он погасил пожар во дворце императора лилипутов мочеиспусканием, но его обвинили в тягчайшем преступлении, ибо справлять нужду в пределах дворца запрещено. Трудно избавиться от ощущения, что в моменты наиболь-

шей проницательности Гулливер — это сам Свифт, полагает автор.

«Путешествия Гулливера», считал Оруэлл, книга злобная и пессимистическая, нередко скатывающаяся к предвзятости: «В ней перемешаны мелочность и величие души, республиканизм и авторитарность, любовь к логике и отсутствие любознательности»; «В политике Свифт был одним из тех, кого к своеобразному извращенному торизму толкали глупости тогдашней прогрессивной партии»; «Мы вправе считать Свифта бунтарем и борцом с предрассудками. Однако, если оставить в стороне ряд второстепенных вопросов, вроде настойчивого требования необходимости одинакового образования для женщин и мужчин, нельзя причислять Свифта к “левым”. Он — анархист-консерватор, ни во что не ставящий власть, не верящий в свободу и сохраняющий аристократические взгляды и в то же время ясно видящий, что сложившаяся к тому времени аристократия упадочна и ничтожна». Высказав всё это, Оруэлл испугался, что его анализ может быть воспринят как неприятие творчества великого сатирика, и пытался оправдаться: «Из того, что тут написано, может сложиться впечатление, будто я против Свифта, будто предмет моих забот — опровергнуть и даже принизить его, насколько я его понимаю. В политическом и моральном плане мы — противники. Но, как ни странно, Свифт — один из тех писателей, которыми я восхищаюсь безоглядно, а “Путешествия Гулливера” в особенности я считаю книгой, устать от которой никак невозможно. Впервые я прочел ее в восемь лет (если быть точным, за день до восьмилетия, так как я украл и украдкой прочел книгу, предназначавшуюся мне в подарок...) и с тех пор перечитывал ее раз шесть». Итоговый вывод состоял в том, что Свифт не был наделен расхожей мудростью, но обладал огромной силой и глубиной просвещения, способностью выделить одну-единственную скрытую истину, а затем «увеличить и исказить ее», создав гротескный образ.

В работе о Свифте, как и в более в ранней публикации о Диккенсе, Оруэлл не столько писатель, сколько вдумчивый и оригинальный мыслитель, способный, отталкиваясь от творчества великих предшественников, воссоздать единый образ писателя и общественного деятеля, каковым стремился видеть и самого себя. Он действительно считал произведения Диккенса и Свифта теми высочайшими образцами, на которые ему следовало равняться.

Существовали, впрочем, знаменитости, равняться на ко-

торых Оруэлл никак не желал. Одним из них был Сальвадор Дали. «Автобиографию можно писать лишь тогда, когда она обнаруживает что-либо постыдное. Человек, изображающий себя положительным, возможно, лжет, ибо если смотреть на любую жизнь изнутри, она предстает просто как сплошная череда поражений»⁶²⁸ — так начиналась обширная рецензия на мемуары художника-сюрреалиста⁶²⁹, от которых критик не оставил камня на камне: «Одни события в ней совершенно неправдоподобны, другие — прикомпонованы или окрашены романтическим цветом, а унижительная и извечная *обыденность* повседневного бытия выброшены. Самообожание — таков диагноз, поставленный Дали самому себе. Его автобиография — всего-навсего акт стриптиза, выполненный в розовом свете рамп»⁶³⁰.

Книга Дали, по мнению рецензента, имела громадную ценность как описание фантазий, извращений, природных инстинктов. Оруэлл приводил ряд примеров садизма Дали по отношению к животным и людям, о чем тот откровенно рассказывал. Писатель считал, что в сюрреалистических работах Дали господствуют половая извращенность и некрофилия: «Это больные и омерзительные картины, и любое исследование должно отталкиваться от этого факта».

Оруэлл написал статью о Дали еще в 1944 году для сборника «Субботнее чтение». Статья была названа «Привилегия духовных пастырей: Заметки о Сальвадоре Дали». Под «привилегией духовных пастырей» имелась в виду неподсудность священников светскому суду, существовавшая в Великобритании до начала XIX века, и по существу заголовок носил сатирический характер, срывая «святость» с героя рецензии. Оруэллом приводились и комментировались многочисленные цитаты из автобиографии Дали — садистские, мазохистские, человеконенавистнические. У него сложился крайне отрицательный образ Дали-личности, и эта оценка личности подчас неоправданно переносилась на его произведение. Признавая талант Дали, Оруэлл ставил моральный вопрос о долге и ответственности творца: «От этой книги дурно пахнет. Если бы книга могла физически издавать зловоние, то уж со страниц этой книги понесло бы воню. Впрочем, такая мысль могла бы порадовать Дали, который, собираясь на первое свидание со своей будущей женой, натерся мазью, приготовленной из козьего помета, сваренного в рыбьем клее. Всему этому, однако, следует противопоставить тот факт, что Дали — рисовальщик исключительного дарования. И, судя по тщательности

и уверенности его рисунка, он к тому же и большой труженик. Да, эксгибиционист и карьерист, но не обманщик. Он в пятьдесят раз талантливее большинства людей, порицающих его мораль и косо глядящих на его картины. И две эти группы фактов, взятые вместе, порождают вопрос, который из-за отсутствия какой бы то ни было общей основы редко обсуждается всерьез».

Оруэлл делал весьма спорный вывод, что некоторые из полотен Дали способны отравить воображение не хуже порнографических открыток, что в его взглядах, а следовательно, и в произведениях нет «самых минимальных человеческих приличий». «Он так же антисоциален, как и блоха. Понятно, что такие люди нежелательны, а общество, в котором они могут процветать, имеет какие-то изъяны».

Составители сборника сочли текст Оруэлла слишком рискованным и не поместили ее, хотя автор успел вычитать гранки и даже получил гонорар. Даже из оглавления ее название не убрали, из-за чего возникла путаница: многие исследователи считали, что очерк Оруэлла о Дали вышел в 1944 году в «Субботнем чтиве»⁶³¹, тогда как на самом деле он был включен в сборник критических статей Оруэлла, изданный в 1946 году в США⁶³².

Туда же вошла статья «Политика и английский язык», связывавшая уродливые изменения, происходившие с английским языком, с общими социально-политическими явлениями. Оруэлл вступал в энергичную полемику с теми, кто полагал, будто борьба с языковыми извращениями — «сентиментальный архаизм». Эти люди считают, что борьба против словесных новшеств подобна предпочтению свечей электричеству или двухлопастным самолетам, насмеялся писатель. Не отрицая, что язык развивается, он в то же время противопоставлял постепенные и естественные изменения прямой порче, связанной с экономическими и политическими причинами. Среди приведенных им примеров были выдержки из сочинений известных профессоров — экономиста Гарольда Ласки и зоолога Ланселота Хогбена, несколькими годами ранее создавшего «интерголос» — новый искусственный международный язык (впрочем, дитя оказалось мертворожденным).

Оруэлл не только теснейшим образом связывал язык с политикой, что следует уже из названия статьи, а был убежден, что происходит их взаимодействие, ведущее к оболваниванию населения. Так в сознании писателя постепенно созрел образ «новояза» — «нового языка», который ста-

нет одним из важнейших средств подчинения людей тоталитарной системе, их превращения в винтики бездушной машины, в которую превращается общество в его романе «1984», причем этот придуманный Оруэллом язык был единственным в мире, чей словарный запас с каждым годом не увеличивался, а сокращался, и можно было представить себе, что наступит время, когда рядовые люди будут выражать свое согласие с мудрыми указаниями вождя просто мычанием.

Но пока в Британии тоталитаризма еще, к счастью, не предвиделось, и Оруэлл намечал весьма простые способы излечения его родного языка (впрочем, применимые и ко всем прочим языкам): «Никогда не пользоваться метафорой, сравнением или иной фигурой речи, если они часто попадались в печати... Никогда не употреблять длинного слова, если можно обойтись коротким... Если слово можно убрать — убрать его... Никогда не употреблять иностранного выражения, научного слова или жаргонного слова, если можно найти повседневный английский эквивалент...»

Как и в предыдущие годы, большое внимание Оруэлл уделял литературной критике. Среди рецензий, опубликованных после Второй мировой войны, особенно важен был отзыв об утопическом романе Евгения Замятина «Мы», написанном еще в 1920 году, но опубликованном в русской эмигрантской печати только в 1929-м (после этого Замятину, преследуемому в СССР, удалось эмигрировать).

На английском роман Замятина появился в США намного раньше — в 1924 году. Оруэлл узнал о нем от профессора Лондонского университета Глеба Петровича Струве, с которым время от времени обменивался дружескими поздравлениями по случаю праздников*. Струве преподнес Оруэллу свою книгу «25 лет русской советской литературы»⁶³³, в которой упоминался и роман Замятина. 17 февраля 1944 года Оруэлл писал Струве: «Вы меня заинтересовали замятинским “Мы”, о котором я раньше не слышал. Такого рода книги меня очень интересуют, и я сам даже делаю наброски для похожей книги, которую рано или поздно напишу»⁶³⁴. Во второй половине 1944-го или первой половине 1945 года Оруэлл наконец прочел французское издание романа⁶³⁵.

* Последнее поздравление с Рождеством и Новым годом Оруэлл получил от Струве в декабре 1949 года, незадолго до кончины (см.: George Orwell Archive. J/40/B).

В рецензии, опубликованной в «Трибюн» в начале января 1946 года⁶³⁶, Оруэлл сопоставлял «Мы» с романом Хаксли «О дивный новый мир», убедительно доказывая, что произведение Хаксли отчасти обязано своим появлением книге Замятина: «Атмосфера обеих книг схожа, и изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества, хотя у Хаксли не так явно ощущается политический подтекст и заметнее влияние новейших биологических и психологических теорий».

Оруэлл мастерски, одним абзацем представил читателям содержание книги Замятина: «В двадцать шестом веке жители Утопии настолько утратили свою индивидуальность, что различаются по номерам. Живут они в стеклянных домах... что позволяет политической полиции, именуемой “Хранители”, без труда надзирать за ними. Все носят одинаковую униформу и обычно друг к другу обращаются либо как “номер такой-то”, либо “юнифа” (униформа). Питаются искусственной пищей и в час отдыха маршируют по четверо в ряд под звуки гимна Единого Государства, льющиеся из репродукторов. В положенный перерыв им позволено на час (известный как “сексуальный час”) опустить шторы своих стеклянных жилищ. Брак, конечно, упразднен, но сексуальная жизнь не представляется вовсе уж беспорядочной. Для любовных утех каждый имеет нечто вроде чековой книжки с розовыми билетами, и партнер, с которым проведен один из назначенных сексчасов, подписывает корешок талона. Во главе Единого Государства стоит некто, именуемый Благодетелем, которого ежегодно переизбирают всем населением, как правило, единогласно. Руководящий принцип Государства состоит в том, что счастье и свобода несовместимы».

С художественной точки зрения Оруэлл не был в восторге от книги Замятина, считал ее сюжет вялым и отрывочным, но в то же время высоко оценил политический смысл романа и его злободневность, не утраченную за четверть века. «Интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности, жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделенного божественными чертами, — ставит книгу Замятина выше книги Хаксли», — писал Оруэлл, считавший необходимым публикацию этого романа в Великобритании, о чем заявил в 1947 году. Однако издание так и не состоялось, чем Оруэлл был сильно раздосадован. «Позор, что такого рода книга, с такой удивительной судьбой и столь интересная своим внутренним

содержанием, не публикуется, тогда как такая масса мусора издается каждый день»⁶³⁷, — жаловался он в начале 1948 года в письме издателю Варбургу. Книга вообще не была издана в Великобритании. Правда, англоязычные читатели имели возможность пользоваться рядом изданий, вышедших в США.

При работе над собственным утопическим романом Оруэлл мысленно вновь возвращался к замятинской трактовке. В 1948 году он сообщил Струве, что собирается написать статью о Замятине для литературного приложения к газете «Таймс» и в связи с этим хотел бы встретиться с вдовой русского коллеги⁶³⁸. Однако другие дела и состояние здоровья не позволили ему вновь вернуться к творчеству Замятина.

Немалый интерес представляла оруэлловская рецензия на новый роман Грэма Грина «Суть дела». Оруэлл, далекий от религии (хотя и сохранивший отголоски приверженности англиканству⁶³⁹) и особенно недоброжелательно относившийся к католицизму, взялся за рассмотрение книги писателя, демонстративно провозглашавшего себя католиком, причем считал ее важным показателем общественных настроений и взглядов, хотя и оценил весьма невысоко⁶⁴⁰.

Разумеется, оценка — дело вкуса. Но Оруэлл явно предвзято отнесся к этому произведению, сюжет которого развивается в некоей африканской стране во время Второй мировой войны. Перед героем, полицейским офицером, встают проблемы соотношения долга и милосердия, верности своей стране и гуманного отношения к представителю вражеских сил. Но главное в романе — конфликт догматов католицизма и обычного человеческого поведения. В представлении рецензента вся логика развития романа была построена именно на последнем противоречии, тем самым он существенно примитивизировал сложную ткань повествования.

Г. Грин, к тому времени весьма известный писатель, был автором плодовитым, выпускавшим в год по одной-две книги. «Суть дела» была его двенадцатым романом. Социальную среду нового произведения Грин знал отлично, так как служил в это время в британской разведке в Сьерра-Леоне. Фабула «Сути дела» такова: честный и преданный службе офицер, обнаружив у капитана португальского корабля письмо невинного содержания, адресованное в Германию, не передал его начальству, а закрыл дело.

Оруэлл предъявил роману Грина всевозможные претензии, упрекая даже в том, что в нем ничего не говорилось об антиколониальной борьбе и военных действиях. Упреки эти были несправедливыми: в основе сюжета лежала судьба письма в воюющую страну. Кроме того, книга была психологическо-философской, на что рецензент обратил минимум внимания.

Основная критика проходила по линии неприятия католицизма — рецензия полна иногда чуть прикрытых, иногда откровенных выпадов. «Основная идея книги проста: заблуждающийся католик лучше, выше в духовном отношении, чем добродетельный безбожник», — писал Оруэлл, резко упрощая замысел Грина. Заявляя, что не желает быть слишком придирчивым, Оруэлл, однако, демонстрировал неприязнь к роману и его автору до последних строк: «Остается только надеяться, что в следующей своей книге он возьмется за другую тему или, во всяком случае, не забудет, что понимание суетности земных забот, наверное, открывает врата в рай, но его совершенно недостаточно, чтобы написать хороший роман».

Впрочем, через некоторое время недоброжелательное отношение Оруэлла к Грину рассосалось. При посредничестве поклонника обоих писателей Майкла Мейера они как-то встретились за ужином и, к удивлению Мейера, весь вечер говорили не о литературе, а о политике⁶⁴¹.

За год, прошедший после смерти Эйлин, появилось свыше 130 статей и критических очерков Оруэлла, то есть на каждый текст у него в среднем уходило менее трех дней. Тоску по рано ушедшей жене он глушил работой. Только 10 апреля 1946 года он решился, наконец, поехать в Воллингтон, где всё напоминало об Эйлин. Он не упоминал о жене в статье, появившейся 26 апреля в «Трибюн», но вся она, с рассуждениями о смерти и бессмертии, долге и чувстве вины — свидетельство грустных раздумий. Он писал о своей недавней поездке, во время которой с огромным удивлением обнаружил, что кусты розы, которые были посажены несколько лет назад и за которыми никто не ухаживал, буйно разрослись. Они будут радовать других людей, когда тех, кто дал им начало, давно уже не будет на свете: «Посадить дерево, особенно долгоживущее, с твердой древесиной, значит сделать подарок потомству почти без собственных забот и с явно бóльшим эффектом?»⁶⁴² — вопрошал он с не утихавшим ощущением тоски, пронизывавшей весь текст.

В послевоенных демократических организациях

Возвратившись из Европы, Оруэлл формально оставался корреспондентом «Обсервер». Летом 1945 года он принял предложение редакции еженедельника освещать парламентские выборы. Писателя интересовали не столько предвыборные собрания и программные заявления кандидатов, сколько мнение низших и средних слоев населения. Он ходил по улицам, ездил в автобусах, заглядывал в трактиры и магазины дешевых товаров, заговаривал с людьми или прислушивался к их беседам и сделал вывод, что вероятная победа лейбористов на выборах 5 июля не внесет в жизнь страны коренных изменений и, более того, что рабочие, фермеры, средний класс по не желают резких, а потому рискованных перемен.

Оруэлл прислушивался к одобрительным оценкам обещаний Лейбористской партии обеспечить всеобщую занятость, взять в руки государства важнейшие производственные отрасли и наладить систему бесплатного здравоохранения. Более того, когда премьер Черчилль произнес, что лейбористы в случае прихода к власти создадут в Великобритании гестапо, люди на улицах высмеивали его. Журналист слышал немало критических слов по поводу предвоенной политики умиротворения агрессора, проводимой консерваторами (правда, не Черчиллем, а Чемберленом), и понимал, что это тоже повлияет на исход выборов.

Предсказание корреспондента «Обсервера» сбылось: лейбористы добились решительной победы, которую он оценил как безусловный поворот британского общества влево, не сопровождаемый «какими-то действительно революционными устремлениями или каким-то внезапным разрушением классовой системы»⁶⁴³.

К этому времени Оруэлл стал вице-президентом Комитета защиты свобод. Он впервые активно включился в деятельность общественно-политической организации (его прошлое членство в НРП было недолгим и формальным).

Всё началось в самом конце 1944 года с налета лондонской полиции на офис анархистского издательства «Фридом пресс», выпускавшего несколько периодических изданий, из которых властям особенно не нравился сборник «Военный комментарий», где резкой и язвительной критике подвергалось высшее военное командование за пренебрежительное отношение к военнослужащим. Против редакторов сборника Вернона Ричардса и Филиппа Сэн-

сона были выдвинуты обвинения в «подрыве эффективности Вооруженных Сил Его Величества» и принадлежности к «коммунистическому фронту». Случай этот был единичный, но сам факт насилия над анархистами, которым Оруэлл со времен испанской войны продолжал симпатизировать, заставил его действовать. Результатом стало создание Комитета защиты свободы, председателем которого избрали Герберта Рида — известного борца против нацизма и любой формы насилия и диктатуры⁶⁴⁴.

Взгляды Рида и Оруэлла по многим вопросам были близки, хотя Оруэлл был менее публичным человеком и предпочитал трибуне письменный стол. Комитет был поддержан таким общественным, научным и философским авторитетом, как будущий нобелевский лауреат Бертран Рассел. В деятельность организации включился писатель Артур Кёстлер. Сам Оруэлл несколько раз выступал на собраниях, организованных Комитетом, участвовал в составлении его воззваний и подписывал их (известно, например, обращение о сборе средств, опубликованное в сентябре 1948 года, которое, кроме него, подписал не только Рид, но и знаменитый композитор, дирижер и пианист Бенджамин Бриттен, а также член Комитета писатель Эдвард Форстер).

Благодаря гонорарам за «Скотный двор» Оруэлл смог помогать Комитету материально. Но основным его вкладом в деятельность организации были печатные выступления. Среди них выделяется опубликованная в «Трибюн» в конце 1945 года статья «Свобода парков»⁶⁴⁵, непосредственным поводом к созданию которой стал случай в Гайд-парке, когда несколько человек были приговорены к шестимесячному заключению за продажу чуть в стороне от зоны, предназначенной для митингов, пацифистских и анархистских газет и брошюр. Формально законодательство о свободе печати нарушено не было: левых активистов осудили не за распространение своих изданий, а за неподчинение полиции, потребовавшей, чтобы они убралась.

Оруэлл с сарказмом разоблачал полный произвол при формальном соблюдении закона: «Насколько я смог выяснить, продажа газет на улицах представляет собой техническое нарушение, во всяком случае, если вы не уходите, когда полиция предлагает вам это сделать». Писатель подчеркивал, что свобода слова всегда оказывается под угрозой, потому что на деле не находится под защитой закона. Единственной силой, которая способна обеспечить реальную свободу выражения своей позиции, является обще-

ственное мнение: «Если большое число людей заинтересовано в свободе слова, свобода слова будет существовать, даже если закон это запрещает; если же общественное мнение инертно, несогласное меньшинство будет подвергаться преследованиям, даже если существует защищающий ее закон».

Оруэлл особенно беспокоило, что аресты в Гайд-парке произошли при лейбористском правительстве, считающем себя социалистическим, но, несмотря на это, не сменившем полицейские кадры. Правительство могло провести любые законы, но при сохранении прежней системы администрации оно не могло добиться существенных изменений⁶⁴⁶.

Таким образом, Оруэлл, многократно подчеркивавший необходимость сохранения британских традиций (в том числе и предельной вежливости полицейских), оказывался в логическом тупике, столкнувшись с дилеммой: сохранение бюрократии (к которой он относился по меньшей мере со сдержанным пренебрежением) или анархическая вседозволенность в случае «слома государственного аппарата» (против чего он также решительно возражал). Во всяком случае, он был всерьез обеспокоен ущемлением всего комплекса демократических свобод и прилагал усилия для их защиты.

Надо сказать, что организационная работа и связанная с ней затрата времени воспринимались теперь Оруэллом как неизбежная неприятность, от которой нельзя увильнуть: «До сих пор ко мне продолжают приходить, требуя, чтобы я прочитал лекцию, написал заказываемую брошюру, присоединился к тому или сему и пр. — вы не знаете, как сильно я хотел бы освободиться от всего этого и иметь время просто подумать»⁶⁴⁷. Тем не менее в конце 1945 года вместе с небольшой группой левых и центристских деятелей (среди них был даже голландец) Оруэлл решил создать Лигу защиты достоинства и прав человека. Он намеревался предложить лейбористскому правительству выступить с заявлением о необходимости одновременного «психологического разоружения» стран Запада и СССР для разрядки напряженности. Обязательным условием такого «психологического разоружения» должен был стать свободный доступ иностранной прессы в СССР. Оруэлл планировал также начать издание журнала для защиты политических заключенных во всем мире, борьбы с антидемократическими законами и налаживания связей с аналогичными организациями других стран.

Один контакт такого рода был установлен — в марте 1946 года Оруэлл встретился с европейским представителем американского Комитета спасения и помощи Фрэнсисом Хенсоном, чья организация оказывала поддержку врагам тоталитаризма, бежавшим из своих стран⁶⁴⁸. Но дальше общих разговоров дело не пошло. Попытка создать организацию помощи жертвам политических репрессий не увенчалась успехом из-за отсутствия средств.

С приходом к власти лейбористов в стране не произошло кардинальных изменений, на что Оруэлл особенно и не рассчитывал, но в глубине его души всё же теплилась надежда на проведение некоторых существенных социальных мер. Одну из своих статей, опубликованную через четыре месяца после победы лейбористов, Оруэлл назвал «Катастрофическая постепенность». Впрочем, речь в ней шла не столько о политике лейбористских властей, сколько о безвыходном положении, когда опасность представляют и «практичные люди», ведущие, по его мнению, страну к пропасти, и «рвущиеся к власти идеологи», готовые установить диктатуру⁶⁴⁹. Автор отчасти полемизировал с Артуром Кёстлером, чье творчество, особенно роман о сталинском «Большом терроре», оказало на него большое влияние.

Кёстлер, родившийся в Будапеште в 1905 году, в двадцатилетнем возрасте уехал в Палестину, где пробыл три года в качестве корреспондента немецких газет, затем он работал в Париже и Берлине. От сионистских идей он перешел к коммунистическим, вступил в Коммунистическую партию Германии, дважды побывал в СССР, публиковал во Франции пропагандистские статьи. Когда началась гражданская война в Испании, он отправился туда как коммунистический журналист, в 1937 году попал в плен к франкистам, был приговорен к смертной казни за шпионаж, почти полгода провел в тюрьме в ожидании расстрела, но в конце концов был обменен на пленного французского летчика.

Испанские впечатления и «Большой террор» в СССР привели к кардинальному изменению политических взглядов журналиста. Он вышел из компартии, в начале мировой войны нелегально перебрался в Великобританию, после недолгого тюремного заключения за незаконный въезд в страну был освобожден, пошел добровольцем в армию, а со временем получил британское подданство. Учитывая журналистский опыт Кёстлера, его вскоре перевели из саперной части в пропагандистское ведомство. Он участвовал в передачах Би-би-си на немецком языке,

писал тексты листовок, обращенных к солдатам вермахта. В начале 1941 года, когда Сталина еще воспринимали в Великобритании как союзника Гитлера, он опубликовал первый на Западе антисталинский роман «Слепящая тьма».

Оруэлл не мог не откликнуться на творчество Кёстлера — в 1944 году посвятил ему специальный очерк, в котором основное внимание было уделено «Слепящей тьме»⁶⁵⁰. Роднило двух авторов стремление «запечатлеть современную историю, однако историю неофициальную, о которой молчат пособия и лгут газеты». Оруэлл был убежден, что англичанам с их трезвым умом, практичностью и деловитостью просто не под силу было бы создать произведение, подобное «Слепящей тьме»: «Чтобы понимать природу вещей, о которых я говорю, нужно умение вообразить себя жертвой, и мысль, что “Слепящую тьму” мог бы написать англичанин, подобна допущению, что автором “Хижина дяди Тома” явился бы рабовладелец».

Главной темой книги Кёстлера Оруэлл считал перерождение революции, когда «начинают сказываться растлевающие последствия завоевания власти». По мнению Оруэлла, роман удался, потому что речь в нем идет о конкретных людях; «но главный интерес представляет психология этих людей». Отгалкиваясь от фабулы «Слепящей тьмы», он ставил принципиальный вопрос: почему старые большевики, в том числе главный герой романа Рубашов, сознаются в преступлениях, которых не совершали? Признания в ходе московских процессов, полагал он, могли делаться по трем причинам: либо обвиняемые действительно были преступниками, либо их сломили пытки и (или) шантаж; либо поступать так их заставляла ставшая частью их натуры верность партии, стремление никоим образом не навредить «великому делу» коммунизма. Судя по всему, Кёстлер склонялся к третьему варианту: для Рубашова давно утратили смысл такие понятия, как справедливость и объективная истина, он даже в ожидании расстрела сохранял веру в коммунистическую утопию и даже гордился своим решением «признаться». Оруэлл шел значительно дальше автора «Слепящей тьмы»: «...этих людей испортила революция, которой они служили... Любые попытки преобразовать общество насильственным путем кончаются подвалами ГПУ, а Ленин порождает Сталина». Именно в этом смысл «слепящей тьмы».

Оруэлл намного глубже Кёстлера разглядел причины

признаний старых большевиков на московских процессах, но и он в раскрытии сущности такого поведения и в целом «Большого террора» не дошел до логического завершения своих рассуждений — отбросил, не анализируя, вторую возможную причину признательных показаний: пытки, шантаж, использование членов семьи в качестве заложников, хотя было бы правильнее соединить этот фактор с предположением, что старых большевиков испортила революция — не только в смысле безоговорочной преданности коммунистической теории: они привыкли к власти, к привилегированной жизни, к благам кремлевских столовых и больниц, к заграничным командировкам, и угроза лишения всего этого была существеннее всех возвышенных соображений.

В 1946 году Оруэлл снова обратился к творчеству Кёстлера — к «Слепящей тьме» и очерку «Йог и комиссар», написанному в 1942-м, но опубликованному только через три года. Во втором произведении автор весьма субъективно выделял два типа людей: свободных духом и верных моральной чистоте созерцателей (йогов) и тех, кто не представляет своей жизни вне политики, идет на любые нравственные жертвы во имя торжества социальной справедливости (комиссаров). Сам Кёстлер позже признавался, что всю жизнь разрывался между желанием стать учеником йога или превратиться в комиссара. Оруэлл же был убежден: «В действительности, если считать, что йог и комиссар — это две противоположные тенденции, то Кёстлер скорее ближе к комиссару. Он верит в действие, а в случае необходимости — в насилие, верит в правительство и, как результат, в перемены и компромиссы со стороны правительства... Меньше, чем кто-либо другой, Кёстлер верит в то, что мы всё уладим, созерцая в Калифорнии собственный пуп. И, в отличие от религиозных мыслителей, он также не считает, что “перемены, идущие от сердца”, должны *предшествовать* общим политическим позитивным преобразованиям»⁶⁵¹.

Позже, когда Оруэлл был уже столь тяжело болен, что не мог заниматься общественной деятельностью, Кёстлер стал одним из инициаторов проведения в июне 1950 года в Западном Берлине Международного конгресса за свободу культуры. Советская и восточногерманская пропаганда не жалела злобных эпитетов для участников этого форума. Председатель Государственного комитета по радиовещанию ГДР Герхард Эйслер обозвал их «американскими шпи-

онами и литературными обезьянами»⁶⁵². Ему ответил именно Кёстлер: «Ты помнишь, как в 1940 году во Франции мы были вместе в концлагере Ле Верне? Мы таскали из уборных ведра с дерьмом, и ты спросил, что я собираюсь делать, освободившись. Я ответил: “Пойду воевать с нацистами”. Ты засмеялся мне в лицо и назвал меня “безнадежным мелкобуржуазным романтиком”. Полагаю, что с тех пор ты изменил свои взгляды и изменишь их еще. Но то, что ты сказал о нас, о нашем конгрессе, показывает, что вы, несчастные псы, до сих пор дрожите при слове “свобода”»⁶⁵³.

Можно не сомневаться, что в эволюции писателя немалую роль сыграл Оруэлл. В 1960 году в передаче Би-би-си, посвященной памяти коллеги, Кёстлер говорил о его «бескомпромиссной честности» и потрясающей оригинальности как человека и мыслителя: «Я не думаю, что Джордж вообще знал, что заставляет дергаться других людей, потому что то, что заставляло дергаться его, очень отличалось от того, что дергало остальных»⁶⁵⁴.

Подчас Оруэлл решался выходить за пределы публицистики, понимая, что его рассуждения могут представлять интерес и для научных гуманитарных кругов. Так произошло с «Заметками о национализме», опубликованными в октябре 1945 года в дебютном номере научно-популярного журнала «Полемика», посвященного проблемам философии, психологии и эстетики⁶⁵⁵. В статье была предпринята попытка противопоставить национализм патриотизму, под которым имелась в виду «приверженность человека к определенному месту и определенному образу жизни, которые он считает лучшими в мире, но при этом не имеет желания навязать их силой другим людям». Национализм же, считал автор, — это привычка отождествлять себя с единственной нацией или другой группой и ставить ее выше добра и зла, «не признавая за собой никакого иного долга, кроме служения ее интересам». Национализм неотделим от стремления к власти. Каждый националист пытается достичь всё большей власти для своей нации или группы, в которой он решил «растворить собственную индивидуальность». Основными чертами националистического сознания являются одержимость, нестабильность, безразличие к реальности.

Гуманистический пафос и в то же время аналитичность статьи давали возможность интеллектуальным читателям (на которых в первую очередь она была рассчитана) провести водораздел между патриотизмом и национализмом,

который приверженцы последнего спекулятивно выдавали именно за патриотические чувства. Писатель и журналист Оруэлл проявил себя мастером глубоких обобщений.

Письмо в «Форвард»

Победа лейбористов на выборах 1945 года произошла в значительной степени в результате победы над Германией, которую подавляющее большинство рядовых людей и политиков воспринимали как триумф сталинского СССР. Необходимо было большое мужество, чтобы попытаться смыть эти радужные краски, показать подлинную сущность тоталитаризма, олицетворяемого не только побежденным германским нацизмом, но и победившим советским большевизмом. Неменьшее мужество нужно было, чтобы заявить, что и Великобритания, и другие страны Запада могут оказаться перед опасностью погружения в бездну диктатуры. О том, что такая ситуация отнюдь не была исключена, свидетельствовала судьба предложения, с которым в феврале 1946 года выступил Оруэлл вместе с несколькими другими писателями и общественными деятелями (в том числе Гербертом Уэллсом и Артуром Кёстлером).

Формально безадресное, фактически предложение было обращено к судьям Нюрнбергского процесса над главными германскими военными преступниками. Оруэлл, внимательно следивший за ходом исторического суда, отмечал для себя, что между представителями западных стран и СССР существует некое неформальное соглашение, что некоторые болезненные для СССР вопросы затрагиваться не будут. Оруэлл обратил внимание, что в Нюрнберге ни словом не упоминаются показательные процессы в Москве 1936—1938 годов, где подсудимых, в том числе бывших ближайших соратников Ленина, и якобы стоявшего за их спиной Троцкого обвиняли в связях с властями нацистского рейха и гестапо (упоминались даже конкретные фамилии, например заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса); замалчивается история советско-германских отношений 1939—1941 годов, включая советско-германский договор о дружбе и границе; не упоминается о визите народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин в 1940 году и его беседах с Гитлером и Риббентропом; утверждается, что расстрелы тысяч польских военнослужащих и гражданских лиц в Катын-

ском лесу под Смоленском были делом рук гитлеровцев, а не советского НКВД, несмотря на то, что в мировой печати уже появились неопровержимые доказательства гибели поляков до прихода туда немцев. Оруэлл считал, что руководители западных держав и назначенные ими нюрнбергские судьи под влиянием советского диктатора идут на сознательное сокрытие истины.

Именно в связи с этим и возникла идея открытого письма в популярную американскую левую газету «Форвард», чтобы привлечь внимание общественности к проблеме, в надежде, что и другие печатные органы и информационные агентства на него откликнутся. Но «Форвард» поместила письмо на одной из последних полос⁶⁵⁶, и его просто не заметили; другие же печатные органы документ просто проигнорировали. Что же так напугало прессу?

Оруэлл и другие авторы письма напоминали, что на московских судебных процессах подсудимых обвиняли в связях с нацистским правительством и гестапо; рассказывали о признании комиссией американского ученого, философа и психолога Джона Дьюи, работавшей в 1937 году в пригороде Мехико Койоакане, Троцкого невиновным по всем предъявленным ему на московских процессах обвинениям⁶⁵⁷. Оруэлл и его соавторы считали необходимым, чтобы Нюрнбергский суд, опираясь на нацистские архивы, «вбил последний гвоздь» в гроб лживых обвинений. Для этого они предлагали:

«1. Допросить Гесса в Нюрнберге на предмет того, встречался ли он с Троцким. 2. Пригласить на это заседание Нюрнбергского суда ответственного представителя Натальи Седовой-Троцкой (вдовы Льва Троцкого) с правом перекрестного допроса обвиняемых и свидетелей. 3. Проинструктировать союзных экспертов, обследующих документы гестапо, чтобы они установили, существуют ли документы, доказывающие или опровергающие связь между нацистской партией и государством и Троцким или другими старыми большевистскими руководителями, обвиненными на московских процессах и, если таковые документы имеются, сделать их доступными для публикации».

Понятно, что более неуместный текст для публикации в американской или британской прессе в 1946 году придумать было трудно — но не потому, что составители письма не были правы по существу. Однако с точки зрения реальной политики выполнение требований Оруэлла и его товарищей в отношении руководителей правительства СССР,

союзника США и Великобритании в только что закончившейся кровопролитной войне, было абсолютно невозможно.

Топливный кризис

Немалую опасность для демократического развития своей страны Оруэлл увидел в хозяйственных трудностях, с которыми она столкнулась зимой 1945/46 года, самой суровой за полвека. Обильные снегопады, ураганные ветры, обледенение дорог — всё это привело к резкому увеличению потребления угля, запасы которого истощились за несколько недель. «По всей Британии угля было настолько мало, — пишет один из исследователей, — что пришлось закрыть электростанции, а подача электроэнергии промышленности сильно сократилась либо прекратилась вообще. Безработица выросла в шесть раз, а британское промышленное производство на три недели практически остановилось — этого не могли добиться даже немецкие бомбежки. Неожиданный дефицит энергии привел к осознанию предела нищеты, до которого опустилась Британия в результате войны»⁶⁵⁸.

Топливный кризис серьезнейшим образом отразился на информационной сфере. На несколько недель была закрыта одна из программ Би-би-си. Еженедельник «Трибюн», в котором наиболее часто публиковался в это время Оруэлл, временно перестал выходить. Его очередная статья серии «Как мне хочется» появилась в лейбористской газете «Дейли геральд», которая объявила, что в создавшихся условиях предоставляет на своих страницах место авторам «Трибюн»⁶⁵⁹.

Как и у других жителей Лондона, у Оруэлла не хватало угля для маленького камина, обычно согревавшего его квартиру в зимние месяцы. Камин не был приспособлен для топки дровами, и в ход шли торфяные брикеты. Пытаясь подбодрить читателей, Оруэлл писал в колонке «Как мне хочется» о «преимуществах» использования торфа: «Он меньше согревает, чем уголь, но он чище, и с ним легче управляться, и к тому же, в отличие от дров, он может быть использован в маленьких каминах».

Впрочем, и торфа оказывалось недостаточно, и приходилось сжигать старую мебель, носить дома зимнюю одежду или прятаться под одеяло. «Я привык на целый день за-

бираться в благословенную постель и писать статьи в ее великолепной теплоте», — с обычной иронией сообщал читателям автор.

Для Оруэлла эта зима оказалась очень тяжелой. Она вызвала обострение легочной болезни, на этот раз значительно более серьезное, чем ставшие привычными зимние бронхиты. «У нас не было топлива, а у Эрика в течение всей зимы была то одна, то другая болезнь. Мы дошли даже до того, что ломали игрушки маленького Ричарда и бросали их в огонь в комнате Эрика, чтобы попытаться согреть его, когда он писал»⁶⁶⁰, — рассказывала его сестра Эврил.

Оруэлл не жаловался. Лишь иногда в его письмах прорывались слова о его состоянии. Своему издателю Варбургу он писал, что здоровье его стало «гнусным примерно с января». Именно в эту страшную зиму он принял решение переехать из Лондона.

Отшельничество на Джуре

Идея перебраться в какое-нибудь совершенно глухое место, где Блэр надеялся избавиться от простуд и спокойно работать, появилась довольно давно. В 1944 году Дэвид Астор порекомендовал ему в качестве места отдыха шотландский остров Джуру. Через год после кончины Эйлин писатель, находившийся на грани нервного истощения в связи с огромным объемом работы, вспомнил об этом предложении. К тому же он считал, что маленькому сыну тоже лучше жить на природе.

Джура — один из островов архипелага Внутренние Гебриды у западного побережья Шотландии. Всего в архипелаге около восьмидесяти островов и островков, из них три с половиной десятка обитаемых. На Джуре жило не более трехсот человек — несколько десятков семей, занимавшихся фермерством, ловлей и обработкой рыбы и производством виски. Природа здесь была великолепная.

По фотографиям Блэр облюбовал на острове фермерское хозяйство Барнхилл на самом берегу спокойного залива, сдававшееся в аренду. Предварительно в Барнхилл отправилась Эврил, всё еще не вышедшая замуж и считавшая, что ее долг — опекать брата, не слишком приспособленного к жизни. В конце лета 1946 года на остров приехал Эрик с сыном.

Эрик относился к младшей сестре с нежностью, но по-

рой ее внимание становилось навязчивым и раздражало. Незадолго до переезда на Джуру в семье произошла еще одна потеря: в начале мая от болезни почек скончалась 48-летняя старшая сестра Марджори. Теперь из родственников у Эрика осталась только Эврил. Неудивительно, что они тянулись друг к другу, несмотря на то, что Эврил, не получившая образования, не стремилась к вещам возвышенным, а считала главным уметь приготовить еду и содержать жилье в приличном состоянии.

Фермерский дом был довольно большой: целых пять спален, гостиная, столовая и большая кухня. Серьезным недостатком была удаленность Барнхилла — до ближайшего хозяйства было больше мили, а чтобы добраться до единственного на острове магазина, надо было преодолеть больше 20 миль, причем приличная дорога обрывалась за несколько миль от Барнхилла, и дальше надо было двигаться по узкой тропинке пешком или на крохотной повозке. К тому же в Барнхилле не было телефона, а почта доставлялась всего раз в неделю. Поэтому уже больше десяти лет Барнхилл пустовал. Зато цена аренды была, как говорил Эрик, «почти нулевая». Впрочем, проблема оплаты жилья теперь перестала быть главной.

Все недостатки Барнхилла писатель счел преимуществами. Он решил на неопределенно долгое время оторваться от столичной суеты, чтобы успокоиться, поправить здоровье, заняться сыном. Была, однако, еще одна сокровенная мысль: приступить к работе над новым романом, идеи которого вынашивались уже давно. Это не означало, что он собирался становиться отшельником. В доме можно было принимать гостей. Что же касается почтовой связи, то запаздывание корреспонденции на неделю не играло существенной роли.

Гости иногда приезжали, но выдержать на уединенном острове больше нескольких дней были не в состоянии. Айнез (Инесса) Холден, писательница и журналистка, освещавшая в том числе Нюрнбергский процесс, проведя несколько дней на ферме, была в ужасе, сказав, что писатель живет там, как Робинзон Крузо, всякий раз изобретая спички вместо того, чтобы купить их за два пенса на материке⁶⁶¹.

Через какое-то время в Барнхилл в качестве домохозяйки приехала Сюзан Уотсон. Но сестра ревновала Эрика к ней, женщины соперничали за главенство в домашних делах, скандалы происходили постоянно. Через

два месяца Сюзан с крайней неохотой покинула Барнхилл. Всё домашнее хозяйство взяла в свои руки Эврил, она же в основном занималась воспитанием Ричарда⁶⁶².

Эрик активно пытался найти себе новую жену, а Ричарду приемную мать. Дважды он предлагал дамам руку, но получал отказы. У него появлялись любовницы, но всякий раз связь была недолгой. Казалось, что холостой, еще не старый мужчина в послевоенной Англии, к тому же известный писатель является завидным женихом. Но саркастический Блэр не пытался выгодно продать себя. Вот письмо, адресованное Энн Попхем, которой он предложил стать его женой: «У меня болезнь под названием бронхоэктазы*, которая постоянно склонна развиться в пневмонию, а также “не прогрессирующее” туберкулезное поражение одного легкого, и несколько раз в прошлом полагали, что я вот-вот умру, но я всегда выживал только для того, чтобы их разозлить».

Могла ли нормальная женщина положительно ответить на такое предложение? Надо было слишком любить литературу, чтобы согласиться связать свою жизнь с писателем, у которого на одной чаше весов находился талант, а на другой — маленький ребенок и тяжелые болезни. Создавалось впечатление, что Оруэлл позиционировал себя как потенциального мужа, которому жить осталось недолго. Конечно, написанный им текст был письмом откровенно циничного человека, которого назвать здоровым во всех случаях было трудно: «На самом деле я хотел бы спросить тебя, согласилась бы ты стать вдовой пишущего человека. Если дела будут идти, как сейчас, во всем этом будет своя прелесть, поскольку, думаю, ты будешь получать гонорары и найдешь вполне интересным редактирование неизданных вещей... Если же я проживу еще десять лет, я надеюсь написать еще три стоящих книги, кроме того, что еще не окончено, но я хотел бы жить в мире и спокойствии и чтобы кто-то ко мне хорошо относился»⁶⁶³.

Энн ответила Эрику вполне естественным вежливым отказом. Их отношения на этом не закончились, но до свадьбы дело не дошло. Блэр вскоре писал ей: «Я вполне

* Бронхоэктазы — необратимое патологическое расширение бронхов в результате гнойно-воспалительной деструкции бронхиальной стенки; влечет за собой частые бронхиты и способствует возникновению туберкулезного поражения легких. У Блэра болезнь была диагностирована в середине 1940-х годов.

понимаю, что не подхожу для таких, как ты. Ты молодая, симпатичная и надеешься что-то еще получить от жизни. В моей же жизни ничего не осталось, кроме работы и заботы о том, чтобы дать Ричарду хороший старт. Только иногда я чувствую себя ужасно одиноким»⁶⁶⁴. Второе брачное предложение было сделано свояченице Артура Кёстлера Силии Пейджет. Она тоже отказала, но дружеская переписка между ними продолжалась до самой смерти Блэра.

Соня Браунелл

Безуспешно сватаясь к Силии, Эрик одновременно близко сошелся с Соней Мэри Браунелл, работавшей в редакции журнала «Хорайзен». Ее характер был потрясающей смесью благородства и эгоизма, добросердечия и злобности, уверенности в себе и сомнения в собственных силах и суждениях⁶⁶⁵. Родилась она в августе 1918 года в Калькутте в семье британского колониального чиновника, окончила католическую среднюю школу и университет в Швейцарии, а затем, не пожелав стать простой учительницей французской словесности, поступила на специальные секретарские курсы для работы в ответственных офисах. С середины 1940-х годов она работала секретарем редакции «Хорайзен», но фактически исполняла функции главного редактора, тем более что возглавлявший журнал Сирил Коннолли, с которым у нее был роман, тяготился текущей руководящей работой, стремясь полностью сосредоточиться на литературном творчестве.

Очень красивая, Соня как бы в отместку за строгое воспитание в католической школе и за позднее (по ее мнению) превращение в женщину пустилась во все тяжкие. В 20 лет она стала любовницей специалиста по средневековой поэзии, в три раза старше ее, у которого работала секретарем, потом была натурщицей у модных лондонских художников, причем обычно сеанс позирования завершался в постели. Отдавалась Соня только тем, кого считала по-настоящему талантливыми (таких людей оказалось много), как бы давая им творческий импульс и, в свою очередь, вдохновляясь общением с творцами.

Обычно Соня позировала художникам, группировавшимся вокруг Школы живописи и рисования на Юстон-роуд в самом центре Лондона рядом с университетом и неподалеку от Британского музея, от которых вскоре полу-

чила прозвище Юстонская Венера. Один из любовников, известный живописец Уильям Колдстрим, познакомил Сою с писателем Стивеном Спендером, а тот — с Сирилом Коннолли. Сирил сразу увлекся молодой женщиной, и она получила приглашение на работу, а вскоре стала вторым (а по существу первым) лицом в журнале «Хорайзен».

С Эриком Блэром она познакомилась в 1945 году в доме Коннолли, затем встречалась с Джорджем (так он обычно представлялся в писательских кругах) в редакции журнала. Вначале он произвел на Союю не очень благоприятное впечатление. С университетских времен тянувшаяся ко всему французскому, она сочла писателя «типичным англичанином» или даже «слишком англичанином». Но постепенно ее мнение изменилось. Соня стала отдавать должное Оруэллу как писателю, публицисту, человеку. У них обнаружилось сходство вкусов. Правда, Соня не понимала увлеченности нового знакомого политическими проблемами, считая ее пустой тратой времени, но в конце концов это было не ее дело.

Как и большинство мужчин, с которыми пересекалась Соня, он стал ее любовником. Для него почти в равной степени оказались важны и ее внешняя привлекательность, и эстетическое чувство, и жесткая откровенность, с которой она высказывала мнение об авторах, их произведениях да и вообще о жизни, включая ее сексуальную сторону. Их мимолетные отношения с тех пор не прерывались. Однажды они даже провели вместе ночь, хотя раньше ограничивались краткими половыми актами. Впрочем, пребывание в одной постели ни одного из них ни к чему не обязывало. С присущей ей откровенностью Соня рассказала подруге, что ее очередной любовник оказался очень неловким, но и нетребовательным, сделал всё быстро и механически, не проявив особо нежных чувств, без предварительных ласк: «Кажется, он был удовлетворен. Но он вряд ли почувствовал, что я от всего этого не получила никакого удовольствия»⁶⁶⁶. Когда Блэр предложил Соне как-нибудь провести вместе несколько свободных дней, она отказалась.

Тем не менее он часто вспоминал свою странноватую возлюбленную. Начав работать над романом «1984», он просто не мог не воспроизвести ее образ. Один из главных персонажей книги, Джулия, буквально списана с Со-ни, какой ее знал писатель. И работа у Джулии похожа на ту, какую выполняла Соня, — разумеется, в карикатурном, искаженном свете разоблачительного романа. Молодая,

здоровая, свежая Джулия у Оруэлла работает в ведомстве по производству художественных произведений, создавая романы на электрической машине. Более того, отдаваясь герою книги Уинстону, Джулия не скрывает, что он не единственный мужчина, с которым она занимается тем, что в тоталитарном обществе вымышленной страны считалось грехом. Собственно, грех состоял не в сексе как таковом, а в сексе по любви или для удовлетворения физиологической потребности, а не в качестве исполнения партийного долга по производству потомства.

Вот фрагмент из романа, в котором описывается первая любовная встреча Уинстона и Джулии, в котором очень точно воспроизведены чувства автора в отношении Сони. Политические рассуждения смешивались у него с интимными образами, сатирико-фантастическая ткань повествования — с воспоминанием о единственной ночи, когда его прекрасная возлюбленная (о чем он, разумеется, не догадывался) осталась им недовольна:

«У тебя уже так бывало? — Конечно... Сотни раз... ну ладно, десятки. — С партийными? — Да, всегда с партийными. — Из внутренней партии тоже? — Нет, с этими сволочами — нет. Но многие были бы рады — будь у них хоть четверть шанса. Они не такие святые, как воображают.

Сердце у него зыграло. Это бывало у нее десятки раз — жаль, не сотни... не тысячи. Всё, что пахло порчей, вселяло в него дикую надежду. Кто знает, может, партия внутри сгнила, ее культ усердия и самоотверженности — бутафория, скрывающая распад. Он заразил бы их всех проказой и сифилисом — с какой бы радостью заразил!

Я ненавижу чистоту, ненавижу благонравие. Хочу, чтобы добродетелей вообще не было на свете. Я хочу, чтобы все были испорчены до мозга костей. — Ну, тогда я тебе подхожу, милый. Я испорчена до мозга костей. — Ты любишь этим заниматься? Не со мной, я спрашиваю, а вообще? — Обожаю.

Это он и хотел услышать больше всего. Не просто любовь к одному мужчине, но животный инстинкт, неразборчивое вожделение: вот сила, которая разорвет партию в клочья. Он повалил ее на траву, на рассыпанные колокольчики. На этот раз всё получилось легко. Потом, отдышавшись, они в сладком бессилии отвалились друг от друга. Солнце как будто грело жарче»*.

* Перевод В. Голышева.

Можно согласиться с Соней Браунелл, считавшей, что эта сцена являлась одним из первых в литературе XX века ярких художественных описаний интимного акта страстной пары⁶⁶⁷.

В октябре 1946 года Эрик Блэр с сестрой и сыном на несколько месяцев вернулись в Лондон. Сырой, промозглый Лондон становился ему всё более неприятен, лондонский климат он считал губительным для своих легких. Он писал своему знакомому Фрэнку Барберу: «Правда, все время идет дождь, но, если считать это само собой разумеющимся, это вроде бы не имеет значения»⁶⁶⁸. Но на отдаленном острове климат был не лучше, а в плане медицинской помощи — совсем плохо. Единственный врач жил в 25 милях от Барнхилла.

Глава двенадцатая
ПОСЛЕДНИЙ РОМАН

Замысел

В августе 1946 года Джордж Оруэлл начал работать над новым романом. Он не считал это произведение своим «завещанием», но придавал ему принципиальное значение, ибо рассматривал его и как логическое продолжение «Скотного двора», и как новый этап в художественном анализе тоталитарной системы. К своему замыслу он относился осторожно. Даже в 1947 году он всё еще писал о нем в будущем времени: «Я достаточно ясно представляю себе, что за книгу я хочу написать»⁶⁶⁹.

Первоначально роман должен был быть значительно больше по объему. «Его плохое здоровье было причиной сокращенного варианта книги»⁶⁷⁰, — вспоминал Госко Файвел. При этом будущий роман мыслился как бы в двух переплетающихся, неотрывных друг от друга планах — как картина будущего, которое неизбежно настанет, если британцы не найдут в себе сил предотвратить катастрофу, и как описание собственного опыта, перенесенного в будущее. Иначе говоря, Оруэлл видел и элементы тоталитаризма, и противостояние ему. «Новый мир» был миром бездушия и лжи, господства и подчинения, всеобщей ненависти толпы, умело управляемой всевластной кликой. Всё это пока были абстракции, бродившие в его сознании, которым предстояло стать живыми образами будущего произведения. При этом, разумеется, у нового романа существовал еще один источник — тот же, что и у сказки-притчи «Скотный двор»: сталинский тоталитаризм.

Первые упоминания о задуманном романе мы находим в записных книжках Оруэлла 1943 года. Автор первоначально хотел назвать его «Последний человек в Европе»⁶⁷¹. Работа над «Скотным двором», подготовка обзоров и критических статей для разных изданий, а главное, война

на три года отодвинули начало непосредственной работы над романом. Лондонские месяцы конца 1946-го — начала 1947 года были в этом смысле тоже практически потеряны, хотя полсотни страниц уже было написано. Когда потеплело и стало чуть лучше со здоровьем, Эрик вместе с Ричардом и Эврил вновь отправился на Джуру, как он считал — на постоянное жительство.

Он был настолько увлечен работой над романом, что даже климат теперь казался ему благоприятным. Бывали недели без единого дождя, дышать стало легче, и всё более продолжительные прогулки с Ричардом, влюбленным в отца, доставляли истинное счастье. При этом писатель чувствовал себя значительно свободнее в работе, так как наконец-то, после настойчивых уговоров, освободился от обязательства предлагать очередной роман Голландцу⁶⁷². Новая книга должна была отправиться к издателю «Скотного двора» Варбургу. Осталось только написать ее.

Время от времени Эрик писал — обычно на машинке — Соне, которая произвела на него неизгладимое впечатление. 12 апреля 1947 года пятистраничное письмо было написано от руки. Эрик объяснил, что пишущая машинка находилась внизу, а он — на втором этаже⁶⁷³. Спуститься не было сил. С легкими лучше не становилось. Эрик стремился преодолеть болезнь прежде всего силой духа, пробовал даже путешествовать по окрестным островам.

Одно из таких путешествий чуть не закончилось трагически. В августе 1947 года в гости к Эрику приехали дети его покойной сестры Марджори. Генри и Джейн Дейкин были уже взрослыми (Генри окончил военное училище и был произведен в офицеры), Люси исполнилось 16 лет. На крохотном рыболовном суденышке, незадолго перед этим купленном Эриком, компания отправилась к заливу Гленгаррисдейл, омывавшему необитаемую часть Джуры. До залива путешественники доплыли благополучно, два дня получали удовольствие от прекрасной погоды, бродили по окрестностям, ловили рыбу, купались, хотя даже в самые жаркие дни температура воды не поднималась выше 16—18 градусов. Чтобы не перегружать лодку, Эврил и Джейн решили возвращаться домой пешком по узкой тропинке, вьющейся между холмами. Добрались они до Барнхилла за несколько часов. Остальные поплыли на лодке. Но посреди залива водоворотом сорвало мотор, и лодка перевернулась. С огромным трудом Эрик, державший в одной руке Ричарда, которому не исполнилось еще трех лет, и

остальные доплыли до торчащей из воды скалы. Всё имущество, включая верхнюю одежду и одеяла, утонуло. Эрик писал через несколько дней Бренде Солкелд: «Можно было ожидать, что мы останемся там до завтра, но, к счастью, через несколько часов нас подобрал проходивший мимо кораблик».

На берегу они смогли разжечь костер, просушить одежду и разогреть пищу, которой снабдили их ловцы лобстеров. Эрик, каким-то чудом оставшийся в обуви (все остальные были босые), торжественно объявил, что после завтрака оставшиеся до дома три мили они пройдут пешком. «Типичный Эрик», — заключала Люси. Когда они попали в водоворот и пытались выбраться из него, «дядя Эрик» вдруг заметил плывущего неподалеку тюленя и стал рассказывать о нравах этих животных. Дядя «был милым и добрым, но жил в другом мире»⁶⁷⁴.

Августовское приключение как будто не оказало влияния на состояние здоровья Блэра. Он твердо решил не уезжать с Джуры на зиму. Рядом был человек, который в случае необходимости мог оказать помощь. Отставной армейский офицер, шотландец Билл Данн, приходившийся дальним родственником покойной Эйлин, был человек простой, привыкший к физическому труду. Он поселился в Барнхилле с обязательством заниматься фермерским хозяйством. Данн действительно оказывал Эрику всяческую помощь, хотя и смотрел на него несколько свысока, несправедливо заявляя, что тот ничего не понимает в огородничестве, садоводстве, а главное — в животноводстве, которым бывший вояка особенно увлекался⁶⁷⁵.

Действительно, вскоре после появления Данна на ферме появился обширный скотный двор, на этот раз в буквальном смысле слова, по поводу чего Эрик нередко подшучивал, иногда с оттенком пренебрежения, в частности потому, что наряду с пятьюдесятью овцами и десятком голов крупного рогатого скота там была и жирная свинья, которую, впрочем, вскоре зарезали. «У меня их никогда раньше не было, и я не сожалею, что и не будет больше. Это крайне раздражающие разрушительные животные, и их трудно обуздать, потому что они слишком сильны и хитры»⁶⁷⁶, — писал Блэр Д. Астору, будто бы оправдываясь. Похоже, во время работы над «Скотным двором» у писателя возникла неприязнь к свиньям не только как к литературным персонажам.

Болезнь и творчество

Несмотря на временами возникавшие приступы слабости, Оруэлл продолжал интенсивно работать. Менее чем за год, к ноябрю 1947-го, первый вариант рукописи был готов. Вначале на титульном листе значилось давно задуманное название «Последний человек в Европе». Однако, внимательно прочитав то, что получилось, автор понял, что речь идет не только об отчаянной судьбе человека в тоталитарном обществе, но и об обществе в целом. Оруэлл решил дать книге более абстрактное название, обозначив время, когда могли бы происходить описываемые события. Так как он перечитывал и правил рукопись в конце 1947-го — начале 1948 года, он всего лишь поменял местами две цифры. Вместо «1948» возникло название «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». Именно так, не цифрами, а словами, Оруэлл написал название и настаивал на этом варианте, причем не мотивировал свое решение даже в письме литагенту Л. Муру⁶⁷⁷.

В конце ноября 1947 года у писателя обострилась болезнь: при приступах неудержимого, мучительного кашля стали появляться сгустки крови. Эврил и Билл на местном рейсовом катере перевезли Эрика в городок Иск-Килбридж, неподалеку от Глазго, где находилась клиника Хейрмайерс, специализировавшаяся на легочных болезнях. Если раньше у Блэра врачи диагностировали только склонность к туберкулезу или слабую, скрытую его форму, то теперь вердикт докторов звучал неутешительно: у пациента активная форма туберкулеза, имеющая тенденцию к прогрессированию.

В письме старому знакомому, писателю и журналисту, в прошлом основателю журнала «Адельфи» Джону Мерри Эрик через несколько месяцев дал свое не очень радостное заключение: это туберкулез, который «неизбежно покончит со мной рано или поздно»⁶⁷⁸. Правда, некоторые врачи сохраняли оптимизм, поскольку появилось новое лекарство. Стрептомицин был изобретен американским микробиологом и биохимиком Зелманом Ваксманом в 1943 году, а с 1946-го стал интенсивно применяться, оказывая на подавляющее большинство пациентов с тяжелыми формами заболевания буквально магическое воздействие (в 1952 году за его создание Ваксман был удостоен Нобелевской премии).

В Великобритании к лечению стрептомицином отно-

сились очень осторожно. Его закупали в США в незначительном количестве только для проведения опытов под контролем Медицинского исследовательского совета. Для широкого практического использования он был пока недоступен. Узнав о препарате почти случайно, Дэвид Астор немедленно обратился к своим родственникам, жившим по другую сторону океана, и те срочно передали через знакомых, летевших в Великобританию, посылку с лекарством. Стоимость его была очень высока, и даже при теперешнем благополучном финансовом положении Блэр был не в состоянии взять расходы на себя. Посылку оплатил Астор.

Как обычно, Эрик не хотел принимать помощь. В начале февраля 1948 года он писал Астору, что вернет ему деньги: «Я коплю доллары и... в любом случае должен расплатиться с тобой, поскольку сумма существенная, а больница, конечно же, за это платить не может»⁶⁷⁹. Дэвиду пришлось затратить немалые усилия, чтобы убедить друга не думать в критический момент о деньгах. 19 февраля 1948 года он писал лечащему врачу Эрика Брюсу Дикку: «Относительно ситуации с деньгами я в контакте с Блэром и пытаюсь убедить его, что был бы очень рад помочь ему в этом деле. Я не хотел бы, чтобы Вы упоминали ему о моем предложении, так как считаю, что единственный способ убедить его быть разумным — сохранить происходящее между мной и им в полной тайне. Всё это я рассказываю Вам только для того, чтобы Вы не колеблясь обращались ко мне, если отсюда понадобится получить что-то еще, что могло бы быть ему полезным»⁶⁸⁰.

После применения американского препарата состояние больного несколько улучшилось, но кожа покрылась красными пятнами, начали выпадать волосы. Симптомы напоминали тогда еще не известную в медицинской практике лучевую болезнь. С горькой иронией Эрик писал в апреле 1948 года своему приятелю, писателю и историку Джулиану Саймонсу: «Мне немного лучше, но у меня была тяжелая пара недель с побочными последствиями стрептомицина. Мне кажется, что со всеми этими лекарствами возникает ситуация, когда корабль топят, чтобы избавиться от крыс»⁶⁸¹. По мере улучшения доза стрептомицина была уменьшена, постепенно исчезла аллергия, Эрик немного окреп. Ему разрешили гулять, а в конце июля выписали из больницы.

Врачи и знакомые не советовали ему возвращаться на Джуру, но он не внял предостережениям и тотчас отпра-

вился на любимый остров, чтобы возобновить работу над романом. Достаточно трезво оценивая состояние своего здоровья, он в какой-то мере считался с медицинскими предписаниями и основное время проводил в постели, вставал не более чем на пять-шесть часов в день, не занимался физической работой. Такой режим должен был сохраняться не менее года⁶⁸².

Ежедневно Блэр некоторое время проводил за письменным столом, но в основном работал лежа или сидя в постели, что было очень тяжело. Первым вариантом книги он остался недоволен. Учитывая вероятность новых приступов болезни и даже внезапную смерть, он оставил относительно рукописи довольно суровое распоряжение: «Получилась ужасная мешанина, но сама идея настолько хороша, что я, вероятно, не смогу от нее отказаться. Я проинструктировал Ричарда Риза, исполнителя моего литературного завещания, если со мною что-то случится, уничтожить рукопись, никому ее не показывая»⁶⁸³.

Знакомство с вариантами книги, сохранившимися в архивном фонде Оруэлла, свидетельствует, насколько трудоемкая и кропотливая работа была проделана автором, самочувствие которого оставалось крайне нестабильным. Он правил от руки неудачные, по его мнению, выражения, выбрасывал большие куски, заменял их новыми, частью написанными и перепечатанными на машинке, частью сразу напечатанными и прикрепленными к тексту скрепками. В основном правка носила стилистический, а не структурный или тематический характер, но встречались и новые повороты сюжета, и более яркие образы. Писатель превращал свое произведение в великолепный пример современной английской прозы, новаторской, но не рождавшей «новояз», на котором говорили его герои.

В первой половине ноября 1948 года писатель решил, что роман завершен. Однако рукопись была в таком состоянии, что ее необходимо было полностью перепечатать. Посылать текст в Лондон было бессмысленно — ни один человек без помощи самого автора не смог бы разобраться в тех исправлениях, вставках, дополнениях к вставкам, зачеркиваниях и восстановлении текста, а также переносах слов и целых фрагментов, которые встречались чуть ли не на каждой странице. К тому же почерк у него был отвратительный. Сначала Блэр наивно рассчитывал найти машинистку на острове или организовать ее приезд, но после безуспешных поисков помощницы сам засел за нелегкий

труд перебеливания текста. 15 ноября он сообщал писателю Энтони Пауэллу: «Я занят ужасной работой — печатанием моей книги»⁶⁸⁴. Тем не менее дневное задание, которое он себе давал, — печатать четыре тысячи слов (15—20 страниц) — выполнялось, обычно с небольшим превышением, хотя усталость возникала быстро. Напечатав несколько страниц, Эрик вынужден был подниматься из-за стола и перебираться с машинкой на диван — работая полулежа, он меньше уставал. «Всё идет хорошо, кроме меня», — писал он Т. Файвелу в середине декабря 1948 года⁶⁸⁵.

К концу года возобновились приступы кашля, иногда с кровью; временами повышалась температура. Требовалось новое пребывание в стационаре. Было ясно, что на этот раз оно будет неопределенно долгим. Необходимо было найти хороший туберкулезный санаторий, который, как надеялись близкие, продлит дни больного и даст ему возможность возобновить активный образ жизни и творческую работу. Такой санаторий нашла Гвен О'Шонесси в Юго-Западной Англии в местечке Крэнхем, в графстве Глостершир, недалеко от города Страуд. Эрик отправился туда вскоре после Нового года.

Эрик был настолько слаб, что ехать в одиночку не мог. По просьбе Эврил, оставшейся с маленьким Ричардом, его сопровождал Ричард Риз — он время от времени посещал Джуру и приехал на этот раз, чтобы вместе с Блэрами встретить Новый год. Риз вспоминал, что физически его друг был совсем истощен, однако его творческая активность оставалась исключительно высокой. Он понимал, что происходит, но отгонял от себя дурные мысли и делился планами создания новых художественных произведений и критических очерков: о крупнейшем предшественнике модернизма в мировой литературе Джозефе Конраде, о Джордже Гиссинге, чьи яркие натуралистические романы о городской бедноте, бродягах и проститутках были ему близки не только тематикой, но и манерой повествования⁶⁸⁶.

Блэр поступил в санаторий 6 января. На следующий день было начато интенсивное лечение. Испробованный на этот раз бактериостатический препарат ПАСК только ухудшил состояние. Тогда было возобновлено лечение стрептомицином, но и он не подействовал. Врачи прилагали усилия, чтобы хотя бы привести больного в состояние, когда не будет угрозы жизни. Отчасти этого удалось добиться путем применения старых средств лечения туберкулеза, известных до появления стрептомицина и ПАСК.

Несмотря на послевоенные трудности, условия жизни в санатории были сравнительно комфортными. Блэра поселили в небольшом домике, рассчитанном на пребывание одного пациента, на французский манер называемом шале. В нем была холодная и горячая вода, возле кровати стоял небольшой стол, за которым Эрик питался — еду ему приносили. Через стеклянную дверь можно было выйти в санаторный парк. Тишину нарушало только пение птиц. Пациенты, желавшие слушать радио, должны были пользоваться наушниками⁶⁸⁷.

Потребовалось полгода, чтобы Эрик смог подниматься с постели и начал совершать короткие прогулки по парку. Он мечтал возвратиться к работе, но это было строго запрещено. В письме Джеку Коммону в июле 1949 года он писал: «Я ни черта не должен делать, в том числе долгое время не должен пытаться работать, возможно, год или два, хотя я надеюсь, всё будет не так ужасно. Жутко скучно, но я подчиняюсь распоряжениям, ибо хочу прожить еще по крайней мере 10 лет. Мне нужно много чего успеть сделать, не говоря уже о Ричарде, о котором необходимо заботиться»⁶⁸⁸.

Кто такой Ганди?

В конце 1948 года, несмотря на плохое самочувствие и занятость перепечатаванием текста романа начисто, Оруэлл написал статью «Размышления о Ганди» — свою последнюю крупную публицистическую работу. Опубликована она была в январе 1949-го в «Партизан ревю»⁶⁸⁹ в связи с начавшими выходить тогда же в английских журналах воспоминаниями индийского политического и общественно-го деятеля, противостоявшего колониализму. Полностью мемуары Ганди вышли в 1949 году⁶⁹⁰, но познакомиться с этим изданием Оруэлл уже не успел.

В очерке писатель отдавал должное самоотверженности Ганди, но в то же время указывал на определенную бесчеловечность его установок: «Суть человечности не в том, чтобы искать совершенства, а в том, что человек иногда желает совершить грех ради верности, что он не доводит аскетизм до такой степени, когда невозможны дружеские отношения, что он, в конце концов, готов потерпеть жизненный крах, который есть неизбежная плата за то, что ты сосредоточил свою любовь на других людях. Без сомнения, алкоголь, табак и тому подобное — вещи, которых должен

избегать святой, но и святость — то, чего должен избегать человек».

Особые сомнения вызывала у автора проповедуемая Ганди тактика ненасильственного сопротивления. Возможно ли «открыть миру глаза», как рассчитывал Ганди? Для этого надо совсем немного: мир должен иметь возможность увидеть и услышать. Здесь Оруэлл вновь обращался к страшному опыту тоталитаризма: «...трудно представить себе, каким образом методы Ганди можно использовать в стране, где противники режима исчезают среди ночи и уходят в небытие. Без свободы прессы и свободы собраний не только нельзя обратиться к мировому мнению — нельзя вызвать к жизни массовое движение и даже объяснить свои намерения противнику».

Точно так же Оруэлл ставил под сомнение пацифизм Ганди: «В применении к внешней политике пацифизм либо перестает быть миролюбивым, либо превращается в умиротворение».

Но хотел ли писатель низвергнуть с пьедестала незаурядную личность, деятельность и философию которой он рассмотрел в явно критическом духе? Ни в коем случае. Отсюда и финал статьи, свидетельствующий о признании им места Ганди в истории и в то же время об осторожности и взвешенности оруэлловских оценок: «Если, что вполне возможно, между Индией и Британией наконец установятся вполне приличные и дружественные отношения, не будет ли это отчасти следствием того, что Ганди, борясь упрямо и без ненависти, дезинфицировал политическую атмосферу? Одно то, что в голову приходят такие вопросы, говорит о калибре этого человека. Можно ощущать, как я ощущаю, некую эстетическую неприязнь к Ганди, можно не соглашаться с теми, кто пытается записать его в святые (сам он, между прочим, никогда на это не претендовал), можно отвергать и сам идеал святости и потому считать исходные пункты его учения антигуманными и реакционными; но если рассматривать его просто как политика и сравнивать с другими ведущими политическими фигурами нашего времени, какой чистый запах оставил он после себя!»

Джеймс Бёрнхем

Еще до отъезда в туберкулезный санаторий, весной 1947 года, в статье, опубликованной в журнале «Нью лидер», Оруэлл выступил против тех, кого считал вольны-

ми или невольными агентами советского влияния на Западе: «Очень важно касательно этих людей — и это крайне трудно, так как существуют только косвенные доказательства, — обнаружить их и определить, кто из них искренен, а кто нет. Они безусловно делают много вредных вещей, особенно вводя в заблуждение общественное мнение в отношении природы марионеточных режимов в Восточной Европе; не надо, однако, торопиться в утверждении, что все они придерживаются одного и того же мнения. Вероятно, некоторые из них действуют только под влиянием собственной глупости»⁶⁹¹.

Статья была посвящена взглядам известного американского обществоведа, профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке Джеймса Бёрнхема. Оруэлл решительно противопоставлял взгляды Бёрнхема сознательным или несознательным защитникам советского строя.

Бёрнхем в прошлом был страстным революционером, несмотря на профессорскую должность членствовал в организациях сторонников Троцкого, и только перед самой смертью последнего вступил с ним в полемику, доказывая, что СССР больше не является рабочим государством, после чего объявил о разрыве с Социалистической рабочей партией США и отказе от марксистских взглядов. В 1941 году Бёрнхем опубликовал содержательное исследование «Управленческая революция»⁶⁹², где анализировал новые формы социально-экономической и политической организации общества, проводил параллель между гитлеровской Германией и сталинским СССР, указывал на некоторое сходство с этими формациями рузвельтовского «нового курса» в Соединенных Штатах. Он писал, что в течение краткого периода после Первой мировой войны возникло принципиально новое общество, в котором доминирующую роль стали играть менеджеры, управленцы, превратившиеся в господствующую социальную прослойку — бюрократию. Новый слой наемных работников-управленцев, по мнению Бёрнхема, играет решающую роль в развитии современного западного общества, которое он определял как «бюрократический коллективизм».

Оруэлл внимательно следил за аргументацией Бёрнхема. Ранее он уже посвятил этому неординарному исследователю две публикации⁶⁹³. Он соглашался с профессором, что современное общество имеет тенденцию развиваться в направлении олигархического правления, но не в сторону большей демократии, как пытаются себя успокоить граж-

дане. Решения как в бизнесе, так и в политике принимаются всё меньшим числом людей. Однако, в отличие от Бёрнхема, он на этот раз был более оптимистичен — не считал «управленческую революцию» необратимой, полагая, что она не исключает возврата к демократической общественной эволюции даже в условиях сохранения рынка и частной собственности.

В романе Оруэлла произведение Бёрнхема фигурирует просто как «книга». Нарботки Бёрнхема пригодились и во фрагменте об «олигархическом коллективизме». Кроме того, его мысли можно обнаружить в выступлениях оруэлловского персонажа Эммануэля Голдстейна, в котором нетрудно разглядеть некоторые черты Троцкого.

Сторонник и биограф Троцкого Исаак Дойчер относил Оруэлла к пропагандистам холодной войны и амбициозным «советологам», обладателям «злобного воображения», которые просто выдергивали у Бёрнхема нужные им фразы⁶⁹⁴. «Роман стал для холодной войны чем-то вроде идеологического сверхоружия, — утверждал Дойчер. — Ни в одной другой книге, ни в одном документе судорожный страх коммунизма, захлестнувший Запад после окончания Второй мировой войны, не отразился так ярко и не сфокусировался так остро, как в “1984”». Чтобы еще больше унижить Оруэлла, к которому он относился с неприкрытой ненавистью, Дойчер пытался низвергнуть его и с писательского пьедестала, заявляя, что у него полностью отсутствует оригинальность, свойственная видным сатирикам.

Такой произвольный, совершенно несправедливый взгляд был типичен именно для тех, против кого был направлен весь пафос новой книги Оруэлла.

Основные идеи романа

Вопрос о публикации нового произведения известного писателя Оруэлла теперь решался легко и быстро. Рукопись была отправлена издателю «Скотного двора» Варбургу перед самым отъездом автора в санаторий. 21 января 1949 года Варбург приехал к нему в санаторий, чтобы сообщить о глубоком впечатлении, произведенном на него романом. Скорейшая публикация книги была обеспечена. Верстку предполагалось подготовить в марте, а напечатать тираж в июне. Еще раз обсудили название. Заголовок «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» был одобрен. Купить права на

издание во всём мире было предложено известной фирме «Харкоурт Брейс», причем Оруэлл не возражал, чтобы в Великобритании и США книга выходила под разными заголовками: «...ведь так поступают часто — и я хотел бы, чтобы Харкоурт Брейс следовал собственным пожеланиям в отношении названия»⁶⁹⁵.

Американская фирма лучшего названия не предложила, но захотела сделать два сокращения: во-первых, убрать приложение — словарь «новояза» (так именовался новый язык, сформировавшийся в тоталитарном «ангсоце» — обществе, значительно больше напоминавшем сталинский СССР, чем Великобританию, да еще и с утопически-карикатурными преувеличениями); во-вторых, изъять большой кусок, посвященный «теории и практике олигархического коллективизма», якобы разработанной Эммануэлем Голдстейном. Книгу предполагалось издать в серии «Клуб лучших книг месяца».

Оруэлл решительно отказался от сокращений, поскольку считал оба фрагмента органическими частями произведения. При этом он рисковал потерять большие деньги: крупный гонорар за публикацию книги в названной серии, означавшей признание романа бестселлером; авансы за издания на иностранных языках и переиздания на английском. Но автор был убежден, что роман и без сокращений станет сенсацией. Он с негодованием писал литагенту Муру в середине марта 1949 года: «Книга построена как единое сбалансированное целое, и нельзя убирать крупные куски там и сям, не переделывая при этом остальное. Я не могу позволить испоганить мою работу»⁶⁹⁶.

Ни «поганить» роман, ни отзывать рукопись не пришлось. Американцы издали ее без сокращений. Почти одновременно, в июне 1949 года, книга вышла в Великобритании и в США. Восторженные отзывы посыпались немедленно, причем от авторов и изданий, часто принадлежавших к противоположным политическим группировкам. В конце июля американское периодическое издание «Нью-Йорк таймс бук ревю», специализирующееся на книжных новинках, сообщило, что за месяц с небольшим в газетах и журналах США появилось не менее шестидесяти рецензий, из которых 90 процентов были «просто восторженными, с возгласами ужаса, прорывающимися сквозь аплодисменты»⁶⁹⁷. Такая оценка значила много. Оруэлл при жизни стал классиком англоязычной литературы.

Критики и историки литературы исписали тысячи листов, стремясь в жизни автора найти истоки произведения в целом и отдельных его образов и эпизодов. Они были в определенной степени правы. Тщательный анализ романа позволяет увидеть отголоски и школьных унижений Эрика Блэра, и его службы в бирманской полиции, скитаний по трущобам Парижа и Лондона, и встреч в Уигане с теми самыми «пролами», которые в романе составляют низшую касту населения. Есть немало реминисценций, навеянных гражданской войной в Испании и внутренней борьбой в республиканском лагере — разгромом неугодных коммунистам и их союзникам поумовских и анархистских отрядов, судом над руководителями ПОУМ. Нашел отражение и опыт работы на Би-би-си, в частности общение с тупыми военными цензорами.

Однако очень многое было извлечено из прессы, из социополитической и художественной литературы, с которой Оруэлл знакомился при написании критических очерков. В этом смысле особенно полезны были книги Боркенау, Бёрнхема, Хайека и других авторов историко-политических исследований, показывавших как принципиальное сходство, так и различия тоталитарных систем, прежде всего наиболее развитых, хотя и не доросших до «идеала». В реальном мире такого «идеала» просто не существовало, а в вымышленном в него трудно было поверить, что сознавал Оруэлл, представляя «сверхразвитую» тоталитарную систему неоднородной структурой, пытающейся подавить остаточные элементы разномыслия и разнодействия, но не преуспевающую в этом.

Среди литературно-художественных источников романа были и книга Хаксли «О дивный новый мир», и роман Замятина «Мы». Но именно практический опыт развитых тоталитарных систем — гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза — явился той стартовой площадкой, на которой Оруэлл собирал свою «сверхразвитую» модель. Конечно же, образ «Большого Брата», на которого было обязано молиться население, не был портретом Сталина или Гитлера, но был сложившимся в сознании Оруэлла представлением о Сталине и Гитлере. «Большой Брат» — это одновременно и конкретный диктатор, и абстрактный образ. Не случайно ему приданы некоторые внешние черты диктаторов (черные усы, катехизисная форма выступлений с риторическими вопросами и следующими тут же ответами). Вот выступление «Большого Брата», разъясня-

ющего величие «ангсоца»*: «Какие уроки мы извлекаем отсюда, товарищи? Уроки — а они являются также основополагающими принципами ангсоца — состоят в том...» Те, кто был знаком с выступлениями Сталина, легко узнавали его стиль. Но образ диктатора у Оруэлла значительно шире, чем известные читателю типажи. Это образ, в котором партия предстает перед страной. Предназначение «Большого Брата» — служить объектом любви и почитания, а это требует не абстракций, а конкретного, индивидуального воплощения.

Соответственно и враг № 1** «Большого Брата» и всего подведомственного ему социума Эммануэль Голдстейн — это не портрет Троцкого, хотя ему и приданы некоторые своеобразные черты последнего, например еврейское происхождение. Интересно отметить, что Оруэлл понимал необходимость для оправдания сталинского террора наличия «живого врага». И когда в августе 1940 года Троцкий был убит по приказу Сталина, Оруэлл записал в дневнике: «Как же в России будут теперь без Троцкого?.. Наверное, им придется придумать ему замену»⁶⁹⁸.

Описанные в романе «Двухминутки ненависти» (время от времени дополнявшиеся «неделями ненависти»), на которых присутствовавшие проклинали Голдстейна, напоминали открытые партийные собрания с участием не только коммунистов, но и беспартийных, проводившиеся в СССР, особенно во время «Большого террора». Открыв подшивки центральных советских газет тех лет, обязательно встретишь статьи известных писателей, поэтов и журналистов. Коллега Оруэлла, также участвовавший в гражданской войне в Испании, Михаил Кольцов написал статью «Свора кровавых собак». Поэт Алексей Сурков взывал стихами:

Суд идет! Гнев в сердцах миллионов созрел!
Нет пощады изменникам! Смерть им! Расстрел!

Оруэлл, разумеется, не был знаком с документацией советских органов госбезопасности, свидетельствующими, что в стране была создана разветвленная система сыска,

* Поскольку Англии как таковой в романе уже не существовало, Оруэлл придумал слово, которое звучит как «английский социализм», а пишется иначе — не «Engsoc», а «Ingsoc».

** Именно так называется последняя книга нашей четырехтомной биографии Троцкого: (см.: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Лев Троцкий: Враг № 1. М., 2013).

доносительства, использования в квартирах и учреждениях подслушивающих устройств. Вряд ли ему был известен и термин «инженеры человеческих душ», которым Сталин назвал писателей, призванных сыграть немалую роль в перекровке советских граждан в послушное испуганное стадо. Однако и «минуты ненависти», и машинное производство романов, прославляющих «Большого Брата» и проклинающих врага № 1, были описанием советской действительности.

В романе Оруэлл воспроизвел и некоторые собственные интимные переживания, например чувство к Соне Браунелл, первоначально не встречавшее отклика. Соня, как было сказано выше, стала прообразом Джулии, возлюбленной главного героя Уинстона. При этом их интимная близость, описанная для того времени довольно откровенно, предстает не просто актом любви, а формой протеста против партийного диктата, способом освобождения от нелепых ограничений, заявкой на продолжение или возобновление нормальной человеческой жизни вопреки попыткам «Большого Брата» устранить сами ее основы.

В литературной критике, истории литературы, социологии, публицистике жанр романа определяли как утопию, антиутопию, предсказание, предостережение, произведение о любви в экстремальных условиях и т. д. Все эти определения верны, но каждое характеризовало какую-то одну сторону романа. На самом деле это пример совершенно прозрачного по сюжету, стилю мышления, образности, художественным формам реалистического романа об общественной перспективе, хотя его действие и происходит в несуществовавших, но вполне возможных в перспективе обстоятельствах. Роман — действительно гротеск, но только если смотреть на него глазами современника. С позиций же хронологической, социальной, политической он — произведение о том, что вполне может случиться, более того, что неизбежно произойдет с миром, если коллективные действия людей и народов не обеспечат активного и решительного противодействия наступлению этого будущего.

Создав произведение о тоталитаризме, автор придерживается мнения, что постановка вопроса о причинах и целях установления тиранической власти беспредметна. Власть необходима ее держателям сама по себе, она самодостаточна. Вполне четко это объясняет один из главных персонажей романа О'Брайен, который прикидывается одним из тайных оппозиционеров, но оказывается жестоким пала-

чом, безжалостным душителем любой попытки инакомыслия: «Германские нацисты и русские коммунисты были уже очень близки к нам по методам, но у них не хватило мужества разобраться в собственных мотивах... Власть никогда не захватывают для того, чтобы от нее отказаться. Власть — не средство, она — цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий — репрессии. Цель пытки — пытка. Цель власти — власть».

При этом важнейшим индикатором того, что власть действительно осуществляется, является ее способность приносить муки подчиненным: «Мир страха, предательства и мучений; мир топчущих и растоптанных; мир, который, совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным. Прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий». Символ власти — сапог (характерно, что Сталин, Гитлер, Муссолини носили сапоги), не просто наступающий на человеческое лицо, а всё глубже вдавливающий живую ткань.

Одна из важнейших тем книги — война. Произведение задумывалось и создавалось в годы гражданской войны в Испании и Второй мировой войны, в период холодной войны и ядерного противостояния США и Советского Союза.

На первый взгляд в романе представлена приводящая ужас иррациональная неизбежность войн, покорно принимаемая людьми, готовыми жертвовать жизнью во имя сохранения и господства своей тоталитарной системы. Люди у Оруэлла жалки, уродливы, но вместе с тем трогательны в своей беспомощности. Однако оказывается, что войны — не более чем пропагандистский прием для одурачивания толпы, настоящие войны с применением атомного оружия остались в прошлом. Во время, описываемое Оруэллом, в мире существуют только три сверхдержавы. Одна из них, Океания, где происходит действие романа (в нее входят территории бывших Великобритании, США и других не существующих теперь стран), постоянно в союзе с другой — то с Евразией, то с Остзией — якобы воюет с третьей. С кем воевала Океания и с кем была в союзе вчера, никто не знает, потому что история постоянно переписывается; то, что происходит сегодня, факт абсолютный, нерушимый и вечный, причем опрокинутый в прошлое: существует только то прошлое, каким его желают видеть нынешние правители.

То и дело публикуются победные сводки, то и дело в

Лондоне рвутся ракеты, убивая мирных обывателей, о чем забывают буквально через минуты. Но всё это — войны фиктивные, которые совершенно необходимы, чтобы непрерывно соблюдалось военное положение, чтобы население пребывало в страхе и покорности. Страшнее внешних врагов враг внутренний, олицетворяемый Голдстейном и его тайным Братством, которое оказывается таким же фантомом, как и внешние противники. Зато периодические публичные казни «изменников», «шпионов» или пленных (каких пленных, если войны на самом деле нет?) — достойное зрелище для толпы, которая благодаря ему оказывается еще более свирепой и бесчувственной, единой в полном отсутствии нормальных человеческих эмоций, вдохновляемой лишь жестокостью. Один из персонажей рассказывает: «Красивая получилась казнь... Когда им связывают ноги, по-моему, это портит картину. Люблю, когда они брыкаются. Но лучше всего конец, когда вываливается синий язык, я бы сказал, ярко-синий. Эта деталь мне особенно мила».

Отдельными штрихами Оруэлл показывает, что тоталитарная система обречена на экономическое прозябание, что жестко регулируемое плановое государственное хозяйство, не дающее выхода частной инициативе и свободному рынку, неизбежно влечет за собой возрастающие трудности для всего населения, кроме членов Внутренней Партии — крохотного правящего слоя. Вот описание дома «Победа», в котором живут чиновники средней руки: «От стен и потолка постоянно отваливалась штукатурка, трубы лопались при каждом крепком морозе. Крыша текла, стоило только выпасть снегу, отопительная система работала на половинном давлении». Люди едят отвратительную эрзац-пищу, одежду выдают по талонам (Уинстону на год полагается три тысячи талонов, а за пижаму надо отдать шестьсот). При этом пропаганда непрерывно твердит об экономическом процветании, а статистика — всего лишь одно из пропагандистских средств: «Весьма вероятно, что обуви вообще не произвели. Еще вероятнее, что никто не знает, сколько ее произвели, и, главное, не желает знать. Известно только одно: каждый квартал на бумаге производят астрономическое количество обуви, между тем как половина населения Океании ходит босиком... Лезвий не стало несколько месяцев назад. В партийных магазинах вечно исчезал то один обиходный товар, то другой. То пуговицы сгинут, то штюпка, то шнурки; а теперь вот — лезвия. Достать их можно было тайком — и то если повезет — в “свободном” рынке».

Как видим, и в почти «совершенном» тоталитарном обществе не всё тоталитарно: люди просто вымрут, если не будет существовать «свободный рынок» с набором самых необходимых товаров, формально строжайше запрещенный, но функционирующий с негласного ведома высшего руководства.

Все эти «мелочи» просто не заслуживают внимания одурченных людей. В замутненном сознании населения Океания идет от успеха к успеху. Однако некоторые неудачи всё же необходимо признавать. И как раз на этот случай «Большому Брату» крайне необходим Голдстейн, которого можно сделать их виновником. Собственно говоря, утверждает пропаганда, никаких неудач нет только благодаря бдительности и всеобщему энтузиазму, предотвращению злокозненных планов Голдстейна. В таком подходе одновременно представлены картина советской сталинской действительности и общий социологический посыл тоталитаризма.

Одна из важнейших социальных проблем, поставленных романом, — проблема толпы, в частности при тоталитарной системе. Оруэлл отчетливо понимал, что сам термин «толпа» — не просто ходкое слово с ругательным или по крайней мере негативным оттенком, а конкретно-социологическая категория, требовавшая объяснения. В отличие от ряда авторов, которые полагали, что толпой легко манипулировать силам, стоящим у власти, он подходил к этому понятию более осторожно. Он улавливал социальную динамику, непредсказуемость поведения массы людей, опасности, заключенные в ней для различных сил, в том числе и для правящей верхушки. Он уловил, что огромным человеческим массам свойственны законы сцепления, в силу которых «патриотические», даже истерические порывы этих масс могут вдруг, под влиянием поворота настроения, вызванного ловким демагогом, бросившим энергичный лозунг, быть повернуты в прямо противоположном направлении. Он понимал, что толпа и личность находятся в сложном взаимодействии, что в определенных ситуациях личность может оказаться в плену толпы, которая при любом раскладе остается разрушительной силой.

Отсюда необходимость для диктатора держать толпу под неукоснительным контролем, ни на мгновение не ослаблять ее идеологическую обработку. Отсюда повсеместные плакаты с огромным портретом и надписью «Большой Брат смотрит на тебя», «двухминутки ненависти» и «недели ненависти», служащие этому убийственному, умертвляюще-

му сцеплению «винтиков» и «гаечек» в единый механизм: «Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне. Какие-нибудь тридцать секунд, и притворяться тебе уже не надо. Словно от электрического разряда напали на всё собрание гнусные корчи страха и мстительности. Исступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом: люди гримасничали и вопили, превращаясь в сумасшедших. При этом ярость была абстрактной и не нацеленной, ее можно было повернуть в любую сторону, как пламя паяльной лампы». Даже герой книги, внутренне ненавидящий систему, поддается этому общему отвратительному чувству, становится частью толпы, «кричит вместе с остальными и яростно лягает перекладину стула». Элементом толпы может стать любой человек, живущий в тоталитарном обществе, кроме самих диктаторов, — таков один из важнейших выводов писателя.

Толпа у Оруэлла подразделена на два слоя. Верхний — это члены «внешней партии», рядовые представители государственной машины — министерств, ведомств, прессы и т. п., пользующиеся элементарными бытовыми преимуществами по сравнению с низшим слоем. Низший слой — «пролы» — это придавленная масса, не умеющая мыслить абстрактно, не знающая ничего, кроме того, что ей соблаговолит сообщить власти, озабоченная только тем, как прожить сегодняшний день, не быть особенно голодной и получить самые примитивные удовольствия. Нет предела внушаемости толпы, а в толпу можно превратить сообщество, нацию, весь мир. На вопрос, можно ли погасить звезды, Оруэлл отвечает: можно, если договориться, что их нет; еще вернее — если заставить себя поверить в это; совсем надежно — если люди считают, что звезд нет и не было.

И всё же, если существует некая тень надежды на ликвидацию системы Океании, то она связана именно с «пролами», составляющими 85 процентов населения. Тайно ненавидящий режим Уинстон размышляет: «А пролам, если б только они могли осознать свою силу, заговоры ни к чему. Им достаточно встать и встряхнуться — как лошадь стряхивает мух. Стоит им захотеть — и завтра утром они разнесут партию в щепки».

Но «пролы» озабочены совершенно иным. Оруэлл отчетливо видит невежество, низменность интересов, попросту тупость пролов, описывает отвратительную сцену драки из-за кастрюли, которые «давали» по талонам и за которы-

ми стояла огромная очередь: «Две толстухи... вцепились в кастрюльку и тянули в разные стороны. Обе дернули, ручка оторвалась». Вот на что на самом деле расходовалась энергия «пролов», и только неисправимый утопист мог подумать, что эта энергия может быть направлена в какое-то организованное русло.

Все нормы и представления в Океании противоречат обычной человеческой логике. Отсюда не просто идеологические, а основополагающие во всех отношениях лозунги, определяющие как государственный строй и социальные отношения, так и быт и частную жизнь в Океании: «Война — это мир. Свобода — это рабство. Незнание — сила».

Самое страшное преступление — это не какое-либо деяние или даже намерение совершить недозволенное. Это — попытка начать думать «не так», то есть, по сути, просто начать думать. За каждым человеческим существом наблюдает полиция мысли, располагающая совершенными техническими средствами, важнейшим из которых является «телеэкран», одновременно передающий стандартизированные, идеологически целесообразные сведения, наблюдающий за всеми подданными, за их поведением и даже эмоциями и дающий указания, как себя вести в данный момент, например, как правильно делать утреннюю зарядку, не уклоняясь от выполнения трудных упражнений.

«Мыслепреступление нельзя скрывать вечно. Изворачиваться какое-то время ты можешь, и даже не один год, но рано или поздно до тебя доберутся». Результат неизбежен. Раньше или позже виновный в «мыслепреступлении» будет уничтожен, или, как было принято говорить в Океании, «распылен». Затем последует его исключение из всех документов. Специальные чиновники Министерства правды только тем и занимаются, что «выискивают в прессе и убирают фамилии распыленных, а следовательно, никогда не существовавших людей».

Для любого тоталитарного социума характерна откровенная и циничная переделка истории, что было наглядно продемонстрировано и в СССР, и в нацистской Германии. На это еще в 1932 году обратил внимание Троцкий: «Каждый новый слой, поднявшийся к власти, имеет склонность приукрасить свое прошлое. Так как сталинская бюрократия не может, подобно другим правящим классам, искать подкрепления на высотах религии, то она создает свою историческую мифологию: прошлое всех тех, которые противостояли ей, она мажет в черный цвет; наоборот, собственное

прошлое она окрашивает самыми яркими цветами спектра. Биографии руководящих деятелей революции переделываются из года в год, в зависимости от изменения состава правящего слоя и роста его претензий»⁶⁹⁹.

Постоянная переделка прошлого в угоду правящему слою и прежде всего «Большому Брату» предстает в романе одной из важнейших тем. Переделка состоит в полном искоренении основополагающих фактов, замене их не существовавшими (а может быть, и прежние факты тоже никогда не существовали?), так что вся история оказывается фикцией.. В числе главных партийных лозунгов значится: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим, кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». В результате возникает «непрерывная цепь побед над собственной памятью» или, используя терминологию «новояза», «двоемыслие». Детально описывается техника исправления истории, что является одной из функций Министерства правды.

Одной из важнейших тем романа являются способы обработки сознания населения. В распоряжении Оруэлла было много источников, демонстрировавших, как это делается на начальном этапе формирования тоталитарной системы и поддерживается при развитии тоталитаризме. В наибольшей степени в реальной жизни в этом преуспел СССР (нацистская Германия просуществовала намного меньше). В Советском Союзе реальные процессы становления и укрепления тоталитаризма камуфлировались различными пропагандистскими ухищрениями и демагогическими формулами вроде «диктатуры пролетариата», «советской власти», «общественной собственности», «социалистического соревнования», «построения коммунизма». Американский историк Леонард Шапиро пишет: «...подлинная цель пропаганды состояла не в том, чтобы убедить или хотя бы уговорить людей, а в том, чтобы снабдить их однородной системой официальных формул, в рамках которых малейший признак неортодоксальной мысли сразу же обнаруживается как режущий ухо диссонанс»⁷⁰⁰.

Любое тоталитарное общество пытается охватить своим влиянием личную, интимную жизнь подданных. Большинство населения оруэлловской Океании соблюдает партийные установки касательно секса. И лишь отдельные особи (которых в конце концов ждет почти неизбежное «распыление») ухитряются хотя бы на время (по крайней мере они на это надеются) ускользнуть от зорких глаз полиции мыслей. Вся половая жизнь определяется здесь двумя терми-

нами: «злосекс» и «добросекс». Первое понятие покрывает блуд, прелюбодеяния, извращения и «нормальное совокупление, рассматриваемое как самоцель». «Злосекс» карается смертью, и поэтому он почти искоренен. «Добросекс» — это «сожителство мужчины и женщины с целью зачатия и без физического удовольствия». Так что и в области интимных отношений тоталитарная Океания оказывается намного ближе к «идеалу», чем гитлеровская Германия или сталинский Советский Союз.

Именно в таком обществе появляется новое поколение «тигрят, которые скоро вырастут в людоедов», — детей, следящих за собственными родителями, доносящих на них полиции мыслей, радующихся, когда отца или мать предадут «распылению». Не проходило недели, чтобы «маленький герой» не подслушал «нехорошую мысль» родителей, выраженную в случайно вырвавшихся, хотя бы чуть-чуть критических, словах, и не донес властям.

В любом обществе людей объединяет язык. Не случайно языку общения в Океании писатель уделяет исключительное внимание. Основная задача «новояза» с его неуклонно сокращающимся лексиконом — сделать «мыслепреступление» невозможным, ибо для него просто не останется слов.

В качестве приложения Оруэлл включил в книгу нечто вроде научного трактата о «новоязе», который стал сгустком присущего всему роману замаскированного, но отлично понимаемого типично британского сарказма, особенно ошутимого именно здесь в силу пародии на «научность». Помимо введения, приложение состоит из «разъяснения» трех словарей: А (повседневная жизнь), В (политические нужды) и С (научные и технические термины): «Некоторые слова В обладали такими оттенками значений, которых почти не улавливал человек, не овладевший языком в целом. Возьмем, например, типичное предложение из передовой статьи в “Таймс”: “Старомыслы нунутрят ангсоц”. Кратчайшим образом на староязе это можно изложить так: “Те, чьи идеи сложились до революции, не воспринимают всей душой принципов английского социализма”. Но это не адекватный перевод. Во-первых, чтобы как следует понять смысл приведенной фразы, надо иметь четкое представление о том, что означает слово “ангсоц”. Кроме того, только человек, воспитанный в ангсоце, почувствует всю силу слова “нунутрить”, подразумевающего слепое восторженное приятие, которое в наши дни трудно вообразить, или слова “старомысл”, неразрывно связанного с поняти-

ями порока и вырождения». Когда «старояз» окончательно отомрет, с серьезным видом провозглашалось в приложении, «порвется последняя связь с прошлым».

В книге показан тоталитаризм, в котором господствуют самые примитивные, глупые, а потому в наибольшей степени доходчивые формы пропаганды, легко воспринимаемые толпой. Но по представлениям «Большого Брата», ему еще предстоит дозреть, и он всегда будет стремиться к совершенствованию, как к линии горизонта, удаляющейся по мере того, как к ней приближаются. Главное, чтобы дважды два никогда не было равно четырем, а будет ли результат равен пяти или какому-то другому числу — забота власть имущих. Партия, возглавляемая «Большим Братом», права всегда и во всём, иначе потеряет власть. Так было и в СССР, и в Германии, так было и будет во всех тоталитарных сообществах, против возникновения которых настойчиво предостерегал Оруэлл, искренне веривший, что пессимистическая концовка его романа обернется оптимистическим заключением: если человечество задумается над своей судьбой, этот финал можно предотвратить.

Историческая перспектива

После публикации романа Оруэлла в многочисленных рецензиях стали называть писателем, предсказывающим близкое будущее, а потому он счел необходимым продиктовать издателю Варбургу разъяснение, которое по его настоянию тот опубликовал от своего имени: «Некоторые из рецензентов “Тысяча девятьсот восемьдесят четыре” полагают, что автор придерживается той точки зрения, что описанное или нечто подобное непременно произойдет на Западе в ближайшие сорок лет. Это неверно. Я думаю, имея в виду, что книга в конечном счете всего лишь пародия, что-то подобное “Тысяча девятьсот восемьдесят четыре” *может* случиться. Мир движется в настоящий момент в этом направлении; корни этой тенденции глубоко похоронены в политических, социальных и экономических основах современного мирового положения»⁷⁰¹.

Роман писался в то время, когда социологи уже приступили к научному исследованию проблемы тоталитаризма. Так, появилась книга Фридриха Хайека «Дорога к рабству», впервые рассматривавшая понятие «тоталитаризм» как научную категорию. Оруэлл разделял основные выводы этой

книги: опасность отрицания абсолютной ценности человеческой личности и измерения этой ценности в зависимости от коллективной воли; несостоятельность любой строго централизованной системы прежде всего с экономической точки зрения, в том числе из-за стремления к плановому развитию под руководством государства. Читая книгу Хайека, Оруэлл вновь и вновь находил подтверждение своим мыслям: в обществе с плановым хозяйством, с одной стороны, нет экономической эффективности, с другой — нет места правозаконности: экономический контроль влечет за собой контроль над всей жизнью людей; общечеловеческая мораль исчезает, и у власти оказываются люди, чуждые нравственных норм.

Важным дополнением к книге Хайека стала работа Эриха Фромма «Бегство от свободы», которая рассматривала тоталитаризм со специфической точки зрения социального психолога⁷⁰². В ней, в частности, содержался анализ механизмов приведения масс в готовность подстроиться под общепринятые шаблоны поведения. «Подмена подлинных актов мышления, чувства и желания в конечном счете ведет к подмене подлинной личности псевдоличностью» — этот вывод Фромма отчетливо перекликался с основными идеями произведения Оруэлла, к которому через много лет он написал глубокое и страстное послесловие: «Он хочет предупредить и пробудить нас. Он еще надеется, но в отличие от авторов ранних утопий западного общества его надежда — это надежда отчаяния. Ее можно реализовать, признав, как учит нас “1984”, опасность, с которой столкнулось сегодня всё человечество, опасность общества роботов, которые потеряли последние следы индивидуальности, любви, критического мышления, и к тому же не осознают этого из-за “двоемыслия”. Книги, подобные оруэлловской, — грозное предупреждение, и будет жаль, если читатель самонадеянно поймет “1984” как очередное описание сталинского варварства и не заметит, что книга касается и нас»⁷⁰³.

В 1951 году в США в издательстве «Харкерт Брейс», опубликовавшем роман Оруэлла, вышла ставшая классической работа Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма»⁷⁰⁴. В качестве модели царства насилия Арендт рассматривала нацистский концлагерь, но это был лишь фон для значительно более широких рассуждений и обобщений. Арендт показала, что «тоталитарная личность» — «анатомизированный человек», потерявший свою идентификацию и персональные качества, оторванный от социальной поч-

вы, превратившийся в маргинала, ставший неотделимой частью толпы, податливой на всевозможные манипуляции. Именно на базе таких «неприкаянных» формируется, согласно Арендт, тоталитарная система.

В романе Оруэлла с различной степенью глубины отразились мысли, развитые затем в мировой исторической, политологической, психологической и философской литературе о тоталитаризме. К концу 1980-х годов, когда рушился Советский Союз, книга Оруэлла была опубликована более чем на шестидесяти языках общим тиражом не менее десяти миллионов экземпляров. 1984 год был провозглашен ЮНЕСКО Годом Джорджа Оруэлла. В 2009 году лондонская «Таймс» включила роман в список шестидесяти лучших книг, опубликованных за последние 60 лет (книга Оруэлла открывала этот список)⁷⁰⁵. Американский журнал «Ньюсуик» поставил это произведение на второе место в перечне ста лучших книг всех времен и народов (на первом месте был роман Льва Толстого «Война и мир», на последнем — «Вторая мировая война» Уинстона Черчилля)⁷⁰⁶. По результатам опроса, проведенного в апреле 2018 года редакцией по проблемам культуры Би-би-си, в числе ста книг, которые сформировали современный мир, роман Оруэлла оказался на пятом месте⁷⁰⁷.

Судьба романа в Советском Союзе — отдельная захватывающая история. В самом конце 1960-х годов появился безымянный перевод. Книга распространялась в виде машинописных копий или фотокопий, передавалась из рук в руки на очень короткое время⁷⁰⁸. Как заметил по этому поводу современный автор Сергей Кузнецов, «есть что-то глубоко симптоматичное, что целое поколение русских читателей получало “1984” на одну ночь. В это время суток роман Оруэлла заменял сон и временами становился неотличим от него»⁷⁰⁹.

Один из тогдашних диссидентов Виктор Сокирко вспоминал: «Сам я прочел эту книгу очень давно, кажется, в 1969 году, в числе многочисленной тогда “самиздатской литературы”. Помню, я совсем не удивился тому, что эту фантастику приходится читать как нечто недозволенное. Хотя в ней речь шла о сверхтоталитарном строе в будущей Англии, но мне она показалась пародией прежде всего на наше сталинское прошлое. Без труда узнавались детали, сама атмосфера страховидной жизни, сгущенной только до фантастики. Впрочем, я уже тогда был способен предположить, что роман мог быть написан частично и по тенденци-

ям самой английской действительности. Но вот некоторые мои знакомые, совершенно не причастные к правозащитному движению, вполне благополучные советские граждане, после чтения этого романа были совершенно убеждены, что это — пародия или даже пасквиль именно на нас»⁷¹⁰.

А вот воспоминание известной деятельницы диссидентского движения Валерии Новодворской: «Оруэлл был сокровищем самиздата. Когда в начале 70-х я впервые увидела его, это был громоздкий фолиант, переплетенный в поношенный лохматый картон, на папиросной бумаге. Переводы были плохие, явно домашнего изготовления. Где “телеэкрэн”, где “телекран”, где даже “телескрин”. Но было понятно, что это телекамера, недреманное око, соглядатай. Нам, “одинаковым и одиноким”, было понятно... Всё это было адресовано нам, “советским пациентам”. Английский документ с суховатой точностью публицистики и с кошмарной яркостью страшного сна фиксировал элементы нашего быта: голодную и раздетую страну (еды никогда не было вдоволь, мебель всегда была обшарпанной и шаткой, комнаты — нетоплеными, поезда в метро — переполненными, дома — обветшалыми, кофе — гнусным, вода — ледяной, лифты — неисправными, а зимы — нескончаемыми)»⁷¹¹.

Книги Оруэлла в случае их обнаружения во время обысков подлежали конфискации, а для использования в качестве вещественных доказательств при судебных следованиях диссидентов посылались на экспертизу. Вот результаты одной из них, проведенной ленинградским отделением Главлита: «Книга Джорджа Оруэлла “1984” — фантастический роман на политическую тему. В мрачных тонах рисуется будущее мира, разделение его на три великих сверхдержавы, одна из которых, “Евразия”, представляет собой поглощенную Россией Европу. Описывает противоречия, раздирающие эти три сверхдержавы в погоне за территориями, богатыми полезными ископаемыми. Рисуется картина зверского и безжалостного уничтожения женщин и детей во время войн. Книга в СССР не издавалась, распространению не подлежит»⁷¹².

Имеются непроверенные данные, что роман был издан малым тиражом для советского руководства с грифом «Для служебного пользования». Кто осуществил «служебный» перевод, неизвестно.

Время для легального появления романа в СССР наступило в 1989 году: отрывки из него появились в «Литератур-

ной газете», а вслед за этим книга вышла в издательствах ВЭМ и «Прогресс». То, что казалось западному читателю преувеличением или карикатурой, воспринималось в России как прямое воспроизведение советско-сталинской действительности, а в Германии — как отражение нацистской системы геноцида еврейского населения, пропаганды «арийского духа» и воспитания новой расы господ.

Многочисленные критики и обозреватели самых разных взглядов и направлений утверждали, что Оруэлл выступил в качестве своего рода пророка, поскольку, несмотря на ликвидацию одной из самых отвратительных и зрелых форм тоталитаризма — нацистского режима в Германии, тоталитарная система сохранилась в СССР, а затем сформировалась в ряде стран Восточной Европы, оказавшихся в советской сфере влияния, а также в Китае, Северной Корее и Северном Вьетнаме. Имея в виду, что развитые формы тоталитаризма использовали в качестве своего идеологического обоснования марксистско-ленинскую догматику, препарированную применительно к нуждам диктаторов, социологи и критики называли Оруэлла не только антикоммунистом, но и антисоциалистом.

Оруэлл же продолжал считать себя социалистом, хотя его социализм оставался весьма своеобразным, не вписывавшимся в положения, лежащие в основе любого социалистического учения: отказ от частной собственности и свободного рынка. К тому же Оруэлл видел пороки социалистических партий, включая одну из наиболее мощных — Лейбористскую партию Великобритании: карьеризм лидеров, их стремление к власти, бюрократизм, разъедавший эти партии изнутри, коррумпированность. Этикетка социалиста, от которой он не отказался до конца своих дней, была лишь своего рода традицией. Верность традициям больше роднила его с консерваторами, чем с лейбористами. Недаром сам он несколько раз называл себя тори, как именовались предшественники консерваторов в XVII — начале XIX столетия*. «Место действия книги, — писал Оруэлл 16 июня 1949 года, — избрано с целью подчеркнуть, что англоязычные расы по природе своей лучше, чем всякие другие, и что тоталитаризм, *если против него не бороть-*

* Р. Уилкин в специальной статье доказывает, что левосоциалистические взгляды Оруэлла нисколько не противоречили его причислению себя к тори (см.: *Wilkin R. George Orwell: The English Dissident or Tory Anarchist // Political Studies*. 2013. № 1. P. 197—214).

ся, может восторжествовать повсеместно... Мой последний роман НЕ является атакой на социализм или на Британскую лейбористскую партию... но [представляет собой] демонстрацию того состояния, к которому может привести централизованная экономика и которое уже частично было осуществлено при коммунизме и фашизме»⁷¹³.

Похожую оценку системы взглядов Оруэлла дала Соня Браунелл, отвечая на вопрос, был ли он революционером: «Он был революционером, хотя стремился сохранить определенные элементы прошлого. Он был консервативным повстанцем... Он хотел изменить действительность, но считал, что не всякое изменение к лучшему»⁷¹⁴.

После выхода романа и особенно после случившейся в скором времени смерти писателя самые различные партии и политические группы, начиная с тех, которые оппонировали коммунистам слева (среди них были, в частности, сторонники IV Интернационала Троцкого), и завершая всевозможными правыми — консерваторами в Великобритании, наиболее правой частью республиканцев в США, антикоммунистами во всём мире, — уверенно заявляли, что если бы Оруэлл был жив, он непременно оказался бы в их рядах. Это, однако, никак не могло бы произойти. Оруэлл с его оригинальным мышлением, независимым характером, отвергающий любые догмы, неизбежно провозглашаемые в партийных программах, манифестах, доктринах и лозунгах, не вписывался ни в одну политическую организацию.

Зато выражения из «Скотного двора» и особенно из последнего романа стали крылатыми, употребляемыми всеми слоями населения независимо от образования, материального положения и политических взглядов. Они появляются в широчайшем ряде контекстов, становясь знакомыми и употребляемыми миллионами людей, часто никогда не слышавших о Джордже Оруэлле.

Оруэлл предупреждал и своим романом, и повестью-притчей «Скотный двор» об угрозе тоталитаризма. Он видел, как идет формирование новых тоталитарных систем в Европе и Азии, и не исключал, что таковые могут появиться и в традиционно демократических странах. Ведь в начале XX века никто не мог предположить, что в Германии с ее парламентскими институтами к власти могут прийти изуверы и выродки, которые провозгласят немцев расой господ, а евреев и цыган — подлежащими полному уничтожению, поставят своей целью установление расового нацистского «нового порядка» по крайней мере на всём Ев-

ропейском континенте. Так что предостережение писателя было вполне к месту. Он с тревогой наблюдал резкое усиление государственных механизмов в Соединенных Штатах, ставших после Второй мировой войны доминирующей силой в мире. Не случайно тоталитарная держава, описанная в романе, включает Америку, а ее валюта — доллар.

В 2012 году появилась работа обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс» Дэвида Ангера «Государство чрезвычайного положения»⁷¹⁵, сопоставляющего современные государственные механизмы в США с описанными в романе Оруэлла. Автор, разумеется, не считает, что Соединенные Штаты уже приблизились к оруэлловской государственной и общественной модели, но отмечает непрерывный рост аппарата спецслужб, поддерживающего «постоянное состояние чрезвычайного положения в Америке»: «Эти учреждения предпринимают “отчаянные поиски” врагов, чтобы оправдать свои большие бюджеты, ослабляя в то же время конституционные гарантии. Враги изменились, учреждения и политика — нет»⁷¹⁶.

В очередной раз интерес к роману резко возрос летом 2013 года, когда бывший технический сотрудник Центрального разведывательного управления США Эдвард Сноуден выступил с сенсационными разоблачениями обширных программ американского Агентства национальной безопасности по прослушиванию телефонных разговоров и сбору информации о пользователях Интернета, осуществляемых при содействии крупнейших телефонных и компьютерных компаний страны. Как оказалось, спецслужбы США используют подслушивающие устройства для слежки не только за потенциальными или реальными врагами, но и за союзниками США, включая высших государственных деятелей стран Европейского союза. Обширная информация об этом появилась в средствах массовой информации под кричащими заголовками типа «Большой Брат следит за тобой», а продажи романа Оруэлла в США выросли в десятки раз.

Уход в вечность

Самочувствие Оруэлла временами становилось чуть лучше, затем опять резко ухудшалось. Скачки температуры крайне ослабляли организм, на недели приковывали к постели. Тем не менее грандиозный успех романа вдохнов-

лял писателя, был стимулом к продолжению жизни. Он писал издателю Варбургу, с которым особенно сдружился в последние годы, что не собирается сдаваться: «Наоборот, у меня есть серьезные причины, чтобы хотеть жить»⁷¹⁷.

До последних своих дней Оруэлл продолжал писать. Он не мог не писать, ибо мысли, эмоции, предостережения переполняли его душу. Чуть приподнявшись в постели, опираясь на подушку, он слабеющими пальцами печатал на машинке, которую медсестры ставили ему на колени. Так, в ноябре 1949 года он отстучал письмо Л. Муру⁷¹⁸. Незадолго до кончины было написано также эссе «Писатели и Левиафан», которое можно считать своего рода литературным завещанием Оруэлла⁷¹⁹. Подобно роману, эта работа предупреждала об опасности тоталитаризма, который воспринимался автором как серьезная угроза демократическому миру, тем более что в интеллигентских, в том числе писательских кругах он видел явную или скрытую робость, готовность подчиниться могучему государственному Левиафану.

Левиафан (упоминаемое в Ветхом Завете морское чудовище, иногда отождествляемое с Сатаной), образ которого был использован британским философом Томасом Гоббсом для характеристики могущественного государства в книге «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651), у Оруэлла олицетворяет не только всевластное государство, но и тоталитарную систему, стремящуюся поглотить всё и вся. Отдавая себе отчет в необходимости и неизбежности определенной степени государственного вмешательства в творческую деятельность (например, финансирование, заказ произведений или осторожная цензура), писатель ставил крайне сложный вопрос о допустимых пределах такого вмешательства:

«Я не собираюсь высказываться за государственный патронаж над искусствами или против него, а только хочу определить, какие именно требования, исходящие от государственной машины, которым хотят нас подчинить, отчасти объяснимы атмосферой, иными словами, мнениями самих писателей и художников, степенью их готовности подчиниться или, напротив, сохранить живой дух либерализма... Уже и сейчас среди английских литераторов сильны тоталитаристские настроения. Впрочем, здесь речь идет не о каком-то организованном и сознательном движении вроде коммунистического, а только о последствиях, вы-

званных возникшей перед людьми доброй воли необходимостью думать о политике и выбирать политическую позицию».

Оруэлл не просто понимал, что вторжение политики в литературу неотвратимо — был убежден в его жизненной необходимости. Он подчеркивал, что писатели и вообще творческая интеллигенция в значительной своей части, если не в большинстве, из-за кричащих несправедливостей и жестокостей мира испытывают чувство вины, которое, «побуждая нас ее искупить, делает невозможным чисто эстетическое отношение к жизни». Современный писатель постоянно сдается страхом перед мнением той группы, к которой принадлежит.

Оруэлл высмеивал догмы далекой от реальности левой идеологии, ярлыки «буржуазный», «реакционный», «фашистский», которые с потрясающей легкостью приклеивала одна группа другой. «Все мы славные демократы, антифашисты, антиимпериалисты, все презираем классовые разделения, возмущаемся расовыми предрассудками», — писал он с изрядным оттенком горькой иронии.

Серьезным испытанием для левых интеллектуалов стало, по мнению Оруэлла, отношение к русской революции. Едва ли не все английские левые приняли установленную ею систему как «социалистическую», понимая при этом, что и советская теория, и практика были совершенно чужды тому, что они подразумевали под «социализмом». В результате Оруэлл писал о «двоемыслии» — теперь уже не в тоталитарной, а в демократической системе: о появлении «перевернутого мышления», когда «такие акции, как массовые аресты и насильственные выселения, оказываются в одно и то же время как правильными, так и недопустимыми». Оруэлл отвергал любые догмы; он понимал, что в политике часто придется делать выбор между большим и меньшим злом, что бывают ситуации, «которых не преодолеть, не уподобившись дьяволу или безумцу», что война может оказаться необходимостью. «Творчество, если оно обладает хоть какой-то ценностью, всегда будет результатом усилий... разумного существа, которое остается в стороне, свидетельствует о происходящем, держась истины, признаёт необходимость свершившегося, однако отказывается обманываться насчет подлинной природы событий» — таковы были далеко не простые раздумья писателя, которые он надеялся воплотить в новые художественные образы.

Стимулами к продолжению жизни были не только твор-

ческие планы и удовлетворение успехом вышедшего романа, который становился всё более известным и ценным в самых широких читательских кругах. Теперь, когда он стал знаменитым, на него обратила внимание та самая женщина, которая ранее его отвергала.

За последние два года Соня Браунелл поменяла двух любовников, людей довольно известных. С художником Лусианом Фрейдом, внуком создателя системы психоанализа, она жила недолго. Справедливости ради надо сказать, что, когда Соня оставила Фрейда, он по этому поводу особенно не печалился — женщин у него было много. Вторым был французский философ Морис Мерло-Понти, которого одни считали идеалистом, другие — последователем Маркса, а сам он причислял себя к школе феноменологии, которая черпала материал для своих теоретических построений в искусстве и отчасти в естественных науках. Он был женат, но Соня рассчитывала, что он разведется и женится на ней. Философ же со свойственными людям этой породы колебаниями, никак не давал прямого ответа; в конце концов выяснилось, что серьезных намерений у него не было.

Между тем Соне надо было срочно устраивать свою личную жизнь еще и потому, что в конце 1949 года Сирил Коннолли собирался закрывать «Хорайзен» и она могла остаться без работы и привычного общения с видными представителями творческой интеллигенции. Весной 1949 года, оставшись без очередного мужчины, Соня поехала навестить в санатории своего старого приятеля Эрика, которого обычно называла Джорджем (что делали лишь некоторые его близкие знакомые). Врачи объяснили ей, что жить Эрику Блэру осталось недолго. Да Соня и сама теперь видела, в каком состоянии он находился.

В этот Сонин приезд в санаторий Эрик, надеявшийся на выздоровление, предложил ей выйти за него замуж. Он мог умереть в любой момент, но мог и поправиться. В первом случае Соня оставалась вдовой известного писателя с неплохим наследством — гонорарами за всемирно известные книги, во втором связывала свою судьбу, скорее всего ненадолго, с выдающимся писателем современности, отблеск славы которого должен был отразиться и на ней. Сделка определенно обещала дивиденды⁷²⁰.

Соня покинула санаторий, так и не дав ответа. Тогда Эрик сообщил ей, что сделает ее своей единственной наследницей и в ее распоряжение будут переданы все его литературные права. Это окончательно решило вопрос — в

середине июля Соня приняла предложение. Тогда же Эрик писал Д. Астору: «Я собираюсь опять жениться. Я полагаю, все будут в ужасе, но мне это кажется хорошей идеей»⁷²¹.

Он знал, что делает: Соня обладала прекрасным литературным вкусом, отличной деловой хваткой, умением находить общий язык с издателями и чиновниками, имела много полезных знакомств. Его книги и рукописи оставались в надежных руках.

Став официальной невестой, Соня немедленно занялась организационными делами, взяла на себя переговоры с издательствами и редакциями журналов. Крайне слабый физически, но стремившийся продолжать творческую работу писатель впервые почувствовал пользу от человека, которому мог всецело доверять. Соня действительно была компетентна во всех вопросах, которые ей поручались.

В начале сентября 1949 года Блэр был переведен в больницу Лондонского университетского колледжа, где им занялся доктор Эндрю Морленд, ранее консультировавший докторов, лечивших его в Крэнхеме. Прогнозы Морленда не были лишены оптимизма. Он писал Варбургу, с которым дружил: «Даже при соблюдении покоя я не ожидаю выздоровления, но он вполне может быть в состоянии писать по несколько часов в день... Он может затем дойти до стадии, которую мы называем “хронический больной в хорошем состоянии”, то есть будет способен кое-как работать и по несколько часов заниматься еще какими-то делами»⁷²². Врач отправил Эрика назад в санаторий, но его состояние не улучшалось, и вскоре он снова оказался в палате университетской клиники.

Единственным утешением для Эрика в эти тяжкие недели было то, что теперь его могла регулярно навещать Соня, которая подробно отчитывалась о деловых контактах, предложениях и переговорах. Морленд надеялся, что присутствие любимой женщины окажет благотворное влияние на физическое состояние пациента. Доктор верил в чудодейственную силу горного воздуха и советовал при первых признаках улучшения отправиться в Швейцарские Альпы⁷²³. Теперь, когда на текущий счет писателя поступали немалые суммы, финансовое положение позволяло и оплачивать огромные медицинские расходы, и обеспечивать средствами Эврил и Ричарда, и планировать поездку с Соней в Швейцарию.

Тринадцатого октября 1949 года в больничной палате состоялась официальная церемония бракосочетания. Сви-

детелем со стороны жениха был Дэвид Астор. Невесту сопровождали подруга Джанетта Вулли и ее муж Роберт Ки. Обряд венчания совершил больничный священник. Эрику разрешено было подняться с постели и облачиться в праздничный костюм. Однако покинуть больницу хотя бы на короткое время ему категорически запретили, поэтому Соня со свидетелями отправилась в ресторан отеля «Риц» на праздничный ужин, а ее муж остался на больничной койке. На следующий день Соня принесла ему в память о свадебном обеде ресторанное меню со своим автографом и подписями свидетелей⁷²⁴.

Соня взяла фамилию Блэр, хотя позже, издавая труды покойного супруга, обычно указывала: «Соня Оруэлл».

Жить Эрику оставалось ровно 100 дней. На протяжении всего этого времени Соня, теперь уже в качестве жены, проявляла чрезвычайную активность, занявшись совершенно запущенными делами супруга: отвечала на многочисленные письма, предлагала издательствам его роман и публицистику, начала подготовку к поездке в Швейцарию. «У меня теперь есть человек, который меня любит»⁷²⁵, — повторял Эрик, в немалой степени преувеличивая. Чувства, лежавшие в основе их брака, не были взаимными. Эрик любил Соню, несмотря на ее репутацию. Сам он тоже не был пуританином; как сказала Соня, те, кто утверждает обратное, «видимо, забывают, что пуританин никогда не женился бы на женщине, подобной мне»⁷²⁶.

Соня не сильно изменила образ жизни и манеру поведения, но, став женой известного писателя, могла с полным правом не только представлять его деловые интересы, но и демонстрировать саму себя как неотделимую и даже основную часть образа выдающегося человека. С. Спендер вспоминал, что однажды навестил умирающего Эрика и завел с ним разговор об известном английском писателе начала XX века Дэвиде Лоуренсе. Вдруг в палате появилась Соня и потребовала, чтобы разговор был переведен на другую тему (Лоуренс скончался от туберкулеза). «Потом она заявила, что уходит в гости и сегодня уже не вернется. Оруэлл слабо протестовал, но она от него отмахнулась в своей обычной шумной манере»⁷²⁷.

Эрик очень переживал, что редко видится с ребенком, но все боялись, что Ричард может заразиться от отца страшной болезнью. Когда же мальчика всё же приводили, его держали на расстоянии, да еще и надевали защитную марлевую маску. «Ты где-то ударился?» — спросил как-то

Ричард, понимая, что отцу плохо, но не осознавая всей серьезности ситуации⁷²⁸.

Состояние здоровья Эрика продолжало ухудшаться. Он катастрофически худел. Медицинским сестрам становилось всё труднее найти место на его теле, куда можно было ввести иглу шприца. Его единственным шансом остаться в живых врачи называли поездку в Альпы. Соня со свойственной ей энергией забронировала на 25 января 1950 года частный самолет, который должен был доставить ее с мужем на место назначения. Ее бывший возлюбленный Лусиан Фрейд, с которым она сохранила дружеские отношения, взялся помочь ей во время полета и на самом горном курорте. Впрочем, может быть, теперь он перестал быть бывшим...

Восемнадцатого января в присутствии Сони и Гвен О'Шонесси Эрик Блэр продиктовал свою последнюю волю⁷²⁹. Все права, связанные с его литературным наследием, предоставлялись Соне. По договоренности с ней сестре Эврил поручались заботы о Ричарде, на счет которого предписывалось положить сумму, необходимую для получения достойного среднего и высшего образования. Эрик пожелал, чтобы, несмотря на то, что он не принадлежит ни к какой конфессии, его похоронили по обычаям англиканской церкви: тело не должно было предаваться кремации, захоронение следовало произвести на одном из «ближайших удобных кладбищ»*.

Поздно вечером 20 января 1950 года Соня с Лусианом и другими друзьями отправилась в ночной клуб. Вскоре после полуночи ее вызвали к телефону. Звонил дежурный врач с сообщением, что у ее супруга произошло легочное кровоизлияние с остановкой дыхания; все попытки привести его в чувство оказались безрезультатными, и только что была констатирована смерть.

Эрик Блэр — Джордж Оруэлл скончался на сорок седьмом году жизни. В свидетельстве о смерти в графе «причина» было записано одно злое слово: «туберкулез»⁷³⁰.

Отпевание происходило в церкви Христа возле Риджент-парка, в центре Лондона, 25 января — в тот самый день, когда предполагался вылет в Швейцарию. Эрик хотел быть похороненным в сельской местности. Астор организовал отправку гроба в свое имение возле селения Сат-

* Завещание было опубликовано сравнительно недавно (см.: The Guardian. 2000. Jan. 14).

тон-Кортеней, графство Оксфордшир, и вместе с Соней сопровождал его. Похороны состоялись на территории церкви Всех Святых, стоящей на крутом берегу Темзы. На надгробном камне была сделана надпись «Эрик Блэр» с датами жизни. Большинство тех, кто приходит в это место, обычно не знают, что именно там захоронен великий писатель. Посещая могилу бывшего премьер-министра Великобритании Герберта Асквита, они не обращают внимания на расположенную неподалеку могилу незнакомого им Эрика Блэра.

«Черный список» Оруэлла

Перед смертью Оруэлл продолжал делать заметки в записной книжке, которую стал заполнять, по-видимому, параллельно с окончанием работы над романом «1984»⁷³¹. Споры о том, для чего в эту книжку вносились имена с комментариями и как писатель предполагал использовать ее, не утихают по сей день. Записная книжка (в ней 42 страницы, между которыми заложено несколько газетных вырезок) имела заголовок «Попутчики» и содержала постоянно пополнявшийся список западных деятелей, которые, по мнению Оруэлла (в некоторых случаях вполне обоснованному, в других явно ошибочному или противоречившему его собственным высказываниям) были «скрытыми коммунистами» или, как сказали бы сегодня, советскими агентами влияния, а то и шпионами.

Раскрывать их истинное лицо Оруэлл начал еще в военные годы, когда опубликовал в газете «Обсервер» сравнительный анализ двух книг — «Дороги к рабству» Фридриха Хайека, в которой беспощадно разоблачался тоталитаризм⁷³², и «Зеркала прошлого» Конни Циллиакуса⁷³³ с апологией сталинского режима. Оруэлл придавал этим книгам такое значение, что написал рецензию, не дожидаясь их выхода в свет, на основе отрывков, публиковавшихся в прессе⁷³⁴.

В 1947 году Оруэлл вступил в открытый конфликт с Циллиакусом. Сын финского авантюриста и революционера, сотрудничавшего с большевиками, уважаемый британский юрист и общественный деятель в предвоенный период оправдывал Большой террор, заявляя, что Сталин ведет непримиримую борьбу против нацистской «пятой колонны». Во время войны, служа в Министерстве инфор-

мации, Циллиакус восхвалял советские победы и их «организатора», а став в 1945 году депутатом палаты общин от Лейбористской партии, поддержал установление тоталитарных режимов советского образца в странах Восточной Европы.

В одном из «Писем из Лондона» в американском журнале «Партизан ревью» Оруэлл упомянул Циллиакуса как скрытого коммуниста в числе нескольких других лейбористских парламентариев, для которых восхваление СССР было важнее национальных интересов собственной страны. Циллиакус выступил с опровержением, на которое Оруэлл тут же написал ответ. Оба выступления были помещены в одном номере еженедельника «Трибюн»⁷³⁵. Писатель упростило: «Я полагаю и буду так полагать до тех пор, пока мне не представят доказательства противоположного, что он и другие, подобные ему, проводят политику, вряд ли отличимую от политики компартии, являясь в действительности агентами влияния СССР в этой стране, и что когда, по их мнению, советские и британские интересы придут в противоречие, они поддержат советские интересы».

Когда Оруэлл составлял свой список, его отношение к Циллиакусу было своего рода стандартом, моделью для выявления тех лицемеров, которые, полагал он, формально провозглашая свою приверженность демократии и пользуясь ее благами, на деле служили советскому тоталитаризму то ли за прямую или косвенную оплату (например, в виде высоких гонораров), то ли внешне безвозмездно, но в расчете на будущую благодарность.

И всё же у Оруэлла не было четких критериев для занесения тех или иных политиков или деятелей культуры в «черный список». Он был в большой мере субъективен, поддавался собственным негативным эмоциям, что отчасти можно объяснить состоянием его здоровья. В результате в список включались имена и тех людей, которые искренне стояли на левых позициях или просто высоко оценивали роль СССР во Второй мировой войне, не идеализируя его внутривнутриполитическую ситуацию. Были даже такие, кто никакого отношения к левым не имел. В конечном итоге в список попали более ста человек, среди которых были и всемирно знаменитые, и совершенно случайные; со многими из них Оруэлл не был знаком лично, но узнавал о них из прессы или даже от своих знакомых, например от Риза.

О том, что Риз был в какой-то мере причастен к составлению пресловутого списка, он сам рассказал в письме хра-

нителю архива Оруэлла в Лондонском университете Яну Энгусу почти 20 лет спустя. Оказывается, во время посещения больного Эрика в санатории они придумали своего рода игру, «обсуждая, кто являлся платным агентом и чьим именно, и оценивая, до какой степени предательства избранные нами ненавистные объекты были бы готовы дойти»⁷³⁶.

Нельзя сказать, что игра была безопасной и невинной. Если бы записная книжка Оруэлла оказалась в руках недобросовестного человека, не обошлось бы без серьезного политического скандала. Оруэлл был уже очень известным писателем, и обнародование списка имело бы серьезные последствия и для него, начавшего «охоту на ведьм», и для людей, обвиненных им в предательстве. Тем не менее пресловутая записная книжка не была подготовительным материалом для возможных доносов на тех, кто не разделял взглядов Оруэлла или был ему неприятен. Это было скорее свидетельство его симпатий и антипатий к известным британским деятелям (или же переменчивости его настроения).

О том, что в список заносились имена людей, неприятных Оруэллу не обязательно в силу их политических убеждений, свидетельствовали комментарии. Так, после имени Солли Цукермана, известного зоолога и специалиста по бомбометанию (в то время он был научным директором британского управления бомбовых исследований), стояли пометки: «Всего лишь сильно симпатизирующий», «Политически невежествен». После имени знаменитого ирландского драматурга Шона О'Кейси, жившего в Африке, можно прочесть комментарий: «Очень глуп». А имя журналиста и редактора журнала «Нью стейтсмен» Кингсли Мартина, который в свое время отказал Оруэллу в публикации материалов о гражданской войне в Испании, сопровождала оценка: «Прогнивший либерал. Совершенно бесчестен».

В список попали имена двух американцев, действительно являвшихся советскими агентами влияния. Одним был журналист Уолтер Дюранти, в течение многих лет работавший в СССР, встречавшийся со Сталиным и превозносивший советскую политику. Другим являлся Джозеф Дэвис, посол США в СССР в 1937—1938 годах, вывезший в США бесценную художественную коллекцию — картины, статуи и другие предметы искусства, то ли подаренные ему советским правительством, то ли проданные по умышленно заниженным ценам. В 1942 году Дэвис издал книгу воспоми-

наний «Миссия в Москву», а в 1945-м стал единственным иностранным дипломатом, получившим высшую советскую награду — орден Ленина.

К названным персонажам у Оруэлла шли комментарии: «Дюранти... Американские газеты. Корреспондент в СССР много лет. Разные книги... Вероятно, без организационных связей, но надежен (то есть предан советскому режиму. — Ю. Ф., Г. Ч.). Дэвис... Ранее посол в СССР. “Миссия в Москву” (и фильм по книге)... Очень глуп».

Вместе с тем некоторые имена «черного списка» Оруэлла вызывают недоумение: там были Чарли Чаплин, Бернард Шоу, Джон Стейнбек...

По поводу Записной книжки одни биографы Оруэлла предпочитают молчать*, другие полагают, что она противоречила всей жизненной позиции Оруэлла, а третьи считают ее свидетельством о связях писателя с британскими спецслужбами. Но известно, что когда навестившая Оруэлла в санатории Силия Пейджет, в замужестве Кервен, рассказала, что поступила на работу в недавно созданный Информационный исследовательский департамент, целью которого являлась борьба с коммунистической пропагандой в Британской империи, он заявил, что полностью одобряет работу этого учреждения и через несколько дней послал ей список из тридцати шести имен людей, заподозренных им в коммунистических симпатиях⁷³⁷. Вскоре Силии был отправлен дополнительный перечень имен. В письме от 6 апреля 1949 года, которое иначе как доносом назвать трудно, Оруэлл писал формально и хладнокровно: «Мне не приходят в голову никакие новые имена, которые можно было бы добавить к твоему возможному списку писателей, разве что ФРАНЦА БОРКЕНАУ (в “Обсервере” знают его адрес), чье имя, мне кажется, я тебе уже давал, и ГЛЕБА СТРУВЕ (он находится сейчас в Пасадене в Калифорнии) — русского переводчика и критика. Конечно, есть масса американцев, имена которых можно найти в нью-йоркском “Нью лидере”, еврейском ежемесячном издании “Комментари” и в “Партизан ревью”. Я мог бы также, если и это ценно, дать тебе список журналистов и писателей, которые, по моему мнению, являются скрытыми коммуни-

* Например, первый серьезный биограф Оруэлла Б. Крик ограничился лишь одной строкой: «Он, однако, беспечно по поводу коммунистической инфильтрации повсюду и вел записную книжку со списком подозрительных» (*Crick B. Op. cit. P. 556*).

стами, попутчиками или же склонны к этому и не внушают доверия как пропагандисты»⁷³⁸.

Включение в список имен людей, антикоммунистические воззрения которых Оруэллу были хорошо известны и с которыми он поддерживал дружеские или деловые связи именно на политической почве, удивляет, не говоря уже о названных периодических изданиях, с которыми сам он сотрудничал и в которых теперь предлагал поискать агентов советского влияния. Так, на труды Боркенау Оруэлл неоднократно писал положительные рецензии, а со Струве дружески общался, причем послал ему последнее письмо с поздравлением с Рождеством уже после передачи Силии списка.

Очевидно, на фоне тяжелой болезни у Оруэлла развилось некое психическое расстройство, подобное паранойе, что выразилось в излишней подозрительности. Как были использованы списки Оруэлла, кому именно они были переданы Силией и обратили ли на них внимание, до сих пор неизвестно. Стоит, однако, подчеркнуть, что и под конец жизни Оруэлл оставался верен себе: поступал так, как подсказывала его больная совесть, не оглядываясь на общественное мнение, законы, нравы и понятия. И его подобие психоза с «черными списками» было вполне соизмеримо с состоянием, в свое время приведшим его в ночлежки Парижа и Лондона. Известный британский писатель и литературный критик Виктор Притчетт как-то сказал, что Оруэлл «был странным человеком в английской литературе»: «Он шел абсолютно своим путем. В определенном смысле он был самым оригинальным из современников. Я мог бы лучше всего описать его как писателя, с трудом прижившегося в своей собственной стране. Он не принадлежит ни к одной группе, не принимает ничью сторону... Он сам по себе, но не крикливо, не театрально... Из-за его потрясающей честности забываешь, что он бывает неправ»⁷³⁹.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После кончины Эрика Соня возвратилась к своему обычному образу жизни, легко меняя мужчин. Уже через два месяца после похорон она отправилась с Мерло-Понти на южное побережье Франции.

Но в то же время она с подлинной страстью занялась наследием покойного супруга. Приведение его в порядок было нелегкой задачей, так как сам Оруэлл не принадлежал к числу писателей или ученых, считающих, что любое написанное ими слово может приобрести какой-то особый смысл и иметь биографическое или библиографическое значение, и очень небрежно относился к собственной документации⁷⁴⁰. Переписка писателя была обширной, письма — содержательными, отражавшими не только перипетии жизненного пути, но также этапы его творчества. Но никогда Блэр—Оруэлл не оставлял у себя копий составленных им писем — даже тогда, когда печатал их на машинке. Теперь приходилось собирать все эти бумаги, раскиданные по разным уголкам мира.

Совместно с Дэвидом Астором и Ричардом Ризом Соня инициировала создание Доверительной группы архива Джорджа Оруэлла, а затем и самого архивного фонда Джорджа Оруэлла в Отделе специальных коллекций библиотеки Университетского колледжа Лондона — важнейшей составной части Лондонского университета, одного из наиболее авторитетных учебных и научных центров мира. Фонд Оруэлла стал важнейшим источником изучения жизни и деятельности писателя, основой любой археографической и публикаторской работы, связанной с его творчеством.

Вслед за этим Соня, на этот раз совместно с хранителем фонда Яном Энгусом, выступила организатором издания четырехтомника статей и писем писателя, который вышел

в свет в 1968 году в издательстве Зеккера и Варбурга, ставшем известным в том числе благодаря публикации произведений Оруэлла. В то же время она ревниво относилась к попыткам литературоведов и историков приступить к изучению биографии ее мужа, не желая терять монополию на его творческое наследие. В 1974 году после долгих переговоров она разрешила профессору Бернарду Крику воспользоваться для написания биографии Оруэлла архивными материалами, ранее закрытыми для исследователей, но лишь при условии, что будет иметь право делать сокращения и вносить изменения в текст Крика. За работой Крика Соня, однако, не следила. В это время она уже много пила, здоровье ее было подорвано. Работа Крика была завершена, когда вдова писателя находилась в совсем плохом состоянии. Первая подробная научная биография Оруэлла вышла в свет без ее поправок. Она скончалась в 62 года 11 декабря 1980 года от злокачественной опухоли мозга.

После кончины Сони единственным наследником Блэра—Оруэлла стал приемный сын, которого воспитывали поженившиеся в 1951 году Эврил Блэр и Билл Данн (Соня отказалась от усыновления). Ричард получил профессию инженера. Это был скромный человек, работавший инженером в компании по производству сельскохозяйственного оборудования. Никто, кроме близких родственников, и подозревать не мог, что он имеет прямое отношение к знаменитому писателю. Он не изменил свое поведение и после вступления в права наследования. Единственное существенное изменение состояло в том, что Ричард Горацио Блэр предоставил все права на использование, публикацию, комментирование документации и произведений Мемориальному фонду Джорджа Оруэлла, основанному в самом конце 1980 года, сразу после смерти Сони. Председателем правления фонда стал Б. Крик, а в правление вошли Д. Астор, Ф. Варбург и ряд ученых. И только после долгих уговоров удалось привлечь в состав правления самого Ричарда. Проживший спокойную жизнь пенсионер Ричард Блэр, никогда не выпячивавший свое родство со знаменитым писателем, только весной 2009 года дал дотошным журналистам первое интервью, вспомнив несколько эпизодов из своего раннего детства⁷⁴¹.

В 1994 году по инициативе Крика была учреждена Оруэлловская премия, которая считается одной из наиболее престижных британских премий в области литературы. Ею награждаются ученые, писатели и журналисты, создавшие

выдающиеся произведения, связанные с политической жизнью и соответствующие пожеланию Оруэлла, высказанному в 1946 году: «...превратить политическое писание в искусство». Ежегодно присуждаются три премии; за книгу, за журналистское творчество и за труд, критикующий «британские социальные пороки»; в 2014 году к ним прибавилась премия за детские произведения (ее получают авторы в возрасте от девяти до тринадцати лет). В 2009—2012 годах присуждалась также премия за блоги в Интернете. В 2017 году лауреатами Оруэлловской премии стали историк Джон Бью (за биографию лидера Лейбористской партии К. Эттли)⁷⁴², Финтэн О’Тул (за политические статьи в британской и ирландской прессе), Фелиция Лоуренс (за работу «Гангстеры у британских ворот», опубликованную в журнале «Гардиан»). В числе лауреатов Оруэлловской премии — авторы произведений, связанных с постсоветской и российской тематикой: Анатолий Ливен (за книгу «Балтийская революция: Эстония, Латвия, Литва и путь к независимости») и Аркадий Островский (за книгу «Изобретение России»)⁷⁴³.

Можно с удовлетворением констатировать, что в Великобритании с глубоким почтением относятся к наследию знаменитого соотечественника и прилагают усилия, чтобы его творчество, в полной мере сохраняющее не только художественную ценность, но и политическую актуальность, продолжало находиться в сфере внимания читающей публики.

Книги Оруэлла, по-прежнему выходящие массовыми тиражами во всём мире, сценические постановки и прочее коммерческое использование его произведений должны были бы принести его наследникам огромные прибыли. Однако эти средства в основном остались невостребованными и попали в британскую казну, что с немалой долей удивления констатировала пресса⁷⁴⁴. Можно считать, что это — своего рода символ непритязательности Оруэлла, его скромности, полной преданности делу, которым он занимался, отсутствия у него стремления к накоплению жизненных благ. Эти черты безусловно перешли по наследству к потомкам — сыну и его детям.

* * *

Джордж Оруэлл вошел в историю культуры не социалистическими рассуждениями, оказавшимися бесплодными, а блестящей критикой пороков общества, сочетавшейся в

его художественных произведениях, эссе и критических статьях с блестящей литературной формой, свободной от напыщенности и усложненности, простой и легко воспринимаемой. Сам он считал необходимым, чтобы художественная проза писалась простым языком и в то же время была смелой и энергичной, наполненной яркими образами и неожиданными сопоставлениями. То же требование он предъявлял к публицистике и сам жестко следовал этому правилу. Он показал, что не только художественная, но и публицистическая литература может восприниматься через образы, и превратил публицистику в художественный жанр, в высокую литературу. Он рассматривал свои последние книги в первую очередь как предупреждение человечеству о грозящей опасности, и в этом видел главный смысл своей жизни и творчества.

Невозможно предсказать судьбу отдельного человека, нельзя увидеть будущее страны, какой бы благополучной или демократичной она ни являлась сегодня. Неутешительный результат анализа, представленный Джорджем Оруэллом, будет бесконечно долго являться настольной книгой человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Быков Д.* Вместо жизни: Очерки, заметки, эссе. М., 2006. С. 34.

² См.: *Оруэлл Д.* Сочинения: В 2 т. Пермь, 1992. Т. 2. Эссе, статьи, рецензии. С. 9—10.

³ См., например: *Inside the Myth: Orwell, Views from the Left / Ed. by Ch. Norris.* London, 1984.

⁴ См.: *Crick B.* George Orwell: A Life. London, 1980; *Shelden M.* Orwell: The Authorised Biography. London, 1991.

⁵ *The Independent.* 2008. Dec. 22.

⁶ См.: *Taylor D. J.* George Orwell. The Life. New York, 2003.

⁷ См.: *Stansky P., Abrahams W.* Orwell: The Transformation. London, 1979.

⁸ См.: *Ingle S.* George Orwell: A Political Life. Manchester, 1993.

⁹ См.: *Slater I.* Orwell: The Road to Airstrip One. Montreal, 1985.

¹⁰ См., например: *Leef R. A.* Homage to Oceania: The Prophetic Vision of George Orwell. Columbus, 1969; *Edelheit S.* Dark Prophecies. New York, 1979.

¹¹ См.: *Calder J.* Cronicles of Conscience. London, 1968; *Idem.* Huxly and Orwell: Brave New World and Nineteen Eighty-Four. London, 1970.

¹² См.: *Young J. W.* Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville, 1991.

¹³ *Nineteen Eighty Four in 1984 / Ed. by A. Crispin, P. Chilton.* London, 1983.

¹⁴ *Безансон А.* Извращение добра. М., 2002. Аннотация на обороте титульного листа.

¹⁵ *Блюм А. В.* Играем Оруэлла // *Всемирное слово.* 2001. № 14. С. 63.

¹⁶ *Советский энциклопедический словарь.* М., 1982. С. 938.

¹⁷ См.: *Черный Б.* Почему в моде Оруэлл? // *Литературная газета.* 1974. 9 января.

¹⁸ *Стуруа М.* «1984» // *Известия.* 1984. 15 января.

¹⁹ *Воловец С.* Тост за прошлое? (По следам Оруэлла) // *Литературная газета.* 1984. 20 января.

²⁰ См.: *Эфиоров С. А.* Покушение на будущее: Логика и футурология левого экстремизма. М., 1984.

²¹ Там же. С. 187.

²² См.: *Чаликова В., Лисюткина Л.* Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба: Научно-аналитический обзор. М., 1986.

²³ См.: *Недошивин В. М.* Критика идеологических концепций современного буржуазного антиутопического романа: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985.

²⁴ См., например: *Он же.* Свиньи и... звезды: Проза отчаяния и надежды Дж. Оруэлла // *Оруэлл Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 297—315.

²⁵ См.: *Мосина В. Г.* Три главных книги Джорджа Оруэлла. М.,

1999; *Алексеев А. Н.* Год Оруэлла (Из опыта драматической социологии). СПб., 2001.

²⁶ См.: *Чаликова В. А.* Встреча с Оруэллом // Книжное обозрение. 1988. № 21. 20 мая; *Она же.* Комментарий к «1984» // *Оруэлл Д.* «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 100—110; *Она же.* Вечный год // Новый мир. 1989. № 4. С. 128—130; *Она же.* Несколько слов о Джордже Оруэлле // Знамя. 1989. № 8. С. 222—225; *Она же.* Идеологии не нужны фантазеры // Завтра. М., 1991. Вып. 2. С. 206—211; *Она же.* Утопия и свобода. М., 1994.

²⁷ См.: *Блюм А. В.* «Путешествие» Оруэлла в страну большевиков // «Незнание — сила». М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://orwell.ru/a_life/blum/russian/r_papsb.

²⁸ См.: *Зверев А. М.* Предисловие // *Оруэлл Д.* Скотный двор // Родник. 1988. № 3; *Он же.* Неудобный собеседник // *Оруэлл Д.* Скотный двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии / Пер. А. Шишкина. М., 1989.

²⁹ См.: *Герасимов С.* До и после 1984-го: Большой Брат с нами // Новое время. 2003. 6 июля.

³⁰ См.: *Карп М.* Джордж Оруэлл: Биография. СПб., 2017.

³¹ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters: In 4 vol. London, 1968.

³² См.: *Idem.* The Complete Works: In 20 vol. London, 1986—1998.

³³ Эти тома носят названия: A Kind of Compulsion: 1903—1936; Facing Unpleasant Facts: 1937—1939; A Patriot After All: 1940—1941; All Propaganda Is Lies: 1941—1942; Keeping Our Little Corner Clean: 1942—1943; Two Wasted Years: 1943; I Have Tried to Tell the Truth: 1943—1944; I Belong to the Left: 1945; Smothered Under Journalism: 1946; It Is What I Think: 1947—1948; Our Job Is to Make Life Worth Living: 1949—1950.

³⁴ См.: *Orwell in Spain* / Ed. by P. Davison. London, 2001; *The Lost Orwell* / Ed. by P. Davison. London, 2006.

³⁵ См.: *Orwell G.* Diaries / Ed. by P. Davison. London, 2009.

³⁶ См.: *Idem.* A Life in Letters / Ed. by P. Davison. London, 2013.

³⁷ См., например: *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 445—446.

³⁸ См.: *Ibid.* Vol. 3. P. 164.

³⁹ См.: *George Orwell Archive.* J/4.

⁴⁰ См.: *Orwell G.* Poet in Darkness // *The Observer.* 1944. Dec. 31.

⁴¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XIX А. С. 734.

⁴² См.: *Remembering Orwell* / Ed. by S. Wadhams. Markham, 1984. P. 43.

⁴³ Цит. по: *Shelden M.* *Op. cit.* P. 22.

⁴⁴ См.: *Ibid.* P. 16.

⁴⁵ См.: *Crick B.* *Op. cit.* P. 55—56.

⁴⁶ См.: *Ibid.* P. 54, 594.

⁴⁷ *George Orwell Archive.* I. BBC Eastern Service. 1942. Nov. 2.

- ⁴⁸ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 179 etc.
- ⁴⁹ *Оруэлл Д.* Почему я пишу // *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 7.
- ⁵⁰ См.: *Connolly C.* Enemies of Promise. London, 1938.
- ⁵¹ См.: *Orwell G.* Such, Such Were the Joys. New York, 1953.
- ⁵² См.: *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 330—369.
- ⁵³ См.: Sunday Times. 1967. June 16.
- ⁵⁴ Цит. по: *Brander L.* George Orwell. London, 1954. P. 4.
- ⁵⁵ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 388—389.
- ⁵⁶ *Idem.* The Road to Wigan Pier. Harmondsworth, 1962. P. 125.
- ⁵⁷ *Idem.* Keep the Aspidistra Flying. Harmondsworth, 1962. P. 46.
- ⁵⁸ См.: *Connolly C.* The Evening Colonnade. London, 1973. P. 17.
- ⁵⁹ George Orwell Archive. G/1.
- ⁶⁰ *Crick B.* Op. cit. P. 64.
- ⁶¹ См.: George Orwell Archive. G/1.
- ⁶² См.: Remembering Orwell. P. 31.
- ⁶³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 343.
- ⁶⁴ См.: *Buddicom J.* Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. London, 1974. P. 30.
- ⁶⁵ Цит. по: *Ibid.* P. 32.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 13.
- ⁶⁷ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 306—307.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 336.
- ⁶⁹ Цит. по: *Shelden M.* Op. cit. P. 60.
- ⁷⁰ См.: *Ibid.*
- ⁷¹ *Buddicom J.* Op. cit. P. 37.
- ⁷² См.: *Hollis Ch.* A Study of George Orwell: The Man and His Works. London, 1956. P. 13—14.
- ⁷³ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 66.
- ⁷⁴ См.: George Orwell Archive. M/14. D. King-Farlow. College Days with George Orwell.
- ⁷⁵ См.: *Ibid.* G/1; *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 146—148.
- ⁷⁶ См.: *Bedford S.* Aldous Huxley: A Biography. London, 1973. Vol. 1. P. 92.
- ⁷⁷ George Orwell Archive. A/1/C, M/14.
- ⁷⁸ См.: *Ibid.* A/1/C, A/1/D, A/1/H.
- ⁷⁹ См.: *Ibid.* B/2/21.
- ⁸⁰ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 40.
- ⁸¹ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 103—104, 598.
- ⁸² Remembering Orwell. P. 19.
- ⁸³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23—24.

- ⁸⁴ См.: Ibid. P. 538.
- ⁸⁵ См.: George Orwell Archive. A/1. Henley and South Oxfordshire Standard. 1914. Oct. 2.
- ⁸⁶ См.: Ibid. 1916. July 21.
- ⁸⁷ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 537.
- ⁸⁸ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 108.
- ⁸⁹ См.: Ibid. P. 109.
- ⁹⁰ Remembering Orwell. P. 20.
- ⁹¹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 536—537.
- ⁹² George Orwell Archive. S. Sonia Orwell (Blair) Papers. Eastwood Ch. Letter to S. Orwell. 1964. Apr. 17.
- ⁹³ Цит. по: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. New York, 1972. P. 76.
- ⁹⁴ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 536—537.
- ⁹⁵ *Lucas S.* Orwell. London, 2003. P. 7.
- ⁹⁶ Цит. по: *Crick B.* Op. cit. P. 49.
- ⁹⁷ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 67.
- ⁹⁸ См.: *London J.* The People of the Abyss. New York, 1903. На русском языке см.: *Лондон Д.* Люди бездны. М., 1987.
- ⁹⁹ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 415.
- ¹⁰⁰ Ibid. Vol. 4. P. 344.
- ¹⁰¹ См.: Ibid. Vol. 1. P. 1—2; *Оруэлл Д.* Почему я пишу. С. 7—8.
- ¹⁰² *Оруэлл Д.* Почему я пишу. С. 9.
- ¹⁰³ См.: Там же. С. 8.
- ¹⁰⁴ *Buddicom J.* Op. cit. P. 38.
- ¹⁰⁵ См.: *Hunt W.* Why Orwell Went to Burma // Finlay Publishers. 2009. July—September. P. 4.
- ¹⁰⁶ *Buddicom J.* Op. cit. P. 87.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Ibid. P. 111.
- ¹⁰⁸ См.: Ibid. P. 59.
- ¹⁰⁹ См.: Remembering Orwell. P. 21.
- ¹¹⁰ См.: *Meyers J.* A Reader's Guide to George Orwell. London, 1975. P. 33.
- ¹¹¹ См.: Ibid. P. 33—34.
- ¹¹² См.: George Orwell Archive. J/11.
- ¹¹³ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 140; *Shelden M.* Op. cit. P. 87—88.
- ¹¹⁴ См.: *Orwell G.* As I please // Tribune. 1944. Oct. 20; *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 261.
- ¹¹⁵ *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 265—266.
- ¹¹⁶ Цит. по: The Story Behind George Orwell's Animal Farm. London, 2007. P. 11.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 126.
- ¹¹⁸ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 93.

- ¹¹⁹ R. Beadon's Interview to BBC // The Listener. 1969. Dec. 29.
- ¹²⁰ См.: George Orwell Archive. B/2/25.
- ¹²¹ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 104—107.
- ¹²² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 538.
- ¹²³ *Buddicom J.* Op. cit. P. 142.
- ¹²⁴ Цит. по: Ibid. P. 151.
- ¹²⁵ Ibid. P. 143—144.
- ¹²⁶ См.: The Guardian Saturday. 2007. Feb. 17.
- ¹²⁷ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 128—129.
- ¹²⁸ Ibid. P. 147—148.
- ¹²⁹ См.: *Acton H.* Memoirs of the Aesthete. London, 1970. P. 152.
- ¹³⁰ Цит. по: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 183.
- ¹³¹ Time and Tide. 1940. March 30.
- ¹³² *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. P. 146—147.
- ¹³³ См.: *Slater I.* Op. cit. P. 25.
- ¹³⁴ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 106.
- ¹³⁵ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 187.
- ¹³⁶ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 166—168.
- ¹³⁷ См.: *Lucas S.* Op. cit. P. 4.
- ¹³⁸ См.: *Acton H.* More Memoirs of an Aesthete. London, 1970. P. 152.
- ¹³⁹ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 109—110.
- ¹⁴⁰ *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. P. 129.
- ¹⁴¹ См.: *Htin Aung.* Orwell and Burma // The World of George Orwell / Ed. by M. Gross. New York, 1971. P. 19—30.
- ¹⁴² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23.
- ¹⁴³ См.: *Idem.* The Road to Wigan Pier. P. 137.
- ¹⁴⁴ См.: *Idem.* Review: Curtius E. R. The Civilisation of France: An Introduction. New York, 1932 // Adelphi. 1932. May.
- ¹⁴⁵ *Blair A.* My Brother, George Orwell // Twentieth Century. 1961. March. P. 257.
- ¹⁴⁶ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 126—127.
- ¹⁴⁷ Цит. по: Ibid. P. 127.
- ¹⁴⁸ Цит. по: Ibid. P. 157.
- ¹⁴⁹ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 119, 125—129.
- ¹⁵⁰ *Shelden M.* Op. cit. P. 159.
- ¹⁵¹ Ibid. P. 158.
- ¹⁵² См.: Ibid. P. 205.
- ¹⁵³ Remembering Orwell. P. 38.
- ¹⁵⁴ См.: George Orwell Archive. I/3. Copies from BBC Archives. M. Fierz Interview. 1970.
- ¹⁵⁵ Ibid. Copies from BBC Archives. R. Pitter Personal Memoirs of George Orwell. 1956. Jan. 3.

- ¹⁵⁶ Ibid.
- ¹⁵⁷ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23—24.
- ¹⁵⁸ См.: *Idem.* The Road to Wigan Pier. P. 141—142.
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 138.
- ¹⁶⁰ Ibid. P. 153.
- ¹⁶¹ *Оруэлл Д.* Фунты лиха в Париже и Лондоне / Пер. В. Домитеевой. М., 2003. С. 136.
- ¹⁶² *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. P. 129—130.
- ¹⁶³ См.: *Idem.* An Enquiry into Civic Progress in England // *Progrès Critique.* 1928. Décembre.
- ¹⁶⁴ См.: *Ingle S.* Op. cit. P. 49.
- ¹⁶⁵ *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. P. 130.
- ¹⁶⁶ См.: Ibid. P. 129.
- ¹⁶⁷ *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 114.
- ¹⁶⁸ Ibid. Vol. 4. P. 425.
- ¹⁶⁹ См.: George Orwell Archive. L/7. A. Blair Interview to I. Angus. 1964. April.
- ¹⁷⁰ Цит. по: *Shelden M.* Op. cit. P. 138.
- ¹⁷¹ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 127—140.
- ¹⁷² *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 9—10.
- ¹⁷³ См.: *Blair E.* La censure en Angleterre // *Le Monde.* 1928. Oct. 6.
- ¹⁷⁴ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 12—15.
- ¹⁷⁵ См.: *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 278—288.
- ¹⁷⁶ См.: George Orwell Archive. S. Sonia Orwell (Blair) Papers. Letter from Groupe Hôpitalier Cochin to S. Orwell. 1971, Nov. 25.
- ¹⁷⁷ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 278.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 288.
- ¹⁷⁹ George Orwell Archive. I/3. Copy from BBC Archives. M. Fierz in BBC Program on Orwell. 1970.
- ¹⁸⁰ См.: *Ingle S.* Op. cit. P. 25.
- ¹⁸¹ См.: Ibid. P. 26.
- ¹⁸² См.: *Slater I.* Op. cit. P. 53.
- ¹⁸³ См.: George Orwell Archive. H/2. L. I. Bailey. Letters to E. Blair. 1929. Febr. 19, March 28, Apr. 23, June 20.
- ¹⁸⁴ Ibid. I/2/E.
- ¹⁸⁵ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 51.
- ¹⁸⁶ George Orwell Archive. I/3. Copies of BBC Archives. R. Pitter Personal Memoirs of G. Orwell. 1956. Jan. 3.
- ¹⁸⁷ См.: The New English Weekly. 1936. Jan. 23.
- ¹⁸⁸ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 15.
- ¹⁸⁹ Ibid. P. 42.

- ¹⁹⁰ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 37.
- ¹⁹¹ См.: *Idem.* The Road to Wigan Pier. P. 154, 199.
- ¹⁹² *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 44.
- ¹⁹³ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т 2. С. 15—19.
- ¹⁹⁴ *Rees R.* George Orwell: Fugitive from the Camp of Victory. London, 1961. P. 143.
- ¹⁹⁵ George Orwell Archive. D/4. G. Orwell. Letter to D. Collings. 1931. Aug. 27.
- ¹⁹⁶ *Ibid.* Sept. 4.
- ¹⁹⁷ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 52—71.
- ¹⁹⁸ См.: George Orwell Archive. M/17. G. Orwell. Hop-Picking Diary. 1931. Sept. 19.
- ¹⁹⁹ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters Vol. 1. P. 86—94.
- ²⁰⁰ *Ibid.* P. 94.
- ²⁰¹ См.: New York Public Library. Berg Collection (далее — NYPL. BC). Eric Blair. Letter to L. Moore. 1932. April 26.
- ²⁰² Цит. по: *Crick B.* Op. cit. P. 223—224.
- ²⁰³ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 180.
- ²⁰⁴ См.: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 42—43.
- ²⁰⁵ Цит. по: *Shelden M.* Op. cit. P. 145.
- ²⁰⁶ См.: *Hunter L.* George Orwell: The Search for a Voice. Milton Keynes, 1984. P. 86.
- ²⁰⁷ См.: *Lucas S.* Op. cit. P. 16—17.
- ²⁰⁸ Time and Tide. 1933. Febr. 11.
- ²⁰⁹ Evening Standard. 1933. Jan. 11.
- ²¹⁰ The Times Literary Supplement. 1933. Febr. 11.
- ²¹¹ NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1933. Jan. 17.
- ²¹² The Times. 1933. Jan. 31.
- ²¹³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 115—116.
- ²¹⁴ NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1933. March 25.
- ²¹⁵ The Nation. 1933. Sept. 6.
- ²¹⁶ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 138.
- ²¹⁷ См.: *Ibid.* P. 172.
- ²¹⁸ См.: George Orwell Archive. A/1/Q. Manuscripts and Typescripts.
- ²¹⁹ См.: *Shelden M.* Op. cit. P. 172—173.
- ²²⁰ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 110.
- ²²¹ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 222.
- ²²² См.: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 34—38.
- ²²³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 119—120.
- ²²⁴ *Ibid.* P. 81.

- ²²⁵ Ibid. P. 82.
- ²²⁶ Ibid. P. 115.
- ²²⁷ Цит. по: *Shelden M.* Op. cit. P. 189.
- ²²⁸ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 9.
- ²²⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 125.
- ²³⁰ См.: *Blair A.* Op. cit. P. 257—258.
- ²³¹ George Orwell Archive. S/164. I Angus. Interview with V. Buckler. 1965. June 28.
- ²³² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 229.
- ²³³ *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 27.
- ²³⁴ Все цитаты из романа приводятся в переводе В. Домитеевой (*Оруэлл Д.* Дни в Бирме. М., 2012).
- ²³⁵ *Slater I.* Op. cit. P. 32.
- ²³⁶ См.: *New Statesman.* 1935. July 6.
- ²³⁷ См.: Some Letters of George Orwell // *Encounter.* 1962. Jan. P. 55—56.
- ²³⁸ См.: *Shelden M.* Friends of Promise: Cyril Connolly and the World of «Horizon». New York, 1989.
- ²³⁹ The World of George Orwell. P. 171.
- ²⁴⁰ The New York Times. 1934. Oct. 18.
- ²⁴¹ См.: *Orwell G.* La Vache Enragee. Paris, 1935.
- ²⁴² См.: *Lucas S.* Op. cit. P. 21.
- ²⁴³ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 20—27.
- ²⁴⁴ Там же. С. 24.
- ²⁴⁵ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 159.
- ²⁴⁶ Ibid. P. 388.
- ²⁴⁷ Ibid. P. 394—395.
- ²⁴⁸ См.: NYPL. BC. Harper and Brothers Sub-Collection.
- ²⁴⁹ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 204.
- ²⁵⁰ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 19—21.
- ²⁵¹ Ibid. P. 25—27.
- ²⁵² См.: *Baxendale J.* Orwell and Priestley: Two Ways of Being a Left-Wing Writer in 20th Century England [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orwellfoundation.com/george.orwell/about.orwell>.
- ²⁵³ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 50—151; *Shelden M.* Orwell. P. 205.
- ²⁵⁴ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 139—140.
- ²⁵⁵ См.: George Orwell Archive. G/2.
- ²⁵⁶ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 141.
- ²⁵⁷ Ibid. P. 139.
- ²⁵⁸ См.: *Lucas S.* Op. cit. P. 25.

- ²⁵⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 139.
- ²⁶⁰ *Ibid.* P. 330.
- ²⁶¹ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 210.
- ²⁶² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 140.
- ²⁶³ George Orwell Archive. G/2.
- ²⁶⁴ Remembering Orwell. P. 54—55.
- ²⁶⁵ См.: George Orwell Archive. Q/15. BBC Materials. J. Kimche.
- ²⁶⁶ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 242—249.
- ²⁶⁷ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 28.
- ²⁶⁸ Там же. С. 29.
- ²⁶⁹ Там же. С. 30—31.
- ²⁷⁰ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 246.
- ²⁷¹ *Ibid.* Vol. 3. P. 73.
- ²⁷² Remembering Orwell. P. 56.
- ²⁷³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 148.
- ²⁷⁴ *Shelden M.* Orwell. P. 218.
- ²⁷⁵ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 134—135.
- ²⁷⁶ См.: *Lucas S.* Op. cit. P. 27.
- ²⁷⁷ George Orwell Archive. R. Rees Materials. Box 10B. Letter to Rees. 1963. Nov. 8.
- ²⁷⁸ The Cambridge Companion to George Orwell // Ed. by J. Rodden. Cambridge, 2007. P. 14—15.
- ²⁷⁹ Indiana University. Lilly Library. George Orwell's Collection of Letters (далее — IU. LL. Orwell Collection). G. Orwell's Letter to L. Moore. 1935. Oct. 26.
- ²⁸⁰ Woodford Times. 1935. Oct. 25.
- ²⁸¹ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 186.
- ²⁸² *Fen E.* George Orwell's First Wife // Twentieth Century. 1960. Aug. P. 117.
- ²⁸³ The Guardian. 2005. Dec. 10.
- ²⁸⁴ *Fen E.* Op. cit. P. 115.
- ²⁸⁵ См.: *Ibid.* P. 107—108.
- ²⁸⁶ См.: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 109—114; *Crick B.* Op. cit. P. 273—276.
- ²⁸⁷ См.: *Coutts Smith J.* George Orwell in Wallington. Wallington, 2010.
- ²⁸⁸ *Fen E.* Op. cit. P. 117.
- ²⁸⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 222.
- ²⁹⁰ *Ingle S.* Op. cit. P. 39.
- ²⁹¹ George Orwell Archive. M/22. L. Cooper. Eileen Blair.
- ²⁹² Цит. по: *Bowker G.* George Orwell. London, 2004. P. 188.

- ²⁹³ Цит. по: *Crick B.* Op. cit. P. 480.
- ²⁹⁴ Цит. по: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 141—142.
- ²⁹⁵ См.: *Heppenstall R.* Orwell Intermittent // Twentieth Century. 1955. May. P. 473.
- ²⁹⁶ См.: George Orwell Archive. M/14.
- ²⁹⁷ См.: Orwell Remembered. London, 1984. P. 130—133.
- ²⁹⁸ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 170—214.
- ²⁹⁹ Ibid. P. 183.
- ³⁰⁰ Ibid. P. 164.
- ³⁰¹ Ibid. P. 184—185.
- ³⁰² Ibid. P. 182.
- ³⁰³ См.: George Orwell Archive. A/3/A. G. Orwell's Unpublished Notes for The Road to Wigan Pier.
- ³⁰⁴ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 12.
- ³⁰⁵ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 259.
- ³⁰⁶ *Orwell G.* Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 196—197.
- ³⁰⁷ См.: *Idem.* The Road to Wigan Pier. P. 67—68.
- ³⁰⁸ См.: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 153.
- ³⁰⁹ *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. P. 173.
- ³¹⁰ Ibid. P. 150.
- ³¹¹ Ibid. P. 130.
- ³¹² См.: Ibid. P. 139—140, 156.
- ³¹³ Ibid. P. 189.
- ³¹⁴ См.: Ibid. P. 185—186.
- ³¹⁵ *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 203.
- ³¹⁶ George Orwell Archive. G/2. Letters from Orwell. Letter to B. Salkeld. 1935. May 7.
- ³¹⁷ *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. P. 199—200.
- ³¹⁸ *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 284.
- ³¹⁹ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 139—140.
- ³²⁰ Там же. С. 149.
- ³²¹ См.: *Hodges Sh.* Gollancz: The Story of a Publishing House. London, 1978. P. 126—127.
- ³²² George Orwell Archive. M/15.
- ³²³ *V. Gfollancz J.* Foreword // *Orwell G.* The Road to Wigan Pier. London, 1937. P. XIV.
- ³²⁴ Ibid. P. XXII—XXIII.
- ³²⁵ Ibid. P. XX.
- ³²⁶ Daily Worker. 1937. March 17.
- ³²⁷ George Orwell Archive. G/1. Letters from Orwell. Letter to E. Blair. 1937. April.
- ³²⁸ Left News. 1937. March. P. 275—276.
- ³²⁹ См.: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 230.

- ³³⁰ См.: *Wilkinson E.* The Town That Was Murdered: The Life Story of Jarrow. London, 1939.
- ³³¹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 181.
- ³³² Ibid. P. 189.
- ³³³ См.: *Heijenoort J. van.* With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. Cambridge, 1978. P. 88.
- ³³⁴ См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to the Literary Agency. 1936. Dec. 11.
- ³³⁵ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 317—318.
- ³³⁶ См.: *Buchanan T.* Britain and the Spanish Civil War. London, 1997. P. 76.
- ³³⁷ См.: Spain Betrayed: The Soviet Union in the Spanish Civil War / Ed. by R. Radosh, M. Habeck, G. Sevostianov. New Haven, 2001. P. 179.
- ³³⁸ *Оруэлл Д.* Памяти Каталонии / Пер. В. Воронина. М., 2003. Ниже все цитаты из работы «Памяти Каталонии» приводятся по этой публикации.
- ³³⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 316—317.
- ³⁴⁰ Ibid. Vol. 3. P. 403.
- ³⁴¹ См.: Ibid. Vol. 1. P. 154—156, 230—232.
- ³⁴² Ibid. P. 521.
- ³⁴³ Ibid. P. 318.
- ³⁴⁴ George Orwell Archive. M/16. C. Orr.
- ³⁴⁵ Ibid. John McNair to Ian Angus Interview. 1964. April.
- ³⁴⁶ Ibid.
- ³⁴⁷ См.: *Durgan A.* International Volunteers in the POUM Militias [Электронный ресурс]. URL: <http://libicom.org/history/international-volunteers-poum-militias>.
- ³⁴⁸ См.: The Spanish Revolution. 1937. Febr. 3.
- ³⁴⁹ См.: Three Months on the Huesca Front. The Spanish Civil War: The View from the Left // Revolutionary History. Vol. 4. Nos. 1—2. London, 1992. P. 287.
- ³⁵⁰ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 263.
- ³⁵¹ См.: *Wildemeersch M.* De man die Belg wilde worden: Georges Kopp, commandant van George Orwell. Haarlem, 2010.
- ³⁵² См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 311.
- ³⁵³ *Idem.* Complete Works. Vol. 11. London, 1997. P. 363.
- ³⁵⁴ Ibid. P. 364.
- ³⁵⁵ См.: The New Leader. 1937. Febr. 19.
- ³⁵⁶ См.: The Lost Orwell. P. 68.
- ³⁵⁷ George Orwell Archive. M/26. C. Orr.
- ³⁵⁸ См.: *Orwell G.* Complete Works. Vol. 11. P. 363.
- ³⁵⁹ Ibid. P. 365.

³⁶⁰ Ibid. P. 367.

³⁶¹ См.: Дамье В. В. Забытый Интернационал: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 364—368.

³⁶² См. *Cattell D.* Communism and the Spanish Civil War. Berkeley, 1955. P. 142.

³⁶³ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 183. Ед. хр. 6.

³⁶⁴ Stanford University (California). Hoover Institution Archives. Harry Milton Collection (далее — SU. HIA. MC). H. Milton. Letter to M. Abern. 1937. May 19.

³⁶⁵ См.: *Brandt W.* In Exile: Essays, Reflections, and Letters. 1933—47. London, 1977. P. 141.

³⁶⁶ См.: Spain Betrayed. P. 182, 183.

³⁶⁷ См.: British War Museum Archives. S. Cottman. The Account of the Spanish Civil War; *Keys D.* Stafford Cottman // The Independent. 1999. Nov. 3.

³⁶⁸ George Orwell Archive. Q/7, 9.

³⁶⁹ См.: *Edwards R.* On the Aragon Front // The New Leader. 1937. March 5.

³⁷⁰ George Orwell Archive. J. Donovan to I. Angus Interview. 1967. April.

³⁷¹ См.: SU. HIA. MC. H. Milton's Interviews to California Journalists.

³⁷² См.: *Hopkins J. K.* Into the Heart of the Fire: The British in the Spanish Civil War. Stanford, 1998. P. 280—288 etc.

³⁷³ *Orwell G.* Complete Works. Vol. 11. P. 365.

³⁷⁴ См.: *Idem.* Diaries. London, 2009; New York, 2012.

³⁷⁵ См.: *Alba V.* El Marxisme a Catalunya (1919—1939): Historia del P. O. U. M. Barcelona, 1974. P. 150.

³⁷⁶ *Shelden M.* Orwell. P. 292.

³⁷⁷ Цит. по: *Stansky P., Abrahams W.* The Unknown Orwell. P. 221.

³⁷⁸ См.: George Orwell Archive. K/11. G. Kopp's note. 1937. May 31.

³⁷⁹ См.: SU. HIA. MC. H. Milton's Interviews to California Journalists.

³⁸⁰ Цит. по: Orwell in Spain. P. 23.

³⁸¹ См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to Tompson. 1937. June 8.

³⁸² См.: George Orwell Archive. Q/15. Interview to F. Jurado.

³⁸³ См.: *Low R.* Archives Show How Orwell's 1937 Held More Terror Than His 1984 // The Observer. 1989. Nov. 5; Orwell Barely Escaped Communism's Grip // Ocala Star-Banner. 1989. Nov. 13.

³⁸⁴ *Rees R.* For Love of Money. Carbondale, 1960. P. 153.

³⁸⁵ См.: George Orwell Archive. K/13.

³⁸⁶ См.: Блюм А. «Интернациональная литература»: Подцензурное прошлое // Иностранная литература. 2005. № 10.

³⁸⁷ См.: George Orwell Archive. H/1. Letters to Orwell.

³⁸⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 867. Л. 29; Оп. 5. Ед. хр. 46. Л. 1.

- ³⁸⁹ См.: George Orwell Archive. H/1, C/4/B.
- ³⁹⁰ См.: Daily Worker. 1937. June 14, 16; *Soria G.* Trotskyism in the Service of Franco: A Documented Record of Treachery by the P. O. U. M in Spain. London, 1938. P. 40—42.
- ³⁹¹ См.: Spain Betrayed. P. 177 etc.
- ³⁹² См.: George Orwell Archive. C/3/D.
- ³⁹³ Цит. по: Orwell in Spain. P. 242—243.
- ³⁹⁴ George Orwell Archive. H/2. Letters to Orwell.
- ³⁹⁵ См.: The Lost Orwell. P. 71.
- ³⁹⁶ См.: IU. LL. Orwell Collection. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1937. Aug. 27.
- ³⁹⁷ См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to J. Common. 1937.
- ³⁹⁸ Цит. по: The Lost Orwell. P. 309.
- ³⁹⁹ IU. LL. Orwell Collection. V. Gollancz. Letter to G. Orwell. 1937. July 5.
- ⁴⁰⁰ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 289.
- ⁴⁰¹ The Independent. 2002. Oct. 19.
- ⁴⁰² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 270.
- ⁴⁰³ См.: *Low M., Breá J.* Red Spanish Notebook: The First Six Months of the Revolution and the Civil War. London, 1937; *Timmerman R.* Heroes of Alcazar. London, 1937.
- ⁴⁰⁴ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 287—289.
- ⁴⁰⁵ См.: *Borkenau F.* The Spanish Cockpit: An Eyewitness Account of the Political and Social Conflicts of the Spanish Civil War. London, 1937.
- ⁴⁰⁶ George Orwell Archive. H/2. K. Martin. Letter to Orwell. 1937. July 29.
- ⁴⁰⁷ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 357.
- ⁴⁰⁸ Ibid. P. 276—278.
- ⁴⁰⁹ George Orwell Archive. H/2. F. Warburg. Letter to E. Blair. 1937. July 6.
- ⁴¹⁰ См.: *Warburg F.* An Occupation for Gentlemen. London, 1959. P. 202, 250.
- ⁴¹¹ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 308.
- ⁴¹² The New Leader. 1937. Aug. 13.
- ⁴¹³ The Observer. 1938. May 29.
- ⁴¹⁴ Time and Tide. 1938. Apr. 30.
- ⁴¹⁵ The New Leader. 1938. May 16.
- ⁴¹⁶ См.: George Orwell Archive. K/14. E. Goldman's letter from March 21, 1938 and Eileen Blair's answer.
- ⁴¹⁷ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 364.
- ⁴¹⁸ George Orwell Archive. H/2. F. Borkenau. Letter to G. Orwell. 1938. Sept. 14.
- ⁴¹⁹ См.: *Williams R.* Orwell. Glasgow, 1971. P. 59.

- ⁴²⁰ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 366.
- ⁴²¹ См.: Ibid. P. 311.
- ⁴²² Ibid. Vol. 2. P. 87.
- ⁴²³ *Быков Д.* Прощай, отчаяние, или По ком звонит дар // *Быков Д.* Вместо жизни. С. 21.
- ⁴²⁴ См.: George Orwell Archive. C/5/F. Eric Blair's ILP Card.
- ⁴²⁵ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 336—338.
- ⁴²⁶ Цит. по: *Atkins J.* George Orwell. London, 1954. P. 51.
- ⁴²⁷ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 357.
- ⁴²⁸ См.: *Lyons E.* Assignment in Utopia. New York, 1937.
- ⁴²⁹ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 333.
- ⁴³⁰ См.: *Russel B.* Power: A New Social Analysis. London, 1938.
- ⁴³¹ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 354.
- ⁴³² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 302—303.
- ⁴³³ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 314—316.
- ⁴³⁴ IU. LL. Orwell Collection. Eileen Blair. Letter to J. Common. March 1938.
- ⁴³⁵ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 317, 524.
- ⁴³⁶ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 310.
- ⁴³⁷ IU. LL. Orwell Collection. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1937. Dec. 6.
- ⁴³⁸ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 330.
- ⁴³⁹ См.: *Meyers J.* George Orwell: The Critical Heritage. London, 1997. P. 16.
- ⁴⁴⁰ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 104.
- ⁴⁴¹ Ibid. Vol. 1. P. 367—368.
- ⁴⁴² Цит. по: *Idem.* A Life in Letters. P. 117.
- ⁴⁴³ IU. LL. Orwell Collection. Eileen Blair. Letter to I. Blair. 1938. Sept. 15.
- ⁴⁴⁴ См.: George Orwell Archive. E/1. Diary. 1938. Dec. 22.
- ⁴⁴⁵ IU. LL. Orwell Collection. Eileen Blair. Letter to G. Gorer.
- ⁴⁴⁶ См.: *Оруэлл Д.* Чарльз Диккенс // *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 85—134.
- ⁴⁴⁷ Там же. С. 85.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 96.
- ⁴⁴⁹ Там же. С. 97.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 87.
- ⁴⁵¹ Там же. С. 88, 99.
- ⁴⁵² Там же. С. 91.
- ⁴⁵³ Там же. С. 93.

- ⁴⁵⁴ Оруэлл Д. Чарльз Диккенс // Оруэлл Д. Сочинения. Т. 2. С. 92.
⁴⁵⁵ Там же. С. 94—95.
⁴⁵⁶ Там же. С. 104—105.
⁴⁵⁷ Там же. С. 106.
⁴⁵⁸ Там же. С. 117.
⁴⁵⁹ Там же. С. 130.
⁴⁶⁰ Там же. С. 122.
⁴⁶¹ Там же. С. 134.
⁴⁶² См.: *Он же*. Толстой и Шекспир / Пер. А. Шульгат // Всемирное слово. 2001. № 13..
⁴⁶³ NYPL. BC. G. Orwell. Letter to J. Common. 1938, Sept. 29.
⁴⁶⁴ George Orwell Archive. K/14. J. Common's Letter to Eileen and Eric Blair. 1938. Oct. 3.
⁴⁶⁵ Ibid. C15/G.
⁴⁶⁶ См.: Ibid. C/4/D.
⁴⁶⁷ IU. LL. Orwell Collection. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1939. Apr. 25.
⁴⁶⁸ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 386.
⁴⁶⁹ См.: Ibid. P. 377.
⁴⁷⁰ См.: IU. LL. Orwell Collection. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1938. June 28.
⁴⁷¹ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 325—326.
⁴⁷² См.: The New English Weekly. 1938. May 26.
⁴⁷³ См.: *Дивайн Д.* Девять дней Дюнкерка. М., 1965.
⁴⁷⁴ *Orwell G.* Autobiographical Note // Twentieth Century Authors. P. 1058.
⁴⁷⁵ Orwell Remembered. P. 142—143.
⁴⁷⁶ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 391—392.
⁴⁷⁷ *Connolly C.* The Evening Colonnade. P. 345.
⁴⁷⁸ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 360.
⁴⁷⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 392.
⁴⁸⁰ Цит. по: *Thompson J.* Orwell's London. London, 1984. P. 49.
⁴⁸¹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 358.
⁴⁸² *Fyvel T. J.* George Orwell: A Personal Memoir. New York, 1982. P. 105.
⁴⁸³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 34.
⁴⁸⁴ Ibid. Vol. 1. P. 539.
⁴⁸⁵ Ibid. Vol. 2. P. 49—55.
⁴⁸⁶ См.: *Lucas S.* Op. cit. P. 60.
⁴⁸⁷ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 13—14.
⁴⁸⁸ IU. LL. Orwell Collection. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1939. July 14.

- ⁴⁸⁹ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 402.
- ⁴⁹⁰ См.: *Orwell G.* The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius. London, 1941.
- ⁴⁹¹ Здесь и далее статья цитируется по изданию: *Оруэлл Д.* Лев и Единорог: Эссе, статьи, рецензии / Пер. В. Голышева. М., 2003.
- ⁴⁹² The Times Literary Supplement. 1941. March 8. P. 110.
- ⁴⁹³ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 227.
- ⁴⁹⁴ См.: *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 135—139.
- ⁴⁹⁵ Цит. по: *Empson W.* Orwell at the BBC // The World of George Orwell. P. 98.
- ⁴⁹⁶ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 10.
- ⁴⁹⁷ Ibid. P. 278.
- ⁴⁹⁸ *Lucas S.* Op. cit. P. 64.
- ⁴⁹⁹ См.: Tribune. 1940. Dec. 20.
- ⁵⁰⁰ George Orwell Archive. Q. BBC Materials. F. Warburg.
- ⁵⁰¹ *Warburg F.* All Authors are Equal. London, 1973. P. 36.
- ⁵⁰² См.: Time and Tide. 1940. June 22.
- ⁵⁰³ См.: George Orwell Archive. A/2. Lecture Notes «Street Fighting».
- ⁵⁰⁴ IU. LL. Orwell Collection. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1940. Jan. 25.
- ⁵⁰⁵ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 349.
- ⁵⁰⁶ Цит. по: *Crick B.* Op. cit. P. 382.
- ⁵⁰⁷ См.: Time and Tide. 1940. Nov. 30; 1941. Febr. 15.
- ⁵⁰⁸ См.: Ibid. 1940. Dec. 21.
- ⁵⁰⁹ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 354.
- ⁵¹⁰ *Оруэлл Д.* Уэллс, Гитлер и всемирное государство [Электронный ресурс]. URL: http://orwell.ru/library/reviews/wells/russian/r_whws.
- ⁵¹¹ См.: *Он же.* Сочинения. Т. 2. С. 150—154.
- ⁵¹² См.: The New English Weekly. 1940. March 21. Публикацию на русском языке см.: *Оруэлл Д.* Скотный двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии. С. 75—79.
- ⁵¹³ См.: *Hitler A.* Mein Kampf. London, 1939.
- ⁵¹⁴ См.: *Rademacher M.* Orwell and Hitler: Mein Kampf as a Source for Nineteen Eighty-Four // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 1999. № 1. S. 38—53.
- ⁵¹⁵ См.: *Borkenau F.* The Totalitarian Enemy. London, 1940.
- ⁵¹⁶ См.: *Оруэлл Д.* «1984» и эссе разных лет. С. 247—263.
- ⁵¹⁷ Там же. С. 249.
- ⁵¹⁸ Там же. С. 255.
- ⁵¹⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 403.
- ⁵²⁰ George Orwell Archive. H/2. C. Greenberg. Letter to G. Orwell. 1940. Dec. 9.
- ⁵²¹ См.: Ibid. Press and Censorship Bureau. Letter to G. Orwell. 1941. Apr. 21.

- ⁵²² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 375.
- ⁵²³ См.: *Edwards R.* Victor Gollancz: A Biography. London, 1987. P. 397.
- ⁵²⁴ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 529.
- ⁵²⁵ The Cherwell. 1941. June 5.
- ⁵²⁶ См.: George Orwell Archive. Q/4 etc.
- ⁵²⁷ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 373.
- ⁵²⁸ *Muggeridge M.* Chronicles of Wasted Time. London, 1978. Vol. 2. P. 73.
- ⁵²⁹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 437.
- ⁵³⁰ Цит. по: Ibid. Vol. 2. P. 223.
- ⁵³¹ Ibid. P. 227—230.
- ⁵³² George Orwell Archive. I/3. G. B. Shaw. Letter to G. Orwell. 1943. Oct. 26.
- ⁵³³ См.: Orwell: The War Broadcasts / Ed. by W J. West. Harmondsworth, 1987. P. 71—73.
- ⁵³⁴ См.: *McDowell E.* Publishing from BBC's Orwell File // The New York Times. 1984. Sept. 7.
- ⁵³⁵ См.: *Fielden L.* Beggar My Neighbour. Bombay, 1942.
- ⁵³⁶ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 306—315.
- ⁵³⁷ См.: Orwell: The War Broadcasts. P. 46.
- ⁵³⁸ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 375.
- ⁵³⁹ См.: Ibid. P. 375—376; George Orwell Archive. Q/15. BBC Materials. E. Knight.
- ⁵⁴⁰ George Orwell Archive. M.
- ⁵⁴¹ См.: Ibid. I/3. Eric Blair. Memo to L. F. Rushbrook-Williams, Eastern Service Director. 1942. Oct. 15.
- ⁵⁴² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 435.
- ⁵⁴³ См.: Ibid. P. 411—412.
- ⁵⁴⁴ См.: Orwell: The War Broadcasts. P. 44—55.
- ⁵⁴⁵ George Orwell Archive. I/3. Eric Blair. Letter to Eastern Service Director. 1943. Sept. 24.
- ⁵⁴⁶ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 382.
- ⁵⁴⁷ См.: *Crick B.* Op. cit. P. 442—449.
- ⁵⁴⁸ Цит. по: *Ingle S.* Op. cit. P. 63.
- ⁵⁴⁹ Tribune. 1947. Jan. 31.
- ⁵⁵⁰ George Orwell Archive. G/1. G. Orwell. Letter to R. S. R. Fitter. 1944. Febr. 17.
- ⁵⁵¹ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 386.
- ⁵⁵² См.: Orwell in Tribune: «As I Please» and other Writings. 1943—1947 / Ed. by P. Anderson. Methuen, 2006.
- ⁵⁵³ *Ingle S.* Op. cit. P. 63.
- ⁵⁵⁴ См.: Tribune. 1943. Dec. 3, 17.

- ⁵⁵⁵ Ibid. 1941. Dec. 31.
- ⁵⁵⁶ Ibid. 1947. Jan. 31.
- ⁵⁵⁷ Vogue. 1946. Sept. 15.
- ⁵⁵⁸ См.: *Orwell G.* As I Please // Tribune. 1946. Nov. 8.
- ⁵⁵⁹ The Churchill War Papers: 1941. New York, 1993. Vol. 1. P. 835—836.
- ⁵⁶⁰ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 176.
- ⁵⁶¹ См.: George Orwell Archive. I/3. Venu Chitale's Note on Eileen Blair.
- ⁵⁶² *Cooper L.* Eileen Blair // PEN Broadcast. 1984. Autumn.
- ⁵⁶³ См.: George Orwell Archive. Q/15. BBC Materials. Lettice Cooper.
- ⁵⁶⁴ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 393.
- ⁵⁶⁵ См.: Ibid. P. 397.
- ⁵⁶⁶ См.: *Rodden J.* George Orwell: The Politics of Literary Reputation. London, 1989. P. 128—129; George Orwell Archive. P. Potts' Interview to I. Angus. 1963. April.
- ⁵⁶⁷ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 398.
- ⁵⁶⁸ См.: *Császár I.* A «Spot the Size of a Shilling» on the Back of George Orwell's Head — Orwell in the Light of His Marriage with Eileen O'Shaughnessy // Proceedings of the HUSSE10 Conference. Debrecen, 2011. P. 105.
- ⁵⁶⁹ См.: The Times Literary Supplement. 1972. Sept. 15.
- ⁵⁷⁰ См.: *Trotsky L.* Stalin, the Peasant, and the Gramophone // *Trotsky L.* The Challenge of the Left Opposition (1926—27). New York, 1980. P. 222—223.
- ⁵⁷¹ См.: *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 12.
- ⁵⁷² См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1945. Febr. 15.
- ⁵⁷³ Цит. по: *O'Flinn P.* Orwell and Tribune // Literature and History. 1980. № 6. P. 608.
- ⁵⁷⁴ Yale University. Sterling Library. Dwight Macdonald's Papers (далее — YU. SL. DMP). G. Orwell's Letter to D. Macdonald. 1944. July 23.
- ⁵⁷⁵ См.: The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Sectar History of the KGB. New York, 1999. P. 81, 120; *Caute D.* Politics and the Novel during the Cold War. Piscotaway, 2010. P. 79.
- ⁵⁷⁶ George Orwell Archive. H/1. J. Cape. Letter to G. Orwell. 1944. June 16.
- ⁵⁷⁷ Tribune. 1944. July 7.
- ⁵⁷⁸ George Orwell Archive. H/1. Faber & Faber, Limited (T. S. Eliot). Letter to G. Orwell. 1944, July 13.
- ⁵⁷⁹ Цит. по: Ibid. Q. F. Warburg on BBC. 1960. May 4.
- ⁵⁸⁰ См.: *Crick B.* How the Essay Came to Be Written // The Times Literary Supplement. 1972. Sept. 12.
- ⁵⁸¹ NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1945. Sept. 29.
- ⁵⁸² Цит. по: *Caute D.* Op. cit. P. 83.
- ⁵⁸³ См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1946. Febr. 23.

⁵⁸⁴ Документы, связанные с этим изданием, см.: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Исторический контекст «Скотского хутора» Дж. Оруэлла в его переписке // Вопросы истории. 2013. № 12.

⁵⁸⁵ См.: *Orwell G.* Колгосп тварин / З англійської мови переклав Іван Чернятинський. [Мюнхен], 1947.

⁵⁸⁶ См.: George Orwell Archive. H/2. I. Szevczenko. Letter to G. Orwell. 1946. April 11.

⁵⁸⁷ См.: Ibid. G/2. G. Orwell. Letters to I. Szevczenko. 1947. March 13, 21.

⁵⁸⁸ См.: Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students / Ed. by Cyril Mango, Omeljan Pritsak // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 7. Cambridge, 1983. P. 8.

⁵⁸⁹ См.: Украинскому переводу «Скотного двора» Оруэлла — 65 лет [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2012/07/120723_ru_s_orwell_farm_ukrainian.

⁵⁹⁰ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 404.

⁵⁹¹ Предисловие на русском языке см.: Новое время. 1991. № 31.

⁵⁹² См.: *Ingle S.* Op. cit. P. 68.

⁵⁹³ См.: *Warburg F.* All Authors are Equal. P. 78.

⁵⁹⁴ См.: *Leab D.* Orwell Subverted: The CIA and the Filming of Animal Farm. Philadelphia, 2008; *Caute D.* Op. cit. P. 85.

⁵⁹⁵ YU. SL. DMP. G. Orwell. Letter to D. Macdonald. 1944. Sept. 5.

⁵⁹⁶ The Observer. 1944. Sept. 3.

⁵⁹⁷ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 297.

⁵⁹⁸ Ibid. P. 295.

⁵⁹⁹ *Shelden M.* Orwell. P. 406.

⁶⁰⁰ См.: *Орвелл Г.* Скотский хутор. Франкфурт-на-Майне, 1950.

⁶⁰¹ См.: *Орвелл Д.* Ферма Энимал. Нью-Йорк, 1986.

⁶⁰² См.: *Прибыловский В.* Зверская ферма—2. М., 2002.

⁶⁰³ *Полоцк И.* Жестокое предвидение Оруэлла: История перевода и всего, что связано с ним. [Электронный ресурс]. URL: http://laban.rs/orwell/Animal_Farm/Zhestokie_predvideniya_Oruella.

⁶⁰⁴ См.: *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 197—236.

⁶⁰⁵ George Orwell Archive. G/2. G. Orwell. Letter to R. Senhouse. 1945. Febr. 28.

⁶⁰⁶ См.: *Pott P.* Dante Called You Beatrice. London, 1960. P. 209—210.

⁶⁰⁷ University of Tulsa. McFarlin Library. E. Hammingway's Papers. Letter to C. Connolly. 1948. March 15.

⁶⁰⁸ См.: *Hemingway E.* True At First Light. New York, 1999. P. 139—140.

⁶⁰⁹ NYPL. BC. Eileen Blair. Letter to L. Moore. 1945. March 2.

- ⁶¹⁰ См.: Ibid. Letter to C. Connolly. 1945. March 25.
- ⁶¹¹ George Orwell Archive. K/25. Eileen Blair. Letter to Eric Blair. 1945. March 21—22.
- ⁶¹² Ibid. March 29.
- ⁶¹³ Ibid. H/1. G. Orwell. Letter to Byrne. 1945. June 28.
- ⁶¹⁴ Цит. по: *Shelden M. Orwell*. P. 417.
- ⁶¹⁵ George Orwell Archive. G/1. G. Orwell. Letter to L. Johnson. 1945. Apr. 1.
- ⁶¹⁶ Ibid. G/2. G. Orwell. Letter to A. Popham. 1946. Apr. 18.
- ⁶¹⁷ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 4. P. 104.
- ⁶¹⁸ YU. SL. DMP. G. Orwell's Letter to D. Macdonald. 1945. Apr. 4.
- ⁶¹⁹ Tribune. 1945. Nov. 9.
- ⁶²⁰ См.: The Observer. 1945. May 27.
- ⁶²¹ См.: *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 3. P. 380—386.
- ⁶²² См.: *Shelden M. Orwell*. P. 422—425.
- ⁶²³ Ibid. P. 425.
- ⁶²⁴ См.: Tribune. 1946. May 3.
- ⁶²⁵ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 3. P. 42.
- ⁶²⁶ Ibid. P. 2—3.
- ⁶²⁷ См.: *Оруэлл Д. Сочинения*. Т. 2. С. 257—277.
- ⁶²⁸ Там же. С. 186.
- ⁶²⁹ См.: *Dali S. The Secret Life of Salvador Dali Written by Himself*. New York, 1942. Русское издание см.: *Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали*, написанная им самим. М., 1996.
- ⁶³⁰ *Оруэлл Д. Привилегия духовных пастырей: Заметки о Сальвадоре Дали // Оруэлл Д. Сочинения*. Т. 2. С. 186—196.
- ⁶³¹ См.: *Он же*. Сочинения. Т. 2. С. 7—14.
- ⁶³² См.: *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 3. P. 156—165.
- ⁶³³ См.: *Struve G. 25 Years of Soviet Russian Literature: 1918—1943*. London, 1944.
- ⁶³⁴ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 3. P. 95.
- ⁶³⁵ См.: *Steinhoff W. George Orwell and the Origins of 1984*. Ann Arbor, 1975. P. 226.
- ⁶³⁶ См.: Tribune. 1946. Jan. 4. Публикацию рецензии на русском языке см.: *Оруэлл Д. Скотный двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии*. С. 100—102.
- ⁶³⁷ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 4. P. 486.
- ⁶³⁸ См.: Ibid. P. 417.
- ⁶³⁹ См.: *Ingle S. Op. cit.* P. 109.
- ⁶⁴⁰ См.: *The New Yorker*. 1948. July 17. Перевод на русский язык см.: *Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет*.

- ⁶⁴¹ См.: George Orwell Archive. T/5. M. Meyer. Memoirs of G. Orwell.
- ⁶⁴² *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 151.
- ⁶⁴³ *Idem.* The British General Election // Commentary. 1945. November.
- ⁶⁴⁴ См.: *Goodway D.* Herbert Read Reassessed. Liverpool, 1998.
- ⁶⁴⁵ См.: *Orwell G.* Freedom of the Park // Tribune. 1945. Dec. 7.
- ⁶⁴⁶ См.: *Idem.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 145—146.
- ⁶⁴⁷ George Orwell Archive. G/1.
- ⁶⁴⁸ См.: *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 120—121.
- ⁶⁴⁹ См.: *Ibid.* P. 15—19.
- ⁶⁵⁰ См.: *Оруэлл Д.* Артур Кёстлер // *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 174—185.
- ⁶⁵¹ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 17—18.
- ⁶⁵² Цит. по: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Через века и страны: Б. И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века. М., 2012. С. 389—390.
- ⁶⁵³ Цит. по: *Hamilton I.* Koestler: A Biography. New York, 1982. P. 179—203.
- ⁶⁵⁴ *Orwell Remembered.* P. 169—170.
- ⁶⁵⁵ См.: *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 236—256.
- ⁶⁵⁶ См.: *Forward.* 1946. March 16.
- ⁶⁵⁷ См.: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Лев Троцкий: Враг № 1. М., 2013. С. 332—354.
- ⁶⁵⁸ *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999. С. 445.
- ⁶⁵⁹ См.: *Daily Herald.* 1947. Febr. 27.
- ⁶⁶⁰ *Blair A.* *Op. cit.* P. 259.
- ⁶⁶¹ См.: George Orwell Archive. Interview I. Holden to I. Angus. No date.
- ⁶⁶² См.: *Blair A.* *Op. cit.* P. 255—261.
- ⁶⁶³ George Orwell Archive. G/2. G. Orwell. Letter to A. Popham. 1946. Apr. 18.
- ⁶⁶⁴ *Ibid.* March 15.
- ⁶⁶⁵ См.: *Spurling H.* The Girl from the Fiction Department: A Portrait of Sonia Orwell. New York, 2003.
- ⁶⁶⁶ Цит. по: *Shelden M.* Orwell. P. 447.
- ⁶⁶⁷ См.: George Orwell Archive. Q. BBC Materials. S. Blair. 1963. May 20.
- ⁶⁶⁸ *Ibid.* G/1. G. Orwell. Letter to F. Barber. 1947. Apr. 15.
- ⁶⁶⁹ *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 12.
- ⁶⁷⁰ George Orwell Archive. M/13/B.
- ⁶⁷¹ См.: *Ibid.* B/1. Literary Notebook 1939/40—1946/47.

- ⁶⁷² См.: *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 4. P. 326.
- ⁶⁷³ См.: George Orwell Archive. G/1. G. Orwell. Letter to S. Brownell. 1947. Apr. 12.
- ⁶⁷⁴ Remembering Orwell. P. 190—192.
- ⁶⁷⁵ См.: Ibid. P. 184—185.
- ⁶⁷⁶ George Orwell Archive. G/1. G. Orwell. Letter to D. Astor. 1948. Oct. 9.
- ⁶⁷⁷ См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1949. Jan. 22.
- ⁶⁷⁸ George Orwell Archive. G/2. G. Orwell. Letter to J. M. Murry. 1948. Febr. 20.
- ⁶⁷⁹ Ibid. G/1. G. Orwell. Letter to D. Astor. 1948. Febr. 1.
- ⁶⁸⁰ Цит. по: *Shelden M. Orwell*. P. 464.
- ⁶⁸¹ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 4. P. 415—416.
- ⁶⁸² См.: *Shelden M. Orwell*. P. 438.
- ⁶⁸³ Цит. по: Ibid. P. 404.
- ⁶⁸⁴ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 4. P. 454.
- ⁶⁸⁵ George Orwell Archive. G/1. G. Orwell. Letter to T. Fyvel. 1948. Dec. 18.
- ⁶⁸⁶ См.: *Rees R. George Orwell: Fugitive from the Camp of Victory*. P. 150.
- ⁶⁸⁷ См.: George Orwell Archive. F/5. G. Orwell. Notebook. 1949.
- ⁶⁸⁸ University of Newcastle upon Tyne. Jack Common Archive. G. Orwell. Letter to J. Common. 1949. July 27.
- ⁶⁸⁹ Русский перевод см.: *Оруэлл Д. Лев и Единорог*. С. 452—461.
- ⁶⁹⁰ См.: *Gandhi M. An Autobiography: The Story of My Experiments with Truth*. London, 1949.
- ⁶⁹¹ *Orwell G. Burnham's View of the Contemporary World Struggle* // *The New Leader*. 1947. March 29.
- ⁶⁹² См.: *Burnham J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World*. New York, 1941.
- ⁶⁹³ См.: *Orwell G. The Machiavellians* by James Burnham // *The Manchester Evening News*. 1944. Jan. 20; *Idem. James Burnham and the Managerial Revolution* // *The New English Weekly*. 1946. May.
- ⁶⁹⁴ См.: *Дойчер И. Троцкий: Изгнанный пророк*. 1929—1940. М., 2006. С. 334.
- ⁶⁹⁵ NYPL. BC. G. Orwell. Letters to L. Moore. 1949. Jan. 20, 22.
- ⁶⁹⁶ Ibid. March 17.
- ⁶⁹⁷ *The New York Times Book Review*. 1949. July 31.
- ⁶⁹⁸ *Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters*. Vol. 2. P. 368.
- ⁶⁹⁹ Троцкий против Сталина: Эмигрантский архив Л. Д. Троцкого. 1929—1933 / Под ред. Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М., 2014. С. 417.
- ⁷⁰⁰ *Шануро Л. Коммунистическая партия Советского Союза*. Firenze, 1975. P. 657—658.

- ⁷⁰¹ *Warburg F.* An Occupation for Gentlemen. P. 118—119.
- ⁷⁰² См.: *Fromm E.* Escape from Freedom. New York, 1941. Перевод на русский язык см.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2009.
- ⁷⁰³ *Fromm E.* Afterword // *Orwell G.* Nineteen Eighty-Four. New York, 1976. P. 326.
- ⁷⁰⁴ См.: *Arendt H.* Origins of Totalitarianism. New York, 1951.
- ⁷⁰⁵ См.: The Times. 2009. Aug. 3.
- ⁷⁰⁶ См.: Newsweek. 2009. July 13.
- ⁷⁰⁷ См.: [Электронный ресурс]. URL: https://www.livelib.ru/translations/post/35612-100-knig-kotorye-sformirovali-nash-mir?utm_source=browser&utm_medium=push&utm_campaign=post35612&up=280207476.
- ⁷⁰⁸ См.: *Блюм А. В.* Играем Оруэлла. С. 63.
- ⁷⁰⁹ *Кузнецов С.* 1984: Юбилей неслучившегося года: К десятилетию «года Оруэлла» // Иностранная литература. 1994. № 11. С. 246.
- ⁷¹⁰ *Сокирко В.* Самиздатовские материалы. 1981—1988 гг. Значение для нас книги Дж. Оруэлла «1984» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sokirkoinfo/id eology/sam/s18.htm>.
- ⁷¹¹ *Новодворская В.* Английский документ // Грани.ру. 2008. 10 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://graniru.org/opinion/novodvorskaya/d.219651.html>; <https://www.obozrevatel.com/news/2009/6/12/307372.htm>.
- ⁷¹² Цит. по: *Блюм А. В.* Играем Оруэлла. С. 64—65.
- ⁷¹³ *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 502/
- ⁷¹⁴ George Orwell Archive. Q. BBC Materials. S. Blair. 1963. May 20.
- ⁷¹⁵ См.: *Unger D.* The Emergency State. New York, 2012.
- ⁷¹⁶ Review by Samuel Cooper-Wall // Studies InIntelligence. 2012. № 4. P. 25—26.
- ⁷¹⁷ George Orwell Archive. G/2. G. Orwell. Letter to F. Warburg. 1949. May 16.
- ⁷¹⁸ См.: NYPL. BC. G. Orwell. Letter to L. Moore. 1949. Nov. 4.
- ⁷¹⁹ См.: *Оруэлл Д.* Сочинения. Т. 2. С. 289—296.
- ⁷²⁰ См.: *Shelden M.* Orwell. P. 480.
- ⁷²¹ *Orwell G.* The Complete Works. Vol. 20. London, 1998. P. 147—148.
- ⁷²² George Orwell Archive. D/1/2. A. Morland. Letter to F. Warburg. 1949. May 27.
- ⁷²³ См.: Ibid. D/1/2. Report on Orwell by A. Morland. 1949. May 27.
- ⁷²⁴ См.: Ibid. J/36.
- ⁷²⁵ Ibid. H. Dakin. Interview to I. Angus. 1965. April.
- ⁷²⁶ Ibid. Q. BBC Materials. S. Blair. 1963. May 20.
- ⁷²⁷ *Spender S.* Journals: 1939—1983. London, 1985. P. 109.
- ⁷²⁸ См.: George Orwell Archive. G/2. G. Orwell. Letter to R. Rees. 1949. March 3; *Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 479.

⁷²⁹ СМ.: George Orwell Archive. J/3. Legal Documents. Will, certified copy. 1950. Jan. 18.

⁷³⁰ СМ.: Ibid. J/4. Legal Documents. Death Certificate. St. Pancras. 1950. Jan. 21.

⁷³¹ СМ.: Ibid. D/4. G. Orwell. Notebook.

⁷³² СМ.: *Hayek F. von*. The Road to Serfdom. London, 1944.

⁷³³ СМ.: *Zilliacus K*. The Mirror of the Past. London, 1944.

⁷³⁴ СМ.: The Observer. 1943. Apr. 12.

⁷³⁵ СМ.: *Orwell G*. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 191—194.

⁷³⁶ George Orwell Archive. R. Rees. Letter to I. Angus. 1967. June 10.

⁷³⁷ СМ.: *Lucas S*. Op. cit. P. 106.

⁷³⁸ *Orwell G*. Letter to Celia Kirwan / Ed. by R. Norton-Taylor, S. Milne // Guardian. 1996. July 11.

⁷³⁹ George Orwell Archive. B/86/20.

⁷⁴⁰ СМ.: *Crick B*. George Orwell: A Life. P. 26.

⁷⁴¹ СМ.: George Orwell's son speaks for the first time about his father [Электронный ресурс]. URL: <http://inkbluesky.wordpress.com/2009/03/24/being-orwell's-son-marsh-walk-misty-memories-of-that-old-time-humanism>.

⁷⁴² СМ.: *Bew J*. Citizen Clem: A Biography of Attlee. London, 2016.

⁷⁴³ СМ.: *Lieven A*. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania, and the Path to Independence. New Haven, 1993; *Ostrovsky A*. The Invention of Russia: The Journey of Gorbachev's Freedom to Putin's War. New York, 2014.

⁷⁴⁴ СМ.: *Harris R*. What ever happened to Orwell's missing millions? // The Telegraph. 2002. May 21.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭРИКА БЛЭРА (ДЖОРДЖА ОРУЭЛЛА)

- 1903, 25 июня — в индийском городе Мотихари в семье британского колониального чиновника в Индии Ричарда Блэра и его жены Айды родился второй ребенок — сын Эрик Артур.
- 1904 — с матерью и старшей сестрой Марджори переехал в Англию, в Хенли-он-Темс в графстве Оксфордшир.
- 1907, лето — приезд отца в трехмесячный отпуск.
- 1908, 6 апреля — рождение младшей сестры Эврил.
- 1911, сентябрь — поступил в пригготовительную школу Святого Киприана в графстве Суссекс.
- 1912, январь — отставка и возвращение на родину отца.
- 1914, 2 октября — опубликовал в местной газете первое стихотворение.
- 1916, февраль — сдал экзамены на получение стипендии в привилегированной средней школе.
Декабрь — окончил пригготовительную школу.
- 1917, январь — начал учебу в школе Веллингтон.
Март — получил Королевскую стипендию Итонского колледжа.
Май — поступил в Итон в качестве привилегированного «королевского стипендиата».
- 1921, декабрь — окончил Итонский колледж. Переезд родителей в городок Саутволд в графстве Саффолк.
- 1922, январь—июнь — учился на курсах по подготовке к службе в колониальной полиции.
Октябрь — после сдачи экзаменов назначен помощником суперинтенданта колониальной имперской полиции.
Ноябрь — начал службу в колониальной полиции в Бирме.
- 1927, 14 июля — выехал в отпуск в Англию.
Сентябрь — отправил рапорт об увольнении с полицейской службы. После кратковременного пребывания в доме родителей переселился в Лондон.
Сентябрь—октябрь — предпринимал «экспедиции» в бедные районы Лондона для изучения жизни их обитателей.
Конец ноября — получил уведомление об отставке с полицейской службы с 1 января 1928 года.
- 1928, апрель — совершил вторую вылазку в трущобы.
Май — переехал в Париж.
6 октября — в парижской газете «Монд» опубликовал первую статью — о британской цензуре.
29 декабря — в британском журнале «Джи Кейз уикли» напечатал статью «Газета за фартинг».
- 1929, 7—21 марта — находился в парижской больнице для бедняков Кошен в связи с легочным заболеванием.

- Осень* — работал мойщиком посуды и посыльным в гостиничном ресторане.
- Декабрь* — вернулся к родителям в Саутволд.
- 1930—1931 — установил связь с редакцией журнала «Адельфи» и другими левыми изданиями, стал публиковать в них свои очерки и стихи. Предпринимал новые «экспедиции» в районы бедноты. Работал над книгой о жизни бедняков в Париже и Лондоне.
- 1931, *апрель* — в журнале «Адельфи» опубликовал очерк «Гвоздь».
- Сентябрь* — работал сборщиком хмеля в графстве Кент.
- 1932, *апрель* — начал преподавать в частной школе в Хайесе. Договорился с литературным агентом Леонардом Муром о представлении его интересов в издательствах и журналах.
- 1933, *8 января* — в издательстве В. Голланца выпустил под псевдонимом Джордж Оруэлл первую книгу «Фунты лиха в Париже и Лондоне».
- Начало февраля* — послал литагенту Муру начало романа «Дни в Бирме».
- 30 июня* — опубликовал «Фунты лиха в Париже и Лондоне» в Нью-Йорке.
- Середина декабря* — прекратил преподавательскую работу. Завершил роман «Дни в Бирме».
- 24 декабря* — попал в больницу с тяжелым воспалением легких.
- 1934, *январь—октябрь* — жил в доме родителей в Саутволде, работал над романом «Дочь священника» и публицистическими очерками.
- Октябрь* — опубликовал в США в издательстве «Харпер энд бразерс» первый роман «Дни в Бирме». Переехал в Лондон, начал работать продавцом в книжном магазине «Уголок любителя книги». Начал писать роман «Да здравствует фикус!».
- 1935, *март* — выпустил роман «Дочь священника».
- Июнь* — опубликовал роман «Дни в Бирме» в Великобритании.
- 1936, *январь* — уволился из книжного магазина.
- Январь—март* — по поручению издательства Голланца совершил поездку в Северную Англию для сбора материала о положении и настроениях рабочих и безработных.
- 2 апреля* — вместе со своей возлюбленной Эйлин О'Шонесси переехал в поселок Воллингтон в графстве Хартфордшир.
- 9 июня* — женился на Эйлин.
- Июнь* — в издательстве Голланца опубликовал роман «Да здравствует фикус!».
- Середина декабря* — представил в издательство Голланца рукопись книги «Дорога на Уиган-Пирс». Через Париж отправился в Испанию.
- 26 декабря* — прибыл в Барселону.
- 30 декабря* — поступил в отряд милиции, сформированный

- Объединенной рабочей марксистской партией Испании (ПОУМ).
- 1937, январь* — начал участвовать в военных действиях на Арагонском фронте.
- Февраль* — приезд Эйлин в Барселону.
- 8 марта* — опубликовал «Дорогу на Уиган-Пирс» массовым тиражом в качестве издания Клуба левой книги.
- Начало мая* — участвовал в уличных боях поумовцев с правительственными войсками.
- 10 мая* — вернулся на Арагонский фронт.
- 20 мая* — ранен в горло выстрелом вражеского снайпера.
- Конец мая — первая половина июня* — лечился в госпитале и в санатории ПОУМ.
- 13 июня* — в Валенсии возбуждено судебное дело по обвинению Блэра в троцкизме и подрывной деятельности.
- 20—22 июня* — находился в Барселоне на нелегальном положении в связи с опасностью ареста.
- 23 июня* — вместе с Эйлин пересек испанско-французскую границу.
- Конец июня* — вернулся на родину, начал работу над статьями об испанских событиях.
- Начало июля* — приехал в Воллингтон.
- Середина июля* — начал писать книгу «Памяти Каталонии».
- 1938, январь* — завершил работу над рукописью «Памяти Каталонии».
- Середина марта* — госпитализирован в связи с сильным горловым кровотечением.
- 15 марта — 1 сентября* — лечился в туберкулезном санатории Престон-Холл в графстве Кент. Начал работу над романом «Глотнуть воздуха».
- Апрель* — опубликовал в издательстве Ф. Варбурга книгу «Памяти Каталонии».
- 13 июня* — вступил в Независимую рабочую партию Великобритании.
- Сентябрь* — выехал в Марокко для лечения и отдыха.
- 1939, март* — вернулся в Великобританию, в поселок Воллингтон.
- Середина июня* — опубликовал в издательстве Голландца роман «Глотнуть воздуха».
- 28 июня* — смерть отца.
- Сентябрь* — прекратил членство в Независимой рабочей партии Великобритании в связи с несогласием с ее отношением к начавшейся Второй мировой войне, формально — по причине неуплаты членского взноса.
- 1940, середина мая* — переехал из Воллингтона в Лондон. Вступил в отряд самообороны, получил звание сержанта.
- 25 мая* — начал вести в журнале «Тайм энд тайд» колонку рецензий на театральные постановки и фильмы.
- Осень* — начал работать над памфлетом «Лев и единорог».

- 1941, *февраль* — опубликовал в издательстве Варбурга памфлет «Лев и единорог».
- Март* — опубликовал в сборнике «Предательство левых» статьи с разоблачением союза Сталина с Гитлером в начале Второй мировой войны.
- Май—июнь* — выступал на радио Би-би-си с лекциями по вопросам литературы и ее места в политической жизни.
- Август* — в Имперском департаменте Би-би-си начал руководить передачами, транслировавшимися на британские колонии.
- 21 ноября* — выступил на радио Би-би-си с первым обзором новостей.
- 1942, *8 марта* — опубликовал в газете «Обсервер» первую статью «Настроение момента».
- 11 августа* — первый выход в эфир радиожурнала «Войс».
- 1943, *10 марта* — смерть матери.
- 23 ноября* — ушел с Би-би-си.
- Конец ноября* — начал работу в редакции еженедельника «Трибюн» в качестве литературного редактора.
- 1944, *14 мая* — усыновил новорожденного ребенка, получившего имя Ричард Горацио Блэр.
- Вторая половина мая* — начал писать повесть-притчу «Скотный двор».
- 28 июня* — квартира Блэров пострадала во время германской бомбардировки Лондона.
- Середина июля* — завершил работу над повестью «Скотный двор».
- Октябрь* — после почти четырех месяцев проживания у друзей переехал с женой и сыном в квартиру на площади Кэнонбери.
- 1945, *февраль—май* — работал военным корреспондентом газеты «Обсервер» во Франции, Германии и Австрии.
- 29 марта* — смерть жены во время операции в больнице Ньюкасла.
- Июнь* — начал собирать материал для антитоталитарного романа.
- Июнь—июль* — в качестве журналиста освещал предвыборную кампанию в Великобритании.
- 17 августа* — в издательстве Варбурга опубликовал повесть «Скотный двор».
- Август* — стал вице-президентом Комитета защиты свободы.
- 1946, *апрель* — прекратил штатную работу в еженедельнике «Трибюн».
- 3 мая* — смерть старшей сестры Марджори.
- Май* — арендовал усадьбу Барнхилл на острове Джура.
- Август* — переехал в Барнхилл с сыном и сестрой Эврил. Начал писать роман о тоталитаризме.
- Октябрь* — вернулся в Лондон.

- 1947, 11 апреля — вновь приехал на остров Джура.
Апрель—декабрь — работал над романом, озаглавленным «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре».
- 20 декабря — после тяжелого приступа легочного заболевания помещен в туберкулезный санаторий под Глазго.
- 1948, июль — возвратился на Джуру, продолжил работу над романом о тоталитаризме.
4 декабря — отправил рукопись романа в издательство Варбурга.
- 1949, 6 января — поступил в туберкулезный санаторий в местечке Крэнхем, в графстве Глостершир.
8 июня — опубликовал роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре».
3 сентября — переведен в клинику Университетского колледжа в Лондоне.
13 октября — в клинике женился на Соне Браунелл.
- 1950, 18 января — оформил завещание с передачей авторских прав Соне Блэр.
21 января — скончался в клинике.
26 января — похоронен в поселке Саттон-Кортеней в графстве Оксфордшир на кладбище церкви Всех Святых.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб., 2001.

Безансон А. Извращение добра. М, 2002.

Зверев А. О старшем брате и чреве кита: набросок к портрету Оруэлла // *Оруэлл Д.* «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 5—21.

Карп М. Джордж Оруэлл: Биография. СПб., 2017.

Мосина В. Г. Три главные книги Джорджа Оруэлла. М., 1999.

Недошивин В. М. Критика идеологических концепций современного буржуазного антиутопического романа: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985.

Недошивин В. Свиньи и... звезды: Проза отчаяния и надежды Дж. Оруэлла // *Оруэлл Д.* Сочинения: В 2 т. Пермь, 1992. Т. 2. Эссе, статьи, рецензии. С. 297—315.

Оруэлл Д. Мысли в пути. М., 2009.

Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.

Оруэлл Д. Сочинения: В 2 т. Пермь, 1992.

Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Исторический контекст «Скотского хутора» Дж. Оруэлла в его переписке // Вопросы истории. 2013. № 12.

Чаликова В., Лисюткина Л. Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба: Научно-аналитический обзор. М., 1986.

Чаликова В. А. Утопия и свобода. М., 1994.

Atkins J. George Orwell. London, 1954.

Bowker G. George Orwell. London, 2003.

Brander L. George Orwell. London, 1954.

Buddicom J. Eric and Us: A Remembrance of George Orwell. London, 1974.

Calder J. Chronicles of Conscience. London, 1968.

Calder J. Huxly and Orwell: Brave New World and Nineteen Eighty-Four. London, 1970.

The Cambridge Companion to George Orwell // Ed. by J. Rodden. Cambridge, 2007.

Caute D. Politics and the Novel during the Cold War. Piscotway, 2010.

Coutts S. J. George Orwell in Wallington. Wallington Church Preservation Trust, 2010.

Crick B. George Orwell: A Life. London, 1980.

Critical Essays on George Orwell / Ed. by B. Oldsay and J. Browne. Boston, 1986.

Edelheit S. Dark Prophecies. New York, 1979.

Fen E. George Orwell's First Wife // Twentieth Century. 1960. Aug.

George Orwell: Into the Twenty-First Century / Ed. by T. Cushman, J. Rodden. Boulder, 2004.

- George Orwell: Nineteen Eighty-Four / Ed. by B. Crick. Oxford, 1984.
- Fenwick G.* George Orwell: A Bibliography. Winchester, 1998.
- Fyvel T. R.* George Orwell: A Personal Memoir. London, 1982.
- George Orwell: Letters and Documents to be Found in Libraries and Archives in the United Kingdom / Ed. by P. Davison. London, 2004.
- Hollis Ch.* A Study of George Orwell: A Man and His Works. London, 1956.
- Hopkins J. K.* Into the Heart of the Fire: The British in the Spanish Civil War. Stanford, 1998.
- Howe I.* Orwell's Nineteen Eighty-Four: Text, Sources, Criticism. New York, 1963.
- Ingle S.* George Orwell: A Political Life. Manchester, 1993.
- Inside the Myth: Orwell, Views from the Left / Ed. by Ch. Norris. London, 1984.
- Larkin E.* Finding George Orwell in Burma. New York, 2005.
- Lewis P.* George Orwell: The Road to 1984. New York, 1981.
- The Lost Orwell / Ed. by P. Davison. London, 2006.
- Lucas S.* Orwell. London, 2003.
- Meyers J.* A Reader's Guide to George Orwell. London, 1975.
- Meyers J., Meyers V.* George Orwell: An Annotated Bibliography of Criticism. New York, 1977.
- Meyers J.* George Orwell: The Critical Heritage. London, 1997.
- Nineteen Eighty Four in 1984 / Ed. by A. Crispin, P. Chilton. London, 1983.
- On Nineteen Eighty Four: Orwell and Our Future / Ed. by A. Gleason, J. Goldsmith, M. Nussbaum. Princeton, 2005.
- Orwell G.* The Collected Essays, Journalism and Letters: In 4 vol. / Ed. by S. Orwell, I. Angus. New York, 1968..
- Orwell G.* The Complete Works: In 20 vol. / Ed. by P. Davison. London, 1986—1998.
- Orwell G.* Diaries / Ed. by P. Davison. London, 2009.
- Orwell in Spain / Ed. by P. Davison. London, 2001.
- Orwell G.* A Life in Letters / Ed. by P. Davison. London, 2013.
- Orwell G.* The Lost Writings. New York, 1985.
- Orwell and Dispossessed / Ed. by P. Davison. London, 2001.
- Orwell's England / Ed. by P. Davison. London, 2001.
- Orwell Remembered / Ed. by A. Coppard, B. Crick. London, 1984.
- Orwell, the War Commentaries / Ed. by W. West. New York, 1985.
- Rees R.* George Orwell: Fugitive from the Camp of Vicinity. London, 1961.
- Remembering Orwell / Ed. by S. Wadhams. Markham, 1984.
- Rodden J.* George Orwell: The Politics of Literary Reputation. London, 1989.
- Sandison A.* The Last Man in Europe: An Essay on George Orwell. New York, 1974.

Shelden M. Friends of Promise: Cyril Connolly and the World of Horizon. New York, 1989.

Shelden M. Orwell: An Authorized Biography. London, 1991.

Slater I. Orwell: The Road to Airstrip One. Montreal, 1985.

Steinhoff W. George Orwell and the Origin of 1984. Ann Arbor, 1975.

Stansky P., Abrahams W. Orwell: The Transformation. London, 1979.

Stansky P., Abrahams W. The Unknown Orwell. London, 1972.

The Story Behind George Orwell's *Animal Farm*. London, 2007.

Taylor D. J. George Orwell: The Life. New York, 2003.

Thomas E. Orwell. Edinburgh, 1965.

Warburg F. All Authors are Equal. 1936—1971. London, 1973.

Warburg F. An Occupation for Gentlemen. London, 1959.

Williams R. Orwell. Glasgow, 1971.

The World of George Orwell / Ed. by M. Gross. New York, 1971.

The World of George Orwell / Ed. by M. Gross. London, 1971.

Young J. W. Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава первая. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ЭРИКА АРТУРА БЛЭРА</i>	16
Семья и ранние годы	16
Школа Святого Киприана	26
Итон	39
<i>Глава вторая. КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ</i> ...	58
Начало службы	58
Скитания по Бирме	62
<i>Глава третья. ВОЗВРАЩЕНИЕ</i>	75
Дорога домой	75
На дне	82
Что такое социализм?	86
<i>Глава четвертая. ПЕРЕЕЗД ВО ФРАНЦИЮ</i>	89
Париж	89
Дебют в профессиональной публицистике	92
Не везет так не везет... ..	97
<i>Глава пятая. НАЗАД В АНГЛИЮ</i>	101
Сотрудничество в журнале «Адельфи»	101
Блэр становится Оруэллом	109
Первые отзывы и выход на американский рынок.	117
<i>Глава шестая. ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА И ПИСАТЕЛЬСКИЕ БУДНИ</i>	120
Учительство	120
Роман «Дни в Бирме»	124
«Как я стрелял в слона» и другие очерки	136
Роман «Дочь священника»	141
Лондонский книжный магазин	147
Художественные размышления вокруг фикуса	154
<i>Глава седьмая. ЭЙЛИН И ПОЕЗДКА В РАБОЧИЕ РАЙОНЫ</i>	162
Знакомство	162
Женитьба	168
Командировка на север Англии	170
<i>Глава восьмая. ОБ УИГАН-ПИРСЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ</i>	174
О нищете и отчаянии	174
Странный социализм	176
Дискуссии об оруэлловской социальной модели	185

<i>Глава девятая. ИСПАНИЯ</i>	191
Путь в Барселону	191
Милиция ПОУМ	198
Барселона, май 1937-го	207
Возвращение на фронт и ранение	213
Уроки испанских событий	220
Трудный путь на родину	224
В защиту правды об Испании	227
«Памяти Каталонии»	231
<i>Глава десятая. ПАЦИФИСТ СТАНОВИТСЯ</i>	
ПАТРИОТОМ	243
Подходы к критике тоталитаризма	243
«Глотнуть воздуха»	247
Диккенс	252
Анализ текущих событий	258
Издание романа и смерть отца	260
Антивоенная позиция	262
Война и ненаписанная сага	264
«Лев и единорог»	270
Как внести личный вклад?	278
Военная антитоталитаристская журналистика	282
С «Партизан реву» и Голландцем против диктаторских режимов	292
Работа на Би-би-си	297
«Обсервер» и «Трибюн»	307
<i>Глава одиннадцатая. ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ</i>	315
Военные и семейные заботы	315
Притча обретает форму и содержание	319
«Скотный двор» пробивается в мир	329
«Колгосп тварин»	334
Всемирная известность	338
Англичане, и Оруэлл — один из них	345
Военный корреспондент	350
Кончина Эйлин	351
Вновь на континенте	354
Вершина публицистики	357
В послевоенных демократических организациях	367
Письмо в «Форвард»	374
Топливный кризис	376
Отшельничество на Джуре	377
Соня Браунелл	380
<i>Глава двенадцатая. ПОСЛЕДНИЙ РОМАН</i>	384
Замысел	384
Болезнь и творчество	387
Кто такой Ганди?	391

Джеймс Бёрнхем	392
Основные идеи романа	394
Историческая перспектива	406
Уход в вечность	412
«Черный список» Оруэлла	419
Послесловие	424
Примечания	428
Основные даты жизни и творчества Эрика Блэра (Джорджа Оруэлла)	452
Библиография	457

Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.

Ф 39 Оруэлл / Юрий Фельштинский, Георгий Чернявский. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 462[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1773).

ISBN 978-5-235-04244-5

Далеко не все, произносящие афоризм «все равны, но некоторые равнее», знают, что цитируют Джорджа Оруэлла. Его собственная жизнь могла бы послужить основой для романа. Он родился в Индии, служил в колониальной полиции в Бирме, скитался по трущобам Парижа, сражался против франкистов в Испании и при этом оставался истинным англичанином. Известный прежде всего как автор притчи «Скотный двор» и романа-утопии «1984», он работал редактором и ведущим радиопрограмм Би-би-си, анализировал в печати творчество не только современников, но и своих великих предшественников Шекспира, Свифта, Диккенса и Льва Толстого.

Как в его мировоззрении уживались консерватизм и левые идеи? Почему местом действия романа о тоталитаризме он выбрал родную Англию? Почему, считая себя социалистом, подвергал жесточайшей критике британских лейбористов, ненавидел сталинский режим и представил британским властям «черный список» неблагонадежных деятелей культуры? На эти вопросы отвечают авторы биографии Джорджа Оруэлла, названного его коллегой и земляком Виктором Притчеттом самым оригинальным из современников.

УДК 821.111.0(092)

ББК 83.3(4Вел)

знак информационной
продукции **16+**

**Фельштинский Юрий Георгиевич,
Чернявский Георгий Иосифович**
ОРУЭЛЛ

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **И. И. Сулов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Л. С. Барышникова**

Сдано в набор 12.11.2018. Подписано в печать 28.11.2018. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 24,36+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1902870.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушëвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04244-5

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-04244-5

9 785235 042445 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я